

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

16–17 НОЯБРЯ 2020 г.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЕКАТЕРИНБУРГ 2020

ББК 63.3 (2Р36)я43

УДК 947(470)

У68

У68 Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. ; в 2 т. Т. 1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: ООО Изд-во УМЦ УПИ, 2020. – 689 с.

ISBN 978-5-8295-0731-2 (т.1)

ISBN 978-5-8295-0730-5

В сборник материалов вошли доклады и выступления участников конференции, посвященные различным проблемам истории и современности Уральского региона, месту края на карте России, перспективам его развития.

Книга адресована историкам, философам, экономистам, преподавателям высших и средних учебных заведений, всем, кому не безразлично прошлое, настоящее и будущее Уральского региона и России.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Запарий В.В. – д-р ист. наук, профессор

Камынин В.Д. – д-р ист. наук, профессор

Корнилов Г.Е. – д-р ист. наук, профессор

Мотревич В.П. – д-р ист. наук, профессор

Побережников И.В. – д-р ист. наук, профессор

Соколов С.В. – канд. ист. наук

Сперанский А.В. – д-р ист. наук, профессор

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-09-22017.

ISBN 978-5-8295-0731-2 (т.1)

ISBN 978-5-8295-0730-5

ББК 63.3 (2Р36)я43

УДК 947(470)

© Авторы, 2020

© ФГАОУ ВПО Федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2020

© ФГАОУ ВПО Институт истории
и археологии УрО РАН, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло почти четверть века с тех дней, когда создавалась эта конференция. Перед вами материалы 14 Всероссийской конференции Урал индустриальный – Бакунинские чтения.

Тогда, в 1996 г., не было возможности участвовать в конференциях, ездить по стране и за границу, что стало обыденностью в наше время. Вот именно тогда у нас с Борисом Васильевичем Личманом и появилась мысль создать свою конференцию, местную. Так и сформировалась идея в стенах Уральского политехнического института начать проводить историческую конференцию. Тогда же и было придумано название – Урал индустриальный. Мы были учениками Александра Васильевича Бакунина, который был настоящим индустриальщиком, и у нас Урал ассоциировался именно с этим. Урал индустриальный – опорный край державы. Так и родилась эта конференция, которая была проведена на следующий 1996 г.

По итогам конференции был издан тоненький сборник тезисов. Но лиха беда начало. На следующий год мы уже подошли к конференции серьезно. Пригласили выступить с пленарным докладом самого

А.В.Бакунина, который сделал доклад о развитии «ураловедения», т.е. исторической науки об Урале. К сожалению, термин не прижился.

Сразу мы начали сотрудничать с Институтом истории и археологии УрО РАН, другими вузами региона, музеями, краеведами, студентами и школьниками. Конференция провозгласила очень демократические принципы участия. В ней могут участвовать все: от академика до школьника, скорее наоборот.

Вскоре конференция стала традиционной. Ее проводили попеременно ученые академического института и Уральского политеха. За это время она стала достаточно представительной. Обзавелась своими традициями и историей. Кстати, она получила и свое второе название – Бакунинские чтения.

К сожалению, накануне своего 75-летия скоропостижно скончался наш учитель, профессор А.В.Бакунин. Именно в его честь и была она так названа. Это предложение активно поддержала историческая общественность региона. Действительно, Бакунин дал научную жизнь очень многим ученым.

Конечно, жизнь не стоит на месте. Стремительно развивается и историческая наука. Наряду с традиционными направлениями социально-экономического развития региона «на полях» конференции представлены и вопросы, ставшие актуальными в последние десятилетия. Это «живая история», индустриальное наследие, активно пред-

ставлены проблемы роли личности в историческом процессе, вопросы культуры, социологические и философские аспекты. Постоянным разделом конференции стали история науки и техники.

К сожалению, в условиях пандемии мы лишилась ряда своих коллег. Безвременно ушли из жизни основатель конференции Борис Васильевич Личман. Человек, чью роль нам еще предстоит осознать. Он ушел в процессе осуществления ряда новых проектов, в частности создания и продвижения теоретико-методологического журнала «История и современное мировоззрение». Мы потеряли крупного историка и специалиста по Уралу, хорошего человека, много сделавшего для развития и процветания конференции, Евгения Юрьевича Рукосуева, который активно участвовал в создании заявки для данной конференции. Он успел подготовить свою статью для данной конференции, которая стала его последней публикацией.

Как всегда, на страницах материалов широко отображена география России: наряду с учеными из Екатеринбурга, представлены такие города, как Нижний Тагил, Верхняя Пышма, Верхняя Салда, Лесной, Нижняя Тура, другие города региона: Челябинск, Тюмень, Оренбург, Златоуст, Магнитогорск; крупные научные центры России: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Севастополь, Саранск, Барнаул, Рязань, Петрозаводск, Ноябрьск, Северодвинск, Хабаровск; города Армении: Ереван; Казахстана: Костанай, Нур-Султан; Таджикистана: Куляб.

Представлены ученые академических институтов, вузов региона, работники музеев и архивов, свободные исследователи. Представлены доктора и кандидаты наук, магистры. Всего опубликованы материалы более 171 автора, среди которых 54 доктора наук и 64 кандидата наук, доцента. Наряду с уже сложившимися учеными, широко представлены и молодые кадры – это 3 аспиранта, 23 магистранта и студента.

В этом году конференция посвящена большому общероссийскому празднику – 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и столетию Уральского федерального университета. Эти темы рассматриваются в докладах и материалах конференции,

И конечно, эта конференция не смогла бы состояться, если бы не поддержка руководства УрФУ и ИИиА УрО РАН, широкой научной общественности и предоставление гранта РФФИ для ее проведения.

Председатель Организационного комитета конференции
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ

В.В.Запарий

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е. Т. Артемов¹
Екатеринбург

АТОМНЫЙ ПРОЕКТ В СИСТЕМЕ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ²

В статье анализируется, как использованные в атомном проекте принципы и подходы в организации работы согласовывались с системой народнохозяйственного планирования. Отмечается, что его реализация стала ответом на геополитические и военно-стратегические вызовы, с которыми страна столкнулась после окончания Второй мировой войны. Высшим руководством был сделан вывод, что только ускоренное создание ядерного оружия и оснащение им вооруженных сил может обеспечить Советскому Союзу безопасное существование. И эта задача стала главным приоритетом экономической политики. Пути и способы ее решения определялись ситуативно принимаемыми постановлениями «партии правительства». Под них подстраивались при составлении (корректировке) и перспективных, и текущих народнохозяйственных планов. Такой порядок оказывал дезорганизующее воздействие на экономику. Но иного пути обеспечения атомного проекта необходимыми ресурсами просто не существовало.

Ключевые слова: командная экономика, народнохозяйственное планирование, атомный проект, ядерно-оружейный комплекс.

E. T. Artemov
Yekaterinburg

NUCLEAR PROJECT IN THE NATIONAL ECONOMIC PLANNING SYSTEM

The article analyzes how the principles and approaches in the organization of work used in the atomic project were consistent with the system of national economic planning. It is noted that its implementation was a response to the geopolitical and military-strategic challenges that the country faced after the end of the Second World War. The top management concluded that only the accelerated development of nuclear weapons and equipping the Armed Forces with them can ensure a safe existence for the Soviet Union. And this task has become the main priority of economic policy. The ways and means of its solution were determined by the ad hoc decisions of the “government party”. They were adjusted to them when drawing up (adjusting) both long-term and current national economic plans. This arrangement had a disruptive effect on the economy. But there was simply no other way to provide the atomic project with the necessary resources.

Keywords: command economy, national economic planning, atomic project, nuclear weapons complex.

В советское эпоху народнохозяйственное планирование называлось основным инструментом управления экономикой. В теории утверждалось, что с его помощью осуществляется вся организация

¹ *Артемов Евгений Тимофеевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Россия. E-mail: iia-history@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00061.

историографических и конкретно-исторических аспектов истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы их цивилизационного своеобразия, общей динамики, подпроцессов; результаты этих исследований становились предметом историографического анализа³. В данной публикации мы хотим остановиться на разработке темы фронтальной модернизации.

Концепция фронтальной модернизации впервые была сформулирована автором данной статьи в 2010 г. на основе изучения уральского материала XVIII—XIX вв.⁴ Было показано, что Урал, продолжительно интегрировавшийся в состав России в XV—XVIII вв., может рассматриваться как региональный пример фронтальной модернизации в XVIII—XIX вв. При этом в качестве особенностей развития региона в изучаемый период были выделены большая подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента. Автор пришел к выводу, что включение еще недостаточно освоенных территорий регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношении, причудливому переплетению традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Впоследствии рамки применения концепции фронтальной модернизации были расширены для анализа развития в восточных (в первую очередь Сибирь) и вообще в периферийных регионах России имперского периода⁵. Была обоснована применимость концепции и для характеристики страновой модели российской модернизации; фрон-

³ Например, см.: *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 153–165; *Побережников И.В.* Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // *Уральский исторический вестник.* 2020. № 1 (66). С. 140–148.

⁴ *Побережников И. В.* Урал в XVIII—XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // *Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ.* Екатеринбург, 2010. С. 308–310.

⁵ *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // *Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2011. № 4 (96). С. 191–203; *Он же.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // *Цивилизации.* Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2015. С. 179–200; *Он же.* Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // *Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан.* Оренбург, 2018. С. 173–178; *Он же.* Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник.* 2018. № 4 (61). С. 72–80.

общественного производства, распределение и обмен материальными благами. Ключевая роль в этом процессе отводилась высшим органам партийно-государственной власти. Считалось, что съезды партии и сессии Верховного Совета СССР утверждают стратегию социально-экономического развития. Она учитывает, как «объективные» потребности, так и возможности страны. Ее положения конкретизируются в перспективных и оперативных народнохозяйственных планах. Их задания разрабатываются на строго «научной основе» и неукоснительно исполняются всеми министерствами и ведомствами, предприятиями и организациями².

На самом деле это была идеальная схема управления советской экономикой. В историографии уже довольно давно сформировалось мнение о ее условности. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, считают, что пятилетки в большей мере выполняли пропагандистскую функцию, являлись «экономической мечтой» (“vision of growth”), призванной мобилизовать «массы» на «трудовые подвиги». Они основывались на нереальных допущениях и были плохо сбалансированы. В результате темпы и пропорции развития производства, объемы выпуска продукции и т.д. существенно расходились с запланированными заданиями. Оперативные же (годовые) планы являлись лишь одним из элементов текущего управления. Их принимали в ходе сложной процедуры согласования интересов различных фракций в партийно-правительственной «верхушке». И они постоянно корректировались в «связи со вновь открывшимися обстоятельствами», что на деле означало подгонку плановых показателей под фактически складывающуюся ситуацию. Поэтому советскую экономику следует называть «централизованно управляемой», «командной», а не «централизованно планируемой»³.

Такой вывод подтверждается многочисленными фактами. Да и советские руководители никогда не абсолютизировали плановость «социалистического производства». По словам главного конструктора советской экономической системы И. В. Сталина, она задавала лишь самые общие ориентиры. Еще на заре «социалистической индустриализации» он утверждал: «Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления плана, после проверки на местах,

² *Ефимов А.Н.* Планирование народного хозяйства в СССР. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 243–248.

³ *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina, 1980. P. 501–505; *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 154–163.

в ходе осуществления, исправления и уточнения плана». Подобные суждения Сталин высказывал неоднократно⁴. Его соратники и премники придерживались аналогичных взглядов. С «высоких трибун» они заявляли: «план — закон; выполнение его заданий — долг». Но на практике все позднесоветские руководители придерживались «мягкого» варианта народнохозяйственного планирования. Такой подход, с одной стороны, придавал управлению необходимую гибкость, а с другой — переносил центр его тяжести в плоскость ситуативного принятия решений.

Так были запущены практически все масштабные экономические проекты послевоенного времени. Достаточно назвать создание ядерно-оружейного комплекса и ракетно-космической отрасли, освоение целинных и залежных земель, перевод железнодорожного транспорта на электрическую и тепловозную тягу, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и территориально-производственных сочетаний Ангаро-Енисейского региона, строительство Байкало-Амурской магистрали, развитие аграрно-промышленного комплекса Нечернозёмной зоны РСФСР и т.д. Эти «шаги» советской экономики заранее не предусматривались в пятилетних планах. Они являлись ответом на ситуативно возникавшие проблемы. Пути их решения определились отдельными постановлениями «партии и правительства» по, казалось бы, частным вопросам. Но затем под них подстраивались при составлении («корректировке») и перспективных, и текущих планов. Одновременно устанавливался особый порядок организации работы. И чем жестче были использовавшиеся административные методы достижения декларируемых целей, тем больше полученные результаты соответствовали первоначальному замыслу.

Сказанное хорошо иллюстрирует опыт реализации атомного проекта. Он был запущен в сентябре 1942 г. Однако на начальном этапе работа велась в ограниченном масштабе. Ситуация изменилась только после окончания войны. Причина заключалась в нарастании конфронтации между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Принципиальное отличие их представлений о должном мировом порядке и «правильном» устройстве общества привело к развязыванию «холодной войны». Огромным преимуществом в нараставшем противостоянии располагали Соединенные Штаты Америки. Их неоспоримое превосходство в экономической мощи дополняла моно-

⁴ *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сочинения. Т. 12. 1930. М.: Госполитиздат, 1949. С. 347; *Мальшев В. А.* Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 134.

полю на ядерное оружие. В случае прямого военного столкновения это могло обернуться для СССР настоящей катастрофой. Отсюда был сделан вывод: только обладание ядерным оружием может обеспечить безопасность его существования. Советское руководство хорошо понимало, что для достижения желаемой цели необходимо напрячь все силы. И Сталин санкционировал тотальную мобилизацию ресурсов страны «независимо от степени обеспечения ... других нужд народного хозяйства»⁵. А чтобы этот замысел реализовать на практике, была проведена специальная «настройка» институтов командной экономики. В лице Спецкомитета при СМ СССР и подведомственных ему структур создали управленческую вертикаль, получившую право давать указания (в пределах своей компетенции) любым органам партийно-государственной власти.

Ей делегировали полномочия в обход всех утвержденных народно-хозяйственных планов беспрепятственно перераспределять ресурсы страны в интересах решения «задачи № 1», как даже в официальных документах стали называть атомный проект. Его заявки на материальные ресурсы автоматически включались в общесоюзные балансы распределения металлов, топлива, электроэнергии, оборудования, химикатов, строительных материалов и т. д. Заказы «смежникам» — поставщикам сырья, материалов, комплектующих и т. д. — оформлялись в виде особых нарядов. Те, кому они адресовались, прекрасно знали об огромной ответственности (вплоть до уголовной) в случае невыполнения заданий. Так была снята проблема дефицита, считающаяся «ахиллесовой пятой» «социалистической системы хозяйствования». Строительство атомных объектов разрешалось начинать без утвержденных проектов и смет и вести «по единичным расценкам». Финансирование капитальных работ и оперативных расходов осуществлялось из госбюджета по статье «Специальные расходы». Объем затрат на эти цели устанавливался «по фактической потребности». Для непосредственных исполнителей в Госбанке СССР была открыта специальная кредитная линия, позволяющая им беспрепятственно пополнять оборотные средства. Затем выданные кредиты погашались за счёт госбюджета. Генеральным подрядчиком при строительстве атомных объектов выступал Главпромстрой МВД, располагавший неограниченными возможностями для привлечения подневольной рабочей силы (репатриантов, военнопленных, заключенных, солдат военно-строительных частей). Кадровая проблема основного произ-

⁵ Атомный проект СССР. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2000. С. 207, 208.

водства решалась путем массовых мобилизаций «лучших работников», отбираемых по всей стране⁶.

Вначале работы по атомному проекту направлялись отдельным решением Спецкомитета. Затем, начиная с 1947 г., их перевели на «плановые рельсы». Но это практически ничего не изменило. Утверждаемые Спецкомитетом годовые и квартальные планы, по сути, являлись внутренними декларациями о намерениях. Они ни с кем не согласовывались и могли пересматриваться в любой момент. Наиболее детально прописывалась инвестиционная программа, включавшая общий объем затрат на капитальное строительство и их распределение по объектам. Непосредственным исполнителем устанавливались объемы выпуска конечной и промежуточной продукции в стоимостном и натуральном выражении. Одновременно составлялись планы научно-исследовательских, проектных и опытно-конструкторских работ, имевших критически важное значение для выполнения производственной программы. Возражения министерств, ведомств, предприятий и организаций, что подключение к работам по атомному проекту сорвет выполнение уже утвержденных им планов, в расчёт не принимались. И их руководители, «невзирая» на лица, несли персональную ответственность в случае каких-либо допущенных «неувязок»⁷.

Так, в частности, произошло с организаторами разведки урановых месторождений. В середине 1940-х гг. их поиск развернулся в различных районах страны, чтобы по мере накопления данных сосредоточить усилия на наиболее перспективных территориях. Однако реализовать должным образом эту стратегию, утверждённую Спецкомитетом, не удалось. Министерство геологии, ссылаясь на «объективные причины», затянуло стадию предварительной разведки в ущерб детальной, совмещённой с подготовкой к освоению открытых проявлений урана. Это привело к срыву задания по увеличению промышленных запасов урана. В результате министра геологии и его первого заместителя обвинили в «политических и организационных ошибках» и освободили от занимаемых постов. Ряд других руководящих работников и ведущих специалистов отрасли, которые якобы «злонамеренно... направляли геологические разведки по ложному пути», отдали под суд.⁸

Безусловный приоритет заданий атомного проекта и жесткий спрос за их невыполнение вызывали определённую напряжённость в

⁶ *Артемов Е. Т.* Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2019. № 7. С. 158.

⁷ *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 130–132.

⁸ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 4. С. 283–285, 313–320.

«руководящих кругах». Но в жестко централизованной системе власти протестные настроения легко блокировались. Так что руководство атомным проектом де-факто осуществлялось «в ручном режиме». Это позволяло оперативно осуществлять маневр ресурсами без всяких ограничений. Сказанное, однако, не означает, что на затраты вовсе не обращали внимания. В директивный орган атомного проекта — Спецкомитет — в разное время входили люди, отвечавшие за общее состояние дел в стране: Л. Берия, Г. Маленков, Н. Вознесенский, Н. Булганин. Они не могли не учитывать иные нужды и объективные возможности экономики. Отсюда — известная сдержанность Спецкомитета в борьбе за ресурсы. Его председателя — Л. П. Берия — после «разоблачения» даже обвинили во «вредительской» экономии средств.⁹

После испытания первой советской ядерной бомбы приняли решение о расширении горизонта планирования. Уже в октябре 1949 г. И. В. Сталин, по представлению Спецкомитета, утвердил постановление Совета Министров СССР «О развитии атомной промышленности в 1950–1954 гг.».¹⁰ По существу, это был план выпуска «изделий». Его целевая установка заключалась в изготовлении максимально возможного количества ядерных боезарядов. Определялись и конкретные цифры — «153 готовых изделия». Другие показатели «атомной пятилетки» фиксировали объемы производства промежуточной продукции: добычи и обогащения урановой руды, выплавки металлического урана, наработки «ядерной взрывчатки» (плутония и урана-235) и т. д. Затем определялся «ориентировочный» размер капитальных вложений, требующийся для выхода на эти показатели. Объем финансирования текущей деятельности предприятий и организаций атомной отрасли вообще не рассчитывался. Не устанавливались и задания «смежникам» на поставку материалов, приборов, оборудования, комплекующих, электроэнергии. Запросы атомного проекта они были обязаны удовлетворять по мере их поступления. В одних случаях им для этого выделялись дополнительные ресурсы, в других предписывалось использовать «внутренние резервы».

«Контрольные цифры» «атомной пятилетки» не проходили «увязки» с общегосударственными народнохозяйственными планами. И о них, кроме членов Спецкомитета, был «осведомлен» только И. В. Сталин. Это являлось наглядным свидетельством особого по-

⁹ Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. С. 326, 327.

¹⁰ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 4. С. 340–353.

рядка организации работы в атомном проекте. Пятилетние (как, впрочем, и годовые) планы производства других видов вооружения и военной техники разрабатывались и оформлялись иначе. Они являлись специальной частью общегосударственных народнохозяйственных планов и согласовывались с их показателями. В атомном проекте подобной процедуры не проводилось. Считалось, что он должен получать все «по потребности» независимо от нужд других отраслей производства и экономики в целом. И это являлось залогом успешной реализации атомного проекта. Если говорить об «атомной пятилетке», то она была выполнена в полном объеме. В 1954 г. Советский Союз обладал уже, как и намечалось, 150 ядерными боезарядами.¹¹ Такое совпадение планов и результатов в практике «планового управления» производством являлось редким исключением. Но на атомный проект работала вся страна, так что даже невозможное становилось возможным.

Экстраординарный характер атомного проекта особо проявился при подготовке Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг., конкретизирующего новую программу ВКП(б), подготовкой которой тогда «озаботилось» партийное руководство. Эту работу решением Политбюро ЦК ВКП(б) возложили на специальную комиссию во главе с председателем Госплана СССР Н. А. Вознесенским. Всем министерствам она дала указание подготовить проектировки о развитии подведомственных отраслей на 20-летний период. Такое поручение получило и Первое главное управление при Совете Министров СССР — исполнительный орган атомного проекта. Однако его руководство не сочло нужным участвовать в деле с сильной политико-идеологической подоплекой и не имеющем непосредственного практического значения. Поэтому оно опротестовало поручение комиссии. Свою позицию Б. Л. Ванников (начальник ПГУ) и И. В. Курчатов аргументировали отсутствием «достаточной ясности перспектив». Другая названная причина выглядела вообще издевательски: «Разработка плана на 20 лет связана с отрывом академика Курчатова и других нужных людей в ущерб задачам, которые предстоит решить в ближайшие месяцы». В конечном счете все закончилось указанием главного администратора атомного проекта Л. П. Берии: 20-летний план специальных работ «не создавать... вопрос с т. Вознесенским согласован».¹²

¹¹ Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение. Вооружение России: в 2 т. М.: ИД Оружие и технологии, 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 199.

¹² Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2006. С. 712–716.

И в этом проявилось все отношение руководства атомного проекта к долгосрочному народнохозяйственному планированию.

Но как бы там ни было, Советскому Союзу, несмотря на огромные потери в недавно закончившейся войне, удалось в считанные годы создать мощный научно-производственный комплекс, способный серийно выпускать ядерные боезаряды и сформирована инфраструктура, обеспечивающая их поддержание в высокой степени боевой готовности. В 1959 г. число «изделий» в советском арсенале уже превысило тысячу единиц. Конечно, к тому времени Соединенные Штаты располагали в несколько раз большими боевыми ядерными возможностями. Тем не менее задачу создания оборонного потенциала, достойного статуса «сверхдержавы», Советский Союз решил. И это был главный результат реализации атомного проекта. Такого успеха во многом удалось добиться благодаря отступлению от стандартных подходов в планировании и организации работы. Было, однако, очевидно, что неограниченная мобилизация ресурсов для решения конкретной задачи оказывает дезорганизующее воздействие на другие секторы экономики. Но в случае атомного проекта это не имело особого значения. В глазах высшего руководства страны обладание ядерным оружием давало такие геополитические и военно-стратегические выгоды, которые перевешивали все возможные издержки.

Библиография

1. *Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
2. *Артемов Е. Т.* Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2019. № 7. С. 156-172.
3. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.
4. *Ефимов А. Н.* Планирование народного хозяйства в СССР. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 243-248.
5. *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000.
6. *Мальшев В. А.* Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 131-134.
7. *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сочинения. Т. 12. 1930. М.: Госполитиздат, 1949. С. 235-378.
8. *Харитон Ю. Б., Бриш А. А.* Ядерное вооружение. Вооружение России: в 2 т. М.: ИД Оружие и технологии, 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 162-203.
9. *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina, 1980.

В.С. Балакин¹, П.А. Комлев²
Челябинск

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВУЗОВ В СССР (1975-1985 гг.): ИНЕРЦИЯ ИЛИ НОВАЦИИ?

В статье рассматривается важная проблема организационной составляющей в функционировании вузов. Наряду с ролью социального фактора в деятельности вузов, управленческие модели привлекают все большее внимание исследователей. Однако историки очень мало изучают эту проблему, в то время как за рубежом активно разрабатываются по крайней мере 3 модели «управления» в университетах. Советский опыт также представляет теоретический и практический интерес для дальнейшего реформирования системы высшего образования.

Ключевые слова: советские вузы, организационная модель 1975-1985 гг., организационные теории, организационный подход в изучении вузов.

V.S. Balakin, P.A. Komlev
Chelyabinsk

ORGANIZATIONAL MODEL OF UNIVERSITIES IN THE USSR (1975-1985): INERTIA OR INNOVATION?

The article discusses an important problem of the organizational component in the functioning of universities. Along with the role of the social factor in the activities of universities, management models are attracting more and more attention of researchers. However, historians have studied this problem very little. While abroad, at least 3 models of “management” in universities are being actively developed. The Soviet experience is also of theoretical and practical interest for further reforming the higher education system.

Keywords: Soviet universities, organizational model 1975-1985, organizational theories, organizational approach to studying universities.

Интерес к этой проблеме помогает поставить вопрос о том, действительно ли внешние факторы являлись в 1975-1985 гг. доминирующими в функционировании вузов? На наш взгляд, для изучения организационной модели, существовавшей в СССР, важен подход к вузам как институциональному объекту. Вузы представляют собой организации, состоявшие из элементов – факультетов, кафедр, лабораторий, управленческих структур. В западной традиции при исследовании университетов в рамках организационной теории утвердилось несколько моделей. Все они рассматривают университеты как сложные организации. Еще в середине 1970-х гг. Дж. Боллдридж опреде-

¹ *Балакин Виктор Сергеевич* – доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск. Россия. E-mail: 2679101@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 04-06-96014.

² *Комлев Павел Андреевич* – преподаватель, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск. Россия. E-mail: beverlyman@mail.ru

лил их как «бюрократическую», «коллегиальную» и «политическую». Эти дефиниции не всегда точны, но они объясняют различия всех моделей организации управления университетом.

Советская модель организации высших учебных заведений была бюрократической. Советские вузы имели формальную иерархию с различными подразделениями, в них признавалась компетентность как условие назначения на должность, существовал фиксированный оклад, исключительность карьеры для ученых, концентрирование образа жизни преподавателей вокруг организации. В этом смысле профессора и преподаватели являлись такими же бюрократически чиновниками, как деканы, проректоры и ректоры. Все каналы коммуникации были формальными, поддерживались партийными и административными структурами. Позволяла ли эта бюрократическая система эффективно справляться с решением задач, поставленных перед вузами партийно-государственным руководством?

Организационный потенциал можно разделить на способы организации труда, техническое обеспечение учебного процесса, материальные ресурсы. Применительно к высшей школе организационный потенциал предусматривает совершенствование структуры вуза и развитие материально-технической базы для учебной деятельности и научно-исследовательской работы преподавателей и студентов. Способ их организации в рассматриваемый период регулировался государством и контролировался через соответствующие ведомства и местные партийные органы. Уровень их организации определял степень развития конкретного вуза и системы высшего образования в целом.

Материально-техническая база высшего образования в изучаемый период рассматривалась партийно-государственным руководством как один из важнейших факторов интенсификации научного труда, повышения качества научных исследований. Проблема её улучшения в годы десятой пятилетки обострилась в связи с переводом научных организаций на полный хозрасчет и самофинансирование, когда они сами должны были обеспечить свое научно-техническое и социальное развитие за счет средств, полученных от реализации разработок и их поставки потребителям.

Во всех источниках признавалось, что одной из главных проблем для вузов Урала в рассматриваемый период была слабая материальная база. «Борьба за ее совершенствование» велась партийно-государственными структурами в течение всего рассматриваемого периода³. В постановлениях Свердловского обкома КПСС отмечалось, что в условиях НТР возросла роль высших учебных заведений. Они стали

³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 201. Д. 463. Л.1.

решающим звеном всей системы образования, так как от их деятельности, от качества выпускаемых ими специалистов зависела работа общеобразовательной школы, профессиональный уровень научных работников, темпы и эффективность многих экономических, культурных и социальных преобразований в стране. При этом подчеркивалось важное значение борьбы за укрепление материально-технической базы вузов⁴ На деле, а не на словах все как, правило, сводилось к открытию новых вузов, лабораторий, а в конце 1970-х гг. – внедрению ЭВМ и электронно-вычислительных центров.

Например, в Челябинском государственном институте культуры по мере увеличения количества студентов обострялась проблема с нехваткой помещений. В 1975/76 учебном году количество студентов на дневном отделении достигло 1083, а полезная площадь на одного студента составляла всего 2,7 квадратных метра вместо положенных по нормативу 10 квадратных метров для гуманитарных вузов. По этой причине институт был вынужден во время сессий на заочном отделении арендовать необходимые для занятий аудитории во дворцах и домах культуры, в различных организациях Челябинска⁵.

Также и старейший университет Урала в Перми располагал недостаточной материально-технической базой. В 1975 г. из пяти его учебно-лабораторных корпусов 4 были построены ещё в 1912 г. и нуждались в капитальном ремонте. Сам ректор Пермского государственного университета В.П. Живописцев на совещании в Пермском обкоме в октябре 1976 г. признавал, что отдельные подразделения его вуза размещаются в устаревших помещениях, не приспособленных для учебных целей. Исходя из этого, пермские обком, горком, облисполком и горисполком взяли на себя ряд обязательств по улучшению материально-технической базы ПГУ в период десятой пятилетки. В частности, облисполком принял меры к ускорению окончания проектных работ по пристрою блока поточных аудиторий институтом «Пермгражданпроект». А пермские обком и горком в 1977 г. помогали выделять квартиры для вновь избранных по конкурсу докторов наук⁶.

Судя по партийно-государственным документам, важной организационной структурой, решающей задачи ускорения научно-технического прогресса, были отраслевые лаборатории в вузах. Тематику, финансирование и контроль эффективности работ этих лабораторий осуществляли партийные комитеты разных уровней и отраслевые министерства.

⁴ ЦДОСО. Ф.4. Оп. 88. Д. 171. Л.39.

⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 185. Д. 270. Л. 116–118.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 305. Д. 117. Л. 2.

Тематика отраслевых лабораторий была направлена в указанный период на решение вопросов, связанных с ускорением темпов повышения производительности труда, с повышением фондоотдачи и снижением материалоемкости производства в машиностроении, металлургии, приборостроении, строительстве, сельском хозяйстве и транспорте⁷. В период десятой пятилетки отраслевые лаборатории выполняли исследования по заданиям отраслевых министерств (Минтяжмаш, Минрадиопром, Минцветмет, Минчермет, Минстрой, Минавиапром, Минхимпром, Минэнергомаш, Минприбор, Минэнерго, Минлесбумпром, Минсельхоз, МПС). Более 65 % годового объема работ выполнялось для трёх отраслевых министерств Минрадиопром (590 тыс. руб.), Минтяжмаш (410 тыс. руб.) и Минцветмет (615 тыс. руб.). Наименьший объем работ выполняется для МПС, всего на 16 тыс. руб. в год.

В 1976 г. в Уральском политехническом институте работали 3 лаборатории под руководством различных ведомств. К 1985 г. при вышших учебных заведениях Свердловской области функционировало уже 13 проблемных и 30 отраслевых лабораторий.

Ректор Уральского политехнического института Ф.П. Заостровский обращался к секретарю Свердловского обкома В.М. Манюхину с просьбой о помощи в открытии проблемной научно-исследовательской лаборатории на базе механико-машиностроительного и радиотехнического факультетов с годовым объемом НИР 300 тыс. руб., фондом зарплаты 150 тыс. руб. и штатом 50 сотрудников. На этапе создания объединения требовалась помощь обкома в выделении лабораторных и производственных площадей для лаборатории, её технологическом оснащении, выделении жилой площади сотрудникам⁸. Такая помощь институту была оказана.

В Челябинской области по уровню оснащения и количеству лабораторий лидировал ЧПИ, в структурных подразделениях которого также происходили изменения. С 1975 г. в Челябинском политехническом институте началась подготовка инженеров по специальности «Динамика и прочность машин» (ДПМ). Подобная работа проводилась до этого только в крупнейших вузах Москвы, Ленинграда и Харькова. Тогда же был создан межвузовский вычислительный центр (МВИЦ). Тогда появилась возможность проводить научно-исследовательскую работу с использованием АСУ-ВУЗ «Абитуриент области». На протяжении рассматриваемого периода в институте были открыты 47 вычислительных залов для студентов, вычислительные залы были

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 100. Д. 276. Л. 11.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 111. Д. 381. Л. 71.

созданы в общежитиях, внедрены в учебный процесс автоматизированные обучающие системы, лекционные аудитории оборудованы телевизионными контролирующими комплексами.

Организационная структура высшего образования Челябинской области значительно изменилась во второй половине 1970-х гг. Это было связано с открытием нового регионального вуза – Челябинского государственного университета. О механизме партийно-государственного руководства и степени внимания местного партийного руководства к вопросу об открытии в Челябинске университета свидетельствует тот факт, что для руководства и оперативного решения вопроса по подготовке к открытию университета был утвержден организационный комитет во главе со вторым секретарем обкома КПСС Л.А. Ильичёвым⁹.

В состав комитета вошли ответственные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, представители вузов и крупнейших предприятий. Тем не менее, несмотря на предпринятые усилия и координацию действий местного партийного руководства, предприятий и вузов области, материально-техническая база к открытию первого в Челябинске университета не была подготовлена полностью. Серьезным недостатком было то, что до 1977 г. не было начато проектирование учебно-лабораторного корпуса площадью 10 тыс. кв. метров, так как Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР не были своевременно решены вопросы финансирования проектных работ и включения их в план «Гипровуза» на десятую пятилетку. Несмотря на имеющиеся недостатки, отдел науки и учебных заведений Челябинского обкома посчитал, что основные положения постановлений бюро обкома КПСС от 25 октября 1974 г. «Об организации в Челябинске государственного университета» и от 13 февраля 1976 г. «О ходе подготовки к открытию Челябинского государственного университета» выполнены, и снял их с контроля в год открытия вуза.

Челябинский государственный институт культуры с первых лет своего существования формировался как многопрофильный вуз¹⁰. В нём изначально действовала трехфакультетская организационная структура. Её достоинства были отмечены первым ректором института П.В. Сапроновым в отчёте о работе факультетов. Музыкально-педагогический факультет, по мнению ректора, оказывал положительное воздействие на уровень профессиональной подготовки по художе-

⁹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 185. Д. 163. Л. 186.

¹⁰ Толстиков В.С. Челябинский государственный институт культуры. 50 лет. Страницы истории. Челябинск, 2018. С. 41.

ственным специальностям на факультете КПП. В то же время студенты МПФ активно включались в общественную деятельность института, что содействовало развитию его интеллектуального потенциала¹¹. На рубеже 1970 - 1980-х гг. в основном завершился процесс становления этого института. Среди родственных вузов, находившихся в подчинении Министерства культуры РСФСР, ЧГИК вошел в первую пятерку. В 1980 г. на дневном отделении в вузе обучалось 1198 студентов, на заочном – 2212. В последующие годы количество студентов дневного отделения стабилизировалось на уровне 1100 – 1200 чел.

В 1970-е гг. сотрудники кафедр Челябинского политехнического института участвовали в реализации 128 договоров о творческом сотрудничестве с предприятиями города и области. Было создано шесть комплексных творческих бригад. Результаты научных исследований и разработок ученых вуза принесли значительный экономический эффект. Изобретенный профессорами В.Н. Выдриным и Л.М. Агеевым прокатный стан «прокатка-волочение» демонстрировался на международной выставке в Лейпциге. На кафедре «Технология машиностроения» под руководством профессора С.Н. Корчака была создана одна из первых в Советском Союзе лаборатория станков с программным управлением. Уникальная лаборатория с применением аналоговых вычислительных машин появилась на кафедре «Металловедение и термообработка». К 1985 г. в ЧПИ было восемь инженерных факультетов, где обучалось 22 тыс студентов. В вузе функционировало 13 проблемных и отраслевых лабораторий¹².

Совершенствование организационной структуры, развитие материально-технического обеспечения учебного процесса и научных исследований во многом зависели от руководителей вузов и «личных связей». В этом смысле личностный фактор играл решающую роль. Поэтому показательны сюжеты, относящиеся к Троицкому ветеринарному институту и Челябинскому институту культуры.

В 1977 г. у ректора института М.М. Сенькина произошел конфликт с секретарем партийного бюро В.М. Кожуриным. Это негативно сказывалось на работе всего коллектива. К началу проверки Челябинским обкомом КПСС положения в институте ректор подал заявление об уходе с должности¹³. Троицкий ветеринарный институт значительно отставал по всем показателям от остальных вузов Челябинской области. Противоположным примером была деятельность ректора ЧГИК А.П. Грая. До назначения ректором он был партийным работником,

¹¹ Толстиков В.С. Указ. соч. С. 37.

¹² Южно-Уральский государственный университет. С. 25.

¹³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 188. Д. 253. Л. 3–4.

именно это позволило ему успешно решать вузовские проблемы. Начиная с 1978 г., когда он возглавил институт культуры, были реализованы крупные структурные изменения в вузе. Во многом благодаря его инициативе и энергичным действиям был построен второй корпус общежития, третий учебный корпус, введены в эксплуатацию санаторий-профилакторий и спортивно-оздоровительный лагерь «Мелодия», в 1980 г. учреждена газета «Кадры культуры» и открыта первая среди вузов данного профиля социологическая лаборатория¹⁴.

В 1985 г. в организационную структуру Пермского политехнического института входили 10 отраслевых и одна проблемная лаборатория, хозрасчётные ОКБ, вычислительный центр и кафедральные лаборатории более чем на 70 кафедрах. В научных подразделениях работали 41 доктор наук и 625 кандидатов наук. Общий объём научно-исследовательских работ превысил 14 млн руб. в год, из которых 90% выполнялись по важнейшей тематике, около 2/3 объёма – для предприятий Перми и Пермской области¹⁵. С целью концентрации научных сил и материальных ресурсов в институте был утверждён перечень основных научных направлений научно-исследовательских работ. Причём эти направления соответствовали профилю подготовки специалистов в вузе.

Наличие устаревшего оборудования на кафедрах и в лабораториях было важным маркером неблагополучия в улучшении материально-технической базы вузов. В протоколах собраний первичных партийных организаций вузов указывалось, что не выдерживались сроки сдачи в эксплуатацию оборудования, а проблемы материально-технического обеспечения заключались в отсутствии лабораторий, укомплектованных приборами, установками, в несоответствии современным на тот момент требованиям эргономики и эстетики. Также на кафедрах имелось большое количество дорогостоящего оборудования, которое не использовалось в течение длительного времени из-за отсутствия соответствующих специалистов. Часть этого оборудования со временем морально устаревала.

Например, в ЧПИ в 1980 г. были существенно переоснащены современным оборудованием лаборатории кафедр технологии машиностроения, станков и инструмента, физической химии, экономики машиностроения, автомобильного транспорта, ЭВМ. В ЧелГУ в начале 1980-х гг. возросло по стоимости материально-техническое обеспечение научных исследований. При оказанной помощи промышленных предприятий на более чем 1,5 млн руб. была приобретена вы-

¹⁴ Толстиков В.С. Указ. соч. С. 50.

¹⁵ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 334. Д. 30. Л. 65.

числительная техника: ЭВМ ЕС-1022, три комплекса УВМ М-6000, восемь ЭВМ «Наири». Благодаря наличию у вуза трёх ЭВМ М-6000 была создана одна из лучших лабораторий в Челябинске.

Но в этой области преобладал скорее не плановый, а стихийный принцип. В ЧелГУ не существовало комплексного плана укрепления и развития материально-технической базы университета. Практиковалась подача заявок всех кафедр и отделов в хозяйств, но при этом отсутствовала планомерность и своевременность. К тому же дальнейшее её развитие сдерживалось отсутствием необходимых площадей. Ряд факультетов располагался в бывшем школьном здании. Тем не менее были созданы новые и совершенствовались существовавшие лаборатории: по физике и химии, в том числе молекулярной спектроскопии, рентгеновских, электромикроскопических физических методов исследования. Балансовая стоимость установленного оборудования составляла на начало 1980 г. 3,5 млн руб., также планировалось затратить ещё 500 тыс. руб.

Оборудование, установленное в первые годы создания университета, в значительной степени морально устаревало, имело большой физический износ. Документы свидетельствуют, что физический и математический факультеты не имели чёткой программы действий по реконструкции лабораторий. По причине плохого хранения оборудования в негодность пришло оборудование на сумму более 40 тыс. руб., половина которого так и не была использована в проведении работ. Общий парк оборудования и приборов в ЧелГУ на конец 1983 г. оценивался суммой 4,7237 млн руб. В 1983 г. было приобретено 8 микро-ЭВМ «Электроник» ДЗ-28 (104,8 тыс. руб.), голографическая установка УИП1-М (29 тыс. руб.). За 1983 г. лаборатории выполнили объём работ в 120 тыс. руб. Имевшиеся в распоряжении ЭВМ ЕС-1022 уже не соответствовали требованиям. Был получен непосредственный доступ к вычислительным мощностям ПромстройНИИпроекта (ЕС-1055М), была обеспечена реализация планов по получению 22 персональных компьютеров и ЕС-1046 (для математического и физического факультетов).

Таким образом, реализация действий по улучшению состояния материально-технической базы уральских вузов, техническому перевооружению не отличалась устойчивой динамикой. Вузы ожидали необходимое оборудование в течение долгого периода. Большая часть оборудования направлялась в основном в академический сектор науки. Сложилась парадоксальная ситуация, когда основная часть ученых со степенями работала в вузах, а техническое оснащение вузовской

науки по сравнению с академической к 1985 г. было меньше почти в пять раз. В вузах в количественном отношении преобладало оборудование для учебного процесса, а не научных разработок. Обновление материально-технической базы в уральских вузах проходило на протяжении всего рассматриваемого периода, но недостаточными темпами и в неполном объеме. В модели управления господствовала инерция, которая была определенной разновидностью стабильности.

Теоретическое сравнение моделей управления университетами показывает, что бюрократическая модель (максимальная формализация) является крайним полюсом в организационной концепции. Внешние факторы среды, определявшие цели советских вузов, переходили во внутренние, когда эти установки воздействовали на принятие решений в организационных структурах. В целом советские вузы показали устойчивое развитие и успешно отчитывались о выполнении количественных показателей. Однако проблема «вала» в системе высшего образования оказалась неосмысленной.

Следует отметить, что современный подход, стремящийся наложить управленческую «решетку» бизнес-корпораций на систему высшего образования, пока также не дал ожидаемого властями результата. Одной из причин этой ситуации, на наш взгляд, является все тот же «культурный фактор». В частности, существующие организационные культуры (традиционная, новая управленческая ориентированная на инновации и ориентированная на развитие личности). Эти культуры переплетаются и часто конфликтуют. Таким образом, необходимы масштабные исследования моделей управления вузами и для этого может быть использован организационный подход.

Библиография

1. Толстиков В.С. Челябинский государственный институт культуры. 50 лет. Страницы истории. Челябинск: ЧГИК, 2018. 212 с.
2. Южно-Уральский государственный университет (Золотые страницы). Третье издание. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 166 с.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье дается характеристика размеров оплаты труда в строительстве и промышленности в дореволюционной России. Анализируется позиция Струмилина и Миронова по этому вопросу. Приведена динамика соотношения зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих в трех отраслях. Выдвигается гипотеза о более высокой дифференциации оплаты промышленного труда в России начала XX в., чем в других странах.

Ключевые слова: оплата труда, строительство, промышленность, дореволюционная Россия, дифференциация.

L.I. Borodkin
Moscow

DIFFERENTIATION OF WAGES IN CONSTRUCTION AND INDUSTRY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article describes the size of wages in construction and industry in pre-revolutionary Russia. The position of Strumilin and Mironov on this issue is analyzed. The dynamics of the ratio of wages of skilled and unskilled workers in three sectors is shown. A hypothesis is put forward about a higher differentiation of industrial wages in Russia at the beginning of the twentieth century than in other countries.

Keywords: wages, construction, industry, pre-revolutionary Russia, differentiation.

Тема неравенства доходов – одна из наиболее актуальных в современных исторических исследованиях. Основным источником при изучении степени неравенства доходов в работах историков являются, как правило, данные о величине подоходного налога. Налоговая система дореволюционной России этого налога не включала. Однако при изучении экономического неравенства тех или иных социальных групп большое значение имеют источники о заработной плате как на индивидуальном уровне, так и на уровне определенных квалификационных категорий.

Это относится и к исследованиям степени дифференциации зарплаты рабочих в зависимости от их профессии в ходе индустриализации дореволюционной России. Исследования такого рода требуют, однако, основательной источниковой базы, достаточно длинных рядов динамики показателей зарплаты рабочих разных профессий. Работа по созданию таких рядов ведется, но говорить о наличии достаточных цифровых ресурсов, позволяющих получить оценки показателей дифференциации оплаты промышленного труда в пореформенной

¹ *Бородкин Леонид Исифович* – член-кор. РАН., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ. Москва. Россия. E-mail: lborodkin@mail.ru

России вплоть до Первой мировой войны, пока не приходится. Исключения составляют относительно длинные динамические ряды справочных цен на рабочие руки по шести профессиям строительных рабочих Петербурга (столяры, маляры, плотники, каменщики, штукатуры и поденщики)². Собранные и опубликованные А. Рыкачевым данные охватывают период за 58 лет, начиная с 1853 г. Эти данные анализировались С.Г. Струмилиным, а затем Б.Н. Мироновым в основном для изучения параллелизма в движении зарплаты и индексов цен³.

В данной работе мы приводим оценки дифференциации зарплаты рабочих-строителей в их эволюции за полвека, а также текстильщиков и металлистов, основанные на данных по отдельным предприятиям начала XX в., с тем чтобы продвинуться в понимании рассматриваемых тенденций на локальном уровне.

Обратимся вначале к данным о динамике оплаты труда строительных рабочих Петербурга с середины XIX в. и до 1911 г., собранным А. Рыкачевым.

Для нас представляют интерес те несколько строк, в которых Струмилин резюмирует свои наблюдения о дифференциации оплаты труда рабочих-строителей: «Разрыв в оплате обученного и необученного труда за весь период обнаруживает довольно заметные смещения сначала, до середины 1860-х гг., вниз, в сторону большей уравнительности, а затем вверх, в направлении возрастающей дифференциации. Очень показательно, что возрастание уравнительности совпадает по времени с понижением среднего уровня реальной оплаты труда, а рост дифференциации следует за повышением этого уровня»⁴. Объяснение этого наблюдения Струмилин связывает с тем, что «в периоды низкой конъюнктуры вообще и падающего уровня зарплаты труднее всего снизить уровень наихуже оплачиваемых слоев пролетариата, ибо они и без того уже стоят у порога физиологического минимума потребностей. А потому прежде всего и легче всего падает оплата труда более квалифицированных профессий, что и приводит к большей уравнительности в расценке различных категорий труда»⁵. Теоретически этот тезис представляется обоснованным, однако практические ситуации нередко противоречат ему. Так, в составленной Струмилиным таблице сгруппированных по пятилетиям данных о зарплате

² Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.

³ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. С. 112; Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революция в имперской России. М., 2010. С. 511-513.

⁴ Струмилин С.Г. Указ. соч. С.112.

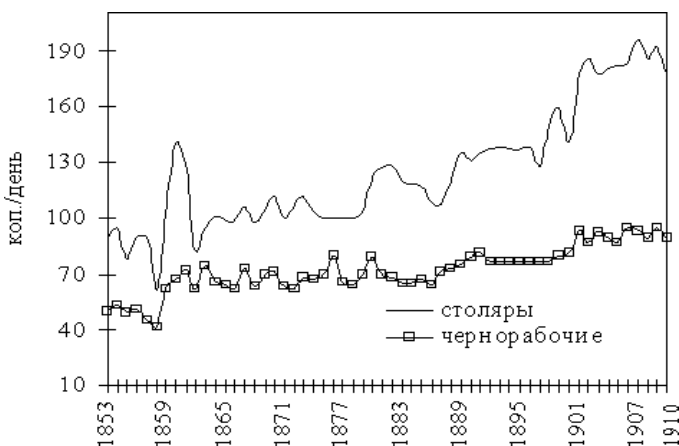
⁵ Там же.

строительных рабочих С.-Петербурга содержатся следующие значения подневной платы неквалифицированных рабочих⁶: 1853-1857 гг. – 49,6 коп., 1858-1862 гг. – 60,8 коп., 1863-1867 гг. – 67,8 коп.

Очевидно, оплата труда строителей-чернорабочих существенно (на треть) возросла к середине 1860-х гг. С другой стороны, хорошо известен тот факт, что в периоды низкой конъюнктуры предприниматели стремились удержать квалифицированных рабочих, не снижать их зарплату. Более обоснованным представляется другое объяснение заметного (почти на треть) снижения оплаты труда квалифицированных и полуквалифицированных рабочих-строителей в первые годы после реформы 1861 г., которое Струмилин приводит в другом фрагменте своей работы: «Это падение, очевидно, следует объяснить широким притоком в столицу свежих рабочих рук из освобожденной деревни»⁷.

Именно данные о подневной плате строительных рабочих, собранные и опубликованные в 1911 г. А. Рыкачевым, представляются наиболее ценным (на сегодняшний день) материалом для изучения долговременных тенденций дифференциации оплаты труда в дореволюционной России. Обратимся к этим данным для оценки изменений в динамике отношения оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Рассмотрим две категории строительных рабочих (высокой и низкой квалификации) – столяров и чернорабочих (рисунок).

Источник: Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.

Динамика дневной заработной платы рабочих-строителей Санкт-Петербурга (столяры и чернорабочие), коп. в день. 1853-1910 гг.

⁶ Там же. С.113.

⁷ Там же. С.106.

Рисунок содержит сглаженные графики динамики поденной оплаты труда столяров и чернорабочих. Даже «на глаз» видно, что в пореформенную эпоху разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда петербургских строительных рабочих увеличивается, несмотря на заметные флуктуации этого процесса. Отношение оплаты труда этих двух категорий рабочих растет от величины 1,3 в первые два года после реформы, достигая значений 2,0-2,13 в годы первого десятилетия XX в. Необычной динамикой этого процесса характеризуются годы Крымской войны и реформ 1860-х гг.; в этот период наблюдается большая неустойчивость показателя дифференциации зарплаты рабочих.

Можно сравнить эту динамику с динамикой отношения зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих в промышленности и строительных работах США за этот же период⁸. Сравнение показывает, что стартуя в начале 1850-х гг. примерно с одного уровня дифференциации оплаты труда рабочих (1,73 – 1,80), обе динамики приходят примерно к одному уровню и к концу периода (1,90 – 2,02). Однако динамика американского показателя является более стабильной, она меньше подвержена колебаниям конъюнктуры, чем российская; так, размах используемого нами показателя для данных Дж. Вильямсона и П. Линдerta по США⁹ на период 1853-1910 гг. составляет от 1,63 до 1,92, в то время как данные А. Рыкачева дают на том же периоде размах от 1,28 до 2,14. Отметим, что для рассматриваемого 58-летнего периода характерно превышение американского показателя дифференциации над российским для первой половины периода и обратная тенденция для второй половины, особенно для 1900-х гг., когда российская кривая идет заметно выше американской¹⁰. Таким образом, мы получаем подтверждение гипотезе о повышенном (в сравнении с другими странами) значении показателей дифференциации зарплаты рабочих в России в период индустриализации: повышенная потребность в квалифицированных рабочих приводила к относительно более быстрому росту их зарплаты.

⁸ *Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: сб. статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С.331-355.

⁹ *Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality: A Macroeconomic History. N.Y.: Academic Press, 1980.

¹⁰ Разумеется, выводы формулируются с учетом того, что данные о строительных рабочих Петербурга не могут репрезентировать всю страну и все отрасли; но таким уровнем репрезентативности не обладают и данные по другим странам.

На протяжении рассматриваемого нами периода самой крупной (по количеству рабочих) отраслью была текстильная. Была ли степень дифференциации зарплаты в этом производстве сравнимой с дифференциацией в строительстве? В какой мере различалась зарплата рабочих-текстильщиков в зависимости от их профессии/квалификации?

Обратимся к данным о дифференциации зарплаты рабочих-текстильщиков на предприятиях дореволюционной России. Такое сравнение можно провести по данным публикации И.М. Козьминых-Ланина, посвященной заработкам фабрично-заводских рабочих Московской губернии в 1908 г.¹¹ Эта работа содержит сведения о средних заработках рабочих основных специальностей, что дает возможность установить разницу между заработками высоко- и низкооплачиваемых профессий того или иного производства; мы обратимся к обработке хлопка – одной из наиболее крупных отраслей. Представленные в работе Козьминых-Ланина таблицы 1 и 2 содержат данные о заработной плате 116 520 рабочих (мужчин и женщин отдельно) на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губернии за ноябрь 1908 г.¹²

Таблица 1 в работе Козьминых-Ланина показывает, что заработки наиболее высокооплачиваемых работниц по обработке хлопка – ткачих на механических станках (а это примерно половина от общего числа работниц) – в полтора раза превышали заработки наиболее низкооплачиваемых категорий работниц – ткачих на ручных станках и работниц при сушильных барабанах: соответственно 16 руб. 07 коп. и 10 руб. 22 коп. / 10 руб. 58 коп.

Таблица 2 в работе Козьминых-Ланина характеризует заработки рабочих-мужчин различных профессий, занятых на предприятиях по обработке хлопка в Московской губернии. Она позволяет оценить разницу в оплате труда рабочих высокой и низкой квалификации: у мужчин заработок высокооплачиваемых рабочих превышал заработок низкооплачиваемых рабочих значительно в большей мере, чем у женщин этого же производства. Достаточно сказать, что средний месячный заработок раклитов¹³ (57 руб. 28 коп.) в 2,97 раза превышал заработок ткачей на механических станках (самой массовой профессии на предприятиях по обработке хлопка – 10171 чел. со средним за-

¹¹ *Козьминых-Ланин И.М.* Зарботки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911.

¹² Эти таблицы представлены в компактном виде в книге: «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / *Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова.* М.: РОССПЭН, 2010. С.447-448.

¹³ Раклиты – квалифицированные рабочие, которые управляют ситцепечатной машиной (срок их обучения достаточно продолжительный).

работком 19 руб. 29 коп.). Такой разрыв в оплате труда соответствовал разнице квалификации указанных категорий рабочих. Следует учесть, что ткачи – рабочие средней квалификации. Сравнение с заработками чернорабочих дает еще более контрастную картину.

Отметим, что степень дифференциации зарплаты мужчин-текстильщиков оказалась заметно выше, чем у строителей.

Обратимся теперь к конкретным источникам о зарплате рабочих-металлистов, характерных для предвоенных и военных (1914-1916 гг.) лет.

В 1916 г. Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности с целью выяснения вопроса об изменении заработной платы в годы Первой мировой войны были собраны сведения о зарплатах рабочих различных профессий в отдельных отраслях промышленности за июнь 1914 г. и июнь 1916 г. При этом предприятия должны были руководствоваться перечнем профессий, составленным Отделом промышленности и официально называвшимся «Номенклатура главнейших должностей рабочих, занятых в более крупных по своим размерам фабрично-заводских предприятиях Российской Империи»¹⁴.

Профессии рабочих (общим числом около 600) при этом были сгруппированы по 13 группам производств – в соответствии с классификацией отраслей российской промышленности, предложенной в конце 1890-х гг. российскими специалистами (технологами и статистиками) во главе с В.Е.Варзаром¹⁵. Так, группа VIII (Производства по обработке металлов) включала 35 должностей рабочих (без учета указанных в перечне разновидностей той или иной профессии). В данной работе мы используем сведения, полученные от пяти петроградских заводов, относившихся к этой группе производств. На 1 июня 1914 г. число рабочих на этих заводах находилось в диапазоне от 708 до 1154:

	<i>Число рабочих</i>
Общество машиностроительного завода «Я.М. Айваз»	1029
Общество для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Коппель»	808
Общество механических, гильзовых и трубочных заводов П.В.Барановского	786
Общество машиностроительного завода «Людвиг Нобель»	1154
Товарищество Петроградского железопрокатного завода	708

¹⁴ Этот документ размещен нами на сайте Исторического факультета МГУ, ресурс «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности». URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/INFO/occupation.pdf>

¹⁵ См.: *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996. С. 27, 188.

Подробные сведения о профессиональном составе и заработной плате рабочих пяти петербургских заводов в июне 1914 г. находятся в РГИА¹⁶. Учтено общее рабочее время и общий заработок для каждой профессиональной группы рабочих. Сопоставление детальных данных об оплате труда рабочих различных профессий пяти заводов, относящихся к металлообработке и металлургическому производству, показало, что различия в зарплате рабочих каждого завода были достаточно существенными. Наименее высокооплачиваемые рабочие – это рабочие самых низкоквалифицированных специальностей – чернорабочие, кочегары, подручные и ученики мастеров с заработной платой в основном в пределах 20–35 руб. в месяц (максимальная зарплата чернорабочего на заводе Л.Нобеля при сверхурочной работе – 44,6 руб.). Это и самые большие в количественном отношении категории рабочих. Число чернорабочих составило 24% от общего числа рабочих на всех заводах, а вместе с подручными, молотобойцами и кочегарами – 39%. Наиболее высокооплачиваемые 10% рабочих представляют несколько различных специальностей, требующих высокой квалификации – токари, слесари, фрезеровщики, электротехники и др. Дифференциация по доходам внутри этой группы наиболее высокая. На самую высокооплачиваемую десятипроцентную группу рабочих приходится разница по доходам в 47 руб. (от 74 до 121 руб.), т.е. более 50% всей разницы в доходах рабочих.

Детальная структура этих данных позволяет произвести вычисления значений коэффициентов дифференциации, включая индекс Джини и децильный коэффициент (D – отношение средних зарплаток в высшей и низшей по уровню зарплаты десятипроцентных группах). В таблице приводятся эти показатели дифференциации зарплаты, а также данные о размахе зарплаты рабочих четырех петербургских заводов.

Показатели дифференциации в оплате труда рабочих четырех петербургских заводов (июнь 1914 г.)

Завод	Число рабоч.	Без учета сверхурочной работы				С учетом сверхурочной работы			
		Мин. з/п, руб.	Макс. з/п, руб.	К-т D	Инд. Джини	Мин. з/п, руб.	Макс. з/п, руб.	К-т D	Инд. Джини
<i>Ноб.</i>	1164	32,58	75,33	2,2	0,147	32,58	89,53	2,1	0,119
<i>Коп.</i>	808	16,25	87,82	3,7	0,204	23,40	118,00	3,5	0,193
<i>Бар.</i>	888	16,92	121,54	4,85	0,238	18,25	121,54	4,7	0,237
<i>Дон.</i>	761	23,12	59,58	2,6	0,187	23,12	76,13	3,0	0,185
Всего	3621	16,25	121,54	4,7	0,216	18,25	121,54	4,2	0,201

¹⁶ РГИА, Ф. 23, Оп. 16, Д.4, Лл. 6-9.

Как следует из таблицы, накануне Первой мировой войны зарплата в группе наиболее квалифицированных рабочих на указанных заводах в среднем превышала зарплату чернорабочих более чем в 4 раза, что превышает аналогичные показатели, полученные нами по данным о зарплате рабочих-текстильщиков и строителей. Отметим, что в целом выявленные нами уровни неравенства в оплате промышленного труда в дореволюционной России оказались существенно выше значений отношения оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих (*«premium on skilled labor»*) в США и Англии в начале XX в.

Это наблюдение позволяет нам выдвинуть гипотезу о более высокой (относительной) цене на квалифицированный труд в дореволюционной России по сравнению с таковой в странах Запада. Разумеется, эту гипотезу в дальнейшем следует проверять, привлекая данные по другим отраслям российской промышленности и другим регионам.

Библиография

1. *Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: сб. статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С.331-355.
2. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / *Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова.* М.: РОССПЭН, 2010.
3. Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996.
4. *Козьминых-Ланин И.М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911.
5. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революция в имперской России. М., 2010.
6. *Рыкачев А.* Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.
7. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука. 1966..
8. *Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality: A Macroeconomic History. N.Y.: Academic Press, 1980.

И.В. Побережников¹
Екатеринбург

ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ²

Статья посвящена историографическому изучению применения концепции фронтальной модернизации в современной отечественной литературе. Выявлена определенная экспансия и диверсификация концепции фронтальной модернизации, сформулированной И.В. Побережниковым в 2010 г., на протяжении последнего десятилетия. Показаны результаты ее применения при изучении выборочной региональной истории XVIII—XIX вв., обосновании страновых моделей модернизации, исследовании районов нового освоения в XX в. Отмечена перспективность проникновения концепции в историко-правовые исследования. Представляется, что концепция фронтальной модернизации, синтезируя возможности фронтальной и модернизационной теорий, расширяет и раздвигает исторические и содержательные границы применения как фронтального, так и модернизационного подходов, позволяя находить новые зоны изучения и новые методы обобщения материала.

Ключевые слова: модернизация, фронт, Российская империя, регион, историография, интерпретация, концепция.

I.V. Poberezhnikov
Yekaterinburg

FRONTED MODERNIZATION IN MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the historiographic study of the application of the concept of frontier modernization in modern domestic literature. A certain expansion and diversification of the concept of frontier modernization, formulated by I.V. Poberezhnikov in 2010, over the past decade. The results of its application are shown in the study of the selective regional history of the 18th-19th centuries, the substantiation of country models of modernization, and the study of areas of new development in the 20th century. The perspective of penetration of the concept into historical and legal research is noted. It seems that the concept of frontier modernization, synthesizing the possibilities of frontier and modernization theories, expands and pushes the historical and substantive boundaries of the application of both frontier and modernization approaches, allowing one to find new areas of study and new methods of generalizing the material.

Keywords: modernization, frontier, Russian Empire, region, historiography, interpretation, concept.

Проблематика российских модернизаций активно разрабатывалась в отечественной литературе последних десятилетий. В опубликованных трудах нашел отражение ряд значимых теоретических,

¹ *Побережников Игорь Васильевич* – доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: pober1871@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

историографических и конкретно-исторических аспектов истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы их цивилизационного своеобразия, общей динамики, подпроцессов; результаты этих исследований становились предметом историографического анализа³. В данной публикации мы хотим остановиться на разработке темы фронтальной модернизации.

Концепция фронтальной модернизации впервые была сформулирована автором данной статьи в 2010 г. на основе изучения уральского материала XVIII—XIX вв.⁴ Было показано, что Урал, продолжительно интегрировавшийся в состав России в XV—XVIII вв., может рассматриваться как региональный пример фронтальной модернизации в XVIII—XIX вв. При этом в качестве особенностей развития региона в изучаемый период были выделены большая подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента. Автор пришел к выводу, что включение еще недостаточно освоенных территорий регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношении, причудливому переплетению традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Впоследствии рамки применения концепции фронтальной модернизации были расширены для анализа развития в восточных (в первую очередь Сибирь) и вообще в периферийных регионах России имперского периода⁵. Была обоснована применимость концепции и для характеристики страновой модели российской модернизации; фрон-

³ Например, см.: *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 153–165; *Побережников И.В.* Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // *Уральский исторический вестник.* 2020. № 1 (66). С. 140–148.

⁴ *Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // *Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ.* Екатеринбург, 2010. С. 308–310.

⁵ *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // *Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2011. № 4 (96). С. 191–203; *Он же.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // *Цивилизации.* Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2015. С. 179–200; *Он же.* Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // *Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан.* Оренбург, 2018. С. 173–178; *Он же.* Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник.* 2018. № 4 (61). С. 72–80.

тирная модернизация была представлена как российский цивилизационный феномен⁶. Дело в том, что на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Хотя данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, и проявлялась она также, например, в истории таких стран, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, стран Латинской Америки, Китая, проявления эти всякий раз были вариативны; различным было влияние фронтирности на динамику и результаты страновых модернизационных процессов. Данное обстоятельство означает необходимость качественного анализа страновых кейсов фронтирной модернизации.

Для России как страны фронтирной модернизации автор считал возможным выделить следующие параметры: а) наличие определенной логики фронтирной динамики, «фронтиризация» – формирование пограничных зон, наделенных особыми признаками; б) постепенная интеграция фронтирных территорий, которые при этом утрачивали периферийные черты и, наоборот, становились все более похожими на регионы старого освоения; освоенческий синдром, который выразался в подвижности населения, в растянутости колониционных процессов, в экстенсивном характере аграрной экономики, в различной степени заселенности и освоенности территорий; дифференциация пространства страны на центр (ядро) и периферию (окраину), которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам (при этом граница между ядром и периферией была подвижной; со временем периферийные регионы – по мере освоения – теряли периферийные (фронтирные) черты и интегрировались в состав ядра); наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; потребность в дополнительной рабочей силе для разработки избыточных ресурсов фронтирных зон, миграционная актив-

⁶ *Побережников И. В.* Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся*. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274; *Он же.* Фронтирная модернизация в истории России // *Экономическая история*. 2013.

№ 2(21). С. 18–23; *Он же.* Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // *Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога* / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 72–140; *Он же.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. М., 2018. С. 283–298.

ность и, соответственно, проблема адаптации, возникавшая вследствие притока мигрантов-колонистов на периферийные территории; повышенная роль транспортной инфраструктуры, что естественно в условиях недостаточной интегрированности в страновое пространство регионов; обеспечение условий для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства», приводившее к милитаризации регионов освоения; разновекторная диффузия традиционного и современного типов, естественная в условиях освоения, притока мигрантов, межэтнических взаимодействий, а также модернизационного трансфера технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно западноевропейского, происхождения; конгломератность, фрагментарность социума и ландшафта как следствие пограничности, продолжения освоительских процессов, межэтнической миксации, разнонаправленной диффузии. При этом, это еще раз важно подчеркнуть, перспективой фронтальной модернизации считалась постепенная конвергенция центра и периферии по различным параметрам, расширение институционально-политических, хозяйственных, социокультурных контактов населения фронтальных зон с центром.

Развивая концепции русской колонизации Сибири С.В. Бахрушина и фронтальной модернизации трое авторов (К.И. Зубков, И.В. Побережников, Г.Н. Шумкин) проследили за изменением природы колонизационной активности в ходе освоения восточных регионов страны – Урала и Сибири, обусловленным эволюцией потребностей национально-странового хозяйства, ресурсной обеспеченностью самих регионов, ритмом их внутреннего развития⁷. Целью были выявление сущности колонизационной активности на разных исторических этапах с точки зрения последовательного задействования хозяйственных функций и их инфраструктурного обеспечения, определение степени совмещения освоительской и модернизационной активности. При этом были выделены три волны, дифференцированные сменой фокуса хозяйственного освоения, расширением хозяйственных функций территорий. По мнению авторов, первая волна была стимулирована факторами внешнего и внутреннего спроса, носила промысловый характер и была ориентирована на эксплуатацию пушных богатств регионов; она пришлась на XVI–XVII (и лишь отчасти XVIII) вв., захватив Урал и Сибирь. Стимулом второй волны стали возросшие военные потребности государства; она была ориентирована на анклавное развитие

⁷ Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н. «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 157–170.

горно-металлургической промышленности (Уральский, Алтайский и Забайкальский горно-металлургические комплексы) и результировалась преобразованием соответствующих промышленных зон в регионы, ставшие лидерами протоиндустриальной модернизации в XVIII в. Наконец, третья волна колонизационной активности, ключевым фактором которой выступал спрос на аграрную продукцию, обусловленный местом России уже в международном разделении труда, по мнению авторов, набирала темпы в восточных регионах страны с середины XIX в., была ориентирована на массовые переселения крестьян и углубление аграрного освоения территорий. При этом, как выявили исследователи, там, где условия для эффективного аграрного производства отсутствовали или были ограничены, колонизация принимала иной облик, трансформируясь, например, в лесопромышленную. Авторы выявили демографически более массовый, территориально более широкий, в социально-институциональном и хозяйственно-культурном отношении более глубокий характер третьей волны колонизации, которая, по их мнению, в долгосрочной перспективе имела важные экономические и социальные последствия, обеспечивая создание предпосылок для более органичного экономического роста в будущем за счет расширения внутреннего рынка, диверсификации хозяйственной деятельности, развития торговли и городов, а также промышленного сектора, связанного с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Академик В.В. Алексеев предложил рассматривать фронтирную модернизацию Азиатской России как три поэтапно сменявшие друг друга «волны»: 1) уральскую, связанную с формированием комплекса металлургических производств; 2) сибирскую, сутью которой стало строительство и развитие Транссибирской железнодорожной магистрали; 3) дальневосточную, которая выразилась в хозяйственном освоении восточных рубежей империи⁸. Автор раскрыл предпосылки, содержание и значение трех указанных волн имперской фронтирной модернизации Азиатской России, выявил характерные для них стержневые проблемы. Отмечен противоречивый характер фронтирной модернизации дальневосточного региона, охватившей более широкий спектр производств, чем в уральской и сибирской, но по своим масштабам уступавшей им. Как отметил В.В. Алексеев, по некоторым позициям модернизация на Дальнем Востоке даже превосходила общероссийский уровень, имела особо важное стратегическое значение для государства, однако при этом серьезно отставала по охвату и мас-

⁸ Алексеев В. В. Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13.

штабу модернизационных сдвигов. По мнению В.В. Алексеева, эти три волны стали ответом на геополитические и технологические вызовы России той эпохи, обозначили переход страны и региона от традиционного к индустриальному обществу, но не завершили его, а создали предпосылки для последующих радикальных социально-экономических и культурных преобразований.

В русле концепции фронтирной модернизации К.И. Зубков и Г.Н. Шумкин проанализировали проекты колонизации лесов Западной Сибири горнозаводской промышленностью Урала в конце XIX – начале XX вв.⁹ В данном случае фронтирная модернизация проявила себя в попытках сохранить специализационный профиль уральской металлургии и ее традиционную энергетику за счет формирования на границах горнозаводского Урала территории нового освоения, но с применением уже новых технологических решений. Авторы исследовали проекты снабжения металлургических заводов древесным углем из лесов Западной Сибири, который должен был поставляться по железным дорогам, нашедшие воплощение в Тавдинской железной дороге, введенной в эксплуатацию в период Первой мировой войны. Сделан вывод о том, что данный проект хотя и был реализован, но не привел к тем результатам, которые прогнозировало экспертное сообщество: созданию свободного рынка древесного угля и упадку окружающей системы, так как он был воплощен слишком поздно – в 1917 г.

А.И. Тимошенко заметно расширила рамки применения концепции фронтирной модернизации, сделав ее методологической основой изучения индустриального строительства в Сибири в позднесоветский период¹⁰. Автор справедливо считает, что Сибирь и во второй половине XX в. представляла собой еще не до конца освоенную территорию, заселенность которой убывала по мере продвижения на северо-восток; транспортная и социальная инфраструктура здесь все еще находилась в неразвитом состоянии, сохранялись, таким образом, признаки фронтирности территории; сохранялась милитарная направленность развития региона, который оценивался как тыловой район страны, располагавший крупнейшими предприятиями воен-

⁹ Шумкин Г.Н., Зубков К.И. Лесопромышленный «фронт» горнозаводского Урала: планы развития древесноугольной металлургии региона в конце XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 158–169.

¹⁰ Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148; Она же. Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтирное измерение // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

но-промышленного комплекса СССР. А.И. Тимошенко наглядно доказывает, что во второй половине XX в. в регионе сохранялись территории первичного освоения, где происходило активное индустриальное строительство, создавались новые предприятия и населенные пункты, которые обживались мигрантами из различных регионов СССР. Такие особенности районов нового промышленного освоения, как неразвитость транспортной, социокультурной и бытовой инфраструктуры, высокая миграционная динамика и неустойчивость населения, связанные со спецификой освоения перекосы в его демографической и социальной структуре, сближали их с окраинными регионами Российской империи, освоение которых было далеко до завершения. При этом, по мнению автора, в Сибири во второй половине XX в. проявился своеобразный вариант фронтальной модернизации, который в короткие исторические сроки помог осуществить переход от традиционного общества к современному на ранее слабо обжитых человеком территориях; модель фронтальной модернизации позволила эффективно вовлечь районы Сибири, богатые природными ресурсами, в общее русло индустриального развития СССР.

Существенный интерес представляет опыт применения концепции фронтальной модернизации при анализе правовых аспектов взаимодействия Российской империи с государствами Средней Азии в XVIII – начале XX в., предпринятый Р.Ю. Почекаевым. По мнению автора, концепция позволяет объяснить, как Российская империя в рамках своей политики стремилась повысить уровень развития окраин до уровня наиболее развитых регионов империи с целью эффективной интеграции окраин в имперское политическое, правовое, экономическое, культурное пространство¹¹. В итоге автору удалось охарактеризовать основные этапы формирования российского влияния на правовое развитие среднеазиатских ханств, выявить главные направления проникновения этого влияния, идентифицировать средства и методы российской правовой политики в ханствах Средней Азии после установления над ними протектората.

Подводя итоги краткому историографическому экскурсу, можно отметить определенную экспансию и диверсификацию концепции

¹¹ Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013.

№ 4. С. 174–190; *Он же*. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 21-2. С. 531–542; *Он же*. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020. 326 с.

фронтирной модернизации, которая стала применяться не только при изучении выборочной региональной истории XVIII–XIX вв., как это было первоначально, но и при обосновании страновых моделей модернизации, исследовании районов нового освоения в XX в. Особый интерес представляет проникновение данного подхода в историко-правовые исследования. Представляется, что концепция фронтирной модернизации, синтезируя возможности фронтирной и модернизационной теорий, расширяет и раздвигает исторические и содержательные границы применения как фронтирного, так и модернизационного подходов, позволяя находить новые зоны изучения и новые методы обобщения материала.

Библиография

1. *Алексеев В. В.* Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13.
2. *Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 157–170.
3. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148.
4. *Побережников И. В.* Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 72–140.
5. *Побережников И. В.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2015. С. 179–200.
6. *Побережников И. В.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018. С. 283–298.
7. *Побережников И. В.* Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2(21). С. 18–23.
8. *Побережников И. В.* Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.
9. *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203.
10. *Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 308–310.
11. *Побережников И. В.* Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274.

12. *Побережников И.В.* Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 140–148.

13. *Побережников И.В.* Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018. С. 173–178.

14. *Почекаев Р.Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 21-2. С. 531–542.

15. *Почекаев Р.Ю.* Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020. 326 с.

16. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

17. *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

18. *Тимошенко А.И.* Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтальное измерение // // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

19. *Шумкин Г.Н., Зубков К.И.* Лесопромышленный «фронт» горнозаводского Урала: планы развития древесноугольной металлургии региона в конце XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 158–169.

А.В.Трофимов¹

Екатеринбург

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН НА МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ²

Компаративистское изучение различных аспектов истории советского общества в первые послевоенные годы является актуальной историографической проблемой. В статье выявляются общие и специфические проявления эталонных, адаптационных, девиантных моделей поведения населения уральских городов, существовавшие после окончания Первой и Второй мировых войн.

Ключевые слова: Первая и Вторая мировые войны, СССР, советское общество, региональный ракурс, модели поведения населения уральских городов.

A.V. Trofimov

Yekaterinburg

THE INFLUENCE OF WORLD WARS ON THE BEHAVIORAL MODELS OF URAL RESIDENTS: A COMPARATIVE ASPECT

Comparative study of various aspects of the history of Soviet society in the first post-war years is an urgent historiographic problem. The article identifies general and specific manifestations of reference, adaptive, deviant models of behavior of the population of the Ural cities that existed after the end of the First and Second World Wars.

Keywords: World Wars I and II, USSR, Soviet society, regional perspective, behavior models of the population of the Ural cities.

Дважды в истории XX в. в стране и на Урале происходили глубокие социокультурные трансформации, связанные с окончанием Первой и Второй мировых войн. Компаративистское изучение различных аспектов истории советского общества в региональном ракурсе в первые послевоенные годы является актуальной историографической проблемой. Исследование феномена повседневности в эти периоды позволяет выявить общее и особенное как среди эталонных форм поведенческих практик, так и адаптационных и девиантных стратегий, определить структуры повседневности, оказавшиеся более устойчивыми и стабильными, выявить специфику «бытования» повседневности, обратиться к темам социальной цикличности и вариативности, переходности, множественности социальных и культурных практик.

¹ *Трофимов Андрей Владимирович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: 2519612@rambler.ru

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ» (рук. А.В. Трофимов).

Великая Российская революция, выросшая из Первой мировой войны, вовлекла огромные человеческие массы как в процесс «строительства нового мира», так и означала экзистенциальный выбор для каждого человека, способствующий или препятствующий выживанию и адаптации в новом советском социуме. Будни, проживаемые в режиме послевоенной постреволюционной трансформации, были наполнены для жителей уральских городов постоянными вызовами, борьбой за выживание, неоднозначным отношением к экономическим мероприятиям новой власти, порождали как высокий эмоциональный накал общественных настроений, надежды на скорое наступление «царства справедливости», так и глубокое разочарование, ожидание скорейшего провала социалистического эксперимента.

В условиях действия депривационных факторов, маргинализации, роста социальной напряженности, перманентных трудностей с обеспечением городов продовольствием расширился ареал девиантных поведенческих стратегий, сложилась сложная криминогенная ситуация. В условиях, когда обращение за помощью во властные структуры не оправдывало ожиданий, такие явления, как грабежи, убийства на почве голода, попрошайничество, употребление суррогатов, спекуляция, самогоноварение, вымогательство, взяточничество, фальсификация продуктов (например выпекаемого хлеба) и пр., становились неотъемлемой частью городского ландшафта, повседневной жизни населения Урала.

Особенно катастрофичной была ситуация с детьми. Оставшиеся без попечения умерших или бежавших в другие районы страны родителей, они попадали в приюты и детские дома, но и там испытывали трудности с продовольственным обеспечением. Так, в письме Пермского губернского женского отдела в Рыбинский губернский женский отдел с просьбой о помощи голодающим детям Пермской губернии в марте 1922 г. сообщалось: «У нас в губернии [Пермская] 184 000 голодающих детей, находится в детдомах около 12000, на которых отпускается всего 5000 с небольшим пайков... Питаются суррогатами, отбросами, собаками, кошками и т.д.»³.

Тяжелым оставалось положение и других категорий населения. Опубликованные документы свидетельствуют о бедственной ситуации различных категорий населения (работников образования, юри-

³ Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. А. В. Трофимов ; [кол. авт. : Е.А. Игишева, М.А. Клинова, С.М. Морий, А.В. Трофимов] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. С. 56.

стов и пр.), даже продработники, собирающие продналог, и их семьи недоедали. Налоговый инспектор Пермского уезда признавался в письме к ответственным советским работникам: «...Я сам лично за себя не ручаюсь, если в одно прекрасное время против воли и совести ради своих голодающих детей сделаю преступление по должности... Голодный продработник прежде всего будет искать себе кусок хлеба и вся продналоговая работа может быть сорвана»⁴.

Подобная ситуация не исключала, а, напротив, предполагала коррупционное поведение. Секретарь Пермского губкома РКП(б) и заведующий Пермским губернским отделом юстиции в докладной записке для ЦК ВКП(б) фиксировали летом 1922 г.: «...Не получая пайка с февраля, жалованья с апреля, не имея ни копейки на разъезды, судебный работник юстиции влачит самое жалкое существование... он, пользуясь своим служебным положением, добывает хлеб нечестными путями, сплошь и рядом попадая в зависимость к местной буржуазии, зажиточному кулаку, не исключая для себя возможности брать...»⁵.

При этом экономическая политика власти в 1920-е гг. не теряла своих классовых, идеологических ориентиров. Продолжалась конфискация недвижимого имущества граждан: домов, мельниц, мастерских и т.п., власти сопротивлялись демуниципализации строений, проводя ее только в крайних случаях, не приветствовалось вступление в жилищные кооперативы зажиточных категорий населения, выписывались высокие штрафы за обучение детей Закону Божьему и т.д. Советское уголовное законодательство первой половины 1920-х гг. базировалось на понимании природы преступности, порождаемой социально-экономическими условиями, такими как бедность, нищета, неграмотность большей части населения. Следовательно, изменение базиса общества с капиталистического на социалистический должно было стать основой для уничтожения преступности, но в реальности преступность лишь мимикрировала в новых условиях, а уголовный мир приобрел черты большей организованности.

С середины 1920-х гг. уголовник-профессионал стал рассматриваться властью как враг, мешающий построению социализма, и в борьбе с преступностью акцент сместился от исправительных мер к карательным⁶. Сокращению ареала применения криминогенных практик в уральских городах в середине – второй половине 1920-е гг.

---

⁴ Там же. С. 57

⁵ Там же. С. 57.

⁶ *Колемасов В.Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917—1934 гг.) // *Lex Russica*. 2016. № 7. С. 89.

способствовало наряду со стабилизацией социально-экономической ситуации в регионе использование механизма внесудебных репрессий силовыми структурами.

Годы, воспринимающиеся рядом историков как расцвет нэпа, не во всех свидетельствах тех лет получили столь однозначное отражение. Проблема продовольственного снабжения городского населения Урала так и не была окончательно решена. Так, документы 1926 г. содержат сведения о дефиците хлеба, повышении цен, стоянии за ним в очередях, поездках из города за мукой, вследствие чего участились опоздания и прогулы. В городах активно распространялись слухи о наступающем голоде (как в 1921 г.), о том, что советская власть отправляет хлеб за границу, заставляя голодать рабочих. Рабочие отказывались поддерживать кооперацию, хотели вернуть свои пай, поскольку кооперация не компенсировала отсутствие хлеба, а только требовала дополнительных взносов. Недовольство потребительской кооперацией доходило до попыток избиения отдельных кооперативных работников⁷. При этом частная торговля на Урале занимала скромную долю в товарообороте, тогда как включенность рабочих в сельскохозяйственное производство, стремление к самообеспечению являлись устойчивой стратегией поведения⁸.

Среди молодых людей в 1920-е гг. исследователи выделяют два основных типа: а) активный, свободолюбивый, жизнеутверждающий (большинство); б) пассивный, покорный, конформистский (меньшинство). При этом классовая принадлежность не всегда напрямую коррелировалась с формированием советской идентичности. Сложные условия жизни, проблемы с обеспечением продовольствием, неудобства коммунального быта не только «выковывали» поколение убежденных коммунаров-коллективистов, но и для части рабочей и крестьянской молодежи становились стимулом к преодолению существующего положения, использования достигательных стратегий поведения. Жизнь в условиях бедности сочеталась с мечтами о прекрасной жизни, стремлением молодежи побыстрее «выбиться в люди», разорвать «круг» удручающей повседневности, покинуть родительский дом и попасть в город, к достатку и карьере, новым горизонтам⁹.

⁷ Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.). С. 70–71.

⁸ *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.565.

⁹ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.531–533.

Проявления девиантного поведения населения в годы нэпа были связаны, с одной стороны, с определенной свободой, нередко переходящей во вседозволенность, а с другой – с необходимостью выживать в этих непростых переходных условиях. Жители уральских городов не понаслышке знали о грабежах продовольствия, росте проституции и ее связи с ростом женской безработицы, хулиганстве, бандитизме, пьянстве, массовых прогулах, невыполнении производственных заданий, хулиганах, которые нередко терроризировали население рабочих поселков вплоть до невыхода работников на ночные смены.

Окончание Второй мировой войны население Урала встретило в условиях апогея мобилизационной системы и действия депривационных факторов, что способствовало как высокой степени реализации эталонных (патриотических) моделей поведения, так и расширению пространства для использования адаптационных и девиантных экономических стратегий и социальных практик.

Мобилизационная экономическая модель, действовавшая в военный период и сохранившаяся в послевоенные годы, представляла собой систему административно-правового и политико-экономического регулирования деятельности стратегий населения. Основной целью реализуемого властью социально-экономического регулирования являлись восстановление и интенсификация производства, которые достигались в условиях ограниченного объема экономических ресурсов. Стимуляция трудовой активности горожан (более выраженная в промышленной сфере) осуществлялась различными методами: посредством мобилизационной риторики, административного принуждения, морального и материального стимулирования работников (дифференцированного в отношении различных социальных групп), усиления законодательных санкций в отношении девиантных экономических практик граждан, создания организаций и ведомств, регулирующих трудовые миграции населения и пр. В русле данной экономической модели население являлось не столько объектом направленной социальной политики, сколько ресурсом для реализации экономической политики государством¹⁰.

Спецификой Уральского региона являлось наличие в городах большого количества предприятий оборонно-промышленного комплекса. Значительная часть городского населения Урала была тесно связана с производственными технологиями, требовавшими компетентности, высокой производительности, соблюдения дисциплины труда.

¹⁰ *Клинова М.А.* Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. С. 370-371.

«Правильные» модели трудового поведения на оборонных предприятиях достигались как строгим контролем за процессом производства, так и материальным стимулированием и социальными льготами.

Так, в ходе создания во второй половине 1940-х гг. на Урале закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), на которых создавался «ракетно-ядерный щит», использовался различный инструментарий: существенные материальные и моральные стимулы для рабочих, специалистов и членов их семей (комфортные для послевоенного времени условия жизни, подчеркивание высокой значимости их труда для безопасности страны и всего мира) и одновременно тяжелые условия, в которых находился спецконтингент (заключенные), принимавшие участие в строительстве атомных объектов.

В официальном дискурсе констатация социально-экономических проблем послевоенного времени сводилась к признанию наличия «отдельных трудностей» и недостатков, «пережитков капитализма» в сознании людей, необходимости преодоления урона, нанесенного войной. Типичные для значительной части населения архетипы патерналистского сознания использовались в пропагандистской риторике: понятия «забота», «организация работы», «опыт работы» (с правонарушителями, сиротами, женщинами, инвалидами), «государственный контроль», «народный контроль».

В практической плоскости партийные, советские органы, общественные организации стремились реализовать формализованными управленческими механизмами «заботу» и «контроль», что, в свою очередь, не всегда воспринималось жителями городов как действенная «забота» и в значительной мере определяло тематику, содержание, стилистику «обратной связи» на уровне критических обращений граждан в органы власти. Вместе с тем в повседневной жизни горожан на Урале в послевоенный период происходили позитивные перемены: государством оказывалась материальная помощь жертвам войны (инвалидам, вдовам, сиротам); восстанавливалась система всеобщего начального образования, было введено всеобщее семилетнее образование; снижались цены на товары широкого потребления при некотором повышении зарплаты рабочих и служащих; вновь появились отпуска для работников; произошел переход на восьмичасовой рабочий день; в ряде отраслей промышленности была отменена судебная ответственность за самовольный уход с предприятия, прогулы и опоздания.

Возвращение к мирной жизни демобилизованных воинов, их трудоустройство стало важным явлением второй половины 1940-х гг.. Наряду с системой учета и трудоустройства бывших фронтовиков на

предприятия промышленности было организовано их снабжение продуктами питания, одеждой и т.п., оказывалась помощь семьям фронтовиков, при этом семьи, члены которых оказались в плену или считались пропавшими без вести, не получали социальной поддержки.

Основная масса населения Урала после Великой Отечественной войны, в том числе городского, находилась в сложных условиях, удовлетворение базовых потребностей осложнялось нехваткой ресурсов и прагматическим признанием со стороны государства неодинаковой степени полезности труда у разных страт населения, официально признавалось, что только «рост и совершенствование производства» может быть основой для «удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей». Несмотря на некоторый рост заработной платы в послевоенные годы, в условиях сильного дефицита стоимость жизни оказывалась выше платежеспособного спроса, а уровень жизни населения, хотя и рос, но оставался достаточно скромным. Так, по экспертным данным, через десять лет после окончания Великой Отечественной войны нормы фактического питания в стране были ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлебных продуктов и картофеля¹¹.

Экономическое сознание и модели поведения городского населения на Урале определялись, наряду с официальными пропагандистскими установками, послевоенными жизненными реалиями. Пространство стратегий повседневной жизни ограничивалось государственными механизмами контроля над сферой частной жизни (коммуналки и покомнатный принцип расселения, запрет аборт, нелегитимность фактических браков и т.д.). Для определенной части горожан выход из бедности и нищеты виделся в обращении к властям с просьбами о помощи по различным вопросам: трудоустройства демобилизованных военных, положения инвалидов войны, многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда и т.д.¹² Протестный потенциал, вызываемый недовольством тяжелыми условиями повседневной жизни в послевоенные годы, канализировался в «антисоветскую» агитацию: слухи, критика всех уровней власти по различным поводам (продовольственные трудности, денежная реформа, низкая заработная плата).

Во второй половине 1940-х гг. одной из наиболее существенных проблем было продовольственное обеспечение, постоянные пере-

¹¹ Советская жизнь. 1945-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2003. С. 134.

¹² Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.). С. 144-174.

бои в торговле хлебом, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами, спичками, солью, керосином и пр. Горожане вынуждены были, наряду с основной работой на промышленных предприятиях, часть своего времени тратить на самообеспечение продовольствием, используя возможности созданных в годы войны подсобных хозяйств промышленных предприятий и личных подсобных хозяйств граждан. Для части городского населения продовольственные трудности открывали возможности для создания нелегальных каналов снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Осуждаемые властью и общественным мнением, эти проявления (воровство, спекуляция, нажива) вместе с тем являлись для предприимчивых граждан попыткой расширить диапазон официально разрешенных экономических стратегий поведения и в определенной мере являлись инструментом преодоления продовольственного и товарного дефицита.

В данном контексте обратим внимание на то, что в послевоенные годы для многих горожан определяющее значение имел не только и не столько размер заработной платы, сколько наличие возможности легального приобретения необходимых товаров. Расширение в послевоенные годы социального пространства существования низкой коррупции, приемлемость в городском социуме «блата», неформального обмена услугами позволяла смягчать тяготы и жесткость «официальной» экономики. Правоохранительные органы стремились контролировать «черный рынок», поэтому продуктовая коррупция была более значимой, чем денежная. Продукты питания становились «твердой валютой», их обменивали на присвоенное государственное имущество, при этом украденная казенная собственность использовалась чаще для решения повседневных бытовых проблем, а не для престижного, демонстративного потребления. Среди должностных преступлений послевоенного времени превалировало «самоснабжение» – использование различными руководящими работниками материальных фондов предприятий и учреждений в личных целях. Помимо экономического ущерба, эти коррупционные действия ухудшали морально-психологический климат в трудовых коллективах, снижали производственную активность, способствовали развитию иждивенческих настроений, сужали пространство эталонных стратегий и расширяли ареал распространения адаптационных и девиантных моделей поведения.

Таким образом, следует отметить определенные общие векторы воздействия на модели поведения населения уральских городов, возникавшие после окончания мировых войн. Снижение уровня и качества жизни, расширение пространства маргинальных практик

актуализировали значение стратегий выживания, быстрой адаптации к возможностям мирной жизни, снижения востребованности эталонных практик. Военный опыт (фронтовой или тыловой), крестьянское происхождение и приобретенные навыки жизни в городах накануне и во время войн играли важную роль в 1920-е и в 1940-е гг. для выработки стратегий оптимального экономического поведения. Для второй половины 1940-х гг. характерен более широкий диапазон обращения граждан к инструментарию воздействия на органы местной, региональной и центральной власти, в том числе с использованием критики визуальных образов и их отличия от минимально приемлемых стандартов городского образа жизни (очереди, плохое состояние дорог, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.).

Библиография

1. *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.
2. *Клинова М.А.* Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. 428 с.
3. *Колемасов В.Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // Lex Russica. 2016. № 7. С. 85-92.
4. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.

Секция 1
МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К.А. Абдрахманов¹
Оренбург

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ СО СРЕДНЕЙ
АЗИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ РОССИЙСКИХ КУПЦОВ И
ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье представлен анализ письменных обращений российских предпринимателей, ведущих внешнеторговую деятельность со странами Средней Азии, к руководству Оренбургской губернии. Данные источники позволяют определить, с какими основными проблемами сталкивались купцы-экспортеры в первой половине XIX в. Переписка между региональным правительством и высшими имперскими сановниками демонстрирует реакцию органов государственной власти Российской империи на проблемы предпринимателей, так или иначе пострадавших в процессе своей профессиональной деятельности, и позволяет оценить степень участия государственного аппарата в решении проблем экономического взаимодействия с азиатскими ханствами.

Ключевые слова: письма, купечество, внешняя торговля, Средняя Азия, правительство

K.A. Abdrakhmanov
Orenburg

SPECIFICS OF THE ORGANIZATION OF TRADE WITH CENTRAL ASIA IN
THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY THROUGH THE PRISM OF
BUSINESS CORRESPONDENCE OF RUSSIAN MERCHANTS AND OFFICIALS
OF THE ORENBURG GOVERNORATE

The article presents an analysis of written appeals to the leadership of the Orenburg province from Russian entrepreneurs who participated in foreign trade with the countries of Central Asia. These sources allow us to identify the most significant problems of merchants-exporters in the first half of the 19th century. The correspondence between the regional authorities and the highest imperial dignitaries shows how the state authorities reacted to the problems of entrepreneurs who were in some way or other harmed in the course of their professional activities, and allows us to assess the degree of government involvement in solving the problems of economic relations with the Asian khanates.

Keywords: letters, merchants, foreign trade, Central Asia, government

На протяжении практически всей истории деловых отношений представителей российского торгового мира с коллегами из Средней Азии перемещение товаров осуществлялось посредством движения

¹ *Абдрахманов Константин Алексеевич* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, Россия. E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru
Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-49-60001

караванов. Доставка большого количества грузов в составе торгового каравана, насчитывающего порой до нескольких тысяч верблюдов, являлась для начала XIX столетия довольно непростым делом. Подобное мероприятие, сопряженное с разнообразными трудностями организационного характера от решения вопросов финансирования до транспортировки груза, требовало от предпринимателей напряжения моральных, физических и материальных ресурсов. Поэтому в случае неудачного исхода деловой операции купцы теряли существенную часть своих состояний и стремились компенсировать издержки, обращаясь за помощью к региональному или общероссийскому руководству.

Проблемы, поднимаемые купцами на страницах писем в администрацию Оренбургской губернии и погранично-таможенные структуры, не отличались каким-либо разнообразием. В подавляющем большинстве это были ходатайства о поддержке купцов, лишившихся средств и имущества в результате разбойного нападения отрядов кочевников. В исследуемый период нападения степных жителей на торговые миссии российских предпринимателей являлись регулярным явлением. Как отмечено в этногеографическом тексте, казахи, «в особенности дальние, пренебрегая внушениями правительства, предавались грабежу и разбою»².

Сведения, оставленные купцами как непосредственными участниками коммерческих предприятий, в чьих интересах было добиться положительного исхода торгового замысла и получить максимальную прибыль, наглядно показывают масштаб трудностей, с которыми они сталкивались при реализации внешнеторговой деятельности. На страницах подобных посланий, созданных в особой сословно-социальной среде, зафиксированы реакции индивидов на форс-мажорные обстоятельства, показан психологический настрой отдельных людей на разрешение сложившейся ситуации, отмечены тревоги и ожидания купцов по поводу будущего их предприятий. Б.Ю. Хайрутинов отметил, что введение в научный оборот эго-источников «позволяет глубже понять мотивы поведения как отдельных людей, так и целых социальных групп, проникнуть в их систему ценностей, выявить векторы их социальных ожиданий»³.

² *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748 – 1765 г.). Том 2. Тетрадь 1. Уфа, 1855. С. 1.

³ *Хайрутинов Б. Ю.* Эго-документы сельских мугаллимов предреволюционной эпохи (по материалам журнала «Шура») // Частные миры Великой русской революции: сборник научных трудов (на русском и татарском языках) / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2017. С. 368.

Достаточно известным фактом нападения разбойников на торговую «депутацию» российских купцов являлся налет в 1803 г. на отправленного с официальным визитом в Бухару поручика Я.П. Гавердовского. По свидетельству самого руководителя посольства, «купечество товары свои послать со мною соглашается на знаменитую сумму»⁴. Одним из предпринимателей, примкнувших к отряду царского дипломата и плативших за содержание казачьего эскорта по 2% с каждого рубля⁵, был ростовский купец Андрей Кайдалов, торговавший по доверенности от своего отца Саввы Кайдалова⁶. Пострадав от нападения казахов на караван в урочище Ходжаберган 6 сентября 1803 г.⁷, коммерсант Кайдалов обратился за поддержкой к имперским властям. Представленная ниже информация о последствиях разгрома миссии Я.П. Гавердовского содержится в переписке оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского и министра коммерции Н.П. Румянцева. Руководство страны посчитало нужным удовлетворить просьбу ростовского купца, поэтому ему «всемилостейше выда- но из банка в заем на 20 лет 15000»⁸. Всего же, по словам Кайдалова, он утратил 7616 руб. 28 коп. собственных средств и доверенное ему имущество некоего купца Мясникова на неизвестную сумму⁹. Стоит отметить, что система льготного кредитования являлась в XIX в. стандартной мерой поддержки оказавшихся в трудном положении купцов.

Положительное решение запроса А. Кайдалова послужило катализатором создания прочими ограбленными купцами аналогичных петиций. Согласно архивному документу, «Министр коммерции [Н.П. Румянцев – К.А.] и министр финансов [А.И. Васильев – К.А.] во исполнение Монаршей воли рассматривали две просьбы к первому из них, по высочайшему повелению препровожденные, касательно разграбления товаров, с поручиком Гавердовским отправленных: 1-я подана от казанского купца Бакирова, уполномоченного от торговой компании 1-й гильдии купцов Баязитова и Утямышева, в которой изъяснено, что в сие пограбление понесли они убытку до 138 028 и просят от правительства пособия займом по примеру Кайдалова...»¹⁰.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24А. Л. 9об.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 53.

⁶ Там же.

⁷ *Лысенко Ю. А. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. № 51 (1). С. 141.*

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 14об. – 15.

¹⁰ Там же. Л. 14об.

Высшие имперские чиновники считали прошение купечества правомерным и даже изъявили готовность оказать им содействие в восстановлении финансового положения. Но прежде чем приступить к выполнению программы поддержки, профильные министерства (коммерции и финансов) хотели получить подтверждения о суммах ущерба, заявленных пострадавшими. «Во уважение вышесказанных причин испрашивают высочайшего соизволения распространить монаршую милость, Кайдалову оказанную, на всех торгующих, претерпевших разграбление с Гавердовским, то есть: выдать им взаймы на 20 лет половину похищенных киргизцами имуществ, что составит 75000 руб., в чем министр финансов со своей стороны не находит затруднения, но сумму сию не иначе отпустить в их распоряжение как в то время, когда претензии их поверены будут оренбургским военным губернатором, к которому по объяснению Гавердовского таковые же документы поступили, как и к министру коммерции», – описывал условия содействия правительства источник¹¹.

К сожалению, имеющийся материал не содержит финала истории с поиском государственной поддержки, ограбленными предпринимателями, поэтому неизвестно, смогли ли пострадавшие подтвердить суммы причиненного ущерба.

Составленное лично А. Кайдаловым письмо позволяет увидеть такую особенность внешнеторгового дела российских купцов, как применение услуг посредников из числа тюркских народов мусульманской конфессии. Декларируя в оренбургской пограничной таможне предназначенные для отправки в Бухару товары, предприниматель указал: «Имею я отправить в город Бухарию при следующем туда господине поручике Гавердовском от имени отца моего приказчика казанского татарина Габайдуллу Хусеинова для торга разными товарами»¹². Практика найма служащих-мусульман позволяла избежать издержек при уплате пошлины на рынках азиатских ханств, которая для не принадлежащих к исламу купцов была значительно выше налога, взимаемого с единоверцев. Привлечение к деятельности на азиатском рынке приказчиков-мусульман снижало риск потери финансов в результате обмана со стороны местных торговцев, к тому же общность вероисповедания в большинстве случаев ограждала таких работников от претензий местных властей. Что касается российских и европейских предпринимателей, то даже сохранность их жизни в городах Средней Азии в первой половине XIX в. была под вопросом. Подтверждая эти слова, можно сослаться на утверждение А.А. Татаринова, который, сопровождая рос-

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 36.

сийских дипломатов в 1865 – 1866 гг., стал пленником в Бухаре. «Немногим европейцам удавалось вырваться благополучно из Средней Азии. Страшное невежество, величайшая подозрительность как владельцев ханств, так и народа – отличительная черта этих континентальных стран», – размышлял о нравах жителей Центральной Азии российский политик¹³.

Конечно, российские купцы, придерживающиеся норм ислама, не всегда лично отправлялись торговать в Центральную Азию, а посылали туда своих представителей – приказчиков-мусульман. Но это, скорее всего, было связано с желанием избежать трудностей длительного пути и уклониться от возможного столкновения с бандой кочевников, которые не разделяли свои жертвы по конфессиональному признаку. Так, приказчик малмыжского купца 1-й гильдии Абдулы Утямышева Абдулхалик Ибрагимов, готовясь к выезду в Бухару, записал: «Имею я отправиться в город Бухарию при следующем туда господине поручике Гавердовском с четырьмя при мне работниками татарами»¹⁴.

В записке ростовского купца А. Кайдалова о суммах и статьях расходов на организацию предприятия значились такие данные: «В таможенно отдано с отправленного капитала по два процента – 708 руб. 98 коп. Пошлина за российский товар – 82 руб. 83 коп. Приказчику платы отдано вперед – 1020 руб. Сундуков куплено для клажи товаров – 70 руб. Кож, кошом, веревок на обвязку тюков на 320 руб. От Оренбурга до Орской за провоз товара – 130 руб. В Орской крепости отдано киргизцам за извоз до Бухарии товара – 870 руб. Приказчику дано на путевые издержки – 300 руб.»¹⁵. Разнообразие статей расходов наглядно демонстрирует то, насколько трудоемким и затратным делом было снарядить караван в азиатские страны. Так, неотъемлемой при снаряжении каравана частью расходов были средства на наем сопровождающих из казахских родов. Ведь без помощи знающих безлюдные и безводные степи кочевников караванщики не смогли бы добраться до мест назначения. Профессионализм коренных обитателей казахских степей по достоинству оценил М. Алиханов-Аварский во время хивинского похода 1873 г.: «Надо удивляться в этом отношении способности и навыку кочевников: степь раскинулась как море на сотню верст во все стороны и на ней нет ни одной тропы, ни одного следа живого существа; нет неровностей, – ни один куст не возвышался даже на поларшина над прочими; наконец, нет даже звезд на небе.

¹³ *Татаринов А.А.* Семимесячный плен в Бухарии (с приложением карты южной части Туркестанской области и северной части Бухарии). СПб.; М., 1867. С. 1.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 39.

¹⁵ Там же. Л. 38.

При этих условиях киргизы едут как бы по врожденному инстинкту вернее, чем по компасу, и прямо выходят к надлежащему месту. По каким признакам они ориентируются – мне было просто непонятно!»¹⁶.

Среди подробного перечня вывозимых А. Кайдаловым товаров интерес вызывает следующий пункт: «сукна российской фабрики бракованного: 20 половинок мерою 420 аршин по 60 к.»¹⁷. Возможно, купец не преследовал цель продать жителям Средней Азии заведомо некачественный товар по завышенной цене, а просто вез то, что пользовалось спросом у населения ханств, однако различного рода обман в отношении местных потребителей постоянно применялся представителями отечественного бизнеса. По словам А.Е. Алекторова, российские купцы никогда не упускали возможность «...всучить азиатцу за его добро никуда не годный хлам и втридорога»¹⁸.

Во время нахождения в пространстве степи ни врожденные навыки следопытов у нанятых проводниками казахов, ни само их присутствие в качестве вооруженной охраны не могли в большинстве случаев спасти караван при нападении грабителей. Купец 3-й гильдии из города Арска Казанской губернии Абзалил Галиев в октябре 1811 г. писал Г.С. Волконскому о потере имущества в результате грабительского налета. «Со следовавшим в прошедшем лете 1810 года сюда из города Бухарии купеческим караваном от корреспондентов моих отправлено было ко мне за наблюдением жожака того каравана Чумекейского рода Буркатбая Ярмамбетова разного товара на немалую сумму, но в тракте ворами киргизцами караван весь тот остановлен и разграблен», – говорилось в письме коммерсанта¹⁹.

В первой половине XIX в. российские предприниматели не имели возможности эффективно заниматься внешней торговлей на азиатском направлении без поддержки со стороны государства. В 1817 г. на это указал один из приказчиков русского купца, находившийся в караване во время нападения на него подданных хивинского хана. «Без какого пособия и покровительства от начальства, мы по всей коммерции и по связи с заграничною торговлей потерпеть можем чрезвычайное расстройство и совершенное разорение», – уповал на содействие оренбургского руководства представитель коммерции²⁰. Максимальное содействие правительства требовалось в деле решения проблем

¹⁶ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873 // Степь и оазис. СПб., 1899. С. 42.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 53.

¹⁸ Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 124 – 125.

¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 824. Л. 1.

²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1598. Л. 23об.

безопасности торговых караванов, пересекающих казахскую степь. Региональные правящие круги понимали, что только выделение вооруженного эскорта для караванов могло хоть как-то гарантировать сохранность имущества, жизни и здоровья предпринимателей.

В письме директора Троицкой таможни М.С. Чекалова на имя военного губернатора Оренбуржья П.К. Эссена, датированном 1817 г., отмечалась значимость вооруженного сопровождения торговых миссий.

«Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть, что командировка за границу команд для встречи караванов есть черта самая преползная и спасительная для хода нашей азиатской торговли», – делился видением ситуации российский чиновник²¹.

Во многом же успешное завершение внешнеторговых деловых операций зависело от умения самих купцов ориентироваться в резко меняющейся обстановке и принимать соответствующие условиям верные решения. После благополучного возвращения из Бухары купеческий приказчик рассказывал представителям оренбургского пограничного ведомства о пережитых в дороге трудностях. По его словам, дорога «завела нас в аул Чиклинского рода к султану Бурухану, где хоть мы и были также в опасности по виду Бурухана к насыщению себя грабежом, но от того мы его устранили упорством своим в чем самом едва не дошло и до драки, но наконец по счастью удалились благополучно»²².

В источнике отсутствует описание того, как именно караванщики смогли отбить у султана желание присвоить себе их товары и средства, но совершенно очевидно, что в экстремальной ситуации человеческая смекалка могла помочь сохранить имущество и саму жизнь. Изобретательность отечественных коммерсантов в деле отражения атаки на караван подчеркивает следующий достаточно интересный фрагмент. По утверждению источника, победу в схватке за караван «одерживала всегда не та сторона, которая была сильнее, но которая была хладнокровнее и действовала хитрее»²³. «Так, например, случилось, что самоварная труба русского купца наводила страх и трепет на хищников и они бросались в бегство от ужаса, принимая ее за страшную пушку», – сказано о примере изворотливости купечества в критических ситуациях²⁴.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1552. Л. 20об. – 21.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1598. Л. 91.

²³ Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды / изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1859.

²⁴ Там же. С. 22.

В итоге можно констатировать, что письма-ходатайства и рабочая корреспонденция российских купцов, а также деловая переписка политических деятелей империи позволяют узнать важные подробности организации торговли с Центральной Азией в первой половине XIX в. На страницах этой категории источников имеются данные об этнорелигиозном составе торгующих с Азией предпринимателей, представлены предметы импорта и прописаны главные трудности выстраивания экономических связей со среднеазиатскими ханствами.

Библиография

1. *Алекторов А.Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. 128 с.
2. *Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873 // *Степь и оазис.* СПб.: Паровая скоропечатня Я.И. Либермана, 1899. 320 с.
3. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748 – 1765 г.). Том 2. Тетрадь 1. Уфа: Губернская типография, 1855. 64 с.
4. *Лысенко Ю.А.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2019. № 51 (1). С. 138 – 148.
5. *Татаринов А.А.* Семимесячный плен в Бухарии (с приложением карты южной части Туркестанской области и северной части Бухарии). СПб., М: Издание М.О. Вольфа, 1867. 137 с.
6. *Хайрутдинов Б.Ю.* Эго-документы сельских мугаллимов предреволюционной эпохи (по материалам журнала «Шура») // *Частные миры Великой русской революции: сборник научных трудов (на русском и татарском языках) / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой.* Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2017. С. 368 – 372.

В.И. Байдин¹
Екатеринбург

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ТАЙНОГО СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА А. Н. ДЕМИДОВА

Предания и предположения о тайном получении «в невянских подземельях» драгоценных металлов и даже чеканке серебряной монеты являются лишь легендами и фантазиями. Точно так же не соответствует истине заключение: «Никакой тайной плавки алтайского серебра Акинфием Демидовым не было». В докладе на основании изданных и архивных письменных источников, литературы по истории техники металлургического производства, записей фольклора, проведенных натуральных и археологических исследований, обнаруженного вещевого материала, его физических и химических анализов устанавливается существование на острове Сосновый Черноисточинского пруда (Свердловская область) демидовского производственного комплекса по выплавке серебра. Определяется примерное время и стадии его функционирования, реконструируется устройство и используемые здесь технологии.

Ключевые слова: Невьянск, серебряная монета, демидовский производственный комплекс, металлургия, Урал.

V.I. Baidin
Yekaterinburg

ON THE LOCATION OF THE SECRET SILVER MELTING PLANT A.N.DEMIDOV

Legends and assumptions about the secret receipt of precious metals “in the Nevyansk dungeons” and even the minting of a silver coin are just legends and fantasies. Likewise, the conclusion does not correspond to the truth: “There was no secret melting of Altai silver by Akinfiy Demidov.” The report, on the basis of published and archival written sources, literature on the history of metallurgical production technology, records of folklore, conducted field and archaeological research, discovered material material, its physical and chemical analyzes, establishes the existence of the Demidov industrial complex for the smelting of silver. The approximate time and stages of its functioning are determined, the device and the technologies used here are reconstructed.

Keywords: Nevyansk, silver coin, Demidov industrial complex, metallurgy, Ural.

В 4-м выпуске Альманаха Международного Демидовского фонда появилась пространная статья специалиста по истории золото- и серебропромышленности Алтая из Барнаульского государственного педагогического университета (БГПУ) А. В. Контева². В конце основного текста статьи – «принципиальный вывод», выделенный жирным шрифтом: «Никакой тайной плавки алтайского серебра Акинфием Демидовым не было».³ Контев последовательно «разбивает» назван-

¹ **Байдин Виктор Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России. Уральский федеральный университет. E-mail: Baidin53@mail.ru

² *Контев А. В.* Незаконная добыча Акинфием Демидовым серебра из алтайских руд: аргументы «за» и «против» // Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2009. Вып. 4. С. 67–69.

³ Там же, С. 67.

ные им 13 «аргументов» в пользу организации плавки серебра. С отдельными его соображениями можно согласиться: так, обнаруженное геологом и минерологом С. А. Лясиком в саже дымохода знаменитой каменной наклонившейся башни в г. Невьянске (бывшем Невьянском заводе) относительно высокое содержание серебра (в пересчете до 3 г на тонну) и очень небольшое меди свидетельствует как раз о том, что никакой выплавки серебра в башне (или в гипотетических «подземельях» под ней. – В. Б.) не велось. Оно в отличие от меди не выплавлялось здесь из некоего «концентрата», но в буквальном смысле улетучивалось с дымом при извлечении меди и вместе с сопутствующими ей в алтайских рудах свинцом и цинком, концентрация которых в саже тоже повышена, оседало на стенках дымохода⁴.

В верхней части квадратного основания башни (четверика) размещалась пробирная лаборатория⁵. «Каждый почти медный рудник имеет медную руду, по составу отличающуюся от других и требующих различных приемов очистки. <...> Отсюда вытекала и необходимость <...> устройства «лаблаторый» и «пробирных изб» на медеплавильных заводах...»⁶ Плавка меди на демидовских предприятиях восточного склона Урала, кроме Невьянского, велась также на Нижнетагильском и Выйском заводах. Производства эти в значительной степени, а с конца 1730-х гг. исключительно работали на алтайском сырье; с этого времени все оно поступало на них через Невьянск. Не говоря уже о его роли как центра демидовской «империи» и присылке сюда для проведения проб алтайских медных руд.⁷

Что касается легенд и предположений о якобы целой сети подземных помещений и ходов в Невьянске, когда-то соединявших между собой демидовские хоромы, наклонную башню и территорию собственно завода⁸ (см., например: о тайной плавке в этих подземельях

⁴ Лясик С. Легенда под микроскопом // Уральский следопыт. 1973. № 2. С. 15–16 и Контев А. В. Указ. соч. С. 65–66.

⁵ В «Описании, где сколько при заводах умершаго <...> Акинфея Демидова каких фабрик, в них горнов, молотов и протчаго» 1746 г.: «18. Пробирная под каменную башнею (собственно башнею считался только восьмерик над четвериком основания, точнее, три поставленных друг на друга уменьшающихся восьмерика с шатром над ними – В. Б.), в ней железных две печки и один горн». [Очерки, с. 113 (№5); см. также: Там же, с. 70 (№4)]. – В издании у источников, помещенных в приложениях к очеркам и в самостоятельных разделах под заголовками «Публикации», – общая сквозная нумерация.

⁶ Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935. С. 85.

⁷ См.: Очерки, С. 113, 115–116 (№ 5); ГАСО, ф. 643, Оп. 1, Д. 240, Д. 236, 237, 280, 325 об.–326 об.; Оп. 2, Д. 1123а, Л. 25–25 об.; Ф. 24, Оп. 1, Д. 1037, Л. 173; РГАДА, Ф. 1267, Оп. 1, Д. 609, Л. 184–184 об.; Д. 611, Л. 51 об., 54.

⁸ Лясик С. Указ. соч. С. 13–15; Слукин, С. 44–45.

драгоценных металлов и чеканке серебряных монет; и о страшной судьбе работников, затопленных в подвалах башни в момент приезда на завод правительственных ревизоров) – все они являются лишь легендами и фантазиями. Никаких достоверных документальных и вещественных свидетельств существования в прошлом в Невьянском заводе «сети подземелий» не имеется. Все случаи их «обнаружения» в ходе строительных работ (бывало, что тоекратно в разные годы XX в. в одном и том же месте!), после гигантского пожара в 1890 г. и т. д. связаны с засыпанными подвалами под постройками демидовской эпохи. Протяженность некоторых подвалов при наличии одного общего входа достигала нескольких десятков метров. Не говоря уже о сложном геологическом строении территории завода (пример наклонившейся башни), извлечение серебра – многостадийный процесс промышленно-мануфактурного типа и осуществить его «в подземелье» практически невозможно. Это относится и к чеканке тогдашних серебряных денег 77-й пробы, для чего, по словам заведовавшего нумизматическим отделом Эрмитажа крупнейшего знатока русских монет И. Г. Спасского, «требовался не закуток в темном подвале, а целые предприятия с лабораторией и громоздкими механизмами»⁹. (Нумизматике никакие демидовские или подозреваемые в том серебряные монеты тоже не известны.)

Даже «уральский сказочник» П. П. Бажов в письме ответственному редактору «Литературной газеты» и журнала «Огонек» А.А. Суркову в 1945 г. высказывался следующим образом: «Вообще этой ходовой легенде (о подвалах Невьянской башни и затопленных в них фальшивомонетчиках, подразумевающую выплавку здесь серебра для чеканки денег – В. Б.) я не верю именно потому, что не могу представить себе это дело практически. <...> На Урале того времени ничего не стоило найти десяток хорошо укрытых мест <...>. Только и всего, и никакого подземелья не требуется».¹⁰

Имеется и более определенное свидетельство о выплавке серебра не в темных и тесных «невьянских подземельях». Бывший начальник уральских горных заводов А. (Н.) С. Ярцов в написанной им в начале XIX в. и оставшейся неопубликованной «Российской горной истории» сообщал: «По преданиям же старожилов известно, что для очистки оной [меди] устроено было на одном острове Черноисточен-

⁹ *Байдин В. И.* О том, когда и кем построена Невьянская наклонная башня, каменный господский дом, а также о невьянских подземельях // *Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города)* / под общ. науч. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург, 2001 2001, С. 56–57; 58–63; см. также: *Очерки*, С. 70–72 (№3, 4).

¹⁰ *Бажов П. П.* Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 150.

ского озера (пруда – В. Б.)¹¹ фабричное здание, где не только черная медь нанятыми иноземными искусными плавильщиками отделялась, но даже серебро из свинца доставалось»¹².

Не вдаваясь в особые технологические детали и забегая вперед, отмечу, что вместо наиболее распространенного способа извлечения из черной меди серебристого свинца, из которого затем выплавлялось серебро¹³, Ярцовым описан несколько иной. Сначала из криц (губчатых масс металла, полученных в плавильной печи) и, возможно, жуков (глыбок отвердевшего шлака, смешанного с металлом, и его спекшихся сгустков) – продуктов начальной плавки медной руды – «отделялась» черная медь, а потом уже производились операции по получению из нее серебра. Вероятному использованию именно такого способа есть, пусть и не прямые, документальные подтверждения. В письме из Тулы от 2 апреля 1735 г., когда стало известно об отправке по инициативе В. Н. Татищева на Алтай «команды» для изъятия Кольванно-Воскресенского завода в казну (на этот раз временной; в 1737 г. предприятие Демидову вернули) и о назначении на частные уральские заводы шихтмейстеров – горных чиновников-надзирателей от казны (на Черноисточинском и Верхнетагильском заводах им стал шихтмейстер В. Раздеришин)¹⁴, расположенное неподалеку от первого сереброплавильное производство пришлось, очевидно, ликвидировать (на время – В. Б.); А. Н. Демидов отдал главному невьянскому приказчику Стефану Егорову (Густомесову) следующее распоряжение: «Также и крицы вели вывезть до Тоболска, а дале не прекажи вести, буде они у них (на Алтае – В.Б.) свезены на пристань; и вели их сложить в Тоболску на нашем доме»¹⁵.

¹¹ Пруд образовался после постройки на вытекающем из оз. Черное Черном Истоке, впадающем в речку Черную, в свою очередь, впадающую в р. Тагил, плотины пущенного в 1729 г. Черноисточинского завода А. Н. Демидова.

¹² Цит по: *Рожков В. Акинфий Никитич Демидов на своих Кольвановоскресенских заводах. Исторический очерк 1744–1747 годов* // Горный журнал. 1891. Т. 3. С. 340. Сам Рожков далее этот сюжет не развивал. О Ярцове и его «Российской горной истории» см.: [Пензин].

¹³ *Контев А. В.* Указ. соч. С. 66.

¹⁴ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 580.

¹⁵ См. также: ГАСО, Ф. 643, Оп. 2, Д. 1123а. Л. 25–25 об.; Д. 577, Л. 35, 35об.–37. («ярлыки» об оплате местным крестьянам зимой 1733–1734 г. перевозки до Нижнего Тагила от Санкиных юрт на р. Туре медных криц, доставленных туда водой с Алтая). Из отчетности Кольвано-Воскресенского завода за 1729–1734 гг. следует, что черную медь там выплавляли напрямую из руды, из роштейна – результата обжига руды в специальных печах, а с 1734 г., после приезда с Урала демидовского иностранца-контрактера, плавильного мастера А. Х. Молле [ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 587, Л. 111 об.]; о нем см. далее, «пережигали» её (без цели получения в дальнейшем серебра – В.Б.) из криц [Там же, Д. 707, С. 819–821].

Последняя партия сырья в 4,6 тыс. пудов, состоящая, по данным Н. С. Корепанова, из наплавленных криц и кричных обломков, готовых кругов (черной меди – В. Б.), непроплавленных «жуков» и т. д., отправленная с Кольвано-Воскресенских заводов уже после их перехода в собственность Кабинета императрицы (и перепрофилирования на производство серебра), поступила на Невьянский завод в 1748 г. К ним добавили привезенную из Тобольска (с демидовского двора) «оставшую (оставшуюся) тамо в крицах и кругах медь». Среди них имелось 43 пуда пригодной «к вынятию» серебра «свинцовой» черной меди, включающей, как явствует из указа Берг-коллегии 1749 г., «крицы, обломки и жуки»¹⁶.

Указание Ярцова на местоположения тайного сереброплавильного демидовского предприятия (со ссылкой на указанную статью В. И. Рожкова) А. В. Контев почему-то интерпретировал в соответствии с построениями авторов дореволюционных работ по истории горного промысла на Урале и Алтае, причем преимущественно популярного характера: «По другой легенде серебро добывалось из черной меди в подвалах башни Нижнетагильского завода А. Демидова. Эта башня располагалась посредине заводского пруда и в случае неожиданной проверки затапливалась вместе с работниками»¹⁷.

Так получилось, что практически одновременно с выходом статьи Контева с обоснованиями отсутствия при Акинфий Демидове тайной плавки алтайского серебра удалось обнаружить и обследовать материальные остатки этого «несуществующего» производства на одном из островов Черноисточинского пруда и подтвердить именно такую их принадлежность естественнонаучными и археологическими методами, данными литературы по истории металлургии, архивными материалами и другими источниками.

После того как по сведениям местных краеведов¹⁸ и ранее жившего в Нижнем Тагиле археолога М. Ю. Баранова было уточнено место-

¹⁶ *Корепанов Н. С.* Серебро на Нейве? // Слукин В. М. Легенды и были Невьянской башни. Екатеринбург, 2011. С. 93–99.

¹⁷ *Контев А. В.* Указ. соч. С. 54, 67 (примеч. 2, 3).

¹⁸ *Пичугин А.* Тайна острова Соснового // Уральский следопыт. 2004. № 11. С. 13–14. Упоминаемый в указанной заметке А. Л. Пичугина и других его публикациях, касающихся данной темы, находящийся неподалеку от южного берега острова фундамент из скрепленного раствором дикого камня 6х5 м и высотой до 0,5 м, к промышленному производству отношения не имеет. Это остатки погребов при построенном в 1758 г. «поземном» деревянном «увеселительном доме» младшего сына А. Демидова Никиты, которому по разделу между тремя братьями досталась Нижнетагильская группа заводов. Описание всего этого комплекса, включающего и другие постройки [см.: ГАСО, Ф. 643, Оп. 1, Д. 28, Л. 230 об.–231 об. (1759 г.)]. Ок. 1766 г. дом с острова был перенесен в Нижнетагильский завод [Паллас, С. 248, 253].

нахождение остатков каких-то сооружений – о. Сосновый (всего на современном Черноисточинском пруду насчитывается 19 островов и островков)¹⁹ – в июле 2009 г. мы с моим покойным другом, гендиректором Научно-аналитического центра проблем сохранения природного и культурного наследия «АВ КОМ – Наследие» Г. З. Вайсманом выехали на пруд. На Белогорской базе рыбаков и охотников взяли напрокат весельную лодку и поплыли на расположенный в 2,5 км о. Сосновый. В его возвышенной части близ северо-восточного берега, обращенного в сторону пос. Черноисточинский (до него от острова 6,5 км), находится ориентированный примерно В-З заросший фундамент из природного рваного камня размеров до 22x11 м, местами выступающий над поверхностью от 0,1 до 0,2 м, при ширине до 0,3–0,4 м. По центру фундамента расположены «Г»-образные основания (со сторонами ок. 6x4,5 м) двух печей (горнов?), сложенные из местного камня; по виду они совсем не похожи на остатки «русских» бытовых печей. (В октябре того же года дополнительно выезжавшими на остров Г. З. Вайсманом и археологом С. А. Крузементом снят глазомерный топографический план остатков сооружений на его северо-восточном берегу).

В десятке метров от фундамента, параллельно ему, имеется углубление в скальном грунте подпрямоугольной формы размеров 8x7 м и глубиной до 4 м, с проделанным в его короткой стене выходом из углубленной части в сторону берега острова длиной 3 м, и с обложенными рваным камнем стенками. Прослеживается обкладка стен самого котлована таким же камнем на известковом растворе. Вдоль верхних краев – навалы почвы (обваловка), повторяющая контур полости в скальной основе. Слой почвы по верхним краям котлована местами имеет зеленоватую окраску, на дне и склонах растут одиночные лиственные деревья, в том числе береза диаметром не менее 1 м, на вид где-то 200-летняя²⁰. Около противоположной от входа-выхода (спуска) в котлован стенки и по его центру – развал кирпичей, их фрагментов со следами известкового раствора, на задернованной поверхности дна разбросаны многочисленные камни, выброшенные из грабительских ям и выпавшие из обкладки стен. В углу справа от входа сохранился угол (высотой ок. 1 м) сложенного из красного необожженного большеформатного кирпича сооружения; аналогичные кирпичи ле-

¹⁹ Музей горнозаводского дела, С. 83.

²⁰ Подобные, и даже большего размера, мне в 1980-е гг. приходилось видеть западнее Екатеринбурга – в районе пос. Бисерть Нижнесергинского района Свердловской обл. – на старых участках Сибирского тракта, в начале 1780-х гг. обсаженного по обочинам березами.

жат и в развале напротив входа в котлован. Они оказались несколько крупнее (32x16,5x8 см), чем превосходящий современный по размерам стандартный красный кирпич уральского горнозаводского производства XVIII в., который подвергался обжигу²¹.

Как только я увидел эти кирпичи из необожженной глины, то понял, что могу датировать остатки сооружений из них с точностью до нескольких лет. В первой половине 1730-х гг. старообрядец-приказчик Иргинского завода П. Осокина Р. Ф. Набатов разработал новую технологию плавки меди, основанную на использовании особых флюсов. По сравнению с преобладающим тогда способом, она, за счет исключения этапа обжига руд на роштейн, давала существенное сокращение времени процесса плавки, снижение затрат, к тому же, увеличение выхода продукции. По словам Набатова, «и другой способ к немалой интересной (финансовой, экономической – В. Б.) пользе <...> сыскан: то есть вместо горнового камня кладку и починку тех плавильных печей из натуральной глины зделанными необожженными, точию высушинуыми, болшими кирпичами (здесь и далее курсив в текстах документов мой – В. Б.), и кроме того дикаго (горнового – В. Б.) камня, те все плавки содержать обучил».

Нововведениями Набатова в медеплавильном производстве заинтересовался А. Н. Демидов и, как писал Родион Федорович, «ради сыскания к его заводам потребных к тому действию флюсов и крепкой глины, и устонову (введение новой технологии плавки – В. Б.) прямо на черную медь, <...> призвав, определил...». В середине декабря 1736 г. Набатов уезжает приказчиком на алтайский демидовский Кольвано-Воскресенский завод. Однако вскоре его арестовывают за организацию побега из Тобольских консисторских застенков авторитетнейшего уральского старообрядческого лидера старца Ефрема, делом которого интересовалась Канцелярия тайных розыскных дел. Последующие несколько лет Набатов, с небольшим перерывом, провел в заключении в Тобольске.

Из тюремных казематов он усилиями П. Осокина и Демидова освободился на этот раз не ранее весны 1742 г., когда и смог приступить к обязанностям приказчика на Невьянском заводе. Так, 27 апреля им вместо уехавшего из своей уральской «столицы» Акинфия Никитича подписана инструкция расходчику строящегося Висимо-Шайтанского завода²². Посетивший Невьянск в конце лета того же года академик И. Г. Гмелин за-

²¹ Специальный огнеупорный кирпич изготовлялся тогда из белой глины, был меньшего размера и часто фигурным. *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935. С. 154, 304.

²² Инструкции, С. 159–160.

стал здешнее медеплавильное производство уже перестроенным на «набатовский лад». Аналогичной модернизации подверглась плавка меди на Нижнетагильском и соседнем Выйском заводах. В 1743 г. Набатов занимался внедрением своей технологии на группе медеплавильных предприятий А. Н. Демидова вокруг Кунгура, в 1744–1745 гг. руководил строительством первенца горнозаводской мануфактурной промышленности Южного Урала – Воскресенского медного завода симбирских купцов И. Твердышева и И. Мясникова, тоже по своей новой «установе» плавки²³.

Из сказанного следует, что на демидовских заводах восточного склона Урала введение набатовских новшеств, в том числе устройство плавильных печей из крупноформатного необожженного кирпича из особой «крепкой глины», могло быть осуществлено с конца весны, скорее, даже летом 1742 г. Это нижняя хронологическая граница. Верхняя хронологическая граница существования островных плавильных печей (горнов) из данного кирпича относительно широкая: где-то перед «объявлением» А. Н. Демидова наличия серебра в алтайских рудниках в начале 1744 г. и последовавшей в августе 1745 г. кончиной заводчика. В данном случае это не столь важно. Производство необожженного кирпича было организовано на Черноисточинском заводе. В «Ведомости» предприятий наследников А. Демидова, составленной в соответствии с именным указом императрицы Елизаветы президенту Берг-коллегии А.Ф. Томилову от 30.09.1745 г., чьи сведения, судя по некоторым деталям, относятся к концу этого или самому началу следующего года, на Черноисточинском заводе значатся «два кирпичиные сараи, и при том обжигальная печка»²⁴. Если один из сараев с обжигальной печью служил для изготовления стандартного красного обожженного кирпича, необходимого для кричных и дощатых горнов железоделательного (молотового) Черноисточинского завода, то другой, наверное, был предназначен для островных плавилен, что клались тем самым «из натуральной глины зделанными необожженными, точию высушинными, большими кирпичами»²⁵, введенными Р. Ф. Набатовым. В «Ведомости (описи) о Черноисточинском заво-

²³ Байдин В. И. Новое о Р. Ф. Набатове и его окружении (предварительные заметки) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 333–334, 337–342; Байдин В. И. Кириша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 127–135; ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 990–993, Л. 233, 246 об.

²⁴ РГАДА, Ф. 271, Оп. 1, Д. 590, Л. 57 об.

²⁵ На недалеком, расположенном в 25 верстах от Черноисточинского, упоминавшемся Висимо-Шайтанском заводе, тоже молотовом, – только один «кирпичиной сарай» и «изба для обжига» при нем; на Выйском же заводе, где имелось медеплавильное производство, для которого гондились необожженные кирпичи, – «сарай для сушки глины» [Там же. Л. 65 об., 75. об.].

де...» 1759 г., включающей постройки, сохранившиеся еще со времен его основания, значится «два сарая для дела кирпича <...>, из которых один порожжей...»²⁶.

Для анализов в котловане на острове взяты образцы почв, в том числе зеленоватого цвета с его верхнего края и с дна, и обломок кирпича из необожженной глины (часть которого подверглась обжигу в результате нахождения в печи) со следами известкового раствора, лежавший в дерновом слое перед сохранившимся углом кирпичного сооружения справа от входа в котлован. Их элементный анализ с целью обнаружения следов металлического серебра был проведен в августе 2009 г. в научно-исследовательской лаборатории для рентгеновских приборов кафедры экспериментальной физики УГТУ–УПИ ведущим научным сотрудником кафедры, канд. физ.-мат. наук В. А. Семенкиным. Измерения выполнялись на приборе МАРФ–002А – рентгеновском флуоресцентном микроанализаторе с радиоактивным источником Америций-241 для возбуждения характеристической рентгеновской флуоресценции химических элементов; микроанализатор сертифицирован и зарегистрирован в Госреестре средств измерений. Прибор полностью компьютеризирован и использует для регистрации возбужденного рентгеновского излучения кремниевый ПИН-детектор высокого разрешения. Образцы для измерений были разбиты на несколько групп: «почвообразные (рассыпающиеся)» – та самая зеленоватая почва; «глинообразные (обожженные)» – из обломка кирпича; и т. д. И в последних из названных выявлены следы серебра! «В образцах других групп – говорится в технической записке, приложенной к результатам измерений в виде скриншотов программного окна интерфейса управления микроанализатором, – в спектре рентгеновского излучения пика, соответствующего серебру, не найдено». Таким образом, можно заключить: в печи (горне), из которой, видимо, происходил обломок кирпича, осуществлялась выплавка серебра²⁷, что объясняет его относительно высокое инте-

²⁶ ГАСО, Ф. 643, Оп. 1, Д. 28, Л. 229 об., 230, 238 об.

²⁷ В чем-то повезло, что для проведения анализов был взят именно оказавшийся «репрезентативным» фрагмент кирпича; судя по некоторым признакам, происходящий из нижней части печи. Хотя специально такой задачи не ставилось, элементный анализ на рентгеновском флуоресцентном микроанализаторе показал: зеленоватый цвет почвы с верхнего края котлована обусловлен, возможно, наличием в ней молибдена. Он содержится также в глине, из которой изготовлен обломок кирпича. Наличие молибдена, вероятно, и определяло необходимые огнеупорные качества не обожженных, а только высушенных кирпичей из данной глины. В почву молибден мог попасть при работе плавильных печей, сложенных из такого кирпича, с выходящим из них паром и дымом в связи с термическим воздействием на материал кирпичей в ходе плавок. Характерно, что участки окрашенной в зеленоватый цвет почвы по верхнему краю котлована локализованы примерно над находящимися в нем остатками печей.

гральное содержание ($8,6 \pm 0,05$ %) в образцах, взятых с поверхности этого обломка.

В июне 2010 г. отрядом НПО «Северная археология –1» (г. Нефтеюганск) под руководством М. Ю. Баранова по заказу МУК «Нижнетагильский музей-заповедник “Горнозаводской Урал”» проведены обследование и топогеодезическая съемка на о. Сосновый в его северо-восточной и восточной частях на площади 1,5 га. В полевых работах принимали участие представители НПЦ Свердловской области по охране и использованию памятников истории и культуры. Для научных консультаций и ознакомления на месте с результатами археологических исследований я также выезжал тогда на остров. В задачи обследования, помимо создания топографического плана, входили фиксация местоположения и составление описания археологических памятников, их идентификация, сбор подъемного материала²⁸.

Разборка заполнения грабительской ямы посередине котлована (общая глубина шурфа до 0,9 м) и зачистка с целью выявления стратиграфии её западной стенки; состав расположенных ниже по склону и в сторону от входа в него двух навалов (один – протяженностью до 17 м при ширине от 3,5 до 5,5 м, другой 6x4 м: скальная порода без следов строительного раствора на её поверхности, скопления рваного камня как со следами известкового раствора, так и без них, куча материкового суглинка, перемешанного с кусками битого обожженного кирпича, в котором найдены два мелких фрагмента чугунной плиты («доски»); и т. п.) позволяют считать, что плавильные печи из «набатовского» кирпича были в котловане не первыми, им предшествовали традиционные: из горнового камня и обожженного кирпича. А чугунными досками выстилалась поверхность перед и по бокам плавильных печей. Неподалеку от первого навала обнаружена подобная плита, определяемые параметры которой: ? x ок. 0,7 x 0,02 м (получить точные её размеры и полностью сфотографировать не удалось, так как она залегает под корнями крупной березы) примерно соответствуют размерам стандартных чугунных досок полов XVIII в.: $0,74 \times 0,71 \times 0,02$ м²⁹. Аналогичные, судя по их весу, чугунные доски использовались для плавильных печей частных заводов³⁰.

²⁸ Отчет направлен: заказчику работ – МУК «Нижнетагильский музей-заповедник “Горнозаводской Урал”»; в отдел полевых исследований Института археологии РАН; в архив исполнителя – ООО НПО «Северная археология–1». Находки, сделанные в ходе этих археологических исследований, по коллекционной описи переданы в фонды музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

²⁹ Геннин В. де. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 417;

Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства. С. 211.

³⁰ ГАСО, Ф. 643, Оп. 2, Д. 1123 а, Л. 3.

Глубина и размер котлована с выходом-спуском еще при осмотре в 2009 г. давали возможность предполагать наличие перекрытия у размещавшегося в нем «цеха», т. е. фактически он оказывался «подземным». (Сразу вспоминаются легенды о «деמידовских подземельях», где выплавляли серебро и якобы чеканились деньги!) В ходе полевых работ на дневной поверхности вдоль краев котлована археологами в одном из навалов (обваловке) в дерновом слое найдены два кованых железных гвоздя. Обваловка эта, по мнению М. Ю. Баранова, – остатки выполненной из дерева крупной, размером ориентировочно 17x11 м, наземной постройки над углубленной частью сооружения³¹.

Вернусь теперь к коротко описанному ранее фундаменту 22x11 м из рваного камня, судя по всему, фундаменту того самого «фабричного здания, устроенного на одном острове» Черноисточинского пруда («озера»; см. выше цитату из «Российской горной истории» А. С. Ярцова), представляющего более раннюю стадию существования островного производственного комплекса. Свидетельствами плавки в нем на серебро являются особенности конструкции оснований печей, расположенных по центру фундамента, и обнаруженный в них, рядом и в окрестностях вещевой материал.

Упомянутая в названной цитате из труда Ярцова черная медь – промежуточный продукт её плавки: сплав меди с железом, некоторым количеством других металлов и остатков серы. Она выжигалась, и железо от черной меди отделялось в гармахерских (разделительных) горнах. «При постройке горна должно было обращать внимание на тщательное устройство продушин под горном, чтобы почвенная сырость никоим образом не могла проникнуть в самый горн, так как это могло вызвать разбрызгивание плавящейся меди и даже взрыв горна»³² – описание технологии разделения меди и железа в гармахерском горне. Следы таких продушин в виде канавок прослеживаются в остатках основания печи (горна) в западной половине фундамента. В дерновом слое, перекрывающем остатки горна, обнаружен кусок (45x32x12 мм) чугушной окалины. Здесь находится также фрагмент чугунной плиты (доски), еще один фрагмент доски такой же толщины

³¹ Отчет, с. 24–25. Из неназванных ранее находок археологов следует отметить еще одну: в дерновом слое на склоне берега к северу от фундамента 22x11 м, где фиксируется большая плотность подроста ели, маркирующая, видимо, участок измененного в результате давней активной антропогенной деятельности почвенного покрова, обнаружена медная монета – деньга 1741 г. – что тоже соответствует общей датировке остатков сооружений.

³² *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства. С. 95; *Геннин В. де.* Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 412–413, 414.

найден в яме справа от разрыва кладки фундамента в его северной стене шириной до 5 м, где, скорее всего, размещались крупные технологические ворота. Толщина фрагментов этих плит (11 мм) меньше, чем у чугунных досок половых³³.

Процедура плавки в гармахерском горне давала так называемый «гаркупфер» – почти чистую красную медь, в которой в небольших количествах могли быть золото, серебро, свинец, никель, цинк и другие металлы. Для получения меди окончательная очистка гаркупфера происходила при следующей плавке в том же горне или особых горнах³⁴. Отделение серебра от меди и свинца осуществлялось в специальных купеляционных печах. Их обзор в разных горнопромышленных районах Европы с описанием устройства цехов, снабженный изображениями, и способов выделения серебра приводится в известном трактате XVI в. Г. Агриколы по горному делу и металлургии³⁵.

Остатки основания второй находящейся по центру фундамента печи – в его восточной части – сложены, как и у первой, из рваного камня. При их обследовании археологами на развале каменной кладки под дерном обнаружен фрагмент трехгранного чугунного бруска отверстием диаметром 19 мм, размером 80x50x30 мм, – предположительно детали воздуходувной фурмы плавильной печи. В центральной части образованного этими остатками возвышения отмечены Т-образно расположенные западения, напоминающие характеристику у Агриколы особенностей конструкции основания тех купеляционных печей, которые строились во Фрейберге и Мейссене, т.е. в Саксонии; вспомним, что саксонцем и, видимо, тем самым «иноземным искусным плавильщиком», о котором слышал А.С. Ярцов, наладившим «доставание» серебра на острове Черноисточинского пруда, был работавший на А.Н. Демидова с 1731 г. А.Х. Молле, – единственный,

³³ По толщине им из чугунного литья казенных заводов XVIII в. практически точно соответствуют (1/4 вершка, вершок – 0,045 м) лишь «доски нижнего става» и «доски трубные боковые, передняя, задняя» для каминов. [Геннин, с. 652 («О припасах чугунных, которые льются при фурмовой фабрике <...> и употребляютца при заводах...»)]. Возможно, что на острове схожие чугунные доски применялись для устройства самого горна. «К гармахерскому горну» демидовского Кольвано-Воскресенского завода, например, с Урала, кроме досок половых чугунных, было послано около двух десятков других – меньшего размера: «на горн», «с откосами», «с выимками» и проч. [ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 772, Л. 33 об.]. При наличии одной плавильной печи (гармахерского горна) в здешнем «фабричном здании» использование досок выглядит вполне логичным: это упрощало всю конструкцию, облегчало перестройку при экспериментальном, по сути, производстве и т. п.

³⁴ Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства. С. 97.

³⁵ Агрикола Г. О горном деле и металлургии в двенадцати книгах. М, 1962. С. 427–443.

между прочим, в 1730-е г. г. «плавленного серебряного <...> дела мастер» на весь Урал и Западную Сибирь³⁶. «В круглом основании печи, сделанном из бутового камня, – писал Г. Агрикола, – устраивают два канала высотой 2 фута и шириной 2 фута для выхода пара. Они проведены от одной стороны до другой и пересекаются под прямым углом, причем образуют четыре отверстия». Фут по пояснениям от переводчиков труда Агриколы – 28,32 см³⁷. Здесь, на Сосновом, также присутствует кладка из бутового камня основания горна, хотя и не круглого, а прямоугольного (такую форму обычно имели русские плавильные печи того времени), и следы каналов для пара на нем, пересекающихся под прямым углом.

По моей просьбе студенткой 4-го курса исторического факультета УрГУ, Н. А. Щипановой (Павлюковой), у которой в Черноисточинске проживают дедушка и бабушка, в феврале 2010 г. проведен опрос нескольких тамошних коренных жителей-старожилов. Возраст информаторов от 54 до 73 лет; от себя добавлю: фамилии всех опрошенных черноисточинцев по материалам переписей населения заводского поселка известны с XVIII в. Зафиксировано бытование преданий («старики говорили») о тайной плавке «Демидовыми» на острове серебра, переплетающиеся с легендой о чеканке ими здесь же денег (куда же без неё!), о тайной тропе от Невьянского завода через болота к о. Сосновому, «по которой провозили серебряную руду и отвозили готовые монеты».

Как раз о «тайной тропе» и идет, видимо, речь в письме А. Демидова от 4 декабря 1738 г. из Невьянска главному приказчику Нижнетагильского завода Григорию Сидорову, осуществлявшему общий надзор и за другими соседними демидовскими предприятиями: «Новую дорогу до озера (т. е. Черноисточинского пруда – В. Б.) и через болота уже в другой раз послал проехать, а от вас ест[ь] ли об ней попечения, или так запущена?»³⁸. Приведенная фраза позволяет установить примерную дату восстановления функционирования островных плавильных после их очевидной ликвидации в середине 1730-х гг.: не позднее 1738 г. Уже в 1736 г. (реально – с весны – В. Б.) Демидову удалось избавиться от надзора шихтмейстеров, которых велено «отставить» по основанному на резолюциях кабинет-министров на доношении заводчика указу от 12.12.1735 г.; в 1737 г. ему был возвращен Кольванов-Воскресенский завод³⁹. А весной 1739 г., вероятно, для обеспече-

³⁶ *Байдин В. И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды. Екатеринбург, 2015. С. 62, 75–76.

³⁷ *Агрикола Г.* О горном деле и металлургии в двенадцати книгах. С. 442.

³⁸ РГАДА, Ф. 1267, Оп. 1, Д. 609, Л. 15.

³⁹ ПСЗ, С. 607–608; ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 772, С. 81–83, 703 и др.

ния сообщения с о. Сосновым в теплое время года Демидов приказал черноисточинскому расходчику Е. Балакину «сделать стружек (стружок; в другом месте письма он называет его «коломенкой» – В. Б.) в длину 10, а в ширину 3-х сажен». В Черноисточинске, кроме разве рыбачьих и других лодок, подобных судов до этого не изготавливали, что и привело, очевидно, к вызвавшему неудовольствие Акинфия Никитича затягиванию сроков постройки «стружка» и привлечению к ней излишнего количества рабочих.⁴⁰

Акинфий Демидов в начале февраля 1744 г. при личной аудиенции представил императрице Елизавете 27 с лишним фунтов серебра лишь недавно, будто бы, полученного из 223 пудов, что плавильный мастер И.М. Юнгганс «усмотрел» на Невьянском заводе. В своих объяснениях по этому поводу заводчик сообщал: «о найденном серебре в колывановоскресенских рудах, из которых до этого выплавляли только черную медь, и, не зная, что она черность в меди была от свинцу, по несколько раз переплавляли её и весь свинец тратили в огне <...>; и что потом служащий у него (с 1743 г. – В. Б.), Демидова, иноземец Яган Юнгъ-Ганс изыскал часть серебра, которое в том свинцу есть».⁴¹

Отправившиеся на Алтай для организации там сереброплавильного производства Юнгганс с нанятым Демидовым специалистом по плавильным печам И.С. Христиани прибыли на Колывань в начале декабря 1743 г. То есть выехали они с Урала, с учетом времени на дорогу⁴², не ранее начала ноября, скорее даже в октябре. Приехавший в конце января 1745 г. на Колывано-Воскресенский завод во главе созданной по именному указу императрицы комиссии для проверки сведений об алтайских серебряных месторождениях (тем же указом предписывалось построить для этого особый «завод») бригадир А.В. Бээр застал практически все предварительные стадии нового производства. Но получение нового продукта началось уже при нём: сереброплавильные печи были построены здесь под руководством Христиани весной 1745 г.⁴³

⁴⁰ Там же. Д. 611, Л. 60, 67.

⁴¹ *Контев А. В.* Указ. соч. С. 66; *Чупин П. О.* По поводу поездки на Урал и в Сибирь бригадира Бэера. С. 96.

⁴² *Контев А. В.* Указ. соч. С. 62–63; *Байдин В. И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале. С. 60–61, 62.

⁴³ *Чупин П. О.* По поводу поездки на Урал и в Сибирь бригадира Бэера в 1744–1746 гг.: Материалы к истории горного дела на Урале и Алтае, преимущественно по документам барнаульского горного архива // Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии. Пермь, 1892. Т. 1. С. 102, 104–106, 115; *Герман И.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797. Ч. 1. С. 236–237, 274–275; *Контев А. В.* Указ. соч. С. 63.

В упоминавшейся ранее подробной ведомости по уральским демидовским заводам, «коликое число <...> при них фабрик имеется и протчаго при том фабричного строения», составленной где-то к концу 1745 г. в связи с началом раздела имущества покойного Акинфия Никитича, на Невьянском заводе значится только «1 сарай деревянный, в нем 4 печи, называемые зенгер, для разделения свинца с медью».⁴⁴

А.В. Контев также отмечает, что Юнгганс в 1743 г. провел на Невьянском заводе зейгерование (вытапливание свинца из меди). Приехавший вслед за Беэром с Алтая гитен-фервальтер саксонец И.Г. Улих из привезенных оттуда 246 пудов черной меди извлек в Невьянске 4 пуда 24 фунта серебра; заодно, по просьбе вдовы А.Н. Демидова, очистил 5 кругов присланного приказчиками «черного» серебра, выплавленного на Колывани до приезда туда комиссии, и получил 2 пуда 30 фунтов серебра, переданного под расписку Н.А. Демидову. Занимался Улих этим с 26 ноября 1745 г. по 5 февраля 1746 г. Далее Контев задается вопросом: «Откуда же на <...> Невьянском заводе появились сереброплавильные печи?» Объяснений, по его мнению, может быть два. Во-первых, сам Юнгганс осенью 1743 г. должен был построить также печи для выделения серебра (но и два с лишним года спустя ничего подобного, кроме четырех «называемые зенгер» печей на заводе не имелось – см. выше – В.Б.). Во-вторых, в отчетной ведомости Улиха о себестоимости выплавленного в 1746 г. на Невьянском заводе серебра присутствует статья расходов «за кладку печей каменщиками» (о внедренной Юнггансом технологии его получения подробнее⁴⁵) и упоминание об оплате «за починку крыши на круглой печке» (по разделению серебра от свинца, которые в Саксонии, как видно еще у Г. Агриколы, делались круглыми – В.Б.). На основании последнего «прямого указания» – хотя устройство печей не исключает, на мой взгляд, их возможной починки, – Контев делает отнюдь не однозначно вытекающий из него вывод: «Следовательно, эти печи были построены в 1743 году»⁴⁶. И самое, пожалуй, главное: невянянские приказчики, сообщая екатеринбургским горным властям в конце 1740-х гг. о том, что «разделительная [печь] от свинца серебра, за разгорением, развалилась», вполне определенно называли ее построенной под руководством Улиха⁴⁷.

⁴⁴ РГАДА, Ф. 271, Оп. 1, Д. 590, Л. 4.

⁴⁵ Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. С. 237–238, 274–275.

⁴⁶ Контев А. В. Указ. соч. С. 63, 66, 68 (сн. 45).

⁴⁷ Корепанов Н. С. Утверждение промышленной технологии медной плавки на уральских заводах в XVIII веке // Диффузия технологий на протоиндустриальной фазе развития металлургии (Урал в XVII–XVIII вв.). Екатеринбург, 2009. С. 95, 99.

Таким образом, до него купеляционной (разделительной) печи на Невьянском заводе не было и поднесенное Демидовым императрице серебро, скорее всего, извлечено из свинца в печи, имеющейся на о. Сосновом. И это еще одно подтверждение существования на нем тайного сереброплавильного завода. Что «объявленное» им серебро выплавлено именно Юнггансом, заводчик в своих довольно обтекаемых объяснениях прямо не говорил. Тот в Невьянске лишь «усмотрел» и «изыскал часть серебра» в алтайской черной меди. К тому же у Акинфия Никитича имелся собственный специалист. «В службе по [1]743 год» с перерывом на период ликвидации тайного островного предприятия у него находился уже известный нам «при плавильном медном или серебряном делах» мастер «немецкой саксонской нации Андреас Христов Молле»⁴⁸.

И в заключение, еще один момент, имеющий отношение к остаткам сооружений на Сосновом. Начиная со второй половины XIX в., в публицистике, беллетристике, справочных и краеведческих изданиях присутствуют сюжеты о существовании на острове «дома Демидова», с которым связывают то легенды о чеканке в нем фальшивых серебряных денег, то столь же легендарные события романтико-трагического характера вроде похороненной там заживо одним из Демидовых красавицы жены. Основаны они, как правило, на местных преданиях⁴⁹ и на сведениях П. С. Палласа о перенесенном в 1766 г. с острова в Нижнетагильский завод бывшем «увеселительном доме» Н. А. Демидова. Однако дом на острове имелся и при его отце. Посетивший Черноисточинский завод в начале сентября 1742 г. И. Г. Гмелин, кроме «собственного дома господина Демидова», упоминает также «на острове, на пруду, в шести верстах от завода еще другой»⁵⁰. Но появился он там относительно недавно: в письме А. Н. Демидова от 18 марта 1742 г. приказчику Черноисточинского завода И. Свахиному сообщается о посылке «на остров в новые хоромы» предметов обстановки и кое-какого инвентаря, в том числе. двух фонарей⁵¹. Побывавший в заводском поселке в 1770 г. Паллас писал: «Жилой хозяйской дом состроен в 1735, а умножен пристройками в 1743 годах» (в нем размещалась и заводская контора)⁵². В 1732 г. «господских хором» на заводе еще не было.⁵³

⁴⁸ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 1138, Л. 125; Д. 1589, Л. 323–324.

⁴⁹ Пичугин А. Тайна острова Соснового // Уральский следопыт. 2004. № 11. С. 13–14.

⁵⁰ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1752. Bd. 4: Von dem Jahr 1740–1743, s. 434.

⁵¹ РГАДА, Ф. 1267, Оп. 1, Д. 699, Л. 5.

⁵² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1778. Ч. 2. Кн. 1. С. 247.

⁵³ РГАДА, Ф. 1267, Оп. 1, Д. 600, Л. 7.

Сравнение с описью 1759 г. комплекса господского дома и заводской конторы на Черноисточинском заводе с большой степенью определенности позволяет считать, что его «умножение пристройками», по Палласу в 1743 г., произошло за счет переноса с острова и установки здесь на каменном фундаменте (такая же операция осуществлена позднее, где-то в 1766 г., с «увеселительным домом») Н. А. Демидова, перенесенным в Нижний Тагил тамошних «новых хором» 1742 г.; поставленных, в свою очередь, на фундаменте до 22х11 м бывшего «фабричного здания», где ранее находились плавильные печи, устроенные теперь в котловане в скальном грунте с выходом-спуском. Не вдаваясь в перечисление других мелких деталей, подчеркну лишь, что с такими «хоромами» на острове у той части господского дома, в которой в 1759 г. размещалась заводская контора и жили демидовские дворовые люди, практически точно совпадают не только размеры: «бревенчатая на каменном фундаменте длиной 10½, шириною 5 сажен» (т.е. 22,3х10,8 м), но и внутреннее устройство – «о трех покаях»⁵⁴.

Наличие на островном фундаменте бревенчатой постройки подтверждается также данными археологического обследования в 2010 г.: «Во внутреннем ЮЗ углу фундамента за счет обкладки камнем прослеживается основание венца сруба, древесина не сохранилась»⁵⁵. Более-менее значительные деревянные производственные здания на уральских заводах в первой половине XVIII в. всегда имели не срубные, а столбовые конструкции на каменных фундаментах: из вертикально устанавливавшихся стоек из бревен (бруса) со «связями» из них же между ними, стены «забирались» толстым тесом (досками), крыши тоже делались из них («о строении» молотовой, дощатой, стальной, плавильной «фабрик»). Так же, судя по всему, была устроена первая плавильная «фабрика» на о. Сосновом Черноисточинского пруда⁵⁶.

После временной ликвидации тайного сереброплавильного комплекса накануне прибытия на «партикулярные» заводы шихтмейстеров на плане маркшейдера М. Кутузова, который «размериван при Черноисточинску» в сентябре 1735 г., рядом с конторой («заводской [приказной] избой») появился «сарай на пильные доски», отсутству-

⁵⁴ В уже цитировавшейся, составленной примерно в конце 1745 г. «Ведомости» демидовских заводов, о Черноисточинском, где отмечены даже «две рыбные сажалки» на пруду, сказано, что других непромышленных построек, «кроме одного жилого двора («господского» – В. Б.), не имеетца» [Там же, Ф. 271, Оп. 1, Д. 590, Л. 57–58 об.]. То есть дома на острове уже, видимо, не существовало. Ср.: ГАСО, Ф. 643, Оп. 1, Д. 28, Л. 229 и РГАДА, Ф. 1267, Оп. 1, Д. 699, Л. 5.

⁵⁵ [Отчет, С. 27].

⁵⁶ *Геннин В. де.* Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 209, 219, 289, 416.

ющий на созданном годом ранее для «Описания Уральских и Сибирских заводов» В.И. Генниным плане. При том что специальный, предназначенный для них «припасной» сарай – (на других заводских ланах «сарай под тес», «под лесные припасы сарай», «лесной» и т.п.) часто совмещался, подобно черноисточинскому, и соседствовал с «сушилом» и из-за пожароопасности обычно размещался несколько в стороне от остальных построек – наличествует на планах Черноисточинского завода и 1734, и 1735 гг. В новом строении – это близ старой заводской конторы «сарай для клажи лесных припасов ветхой длиною 10½, шириною 5 сажен на столбах, покрыт драньем»⁵⁷ – в 1759 г. и были, видимо, сложены материалы от разобранного производственного здания на острове. На его фундаменте к началу 1740-х гг. построен бревенчатый дом; а неподалеку работал «подземный цех» по выплавке серебра.

Таким образом, на основании произведенных натуральных и археологических исследований, обнаруженных в их ходе остатков сооружений и вещевого материала, физических анализов его образцов в сочетании с использованием сведений из публикаций и архивов, записей фольклора, изобразительных источников установлено существование на о. Сосновый Черноисточинского пруда близ одноименного демидовского завода (совр. Свердловская область России) производственного комплекса по выплавке серебра. Определяется примерное время его – с перерывом – функционирования: начало 30-х – первая половина 40-х гг. XVIII в. Получение серебра здесь было налажено из доставляемых с медного Колывано-Воскресенского завода на Алтае промежуточных продуктов плавок полиметаллических руд. Технологии эти внедрены, вероятно, под руководством служившего у А.Н. Демидова по контракту саксонца А.Х. Молле – единственного тогда на всем Урале и в Западной Сибири (до конца 1730-х гг.) специалиста соответствующего профиля.

Библиография

1. *Агрикола Г.* О горном деле и металлургии в двенадцати книгах. М, 1962.
2. *Бажов П. П.* Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955.
3. *Байдин В. И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды. Екатеринбург, 2015.
4. *Байдин В. И.* Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 125–141 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20).

⁵⁷ ср.: Абрисы, с. 199 и 200–201; см. также: Там же, С. 186–187, 189, 205, 206–207, 208, 214; ГАСО, Ф. 643, Оп. 1, Д. 28, Л. 230–230 об.

5. *Байдин В. И.* Новое о Р. Ф. Набатове и его окружении (предварительные заметки) // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 329–343 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).
6. *Байдин В. И.* О том, когда и кем построена Невьянская наклонная башня, каменный господский дом, а также о невянских подземельях // *Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города) / под общ. науч. ред. В. И. Байдина.* Екатеринбург, 2001. С. 35–64.
7. *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935.
8. *Геннин В. де.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.
9. *Герман И.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797. Ч. 1.
10. *Контев А. В.* Незаконная добыча Акинфием Демидовым серебра из алтайских руд: аргументы «за» и «против» // *Альманах Международного Демидовского фонда.* М., 2009. Вып. 4. С. 54–73.
11. *Корепанов Н. С.* Серебро на Нейве? // *Слукин В. М.* Легенды и были Невьянской башни. Екатеринбург, 2011. С. 88–106.
12. *Корепанов Н. С.* Утверждение промышленной технологии медной плавки на уральских заводах в XVIII веке // *Диффузия технологий на протоиндустриальной фазе развития металлургии (Урал в XVII–XVIII вв.).* Екатеринбург, 2009. С. 86–103.
13. *Лясик С.* Легенда под микроскопом // *Уральский следопыт.* 1973. № 2. С. 9–16.
14. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1778. Ч. 2. Кн. 1. 467 с.
15. *Пензин Э. А. А. С.* Ярцов – горный деятель и ученый // *Проблемы истории России.* Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 315–328.
16. *Пичугин А.* Тайна острова Соснового // *Уральский следопыт.* 2004. № 11. С. 13–14.
17. *Рожков В.* Акинфий Никитич Демидов на своих Колывановоскресенских заводах. Исторический очерк 1744–1747 годов // *Горный журнал.* 1891. Т. 3. С. 327–355.
18. *Слукин В. М.* Город легенд // *Демидовские гнезда: Невьянск. Верхний Тагил. Нижний Тагил: Культурно-исторический очерк.* Екатеринбург, 2001. С. 6–88.
19. *Чутин П. О.* По поводу поездки на Урал и в Сибирь бригадира Бэера в 1744–1746 гг.: Материалы к истории горного дела на Урале и Алтае, преимущественно по документам барнаульского горного архива // *Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии.* Пермь, 1892. Т. 1. С. 95–122 (в оглавлении издания статья не указана).
20. *Gmelin I. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1752. Bd. 4: Von dem Jahr 1740–1743.

Д.А.Васьков¹
Екатеринбург

СОЛЕДОБЫЧА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XVIII вв.

Рассматривается история соляного промысла в Зауралье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Выявляются общие черты и различия в добыче соли в европейской части России (в частности в Прикамье) и за Уралом. В Сибири основным источником соли были самосадочные озера, расположенные в степях в пограничных районах современных России и Казахстана. Это обусловило специфику сибирского соляного промысла, во многом связанного с риском со стороны кочевников. Поэтому экспедиции за солью обычно принимали характер тщательно планируемых военных операций. Особое внимание уделяется походам к озеру Ямыш, которое являлось главным источником самосадочной соли в XVII – первой половине XVIII в.

Ключевые слова: соледобыча, соляные промыслы, соленые озера, озеро Ямыш, Западная Сибирь.

D. A. Vaskov
Yekaterinburg

SALT MINING IN WESTERN SIBERIA IN XVII – XVIII CENTURIES.

The history of salt production in the Trans-Urals and Western Siberia in the 17th – 18th centuries is considered. Common features and differences in salt production in the European part of Russia (in particular, in the Kama region) and beyond the Urals are revealed. In Siberia, the main source of salt was the self-deposited lakes located in the steppes in the border regions of modern Russia and Kazakhstan. This determined the specificity of the Siberian salt industry, largely associated with the risk from the nomads. Therefore, salt expeditions usually assumed the character of carefully planned military expeditions. Particular attention is paid to trips to Lake Yamysh, which was the main source of self-precipitated salt in the 17th - first half of the 18th century.

Keywords: salt production, salt fields, salt lakes, Yamysh lake, Western Siberia.

В Российском государстве XVI–XVII вв. добыча соли занимала особое место в структуре производства, что было связано с без преувеличения стратегической значимостью этого продукта, использовавшегося в больших количествах как универсальный консервант. Основными районами соледобычи на севере страны в этот период были промыслы на Кольском полуострове и побережье Белого моря. На северо-западе России главным центром соляного промысла была Старая Русса, а в Центральной России – Балахна и Нижний Новгород. Крупнейшими солепромышленниками были Строгановы, в чьих обширных вотчинах было организовано крупнейшее в России производство соли. Здесь на солеваренном промысле специализировались: Тотьма, Соль-Галицкая, Соль-Вычегодская, Яренск, а в Прикамье – Соль-Камская.

¹ *Васьков Дмитрий Александрович* – старший преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: dvaskov@mail.ru

На рубеж XVI–XVII вв. приходится зарождение соляного промысла в Сибири. Инициатором быстрого налаживания в этом крае соледобычи выступило правительство, что было связано с необходимостью скорейшего перевода жителей сибирских городов и острогов на своего рода «самообеспечение», так как возить грузы из европейской части страны по «Чрезкаменному» пути было долго и накладно. Поэтому в Москве с самого начала были обеспокоены необходимостью снабжения Сибири хлебом, солью и другими продуктами жизненной необходимости за счет местных ресурсов. И если хлебом Сибирь стала сама себя обеспечивать только к концу XVII в., то проблему снабжения солью благополучно решили раньше. Кроме того, в специфически сибирских условиях соль в большом количестве требовалась для уплаты служилым людям, у которых она составляла наряду с денежным и хлебным окладами треть жалованья. Также много соли требовалось для возникшего в Тобольске кожевенного производства. Наконец, соль в больших количествах использовалась для сохранения главного богатства Сибири в то время – «мягкой рухляди». Шкуры пушных зверей для лучшей сохранности при транспортировке и хранении обильно засыпались солью. Все это обуславливало первостепенную значимость большого количества соли для Сибири.

Что касается технологий добычи и производства соли, то в допетровской России были известны следующие основные способы: выпаривание соли из морской воды; выпаривание из рассолов, добываемых из-под земли; ломка каменной соли на месторождениях; добыча самосадочной соли из соленых озер.

Первый способ был известен еще с XI в. в Причерноморье и Приазовье. Соль добывалась здесь из морской воды, как правило, естественным путём, т.е. благодаря испарению воды под воздействием солнца. Добычу соли из морской воды, которую так и называли «моряжкой», практиковали в России XVI–XVII вв. только на Русском Севере – на Кольском полуострове и побережье Белого моря. При этом по причине холодного климата морскую воду здесь особым образом вываривали в специальных сковородах.

Второй способ добычи соли распространился в России гораздо шире и по меркам того времени был самым высокотехнологичным и при этом трудозатратным². Он практиковался, например, в поморских и пермских вотчинах Строгановых. Выпаривание соли производилось из соляных рассолов, добываемых из подземных скважин, что требовало применения сразу нескольких видов сложного высококва-

² Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С.156–176.

лифицированного труда с четко выраженным разделением технологических операций. (Последнее обстоятельство с учетом того, что в солеварном деле использовался наемный труд, позволяет считать его организованным уже в XVI в. по типу мануфактурного производства.)

Первым делом соляной мастер должен был найти особое «рассольное место», что требовало от него геологоразведочных знаний и навыков, поскольку ошибка с определением такого места обходилась дорого. После этого начиналось бурение скважины для установки специальной рассололивной трубы. Обычная глубина скважины в Сольвычегодске и пермских вотчинах составляла в среднем от 40 до 75 сажен и более, а сам процесс бурения при имеющихся в то время технологиях обычно составлял от 2 до 5 лет.

Параллельно с буровыми работами в скважину постепенно монтировалась рассольная труба, из которой в дальнейшем качали на поверхность соляной рассол. Скорость бурения зависела от твердости проходимого грунта и встречающейся в нем породы, а также часто могла останавливаться из-за поломок бурильного инвентаря, обломки которого извлекались из скважины с большим трудом. Когда самая трудозатратная и дорогостоящая работа по установке рассольной трубы подходила к концу, начиналась установка деревянных соляных варниц (на одну трубу их строили 4–6) и сборка специальных железных жаровен – циренов (цренов, чренов) – для выварки рассола. Варница представляла собой деревянный сруб, в котором выкапывалось углубление для очага, над которым устанавливался цирен. Сбоку варницы пристраивался специальный герметичный ларь для хранения рассола. В процессе варки соли рассол ведрами носили в цирен, под которым постоянно горел огонь. Сам процесс варки был достаточно сложным и требовал усилий нескольких человек, которыми руководил специалист-солевар – «соляной повар».

По подсчетам А.А. Введенского, в пермских вотчинах Строгановых каждая варница давала в среднем в год 20–25 пудов соли. А все их действующие варницы в сутки давали примерно 150–210 пудов соли³. При этом следует учитывать, что продуктивность варниц сильно зависела от времени года. Лучшим сезоном для солеварения считалось лето.

Наконец, последний способ соледобычи технологически был значительно проще и заключался в добыче самосадочной соли из соленых озер. В воде таких обычно очень неглубоких озер соль, содержащаяся в бьющих на дне соляных ключах, естественным образом выпадала в осадок, образуя соляные пласты, собственно которые и

³ Там же. С. 173–174.

являлись объектом промысла. Так называемый соляной «череп» на дне озера сначала ломали, после чего соль выгребали на берег, иногда заранее просушивали на солнце либо сразу грузили в тележки или на вьючных животных и везли до «соляного пристанища» для погрузки на суда. Такой способ получил распространение в степных районах Южного Урала и Западной Сибири, поскольку в этих местах, которые были дном когда-то существовавшего здесь древнего моря, не было недостатка в водоемах подобного рода.

При примитивной технологии основной трудностью в таком случае оказывались проблемы с транспортной логистикой, так как до соленых озер, расположенных далеко в степи и зачастую на большом расстоянии от русских населенных пунктов, еще следовало добратся, а потом с грузом добытой соли вернуться назад. Кроме того, в степных районах всегда надо было быть начеку в связи с опасностью от кочевников – калмыков и казахов. Первое описание самого процесса добычи самосадочной соли содержится, пожалуй, в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (1683 г.): «служилые люди сибирцы соль-бузу из того озера ломают рычагами емлют и возят тележками на себе, на лошадях и на велбудах и струги грузят»⁴.

Более подробные описания были оставлены академиком П.С. Палласом. Вот как он описывает добычу соли из Корьяковского озера: «Находящийся на дне череп колют ломами и вывозят соль из озера лошадьми на телегах; лошадей же оных потом обмывают в ямах нарочно на берегу выкопанных, в кои стекает вонючая, но несколько соленая вода, дабы острота оной соленой воды им не вредила»⁵. А вот его описание добычи соли из озера Ямыш во второй половине XVIII в.: «Ради рухлости садившагося черепа, выгребают соль весьма легко, и на берег большими скирдами сваливают, где она лежит до тех пор, пока можно будет ее отвезти в крепость; потом сваливают ее на возвышенные места и сие огромныя скирды рагожами и парусиною покрывают, пока можно будет ее перевозить по реке»⁶.

Таким образом, специфика соляного промысла в Западной Сибири заключалась в добыче самосадочной соли из находившихся на юге края соленых озер. Самым известным было уже упомянутое озеро Ямыш (ныне Тузкала), расположенное на северо-востоке современно-

⁴ *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 76.

⁵ *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 158.

⁶ Там же. Кн. 2. С. 164.

го Казахстана в 50 км к юго-востоку от г. Павлодара. Именно оно было основным источником соли почти для всей Сибири в XVII – первой половине XVIII в.

Как отмечал академик Г.Ф. Миллер, озеру Ямыш по сравнению с другими было отдано предпочтение по двум причинам. Во-первых, оно располагалось всего в 5–6 верстах от Иртыша, что существенно упрощало возможности транспортировки. Проще всего добраться до озера можно было, отправившись вверх по Иртышу на судах из Тобольска мимо Тарского города. Также водный путь обеспечивал лучшую безопасность от часто непредсказуемых кочевников. Во-вторых, соль именно из этого озера отличалась высоким качеством. Как писал неизвестный автор «Описания новые земли...» о качестве ямышевской соли: «Соль же та зело чиста, аки снег или лед ясец, солка велми же и сладка»⁷.

Г.Ф. Миллер отмечал, что у ямышевской соли «преимущество состоит в белости, чистоте и общей доброте соли, которую она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает»⁸. Академик П.С. Паллас писал, что в озере Ямыш «соляные черепа очень белы и чисты, и состоят из небольших кубических хрусталей, кои легко разпадаются»⁹.

Точно неизвестно, когда русские власти узнали о Ямышевском соляном месторождении, но произошло это еще на самом раннем этапе русской колонизации Сибири. Первое упоминание о необходимости снарядить соляную экспедицию к озеру относится к 1594 г. и содержится в царском наказе основателю Тары князю А.В. Елецкому, в котором ему предписывалось, помимо всего прочего, послать «татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в росход служивым людям»¹⁰. Однако есть все основания считать, что тогда поход не состоялся, так как А.В. Елецкий вскоре был отозван в Москву. Первая подтверждаемая документами экспедиция, которую осуществили силами тарского гарнизона, датируется 1608г., что, однако, не исключает того, что экспедиции могли совершаться и раньше¹¹.

⁷ *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири... С. 76.

⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. С. 482.

⁹ *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства... Ч. 2. Кн. 2. С. 163.

¹⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 3-е изд. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. С.285, 352.

¹¹ *Васьков Д.А.* Первые русские экспедиции к соленому озеру Ямыш (первая четверть XVII в.) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 53–60.

С 1613 г. начались регулярные походы соляных караванов из Тобольска с привлечением контингентов служилых людей из других городов и острогов Западной Сибири. Основу экспедиции обычно составляли служилые люди Тобольска, Тюмени и Тары, к которым присоединялись отряды меньшей численности из Верхотурья, Туринска, Березова, Сургута и Пельыма. Если экспедиция 1608 г. насчитывала 239 чел., то в дальнейшем численность участников существенно возросла. Уже в 1620-е гг. она составляла 400–600 чел. и более, с середины 1630-х гг. – свыше 700 чел. При этом не исключено, что численность отряда могла достигать и 1000 чел. В общей сложности в этих ежегодных экспедициях могло быть задействовано от 15 до 25 % всех служилых людей Тобольского разряда. Чаще всего караван дощаников уходил из Тобольска в конце мая – начале июня и отправлялся назад в конце августа начале – сентября¹². Больше половины этого времени требовалось только для того, чтобы достичь озера и вернуться обратно.

Следует отметить, что озеро Ямыш было не единственным, из которого можно было добывать соль. Незвестный автор уже упоминавшегося «Описания новые земли...» писал: «И кругом тех мест около Иртиша реки таких соляных во многих местех самосадных озер много безчисленно»¹³. Некоторые из них были достаточно подробно описаны академиком П.С. Палласом во время его экспедиции по Сибири в 1770–1774 гг. Тем не менее в XVII в. предпочтение отдавалось Ямышевскому месторождению. Другие подходящие соленые озера могли использоваться только в случае, если в Ямышевском озере соль по каким-то причинам могла «не сесть», т. е. не народиться в достаточном количестве для формирования соляного пласта.

Это могло быть связано как с ежегодной добычей соли из озера, приводившей к постепенному истощению соляных ключей, так и с нарушением по тем или иным причинам естественного температурного режима и химического состава рассолов этих ключей на дне озера, из-за чего соль могла не выпасть в осадок. Изредка такое случалось. В частности, упоминание об одном таком случае относится к 1660 г. Так, в наказе тобольскому дворянину Ф.Н. Феофилову, который должен был возглавить экспедицию 1699 г., указывалось: «А буде, изволением Божиим, на Ямыше озере соль не сядет: и ему Федору, высмотря, с служилыми людьми потомуж идти к другому соляному озеру, из которого озера имал соль полковник Дмитрей Полуехтов в 168 году, а пришед к

¹² *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 102–103.

¹³ *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири... С. 76.

тому соляному озеру, потомуж от реки и до озера поставить острожки и около острожков надолбы, и всякими крепостми укрепить, и в острожках людей посадить, и солью промышлять по сему наказу, сколько милосердый Бог помочи подаст»¹⁴. По всей видимости, полковник Д. Полуехтов столкнулся с тем, что в озере Ямыш соль «не села», из-за чего пришлось воспользоваться запасным вариантом.

В XVIII в. такое тоже случалось. В частности, П.С. Паллас, побывавший у озера Ямыш летом 1771 г., отмечал: «Прежде сего садилась соль претолстым черепом, но по неизвестным причинам целья 13 лет сие изобилие упало, пока за 4 года соль начала опять садиться. Суеверие родило разныя сему причины, но естественнейшая, думаю я, есть сия, что существеннейшия озера частицы от продолжавшейся многие годы соляной ломки изтощились, что были мокрые годы и упомянутые пресные ключи умножились. Ныне садится обыкновенно соленой череп не более как на три пальца, исключая западного озера залива, где оной на целую ладонь находят, и следственно где самой тучнейший озера сего ключ без сомнения быть должен»¹⁵.

В результате временного истощения Ямышевского месторождения соль стали брать из Корьяковского озера (ныне озеро Корьяковка в 17 км к северо-востоку от Павлодара). «Когда несколько лет в Ямышевском озере было весьма мало соли, то в Екатеринбургской, Тобольской и Томской уезды доставляли соль токмо из одного сего озера, так что ежегодно отсюда вывозили 300 000 пуд соли (здесь, видимо, в тексте опечатка, так как должно быть 30 000 пудов – Д.В.), а в недавно прошедших годах еще сверх сего развозили отселе же в Исетскую провинцию и на Уйскую линию по 15 000 пуд»¹⁶.

Что касается количества добываемой соли в озере Ямыш, то можно констатировать, что в первые десять лет регулярных экспедиций ее привозили в количестве, которого едва хватало для выплаты соляного жалованья сибирским служилым людям. Таким образом, привозимой соли хватало далеко не всегда на выплату соответствующего оклада, из-за чего некоторым служилым приходилось выдавать «денги из государевы казны по дорогой цене»¹⁷. Так, по данным С.В. Бахрушина,

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 523.

¹⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 163.

¹⁶ Там же. С. 158.

¹⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т. 8. С. 355.

экспедиция 1623 г. привезла 6753 с половиной пуда соли. Однако новый тобольский воевода боярин князь Ю.Я. Сулешев добился того, что уже в следующем 1624 г. соли добыли уже 12619 пудов, а в 1625 г. чуть меньше – 10784 пуда с половиной¹⁸. По другим данным, экспедиция 1625 г. под командованием тобольского сына боярского Саввы Француженина и атамана Третьяка Юрлова доставила в Тобольск даже больше соли – «12205 пуд с полупудом». Экспедиция следующего 1626 г., которой командовали голова тобольских конных казаков Гроза Иванов и сын боярский Дмитрий Черкасов, насчитывавшая 604 чел., разместившихся на 16 дощаниках и 7 ладьях, превысила рекорд предыдущего года в два с лишним раза, доставив 27 503 пуда с четью¹⁹.

Если учесть, что в этом году каждый рядовой участник экспедиции получил за свои труды 5 пудов соли, а также без учета соли, взятой в виде десятой пошлины в размере 1035 пудов у торговых людей, которые вместе с государственным караваном также ходили за солью, то остается «чистых» 26 468 пудов с четью. Это позволило не только полностью обеспечить соляные оклады всем служилым людям, но и организовать в сибирских городах выгодную для казны продажу оставшейся соли всем желающим.

В дальнейшем, по всей видимости, количество добываемой каждый год соли держалось в среднем на уровне 1626 г. В пользу этого говорит тот факт, что, за редкими исключениями, соляные экспедиции отныне обычно насчитывали не менее 600 участников, что позволяло привлекать больше рабочей силы в ходе соляного промысла. В частности, по данным известного французского исследователя П. Паскаля, экспедиция 1663 г., насчитывавшая 659 чел. на 21 дощанике вместе с «вольными купцами», двигавшимися на своих судах, доставила в Тобольск 12954 пуда «государственной» соли и еще примерно 15000 пудов от «вольных купцов». Последним еще пришлось десятую часть добытой ими соли отдать в виде налога в «государеву казну»²⁰.

Ежегодная добыча ямышевской соли позволяла полностью обеспечивать потребности населения Сибири в этом стратегически важном продукте. Таким образом, с середины 20-х гг. XVII в. регион стал полностью обеспечивать себя солью за счет собственных ресурсов. Необ-

¹⁸ Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 3, Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 270.

¹⁹ Там же. С. 419–420.

²⁰ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 281.

ходимости в поставках из европейской части страны теперь не было. Еще в XVIII в. академик Г.Ф. Миллер, характеризуя озеро Ямыш, отмечал: «Количество соли там столь велико, что можно было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило»²¹. Таким образом, потребности всей Сибири в соли с лихвой удовлетворялись за счет только одного Ямышевского месторождения.

Однако неожиданно появлялась другая проблема. По мере продвижения русских людей далее на восток возникали сложности уже с транспортировкой западносибирской соли. В этой связи актуальной становилась задача поиска источников соледобычи в Средней и Восточной Сибири. По мнению Н.И. Никитина, ямышевская соль поставлялась в Восточную Сибирь до 40-х гг. XVII в., когда в этом отпала необходимость в связи с развитием местных солеварных промыслов²². Основными центрами солеварения стали Енисейский и Якутский уезды, с 1670-х гг. – Ангарское усолье под Иркутском, а в конце столетия варницы появились в Забайкалье, под Селенгинском. Необходимость организации солеварного промысла наподобие того, как это было в строгановских вотчинах, удорожало себестоимость восточносибирской соли. Однако это все же было лучше, чем транспортировка ямышевской соли. Одно только месторождение в районе устья р. Куты в Якутском уезде могло давать до 8000 пудов соли в год²³. При этом правительство поощряло и поиск самосадочных озер на юге Восточной Сибири. Например, тарский литвин Митька Коршунов, перечисляя свои служебные заслуги, в том числе отмечал такое: «в прошлом во 172-м году посылан был с Тары в Даурскую землю и служил в Даурах девять лет и в Даурах соляное озеро он сыскал»²⁴. Таким образом, Восточная Сибирь примерно с середины XVII в. сама обеспечивала свои потребности в соли.

Справедливости ради, следует отметить, что в самом начале XVII в. в Верхотурском уезде была предпринята попытка завести соляную варницу по типу того, как они были организованы в строгановских вотчинах. В 1600 г. на р. Негле был найден соляной ключ с рассолом приемлемого качества. В Москве это известие было воспринято с энтузиазмом, поскольку добыча из озера Ямыш в это время еще не началась, а организация к нему экспедиций была связана с большими рас-

²¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. С. 482.

²² Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. С. 92.

²³ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. С. 86.

²⁴ Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири...) . С. 148.

ходами и множеством рисков. В результате последовало распоряжение о необходимости завести на р. Негле варницу. Однако опыт оказался неудачным, поскольку не хватало людей для заготовки дров, необходимых в большом количестве для солеварения, а также возникли трудности с обеспечением варницы железом, требовавшимся для починки испорченных циренов. Выяснилось, что расходы на варницу превосходят получаемую от нее выгоду, и в 1605 г. из Москвы последовал указ о закрытии в Верхотурском уезде солеваренного производства. Еще позже выяснилось, что получаемая из местного рассола соль не отличается высоким качеством²⁵. Таким образом, в рассматриваемый период в Западной Сибири соль добывалась исключительно из самосадочных озер, находившихся на юге региона.

Что касается вопроса о том, когда прекратились ежегодные походы служилых людей из Тобольска к озеру Ямыш, то дата последней экспедиции нам неизвестна. «Расцвет» экспедиций пришелся на рубеж XVII–XVIII вв. Еще по указу Петра I от 9 сентября 1701 г. предполагалось «для пополнения денежной казны» значительно увеличить соледобычу, «чтоб возможно той соли на всякой год от Ямышева озера вывозить в Тоболеск и на Тару тысяч по сту и болши пудов»²⁶. Однако уже вскоре обозначилась новая тенденция. Так, в Нарышкинской и Шлецеровской редакциях Сибирского летописного свода говорится: «В 707 году прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота, к Ямышу озеру по соль дощаниками ходить не велено. И по той великого государя грамоте к Ямышу озеру по соль в 707 году отпуску не было»²⁷. К сожалению, текст самого указа пока обнаружить не удалось, поэтому не совсем понятно, с чем было связано такое решение. Однако известно, что соляные караваны в обычном формате какое-то время еще организовывались и после 1707 г. Например, еще в 1719 г. из Тобольска отправилась экспедиция численностью 1370 чел. на 40 дощаниках²⁸.

Тем не менее можно определенно утверждать, что уже в 1730-х гг. типичные для XVII в. многолюдные экспедиции за ямышевской солью не осуществлялись. Так, в одной из своих работ, написанной по итогам путешествия по Иртышу летом 1734 г., Г.Ф. Миллер при опи-

²⁵ *Гефке Н.А.* История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С.11; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. Т. 2. С. 20 – 21.

²⁶ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. С. 402.

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 293, 355.

²⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. С. 265.

сании туралинских захребетных татар отмечал, что «раньше их использовали подобно служилым людям для работы на соляных дощаниках до Ямышева озера, что сейчас, однако, уже не происходит»²⁹. По всей видимости, необходимость в таких походах, требовавших привлечения больших сил и средств, отпала по мере отодвигания русской границы в Сибири к югу во втором десятилетии XVIII в. С 1716 г. началось строительство Иртышской укрепленной линии. В 1716 г. были основаны Омская и Ямышевская крепости, годом позже между ними появилась Железинская крепость. В 1718 г. основана Семипалатинская крепость, а в 1720 г. – Коряковский форпост (на месте нынешнего Павлодара) и Усть-Каменогорская крепость. Таким образом, по правому берегу Иртыша на юг протянулась цепочка русских крепостей, и государственная граница России существенно отодвинулась в глубь казахских степей. Ямышевское соляное месторождение и многие другие близкие к нему соленые озера отныне стали внутренним районом в составе Российской империи. Несмотря на то, что строительство этих крепостей и форпостов нередко сопровождалось ожесточенными столкновениями с джунгарами и казахами, и даже значительно позже этот край из-за кочевников оставался крайне беспокойным, вблизи соленых озер теперь имелись русские укрепленные пункты с находящимися там гарнизонами.

Это обстоятельство со временем исключило необходимость организации многочисленных и дорогих экспедиций за солью из Тобольска. Также это дало возможность относительно безбоязненно осваивать и другие соленые озера, а не только эксплуатировать Ямышевское месторождение по причине его близости Иртышу. Так, П.С. Паллас приводит сведения об использовании других месторождений. В частности, до 1768 г. Исетская провинция довольствовалась солью хорошего качества из расположенного в Среднем Притоболье месторождения озера Ебелей. Однако впоследствии соль в этом озере перестала садиться в достаточном количестве, что снова привело к доставке соли из находящихся за тысячу верст иртышских озер. По мнению П.С. Палласа, «изрядную поваренную соль» за меньшими расходами можно было бы доставлять в Исетскую провинцию из челябинских соленых озер либо Илецкую каменную соль прямо из Оренбурга или Уфы³⁰. Также П.С. Паллас дал описание годных и часто используе-

²⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 92.

³⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. С. 394–396, 403.

мых для промысла соленых озер, лежащих к востоку от Иртыша в Барабинской степи³¹.

Еще одним обстоятельством, которое привело к существенным изменениям в соляных промыслах не только в Сибири, но и во всей России, стали преобразования Петровской эпохи. Как известно, еще в 1705 г. в России была учреждена государственная монополия на продажу соли, что привело к ее удорожанию, поскольку цена, по которой подрядчик сдавал соль государству, при продаже «автоматически» увеличивалась вдвое. При этом запрещалась самовольная «тайная» добыча соли даже для собственных нужд. Указ недвусмысленно гласил: «А буде кто учнет про себя соль вывозить, и за то те люди кажны будут смертью»³².

Однако вскоре последовали новые изменения. В 1722 г. вышел императорский указ о введении подрядов в соляном деле: «Ежели кто похочет подрядом ставить соль годную в продажу с озер, кому откуда будет удобнее, в казну его императорского величества для удовольствия на продажу в города и в дистрикты, и тем людям давать торг при фискале с записью»³³. Согласно этому указу, деятельность откупщиков-подрядчиков жестко контролировалась. Следить за каждым их действием должны были фискалы и специально назначенные целовальники. Тем не менее одним из последствий этого решения стала своеобразная «децентрализация» добычи соли, поскольку подрядчик сам определял, откуда и каким образом ему будет удобнее добывать и доставлять в сибирские города соль. Эти изменения способствовали тому, что соль отныне стали добывать из разных озер.

Таким образом, специфической чертой соляного промысла в Западной Сибири было использование месторождений самосадочной соли в степных озерах, важнейшим из которых в рассматриваемый период было Ямышевское. Простота добычи должна была делать самосадочную соль значительно дешевле по сравнению с солью, вываренной из подземных рассолов. Однако дешевизна примитивной технологии «съедалась» дороговизной транспортировки такой соли. Путь на дощаниках вверх по течению Иртыша от Тобольска до озера Ямыш занимал примерно полтора месяца, обратный путь – еще пять недель. Кроме того, организация этих экспедиций требовала мобилизации значительных сил и средств. Опасность со стороны кочевников диктовала необходимость привлечения большого контингента служи-

³¹ Там же. Кн. 2. С. 142–147.

³² Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. С. 404.

³³ Гефке Н.А. История соляного дела в Западной Сибири... С. 6; 14; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 406–409.

лых людей, набираемых почти со всех городов Западной Сибири. Обычная численность в 500–700 и более служилых людей была единственной надежной гарантией, что «немирные» степняки воздержатся от враждебных действий. Помимо самой добычи и погрузки соли в суда, служилые занимались обустройством фортификационных укреплений, что опять-таки требовало большого количества людей. Несмотря на все принимаемые меры в районе озера иногда все же случались конфликты и вооруженные стычки как с ойрат-калмыками в XVII в., так и позже со сменившими их в степях региона казахами. Для перевозки соли и людей в Тобольске в большом количестве за счет казны строились специальные суда, что было еще одной статьёй расходов. В итоге ежегодные походы к озеру Ямыш всегда были тщательно организуемыми и дорогостоящими военными экспедициями.

В этой связи трудно судить, во сколько обходились затраты на добычу соли в Сибири по сравнению с таковыми в Европейской России. Тем не менее можно с уверенностью констатировать, что все издержки компенсировались достижением одной-единственной цели – бесперебойной доставкой в сибирские города и остроги «государевой соляной казны» и гарантированным обеспечением сибирских жителей столь значимым для них продуктом.

Библиография

1. *Бахрушин С.В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 252–296.
2. *Васьков Д.А.* Первые русские экспедиции к соленому озеру Ямыш (первая четверть XVII в.) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 53–60.
3. *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 308 с.
4. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
5. *Гефке Н.А.* История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 1. С. 5–16.
6. *Крих А.А.* Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). Омск: Издательский дом «Наука», 2016. 263 с.
7. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 3-е изд. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
8. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
9. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 560 с.
10. *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.
11. *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.
12. *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.
13. *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 250 с.

И.К. Воронин¹
Хабаровск

**РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО УРАЛА (XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНА XIX в.):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

В статье с позиций историко-правовой науки анализируется государственный механизм проведения со второй по десятую «ревизий» горнозаводских рабочих Среднего Урала. Автор рассматривает их проведение как одну из форм регистрации статусного положения личности и констатирует тот факт, что таким образом фиксировались отношения подданства между личностью и государством, принадлежность личности к определенному сословию.

Ключевые слова: личность, государство, ревизские сказки, ревизии, форма ревизских сказок, указ, горнозаводское население, приписанные к заводам крестьяне, регистрация.

I.K. Voronin
Habarovsk

**REVISION TALES OF THE MINING POPULATION
MIDDLE URALS (XVIII - FIRST HALF OF THE XIX CENTURY):
HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS**

The article analyzes the state mechanism of carrying out from the second to the tenth “audits” of mining workers of the Middle Urals from the positions of historical and legal science. The author considers their conduct as one of the forms of registration of the status positions of the individual and States the fact that this way fixed the relationship of citizenship between the individual and the state, the identity of the individual to a certain class.

Keywords: personality, state, revision tales, revisions, form of revision tales, decree, mining population, peasants assigned to factories, registration.

В статье сделана попытка охарактеризовать систему учета (фиксации) горнозаводского населения Среднего Урала через систему составления ревизских сказок в XVIII – первой половине XIX вв. Под горнозаводским населением мы понимаем зависимую от горных заводов и предприятий производственной инфраструктуры рабочую силу, как обязательный элемент горных округов, созданных на Урале в XVIII в.²

О горнозаводских предприятиях Урала и рабочих, работавших на них, имеется обширная научная литература, издававшаяся, начиная

---

¹ **Воронин Иван Константинович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права», Дальневосточный государственный университет путей сообщения. Хабаровск. Россия. E-mail: voronin@festu.khv.ru

² Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 158.

с XVIII в.³ В советский период эта «рабочая» тема стала ведущей для отечественной историографии. Об этом свидетельствует создание специальной редакции по изданию истории фабрик и заводов⁴. Со второй половины XX в. расширяется круг исследуемых проблем по данной теме. Появляются обобщающие работы, посвященные непосредственно горнозаводским рабочим Урала⁵. В фокусе внимания историков оказались социально-культурные⁶ и демографические процессы⁷. Тема «горнозаводские рабочие» стала «сквозной» в исследованиях Д.В. Гаврилова⁸. Большой вклад в историографию обозначенной темы внесли исторические энциклопедии Урала⁹. Безусловно, каждая из них стала итогом большой работы, проделанной учеными региона. Проблема горнозаводских рабочих исследуется и в трудах историков права¹⁰. Тем не менее со стороны ученых-юристов тема правового положения горнозаводских рабочих так и не получила достаточного освещения. Данная публикация в какой-то мере может восполнить существующий пробел.

Согласно Указу Петра I от 26 ноября 1718 г. предписывалось: «взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли сколько у кого в которой деревне душ мужеского пола ...». Указ предусматривал привлечение для составления «сказок» армии и одновременно

³ *Геннин де Вильгельм*. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г. М.: Государственное изд-во «История заводов», 1937; *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1910; *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1896.

⁴ *Журавлева Н.С.* История фабрик и заводов на Урале // Литература Урала: история и современность. Вып. 7. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 281.

⁵ *Гаврилов Д.В.* Рабочие Урала в период доминирующего капитализма. 1861-1900 (Численность, состав, положение). М.: Наука, 1985; *Черкасова А.С.* Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII веке. М.: Наука, 1985.

⁶ *Коробков Ю.Д.* Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала: Вторая половина XIX - начало XX века: автореф. дис. д-ра ист.наук. Челябинск, 2003.

⁷ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (Конец XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1971; *Манин В.А.* Формирование горнозаводского земельного законодательства во второй половине XVII - первой половине XVIII века : На примере Урала: автореф. дис. канд.юр.наук. Саратов, 2002. 26 с.

⁸ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII-XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2005.

⁹ Уральская историческая энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1998; Металлургические заводы Урала XVII-XX вв.: энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001.

¹⁰ *Манин В.А.* К вопросу о землевладении приписных крестьян на Урале в первой половине XVIII века // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). М.: ИРИ РАН, 2002. С. 44-46.

строгие меры вплоть до смертной казни за искажение их результатов¹¹ (более подробно процедура сбора сведений для оставления ревизских сказок описана в Сенатском указе от 22 января 1719 г.¹²). Однако вместо предусмотренного указом года подробные списки удалось собрать и составить только через три года, а еще в течение трех лет произвести их проверку (ревизии). С тех пор учеты податного населения в России, главным образом крестьян, стали называться ревизиями. До отмены крепостного права в России прошло десять ревизий (1718, 1742, 1761, 1781, 1794, 1811, 1815, 1833, 1850, 1856). Многие авторы отмечают неточность и неполноту ревизских сказок как исторических источников¹³. Однако, на наш взгляд, после писцовых книг XV – XVII вв. они более информативны, так как содержат больше сведений и охватывают большую часть населения Европейской России и Урала.

В фондах дореволюционного периода Государственного архива Свердловской области (ГАСО) содержится информация об Урале с начала XVIII в. Наибольший интерес для нас представляет фонд 179, в котором представлена коллекция документов, главным образом ревизских сказок казенных и частных заводов Среднего Урала. В целом это довольно солидный фонд, насчитывающий 278 единиц хранения (дел). В них представлены ревизские сказки начиная со второй ревизии, которая завершилась на Урале на четыре года позже изданного указа об её проведении¹⁴, и вплоть до последней – десятой, проводимой накануне отмены крепостного права в России. Однако сохранность дел по результатам различных ревизий неравнозначна. Первая ревизия вообще не представлена в фонде, вторая и третья ревизии – по одному делу. Четвертая и пятая ревизии, объявленные в 1781¹⁵ и 1794¹⁶ гг., представлены девятью архивными делами. Шестая и седьмая ревизии, проходившие накануне¹⁷ и сразу после Отечественной войны 1812 г.¹⁸, представлены всего семью делами.

Львиная доля дел, хранящихся в фонде 179, относятся к последним трем – восьмой (1833 г.), девятой (1850 г.), десятой (1857 г.) – переписям (ревизиям) податного горнозаводского населения. По восьмой

¹¹ ПСЗРИ. Т. 5. Ст. 3215, 26.11.1718.

¹² ПСЗРИ. Т. 5. Ст. 3286, 22.01.1719.

¹³ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 1. М.: Университетская типография, 1902.

¹⁴ ПСЗРИ. Т. 11. Ст. 8619, 17.09.1742.

¹⁵ ПСЗРИ. Т. 21. Ст. 15278, 16.11.1781.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 21. Ст. 17253, 23.06.1794.

¹⁷ ПСЗРИ. Т. 31. Ст. 24.875, 17.11.1811.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. 33. Ст. 25882, 20.06.1815.

ревизии¹⁹ в фонде отложилось 68 дел, по девятой – 61 дело, по десятой²⁰ – 89 дел. От первой ревизии сохранились результаты по пяти горнозаводским предприятиям, с последней ревизии в ГАСО сохранилось самое большое количество дел. Следует отметить два важных обстоятельства проведения 10-й ревизии – оперативность её проведения и сравнительная полнота полученных сведений. Так, ревизия Сунского, Тисовского, Бымовского, Ашапского и Шаквинского заводов²¹ и рабочих мастеровых Нижне-Исетского завода²² была проведена в 1857 г., т.е. в тот же год, когда была объявлена. В архивном деле, относящихся к этому заводу, насчитывается более двух сотен заполненных индивидуальных и посемейных бланков, содержащих сведения о рабочих, приписанных к предприятию²³. Это позволило исследователям получить точные сведения о рабочей силе предприятия накануне отмены крепостного строя в России: 630 крепостных мастеровых и 1279 конных и пеших урочных работников²⁴.

В том же 1857 г. удалось произвести ревизию на Верхне-Уфалейском наследников Губкина заводе²⁵, а также на Суксунском, Тисовском и Шаквинском заводах, принадлежавших известному в России уральскому клану горнопромышленников Демидовых. В архивных делах сохранились данные по этим заводам третьей и восьмой ревизским сказкам²⁶.

В основном проведение десятой и последней по счету ревизии развернулась в горнозаводских округах Среднего Урала в 1858 г. Ревизия охватила не только казенные, но частные горнозаводские предприятия. Большое внимание было уделено не только тем, кто непосредственно работал на заводах, т. е. мастеровым, но и крестьянам, приписанным к ним. Так, были составлены относительно полные ревизские сказки крестьян из сел Воскресенское и Никольское, деревень: Аваринской, Павловской, Анатольевской, Горбуновской и Фотиевской, приписанных к Нижне-Тагильскому казенному заводу. Нижне-Тагильский железодельный завод был построен в 1725 г. Никитой Демидовым с сыном Акинфием. В 1737 г. на заводе числилось 657 работающих,

¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.8. Ст.6323, 15.07.1833

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Ст. 30877, 26.08.1856. 31918, 03.06.1857.

²¹ Металлургические заводы Урала XVII-XX вв.: энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 446.

²² Там же. С. 336.

²³ ГАСО. Ф. 179. Оп.1. Д. 181. Л. 1-265.

²⁴ Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. С. 337.

²⁵ Там же. С. 138.

²⁶ ГАСО. Ф. 179. Оп.1. Д. 185. Л.1-188; Д. 186 Л.3-69; Д. 187. Л. 1-67.

к 1795 г. – 2,6 тыс. чел., а по данным последней ревизии – 8,5 тыс. чел.²⁷

В отдельное делопроизводство были выделены ревизские сказки заводов Демидова, передаваемых в «Товарищество Саксунских горных заводов» (в Осиновском уезде – Комбаровского завода, в Красноуфимском уезде – Молебского, Тисовского, Шаквинского заводов)²⁸.

Ревизоры-переписчики стремились охватить ревизией не только приписанных к заводам крестьян, что в общем-то вполне вписывается в реалии крепостнической России, но и учесть «нижних чинов» окружного управления, под которыми подразумевались призванные в армию рекруты, используемые в качестве рабочей силы на предприятиях²⁹. Была попытка переписать не только непременных (постоянных вольнонаемных) рабочих³⁰, но и так называемых урочных (временных) работников³¹.

Следует отметить тот факт, что не только первая, но и вторая ревизия не отличались особой организованностью. Об этом свидетельствует тот факт, что её результаты были включены в ревизские сказки только через пять лет после того, как она была объявлена. Требовалась значительная проработка в связи с организационно-технической сложностью проведения ревизий. В частности, не существовало единой формы заполнения книг ревизских сказок. Поэтому ревизоры заполняли так, как считали нужным в виде таблицы.

В первый столбец вносился общий порядковый номер работных людей, приписанных к предприятию Демидовых. Нумерация начинается с цифры 1314. Можно предположить, что в предыдущих, несохранившихся книгах было уже записано 1313 чел. Во втором столбце даны сведения только о лицах мужского пола с указанием их квалификации на заводе (штыкарный, плавильный и т.д. мастера). Если не было никакой квалификации по малолетству, то какой специальности обучается на момент подачи сказки. Здесь же указывалось, из какой деревни (или села) прибыл «ревизуемый» (над надписью о нем) и к какой деревне приписан (под надписью о нем). В третьем – возраст переписываемого на момент проведения ревизии. Характерная черта первых переписей – отсутствие сведений о женщинах. Заводовладельцев интересовало наличие рабочей силы, а государство – «налого-

²⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Изд-во Семеновская Типография (и.А.Ефрона), 1897. Т. XXI.: Нибелунги-Нэффцер.

²⁸ ГАСО. Ф.179. Оп.1. Д.121-128.

²⁹ ГАСО. Ф.179. Оп.1. Д.247. Л.1-37.

³⁰ ГАСО. Ф.179. Оп.1. Д.249. Л.1-313.

³¹ ГАСО. Ф.179. Оп.1. Д.248. Л.1-47.

облагаемая база» – количество лиц мужского пола податного сословия.

Перед проведением третьей ревизии Сенат разработал и выслал на места форму ревизских сказок и образцы их заполнения³². Важным новшеством является то обстоятельство, что законодатель нацеливал ревизоров на то, чтобы они фиксировали не только состояние «налогооблагаемой базы» на момент проведения ревизии, но и те изменения, которые произошли с момента проведения последней (кто умер, родился, в рекрутах, в бегах и т.д.). В отличие от предыдущих двух ревизий в третьей ревизии уже есть данные о лицах женского пола. Сведения о них идут вслед за информацией о главе семейства и его сыновьях.

Форма заполнения ревизских сказок четвертой ревизии по Камбаровскому заводу была аналогична предшествующей, в общей графе для мужчин те же три колонки: в первой фиксируются данные по предыдущей ревизии, во второй – произошедшие перемены, а в третьей – возрастные данные на момент ревизии. Однако таких колонок на странице уже не три, а шесть. Слева от первых трех колонок, дающих характеристику лицам мужского пола, расчерчены еще три, содержащие информацию о женщинах. Формы заполнения ревизских сказок четвертой и пятой ревизии были аналогичны, но последняя, опубликованная в Сенатском указе «О напечатании формы ревизской сказки и перечневой ведомости и о разсылке оных во все Губернии для продажи сказко-подателям», содержала больше информации³³.

В целом, как отмечал русский исследователь В.Э. Ден, к началу XX в. полнота и качество проводимых ревизий улучшились. Он связывает это с двумя важными обстоятельствами: во-первых, с проведением губернской реформы 1775 г. Екатерины II и, во-вторых, с совершенствованием техники проведения ревизий, среди которых он называет унификацию формы заполнения ревизских сказок³⁴.

К середине XIX в. по внешнему виду ревизские сказки представляли собой большеформатные книги (между А3 и А4 современными форматами) чаще с твердым переплетом. На левой стороне разворота книги типографским способом печаталась таблица. Аналогичные таблицы могли заполняться от руки, в точности повторяя печатную форму. В первый столбец вносился порядковый номер, во второй – сведения о лицах мужского пола (писалось «мужеский пол»), в третий – возраст (писалось – лета) переписываемого на момент прове-

³² ПСЗРИ. Т.15. Ст.11.364, 28.11.1761.

³³ ГАСО. Ф.179. Оп.1.Д. 48. Л. 1об-2.

³⁴ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. С. 38.

дения ревизии. На каждой странице подводился итог – сколько ныне налицо человек мужского пола³⁵.

В первую очередь заполнялись сведения о главе семейства. Писалось его имя, чей он сын (отчество), фамилия и его возраст. Далее следовали сведения о его сыновьях (в порядке убывания старшинства). Если у последних были малолетние сыновья (внуки главы большого семейства), то фиксировались их имена и возраст. В редких случаях вписывались младшие братья главы семейства – бобыли, т.е. мужчины, не имевшие своей семьи. Таким образом неперемненные рабочие вписывались в сословное деление, помимо их податного состояния, в ревизской сказке фиксировалось их крепостное положение как приписанных к заводам крестьян. По правую сторону книжного разворота зеркально левой заполнялись сведения о жёнах и незамужних дочерях главы семейства, а также невестки и малолетние внуки отца семейства³⁶.

Все отличие книги ревизской сказки неперемненных и урочных рабочих (по материалам X переписи) заключалось в том, что поверх сведений о первых – неперемненных рабочих – на мужской стороне вносились сведения о том, какому селу (деревне) они приписаны. На вторых – урочных – такие сведения отсутствовали. В «женской» половине ревизской книги обнаруживается и еще одно новшество – записывались еще и женщины, которые принадлежали к семейству, но находились в отлучке. Как правило, это женщины, работавшие по найму отдельно от мужчин (отцов или мужей).

В ревизских сказках, проводимых уже в XIX в., обнаруживается еще одно новшество – алфавитные указатели, помещаемые на первых листах книг. В них указывалась фамилия глав семейства и порядковый номер размещения сведений о них и их семьях в ревизии. Отсюда можно сделать вывод о том, что ревизская книга заполнялась по ходу поступления сведений от сказкодателей о прохождении ревизии. Сами сказки составлялись на основе бланков строго утвержденной формы и распространяемых среди переписчиков³⁷.

Правильное заполнение по установленной форме ревизских сказок было бы невозможно без надлежащего хранения результатов предшествующей ревизии. В указе о проведении четвертой ревизии указывалось, что «...подлинные сказки хранить в уездном городе в архиве под общим наблюдением уездного суда, городского магистрата и нижней расправы». В этой связи вполне понятно, почему дела о ревизских

³⁵ ПСЗРИ. Т.15. Ст.11.364, 28.11.1761.

³⁶ ПСЗРИ. Т.23. Ст.17.253, 14.09.1794.

³⁷ ПСЗРИ. Т.21. Ст. 15278, 16.11.1781.

сказках отложились в архиве Екатеринбурга, которому в том же 1781 г. был присвоен статус уездного города Пермской губернии.

Таким образом, ревизские сказки, с одной стороны, фиксировали принадлежность горнозаводского населения к податному люду, а с другой – их сословное происхождение из крестьян. Первое следует рассматривать через призму статусного положения личности в контексте отношений личность – государство, второе – личность – корпорация (сословие). Результаты ревизских сказок вносились с конца XVIII в. в Генеральную книгу окладных сборов и служили информацией для определения размеров подушной подати, а в целом – выработки налоговой политики государства. Одновременно ревизские сказки отражали начавшийся процесс распада сословий.

Библиография

1. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Типография Исыдора Гольдберга, 1896. 177 с.
2. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2005. 615 с.
3. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. 1861-1900 (Численность, состав, положение). М.: Наука, 1985. 303 с.
4. Геннин де Вильгельм. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г. М.: Государственное изд-во «История заводов», 1937. 656 с.
5. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 1. М.: Университетская типография, 1902. 382 с.
6. Журавлева Н.С. История фабрик и заводов на Урале // Литература Урала: история и современность. Вып. 7. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 280-284.
7. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала: Вторая половина XIX - начало XX века: автореф. дис..... д-ра.ист.наук. Челябинск, 2003. – 40 с.
8. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. (Конец XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1971. 288 с.
9. Манин В.А. К вопросу о землевладении приписных крестьян на Урале в первой половине XVIII века // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). М.: ИРИ РАН, 2002. С. 44-46.
10. Манин В.А. Формирование горнозаводского земельного законодательства во второй половине XVII - первой половине XVIII века : На примере Урала: автореф. дис. канд.юр.наук. Саратов, 2002. 26 с.
11. Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1910. 255 с.
11. Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII веке. М.: Наука, 1985. 247 с.

С. В. Джунджузов¹

Оренбург

СКЛАДЫВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА²

Калмыки-казаки Уральского казачьего войска остаются наименее изученной калмыцкой диаспорой в пределах Российской империи. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска (до 1775 г. – Яицкого) проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. К середине XIX в. они вполне адаптировались к казачьим порядкам. Были менее, чем оренбургские калмыки, изолированы от русских казаков. Перенимали у них опыт ведения земледельческого хозяйства и традиционного рыболовного промысла. В то же время исповедание буддизма и наличие легальной конфессиональной организации с выборным клиром обеспечивали уральским калмыкам религиозную и тесно связанную с ней этническую идентичность.

Ключевые слова: буддизм, идентичность, концессия, казаки, калмыки, казачье войско.

S. V. Dzhundzhuzov

Orenburg

FOLDING OF THE KALMYK POPULATION OF THE URAL COSSACK COUNTRY IN THE XVIII - FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The Kalmyk Cossacks of the Ural Cossack Host remain the least studied Kalmyk diaspora within the Russian Empire. The entry of the Kalmyks into the Ural Cossack army (until 1775 - Yaitsky) took place in the process of their long-term interaction with the Ural Cossacks. By the middle of the XIX century, they have completely adapted to the Cossack order. Less than the Orenburg Kalmyks were isolated from the Russian Cossacks. We adopted from them the experience of farming and traditional fishing. At the same time, the confession of Buddhism and the presence of a legal confessional organization with an elected clergy provided the Ural Kalmyks with a religious

Keywords: Buddhism, identity, concession, Cossacks, Kalmyks, Cossack army.

Калмыки-казаки Уральского казачьего войска остаются наименее изученной калмыцкой диаспорой в пределах Российской империи. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска (до 1775 г. – Яицкого) проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. Характеризуя развитие калмыцко-казацких отношений к 10-20-м гг. XVIII в., А.Б. Карпов подчеркивал, что за семьдесят лет совместной жизни калмыки и уральские казаки «уже успели сжиться, и долгая вражда их чередовалась с миром – «размиренье» чередовалась с «замиреньем»³.

¹ *Джунджузов Степан Викторович* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия. E-mail: Djund@yandex.ru

² Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, грант №17-39-50001

³ *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911. С. 406.

До начала XVIII в. переход калмыков в яицкое казачество носил единственный характер. Ситуация изменилась в первой половине XVIII в., когда правительство запретило Яицкому войску допускать в свои ряды беглых крестьян. При этом обязательства Войска по несению пограничной службы и участию в войнах только усиливались. Численность войскового населения в этот период обеспечивалась за счет записи в казаки представителей соседних кочевых народов: татар, туркмен, башкир, калмыков и др. Свойственная Яицкому войску веротерпимость, по крайней мере в отношении тех «инородцев», которые добровольно приходили на Яик и селились между ними, позволяла калмыцким переселенцам не менять вероисповедания. Результат не замедлил сказаться – в 1725 г. в Яицкое войско зачислили 110 калмыков, а в 1748 г. на войсковой территории кочевало уже 620 калмыков. Из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей»⁴. Часть яицких калмыков, как говорилось выше, переселились в Оренбург, приняли христианство и стали казаками Оренбургского войска.

Российское правительство, взявшее на себя обязательство «калмык и [подвластных] их татар, которые будут уходить в российские города и таких некрещеных отдавать им [калмыцким владельцам] возвратно», вынуждено было в 1725 г. определением Сената запретить Яицкому войску впредь принимать и селить на Яике некрещеных калмыков⁵. Невзирая на прошения Яицкого войска об оставлении в его составе калмыков, Коллегия иностранных дел требовала от оренбургского губернатора И.И. Неплюева строго придерживаться условий, содержащихся в российско-калмыцких договорах и правительственных указах. Исключение допускалось, во-первых, для 110 калмыков, зачисленных в Яицкое войско до издания сенатского определения 1725 г., во-вторых, калмыков, воспринимавших крещение. Также, помимо упомянутых 110 калмыков, в представлении Коллегии иностранных дел от 10 июня 1745 г., без указания количества, говорится о калмыках, получивших в 1738 и 1739 гг. по позволению В.Н. Татищева и в 1742 г. по указу из Оренбургской комиссии разрешение на присоединение к яицким казакам⁶.

⁴ Джунджузов С.В. Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 42.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 191.

Войсковая статистика по вероисповедальному признаку, которая начала вестись, вероятно, не ранее 1840-х гг., отдельную графу отводила язычникам. К ним в Уральском войске причислялись калмыки-буддисты. Также в XVIII в. встречались калмыки, которые в казахском плену или в Яицком городке под влиянием татарских мулл принимали ислам. В целях пресечения исламизации калмыков И.И. Неплюев потребовал от Войсковой канцелярии отбирать у татарских мулл расписки с указанием запрещения под страхом смертной казни склонять калмыков к восприятию магометанства⁷. На протяжении всего периода пребывания калмыков в составе Уральского войска имели место случаи восприятия ими православного христианства. Упоминания о крещеных уральских калмыках встречаются в исторической публицистике XIX в. По наблюдениям А. Рябинина, калмыки, «прадеды и деды которых принимали крещение, отделились совершенно от своих прежних соплеменников, женились на русских и вообще старались слиться с главным племенем»⁸.

Сохранению этнического единства уральских калмыков способствовала приверженность к буддизму. Согласно справке, представленной в канцелярию оренбургского военного губернатора, в 1845 г. в Уральском войске «идолопоклонников считалось» 547 чел. мужчин и 527 женщин. Для отправления богослужения у них имелось 21 духовное лицо и 10 мольбищ⁹.

Калмыки, селившиеся в XVIII в. на землях Яицкого войска, как правило, были выходцами из Калмыцкого ханства или беженцами из казахского плена. Среди последних могли встречаться джунгары, которых в России в то время называли «зенгорцами», или верхними калмыками. Калмык, желающий стать казаком, обязательно должен был иметь поручителя. Ими у некрещеных калмыков выступали калмыки-казаки, состоявшие с ними в родственных связях. За побег, измену и иные уголовные преступления зачисленных в Яицкое войско калмыков их поручители подвергались имущественной ответственности и телесным наказаниям.

В 1744 г. в Оренбургской губернской канцелярии слушалось дело о побеге яицкого казака-калмыка Чабака Ханкидеева в киргизскую степь. Из справки, представленной канцелярией Яицкого войска, следовало, что Чабак пришел в Яицкий городок из Гурьева в 1742 г. Поручился за него родственник, уральский калмык Батырь. В 1743 г.

⁷ *Витевский В.Н.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. №3. С. 386.

⁸ *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866. С. 367.

⁹ ГАОО. Ф.6. Оп. 12. Д. 423. Л. 5.

вместе с пятью яицкими казаками Чабак был направлен в Оренбург для несения службы. 10 октября из Оренбургской конторы строений поступило сообщение, что калмык Чабак, командированный с казачьей командой для осмотра леса в Красногорскую крепость, во время несения караульной службы бежал, прихватив с собой трех драгунских лошадей. Первым делом оренбургский губернатор И.И. Неплюев потребовал привлечь к ответственности поручителей и «учинить жестокое наказание. Ибо, если б они не ручались, то б никакой надежды и веры в том его употреблении принято не было». Следуя войсковому обычаю, казаки постановили взять Батыря в круг и бить плетьюми. С него также были взысканы две лошади взамен уведенных Чабаком¹⁰.

Сам Чабак был задержан на Меновом дворе в Орской крепости, куда приехал с казахскими торговцами. Его узнали находившиеся там на службе яицкие казаки-калмыки. На допросе Чабак признался, что ушел в степь по собственной воле, потому что не хотел жить в России. Беглый калмык был обвинен в государственной измене, отягощенной побегом во время несения караула и воровством. К тому же губернатор заподозрил Чабака в содействии казахам, совершавшим набеги на российские селения, в связи с чем губернатор потребовал подвергнуть обвиняемого дополнительным пыткам. Согласно вынесенному приговору калмык Чабак должен был быть сослан в Рогервик на каторжные работы¹¹. Избежать столь сурового наказания бывшему беглому калмыку позволил Высочайший указ от 15 июля 1744 г., в силу которого преступники, осужденные к смертной казни, каторжным работам или ссылке, получали «всемилоостивейшее» императорское прощение и освобождались от ответственности¹².

Историк Уральского войска И.И. Железнов, ссылаясь на крещеную калмычку А.В. Невзорову, утверждал, что по заведенному в Войске обычаю, принятие в казаки нерусского человека требовало особого поручительства со стороны какого-либо казака-уральца, так называемого «восприемника», который давал вновь зачисленному в войско свою фамилию. Сама Невзорова утверждала, что ее дед или прадед, которого она не помнила, был волжским калмыком: «принял христианскую веру и приписался в Яицкое казацкое войско. Фамилию Невзоровых принял, конечно, от восприемника, яицкого казака Невзорова»¹³.

В отличие от оренбургских и ставропольских калмыков, калмыки-казаки Уральского войска не получили земельных угодий для ком-

¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 176-176 об.

¹¹ Там же. Л. 179.

¹² Там же. Л. 245 об, 247.

¹³ *Железнов И.И.* Уральцы. СПб., 1888. Т. 3. С. 141.

пактного поселения. Их кибитки были рассредоточены на большей части войсковой территории. К середине XIX в. места жительства калмыков были зафиксированы в восьми из десяти отделов Уральского войска¹⁴. Их образ жизни, по крайней мере в первой половине XIX в., ничем не отличался от жизненного и хозяйственного уклада оренбургских калмыков. Как и их соседи, теплое время уральские калмыки предпочитали проводить в кибитках. Период кочевания ограничивался пятью месяцами – с 15 мая по 15 сентября. Места кочевков располагались вблизи населенных пунктов и определялись войсковой администрацией. Зимние дома калмыков представляли собой глинобитные постройки с крытой камышом плоской крышей. Из того же камыша делались заборы и паромы для переправы через Урал и другие менее полноводные реки. Склонность уральских калмыков к кочеванию давала повод войсковой администрации характеризовать их как нетрудолюбивых и «в хозяйстве беспечных». Одновременно войсковое начальство положительно оценивало моральные качества уральских калмыков. В войсковых отчетах по гражданской части за 1845 и 1848 гг. о них говорилось, что «ламайцы и идолопоклонники калмыки отличаются <...> в высшей степени миролюбием», «Они, вообще, тихи и добронравны»¹⁵.

Средства для пропитания и расходы на подготовку к военной службе калмыки, как и остальная часть казачьего населения, должны были извлекать от хлебопашества и скотоводства. В полном объеме на уральских калмыков распространялся порядок несения воинской службы. Все уральские казаки по достижении 17 лет зачислялись в разряд малолеток, где оставались два года. В это время они освобождались от всяких общественных повинностей, не несли военной службы, но облагались денежным сбором. В 19-летнем возрасте они зачислялись в казаки, принимали присягу и числились два года в разряде внутренне-служащих. Они заводили лошадей, обмундирование, снаряжение и вооружение, после чего призывались на летние учебные сборы. По достижении 21 года зачислялись в полевой разряд, в котором оставались 15 лет, а с 36 лет снова переводились в разряд внутренне-служащих на 5 лет. Весьма лестно о службе уральских калмыков отзывался дореволюционный исследователь «уральской старины» Н. Бородин, потомственный казак, знавший уральских калмыков не понаслышке: «Калмыки имеют способность к военной и особенно

¹⁴ *Шоунов К.П.* Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII-XIX в.). Элиста, 1992. С. 160.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1550/г. Л. 14 об; Д. 993. Л. 11 об.

иррегулярной службе: проворны, расторопны, сметливы и наделены удивительным зрением; отличаются бдительностью и точным исполнением полученных ими от начальства приказаний. Ум их быстрый, нрав кроткий и весёлый, они обходительны, услужливы, верны и привержены к тем, кто умеет заслужить их любовь»¹⁶.

Особого внимания со стороны оренбургской военной администрации уральские калмыки удостоились в 1830-е гг. в связи с наличием у них буддийской, ламаистской в терминологии того времени, конфессиональной организации. Буддизм относился к числу религий, дозволенных к исповеданию российскими подданными. А так как, помимо отправления культа, на конфессиональные организации государство возлагало идеологическую функцию (формирование у верующих верноподданнических чувств) и регистрацию актов гражданского состояния (ведение метрических книг), то и их деятельность должна была регламентироваться специальным законодательством и контролироваться уполномоченными органами государственной власти.

«Правила» 1835 г., устанавливавшие порядок избрания буддийских священнослужителей – гецюлей и гелюнгов – при молитвенных домах (хурулах), состояли всего из трех пунктов. В первом пункте определялся порядок избрания. Собрание прихожан следовало проводить при молитвенном доме в присутствии дистанционного или, если он в офицерском чине, станичного начальника. Избрание кандидата на вакантную должность удостоверялось письменным приговором, заверенным подписями выборщиков. Второй пункт устанавливал порядок утверждения в должности. Для служилых казаков требовалось разрешение оренбургского военного губернатора, назначение отставных казаков передавалось на усмотрение Присутствия Войсковой канцелярии. В третьем пункте оговаривались возрастные ограничения. Избранный на должность гецюля или гелюнга не должен был быть моложе 21 года. Не достигшие этого возраста претенденты с разрешения канцелярии допускались к исполнению должности священнослужителя только в виде испытания¹⁷.

Впервые представление о назначении буддийского священнослужителя поступило на утверждение оренбургского военного губернатора в 1844 г. В донесении Уральской войсковой канцелярии от 8 августа сообщалось, что в связи со смертью 15 мая 1843 г. гецюля

¹⁶ *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с картами. Т. 1. Уральск, 1891. С. 138-139.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп.12. Д.423. Л.5.

Кулагинского хурула (в тексте – молебища – С.Д.) Дензина Мачинова казаки-калмыки, проживавшие на Нижней дистанции Нижнеуральской линии в Кулагинской и Горской крепостях и Гребенщиковском форпосте, с разрешения Войсковой канцелярии избрали гецюлем казака Бамбеева. Выборы проходили в соответствии с установленными «правилами». Начальник уральской линии засвидетельствовал, что проживающий в его ведомстве казак Бамбеев по отзывам местного начальника и жителей «при хорошем поведении, знает хорошо калмыцкие духовные правила и, сверх того, говорит, читает и пишет по-русски». Необходимость избрания гецюля обосновывалась возложенными на него обязанностями по исполнению религиозных обрядов, приведению калмыков к присяге на верность службе «и по разным случаям, по делам следственным»¹⁸.

Оренбургский военный губернатор В.А. Обручев, как представитель имперской власти, считал правомерным руководствоваться только теми документами, легитимная сила которых удостоверялась высочайшими указами или подтверждалась распоряжениями высших должностных лиц. Прежде всего он считал нужным связаться с астраханским губернатором и выяснить, на основании каких законодательных актов происходит назначение ламаистского духовенства у калмыков в вверенной ему губернии. Астраханский губернатор уведомил Обручева, что избрание духовных лиц в астраханском калмыцком народе основывается на правилах, изложенных в статьях 636-638 «Учреждения об управлении инородцами», изданного в 1842 г. и включенного в VII книгу II тома Полного собрания законов Российской империи. Однако распространить эти правила на буддистскую общину Уральского казачьего войска не представлялось возможным, так как назначением и увольнением священнослужителей у астраханских калмыков ведало Ламаистское духовное правление. Создавать подобное учреждение в Уральском войске в силу малочисленности местных калмыков было нецелесообразно. Вопрос был передан на разрешение министру внутренних дел, который 17 января 1846 г. уведомил оренбургского военного губернатора, что «не встречает препятствий к соблюдению и на будущее время принятого по Уральскому казачьему войску порядка утверждения избираемых в духовные должности калмыков». Своим решением министр санкционировал переход

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп.11. Д.788. Л.1-1об.

буддистского духовенства уральских калмыков под юрисдикцию губернской администрации¹⁹.

В целом, если проводить сравнения, то по образу жизни уральские калмыки были скорее ближе к донским, нежели к оренбургским, калмыкам. К середине XIX в. они вполне адаптировались к казачьим порядкам. Были менее изолированы, чем оренбуржцы и ставропольцы, от русских казаков. Перенимали у них опыт ведения земледельческого хозяйства и традиционного для Уральского войска рыболовного промысла. В то же время исповедание буддизма и наличие легальной конфессиональной организации с выборным клиром обеспечивали их религиозную и тесно связанную с ней этническую идентичность.

Библиография

1. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с картами. Т. 1. Уральск: Урал. войск. хоз. правл., 1891. 947 с.
2. *Витевский В.Н.* Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. №3. С. 377-428..
3. *Джунджузов С.В.* Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 42-45.
4. *Железнов И.И.* Уральцы. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1888. Т.3.
5. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч I: Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральск : Войсковая тип., 1911. 1013 с.
6. *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. I. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. 528 с.
7. *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX в.). Элиста : Калмыцкий институт общественных наук РАН, 1992. 320 с.

¹⁹ *Джунджузов С.В.* Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 43-44.

Е.А. Курлаев¹
Екатеринбург

О СТАТИСТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ПУШЕК НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.²

По мнению автора статьи, в угоду политической конъюнктуре в общественном сознании утверждались мифы, преувеличивающие значение уральской военной промышленности в Северной войне. Много говорилось о значительной роли уральской артиллерии в войне, об участии пушек Каменского завода в Полтавской битве. На самом деле низкое качество военной продукции и сложность ее доставки в центр привели к тому, что 19 января 1705 г. указом из столицы на Урале запрещалось изготовление чугунных орудий. В докладе будут предварительно обобщены документальные данные о количестве произведенных на Урале орудий.

Ключевые слова: Урал, Северная война, пушки, Полтавская битва, военная продукция.

E.A. Kurlaev
Yekaterinburg

ON STATISTICS OF GUN PRODUCTION IN THE URALS IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY

In the opinion of the author of the article, for the sake of the political conjuncture, myths were being established in the public mind that exaggerated the importance of the Ural military industry in the Northern War. Much has been said about the significant role of the Ural artillery in the war, about the participation of the guns of the Kamensk plant in the Battle of Poltava. In fact, the low quality of military products and the complexity of their delivery to the center led to the fact that on January 19, 1705, by a decree from the capital in the Urals, the manufacture of cast-iron guns was prohibited. The report will preliminary summarize documentary data on the number of guns produced in the Urals.

Keywords: Ural Northern War, guns, Battle of Poltava, military products.

Истории возникновения уральской промышленности посвящено немало трудов, но до сих пор показатели производства уральских заводов в первые два десятилетия XVIII в. остаются одним из наиболее запутанных вопросов в истории российской промышленности. В послевоенный период историки начали работать с первоисточниками и выявили несколько ценных документов о продукции первых уральских заводов. Впервые подсчет военной продукции предпринял Б.Б. Кафенгауз в 1940-х гг. Он привел данные об отправке пушек с Каменского (350 пушек в 1702–1703 гг.) и Невьянского заводов. Основная раздела написана на материалах архивного дела «О рудокопных в Сибири заводах», заканчивающегося 1703 г. Эти подсчеты дополнили

¹ *Курлаев Евгений Анатольевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИИиА УрО РАН. E-mail: kurlaev@e1.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611А.

отрывочные данные из фонда Сибирского приказа о поставках пушек с Каменского и Невьянского заводов в 1704-1705 гг. и поставок с Невьянского завода в 1705-1709 гг. из следственного дела Берг-Коллегии³.

С.Г. Струмилин, очевидно, не был знаком с работой Б.Б. Кафенгауза на момент написания своего труда. Он вводит в научный оборот и анализирует новый источник, обнаруженный в Берг-коллегии, «Ведение Каменских железных заводов (1700-1720 гг.)». Всего, по мнению автора, на Каменском заводе в 1702-1705 гг., включая две медные двухфунтовые пушки, было отлито не менее 854 орудий⁴. Причину дальнейшего прекращения производства военной продукции С.Г. Струмилин видел в трудности доставки и строительстве новых заводов ближе к театру войны.

Данные из поздних сенатских ведомостей 1767 г. о производстве орудий и снарядов на Каменском, Невьянском и Уктусском заводах в 1702-1718 гг. опубликовал Н.И. Павленко. При характеристике Каменского завода историк использует сведения, взятые у Струмилины, корректируя данные, обнаруженные в сводной ведомости 1767 г.⁵ Однако имеется небольшое расхождение в подсчетах, возможно из-за ошибки в источнике. Здесь шестифунтовых пушек – 7, а в источнике, использованном С.Г. Струмилиным, – 57. В ведомости в 1703 г. изготовлено 522 орудия, у Струмилины – 572. Поэтому итоговое количество пушек, изготовленных на Каменском заводе за 1702-1705 гг., в работе Н.И. Павленко 804 шт., а у С.Г. Струмилины – 854 шт. Н.И. Павленко связывает активное производство военной продукции на Каменском заводе с Полтавским сражением.

Новый источник из фонда Сибирского приказа о караване Демидовых в 1707 г. ввел в научный оборот А.А. Преображенский. В нем среди груза отмечены 3 трехпудовые и одна пудовая мортиры (всего 4 шт.), а также 4 12-фунтовых пушки, 4 орудия без указания калибра и 18 «пушечек» (всего 26 шт.)⁶. В последующие годы новых документов

³ *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Т.1. М.; Л., 1949. С. 129–143. При подсчете военной продукции автор воспользовался данными РГАДА. Поставки пушек в 1702 -1703 гг. из Ф. 151. Оп. 1. Д. 47-49; в 1704-1705 гг. из Ф. 214. кн. 1426.; в 1705-1709 гг. из Ф. 217. Оп.1. Д. 1057.

⁴ *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. Т.1. М., 1954. С. 155-156, 437-753. Документ, содержащий сведения о Каменском заводе, выявлен в РГАДА Ф. 217. Оп.1. Д. 612.

⁵ *Павленко Н.И.* Продукция уральской металлургии в начале XVIII в.//Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 190-198. Автор воспользовался фондом Сената (РГАДА. Ф. 248. Кн.. 1534. Т. VII Л. 118-126).

⁶ *Преображенский А.А.* Военные поставки Невьянского завода накануне Полтавского сражения//Вопросы военной истории России XVIII- первая половина XIX вв. М., 1969. С. 183-187.

и сведений о количестве пушек, изготовленных на уральских заводах, не появилось.

В обобщающем многотомном труде по истории Урала статистики производства орудий и боеприпасов нет. Лишь приводятся достижения в чугунно-пушечном литье на Каменском заводе и оценка большой роли уральской продукции в военных событиях, в том числе и Полтавской битве⁷. Данные, выявленные и опубликованные историками в 1950 -1960-е гг., без каких-либо дополнений неоднократно использовались более поздними авторами. Но без введения в научный оборот и анализа новых источников такие работы не несут исследовательской ценности.

А.А. Преображенский отмечал, что сведения о военной продукции первых лет XVIII в. отрывочны и неполны и «каждый новый факт, подкрепленный документальным свидетельством, приобретает особую значимость для выяснения истинной роли военного производства на Урале в канун Полтавской баталии»⁸. Трудно не согласиться с мнением авторитетного историка. И пока не появятся новые документы, можно констатировать, что сведения о производстве пушек по-прежнему скупы и неполны.

Анализируя приведенные документальные сведения, отмечу, что в характеристике производства они имеют разную информативную ценность. Наиболее обобщающе полными являются заводские «Ведения» – результаты всеобщей переписи уральских казенных заводов в связи с передачей их из подчинения администрации Сибирской губернии под управление Берг-коллегии. С.Г. Струмилин опубликовал «Ведения Каменских железных заводов (1700-1720 гг.)». Критически и осторожно следует использовать сведения о караванных поставках по р. Чусовой. Это косвенные свидетельства статистики производства. Представленные сведения вызывают вопросы: за какой период времени и с каких заводов отгружена продукция? Нет ли среди груза изделий, поднятых с разбитых ранее коломенок? Только ли на запад отправлялась заводская продукция?

За длительный период исследования истории первых заводов мы также выявили копии «Ведений Каменских железных заводов» в других архивах и фондах. Кроме того, были обнаружены аналогичные документы по Уктусскому заводу, где пушек не делали, и по Алапаевскому заводу, где из-за пожара не сохранились документы до 1718 г. Количество произведенной продукции на Невьянском заводе и пункты поставок указаны в следственном деле 1734 г. капитана Кожухо-

⁷ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 263.

⁸ Преображенский А.А. Военные поставки Невьянского завода... С. 184.

ва, начатом в отношении Демидовых из-за неуплаты десятинной пошлины. Некоторые сведения о производстве орудий, в частности на Алапаевском и Уктусском заводах вплоть до 1725 г., выявлены в фондах Сибирского приказа РГАДА и Горного правления ГАСО.

К настоящему времени продолжает преобладать политически правильная позиция, из которой следует, что уральские заводы обеспечили русскую армию высококачественными артиллерийскими орудиями, с которыми Петр I выиграл Полтавскую баталию и разгромил шведскую армию короля Карла XII. Такая точка зрения в различном толковании излагается как любителями истории, так и профессиональными историками. При аргументации позиции наиболее востребовано событие из истории Каменского завода 1703 г., якобы положившее начало взлету артиллерийского производства: отливка нескольких сотен пушек. Действительно, это событие имело место, но при изучении первоисточников имело отрицательный результат.

В первые годы работы Каменского завода основное количество пушек было изготовлено иностранным мастером, вывезенным из Курляндии, – Эриком Депре. Вместе с ним у литья орудий работал пушечный мастер и одновременно толмач Яков Валдор, взятый с заводов А. Бутенанта. По оценке Э. Депре, в 1702-1703 гг. ими было отлито более 300 пушек. Первую крупную партию пушек весной 1703 г. отправили в Москву, куда они прибыли в период с 27 июля по 24 августа. Всего на Пушечный двор с Каменских заводов приняли 323 пушки (в т.ч. 216 – 3-фунтовых, 60 – 6-фунт., 47 – 8-фунт.), 12 мортир и 14 18-фунт. гаубиц. После испытания их московскими пушкарями разорвало 102 пушки, а целых осталась 221 пушка (121 3-фунт., 54 6-фунт., 46 8-фунт., 9 гаубиц (5 разорвало), 12 мортир. На заводах пушки испытывали по одному выстрелу одинарным зарядом, в Москве же испытывали двойным. Как видно из приведенных цифр, испытаний не выдержала треть привезенных пушек, и большинство из них были 3-фунт. (95 из 102). Вслед за неудачным результатом последовал царский указ 1703 г., запрещавший лить 3-фунтовые пушки, а изготавливать только орудия крупного калибра – 24-, 18-, 12-, 8-, 6-фунтовые⁹. В производстве больших пушек проблема качества выглядела временной и решаемой.

В отписке князя Федора Юрьевича Ромодановского в Тобольсксводомам М.Я. и А.М. Черкасским предписывалось строже следить за качеством: «лить добрым мастерством против чертежей, следить, чтобы железо было в спелости, из недоспелова и переспелова не лить,

⁹ РГАДА. Ф. 151. Оп.1. Д. 50. Л. 25 об.

для того, что из такого железа чинится в пушках рванина»¹⁰. В случае если мастера отольют пушки не по чертежам и их начнет разрывать, то ущерб вычитался из жалования. Теперь на заводах требовалось также испытывать двойным зарядом пороха.

Ставка на организацию литья пушек на уральских заводах уже была сделана, а проблемы качества предполагалось решить экономическими мерами. С заводов Центральной России на Урал прибыли новые пушечные мастера. В апреле 1702 г. из приказа Артиллерии в Сибирский приказ, а затем на заводы отправили: на Каменский завод пушечного литейного мастера Петра Харитоновца с учениками Гаврилой Ивановым и Григорием Жихоревым; на Невьянский завод мастера Никиту Пантелеева, учеников Ивана Артемьева и Ивана Малгина¹¹. В феврале 1703 г. из приказа Артиллерии на Каменский завод прибыли очередные мастера: иноземец Тимофей Федоров, русский Тимофей Прокопьев, пушечные ученики Федор Данилов, Осип Иванов, Федор Захаров, плавильный ученик Кирьян Яковлев¹².

Но, даже собрав пушечных мастеров на Урале, так и не удалось достичь достаточного качества изделий. Низкое качество литья пушек было характерно для всех литейных мастеров, включая иностранцев. Пушечный мастер Т. Прокопьев с учениками отлили 8 мортир и 6 двенадцатифунтовых пушек, но к отправке они оказались негодны: разорвало 2 мортиры и 4 пушки. У Ивана Малгина к отправке в Москву было готово 12 гаубиц и две двенадцатифунтовые пушки, но за них не было заплачено, так как не было готово еще 9 пушек из-за медленного их сверления, 1 пушку разорвало. Аналогичная ситуация с выполнением государственных заказов сложилась у всех пушечных мастеров: иноземца Т. Федорова и ученика Ф. Данилова, тюменцев Андреяна Колокольникова с братьями, Ф. Захарова. За хорошо сделанные пушки мастер должен был получать по 6 денег с пуда, но из жалования вычиталась стоимость бракованных орудий. 1703 г. прошел в работе над качеством литья, но привезенные в 1704 г. в Москву пушки продолжали рваться.

Причины свертывания пушечного производства были прямо названы в царском указе от 19 января 1705 г.: «... по имянному великого государя указу в Сибири в Тобольске на Каменских и Верхотурских железных заводах чугунных пушек, мартиров, гаубиц лить не указал, для того, что по опыту прошлого 1704 г. присланные сибирские пушки явились зело плохи, и к стрельбе негодны. А велено на тех сибир-

¹⁰ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 104-105 об.

¹¹ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 822. Л. 1-7.

¹² Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 821. Л. 1.

ских заводах делать прутовое доброе железо, а из самого плохова, которое в ковку негодно лить бомбы и гранаты всяких рук и прислать к Москве в приказ Артиллерии, и о том в Тобольск и на Верхотурье грамоты послать 22 января 1705 г.»¹³.

Несмотря на трудное для России время, правительство вынуждено были свернуть массовое артиллерийское производство на Урале. 20 декабря 1703 г. в указе Петра I воеводам М.Я. и А.М. Черкасским приказывалось с Каменского завода послать «наскоро» пушечных мастеров иноземцев – Э. Депрея, Я. Валдора, Т. Федорова, русских – П. Харитоновна, Н. Пантелеева, Г. Жихорева на Олонец и Олонецкую верфь «куда ближе»¹⁴. 14 февраля 1705 г. в Москву отправили и пушечного мастера Т. Пркофьева с учениками, так как «пушки на тобольских и верхотурских заводах лить не велели». За отливку плохих пушек жалования им так и не выдали. Ставка на развитие уральского пушечного производства не оправдалась, пушечных мастеров переводили на строящиеся Олонецкие заводы и возвращали в Москву. По указу от 28 января 1710 г. запрещалось на уральских заводах лить не только чугунные орудия, но и снаряды. Про Демидовых, кроме того, было сказано особо: «...Также и Никите Демидову впредь за привозные литые воинские припасы денег из казны давать не велено». Об их качестве, правда, ничего не говорилось.

Прекратив литье пушек после указа 1705 г., уральские металлургические заводы сосредоточились на производстве чугуна, железа и изделий из них. За первое двадцатилетие XVIII в. зафиксировано только два факта посылки военной продукции в Приуралье и Сибирь. В 1705 г. началось восстание башкир, марийцев, вотяков и других народов, охватившее территорию Казанского уезда и угрожавшее западной части Тобольского уезда. Из отписки кунгурского воеводы следовало, что летом 1705 г. «башкирцы, и калмыки и татары бунтовали смуту и мятеж чинили, стояли в Уфимском уезде в собрании многолюдством многое время и лошадей у нас отнимая сильно...»¹⁵. В 1706 г. для защиты Кунгура прислали 12 пушек с Каменского завода (10 трехфунтовых, по одной 8- и 12-фунтовых) и порох из Москвы.

В 1708–1709 гг. всю южная часть русских владений, граничащих с башкирами, была в тревожном ожидании большой войны. Воеводы Кунгура, Уфы, Тобольска, Пелыма, других поволжских, уральских и сибирских городов обменивались тревожными сведениями о многочисленном войске, состоящем из башкир под руководством Алдара и

¹³ Там же. Ф. 214. Оп.5. Д. 1348. Л. 37.

¹⁴ Там же. Ф. 151. Оп.1. Д. 50. Л. 218 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 926. Л. 1.

40000 каракалпацких всадников во главе с Кучук-ханом, приближавшихся с юга к сибирским слободам и к Уфе¹⁶. Весной 1708 г. начались набеги башкир на сибирские слободы. В городах и слободах шла усиленная подготовка к отражению набегов. В этот период отмечены поставки только с Невьянского завода орудий небольших калибров (до 3 фунтов) с запасом ядер и картечи. В 1708 г. пушки отправили в Мурзинскую (3 шт.), Ирбитскую (1), Белослудскую (1), Красноярскую (1) слободы; в Верхотурье (8) и Кунгур (5), в 1709 г. – в Таматкульскую (1) и в Камышевскую слободы (4), в Тюмень (15)¹⁷.

Некоторое оживление в производстве военной амуниции отмечено в 1715–1720 гг. В появившихся изданиях это явление связывали с поставками на западный театр военных действий¹⁸. В реальности продукция предназначалась для экспедиции подполковника И. Д. Бухгольца, отправленного с трехтысячным отрядом для поиска золотых россыпей к оз. Ямыш и в верховья Иртыша. В перечне огнестрельного и холодного оружия упомянуты по 2000 фузей и палашей «московской присылки», 880 тобольских фузей «старого и нового дела», а также чугунные пушки, боеприпасы, рудокопные и прочие инструменты, изготовленные на уральских железоделательных заводах. По данным заводских ведомостей, для похода на Каменском заводе в 1716 и 1719 гг. отлили 26 пушек, 5 мортир и 2 гаубицы.

За первое двадцатилетие XVIII в. на Каменском заводе было отлито 786 пушек (из них не менее 102 бракованных), 45 гаубиц (из них не менее 5 бракованных), 35 мортир, а всего 871 орудие. Большинство из них было изготовлено до указа 1705 г. и отправлено в Москву в приказ Артиллерии. После этого указа нам известно только об изготовлении 30 орудий в 1719 г. для военной экспедиции полковника И.Д. Бухгольца к оз. Ямыш. На Невьянском заводе до запрета 1705 г. было отлито 60 пушек и 4 мортиры. В 1708–1709 гг. во время башкирского восстания изготовили 50 пушек малых калибров (до 3 фунтов). Для 1710–1717 гг. характерно изготовления орудий, обозначенных в документе как аршинных, полуаршинных, три четверти аршинных «китайских образцов», имевшие вес до 2 пудов. Всего их отлили 556 шт. Они вошли в перечень воинских припасов, отправленных на продажу на Макарьевскую ярмарку, очевидно, для владельцев торговых судов. Позже такие орудия стали называть в просторечии «сигнальными». Изготовление Демидовыми пушек не по западным, а по китайским моделям – факт, требующий тщательного анализа.

¹⁶ Там же. Д. 1533.

¹⁷ Там же. Ф.271. Оп. 1. Д. 843. Л. 39.

¹⁸ Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Щит и меч отчизны. Екатеринбург, 2008. С. 126.

В 1715 г. и 1717 г. в Ярославль и Рыбную слободу было изготовлено 198 орудий калибром от 6 до 18 фунтов («ядром немецкого весу»), очевидно, для флота, так как с 1715 г. Н. А. Демидов обязался поставлять до 50% железа и металлических изделий для нужд флота. За первое двадцатилетие XVIII в. на Невьянском заводе было изготовлено 258 орудий «немецкого размера», 50 малого калибра, 556 «китайского образца». Всего 864 пушки и 42 мортиры, а в сумме 906 стволов. Сведения о литье пушек на Алапаевском заводе очень отрывочны, так как в 1718 г. сгорела заводская документация. Известно только, что в 1707-1710 гг. с этого завода на суда было погружено 20 пушек и 4 мортиры¹⁹ (таблица).

Количество артиллерийских орудий, изготовленных на уральских заводах в первой четверти XVIII в.

Годы	Казенные заводы			Невьянский Н.А. Демидова	Всего за год
	Каменский	Алапаевский	Уктусский		
1702	182				182
1703	572			8	580
1704	65	2		22	89
1705	35			26	61
1706					
1707				8	8
1708				19	19
1709				31	31
1710		24		38	62
1711				50	50
1712				154	154
1713				173	173
1714				156	156
1715				74	74
1716	3			2	5
1717				154	154
1718				152	152
1719	30			1	31
1720					
1721					
1722					
1723	83	2			85
1724	68	1	34		103
1725	54		4	10	68
Итого	1092	29	38	1078	2237

По нашей оценке, в первое двадцатилетие XVIII в. уральская артиллерия так и не получила массового развития. Практически с первых лет работы завода было запрещено производство 3-фунтовых пушек, а вскоре и остальных калибров. 1703 г. стал переломным в судьбе

¹⁹ Там же. Ф. 214. Оп.5. Д. 1906. Л. 9 об.

уральской артиллерии, тогда во время форсированного заводского строительства не удалось адаптировать в крае ряд новых технологий и видов продукции.

По информации из обнаруженных нами источников и предварительным подсчетам, на Урале до 1725 г., с учетом неполных сведений об Алапаевском заводе, было отлито 2237 различных орудий (см. таблицу). Большинство из отправленных в столицу пушек были среднего и крупного калибра. Они предназначались для установки в крепостях, на кораблях и не сыграли существенной роли в Северной войне. Эти сводные сведения предварительные, основанные на источниках, выявленных автором.

Библиография

1. *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 524 с.
2. *Павленко Н. И.* Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения : сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 190-198.
3. *Преображенский А. А.* Военные поставки Невьянского завода накануне Полтавского сражения//Вопросы военной истории России XVIII – первая половина XIX вв. М., 1969. С. 183-187.
4. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 535 с.

С.А. Нефедов ¹
Екатеринбург

«БОЛЬШОЙ ВЫЗОВ» ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

«Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» рассматривает стоящие перед государством задачи в тойнбианской терминологии «вызовов и ответов». Тема вызовов и ответов, с которыми встретилась Россия, не нова и не является чем-то специфическим для XXI в. В начале XIX в. вызовом, потребовавшим немедленного ответа, было появление железных дорог. Промедление с ответом стало одной из главных причин промышленного отставания России от Запада.

Ключевые слова: Российская Федерация, стратегия научно-технического развития, Тойнби, вызовы и ответы, исторический опыт, начало XIX века, железные дороги.

S.A. Nefedov
Yekaterinburg

THE “BIG CHALLENGE” OF RAILWAYS

The «Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation» examines the tasks facing the state in Toynbian terminology of «challenges and responses». The topic of challenges and responses that Russia has met is not new and is not something specific for the 21th century. At the beginning of the nineteenth century, the challenge that required an immediate response was the appearance of Railways. The delay in responding was one of the main reasons for Russia’s industrial lag behind the West.

Keyword: Russian Federation, strategy of scientific and technological development, Toynbee, challenges and answers, historical experience, the beginning of the 19th century, Railways.

В «Стратегии научно-технического развития Российской Федерации» подчеркивается, что «научно-техническое развитие определяется комплексом внешних и внутренних факторов, формирующих систему больших вызовов». Далее перечисляются конкретные вызовы, среди которых выделяется такая первостепенная проблема, как «качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики»³.

Очевидно, что большие вызовы такого рода – так же, как и ответы на них, – не являются чем-то новым, специфическим для XXI в., поэтому для анализа возможных вызовов и ответов на них могут быть привлечены методы исторической социологии. Мы рассмотрим меха-

¹ *Нефедов Сергей Александрович* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: hist1@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта № 13-01-00114.

³ Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. URL: <http://www.youngscience.gov.ru/media/files/file/dVwMOeQ2OsjrSsodEazQjnkmlCrTHSfh.pdf> (дата обращения: 22.8.2020). С. 10.

низм «вызовов и ответов» на примере «энергетического вызова» начала XIX в. Этот вызов был связан с происходившей в этот период промышленной революцией, созданием паровых машин и их применением на транспорте.

Как известно, история создания железных дорог была долгой и трудной. Паровая машина двойного действия была создана Джеймсом Уаттом в 1782 г., но это был громоздкий и тяжелый аппарат с массивным балансиром. Уатт из соображений безопасности возражал против повышения давления в котле, поэтому реальные работы по созданию паровоза могли начаться только после окончания действия его патента. Первый паровоз с котлом высокого давления был построен в 1801 г. Ричардом Тревитиком, однако оказалось, что проблема заключается не только в создании машины, но и в конструкции рельсового пути: тяжелый паровоз ломал чугунные рельсы. Еще двадцать лет ушло на поиски решения этой проблемы; в это время на рудниках строились дороги, по которым вагонетки с рудой тащили лошади. В конце концов распространение процесса пудлингования привело к удешевлению железа и стало возможным использовать железные рельсы.

В 1825 г. была построена 40-километровая железная дорога Стоктон – Дарлингтон, на которой наряду с лошадьми стали применять паровозы. В техническом отношении эта дорога мало отличалась от прежних «конок», она следовала рельефу местности, и установленные на холмах стационарные паровые машины канатами помогали тянуть состав в гору. Эксплуатировавшиеся на дороге первые локомотивы Джорджа Стефенсона («Locomotion № 1») были несовершенны, они развивали скорость лишь 6-8 км/ч и часто выходили из строя, поэтому паровая тяга поначалу обходилась дорожке конной³.

Дорога Стоктон – Дарлингтон заинтересовала поначалу лишь немногих осмотревших ее предпринимателей. Американцы Ф. Томас и Дж. Браун в 1827 г. создали акционерную компанию для строительства дороги Балтимор – Огайо; эта дорога была открыта в 1830 г.; в технической части она в основном копировала английский образец. Австрийский инженер (чех по национальности) Франц фон Герстнер, руководивший с 1825 г. работами по строительству конной железной дороги между Будвайсом на Эльбе и Линцем на Дунае, предложил использовать на этой дороге паровозы. Однако акционеры не согласились пойти на новые затраты, и, поскольку расходы и без того превосходили утвержденную смету, Герстнер был отстранен от руководства

³ Tomlinson W. W. The North Eastern Railway: Its rise and development. London, 1915. P. 102–121.

проектом. Профессор Ф. Герстнер стал теоретиком и популяризатором строительства железных дорог; он первый предложил отказаться от подтягивания поездов на канатах и выравнять путь с помощью насыпей и выемок⁴.

К этой идее пришел и Дж. Стефенсон. При строительстве дороги Ливерпуль – Манчестер был выдержан почти идеально ровный путь, для чего пришлось проделать большие земляные работы, а также возвести 64 моста и виадука. Кроме того, новый локомотив «Ракета» благодаря применению трубчатого котла был намного мощнее прежних моделей и мог перевозить пассажиров со средней скоростью 26 км/ч. Использование мощного локомотива позволило отказаться от канатной тяги (за исключением двух наклонных участков в тоннелях под Ливерпулем). Таким образом, дорога Ливерпуль – Манчестер стала первой «настоящей» железной дорогой, образцом для железнодорожного строительства в последующие десятилетия.

Однако 56-километровая дорога обошлась по тем временам чрезвычайно дорого, ее стоимость составляла 600 тыс. фунтов стерлингов, из расчета на 1 км она было втрое дороже дороги Стоктон – Дарлингтон и в десять раз дороже конной дороги, которую строил Герстнер. Соответственно, высокой была и стоимость перевозки грузов, 2,5 пенса за провоз одной тонны на одну милю. Но Манчестер был крупнейшим центром текстильной промышленности, а Ливерпуль – портом, через который шло его снабжение, и благодаря большому потоку пассажиров и грузов дорога давала прибыль 8-10% в год⁵.

Создание первой настоящей (без применения канатной тяги) железной дороги было фундаментальной инновацией, «большим вызовом», на который в ближайшем будущем предстояло дать ответ не только России, но всем народам и государствам. И поначалу этот ответ был сдержанным. В Англии, несмотря на финансовый успех дороги Манчестер – Ливерпуль, общество продолжало недоверчиво относиться к железным дорогам. Преобладало мнение, что успех этой дороги – исключительный, что железные дороги могут приносить прибыль лишь в промышленных районах при перевозке на небольшие расстояния.

⁴ *Oberegger E.* Die erste (österreichische) Eisenbahngesellschaft und ihr Netz. 1824–1903. Sattledt, 2008.

⁵ *Дестрем М. Г.* Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей. СПб., 1831. С. 73-87.

Во Франции в 1832 г. в качестве опыта купили у Стефенсона два паровоза, которые стали перевозить грузы на конной дороге близ Сен-Этьена, но далее дело не пошло. Депутаты парламента предложили построить дорогу из Парижа в Сен-Жермен. Министр торговли Адольф Тьер ответил на это предложение: «Следует дать парижанам железные дороги как игрушку, но они никогда не перевезут ни пассажиров, ни грузы»⁶. В США не восприняли дорогих инноваций Стефенсона и продолжали строить дороги старого типа с применением канатной тяги и часто даже с деревянными рельсами, поверх которых укладывалась железная полоса. В Германии известный экономист Фридрих Лист (в 1832 г. вернувшийся из США) призвал к строительству железных дорог, но не был услышан. Первая немецкая железная дорога - между Нюрнбергом и Фюртгом в Баварии - была построена лишь в 1835 г. и имела протяженность в 6 км. Баварское правительство не поддержало проект и купило только две акции⁷. Австрийский император Франц I был категорически против строительства железных дорог. Когда императору представили проект постройки первой дороги, он ответил: «Нет-нет, я не буду этого делать, ведь по этой дороге в страну может приехать революция!»⁸

Обратимся теперь к реакции на «железнодорожный вызов» в России. Как и в других странах, вопросы строительства в России в значительной степени зависели от мнения специалистов-инженеров. В 1809 г. в Петербурге был создан Институт Корпуса инженеров путей сообщения; начальником Института стал знаменитый инженер Августин Бетанкур (по национальности испанец), которого Наполеон лично рекомендовал Александру I. Кроме того, Наполеон «прислал Александру четырех лучших учеников Политехнической школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема», так что Институт представлял собой «совершенно французское училище»⁹. Упомянутые французские профессора играли ведущую роль в Институте и в 1820-е гг. В частности, Жан-Антуан-Морис Дестрем в 1824 г. стал редактором первого российского инженерного журнала («Журнала путей сообщения»), а затем возглавил Комиссию проектов и смет Главного управления путей сообщения. В 1822-1833 гг. начальником Главного управления путей сообщения был герцог Александр Вюртембергский, при кото-

⁶ Душенко К. Всемирная история в изречениях и цитатах. М., 2008. С. 522.

⁷ Верховской В. М. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Вып. 1. СПб., 1898. С. 11-15.

⁸ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016. С. 181.

⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 210.

ром развернулось интенсивное строительство каналов и были реконструированы существовавшие ранее водные системы. Генерал-майор Дестрем выступал в качестве идеолога и проводил экспертизу этих проектов¹⁰.

Герцог Александр Вюртембергский не был специалистом в инженерном деле и всецело полагался на мнение своих помощников. Еще одним доверенным лицом герцога был его адъютант инженер-полковник А. П. Девятнин. Как и Дестрем, это был знающий и талантливый специалист; граф Клейнмихель отзывался о нем, как о «самом умном человеке во всем ведомстве». После смерти Александра Вюртембергского в 1833 г. Девятнин в чине генерал-майора состоял по особым поручениям при новом главноуправляющем графе Карле Вильгельме («Карле Федоровиче») фон Толе. Дестрем стал помощником Толя по технической части¹¹.

Эти два инженера в течение долгого времени формировали политику своего шефа Александра Вюртембергского, которая заключалась во всемерном развитии водных путей сообщения. Значительная часть книги Дестрема¹² посвящена описанию масштабных и успешных работ по созданию сети водных коммуникаций, в том числе по реконструкции Вышневолоцкой и Мариинской водных систем, по которым осуществлялось снабжение Петербурга. Вышневолоцкая система представляла собой водный путь протяженностью 866 км, зарегулированный десятками шлюзов. По этому пути в год проходило до четырех тысяч влекомых бурлаками барок; на прохождение требовалось в среднем 110 дней. «Да преисполнятся сердца наши радостью, – писал Дестрем, – взирая на совершенное окончание сих новых судоходных путей, которые будут доставлять пространным областям обилие и благосостояние. Как благоустроенный плод попечительной заботливости знаменитого Начальника Корпуса (герцога Александра Вюртембергского – С. Н.), коему вверено устройство оных, сии полезные памятники будут для потомства несомненным свидетельством щедрот Монарха могущественной в свете Державы. В грядущие веки оно узнает, что если Царствование Николая I было владычеством славы, то оно было также и торжеством искусств»¹³.

Из приводимого текста становится ясно, что приближенные кверхам специалисты, десятилетиями убеждавшие титулованных шефов в

¹⁰ Пути сообщения неисповедимы, или одиссея инженера Дестрема // Мир транспорта. 2009. Т. 7. №: 3 (27). С. 166-171.

¹¹ Житков С. М. Биографии инженеров путей сообщения. Вып. I. СПб., 1889. С. 26.

¹² Дестрем М. Г. Указ. соч.

¹³ Дестрем М. Г. Указ. соч. С. 89-90.

благодетельности проводимой ими политики, должны были встретить в штыки любую крупную новацию. Но в Институте были и другие инженеры, которым новации не грозили потерей авторитета. Профессор Г. Ламе во время командировки в Англию в 1830 г. присутствовал на открытии дороги Ливерпуль – Манчестер и осмотрел паровоз «Ракета». По возвращении в Россию Ламе выступил в качестве горячего пропагандиста железных дорог. Призывы Г. Ламе были поддержаны профессором Н. П. Щегловым, опубликовавшим статью в журнале «Северный муравей». В ответ Дестрем опубликовал в «Журнале путей сообщения» статью «о причинах невозможности устройства железных дорог в России». Позиция Дестрема получила «высочайшее» одобрение и была принята как руководящее указание к действиям Главного управления путей сообщения. Перевод этой статьи с французского языка оригинала был издан Главным управлением в качестве отдельной книги. Поняв бесперспективность дальнейшей дискуссии, Г. Ламе вместе со своим другом, профессором Б. Клапейроном, уехал во Францию, где они предложили план по созданию сети железных дорог (в том числе и дороги Париж – Сен-Жермен, о которой говорилось выше)¹⁴.

Каковы были доводы противников строительства железных дорог? Основным аргументом была их неэкономичность по сравнению с таковой водных путей сообщения. Дестрем полагал, что «выгода способа перевозки пропорциональна грузу, который может перевезти данная сила, умноженному на скорость перевозки, и разделенному на цену, потребную для устройства части дороги, принятой за единицу»¹⁵. За основу расчетов брались данные о том, какой груз может перевести «данная сила» (лошадь) по рельсовому пути («конке») и по судоходному каналу. Эти данные были отчасти получены Дестремом в результате проводимых им экспериментов, отчасти брались из английских и французских источников. В итоге Дестрем подсчитал, что в среднем, учитывая скорость перевозки, лошадь может вести по каналу в 3,5 раза больший груз, чем по рельсовому пути. Далее сравнивались затраты на строительство французских и английских каналов и тех немногих железных дорог, которые существовали в то время. Получалось, что строительство километра канала обходится в 1,14 раза дороже, чем строительство рельсового пути. Принимая во

¹⁴ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Габриэль Ламе в России или один из ликов Януса // Историко-математические исследования. Вторая серия : ежегодник. М., 2018. Вып. 16(51). С. 72-75.

¹⁵ *Дестрем М. Г.* Указ. соч. С. 10.

внимание эти соотношения, Дестрем подсчитал, что перевозка по каналу в 3,24 раза выгоднее перевозки по рельсовому пути. «Большие судоходные каналы, относительно к перевозке, представляют в три раза более выгод противу железных дорог»¹⁶.

Дестрем признавал, что бывают случаи, когда условия местности не позволяют проложить по ней судоходный канал. Таковы были, в частности, затруднения, описанные Герстнером при обосновании строительства железной дороги между Будвайсом и Линцем. При сооружении канала в этом случае пришлось бы использовать более 200 шлюзов. В подобных случаях «железные дороги могут быть предпочтительнее судоходным каналам». Однако всегда конкретное «рассмотрение должно предшествовать устройению какого то ни было пути соединения»¹⁷.

Далее Дестрем описывает трудности, возникающие при строительстве железных дорог в условиях северного климата. Колебания температуры вызывают деформации шпал и насыпи, расчистка дороги от снега потребует больших усилий и т. д. Напротив, перевозка зимой по санному пути обходится чрезвычайно дешево.

«От С. Петербурга до Москвы, на расстояние почти 700 верст... она не превосходит рубля за пуд, а иногда снижается даже до 60 коп.»¹⁸.

Другое важное обстоятельство связано с отсутствием в России каменного угля. Изобилие каменного угля в Англии «доставляет самое дешевое средство для перевозки. Metallургические процессы достигли в Англии столь высокой степени совершенства, что центнер чугуна в деле для копей обходится средней ценой в 8 шиллингов, что составляет около трех с половиной рублей за пуд, между тем как в России до сих пор невозможно достать чугуна в деле дешевле 4 или 5 рублей за пуд»¹⁹.

Далее следует описание масштабных и успешных гидротехнических работ, произведенных при покровителе Дестрема герцоге Вюртембергском. Средняя стоимость построенных каналов в этот период составляла 57 тыс. руб. за версту – много меньше средней стоимости железных дорог на Западе (165 тыс. руб.). Если учесть, что проведение каналов в России обходится много дешевле, то и относительная выгода перевозки по каналам сравнительно с железной дорогой будет больше, чем на Западе, не 1:3, а 1:8.²⁰ Наконец, последний и решаю-

¹⁶ Там же. С. 21,40, 42.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 69.

²⁰ Там же. С. 79.

щий аргумент Дестрема: если взять не расчетную, а реальную стоимость перевозки, то и в этом случае сравнение будет не в пользу железных дорог. Перевозка грузов по дороге Манчестер – Ливерпуль в среднем обходилась в 2,5 пенса за милю, или 25 коп. за пуд на 94 версты. «Приняв сие положение, железная дорога, проведенная сколь возможно в прямом направлении между Тверью и С. Петербургом имела бы не менее 500 верст и издержки за перевозку по всему пути составили бы 1 рубль 33 копейки за пуд; между тем по Вышневолоцкой системе доставка из Твери в С. Петербург... составит по большей мере 30 коп. за пуд, т. е. в четыре с половиной раза дешевле, нежели по железной дороге»²¹.

Нерентабельность железнодорожных перевозок проявилась и при постройке первого в России паровоза Черепановых. В 1833 г. известный промышленник П. Н. Демидов отправил в Англию мастера Мирона Черепанова. Русский крепостной мастер привел в смущение лощеных английских инженеров своей окладистой бородой и крестьянской одеждой; ему не показали чертежи паровоза Стефенсона. Однако таланты Мирона были таковы, что ему было достаточно взглянуть на машину, чтобы понять ее конструкцию. По возвращении вместе со своим отцом Ефимом он построил два небольших паровоза на Выйском заводе близ Нижнего Тагила. Демидов хотел доставить один из них в Петербург и показать Николаю I, так что паровоз был украшен бронзовыми деталями и красивой решеткой. Но по какой-то причине этот замысел не был приведен в исполнение; паровоз несколько лет возил выгонетки с рудой по 3-километровой чугунной дороге, оказался нерентабельным и в конце концов был заменен конной упряжкой²².

История паровоза Черепанова осталась малоизвестной, но аргументы Дестрема произвели сильное впечатление на российских министров, прежде всего на министра финансов Е. Ф. Канкрин и главноуправляющего путями сообщения К. Ф. Толя. На протяжении десяти лет они воспроизводили эти аргументы в своих докладах Николаю I, откладывая строительство дороги Петербург – Москва, на котором настаивал император. За это время отношение к железным дорогам на Западе радикально изменилось. Оказалось, что железные дороги можно строить дешевле и стоимость перевозки может быть существенно уменьшена. В 1835 г. в Англии началась «железнодорожная лихорадка», к концу 1840 г. в Англии было построено

²¹ Там же. С. 87.

²² Рафиков М. Самородки земли уральской // Урал. 2007. № 7.

2,3 тыс. км железных дорог. Грандиозное строительство потянуло за собой создание новой металлургической и машиностроительной промышленности; разрыв между индустриальным развитием Запада и России все увеличивался, и к 1880 г. в России выплавляли в 17 раз меньше металла, чем в Англии²³.

Таким образом, длительное игнорирование «железнодорожного вызова» отбросило Россию в ряды слаборазвитых стран.

Библиография

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016.
2. *Верховской В. М.* Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Вып. 1. СПб., 1898.
3. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000.
4. *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Габриэль Ламе в России, или один из ликов Януса // Историко-математические исследования. Вторая серия : ежегодник. М., 2018. Вып. 16 (51). С. 41-140.
5. *Дестрем М. Г.* Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей. СПб., 1831. 91 с.
6. *Душенко К.* Всемирная история в изречениях и цитатах. М., 2008.
7. *Житков С. М.* Биографии инженеров путей сообщения. Вып. I. СПб., 1889.
8. *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т.1. М., 1959.
9. *Рафиков М.* Самородки земли уральской // Урал. 2007. № 7.
10. *Oberegger E.* Die erste (österreichische) Eisenbahngesellschaft und ihr Netz. 1824–1903. Sattledt, 2008.
11. *Tomlinson W. W.* The North Eastern Railway: Its rise and development. London, 1915.

---

²³ *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т.1. М., 1959. С. 436, 439.

Д.А. Редин¹
Екатеринбург

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА В. И. ГЕННИНА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА В 1720-е – НАЧАЛЕ 1730-х гг.²

Генерал В.И. Геннин, строитель Екатеринбурга, был одним из основателей Екатеринбургского ведомства – особой административно-территориальной единицы на Среднем Урале, которая не подчинялась местным губернским властям и имела статус ведомственной провинции, подчиненной центральному органу власти – Берг-коллегии. Одновременно на территории ведомства, в Екатеринбурге, был создан региональный орган власти, который управлял всеми горно-металлургическими заводами востока Российской империи, в том числе и теми, которые располагались далеко за пределами границ самого ведомства. Начало формирования такого эксклюзивного положения было предпринято предшественником Геннина, В. Н. Татищевым. Но только при генерале оно стало цельным и устойчивым. Достижение эксклюзивного статуса происходило в административном противоборстве с сибирской губернской администрацией. Едва ли не ключевую роль в этом играла борьба за право горнозаводских властей осуществлять правосудие и обеспечивать правопорядок на ведомственных территориях. Генерал Геннин, обладавший значительным служебным статусом, чрезвычайными полномочиями и личным расположением царя, претендовал на роль руководителя, которому были бы подсудны все лица, имевшие отношение к горнозаводской деятельности, включая местных воевод и комиссаров. Хотя ему не удалось в полной мере реализовать свои замыслы, он сумел добиться экстерриториальности ведомства и создал внутри него специализированную систему управления, основанную на коллежских камералистских началах. Она включала в себя и органы суда и полиции, чьи полномочия распространялись на всех жителей ведомства.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, В. И. Геннин, Екатеринбург, Екатеринбургское ведомство, Сибирское высшее горное начальство, Сибирский обер-бергamt, правопорядок, подсудность, отраслевое управление.

¹ *Редин Дмитрий Алексеевич* – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: landrat14@mail.ru

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция». Грант РФФИ «Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.» (2020–2022 гг., № 20-09-42022); грант РФФИ – Свердловская обл. «Екатеринбург первой четверти XX века: городская повседневность и культурный ландшафт» (2020–2022 гг., № 20-49-660002).

THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY OF GENERAL V.I. GENNIN AS AN INSTRUMENT OF THE STRUGGLE FOR THE FORMATION OF THE ADMINISTRATIVE EXTRATERRITORIALITY OF THE MINING DEPARTMENT IN THE 1720S AND EARLY 1730S.

General V.I. Hennin, the builder of Yekaterinburg, was one of the founders of the Yekaterinburg department - a special administrative-territorial unit in the Middle Urals, which did not obey the local provincial authorities and had the status of a departmental province subordinate to the central authority - the Berg Collegium. At the same time, on the territory of the department, in Yekaterinburg, a regional authority was created, which controlled all mining and metallurgical plants in the east of the Russian Empire, including those that were located far beyond the borders of the department itself. Hennin's predecessor, V.N. Tatishchev, undertook the beginning of the formation of such an exclusive position. But only under the general did it become whole and stable. Exclusive status was achieved in an administrative confrontation with the Siberian provincial administration. Almost a key role in this was played by the struggle for the right of the mining authorities to administer justice and ensure law and order in the departmental territories. General Gennin, who possessed a significant official status, extraordinary powers and the personal disposition of the tsar, claimed the role of a leader who would have jurisdiction over all persons involved in mining activities, including local voivodes and commissars. Although he did not manage to fully realize his plans, he managed to achieve the extraterritoriality of the department and created within it a specialized management system based on collegiate cameralist principles. It included both the courts and the police, whose powers extended to all residents of the department.

Keywords: V. N. Tatishchev, V. I. Gennin, Yekaterinburg, Yekaterinburg department, Siberian higher mining authorities, Siberian ober-bergamt, law and order, jurisdiction, branch management.

Имя Вилима Ивановича (Георга Вильгельма) Геннина, бесспорно, находится в перечне имен выдающихся деятелей Петровского царствования, а для Екатеринбургa это просто культовая фигура, поскольку, являясь одним из его отцов-основателей, он заложил фундамент дальнейшего развития города как одного из крупнейших центров на административной карте России. Геннин был одним из наиболее квалифицированных специалистов своего времени в области горного дела и металлургии, но при этом – опытный администратор, обладавший стратегическим мышлением, удивительной энергией и честностью – качеством, очень редким для управленца, по крайней мере, для управленца описываемого исторического периода.

Приняв руководство над горнозаводской отраслью востока империи, среди прочих проблем и забот генерал с первых же шагов своего пребывания на Урале вынужден был заняться вопросами охраны правопорядка, причем в необычайно широком диапазоне. Нельзя сказать, чтобы эти аспекты деятельности В. И. Геннина были

обойдены вниманием историков; укажу лишь на некоторые новейшие исследования³.

Целью настоящей статьи следует определить, во-первых, краткое, но по возможности емкое обобщение имеющихся сведений об этой стороне генеральской службы, а во-вторых (и это главное), проанализировать, каким образом меры по охране правопорядка способствовали усилению автономии и экстерриториальности региональных горнозаводских властей и насколько соответствовали духу и букве административного законодательства последних лет петровского царствования.

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленных сюжетов, думается, было бы не лишним вкратце напомнить, что представляла собой ведомственная горнозаводская администрация накануне прибытия на Урал В. И. Геннина.

Необходимость формирования особого управления отраслью на региональном уровне прекрасно понимал предшественник генерала – В. Н. Татищев. Отсутствие такого аппарата было одной из причин плачевного состояния казенных предприятий, построенных на Урале в самом начале столетия. Кроме того, начавшиеся в конце 1710-х гг. большие административные реформы, основанные на глубоком убеждении царя в продуктивности и жизнеспособности камералистской «теории», всей своей логикой подводили к организации ведомственных властных вертикалей, которые соответствовали одной из главных добродетелей «хорошо организованного государства» – специализации управления.

В. Н. Татищев, отлично разбиравшийся в современной ему теории и практике администрирования, предпринял правильные шаги в этом направлении. Он не только создал иерархию местных горных начальств, но и попытался создать на землях, отведенных под казенные заводы и занятых приписанными к ним сельскими поселениями, территориально-административные единицы ведомственного подчинения, выведя последние из-под власти общегражданских властей (воевод и губернатора). Если деятельность Татищева по организации

³ *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.: Новосибирск: Древлехранилище, 2003; *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОС-СПЭН, 2003; *Бородина Е. В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012; *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006; *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007; *Серов Д. О., Федоров А. В.* Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2019;

Сибирского высшего горного начальства и подчиненных ему горных начальств исследована очень хорошо, то история с созданием административно-территориальных единиц – горнозаводских дистриктов, известна меньше. Но именно эти первые дистрикты, которые В. Н. Татищев успел создать до своей отставки по аналогии с «гражданскими» дистриктами, виртуозно использовав для этого законодательные акты второй областной реформы, заложили основу существования Екатеринбургского ведомства – целой провинции специального управления с центром в одноименном городе.

При всей перспективности татищевские начинания не были доведены до логического завершения. Причин тому много; одна из существенных – невысокий служебный ранг Василия Никитича, скромный объем должностных полномочий. Даже внутри местной системы горного управления не было согласия. Член Выснего горного начальства берг-рат И. М. Михаэлис, в силу более высокого (подполковничьего) ранга, собственных амбиций и невнятной позиции Берг-Мануфактур-коллегии оспаривал (и не безуспешно) приоритет капитана Татищева, создавая ситуацию двоевластия⁴. Претензии В. Н. Татищева на особую юрисдикцию не воспринимались и губернской властью, что проявлялось даже в формальностях. Так, например, указы, рассылаемые Большой Тобольской (губернской) канцелярией поступали непосредственно комиссарам горнозаводских дистриктов, минуя Выснее горное начальство (о чем свидетельствует изучение внутренней учетно-контрольной документации Уктусского дистрикта, первого из горнозаводских, созданных за 1722 г.)⁵.

Да что указы – власть новорожденной отраслевой администрации не распространялась даже на все казенные заводы. Напомню в качестве примера, что особым административным положением пользовались Каменские заводы, которые управлялись комиссарами, назначенными губернской канцелярией: 24 марта 1721 г. указом последней татищевским уполномоченным было отказано в праве освидетельствования этих предприятий⁶. Отправка государственных крестьян для работы на заводские нужды тоже долго находилась в руках местных воевод. В частности, лишь в марте 1721 г. указом сибирского губернатора кн. А. М. Черкасского была осуществлена приписка ряда слобод к Алапаевскому заводу⁷; на их основе Татищев организовал второй ведомственный дистрикт – Алапаевский⁸.

⁴ Киселев М. А. Выснее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6.

⁵ ГАСО, Ф. 575, Оп. 1, Д. 1, Л. 2–79.

⁶ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9, Л. 79–79 об.

⁷ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9, Л. 82–83 об.

⁸ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 3122, Л. 1–1 об.

Особенно ревностно губернские власти оберегали свои судебные полномочия. Во-первых, потому, что по старой русской традиции они считались неотъемлемой частью властных полномочий любого начальствующего лица. Во-вторых, хотя с 1719 г. судебная власть отделялась от общеадминистративной, на практике суды, включая надворные (органы общей юрисдикции второй инстанции), оказывались подконтрольны губернаторам. Попытки Татищева и его земских комиссаров – руководителей дистриктов – осуществлять судебную власть даже по отношению к приписным крестьянам решительно пресекались из Тобольска. Показательным примером может служить указ от 20 марта 1721 г., подписанный сибирским губернатором кн. А. М. Черкасским и вице-губернатором А. К. Петрово-Солововым и адресованный В. Н. Татищеву. В нем в безапелляционном тоне горному командиру указывалось на недопустимость вмешиваться в судебные дела и определять наказания лицам, не относящимся к категории горных служителей⁹. Таким образом, руководителя губернии отказывали горнозаводским властям в самом праве полноценной реализации правоохранительной деятельности, оценивая такие попытки как посягательство на юрисдикцию учреждений и чинов общего управления.

Ситуация заметно поменялась с приездом на Урал осенью 1722 г. генерал-майора артиллерии В. И. Геннина. Во-первых, никто в Сибирской губернии, кроме губернатора, не обладал таким высоким личным служебным статусом (напомню, что генерал-майор артиллерии, что само по себе являлось более чем значительным званием, по петровской табели о рангах соответствовал армейскому генерал-лейтенанту). Во-вторых, за плечами генерала был опыт руководства Олонецкими казенными заводами, на которых он показал себя бескомпромиссным и властным командиром, не позволявшим посягательств на свои прерогативы. Но самое главное, Геннин пользовался безграничным доверием царя и имел статус его личного посланника, имея полномочия руководителя следственной комиссии. И хотя основным поручением в этом смысле было расследование деятельности В. Н. Татищева, царский указ предписывал также, чтобы «все худые порятки, которые к заводам противны, исправить и изследовать»¹⁰. Это ставило генерала над ведомственной горнозаводской администрацией и позволяло весьма широко толковать пределы своей служебной компетенции. Конечно, он не преминул распространить свою власть и на судебную сферу.

Чтобы не повторяться, поскольку событийный ряд действий В. И. Геннина на этом направлении хорошо изложен в литературе, на-

⁹ ГАСО, Ф. 24, Оп.1, Д. 9, Л.79–79 об.

¹⁰ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 17, Л.14 об.

помню, что он одновременно проявил себя по всему спектру правоохранительной деятельности. Помимо следствия над Татищевым, Геннин учредил первый на Урале военный суд – кригс-рехт, действовавший за рамками собственно воинских частей. Дело в том, что, возглавив строительство Исетского завода, названного по завершению Екатеринбургом, генерал получил в свое распоряжение значительный воинский контингент из Тобольска. Солдаты стали важной рабочей силой на стройке, а из офицеров присланных подразделений сложился кригс-рехт под председательством старшего из них, майора Иоганна Брикгаузена. Полномочия этого суда распространялись не только на военных, но и на всех, имевших отношение к работам по возведению крепости и завода. Таким образом, этот суд стал выполнять функции более широкие, чем предусматривало военное законодательство, превратившись в орган охраны правопорядка в целом, в том числе по расследованию и наказанию уголовных преступлений среди гражданских лиц.

Другим, гораздо более масштабным, направлением судебной деятельности генерала стал широкий розыск по должностным преступлениям, процветавшим среди местных администраторов разного ранга. Все эти преступления были связаны с вымогательством взяток, порой очень жестоким вымогательством, сильно осложнявшим жизнь местным крестьянам, подрывавшим их платеже- и работоспособность. Начав уголовное преследование лихоимцев, Геннин, как небезосновательно писал Д. О. Серов, «значительно превысил свои должностные полномочия», поскольку последние «не распространялись на должностных лиц местных органов власти»¹¹. Но не думаю, что генерал действовал совсем уж по «порыву души», без оглядки на действующее законодательство. Определенную нормативную почву ему, безусловно, давал знаменитый петровский указ от 24 декабря 1714 г., направленный на искоренение коррупции. В нем совершенно однозначно формулировалось: «... всё то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление», в связи с чем ниже повелевалось «всем чинам, которые у дел приставлены... какое звание оные не имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать...»¹².

В. И. Геннин, с первых шагов своего появления на Урале распорядившийся публично читать этот указ под барабанный бой, взялся за дело с таким напором и размахом, что повел наступление не только на взяточников низового звена, но и на губернскую номенклатуру: земского камерира и надворных судей. Однажды, зимой 1723/24 г., он лично нагрянул в Тобольск и навел там такого страха, что один

¹¹ Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. С. 379.

¹² ПСЗ, т. 5, № 2871.

из наиболее коррумпированных членов надворного суда, майор А. Коротаяев, спрятался от него на своей квартире, сказавшись больным¹³.

Имея возможность напрямую обращаться к кабинет-секретарю А. В. Макарову и лично к государю, В. И. Геннин выступал прямо-таки с революционными инициативами по реорганизации местного управления, предлагая подчинить себе воевод, руководивших уездами, на которых располагались заводы и рудники¹⁴, и, касаясь святая святых – политического сыска – рассматривая возможность не отправлять обвиняемых по «слову и делу» лиц в Преображенский приказ, а проводя по доносам предварительное следствие в Тобольске силами уполномоченного Преображенским приказом офицера, который бы постоянно жил в сибирской столице, и губернатора. Подробно эту идею Вилим Иванович изложил в письме к главе политического сыска России кн. И. Ф. Ромодановскому¹⁵.

Разумеется, такая активность пришлась не по нраву губернским администраторам. Кн. И. С. Козловский, глава Тобольского надворного суда и фактически исправлявший должность губернатора в 1723–1726 гг., предпринимал немало усилий, чтобы остановить генерала, подавая жалобы в Юстиц-коллегию на то, что он нарушает принципы разделения юрисдикций, предписанные новым законодательством. В конечном итоге, Юстиц-коллегия указала на это Геннину, а ухищрениями тобольских властей удалось вывести из-под ответственности большинство арестованных им комиссаров. Но для укрепления статуса и влияния горнозаводской администрации усилия В. И. Геннина не прошли даром. Он сумел расширить территорию, непосредственно подчинявшуюся Сибирскому обер-бергамту (как с его приездом стало именоваться Сибирское вышнее горное начальство) в Екатеринбурге, учредив в 1723 г. еще два ведомственных дистрикта: Каменский и Камышловский, и добился полного контроля над населением этой территории, включая право на осуществление судебно-следственных и полицейских действий.

Оценивая деятельность В. И. Геннина, Д. О. Серов писал, что такое стремление генерала к экстерриториальности и эксклюзивности служебных полномочий, проявленная еще в годы руководства Олонецкими заводами, безусловно, питавшаяся не личными амбициями, а стремлением устранить любые помехи в организации эффективного промышленного производства, свидетельствовала о том, что он не

¹³ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 216, Л. 211 и далее.

¹⁴ *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 89, 105–106, 110

¹⁵ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 19, Л. 15–17.

разделял европейской идеи разделения властей. По мнению историка, Геннин, получивший управленческий опыт в России, понял, что идея суда, независимого от администрации, была абсолютно неорганична тогдашним российским условиям¹⁶. Став, таким образом, сторонником жесткого единоначалия, генерал как бы оказался поборником приказных методов управления, присущих дореформенной России. Такая оценка в свое время привело нас к периодически возобновлявшейся дискуссии. С моей точки зрения, система управления, созданная Генниным на Урале, напротив, являлась едва ли не образцовой с точки зрения популярных в то время камералистских идей, несколько не соответствующих с приказно-воеводскими принципами организации администрирования.

Время показало, что в нашем споре не было однозначно правых. Ярко выраженное стремление В. И. Геннина к административной независимости в самом деле было следствием хорошо усвоенных им российских реалий. А в соответствии с ними отвечать за возглавляемое дело мог лишь тот начальник, за которым было больше формальных и неформальных полномочий. Иными словами, большая ответственность требовала больших возможностей. Добившись таковой в трудной и многолетней борьбе с конкурентами, Геннин внутри своего «горнозаводского царства» создал структуры, отлично соответствовавшие административным трендам времени. Под его руководством образовалась ведомственная провинция с собственной территорией, населением и центром – Екатеринбургом. Она состояла из 4 дистриктов-уездов со своими комиссарами-воеводами и их канцеляриями. Она управлялась высшим органом власти – Сибирским обер-бергамтом во главе с Главным командиром сибирских и пермских заводов, номенклатурой губернаторского ранга, и в этом обер-бергамте управление и делопроизводство были организованы на коллегиальных началах и в полном соответствии с Генеральным регламентом – не каждая губернская канцелярия могла похвалиться таким соответствием.

Сибирский обер-бергамт, подобно Сенату, имел в своем подчинении сеть контор и канцелярий, организованных по принципу отраслевого управления. Екатеринбургская заводская контора курировала производственно-технические процессы; ей подчинялись конторы и заводские комиссары отдельных казенных заводов. Екатеринбургская земская контора контролировала административно-полицейские дела ведомства, делегировала судебные полномочия с Екатеринбургской судной канцелярией (позже, в первой половине 1730-х гг., они объединятся в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел); под ведением этого учреждения находились земские конторы и земские комиссары

¹⁶ Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. С.374.

горнозаводских дистриктов. Екатеринбургская казенная контора, ведавшая финансами, и Екатеринбургская припасная контора, отвечавшая за приход и расход провианта, являлись аналогами губернских камерирских контор и рентерей.

В силу специфики горного ведомства при Сибирском обер-бергамте существовала Екатеринбургская контора надзирания лесов. Таков был административный итог упорной борьбы В. И. Геннина с губернскими властями за достижение ведомственной экстерриториальности. Едва ли не самой заметной её составляющей была борьба за право осуществления собственной правоохранительной деятельности. Он заложил фундамент «Екатеринбургского ведомства», которое по всем признакам стало «своеобразной “горнозаводской провинцией”», территорией с особым управленческим статусом, порожденной петровскими реформами в сфере промышленности¹⁷.

Библиография

1. *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 406 [2] с., ил., табл.
2. *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003. 408 с.
3. *Бородина Е. В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 308 с.
4. *Киселев М. А.* Вышнее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 424–427.
5. *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 280 с.
6. *Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральской академии госслужбы, 2001. С. 29–44.
7. *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.
8. *Серов Д. О., Федоров А. В.* Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2019. 432 с.

¹⁷ *Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральской академии госслужбы, 2001. С. 35.

А. М. Сафронова¹
Екатеринбург

ПЕРВЫЕ ЛЕКАРСКИЕ УЧЕНИКИ ПРИ КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА (1722–1734 гг.)

На основе архивных документов раскрывается подготовка медиками-иностранцами первых лекарских учеников в 1722–1734 гг. Впервые устанавливается круг этих учеников, источники их комплектования, сроки пребывания в обучении, причины увольнений, дальнейшая судьба лучших из них.

Ключевые слова: Урал, Екатеринбург, госпиталь, медики-немцы, лекарские ученики.

A.M.Safronova
Yekaterinburg

THE FIRST MEDICINE STUDENTS AT THE STATE PLANTS OF THE URAL (1722–1734)

On the basis of archival documents, the preparation by foreign doctors of the first medical students in 1722-1734 is revealed. For the first time, the circle of these students, the sources of their recruitment, the periods of stay in training, the reasons for dismissals, and the further fate of the best of them are established.

Keywords: Ural, Yekaterinburg, hospital, German doctors, medical students.

О подготовке лекарских учеников в первый период организации медицинской службы при казенных заводах Урала в литературе имеются лишь отрывочные сведения. В заметке Э. А. Пензина называется лекарский ученик Антипа Иванов². Н. С. Корепанов сообщает, что лекарь Спринцель подготовил трех лекарских учеников³. Нами приведены сведения о А. Рудакове и И. Грудине⁴, о регламентации деятельности лекаря и его учеников в наказе В. Н. Татищева 1723 г. заводскому комиссару, об учениках 1730-1750-х гг.⁵ С. Н. Копырина отмечает, что

¹ *Сафронова Алевтина Михайловна* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

² *Пензин Э.А.* Первый госпиталь // Вечерний Екатеринбург, 1980. 2 июня.

³ *Корепанов Н.С.* Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 528; Он же. Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Немцы России: энциклопедия. М., 2006. Т. 3. С. 466.

⁴ *Сафронова А. М.* Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): к 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 131–132.

⁵ *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 17. Екатеринбург, 2017. С. 51–70; *Сафронова А. М.* Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720-е–1750-е гг. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2019. С. 264–268.

проблема ученичества оказалась сложной, ученики при лекаре не задерживались надолго, имели малое жалованье, сбегали, увольнялись из-за непригодности⁶.

Попытаемся на основе архивных документов установить весь круг первых лекарских учеников при казенных заводах Урала, источники их комплектования, длительность обучения и их дальнейшую судьбу.

В. Н. Татищев, посланный на Урал в 1720 г. для руководства казенными заводами, не смог добиться отправки с ним лекаря, все, имевшиеся в наличии, оказались распределенными в войска. В 1722 г. В. И. Геннину, отправленному Петром I на Урал «исправить заводы» и провести «розыск» в отношении Татищева по жалобе А. Демидова, удалось решить этот вопрос. Саксонец Иоганн Иосиф Спринцель появился в команде Геннина 19 июня 1722 г. в Москве, за месяц до ее отправления на Урал, 8 декабря команда прибыла на Уктусский завод⁷. Здесь находился центр управления казенными заводами, располагалось Сибирское высшее горное начальство. Поэтому неудивительно, что именно на Уктусском заводе была открыта первая больница⁸, обслуживавшая заводскую администрацию, подъячих, мастеровых, а также солдат, прибывших из Тобольска для строительства будущего Екатеринбургского завода.

Уже через два месяца, 6 февраля 1723 г., по инициативе В. Н. Татищева при Уктусской больнице появились первые лекарские ученики. Татищев составил «ропись» учащихся Уктусской арифметической школы, которым предписывалось «до обеда быть в школе, а после обеда у своих ремесел...». Среди них числились и два лекарских ученика – выпускник Московской артиллерийской школы Петр Родионов и ученик Уктусской арифметической Андрей Попов, первый с жалованьем 1 руб., второй – 75 коп. в месяц. В этот же день «ропись» была утверждена В.И. Генниным⁹.

Наказом заводскому комиссару Ф. Неклюдову, который составил В. Н. Татищев и 15 октября 1723 г. подписал В. И. Геннин, при строящемся Екатеринбургском заводе предусматривалось наличие двух лекарских и двух аптекарских учеников¹⁰. Поскольку цирюльники в те

⁶ *Копырина С. Н.* Становление медицинского дела на казенных заводах Урала первой половины XVIII в. (по документам Государственного архива Свердловской области) // Научный вестник Крыма. 2019. № 3. С. 6.

⁷ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн 4. С. 96, 106.

⁸ *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 1998. С. 8.

⁹ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24, оп. 1, д. 23 а, л. 635.

¹⁰ *В. Н. Татищев.* Записки. Письма 1717–1750. М., 1990. С. 91-92.

времена наравне с умениями стричь, брить имели и некоторые навыки лечения больных, приказывалось «для обучения ученикам лекарским брить всех мастеров в седмицу два раза, а за труд брать им с человека по 40 копеек в год», т. е. в процессе обучения они получали бы и определенный приработок. Половина этих денег полагалась лекарю, на них он должен был «бритвы и мыло, занавески, полотенцы, воду теплую держать». Разрешалось к «мастерам брить ... ходить на дома, с тех брать по уговору». В связи с наличием лекаря и учеников приказывалось «посторонних лечить и брить не допускать, понеже оные чинят ученым в пропитании ущерб, а болящих более повреждают, нежели помоществуют»¹¹.

В «Табели служителей Сибирского горного вышнего начальства» в 1723 г. при лекаре числились ученики Петр Родионов и Андрей Попов с жалованьем по 12 руб.¹² Во втором варианте Табели, где фигурировали только должности без указания занимавших их лиц, названы: доктор медицины с жалованьем 240 руб., лекарь (120 руб.), аптекарь (100 руб.), два лекарских и два аптекарских ученика с жалованьем по 18 руб. каждому¹³. Это были первые заводские штаты в России, которые Татищев в ноябре 1723 г. повез для апробации в Берг-коллегию. Поскольку аптекаря не прислали, не появились и аптекарские ученики в Екатеринбурге, повышение жалованья лекарским также осталось на бумаге.

Среди первых важных объектов, возводившихся в Екатеринбурге с 1723 г. одновременно с заводом, школой, казармами для жилья, были госпиталь, начавший действовать в 1724 г., а не в 1723, как утвердилось в литературе, поскольку в доношении в Берг-коллегию в феврале 1724 г. и в инструкции, данной Н. Клеопину и К. Гордееву от 14 марта 1723 г., Геннин упоминал о госпитале как еще строящемся объекте¹⁴. При госпитале должны были проходить обучение и лекарские ученики. Но Андрей Попов пробыл у Спринцеля недолго: в июне 1724 г. в Екатеринбургской заводской конторе зарегистрировано ведение надзирателя Шеинкова о выдаче А. Попову, «которой к нему от лекаря определен, по окладу ево жалованья с апреля по июнь месяц» и решение о выдаче, согласно оклада, по 75 коп. в месяц и выдаче впредь¹⁵. Нам неизвестна судьба второго ученика. Поскольку Спринцель с начала 1725 г. сопровождал Геннина в поездке в столицу, учение и московского школьника, если он остался у Спринцеля, пресеклось.

¹¹ Там же.

¹² Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 166.

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ РГАДА, Ф. 271, Оп. 1, Д. 1036, Л. 96 об.; ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 33, Л. 24–63.

¹⁵ ГАСО, Ф. 38, Оп. 1, Д. 2. Л. 149.

19 ноября 1725 г. Спринцель в составе команды Геннина прибыл в Екатеринбург. Не прошло и недели после возвращения, как 25 ноября 1725 г. в Сибирском обер-бергамте В. Геннин и Р. Горчаков принимают решение: послать во все подчиненные команды указы об объявлении всех заболевших «какою ни есть болезнию» заводских и горных служителей, мастеровых, работных людей, лекарю Спринцелю «для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали». Так была возобновлена работа госпиталя.

Одновременно предписывалось: «дать оному лекарю для науки ис присланных московских Артиллериской школы школьников одного человека»¹⁶. 29 ноября Горчаков приказал: кого из них потребует Спринцель, отослать к нему¹⁷, т. е. лекарю предоставили возможность выбрать ученика по своему усмотрению. Согласно рапорту Екатеринбургской заводской конторы 16 декабря 1725 г. Антипа Иванов, выпускник Московской артиллерийской школы, был отдан господину лекарю в ученики¹⁸.

По Табели 1726 г. наряду с двумя лекарями (вторым стал выходец из Пруссии, Иоганн Генрих Репкен, служивший при Геннине в 1725–1729 гг.) в госпитале числился цирюльник с годовым жалованьем 12 руб. и лекарский ученик А. Иванов с жалованьем 7 руб. 36 коп. Цирюльником при Спринцеле с июня был назначен Василий Сизиков из солдат Тобольского полка¹⁹. Но в отношении ученика Спринцель через год после назначения констатировал: «Антипа Иванов по моему усмотрению явился негоден, понеже чрез многое время науки не принял и превеликой ленивец»²⁰.

Четвертый по счету с 1722 г. лекарский ученик Андрей Рудаков был определен к Спринцелю 26 июля 1727 г., это ясно из выписок по его делу, в деле же о передаче заводов Татищеву 1734 г. он показан в учениках с 1 июня 1727 г.²¹ Через полгода Рудаков обратился с просьбой об увеличении жалованья, сообщил, что питаться на 6 руб. в год нечем, даже солдатского «кормового жалования не определено», но начальство ответило: будешь учиться «со всем усердным радением», будешь «награжден немалым жалованием»²². В марте 1730 г. в

¹⁶ Там же, Ф. 24, Оп. 12, Д. 193, Л. 126 об.

¹⁷ Там же, Л. 129 об.

¹⁸ ГАСО, Ф. 38, Оп. 1, Д. 4, Л. 220.

¹⁹ Там же, Ф. 24, Оп. 12, Д. 10, с. 6.

²⁰ Копырина С. Н. Указ. соч.

²¹ ГАСО, ф. 24, Оп. 12, Д. 215. Л. 454; Оп. 1, Д. 450, т. 2, Л. 180 об.

²² Копырина С. Н. Указ. соч.

обер-бергамте слушалось второе прошение Рудакова «оне спрашива-нии» с него подушных денег. Он показал, что был взят в Уктусскую арифметическую школу с Алапаевских заводов из мастерских детей в 1721 г. Затем учился в Екатеринбургской арифметической, откуда и определен к Спринцелю с жалованьем по 50 коп. в месяц. Из этого жалованья вычитают еще и подушные деньги, а прочие ученики, взятые с ним в школу, их не платят, видимо, выключены из оклада. И из-за малого жалованья он пришел с женою и детьми «в скудость и долги»²³. Ясно, что Рудаков был уже взрослым человеком, обремененным семьей. Но решения начальства на это прошение не последовало. В ноябре 1734 г. Рудаков вновь обратился с просьбой определить его в угольные ученики на Алапаевский завод «за непонятием его в лекарской науке чрез многое время». Спринцель сказкою объявил: он «лекарской науке обучился только пластыри намазывать да корпи зделать, да отчасти бреет бороды, а больше того ничего не знает, да и впредь ему лекарской науки за не понятием не обучитца»²⁴. Корпия, согласно словаря В. Даля, – латинское слово, это «растеребленная ветошная, ветошные нитки или нарочно выделанная пушистая ткань, для перевязки ран и язв». За 7 лет учебы – достижения, скажем, никакие. По-видимому, и сам штаб-лекарь не прилагал никаких усилий для обучения Рудакова, привык использовать его в роли «принеси, подай», на всех черных работах, весьма вероятно, и домашних. Просьба Рудакова была удовлетворена, он был определен по штату в угольные ученики на родной Алапаевский завод с жалованьем 12 руб. в год, т. е. в два раза выше прежнего лекарского оклада²⁵.

В 1727 г., 28 декабря, состоялся приговор Сибирского обер-бергамта о заключении с лекарем Спринцелем нового контракта. Он пожелал еще остаться при заводах, продолжать подготовку учеников. По контракту при нем полагалось быть двум ученикам. В лекарские ученики был переведен цирюльник Василий Сизиков, а к нему предписывалось «придать» Сергея Ярцева, забрав его от штыкового дела, вместо него назначив письмо умеющего рекрута²⁶.

Ярцев был одним из способных учеников Уктусской арифметической школы, его имя впервые упоминается в ведомости в апреле 1723 г.²⁷ Быстро переняв искусство изготовления штыков, уже в конце ноября 1725 г. Ярцев был послан на Егюшихинский завод «для литья штыков

²³ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 199, Л. 213 об.–214.

²⁴ Там же, Д. 215, Л. 454.

²⁵ Там же, Л. 454–454 об.

²⁶ Там же, Оп. 12, Д. 195, Л. 646.

²⁷ Там же, Оп. 1, Д. 22, Л. 1209.

в фуры, каковы к ним посылаютца, и оному литью велеть ему обучать», а потом отослать в Пермский бергамт, т. е. на Пыскорский завод, где он тогда располагался, и там обучать литью штыков, после чего вернуть в Екатеринбург²⁸. В сентябре 1727 г. вернувшийся с Пыскорского завода Ярцев просил о выдаче ему жалованья²⁹.

И вот хорошо обученный штыковому делу Ярцев в возрасте 24-х лет был перенаправлен в лекарские ученики с жалованьем 12 руб. 96 коп. год, из которых платил еще и подушные деньги³⁰. Неясно, чем был вызван его отрыв от штыкового дела, в котором он прекрасно зарекомендовал себя. Возможно, еще на производстве он получил травму ноги, о которой сообщал в прошении 1730 г., и эта травма послужила причиной его отставки с заводской должности. 14 февраля 1730 г. Ярцев просил об отставке и из лекарских учеников к иному делу «за увечьем ноги»³¹ – ходить в госпитале приходилось много, – поэтому просьба Ярцева была удовлетворена. Его определили учителем Екатеринбургской словесной школы, причем по штатам 1734 г. с мая месяца, – в звании унтер-шихтмейстера с жалованьем 36 руб. в год³², а в ноябре 1734 г. назначили шихтмейстером на Шайтанский завод Никиты Демидова³³. Если бы не травма ноги, из Ярцева мог получиться достойный лекарский ученик, а впоследствии – и лекарь.

По Табели, составленной к сочинению штата заводов 15 июля 1729 г., при Екатеринбургском госпитале показано 2 ученика с жалованьем по 12 руб. в год, у третьего – деньгами 6 руб. и провиант на 4 руб. 95 коп. «против солдат». Предполагалось и появление 4-го ученика, чтобы при каждом лекаре было по два³⁴. Но положения штатов зачастую отличались от существующей практики.

Видимо, во время очередной поездки, в июне 1731 г. в Москве Геннин заключил контракт с лекарем Иоганном Христианом Гринбергом (Грюненбергом), уроженцем Саксонии, обязавшимся служить при нем 3 года или пока Геннин будет находиться в Екатеринбурге, выполнять обязанности личного врача и сопровождать его в поездках³⁵.

²⁸ Там же. Оп. 12, Д. 193, Л. 130.

²⁹ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 195, Л. 439–439 об.

³⁰ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 200, Л. 7.

³¹ Там же, Д. 237, Л. 126.

³² Там же. Д. 16, Л. 31 об.–32.

³³ Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург, 2014. С. 291; ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 215, Л. 492.

³⁴ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 224, Л. 3 об.–4.

³⁵ Там же, Оп. 12, Д. 215, Л. 415.

В 1733 г. по указу Геннина к лекарю Гринбергу был назначен ученик Екатеринбургской арифметической школы Иван Грудин, причем с сохранением школьного оклада, меньшего, чем у лекарских учеников³⁶. В декабре 1734 г. Гринберг решил остаться при заводе еще на два года, заключил новый контракт³⁷, но, поскольку должен был сопровождать отъезжающего с заводов Геннина до Казани, Грудин был, видимо, возвращен в школу и в рапорте за 3/3 1734 г. показан как сын умершего молотового мастера 20 лет³⁸, а в более раннем списке словесной школы за 1728 г. числился взятым учиться с Каменского завода³⁹.

В марте 1735 г. Гринберг был отправлен в Пермское горное начальство, на Егошихинский завод, где по его инициативе Канцелярия Главного заводов правления разрешила открыть госпиталь, второй при заводах Урала после Екатеринбургского (при частных заводах госпитали появились лишь во второй половине XVIII в.). В июле 1735 г. к лекарю Гринбергу были отосланы из Екатеринбургской арифметической школы в качестве лекарских учеников тот же Иван Грудин и Ефим Пастухов⁴⁰. Так Екатеринбургская школа стала поставщиком лекарских учеников и в госпиталь при Егошихинском заводе.

Еще ранее, 20 ноября 1734 г., Василий Сизиков, числившийся при Спринцеле с ноября 1730 г. как «старшей гензель»⁴¹, первым из учеников Спринцеля после 8-летней подготовки был назначен на работу в Сибирь – в новое Томское и Кузнецкое начальство, с повышением жалованья до 30 руб. в год. Ехать он должен был вместе с назначенным туда главным управителем Леонтием Угримовым. 30 ноября Василий подал прошение об увеличении жалованья для дальнейшей посылки, и с 1 декабря оно было повышено до 48 руб.⁴²

Одновременно с решением вопроса об увеличении жалованья Сизикову уральское начальство приказало: «для научения лекарскому искусству определить в Екатеринбурге из школьников Якова Кочкина, Григория Степанова» с жалованьем 12 руб. в год с числа определения, «а лекарям объявить, чтоб они к тому делу обучали их без скрытно, а в домовые работы ни в какия их не употребляли»⁴³. Вторым лекарем, к кому назначили ученика, был, видимо, прибывший с Татишевыми из

³⁶ Там же, Л. 161–161 об.

³⁷ Там же, Д. 218, Л. 15.

³⁸ Там же, Оп. 1, Д. 577а, Л.71–72.

³⁹ Там же, Д. 177, Л. 95.

⁴⁰ ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 577а, Л. 259.

⁴¹ Там же, Д. 450, Т. 2, Л. 180 об.

⁴² Там же, Оп. 12, Д 215, Л. 369.

⁴³ Там же.

столицы в качестве личного врача Эвергарт Сименс, трудившийся до этого подлекарем при Кадетском корпусе. Прямое запрещение лекарям использовать учеников для собственных домашних нужд, думается, появилось неспроста, в этом можно усмотреть недвусмысленный намек на долгое 7-летнее обучение Спринцелем своего подопечного Рудакова.

Отметим, что Спринцель к этому времени стал стар и немощен, поэтому к нему определили лишь одного ученика, Григория Степанова. В реестре учеников Екатеринбургской арифметической школы в июле 1734 г. он показан 17-летним юношей, записанным в подушный оклад в одной из деревень Каменской слободы⁴⁴. Но Степанов от лекаря сбежал. 12 января 1736 г. глава полиции Екатеринбурга поручик А. Зубов донес о нем уральскому начальству как «об объявившемся из бегов». На допросе в Канцелярии Главного заводов правления Степанов показал: «сбежал от напрасных великих побои лекаря Спринцеля». Татищев и И. Юдин, слушавшие дело, приговорили: «отдать по-прежнему в ученики, а штаб-лекарю объявить, чтоб напредь ... данных им учеников такими побоями не били»⁴⁵. Судя по приговору, вынесенному начальством, рукоприкладство старого лекаря действительно имело место и было таким сильным, что не оставило равнодушным членов канцелярии и они решили донести свое мнение об этом до Спринцеля. Но обучение Степанова у Спринцеля если и продолжилось, то недолго: прошло чуть более двух недель, как 2 февраля 1736 г. первый лекарь Екатеринбурга скончался⁴⁶.

Пожалуй, лишь лекарский ученик Василий Сизиков перенял у штаб-лекаря Спринцеля искусство лечения людей в роли цирюльника, затем и лекарского ученика. Долгие годы он оставался единственным специалистом при заводах Сибири по медицинской части и зарекомендовал себя с хорошей стороны. Трудился на Кольвани, на бывшем заводе А. Демидова, перешедшем в казну. После возвращения завода бывшему владельцу Сизиков ведал госпиталем при Красноярском горном начальстве и обслуживал мастеровых, рекрутов с Луказского и Ирбинского заводов, отстоявших друг от друга на 95 верст. 20 марта 1739 г. из Томского и Красноярского начальства (так его поначалу переименовали) пришло доношение в Екатеринбург и 5 апреля заслушивалось в канцелярии: «о перемене чином обретающегося там лекарского ученика Сизикова и о прибавке ему жалова-

⁴⁴ Там же. Оп. 1, Д. 506, Л. 86.

⁴⁵ Там же, Оп. 12, Д. 228, Л. 62.

⁴⁶ Там же, Д. 229, Л. 1.

нья». Но уральское начальство на основе этого доношения дело не решило, потребовало «о достоинстве ево..., применяясь к пользованию больных и по состоянию ево, и прилежности в ево должности, размотря, прислать аттестат, будучи тамо, бергмейстеру Клеопину»⁴⁷.

Осенью 1746 г. Василий Сизиков, уже подлекарь с жалованьем 60 руб. в год, был назначен в Пермское горное начальство на место лекаря Гринберга, который по решению уральской канцелярии послался на Кушвинский завод «для тамошнего многолюдства и что еще тамо вновь завод строитца будет»⁴⁸. Но в декабре Гринберг подал доношение президенту Берг-коллегии Антону Томилову, находившемуся в это время в Екатеринбурге. Чтобы «за старостию и от переездов бы в другое место не приттить ему в крайнее разорение», просил оставить его при Пермских заводах; контракт через год с небольшим заканчивается, если оставят в Перми, может служить и дальше. Согласно данным Н. С. Корепанова, саксонец Гринберг родился в 1696 г.⁴⁹, т. е. в это время ему исполнилось 50 лет. А. Томилов и члены уральской канцелярии пошли навстречу желанию иноземца и приказали: быть Гринбергу при Пермском горном начальстве, а на Кушвинские заводы послать подлекаря Сизикова, дать для езды одну подводу⁵⁰. В январе 1754 г. рассматривалось прошение вдовы подлекаря Василия Сизикова о приеме 7-летнего сына Антона в Екатеринбургскую словесную школу с жалованьем. Упоминалось, что Василий Сизиков умер в августе 1753 г.⁵¹ Таким образом, почти 19 лет он верой и правдой служил на медицинском поприще при казенных заводах Сибири и Урала, но так и не получил звание настоящего лекаря.

Итак, с февраля 1723 г., почти сразу же после прибытия лекаря Спринцеля на Уктусский завод, при нем появились лекарские ученики. В последующие годы ученики назначались к Спринцелю и выступали в качестве его помощников при лечении больных в Екатеринбургском госпитале. Всего при нем сменилось 7 учеников, а не 3, как отмечалось Н. С. Корепановым. Из них двое были выпускниками Московской артиллерийской школы, четверо – Екатеринбургской арифметической, один – из солдат Тобольского полка. Большинство из них пребывало на должности учеников небольшой срок: назначались к

⁴⁷ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 267, Л. 51.

⁴⁸ Там же, Д. 358, С. 42–44.

⁴⁹ Корепанов Н. С. За семью печатями. Екатеринбург, 1998. С. 76.

⁵⁰ ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 359, С. 146.

⁵¹ Там же, Д. 444, Л. 303.

другим делам (А. Попов, С. Ярцев), увольнялись из-за непригодности к обучению (А. Иванов, Рудаков – через 7 лет, по своему желанию); Степанов бежал из-за наносимых лекарем побоев.

Единственным достойным учеником, продолжившим свою деятельность на медицинском поприще, оказался Василий Сизиков, определенный к Спринцелю в 1726 г. из солдат Тобольского полка и более четверти века отдавший постижению лекарского дела и его служению при заводах Сибири и Урала, но так и скончавшийся в звании подлекаря.

Были ученики и при напарниках штаб-лекаря Спринцеля, лекарях, обслуживавших в основном Геннина, о которых требуются дополнительные разыскания. Один из них, И. Грудин, проучившийся у Гринберга около года, вернувшийся на полгода в школу, продолжил обучение у него вместе с однокашником в госпитале при Егюшихинском заводе.

Заметим, что все трое лекарей Екатеринбурга были иностранцами, немцами, уроженцами Саксонии и Пруссии, а основным поставщиком лекарских учеников стала Екатеринбургская арифметическая школа. К сожалению, опыт подготовки первых учеников оказался неудачным. Как правило, усвоение специальных навыков в госпитальных школах России, открытых в начале XVIII в. в Санкт-Петербурге, Москве, Кронштадте, осуществлялось на протяжении 7–11 лет и обучение вели хорошо подготовленные специалисты из Германии и Голландии. В Екатеринбурге сказывались, видимо, новизна и необычность медицинского дела, отсутствие желания со стороны лекарей правильно ориентировать молодых людей на постижение важных навыков оказания медицинской помощи, использование их для выполнения однообразных повседневных поручений, носящих вспомогательный характер, что отбивало охоту учиться. Сказывалось и малое жалованье, назначаемое ученикам, и жесткость отношения лекаря к своим подопечным.

С появлением В. Н. Татищева в качестве начальника заводов в октябре 1734 г. в Екатеринбурге начался новый период в развитии медицинского обслуживания при казенных заводах Урала и подготовке лекарских и аптекарских учеников.

Библиография

1. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн 4. С. 93–132.
2. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 467 с.

3. *Копырина С. Н.* Становление медицинского дела на казенных заводах Урала первой половины XVIII в. (по документам Государственного архива Свердловской области) // Научный вестник Крыма, 2019. № 3 (21 528). ISSN: 2499-9911 6.
4. *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. 106 с.
5. *Корепанов Н. С.* За семью печатями. Екатеринбург : б. и., 1998. 95 с.
6. *Корепанов Н.С.* Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 528.
7. *Корепанов Н.С.* Спринцель (Sprintsell) Иоганн Йозеф // Немцы России: энциклопедия. М.: ЭРН, 2006. Т. 3. С. 466.
8. *Сафронова А. М.* Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с.
9. *Сафронова А. М.* Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 144 с.
10. *Сафронова А. М.* Распространение медицинских знаний среди первых лекарских учеников на горнозаводском Урале в 1720-е–1750-е гг. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2019. С. 264–268.
11. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 17. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 51–70.
12. *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717–1750. М.: Наука, 1990. 440 с.

В.С. Ившин¹
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОГО ГЛОССАРИЯ О ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЙ А. С. ШИШКОВА²

На основе методологии Кембриджской школы истории понятий, представленной Кв. Скиннером и Дж. Пококом, подробно исследуются «языковые» контексты российской политической культуры. В заключение автор на основе анализа коммуникативных сфер приходит к выводу о возможном отсутствии в трудах Шишкова рецепции европейских глоссариев о формах правлений (Аристотеля и Ш.-Л. Монтескье) и господстве в его творчестве традиции providенциального монархизма.

Ключевые слова: консерватизм, providенциальный монархизм, революция, форма правления, история понятий

V. S. Ivshin
Yekaterinburg

THE PROBLEM OF THE POLITICAL AND CULTURAL GLOSSARY ON THE FORMS OF GOVERNMENT BY A.S. SHISHKOV

Based on the methodology of the “Cambridge School of the History of Concepts” presented by Kv. Skinner and J. Pocock, investigate in detail the “linguistic” contexts of Russian political culture. In conclusion, the author, based on the analysis of communicative spheres, comes to the conclusion about the possible absence in Shishkov’s works of reception of European glossaries on the forms of government (Aristotle and C.-L. Montesquieu) and the dominance of the tradition of providential monarchism in his work.

Keywords: conservatism, providential monarchism, revolution, form of government, history of concepts

Исследователи российской общественно-политической мысли по-прежнему находятся в поиске наиболее адекватных и перспективных методологических инструментариев анализа идей, представлений и поведения человека прошлого. Более того, данный поиск лишь обострился в условиях методологического плюрализма современной историографии.

Эта общая историографическая тенденция, кажется, обошла стороной отечественные исследования, посвященные анализу российского «раннего» консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. Исследователи данного направления во многом остаются «консервативны» в плане методологических подходов, отталкиваясь главным

¹ **Ившин Владислав Сергеевич** – магистрант, ассистент-исследователь кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Екатеринбург, Россия. E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

образом от методологической оптики, предложенной К. Мангеймом. Согласно «мангеймовской» традиции, целостная идеология консерватизма возникла не ранее 1800 г. как реакция на события Французской революции 1789 г. (ставшая своеобразным воплощением «просветительской» теории прогресса, либерализма, сциентизма, рационализма и т.д.), а до этого момента существовал исключительно традиционализм. Последний, согласно К. Мангейму, психологичен, дорефлективен и инстинктивен, консерватизм, напротив, сознателен и рефлексивен³. Центральной проблемой для исследователей, использующих данный подход, остается вопрос, что собственно считать «традиционализмом», а что «консерватизмом»?

Отвечая на поставленный вопрос, исследователи российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. обычно делятся на два условных лагеря: тех, кто пытается отыскать «истоки» консервативной идеологии, опровергнув тем самым «реакционный» характер консерватизма⁴, и тех, кто следует за «мангеймовским» определением консерватизма, признавая его реакционность на события Французской революции 1789 г. Последние чаще всего пытаются определить консерватизм с помощью заранее определенных и описанных наукой ценностей, присущих, по мнению исследователей, консервативной идеологии (вера в сильное, монархическое государство, социальное неравенство, антииндивидуализм и др.)⁵.

Данный подход ведет к искусственному причислению одних авторов к консерваторам, других – к либералам или социалистам, а также к умножению спектра доктрин-идеологий. Наиболее часто это происходит в случае, если идеи того или иного деятеля сложно подвести под одну конкретную доктрину-идеологию, следовательно, необходимо «придумать» идеологический синтез: «либерально-консервативный», «консервативно-националистический», «религиозно-консервативный» и др. Такая типологизация приводит к тому, что отпадает необходимость скрупулезного анализа идей исторического деятеля:

³ Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. Е. Н. Балашов // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 184.

⁴ Краус Г.-К. Истоки и зарождение политического консерватизма в Германии и Западной Европе // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Воронеж, 2012. С. 16–18; Егерова Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014 С. 9–12.

⁵ Подробнее см.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. 440 с; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.

достаточно лишь классифицировать их под устоявшиеся «клише» идеологий.

Несмотря на критику подобного подхода, начатую в западноевропейской историографии с середины XX в. С. Хантингтоном, «мангеймовский» конструкт остается довлеющим в современной отечественной историографии, посвященной данному периоду. Хантингтон, кроме критики «мангеймовского» подхода, выступил против «автономного» определения консерватизма, рассматривающего идеологию с позиции универсальных, автономных идей⁶. Он пришел к выводу о «ситуативном» характере консервативной идеологии, призванной удовлетворить конкретные потребности общества в конкретный момент времени, став ответом на «значимую социально-политическую ситуацию»⁷.

Предложенная схема укладывается в «хантингтоновскую» матрицу «вызов» – «ответ» или «инновация» vs «реакция», что в некотором смысле сближает его с советскими исследователями общественно-политической мысли. Данная традиция советской историографии восходит к Ю. Н. Тынянову, рассмотревшему «языковой спор» между «карамзинистами» и «шишковистами» начала XIX в. с позиции противопоставления «прогресса» («карамзинистов-новаторов») «регрессу» («шишковистов-архаистов»). Причем «архаисты» (консерваторы) преподносились как реакционеры и противники прогресса, тогда как «карамзинисты» олицетворяли «прогрессивные начала» в общественно-политической жизни⁸. Отметим, что подобный ряд оценок прослеживается и в современных исследованиях, посвященных одному из видных представителей российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. – А. С. Шишкову⁹.

Все вышеперечисленные подходы, в сущности, тяготеют к упрощению социально-политической действительности и приводят к недооценке авторской интенции, девальвации значения эволюции авторских взглядов, коммуникативных контекстов, целей и задач конкретных текстов. В рамках данного исследования мы предлагаем рассматривать консерватизм не как большую доктрину-идеологию с

⁶ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231–232.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Подробнее см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 87–228.

⁹ Подробнее см.: Гребенщиков А. Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 316 с.

универсальными ценностями, а как своеобразную манеру политической речи – глоссария риторических стратегий и идиом, отражающих как авторскую риторику (индивидуальность), так и следование эпохальным «языковым» манерам рассуждений на ту или иную тему.

Таким образом, речь пойдет о применении методологических подходов Кембриджской школы истории понятий за авторством Кв. Скиннера и Дж. Покока на материале политико-культурного глоссария о формах правлений А. С. Шишкова. Мы не ставим задачи детально раскрыть методологический инструментарий Кембриджского школы интеллектуальной истории, на данный момент существует обширная русскоязычная литература по этой теме¹⁰. Однако необходимо отметить, что методологические подходы «истории понятий» (немецкой и английской школ) за последние несколько десятилетий оказались наиболее перспективными методиками анализа российской общественно-политической истории, а также наиболее востребованы специалистами различного исторического профиля¹¹.

Французская революция 1789 г. казнью короля Людовика XVI как никогда ранее придавала актуальности вопросам о политическом суверенитете монарха, а также отразилась целой плеядой трактатов-рассуждений европейских авторов об «идеальной» форме правления. К слову, не только апологетических, направленных в защиту монархии или конкретных персон монархов. Подобные рассуждения, помимо апологетики одной из форм правлений, затрагивали нарратив рассуждений о других формах правлений. Как доказать, что республиканизм лучше, «идеальнее» всех остальных форм правления, не затронув при этом монархизм? Исторические акторы данного периода, рассуждая об одной из форм, прямо или косвенно касались иных форм правлений. Фактически это дебаты, разворачивавшиеся в различных коммуникативных контекстах под импульсом Француз-

¹⁰ Подробнее см.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т.Атнашев, М. Велижев. М., 2018. 632 с.; *Покок Дж. Г. А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. Т. Прусской, под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М., 2020. 888 с.; *Велижев М.* «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ. 2015. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/4/5av.html> (дата обращения: 13. 09. 2020); *Велижев М.* Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛЮ. 2015. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/9v.html> (дата обращения: 13. 09. 2020); *Тимофеев Д. В.* Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое. 2016. №4. С. 155–168.

¹¹ *Тимофеев Д. В.* Указ. соч. С. 158–159.

ской революции, в которых тексты-высказывания акторов преследовали различные цели: критики, апологетики или простого размышления об идеальной форме правления.

Р. Пайпс отметил, что «квинтэссенцией русского консерватизма» всегда оставалось «самодержавие»¹². Эту характеристику Пайпсом российского консерватизма можно соотнести с политической риторикой А. С. Шишкова. Будучи апологетом монархической власти, а также «истинным подданным своего Отечества», вопрос об идеальной форме правления он никогда не ставил. В отличие от своих европейских коллег-современников он не производил масштабных трактатов в духе наследия античной философии и французских просветителей, а действовал исключительно в сложившейся российской традиции политической культуры. А был ли он вообще знаком с европейскими глоссариями о формах правлений (главным образом «Политикой» Аристотеля и трактатом «О духе законов» Ш.-Л. Монтескьё)?

Политический глоссарий о формах правлений Аристотеля распространялся в российском политическом языке с конца XVII в. и постепенно был адаптирован в XVIII столетии¹³. Вместе с тем из-за отсутствия в творческом наследии Шишкова «больших» трактатов достаточно сложно судить о том, был ли действительно знаком Шишков с данным глоссарием, не говоря уж о трактате Ш.-Л. Монтескьё, чье хождение в Российской империи имело ограниченный характер¹⁴. Шишков еще во времена Екатерины II усвоил и успешно использовал глоссарий провиденциального монархизма, позволивший интерпретировать монарха как чудотворца, полубога и героя, творящего почти божественные дела. Обращаясь к теме монархической власти, он использовал уже устоявшийся на тот момент панегирический жанр оды и присущие ей элементы: солярные метафоры, подчеркнутая значимость «наук», «мудрости», «порядка», «справедливости», а также образы орла и скипетра и т.д.

Уже в раннем творчестве, в небольшой пьесе «Невольничество» (1780), близкой по духу и содержанию к панегирической оде, повествующей о выкупе пленных христиан Екатериной II, он использовал

¹² *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. С. 12.

¹³ Подробнее см.: *Бугров К. Д.* Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 198–221.

¹⁴ Подробнее см.: *Киселев М. А.* Трактат De l'esprit des lois Ш.-Л. Монтескьё и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1131–1148.

ряд метафор, характерных для последующих сочинений. Главным действующим лицом пьесы предстают отнюдь не пленники, а сама монархиня – Екатерина II («матерь Отечества»). Шишков наделяет ее ореолом христианских добродетелей и отводит ей роль политической организации государства, в котором она является «матерью» над своими подданными («семьей») и отечеством¹⁵.

Данный образ «матери» и библейская риторика присутствуют в другой оде времен Екатерины II. Российская империя, по мнению Шишкова, является «блаженной из всех стран <...> под орлим скипетром и крылом <...> счастливейшая из всех племен, не знает пагубных перемен». Империя, в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрый добродетельный монарх – Екатерина II – «пастор» в царстве «тишины и благодати»¹⁶. Адмирал акцентирует внимание именно на монархе, ибо только под ее скипетром все находится в «гармонии», а подданные пребывают в добродетели. Шишков описывает монархию через солярную метафору: Тобой, как солнцем осеяна, / Ликует Росская страна¹⁷.

Далее же он смещает свою риторiku к характеристике государственных благ, господствующих под «орлим скипетром» и «монаршей благодатью»: «во градах светит красота»; в судах «совесть предстает зеркалу»; «художеств и наук собор увеселяют ум и взор»; могущественные армия и флот. Природа монархического правления также описывается через провиденциальное, божественное происхождение монархии: Не Он [бог] ли даровал Петра? / Не Он ли днесь Екатерину/ Для общего послал добра?¹⁸

Большое значение в данной оде играет контраст, ведь Ода была написана в 1795 г. в период уже разворачивающейся Французской революции 1789 г. Франция ввиду своего «безначалия» пребывает в «токах крови», а французское общество испытывает «бедную добродетель», «хищническую праздность», «безжалостность», «звериной дикости», «ад самый содрогнется, внимая страшным сим делам»¹⁹.

Подобную риторiku о божественном происхождении монархии Шишков использует в «Стихах при восшествии на Престол Импера-

¹⁵ Шишков А. С. Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 14, С. 30-31.

¹⁶ Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–144.

¹⁷ Там же. С. 145.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Там же. С. 146–150.

тора Александра I», так же являющихся панегириком: О Боже праведный! Твоей святой рукою / На троне Александр; Ты с ним и он с Тобою²⁰.

Если продолжать в данном ключе, начало правления Александра I должно было ознаменоваться торжеством добродетели: «С ним [Александром] правосудие воссядет на престол»²¹. Тем не менее реформы первых лет царствования Александра I встретили неодобрение со стороны «екатерининских вельмож», к коим с натяжкой относился и Шишков, а также их отдаление от придворной сферы. Оказавшись, таким образом, в своеобразной «опозиции» преобразованиям молодого императора, Шишков занялся публицистикой, перенося в ее содержание барочные мотивы панегирических текстов. Именно в это время выходит *magnum opus* Шишкова – «Рассуждение о старом и новом слоге...», в котором он выступил против галломании русского дворянства. В данном тексте адмирал напрямую не касается темы монархизма, но приводит в качестве подкрепления своей аргументации против галломании отрывок из сочинения А. В. Суворова, который открывался вопросом: «И воистину, бывало ли когда-нибудь народодержавие (курсив мой – В. И.) долговременно?»²². Отрывок целиком посвящен критике «народодержавия», которое, по мнению Суворова, «семена своего разрушения в самом себе носит», из-за чего подданные постоянно устраивают мятежи, поддаются властолюбию и т.д. При этом «народодержавие» со временем превращается, по мнению автора, в «единоначалие», которое является «началом» и «концом» всякого правления²³. Можно предположить, что для Шишкова не существовало и не существует иной формы правления, кроме монархической.

Иной пласт, прослеживающийся в вышеописанном фрагменте, – это идея преемственности правления, а также апелляции к историческому опыту (прецеденту). Монарх, помимо того, что несет добродетель подданным, сам должен обладать определенным набором качеств-добродетелей: «...надлежит чтить мудрость праотцев, и неудоб себе мыслить превыше их разума...»²⁴. Для адмирала опыт пред-

²⁰ Шишков А. С. Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.

²¹ Там же. С. 177.

²² Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 328.

²³ Там же. С. 328.

²⁴ Там же. С. 328–329.

ков был одним из источников добродетели наряду с православной верой. Данный тезис подтверждается еще одним сочинением адмирала, в котором он призывает монарха править с опорой на опыт предков, а также опереться на православную веру, из которой «народоправитель черпает мудрость, закон силу, судья правду...»²⁵. Именно православная вера, по мнению адмирала, была источником верности поданных своему государю.

Другой элемент глоссария о формах правлений Шишкова – история и шире – прошлое как источник добродетелей и, по мнению адмирала, вечных истин. Обращение к прошлому было возможностью доказать вечность института монарха, а также доказать невозможность существования иных форм правлений. Отчасти из-за календарного совпадения, отчасти из-за образности данного события, Шишков апеллирует к примеру Смутного времени, когда «Россия без главы; нет в ней царя; Вельможи все вкупе разделены, а каждый порознь слаб и маловластен; народ мечется, унывает, страждет...» – это описание почти совпадает с описанием французского «безначалия», но в отличие от французов российский кризис, согласно Шишкову, удалось разрешить консолидацией российского общества под эгидой православной веры и языка²⁶. Данный нарратив о Смутном времени может свидетельствовать об отсутствии рецепции адмиралом европейских глоссариев о формах правлений или же быть для адмирала более близким примером отсутствия добродетелей во время «безначалия», нежели революция.

Позже он использует органицистскую метафору: «Государь и отечество есть глава и тело. Едино без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно»²⁷. Таким образом, монархия для адмирала была неотделима от государства и опыта предков (преемственности опыта), а добродетельный самодержец неотделим от главного источника монархической добродетели – православной веры. Если хотя бы одно из звеньев этой цепочки отсутствует, то наступает всеобщий кризис. Именно по этой причине, согласно Шишкову, французы, «избравшие» Наполеона «в цари, или справедливее сказать в атамань», были обречены на всеобщую деградацию добродетели.²⁸ Из-за отсутствия преемственности, а также правления в отрыве от истори-

²⁵ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 15. С. 37.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 142.

²⁸ Шишков А. С. Записки... С. 270.

ческого опыта и религии, согласно Шишкову, воцарение Наполеона не завершило революции («народодержавия»/«безначалия»), а являлось прямым продолжением революции со всеми вытекающими кризисами добродетелей.

Таким образом, вопрос об идеальной форме правления для адмирала Шишкова никогда не стоял – это всегда была монархия. Причем даже косвенные рассуждения на данную тематику, написанные им во время революции и антинаполеоновских войн, свидетельствуют об отсутствии использования Шишковым европейских глоссариев о формах правлений Аристотеля и Ш.-Л. Монтескье. Он использовал традицию провиденциального монархизма, более близкую и разработанную в российской политической культуре. Этот тезис, однако, не дает с уверенностью утверждать, что адмирал не знал как минимум одного из европейских глоссариев. Адмирал все равно сравнивает «добродетельность» форм правлений, приводя аналогии с «безначалием» Смутного времени.

Его риторические стратегии сакрализации монархической власти соответствовали традиции провиденциального монархизма (наделение монархической формы правления и самой персоны монарха определенными добродетелями, уподобление монарха богу (полубог, герой)), а также контексту российской барочной панегирической культуры. При этом в публицистической сфере наблюдается апелляция к историческому опыту (преемственности) монархической власти. Подобная конфигурация провиденциального монархизма допускала свержение «безначальной»/«деспотической» власти, основываясь на отсутствии исторической преемственности данных форм правлений, а значит, и краткосрочности подобных правлений.

Библиография

1. Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. 580 с.
2. Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ. 2015. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/4/5av.html> (дата обращения: 13. 09. 2020).
3. Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛЮ. 2015. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/9v.html> (дата обращения: 13. 09. 2020).
4. Гребенщиков А. Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 316 с.
5. Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014. 416 с.

6. *Киселев М. А.* Трактат De l'esprit des lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1131–1148.
7. *Краус Г.-К.* Истоки и зарождение политического консерватизма в Германии и Западной Европе // *Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога*. Воронеж, 2012. 212 с.
8. *Мангейм К.* Идеология и утопия / пер. с нем. Е. Н. Балашова // *Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 152–186.
9. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.
10. *Пайтс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. 252 с.
11. *Покок Дж. Г. А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. Т. Прусской, под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М., 2020. 888 с.
12. *Тимофеев Д. В.* Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // *Новое прошлое*. 2016. №4. С. 155–168.
13. *Гынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. М., 1929. 581 с.
14. *Хантингтон С.* Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 229–250.
15. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / под ред. Н. Киселева, Ю. Ф. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1. 479 с.
16. *Шишков А. С.* Невольничество // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1828. Ч. XII. С. 1–32.
17. *Шишков А. С.* Ода на покорение Польши // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–154.
18. *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1824. Ч. II. С. 1–356.
19. *Шишков А. С.* Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. 53 с.
20. *Шишков А. С.* Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.

Д.О. Манин¹
Екатеринбург

РОССИЯ НА ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЯХ В КИТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются основные попытки французской экспансии в Китай посредством сухопутного пути через Россию. Для анализа процесса автором выделяются направления, связанные с дипломатической, культурно-религиозной и экономической экспансией королевства Людовика XIV и французской нации (в актуальном для XVII в., значении). Сделаны выводы об особенностях географических представлений о России во Франции, проанализирован процесс восприятия этих знаний через пространство исторического опыта французов, а также значение сухопутного пути в Китай для Франции XVII в.

Ключевые слова: французская экспансия в Китай, Россия, сухопутный путь.

D.O. Manin
Yekaterinburg

RUSSIA ON THE FRENCH ROADS TO CHINA IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

The article examines the main attempts of French expansion into China, through the land route through Russia. To analyze the process, the author identifies areas associated with the diplomatic, cultural, religious and economic expansion of the kingdom of Louis XIV and the French nation (in its current meaning for the 17th century). Conclusions are drawn about the peculiarities of the geographical ideas about Russia in France, the process of perception of this knowledge through the space of the historical experience of the French, as well as the importance of the overland route to China for France in the 17th century are analyzed.

Keywords: french expansion into China, Russia, overland route.

История Европы в современной историографии всё чаще рассматривается в контексте её отношений с Азией. Особенно это актуально для раннего Нового времени (XV–XVIII вв.), когда начинается европейская экспансия в отдалённые регионы мира. Несмотря на приоритет морских коммуникаций, внимание западных европейцев привлекали и традиционные наземные торговые маршруты, позволившие бы в перспективе сократить время путешествия в страны Азии. Этот процесс совпал с усилением в Восточной Европе Московского государства, активно включившегося в евразийскую торговлю, с одной стороны, и оказывающего влияние на политическую ситуацию в католическо-протестантской Европе, с другой.

Рассмотрение России одновременно как новой политической силы в Европе и как плацдарма для европейской экспансии в Азию наибо-

¹ *Манин Даниил Олегович* – лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: daniil-manin@mail.ru

лее ярко проявляется во Франции второй половины XVII в., в которой представления об отдалённой стране во многих аспектах только зарождались, а внешнеполитические амбиции правительства Людовика XIV требовали расширения контакта с царём и его правительством. Целью исследования будет реконструкция представлений французов о географии Сибири, факторов, обуславливавших изменение этих представлений и французских мотивов, побуждавших к попыткам продвижения в глубь Евразии.

На современном этапе историографии особое внимание ученых привлекает проблема «ментальных карт», обозначенная в уже ставших классическими трудах Э. Саида и Л. Вульфа². Если средневековые представления о Восточной Европе и Азии изучены достаточно подробно³, то процесс формирования нововременной картины региона, вероятно, начавшийся в Западной Европе после издания в 1517 г. трактата Матвея Меховского «О двух Сарматиях» и до интеллектуальных построений «века Просвещения» (XVIII в.)⁴, остаётся не до конца изученным. Среди работ, посвящённых именно проблематике французских представлений о географии Восточной Европы, можно выделить монографии М. Мерво и Ж. Роберти⁵, а также Б. Виане⁶. Однако лишь монография Мерво и Роберти посвящена путешествиям по сухопутным маршрутам, на основании которых преимущественно и создаются представления о том или ином регионе⁷.

В предшествующий период одной из первых задач, поставленных перед французскими путешественниками, был поиск пути именно в Китай (а не в Индию, которой стимулировались путешествия на начальном этапе Великих географических открытий европейцев). Грамота, предписывавшая поиск пути в Китай, была выдана первому представителю французской короны в Новом Свете Ж. Картье⁸, а в начале XVII в. С. де Шамплен проводил экспедиции в континен-

² Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с.; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.

³ См. Северная Евразия в картографии античности и средних веков / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов, А. А. Фролов. М., 2017. С. 98–155.

⁴ См. Вульф Л. Указ. соч. С. 57.

⁵ Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité: L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris, 1991. 170 p.

⁶ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию 1586 года. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017. 512 с.

⁷ Вульф Л. Указ. соч. С. 55.

⁸ Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005. С. 87.

тальной Северной Америке с целью поиска пути до Китая⁹. Однако уже к XVII в. становится понятной отдалённость Китая и французским королём возвращается задача поиска путей в Индию, в т.ч. и через Россию, что демонстрирует Ост-индский проект Генриха IV (частью которого было исследование северного побережья России)¹⁰.

Во второй половине XVII в. интерес к путям сообщения Европы с Азией возрос. Причины тому были как глобальные (завершение Тридцатилетней войны, положительные тренды в макроэкономических процессах)¹¹, так и непосредственно деятельность министра Людовика XIV Ж.-Б. Кольбера. Программа Кольбера, которую тот представил на первом заседании Совета торговли¹² 3 августа 1664 г., предполагала расширение французского торгового влияния в мире, в т.ч. в России и Ост-Индии¹³. Несмотря на то, что пути в Ост-Индию в концепции Кольбера были прежде всего морскими, французские негоцианты предпринимали попытки достичь её и наземными путями, потому экспедиция французской Ост-индской компании основала факторию в столице Персидской империи Исфахане¹⁴. В качестве путей сообщения с Персией иногда французские купцы использовали и Россию, показателен пример крупного французского торговца алмазами Ж.-Б. Тавернье¹⁵.

Внешнеполитическое ведомство России под руководством А. Л. Ордина-Нащокина стремилось использовать возможность для сближения с Францией после окончания Тридцатилетней войны¹⁶ в качестве одного из вариантов урегулирования отношений с Речью Посполитой. Среди результатов посольства 1668 г. во Францию была подготовка проекта франко-русского торгового договора, статья 11-я которого была посвящена транзитной торговле французов через

⁹ Brook T. Vermeer's Nat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. London, 2008. P. 29–42.

¹⁰ Велевенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 62.

¹¹ См. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. М., 2016. С. 88.

¹² Консультативный орган при монархе, работавший над торговыми стратегиями Франции.

¹³ Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. // Старый порядок во Франции. История в источниках. М.; Л., 1925. С. 30.

¹⁴ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 159–160.

¹⁵ Как, например, Ж.-Б. Тавернье. См. Tavernier J.-B. Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier. Paris, 1676. 756 p.

¹⁶ Русско-польская война 1654–1667 гг.

Россию со странами Азии¹⁷. В историографии существует точка зрения, что предложение о приобщении французов к континентальной транзитной торговле поступило с русской стороны¹⁸, однако договор так и не был заключён¹⁹. Тем не менее французские географические представления о путях, связывавших Россию с Азией, были достаточно размытыми. В целом благодаря сочинению Олеария²⁰, а позже Ж.-Б. Тавернье²¹ и из писем французских представителей в Константинополе²² было известно о существовании речных путей, однако для их конкретного изучения правительству Франции пришлось отправлять специалистов (Б. Н. Флоря считал, что одним из них был Д. Бутлер, знаменитый капитан русского корабля «Орёл»²³).

Первостепенную роль во французских представлениях о пути в Китай в последней четверти XVII в. сыграли иезуиты. Общество Иисуса на протяжении всего описываемого столетия вело активную работу по христианизации Китая и других отдалённых от Европы стран. Обращение в христианство императора такой многолюдной и протяжённой страны, как Китай, представлялось крупнейшим возможным достижением католичества²⁴, кроме того, часто национальные организации иезуитов, в т.ч. и французская, работали в русле государственных интересов страны своего происхождения (чем занимались французские иезуиты в Китае, представляя Францию и её короля в преувеличенно благоприятном свете²⁵). Однако морские пути в Китай были небезопасны, протяженны, а сам океан «долгое время рассматривался маргинальным миром, находившимся за пределами человеческого опыта»²⁶. Таким образом, морское путешествие из Марселя до Пекина могло занимать до двух с половиной лет²⁷.

¹⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 273.

¹⁸ Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 344.

¹⁹ Манин Д. О. Развитие торгового вопроса в русско-французских отношениях второй половины XVII века // *Clio Moderna: проблемы всемирной истории Нового и Новейшего времени*. Екатеринбург, 2019. С. 98–99.

²⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию // *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*. Л., 1986. С. 320.

²¹ Tavernier J.-B. *Op. cit.* 756 p.

²² Roy P. *Louis XIV et le seconde siècle de Vienne (1683)*. Paris, 1990. P. 126.

²³ Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 211.

²⁴ Sarmant T. 1715: La France et le monde. Paris, 2017. P. 316.

²⁵ *Ibid.* P. 332.

²⁶ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 8.

²⁷ Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // *Русская старина*. 1902. Т. 111. С. 474.

Разработкой проекта сухопутного пути в Китай занялись французские иезуиты в наиболее освоенном европейцами регионе Востока того времени – в Османской империи. Наибольший вклад в него внесли Ф. Авриль и Л. Барнабе. Иезуит Луи Барнабе, дислоцировавшийся в Диярбакыре²⁸, по собственной инициативе занимался разработкой проекта континентального маршрута в Китай²⁹. Внимание иезуита привлекала и Россия, напомнившая о себе в ходе войны с Османской империей во второй половине 1670-х гг. Для практической реализации проекта к Барнабе в Диярбакыр в 1685 г. был прислан другой французский иезуит – Ф. Авриль. Изучением обстановки иезуиты занялись в Астрахани (добравшись до неё с армянскими купцами). Первым вариантом стал путь по степным рубежам России в Бухару и из неё в Самарканд. Дестабилизация обстановки в степях также заставила иезуитов пересмотреть маршрут³⁰.

Иезуиты продолжили добывать информацию уже в Москве, где получили важные сведения для формирования европейских представлений о пути из России в Китай. Их источниками стали торговцы, прибывшие с сопредельных территорий, а также записки Н. Спафария³¹ (одной из ключевых фигур для формирования представлений о Китае в России и остальных частях Европы), полученные ими из некоей канцелярии (вероятно, одного из приказов). Сообщения торговцев и данные Спафария помогли не только локализовать сопредельные с Китаем народы и государства (с помощью сопоставления с уже имеющимися у французов сведениями), но также и узнать о шести возможных маршрутах в Китай, 4 из которых проходили через Сибирь³². Тобольск являлся ключевым пунктом для большинства из представленных путей, однако Авриль, очевидно, преувеличивал лёгкость, с которой можно до него добраться (иезуит отводил на это путешествие 3 недели, когда в реальности путешествие затягивалось на несколько месяцев³³).

Московские власти сопротивлялись попыткам иезуитов пробраться на восток и в связи с их языковой принадлежностью Аврилью и Барнабе предлагалось отправиться с Я. Ф. Долгоруковым во Францию³⁴ (Посольский приказ делал большую ставку на миссию Долго-

²⁸ Город на востоке Анатолии.

²⁹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 473.

³⁰ Там же. С. 474.

³¹ Там же. С. 476.

³² *Avril P. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Entreprise a découvrir un nouveau chemin en Chine.* Paris, 1692. P. 170–175.

³³ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 471.

³⁴ Пирлинг П. Указ. соч. С. 477.

рукова³⁵ и возвращение с ним иезуитов, вероятно, могло ей поспособствовать). Иезуиты отказались от подобной участи, а Людовик XIV, всячески официально поддерживая деятельность ордена, ограничился лишь выдачей им официальных грамот. Аврилю удалось вернуться в Москву в 1688 г. с королевскими письмами, что способствовало обсуждению его проекта, однако путешествию мешали русско-китайские приграничные конфликты, широко известные и самому Аврилю³⁶. Переговоры, которые с китайской стороны вёл другой французский иезуит – Ж.-Ф. де Жербильон, речь о нём пойдёт ниже, завершились подписанием Нерчинского мира 1689 г.

Тем не менее карта, опубликованная Аврилем, считается копией с карты, составленной Н. Спафарием в ходе его миссии в Китай³⁷. Показателен подход иезуита к определению границ. Сама карта имеет очевидное смещение на север (Тюмень, Сургут и другие сибирские города оказываются севернее Холмогор, практически на берегу Северного Ледовитого океана). Важно отметить, что копировавший карту автор включает весь запад России в европейский регион (вплоть до Перми Великой). Вероятно, такой подход возникает в связи с фиксированием европейской границы по реке Дон и дальнейшей трансляцией её по прямой линии. Несмотря на полностью искажённую на севере Сибири картину, карта давала представления о маршрутах из России в Китай: названия городов и населённых пунктов даны достаточно точно, указана дорожная связь между ними, протекающие рядом реки, в целом точные очертания Евразии на южных границах России. Новые географические данные позволяют Аврилю отказаться от доминировавшего представления о единой Великой Тартарии, существовавшего в сочинениях европейских географов со Средних веков, разделяя её на разные регионы (как степные и пустынные, так и на лесные и омываемые крупными реками)³⁸. Интересен и тот факт, что иезуит находит занимательной концепцию, перенятую им у смоленского воеводы И. А. Мусина-Пушкина, о древнем заселении Америки через преодоление морской преграды между восточной оконечностью Азии и территориями Нового Света³⁹. Цитируемое в нашей работе сочинение Авриля увидело свет в 1692 г. и вскоре было переведено на голландский и

³⁵ *Флоря Б.Н.* Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. №2. С. 139–146.

³⁶ *Avril P.* Op. cit. P. 169.

³⁷ *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 456.

³⁸ *Avril P.* Op. cit. P. 207.

³⁹ *Ibid.* P. 210–212.

немецкий⁴⁰, став достоянием западноевропейской географии, передавая актуальные русские географические представления.

На другой стороне Евразии проблемой сухопутного пути занимался уже упоминавшийся коллега Ф. Авриля Ж.-Ф. де Жербильон, действующий при дворе Канси. Основой сведений Жербильона стали московские дипломаты, заключавшие Нерчинский договор 1689 г., а также доступная при дворе императора Поднебесной информация⁴¹. В отличие от Авриля, нашедшего в Москве многочисленные сведения о Сибири, Жербильон транслирует сложившиеся стереотипы: оперирует понятием Великой Тартарии, описывает сибирские земли как пустыню, крайне сокращает продолжительность пути из европейской части России в Сибирь (от Москвы до Тобольска, с точки зрения автора, можно добраться всего за 20 дней)⁴². Впрочем, несмотря на трансляцию стереотипов о Тартарии, Жербильону удаётся точно передать названия основных точек маршрута: от Нерчинска до Селенгинска (острог на берегу Селенги), по Ангаре в Кетский острог, откуда по Оби в Иртыш и до Тобольска⁴³, но сам труд Жербильон, несмотря на свою известность в отношении изучения сибирского пути в Китай, даёт намного меньше сведений, чем сочинение Авриля.

Отдельно от своих коллег сведения о русском пути в Китай пытался найти де ла Невилль. Ему покровительствовал король Речи Посполитой Ян Собесский, отправив с польскими представителями в Россию в 1689 г., где, выполняя свои собственные задачи, де ла Невилль успел познакомиться с многими видными деятелями времён регентства Софьи. Одним из них был уже упоминавшийся Н. Спафарий. Для де ла Невилля Сибирь переводится со славянского языка как тюрьма и её освоение он связывает с деятельностью сосланных⁴⁴ (в отличие от концепции Авриля о вольной казачьей колонизации⁴⁵). Рассказы Спафария позволили иезуиту отметить два важных момента: что путь из Москвы до Китая составляет 5 месяцев (что, безусловно, быстрее морского пути из Европы в Китай), а преодолевать его так же удобно, как путешествовать по Европе⁴⁶ (вероятно, стоит учитывать сомнительное качество многих европейских дорог XVII в.). Однако кон-

⁴⁰ Пирлинг П. Указ. соч. С. 481.; Алексеев М. П. Указ. соч. С. 455.

⁴¹ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 475.

⁴² Жербильон // Алексеев М. П. Указ. соч. С. 478; 482.

⁴³ Там же. С. 478–480.

⁴⁴ Невилль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 523.

⁴⁵ См. Avril P. Op. cit. P. 166–167.

⁴⁶ Невилль де ла. Указ. соч. С. 527.

кретные данные о своём маршруте Спафарий давать иезуиту отказался. Так как посланный от польского короля де ла Невилль не имел первостепенной цели сбора информации о пути в Китай, то и его заметки, изданные в 1698 г., остались второстепенным для Европы источником.

Несмотря на экономический и политический подъём Франции к концу XVII в., основными стимулами для поиска пути в Китай для французов оставались религиозные мотивы, выразившиеся в деятельности иезуитов. Торговля была для иезуитских авторов важным вопросом, но окрашенная теми же религиозными мотивами: при обращении к теме торговли иезуиты уделяют особое внимание противодействию католикам голландцев-протестантов, а не самого русского правительства⁴⁷. Несмотря на упоминания драгоценных металлов в Сибири, чаще всего регион представлялся иностранцам экономически неперспективным (менее богатым, чем, например, Канада⁴⁸) и имел исключительно транзитное значение.

Тем не менее иезуитские методы позволяли держать Францию и Европу в курсе новых географических представлений России: путешествие Спафария произошло в 1675–1678 гг., а уже в 1692 г. его работы были изданы Аврилем на французском языке, что демонстрирует включение русского эмпирического опыта в европейскую систему знаний ранее петровских преобразований. Таким образом, католическая религиозная экспансия оставалась важным фактором в открытии новых географических знаний, в т.ч. и связанных с территорией России.

Библиография

1. *Акимов Ю. Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 567 с.
2. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII в.в. Иркутск: ОГИЗ Иркутское областное издательство. 424 с.
3. *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Междунар. отношения, 1991. 378 с.
4. *Валлерстайн И.* Мир-система модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 528 с.
5. *Велевенкамт Я. В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: РОССПЭН, 2006. 312 с.
6. *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию 1586 года. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.

⁴⁷ *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 453; *Невилль де ла.* Указ. соч. С. 524.

⁴⁸ *Жербильтон.* Указ. соч. С. 482.

7. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
8. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 411 с.
9. Северная Евразия в картографии античности и средних веков / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов, А. А. Фролов. М.: Аквилон, 2017. 528 с.
10. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991. 167 с
11. Манин Д. О. Развитие торгового вопроса в русско-французских отношениях второй половины XVII века // *Clio Moderna: проблемы всемирной истории Нового и Новейшего времени*. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. С. 98–99.
12. Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // *Русская старина*. 1902. Т. 111. С. 473–483.
13. Сауд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: «Русский Мирь», 2006. 637 с.
14. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.
15. Флоря Б.Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // *Средние века*. 2018. №2. С. 139–146.
16. Avril P. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Entreprise a découvrir un nouveau chemin en Chine. Paris: Chez Claude Barbin, Jean Boudot, George et Louise Josse, 1692. 406 p.
17. Brook T. Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. London: Bloomsbyry Press, 2008. 271 p.
18. Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité: L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: IMSECO-Institut d'études slavs, 1991. 170 p.
19. Roy P. Louis XIV et le seconde siège de Vienne (1683). Paris: Éditions Champion, 1990. 215 p.
20. Sarmant T. 1715: La France et le monde. Paris: Perrin, 2017. 576 p.
21. Tavernier J.-B. Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier. Paris, 1676. 756 p.

А.Е. Пылаева¹
Екатеринбург

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА
В СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ –
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА)**

В середине – второй половине XVIII в. Урал стал центром массовых социальных движений. В историографии утвердилось мнение о том, что уральские приписные крестьяне принимали активное участие в волнениях 1750-1760-х гг. и движении Е. Пугачева. Недовольства охватили многие уральские заводы, но адаптация приписных крестьян к заводской жизни стала одним из важнейших факторов их неоднозначных позиций в ходе социальных протестов. В статье на примере Ревдинского завода рассматривается феномен разделения приписных крестьян на «старых» и «новых» во взаимосвязи с процессом складывания рабочей силы и условиями заводской жизни на протяжении XVIII в.

Ключевые слова: уральские заводы, Демидовы, заводское население, формирование рабочей силы, мастерские люди, приписные крестьяне, социальные движения на Урале, восстание Е. Пугачева

A.E. Pylaeva
Yekaterinburg

**TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF THE URAL PEASANTS IN
THE SOCIAL MOVEMENTS OF THE MIDDLE - SECOND HALF OF
THE XVIII CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE REVDINSKY PLANT)**

In the middle - second half of the 18th century. The Urals became the center of mass social movements. In historiography, the opinion was established that the Ural peasants took an active part in the unrest of the 1750s and 60s. and the movement of E. Pugachev. Discontent gripped many Ural factories, but the adaptation of the peasants assigned to factory life became one of the most important factors in their controversial positions in the course of social protests. Using the example of the Revda plant, the article examines the phenomenon of dividing the assigned peasants into “old” and “new” in connection with the process of the formation of the labor force and the conditions of factory life during the 18th century.

Keywords: Ural factories, Demidovs, factory population, labor force formation, artisans, registered peasants, social movements in the Urals, E. Pugachev’s uprising.

Середина – вторая половина XVIII в. для уральских заводов стала временем социальных возмущений – горнозаводские предприятия были охвачены волнениями приписных крестьян и пугачевским восстанием. Советские исследователи проявляли повышенный интерес к социальным потрясениям на Урале, в рамках марксистской парадигмы заводы зачастую использовались как примеры классовой борьбы и как иллюстрация «идеальных» конструкций исторической реальности.

¹ *Пылаева Анастасия Евгеньевна* – магистрант УГИ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. E-mail: anastasia.pylaeva11@gmail.com

В советской историографии уральские волнения 1750–1770-х гг. выступали в качестве подтверждения концепций раннего и позднего генезиса капитализма, при этом исследователи не учитывали особенностей состава рабочей силы на отдельных предприятиях и степень реальной вовлеченности рабочих и приписных крестьян в социальные движения. Некоторые историки, например А.С. Черкасова², пытались характеризовать социальные выступления на уральских заводах как первые всплески рабочего движения и проявления классовой борьбы – заводское население представлялось в виде «безличных рабочих масс», действующих по заданному образцу. Однако историческая реальность была сложнее и многообразнее – заводские общества не являлись однородными и имели свои особенности, проявившиеся уже в процессе формирования состава рабочей силы.

На протяжении первой половины XVIII в. на уральских заводах происходил активный процесс складывания рабочей силы, одним из важнейших источников которой были приписные крестьяне, к середине XVIII в. составлявшие заметную часть рабочих кадров большинства горнозаводских предприятий. Следовательно, социальные движения 1750–1770-х гг. не носили характера зарождающегося рабочего движения, а в значительной степени являлись волнениями приписных крестьян. Но несмотря на это, степень активности и реальной вовлеченности приписных крестьян была довольно разнообразной вследствие существования феномена «старых» и «новых» приписных. Под влиянием различных факторов на уральских заводах не сложилось целостной общности приписных крестьян. К середине XVIII в. приписные разделялись на две категории: «старые» – крестьяне, интегрированные в заводское общество к 1750-м гг.; «новые» – крестьяне, оказавшиеся при заводах после очередной волны приписки середины XVIII в.

В связи с особенностями складывания состава рабочей силы Ревдинский завод, основанный Акинфием Демидовым в 1732–1734 гг.³, является показательным примером существования феномена «старых» и «новых» приписных и его влияния на степень вовлеченности ревдинских мастеровых и работных людей в социальные движения середины – второй половины XVIII в.

В 1730–1740-х гг. на Ревдинском заводе происходил активный процесс складывания категории мастеровых и работных людей. Рабочие кадры формировались из различных источников – «пришлые люди»,

² Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке. М., 1985. С. 202.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 575. Л. 112.

крестьяне, переведенные из вотчин, купленные крепостные крестьяне, приписные крестьяне. После раздела наследства Акинфия Демидова (1758 г.)⁴ к заводам Ревдинской части официально были определены Аятская и Краснопольская слободы, еще с 1703 г. являющиеся приписными к заводам Демидовых. В силу данного обстоятельства большинство аятских и краснопольских крестьян изначально принадлежали к категории «старых» приписных. Несмотря на то, что Аятская и Краснопольская слободы были приписаны к Ревдинскому заводу только в конце 1750-х гг., фактически уже в 1730–1740-е гг. слободские крестьяне являлись одним из основных источников формирования рабочей силы Ревдинского завода.

По материалам переписей^{5 6} и ревизий⁷ прослеживается, что приписные крестьяне преимущественно Аятской слободы в течение второй четверти XVIII в. стабильно переводились на Ревдинский завод и входили в состав работных людей. Немаловажно, что из приписных слобод на завод переводили и женщин, что способствовало складыванию крестьянских семей и влияло на появление некой «заводской оседлости» приписных крестьян. Следовательно, особенности складывания рабочей силы привели к тому, что к середине XVIII в. на Ревдинском заводе существовала довольно многочисленная категория «старых» приписных крестьян, которые уже были интегрированы в заводское общество и за несколько десятилетий привыкли к условиям труда и своему положению при горнозаводском предприятии.

Преобладание «старых» приписных на Ревдинском заводе способствовало тому, что ревдинские рабочие и крестьяне имели низкую степень вовлеченности в социальные движения середины – второй половины XVIII в.

В исторических исследованиях при рассмотрении волнений уральских приписных крестьян 1750–1760-х гг. зачастую не обращается пристальное внимание на умеренный характер требований, выдвигаемых «старыми» приписными крестьянами в челобитных. Например, в работе «Горнозаводские центры и аграрная среда в России» И.В. Побережников при рассмотрении комплекса челобитных приписных крестьян уральских заводов не акцентирует внимание на отсутствии в челобитных радикальных требований, мимоходом упоминая, что крестьяне не требовали ликвидации приписки к заводам –

⁴ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М., 1949. С. 239–240.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1127. Л. 1–252.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2316. Л. 1–223.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2317. Л. 1–541.

«в челобитных высказывается ряд микропретензий, удовлетворимых в принципе при сохранении приписной системы»⁸.

В волнениях 1760-х гг., как отмечает А.С. Орлов, недовольства ревдинских крестьян «носили эпизодический характер и не отразились на ходе производства»⁹. В 1762 г. происходили отдельные случаи отказа приписных крестьян Ревдинского завода от работы: например, приказчик Ревдинского завода Я. Егоров доносил в комиссию А.А. Вяземского, что «25 и 26 сентября 1762 г. Аятской слободы крестьяне, находящиеся при Ревдинском заводе в куренных работах, в дома свои бежали»¹⁰ и указывал, что главным зачинщиком неповиновения крестьян был Д. Бабинов, который «подбивал крестьян заработать не приниматься, а лучше за Волчью гору убираться и в том стоять, как другие слободы и также не работать»¹¹. Но подобные ситуации не были массовыми и не привели к реальному участию приписных в волнениях. Активность приписных Аятской слободы проявилась исключительно в виде попытки подачи челобитной о злоупотреблениях заводчиков в комиссию А.А. Вяземского.

Данная челобитная¹² является иллюстрацией преобладания на Ревдинском заводе «старых» приписных крестьян. При рассмотрении требований приписных крестьян Аятской слободы, выдвигаемых в челобитной, можно заметить, что они носили довольно умеренный характер, не отражали каких-либо радикальных настроений и, самое главное, не содержали намерений каких-либо кардинальных изменений положения приписных крестьян, а были нацелены на изменение отдельных условий заводского труда. Например, крестьяне были недовольны необходимостью выполнения заводских работ во время земледельческого сезона: «сверх подушного оклада по нарядом Ревдинской канторы находимся каждогодно у сплаву Ревдинской до Егошихинской пристани с железом коломенок человек по 40 – 50 в самое рабочее для хлебопашества время», или сверхурочными заводскими работами, которые не оплачивались: «да к тем же кучам ка-

⁸ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX вв.). М., 2000. С. 200.

⁹ Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 106.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Челобитная крестьян Аятской слободы с деревнями, приписанных к Ревдинскому заводу Демидовых, в следственную комиссию А. А. Вяземского о злоупотреблениях заводской администрации / публ. А. С. Орлова // Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 240–241.

ждой по принуждению заводских контор сверх 20-саженного числа употребляем без всякого за подушный оклад зачету»¹³.

После волнений 1750–1760-х гг. приписные крестьяне демидовских заводов, в том числе и Ревдинского, участвовали в выборах в «екатерининскую» Уложенную комиссию. Иллюстрацией преобладания на уральских заводах «старых» приписных крестьян может служить и «Наказ провинциальному депутату в Комиссию по составлению проекта нового Уложения Федору Ермакову от приписных крестьян Екатеринбургского ведомства»¹⁴, составленный в 1767 г. от имени приписных крестьян всех слобод, в том числе Аятской и Краснопольской.

«Наказ» содержит основные недовольства приписных условиями выполнения заводских работ. Крестьяне были недовольны размером своего подушного оклада – «по одному рублю по семьдесят по три с половиною копейки»; отсутствием оплаты за «прохожие дни» от слободы до завода – «для отправления оных заводских работ ходим мы на заводы из домов своих расстоянием в передней путь по сту и двести верст, за которые проходные дни платы никакой нам не зачитаетца»; необходимостью платить подушный оклад за нескольких душ – «за умерших, престарелых, больных, малолетних, беглых и сосланных по разным делам в ссылку на поселение в Сибирь, за которых случается годному одному заработать за негодных за одну, за две и за три души»¹⁵.

В соответствии со своими недовольствами приписные крестьяне давали наказ выбранному депутату Ф. Ермакову, что необходимо «просить» для приписных крестьян при составлении нового Уложения: «всем приписным к казенным и партикулярным заводам крестьянам, за отправляемые нами при тех заводах разные заводские работы по рассмотрению зачету прибавить, также и за прохожие дни положить зачет по законам; заводские ж работы ... чтоб единственно работать из нас одним только годным в работу, а с протчих вышеописанных крестьян ... взыскивать оклад (не зарабатывать) одними деньгами»¹⁶. То есть недовольства и просьбы, изложенные в «Наказе», также имели довольно умеренный характер и были направлены исключительно на улучшение существующих условий заводского труда приписных крестьян.

¹³ Там же, С. 241.

¹⁴ Наказ провинциальному депутату в Комиссию по составлению проекта нового Уложения Федору Ермакову от приписных крестьян Екатеринбургского ведомства / публ. Б. Б. Кафенгауза // История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М., 1949. С. 499.

¹⁵ Там же, С. 499.

¹⁶ Там же, С. 499.

В совокупности требования приписных, изложенные в челобитной и «Наказе», показывают, что большинство крестьян уральских предприятий, в том числе и Ревдинского завода, принадлежало к категории «старых» приписных, для которых заводские работы являлись частью их привычного образа жизни. Следовательно, степень их вовлеченности в волнения 1750–1760-х гг. была низкой, потому что они не преследовали цель коренного изменения своего положения при заводах.

Преобладание «старых» приписных крестьян и их включенность в заводскую среду повлияла и на слабое участие заводских рабочих в восстании Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг. Цели и требования, выдвигаемые пугачевцами, являлись неактуальными для большинства заводских рабочих и приписных крестьян. Несмотря на то, что Ревдинский завод входил в район деятельности повстанческого отряда во главе с И.Н. Белобородовым, на заводе существовало пассивное сопротивление повстанцам. Мастерские и работные люди Ревдинского завода не стремились к сотрудничеству, а тем более к поддержке повстанцев, как это происходило на других заводах. Ревдинский завод оказался занятым отрядом И. Белобородова не из-за стремления жителей поддержать пугачевцев и бороться вместе с ними, а вследствие того, что рабочие и крестьяне не смогли бы оказать сопротивление восставшим: «здешним жителям по неимению оружия и недостатку людства сопротивление сделать было не можно, ибо по приказанию от команды лучшие люди с лишним 200 человек, и все огненное оружие и копыя до того посланы были к команде господина капитана Ерапольского в Екатеринбург»¹⁷. Следовательно, ревдинские мастера и работные люди и приписные крестьяне не являлись активными участниками восстания 1773–1775 гг. – «кадровые» мастера занимали антипугачевскую позицию, а приписные крестьяне – выжидательную.

Таким образом, на Ревдинском заводе в результате процесса складывания рабочей силы наглядно проявился феномен «старых» и «новых» приписных крестьян. Заметная часть рабочих кадров, как работные, так и мастерские люди, принадлежала к категории «старых» приписных крестьян, интегрированных в заводское общество и считающих заводские работы частью своей привычной жизни. Данное обстоятельство значительно повлияло на слабую степень вовлеченности ревдинских рабочих и приписных крестьян в социальные движе-

¹⁷ *Редин Д. А.* Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург, 2019. С. 246.

ния середины – второй половины XVIII в. (волнения 1750–1760-х гг. и восстание Е. Пугачева) и их особую позицию, выраженную в отсутствии радикальных настроений и умеренности требований, направленных только на частичное изменение условий заводского труда.

На примере Ревдинского завода мы видим существование феномена разделения общности тружеников заводских предприятий, оказавшего влияние на то, что уральские социальные потрясения середины – второй половины XVIII в. не являлись волнениями с высокой степенью вовлеченности приписных крестьян и заводских рабочих, а социальный протест, продемонстрированный в форме челобитных и прошений, отличался сдержанностью и не преследовал целей кардинальной трансформации положения приписных крестьян при уральских заводах.

Библиография

1. Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. М., 1969. 359 с.
2. Бородина Е. В. Социальная структура горнозаводского Урала в 1720–1730-е гг.: границы и маркеры стратификации // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. 2015. С. 35–41.
3. Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX вв.). М., 2000. 261 с.
4. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М., 1949. 523 с.
5. Мосин А. Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012. С. 191.
6. Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. 263 с.
7. Редин Д. А. К вопросу о характеристике социального протеста уральских вечнотданных в 1760–80-х гг. // Проблемы истории России. 1996. Вып. 1: От традиционного к индустриальному обществу. С. 162–174.
8. Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург, 2019. 284 с.
9. Смирнов С. С. Государственное регулирование труда приписных крестьян на горных заводах Урала в XVIII–XIX вв. // *Magistra vitae*: журнал по историческим наукам и археологии. 1992. № 2. С. 3–11.
10. Смирнов С. С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. 160 с.
11. Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3. С. 158–166.
12. Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII веке. М., 1985. 247 с.

С. М. Рябов¹
Екатеринбург

МЕСТО И СТАТУС СМОЛЕНСКОЙ ШЛЯХТЫ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XVII–XVIII вв.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье делается попытка освещения основных проблем и вопросов изучения смоленской шляхты как военно-служилой корпорации и Смоленщины как особого региона в рамках политики российского правительства XVII–XVIII вв. Происходит обращение к историографическому наследию изучения смоленской тематики указанного периода, а также осуществляется обзор новых исследований. Утверждается, что без обращения к историческим источникам, постановки их во главу угла изучения проблематики дальнейшего исследования тем, связанных со смоленской шляхтой, становится невозможным. Кроме того, реконструируется путь, его основные точки, которые смоленская шляхта как военно-служилоя корпорация и Смоленщина как особый регион прошли с середины XVII в. до екатерининских преобразований второй половины XVIII столетия.

Ключевые слова: Смоленщина, смоленская шляхта, XVII в., XVIII в., военно-служилоя корпорация, Северная война, геополитика.

S. M. Ryabov
Yekaterinburg

PLACE AND STATUS OF THE SMOLENSK GOVERNMENT IN THE POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE XVII – XVIII CENTURIES: TO THE QUESTION STATEMENT

The article attempts to highlight the main problems and issues of studying the Smolensk gentry as a military-service corporation and the Smolensk region as a special region within the framework of the policy of the Russian government in the 17th-18th centuries. There is an appeal to the historiographic heritage of the study of Smolensk topics of the specified period, and a review of new research is carried out. It is argued that without turning to historical sources, placing them at the forefront of the study of problems, further research of topics related to the Smolensk gentry becomes impossible. In addition, the path is being reconstructed, its main points, which the Smolensk gentry as a military-service corporation and the Smolensk region as a special region, passed from the middle of the 17th century. before Catherine's transformations of the second half of the 18th century.

Keywords: Smolensk region, Smolensk gentry, XVII century, XVIII century, military service corporation, Northern War, geopolitics.

Обратившись к теме провинциального дворянства, немецкий исследователь Л. Эррен заметил: «Вряд ли стоит ожидать прорыва в изучении этой темы до тех пор, пока не улучшится ситуация с источниковой базой. В дальнейшем историкам придётся более активно осваивать архивные материалы, которые освещают сферы жизни «низового» дворянства, включая воинскую службу и провинциальный быт»². С таким комментарием трудно не согласиться. Действительно,

¹ *Рябов Сергей Михайлович* – лаборант-исследователь. ЛЭА УГИ УрФУ. Екатеринбург. Россия. E-mail: sergeuryabov1997@gmail.com

² *Эррен Л.* Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М., 2012. С. 88.

несмотря на некоторый подъём такого направления в отечественной исторической науке, как «история элит», сформированной во многом трудами М. Раева³ и Ю. М. Лотмана⁴, многие темы остаются почти без внимания на современном этапе развития исторической науки.

Одной из таких тем является смоленская шляхта – военно-служилая корпорация северо-запада России, существовавшая в рамках отечественного пространства с момента присоединения Смоленска в 1654 г.⁵ вплоть до екатерининских преобразований. Малоисследованной является и тематика Смоленщины как особого региона в составе России второй половины XVII – XVIII вв. Интересно, что гораздо большего внимания Смоленщина и смоленская шляхта удостоились применительно к первой половине XVII в., временам владычества на Смоленской земле Речи Посполитой⁶. Особо выделяется период Смуты⁷. Кроме того, детального рассмотрения была удостоена родословная смоленского дворянства⁸. Нельзя не отметить работы по истории смоленского купечества⁹ и городского управления XVII–XVIII вв.¹⁰.

³ *Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.*

⁴ *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.*

⁵ *Орловский И. И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 110–156.*

⁶ *Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.*

⁷ *Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М., 1994; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005; Тюменцев И. О. Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. № 8. 2017. С. 402–408; Молочников А. М. Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.*

⁸ *Думин С. В., Гребельский П. Х. Дворянские роды Российской империи: В 5 т. М., 1994–2009; Смоленское дворянство. Вып. 1: Родословные очерки. М., 1997; Шпиленко Д. П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 1. М., 2006; Вып. 2. М., 2009; Вып. 3. М., 2014.*

⁹ *Беспалёнок Е. Д. Таможенные книги Смоленска и Вязьмы как источник по истории западнорусского купечества XVII века // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 56–63; Беспалёнок Е. Д. Купечество XVIII века в условиях военных постоев (по материалам Смоленска и Вязьмы) // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г. СПб., 2005. Ч. 1. С. 41–45.*

¹⁰ *Купченко К. В., Никитина Н. В. История городского управления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX вв. Смоленск, 2011; Никитина Н. В., Купченко К. В. Повседневность малых городов российской провинции конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Смоленской губернии). Новосибирск, 2015.*

Среди крупных исследований по XVIII в. можно выделить лишь работу М. М. Богословского¹¹, а большим обобщающим трудом по смоленской шляхте в целом является лишь сборник под редакцией Б. Г. Фёдорова, который объединил основные работы по теме, а также некоторые документы по истории корпорации¹². Интересный взгляд предлагает Н. Н. Петрухинцев в своей статье о власти и дворянстве на национальных окраинах, в которой содержится материал и по Смоленщине XVIII в.¹³ Исследователь называет данный и другие похожего типа регионы «внутренними перифериями», следуя за терминологией мир-системного анализа И. Валлерстайна¹⁴.

В данной же работе нам хотелось бы обратить внимание на проблематику Смоленщины и смоленской шляхты как военно-служилой корпорации, её быта и военной службы. По нашему мнению, именно подход «от источника» в условиях отказа от методологического «монизма»¹⁵ может дать развитие данной темы. Пользуясь наработками в такой научной сфере исторической науки, как изучение влияния геополитической конкуренции на положение военно-служилых корпораций¹⁶, в дальнейшем можно проследить, как Северная война и её окончание повлияли на состояние смоленской шляхты.

Смоленский край на начало XVIII в. являлся одним из регионов, сохранивших части автономных прав, хотя и был территорией России уже полстолетия. Смоленщина вошла в состав Русского царства по итогам войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг.¹⁷ За полвека на её территории уже начало существовать российское землевладение, а некоторые части земли использовались для раздачи служилым людям полков «нового строя»¹⁸. В то же время существовал обширный слой смоленской шляхты, помнившей о шляхетских вольностях времён Речи Посполитой. Обладание таким крепким самосознанием, неразрывно

¹¹ *Богословский М. М.* Смоленское шляхетство в XVIII веке // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 55–80.

¹² Смоленская шляхта. В 2 т. Смоленск, 2010.

¹³ *Петрухинцев Н. Н.* Власть и дворянство на национальных окраинах в 1720–1730-е годы // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 89–115.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 7.

¹⁶ *Киселев М. А., Лазарев Я. А.* Военно-служилые корпорации Юго-Запада и мобилизационная политика российского правительства в 1740-е – начале 1760-х гг. // Славянский альманах 2019. Вып. 3–4. М., 2019. С. 81–106.

¹⁷ *Орловский И. И.* Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 110–156.

¹⁸ *Петрухинцев Н. Н.* Власть и дворянство на национальных окраинах... С. 93.

связанным в том числе с географической (пространственной) привязкой¹⁹, продлится до конца дней смоленского шляхетства как особой корпорации: даже в екатерининское время мы можем встретить просьбы к императрице от шляхтичей подтвердить их давние права²⁰. Особое положение смоленской шляхты даже под конец её существования подтверждается и Манифестом о вольности дворянства 1762 г.²¹

Особый статус Смоленщины находил своё выражение и в особой системе управления. Прежде всего стоит сказать о Приказе княжества

Смоленского, который являлся центральным государственным учреждением по управлению Смоленским регионом. Приказ возник после ликвидации Приказа Великого княжества Литовского в качестве Смоленского стола Посольского приказа в 1667 г., в год заключения Андрусовского перемирия, по которому «Смоленск со всею Северскою землею» перешёл во владение России²². Затем находился в составе Новгородской и Устюжской четей также под руководством Посольского приказа. В 1672 г. стол был перенесён в Стрелецкий приказ, но уже в 1673 г. получил статус отдельного приказа – княжества Смоленского, оставаясь до 1680 г. под руководством судей Стрелецкого приказа. В 1680 г. вновь передан в подчинение Посольскому приказу вплоть до своего упразднения в 1710 г. Как отмечается исследователями, в ведении приказа были назначение и смена городской воеводской администрации, шляхта, рейтары, стрельцы и посадские люди Смоленщины²³.

Кроме особого приказа, «полуавтономия» Смоленской земли выражалась в наличии особых прав (например выборность полковых командиров), служилой организации у смоленской шляхты как военно-служилой корпорации, которая была организована в особый «полк смоленской шляхты», основу которого составляли мелкие землевладельцы²⁴.

¹⁹ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012; Накишова М. Т. Социальная самоидентификация служилых людей в России во второй половине XVII в.: практики и стратегии социального взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 40–45.

²⁰ Богословский М. М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 78.

²¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.444.

²² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 1. № 398.

²³ Смоленский приказ (Приказ княжества Смоленского). См.: Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 174–175; Богословский М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1906. № 8. С. 221–242.

²⁴ Великанов В. Смоленские полки в Великой Северной войне // Родина. 2013. № 9. С. 53.

Присоединение Смоленщины к Русскому царству ситуацию в целом не изменило, несмотря на выселение части землевладельцев в Башкирию, где начала своё существование другая ветвь смоленского шляхетства²⁵. Скорее, напротив, политика российского правительства к новым присоединённым землям была мягка и взвешенна²⁶. Об этом свидетельствует ряд мер, предпринятых царским правительством после присоединения Смоленщины. Один из первых указов за 1658 г. гласил: жёнам и наследникам погибших смоленских шляхтичей оставлялись их поместья²⁷. В первый год царствования Иоанна и Петра Алексеевичей, в 1682 г., смоленской шляхте была предоставлена грамота о сохранении всех привилегий, данных польскими королями²⁸. В 1682 г. также закрепляется даже монопольное шляхетское владение землёй: «московских чинов людям» запрещается отныне покупать и просить в поместье смоленские земли²⁹. А в 1688 г. выходит именной указ, запрещающий выморочные владения смоленской шляхты отдавать иногородним владельцам и смоленским рейтарам; причислять же их стало необходимо к смоленским дворцовым волостям³⁰. Оттого утверждение Я. А. Соловьёва, высказанное ещё в середине XIX в., смотрится довольно странно: «Весьма понятно, что русские Государи старались изгладить все следы польского владычества. Поэтому, не нарушая прав, предоставленных польскими королями Смоленской шляхте, они пользовались всеми случаями слить польское народонаселение с русским, уничтожив различие в правах, религии и языке»³¹.

Также выглядит и утверждение М. М. Цебрикова той же эпохи о «заботе» Алексея Михайловича о «слиянии» смоленской шляхты с русской³². Тем более такие точки зрения смотрятся неказисто, если исходить из общих наблюдений, подчерпнутых из источников: на протяжении всего XVIII в. представители шляхты пишут латинским шрифтом, иногда подписываются по-польски, носят польский костюм, в котором являются на службу, а также поддерживают тесные

²⁵ Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 612–655.

²⁶ *Никитин П.Е.* История города Смоленска // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск, 2010. С. 34.

²⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 1. № 243.

²⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 2. № 983.

²⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 2. № 935.

³⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 2. № 1299.

³¹ *Соловьёв Я. А.* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск: Свиток, 2010. С. 43.

³² *Цебриков М. М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губерния // Смоленская шляхта. Т. I. Смоленск: Свиток, 2010. С. 46.

взаимоотношения с польскими шляхтичами. Если и говорить об ограничениях, спускавшихся на смоленскую шляхту с высоты российского правительства, то они во многом касались лишь религиозных вопросов, а именно соблюдения «греческой веры» шляхтичами. Именно по данному вопросу в течение XVIII в. правительство довольно часто обращалось к смоленскому шляхетству³³. Однако, по меткому замечанию М. М. Богословского, «все эти ограничения шли, однако, совершенно вразрез с теми вольностями, которыми было наделено это дворянство еще со времени присоединения Смоленска и которых оно не забывало до второй половины XVIII века»³⁴.

С такой историей данная территориальная военно-служилая корпорация входит в XVIII в., где в первые годы петровского правления особо не отличалась от российского дворянского ополчения. Интересные сведения можно подчеркнуть из смотренного списка полка генерал-майора Константина Ляцкого, находившегося на службе в полку боярина Бориса Петровича Шереметева в первом Азовском (т.н. Казы-Керменском или «Икерманском») походе 1695 г.³⁵ По нему можно определить, что часть элиты смоленской шляхты уже была интегрирована в состав российского Государева двора, имея «дворовые» чины. Н. Н. Петрухинцев, в частности, замечает, что «доля членов Государева двора среди смоленской шляхты была не ниже (если не выше), чем у российского дворянства в целом»³⁶. Такое положение вещей, кроме степени интегрированности смоленской шляхты в структуры российского государства, указывало и на особый её статус по сравнению с другими территориальными военно-служилыми корпорациями России.

Однако начало Северной войны и последующие военные и административные реформы Петра I существенно изменили положение смоленской шляхты в рамках Российского государства и положение по сравнению с российскими элитами, претерпевавшими невиданные доселе трансформации. Окончание существования государева двора подорвало особое положение смоленской шляхты среди элит России: отныне государственные чины и чины полка смоленской шляхты получили существенное расхождение в своём статусе.

³³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 8. № 5238; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 4. № 5251; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 4. № 5322; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 4. № 5538; ПСПР. Т. 4. № 1360; ПСПР. Т. 5. № 1738; ПСПР. Т. 5. № 1923; ПСПР. Т. 6. № 2107; ПСПР. Т. 6. № 2119; ПСПР. Т. 8. № 2484; Ровинский К. И. Дело о тридцати шести незаконных браках. Эпизод из жизни смоленской шляхты в XVIII веке // Русский архив. 1909. № 6. С. 161–181.

³⁴ *Богословский М. М.* Смоленское шляхетство в XVIII веке ... С. 59.

³⁵ Смоленская шляхта. Т. II. Смоленск: Свиток, 2010. С. 227–246.

³⁶ *Петрухинцев Н. Н.* Власть и дворянство на национальных окраинах... С. 96.

Именно во время Северной войны военно-служилые корпорации западных окраин России могли быть более всего интересны царскому правительству. В 1705–1709 гг. после избрания Станислава Лещинского на польский престол театр военных действий смещается на территории Польши, Великого княжества Литовского и Украины³⁷. В таких условиях такая военно-служилая корпорация как смоленская шляхта, могла быть полезна русскому правительству во многих отношениях. Во-первых, её представители хорошо знали местность приграничья с Польшей и вполне удачно могли действовать в этих пределах как боевая единица. Во-вторых, многие смоленские шляхтичи знали польский язык, продолжали исповедовать польскую культуру и имели тесные связи с польско-литовским шляхетством Речи Посполитой³⁸, что могло быть использовано русским правительством для склонения польских элит на русскую сторону в метаниях между Карлом XII и Петром I.

По этим двум приведённым причинам было выгоднее сохранить полк смоленской шляхты в том виде, в котором он подошёл к Северной войне, нежели делать из него регулярные воинские части наподобие реформирования русского поместного дворянства. Полк смоленской шляхты привязывается к северо-западному театру боевых действий. Смоленские шляхтичи уже в 1700 г. принимают участие в боевых действиях. В дневнике Л. Н. Алларта, прибывшего от польского короля Августа II к Нарве, находим запись, что к русскому лагерю прибыли «2000 человек Смоленских Поляков, которые преизрядно убраны были лошадьми и ружьём»³⁹. Участие смоленской шляхты в сражении под Нарвой подтверждается именным списком «бельских и рословских шляхтичей, участвовавших в боях за Ругодев»⁴⁰. О мобилизации смоленской шляхты нам говорит и именной список прибывших на смотр в Псков в полк Б. П. Шереметева⁴¹. В 1702–1707 гг. полк участвует здесь в боевых действиях, а в 1708 г. – в сражениях под Головчином и Лесной⁴². Однако после Полтавской баталии 1709 г. и возвращения на польский престол Августа II Сильного полк смо-

³⁷ Великанов В. Смоленские полки в Великой Северной войне // Родина. 2013. № 9. С. 56–57.

³⁸ Ущехо В. Е. Иноязычная лексика в памятниках смоленской письменности конца XVI–XVIII вв. и ее роль в становлении словарного состава смоленского диалекта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2003.

³⁹ Галларт Л. Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году // Северный архив. 1822. № 1. С. 11.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 26. Л. 41 об–55.

⁴¹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 26. Л. 185–199 об.

⁴² Петрухинцев Н. Н. Власть и дворянство на национальных окраинах... С. 97.

ленской шляхты постепенно начинает использоваться для охраны польской границы, подвергаясь мобилизации только лишь во время трудных внешнеполитических кризисов: «польского» в 1716–1717 гг. и «турецких» в 1720-е гг.⁴³

К сожалению, эффективность, проявленная во время Северной войны смоленской служилой корпорацией, а также особенность самой Смоленщины как важного для обороны региона, через который пролегает «большая» дорога на Москву и где обустроилась штаб-квартира Петра, сходит на нет после окончания активных боевых действий. С этого момента смоленская шляхта обрекается на охрану польско-русского порубежья, где от постепенно дряхлеющей Речи Посполитой особых опасностей ждать не приходится. Смоленская шляхта, вернее, большая её часть в виде мелкопоместных землевладельцев вступает в почти полувековую историю своего упадка.

По этому поводу примечателен один эпизод из истории русско-польской границы, описываемый в работе М. А. Киселёва и Я. А. Лазарева по военно-служилым корпорациям Юго-Запада России времён царствования Елизаветы Петровны. В своей статье исследователи отмечают по отношению к данному региону, что «пограничным командирам следовало проявлять особую бдительность, а также организовать сбор разведывательных данных». Далее следует описание эпизода из жизни русско-польского пограничья. Посланный Смоленской губернской канцелярией смоленский дворянин (шляхтич) Иосиф Краевской утверждал, что после общения с представителями польской шляхты имеются сведения, что «о начатии войны с Российской империею от поляков намерения, також и о выданных о том никаких манифестов нет». Когда узнали о разведывательных делах Смоленской губернской канцелярии в Коллегии иностранных дел, было решено сделать выговор за такую дилетантскую деятельность. Более того, в выговоре, который и последовал за 1743 г., говорилось, что вообще не стоит посылать в Речь Посполитую людей, выспрашивающих о возможной войне, «ибо между Польши и России не находится таких причин и распрей, за что б поляки войну против России начинать имели». В конце указывалось на наличие в Речи Посполитой резидента, который и должен обо всём доносить в Петербург⁴⁴.

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Киселев М. А., Лазарев Я. А. Военно-служилые корпорации Юго-Запада и мобилизационная политика российского правительства в 1740-е – начале 1760-х гг. // Славянский альманах 2019. Вып. 3–4. М., 2019. С. 87–88; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 95. Л. 45–45 об; Там же. Л. 56–57.

Эпизод весьма красочно описывает то состояние, к которому пришла смоленская служилая корпорация за чуть более 20 лет со времени её подвигов на полях баталий Северной войны. В отличие от алармистских настроений по поводу Юго-Запада России⁴⁵ на северо-западных рубежах империи никакой особой геополитической конкуренции уже не чувствовалось.

Свою роль в упадке смоленского шляхетства, как не парадоксально, сыграла всё та же Северная война. За время кампании 1708 г. западные части Смоленщины были выжжены и опустошены. Губернатор П. С. Салтыков позднее доносил о запустении 9445 дворов. Сильнее всего, как отмечают исследователи, пострадали юго-западные районы Смоленщины, являвшиеся базой смоленской шляхты, тогда как Дорогобужский и Вяземский уезды с крупными вотчинами московской знати (Головины, Салтыковы, Шереметвы, Шафировы) оказались почти не тронутыми⁴⁶.

После войны социально-экономическое расслоение на аристократию и мелкопоместную шляхту ещё более усилилось. В конце концов, в царствование Елизаветы Петровны богатые шляхтичи, имевшие от 300 и более душ, были переданы в ведение Смоленской губернской канцелярии, уйдя из подчинения полковому командиру, которым в это время был Я. Вонлярлярский. Интересно, к примеру, рассмотреть доношение этого генерал-майора шляхты в 1751 г. Сенату и ответ на него. Вонлярлярский доносил, что шляхтичи не получают от казны никакой помощи для своей службы, между тем почти все они находятся в бедном состоянии. Не имея крестьян, они обрабатывают землю сами, а по случаю частых неурожаев пришли в совершенно крайнюю бедность, что некоторые охраняют приграничные посты вовсе без оружия. У многих и земли отписаны в казну. Богатые же шляхтичи под предлогом болезни уклоняются от обязанностей. В конце доношения Вонлярлярский просит, чтобы Сенат распорядился таким образом, чтобы богатые шляхтичи хотя бы присылали вместо себя даточных людей со всем вооружением и продовольствием для вспомоществования бедному шляхетству. Сенат, однако, не имея чётких представлений о характере взаимоотношений внутри смоленского шляхетства и роде привилегий, лишь постановил: «к нему Генерал-Майору Вонлярлярскому подтвердить указом, чтоб все служащие в полку Смоленская шляхта при форпостах содержаны были по прежнему их обыкновению оружейные во всякой исправности, и в том за

⁴⁵ Там же. С. 81–106.

⁴⁶ *Петрухинцев Н. Н.* Власть и дворянство на национальных окраинах... С. 98–99.

ними командующими прилежное смотрение иметь, и недорослей того шляхетства, которые в службу годны, определять в полк той шляхты без умедления, дабы оные по возрасте без службы не праздны состояли, а даточных людей, вместо их, в службу не брать, понеже хотя в прежние времена, как он Генерал-Майор объявляет, то и чинено было, но оное происходило до подушного оклада, а над шляхетством же, кои за ссорою с ним Генерал-Майором, по указам в ведомстве Смоленской Губернской Канцелярии состоят, чтоб оные, кроме отставных на форпостах и в прочих по той Губернии в службах в исправности ж содержаны были, и недоросли того Смоленского шляхетства службы не избывали, смотрение иметь той Смоленской Губернской Канцелярии против вышеописанного ж»⁴⁷. После разбора 1756 г. губернатор В. Е. Оболенский доносил правительству: «Хотя все шляхтичи, – доносил губернатор князь Оболенский, – желают служить в своем полку, но за убожеством их не только в платье, в ружье и в лошадях как надлежит шляхтичу исправно себя содержать, но иные из них и пропитания не имеют. Да и при смотре и разборе многие были пешие и в лаптях и в крестьянских серых кафтанах»⁴⁸.

Таким образом, к середине XVIII в. смоленская шляхта как военно-служилая корпорация уже была неспособна нести эффективную воинскую службу. Начав петровское царствование привилегированной военно-служилой корпорацией, смоленская шляхта заканчивала его и вступала в послепетровскую эпоху в качестве утратившей свои прежние позиции во властной элите организацией. Она оказалась во многом в стороне от процессов трансформации российского дворянства, происходивших в том числе вокруг Табели о рангах. Понижение социального статуса, утрата прежних позиций в российской элите, изменение статуса Смоленщины как особого региона и инкорпорация его в систему Российской империи привели к замыканию смоленской шляхты в себе самой и ограждению от российского дворянства. Всё это приводило уже в середине XVIII в. к довольно нелепым просьбам о сохранении давних привилегий, обращённых в Петербург, и противоборству на местах внутри шляхты, наподобие «гонорного» шляхетства Речи Посполитой.

Библиография

1. *Беспалёнок Е. Д.* Купечество XVIII века в условиях военных постоев (по материалам Смоленска и Вязьмы) // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г. СПб., 2005. Ч. 1. С. 41–45.

⁴⁷ ПСЗ. Собр. I-е. Т. 13. № 9922.

⁴⁸ *Богословский М. М.* Смоленское шляхетство в XVIII веке... С. 77.

2. *Беспалёнок Е. Д.* Таможенные книги Смоленска и Вязьмы как источник по истории западнорусского купечества XVII века // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XVIII вв.: сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 56–63.

3. *Богословский М.* Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 8. С. 221–242.

4. *Великанов В.* Смоленские полки в Великой Северной войне // Родина. 2013. № 9. С. 53–57.

5. *Галларт Л. Н.* Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году // Северный архив. 1822. № 1. С. 3–28.

6. *Думин С. В.* Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

7. *Думин С. В., Гребельский П. Х.* Дворянские роды Российской империи: В 5 т. М., 1994–2009.

8. *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М., 1994.

9. *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.

10. *Киселев М. А., Лазарев Я. А.* Военно-служилые корпорации Юго-Запада и мобилизационная политика российского правительства в 1740-е – начале 1760-х гг. // Славянский альманах 2019. Вып. 3–4. М., 2019. С. 81–106.

11. *Купченко К. В., Никитина Н. В.* История городского управления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX вв. Смоленск, 2011.

12. *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М., 2015.

13. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

14. *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

15. *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940.

16. *Молочников А. М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

17. *Накишиова М. Т.* Социальная самоидентификация служилых людей в России во второй половине XVII в.: практики и стратегии социального взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 40–45.

18. *Никитина Н. В., Купченко К. В.* Повседневность малых городов российской провинции конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Смоленской губернии). Новосибирск, 2015.

19. *Ровинский К. И.* Дело о тридцати шести незаконных браках. Эпизод из жизни смоленской шляхты в XVIII веке // Русский архив. 1909. № 6. С. 161–181.

20. *Тюменцев И. О.* Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. № 8. 2017. С. 402–408.

21. *Ущeko В. Е.* Иноязычная лексика в памятниках смоленской письменности конца XVI–XVIII вв. и ее роль в становлении словарного состава смоленского диалекта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2003.

22. *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

23. *Штиленко Д. П.* Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 1. М., 2006.

24. *Штиленко Д. П.* Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 2. М., 2009.

25. *Штиленко Д. П.* Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 3. М., 2014.

26. *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.

Ю.А. Швецов¹
Екатеринбург

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОМ НЕПЛЮЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ПРИ НИКОЛАЕ I

В статье рассматривается история преобразований Оренбургского Неплюевского военного училища в период правления Николая I. На основе историографических материалов, а также законодательных материалов даются развернутый анализ проводимых в этом заведении преобразований, а также оценка проводимых изменений с точки зрения развития военного образования в стране в целом. Наглядно показывается уникальность структуры этого военно-учебного заведения и влияния на нее особенностей территории его расположения.

Ключевые слова: Оренбург, Неплюевское военное училище, П.П. Сухтелен, военно-учебное заведение, Неплюевский кадетский корпус.

Yu.A. Shvetsov
Yekaterinburg

TRANSFORMATIONS AT THE ORENBURG NEPLYUEVSK MILITARY SCHOOL IN THE CONTEXT OF CHANGES IN MILITARY EDUCATION UNDER NICHOLAS I

The article examines the history of the transformations of the Orenburg Neptyuevsky military school during the reign of Nicholas I. On the basis of historiographic materials, as well as legislative materials, a detailed analysis of the transformations carried out in this institution is given, as well as an assessment of the ongoing changes in terms of the development of military education in the country as a whole. The uniqueness of the structure of this military educational institution and the influence on it of the characteristics of the territory of its location are clearly shown.

Keywords: Orenburg, Neptyuevskoe military school, P.P. Suchetelen, military educational institution, Neptyuevsky cadet corps.

Правители Российской империи всегда уделяли большое внимание улучшению состояния своих вооруженных сил. Для этого создавались оружейные заводы, выделялись значительные денежные суммы на закупку необходимого снаряжения, создавалась разветвленная система управления и многое другое. Но помимо всего вышеперечисленного, армию необходимо было непрерывно пополнять квалифицированным офицерским составом. С этой целью в стране создавались многочисленные военно-учебные заведения, которые были расположены как в столицах, так и в провинции. И одним из провинциальных

¹ *Швецов Юрий Андреевич* – магистрант, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: schwetsov.yury@yandex.ru, научный руководитель – д-р ист. наук, профессор В.Н. Земцов.

военно-учебных заведений стало Оренбургское Неплюевское военное училище.

Целью статьи является изучение и анализ преобразований в Оренбургском Неплюевском военном училище в контексте тех изменений в военном образовании, которые были осуществлены в период правления Николая I.

Актуальность исследования состоит в том, что Оренбургское Неплюевское военное училище довольно продолжительное время было единственным на Урале военно-учебным заведением. А для Оренбургской губернии оно до определенного времени было единственным учреждением, где дети могли получить общеобразовательную подготовку. Училище играло важную роль в подготовке офицерского состава Отдельного Оренбургского корпуса, а также готовило чиновников и переводчиков для Оренбургской пограничной комиссии, через которую осуществлялись контакты с государствами Средней Азии. В связи с этим анализ преобразований в этом заведении, изменений его структуры и осуществляемой в его стенах подготовки молодых людей, без сомнения, важен при изучении истории Уральского региона в целом и истории образования в частности.

В историографии преобразования в Оренбургском Неплюевском военном училище и их связь с изменениями в военном образовании в период правления Николая I широкого освещения не получили. В обобщающих работах М.С. Лалаева², П.В. Петрова³, Н.И. Алпатава⁴, С.В. Волкова⁵, Н.Н. Ауровой⁶ и ряда других исследователей по истории военно-учебных заведений можно найти богатый фактический материал о реформах и преобразованиях в этой сфере в целом в исследуемый период. Но в указанных трудах почти нет информации о влиянии этих изменений на развитие Неплюевского военного училища. В свою очередь, в исследованиях, посвященных самому училищу и

² Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. / сост. ген.-майором Лалаевым. СПб., 1880–1892. Ч. 1–3. 464 с.

³ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк / гл. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон; сост. П.В. Петров. СПб., 1902. Ч. 1. 370 с.; 1907. Ч. 2. 246 с.

⁴ Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. 244 с.

⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. 414 с.

⁶ Аузова Н.Н. От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010. 463 с.

подготовленных дореволюционными авторами⁷ и рядом современных, как, например, Г.П. Матвиевская⁸, не столь активно изучалась взаимосвязь устройства этого военно-учебного заведения с преобразованиями системы военного образования в целом. В связи с этим данное исследование является научно значимым, поскольку в нем сравниваются меры по модернизации военного образования в рамках всей страны и особенности развития подготовки офицерских кадров на местах на примере Оренбургского Неплюевского военного училища.

Прежде чем начать анализ преобразований в училище в годы правления Николая I, необходимо остановиться на истории создания этого военно-учебного заведения и предпосылках этого события. Идея создания военного училища в Оренбурге появилась в начале XIX в. в записке графа П.А. Зубова – шефа 1-го кадетского корпуса. Автор записки предлагал императору проект реформы военного образования, в ходе которой предполагалось создать в стране 17 военных училищ для первоначальной подготовки воспитанников. И одно из таких училищ должно было, по замыслу П.А. Зубова, появиться в Оренбурге⁹. Но после обсуждения и доработки первоначальный проект был изменен. И в «Плане военного воспитания» 1805 г. предусматривалось создание только 10 военных училищ, среди которых Оренбургского уже не было¹⁰. Но благодаря настойчивости оренбургского военного губернатора Григория Семеновича Волконского и его преемника Петра Кирилловича Эссена училище все-таки появилось в Оренбурге в 1825 г.

В чем же была уникальность нового военно-учебного заведения? Во-первых, училище находилось под началом оренбургского военного губернатора, но при этом состояло в ведении Совета о военных училищах¹¹. То есть именно оренбургский военный губернатор непосредственно контролировал всю работу учреждения, а Совет осуществлял лишь решение общих вопросов. Во-вторых, в Неплюевское училище принимались отпрыски людей, служащих в иррегулярных войсках Отдельного Оренбургского корпуса, представителей местных племен и народов, находящихся «в прочном подданстве», и других свободных жителей края¹². То есть заведение практически не

⁷ Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург, 1913. 32 с.

⁸ Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. М., 2016. 174 с.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXVI. С. 748.

¹⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXVIII. С. 905.

¹¹ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXIX. С. 50.

¹² Там же.

было сковано сословными рамками, что для России того времени было редким явлением. В-третьих, содержаться Неплюевское училище должно было в основном на местные средства. Основными источниками их пополнения были проценты с накопленного к тому времени основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргиз (казахов), который взимался с 1817 г. за право найма их на работу прилинейными жителями. Предполагалось также, что будут продолжаться частные пожертвования в пользу училища¹³. В-четвертых, в училище, наряду с традиционными для военно-учебного заведения предметами, должен был преподаваться и ряд специфических дисциплин. В стенах заведения изучались основы христианской и мусульманской религий в зависимости от вероисповедания воспитанника, а также русский, французский, немецкий, татарский, арабский и персидский языки. Кроме того, в учебную программу входили история, география, основы естественной истории (т.е. ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям Оренбургского края. Далее следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия. Из военных дисциплин в училище изучались полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, а также военная экзерциция. Курс обучения был рассчитан на 6 лет, по два года в каждом из трех классов: нижнем, среднем и верхнем¹⁴. И, в-пятых, специализация выпускников заведения согласовывалась не только с потребностями военного строительства страны, но и с нуждами самого Оренбургского края. Неплюевское училище должно было готовить гражданских и военных чиновников для службы в Оренбургской губернии, а также переводчиков с восточных языков, потребность в которых была очень велика. После окончания училища дети оренбургских и уральских казаков, а также командного состава военных отрядов башкир и мещеряков зачислялись урядниками на военную службу. А показавшие отличные успехи при изучении восточных языков определялись на службу переводчиками, конфидентами и толмачами в оренбургские пограничные учреждения¹⁵. Таким образом, новое военно-учебное заведение создавалось в значительной степени с учетом местных потребностей, а не только изустановок центральных властей.

Но с чем тогда были связаны новые преобразования в этом учреждении, как и когда они проводились, в чем состояла их суть и к каким результатам они привели? Преобразования в Оренбургском Неплюев-

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXIX. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 54.

ском военном училище можно условно разделить на две группы: крупные и частные. Преобразования первой группы оставили свой след в законодательстве того времени и привели к глубоким изменениям во внутреннем устройстве военно-учебного заведения. Преобразования второй группы приводили лишь к некоторой корректировке деятельности училища, но не влияли на его устройство. Поэтому каждая группа преобразований должна быть охарактеризована по отдельности и сопоставлена с изменениями в военном образовании николаевского царствования в целом.

Начнем с более крупных преобразований в Оренбургском Неплюевском военном училище. К ним в первую очередь относится принятие нового «Положения о Неплюевском военном училище». Необходимость принятия нового «Положения» была подиктована выявленными недостатками учебной программы заведения. Программа оказалась перегружена, что приводило к поверхностному изучению воспитанниками материала и их слабой подготовке по некоторым предметам. В первую очередь это касалось языков. Будущим переводчикам, которым необходимо было основательно заниматься восточными языками, европейские служили лишь дополнительной нагрузкой, а будущим офицерам едва ли были нужны восточные языки и ряд других предметов¹⁶.

В связи с вышеозначенными обстоятельствами руководство училища предложило Совету о военно-учебных заведениях летом 1832 г. распределить воспитанников по двум отделениям: европейскому и азиатскому в зависимости от их дальнейшей специализации¹⁷. Это влекло за собой изменения в учебной программе. В европейском отделении должно было прекратиться преподавание восточных языков, а в азиатском отделении из программы удалялись военные науки, а в математике решено было ограничиться лишь арифметикой. На восточном отделении, кроме татарского, персидского и арабского языков, предлагалось изучать также основы христианства и ислама, русский язык, арифметику, математическую географию, всемирную историю, основы естественной истории и рисование. На европейском отделении не было восточных языков, а из других предметов здесь должны были быть закон Божий, русский, французский или немецкий языки, история, география, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, основы естественной истории, полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение¹⁸.

¹⁶ Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. С. 27–28.

¹⁷ Там же. С. 28–29.

¹⁸ Там же. С.

В октябре того же года, узнав, что проект нового «Положения» получил предварительное одобрение Совета, П.П. Сухтелен, новый военный губернатор Оренбурга, распорядился составить два опытных отделения по шесть воспитанников в каждом и начать в них обучение по новой программе. Но вскоре проект был возвращен руководству училища для доработки. Столичное руководство беспокоилось, не станет ли новая структура заведения препятствием для сближения русского и азиатских народов. На это тогдашний военный губернатор В.А. Перовский отвечал, что разделение относится лишь к учебной части, к комплексу изучаемых воспитанниками предметов, но во всем остальном учащиеся активно взаимодействуют между собой¹⁹. И, наконец, 6 декабря 1840 г. новое «Положение об Оренбургском Неплюевском военном училище» было принято²⁰.

Согласно новому «Положению», было официально закреплено разделение воспитанников на азиатское и европейское отделения, что фактически произошло еще в 1832 г. Для каждого отделения был определен свой перечень предметов²¹, который практически ничемне отличался от предложенного в проекте П.П. Сухтеленом. Кроме того, в заведении появились новые преподавательские должности, а преподавателям языков и математики отныне полагались в помощники младшие учителя²². По своему устройству училище все больше приближалось к кадетским корпусам, что в скором времени приведет к новым преобразованиям. В «Положении» были четко обозначены права выпускников Неплюевского военного училища, причем здесь соблюдался сословный принцип и учитывались успехи в учебе. Дети дворян, окончившие европейское отделение, «особо отличившиеся в науках и поведении» и поступающие в военную службу, определялись офицерами в самые престижные части – казачью конную артиллерию, артиллерийскую пехоту и армейскую кавалерию. Те выпускники, которые шли на гражданскую службу в Оренбургскую губернию, получали чин губернского секретаря, а те, кто должен был служить «вне оной» – только чин коллежского регистратора. Дети дворян, «окончившие курс учения с надлежащими успехами», выпускались в 1-й Оренбургский казачий полк, линейные батальоны и казачьи войска офицерами, а в кавалерию – юнкерами с правом производства в офицеры через 6 месяцев. Точно такие же назначения получали дворяне, отлично окончившие азиатское отделение, а учившиеся менее

¹⁹ Там же. С. 30.47.

²⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. СПб., 1841. Т. XV. Отд. 1. С. 787–793.

²¹ Там же. С. 787, 789–790.

²² Там же. Отд. 2. С. 699.

успешно выпускались унтер-офицерами. Остальные выпускники – представители неподатных сословий – становились офицерами оренбургских линейных батальонов или казачьих войск, направлялись юнкерами и унтер-офицерами в артиллерию и кавалерию с правом производства в офицеры через определенный срок. Выпускники азиатского отделения чаще всего назначались в Оренбургскую пограничную комиссию²³.

При новом оренбургском военном губернаторе В.А. Обручеве в 1844 г. произошло преобразование Оренбургского Неплюевского военного училища в кадетский корпус. Это было частью тенденции николаевского времени, когда ряд давно действующих военно-учебных заведений преобразовывались в кадетские корпуса и по внутреннему устройству становились практически исключительно военными учебными заведениями. Но с Оренбургским Неплюевским кадетским корпусом ситуация несколько отличалась от общероссийской. Согласно новому «Положению», вместо прежних 80 воспитанников в кадетском корпусе отныне должно было обучаться уже 200 учащихся. Правила приема и права воспитанников, окончивших обучение, в Неплюевском кадетском корпусе оставались без изменений. Заведение также подразделялось на два отделения, называвшихся теперь эскадронами. Первый эскадрон принял программу бывшего европейского отделения, а второй – азиатского. Во втором эскадроне в программу вводилось преподавание земледелия и лесного хозяйства, а также предполагалось обучать воспитанников составлению землемерных планов, артиллерийской практике, правилам форпостной и лагерной службы. В обоих эскадронах появился специальный подготовительный класс, как в некоторых других кадетских корпусах. В каждом классе обучение длилось два года, поэтому общий срок обучения стал уже восьмилетним²⁴. Таким образом, несмотря на некоторое изменение структуры, основная задача учреждения – подготовка переводчиков с восточных языков, чиновников и офицеров для местных учреждений и подразделений – оставалась неизменной.

Необходимо рассмотреть частные преобразования в Оренбургском Неплюевском военном училище, а потом кадетском корпусе. К ним в первую очередь стоит отнести кадровые перестановки, а точнее, уход старых преподавателей и приход новых почти по всем предметам в исследуемый период. Случалось это довольно часто, но при этом руководство учебного заведения обычно старалось найти кандидатов либо с высшим образованием, либо среди тех, кто получил специаль-

²³ Там же. С. 701–703.

²⁴ *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. С. 60–61.

ные свидетельства из университетов о достаточных познаниях для занятия вакантной должности.

К частным преобразованиям также стоит отнести развитие в заведении системы наказаний и поощрений. К поощрениям, которые активно использовались в заведении, стоит отнести одобрение и похвалу воспитателя и директора, «награждение нашивкою серебряных позументов на воротнике в виде петличек» и ряд других мер. К наказаниям можно отнести замечание, выговор, стояние на коленях, недопущение к играм и прогулкам, лишение одного или двух блюд, неотпуск в праздничные дни к родственникам, содержание на хлебе и воде, сидение в карцере, наказание розгами и, наконец, исключение из училища²⁵.

К частным преобразованиям относится организация в Оренбургском училище библиотеки и музея. Оба учреждения должны были способствовать прогрессу в обучении воспитанников, более углубленному изучению ими учебных дисциплин и развитию у них интереса к дальнейшей службе на благо страны и Оренбургской губернии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Оренбургское Неплюевское военное училище, а затем кадетский корпус играло важную роль в истории Оренбургского края и Уральского региона в целом. В его стенах готовились как офицеры местных регулярных и иррегулярных частей, так и чиновники и переводчики для местных пограничных и торговых учреждений. Училище имело ряд уникальных черт, которые властям местным начальникам приходилось учитывать при проведении преобразований. Сами преобразования носили как всеобъемлющий характер и приводили к изменению структуры этого военно-учебного заведения, так и частный характер, улучшая учебный процесс, но кардинальным образом не влияя на его структуру. Все это дает основание говорить о важности изучения истории данного военно-учебного заведения и развития военного образования в регионе в целом.

Библиография

1. *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958.
2. *Аурова Н.Н.* От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010.
3. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003.
4. *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. М., 2016.

²⁵ Там же. С. 40–41.

Секция 2
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

А. В. Антошин¹
Екатеринбург

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ
ЭПОХ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСПЕКТОРОВ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.²

Статья посвящена социокультурному облику и общественной деятельности одной из групп региональной бюрократии России периода поздней империи – инспекторов народных училищ. В центре внимания – социокультурные и политические процессы в Вятской губернии, занимавшей промежуточное положение между Поволжьем и Уралом. Статья основана на материалах Национального архива Республики Татарстан, Государственного архива Кировской области, Центра документации новейшей истории Кировской области. Автор доказывает, что инспекторы народных училищ Вятской губернии были одними из главных проводников реализации консервативно-реформистского проекта в регионе, нацеленного на постепенную социально-экономическую трансформацию губернии, модернизацию культурного ландшафта региона.

Ключевые слова: Российская империя, бюрократия, инспекторы народных училищ, Вятская губерния, консервативный реформизм.

A. V. Antoshin
Yekaterinburg

THE PROVINCIAL BUREAUKRACY OF RUSSIA AT THE CURRENT OF
THE EPOCH: SOCIOCULTURAL IMAGE AND PUBLIC ACTIVITIES
OF THE INSPECTORS OF FOLK SCHOOLS IN THE VYATSK GOVERNMENT
IN THE LATE XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES

The article is devoted to social-cultural image and activity of one of the groups of regional bureaucracy in late Russian Empire – inspectors of people's schools. Social-cultural and political processes in Vyatka region (which was situated between Volga and Urals regions) are at the center of attention. The article is based on the materials of Kazan and Kirov archives. The author proves that this group was one of the main activists in process of social, economic and cultural transformation and modernization in the Vyatka region.

Keywords: Russian Empire, bureaucracy, inspectors of people's schools, Vyatka region, conservative reformism.

¹ *Антошин Алексей Валерьевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета. Екатеринбург. Россия. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

² Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Корею и корейской общины Урала)».

Исследователи политической истории предреволюционной России, в частности истории русского либерализма и консерватизма, давно обратили внимание на особое место, которое занимала на политическом ландшафте поздней империи Вятская губерния. Тот факт, что среди уральских губерний она была одним из наиболее значимых центров развития местного самоуправления и формирования институтов гражданского общества, широко известен среди историков. Так, развитие структур земского самоуправления в Вятской губернии было проанализировано еще в труде П.А. Голубева³, изданном в 1901 г. Эта проблематика была продолжена в советской и постсоветской историографии в работах И.И. Стефановой⁴, О.Н. Богатыревой⁵ и многих других авторов. Неслучайно и то обстоятельство, что именно в Кирове в 2002 г. прошел крупный научный форум, посвященный проблемам истории российского земства⁶.

Как показывают исследователи, именно в структурах местного самоуправления набирали опыт общественной деятельности многие представители местной интеллигенции, что и обусловило более раннее и активное, чем в некоторых других губерниях, формирование в Вятской губернии либеральных политических организаций (здесь нельзя не отметить труды И. В. Нарского, Ю. А. Балыбердина, С. А. Лоскутова, А. А. Курасовой, Д. Ю. Пухова⁷ и других авторов). Именно в Вятской губернии, пожалуй, ярче всего на Большом Урале

---

³ Голубев П.А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901.

⁴ См.: Стефанова И.И. Вятское земство в пореформенный период: автореф. дис... канд.ист.наук. Киров, 1973.

⁵ См.: Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861-февраль 1917). Екатеринбург, 2004.

⁶ См.: Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт (Киров, 16-17 декабря 2002 г.): матер. науч.конф. Киров, 2002.

⁷ См.: Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905-1907). Свердловск, 1991; *Он же*. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Екатеринбург, 1995. Ч. 1-2; Балыбердин Ю.А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905-1907 гг.). М., 1994; Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905-1916). Челябинск, 1996; Курасова А.А. Уральские организации политических партий России накануне и в период революции 1905-1907 гг. (по материалам печати): автореф. дис...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Пухов Д.Ю. Общественно-политические позиции легальной демократической прессы Урала в середине 1890-х гг. – феврале 1917 г. (по материалам Вятской и Пермской губерний): автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003 и др.

были представлены и попытки синтеза элементов либерализма и консерватизма, консервативно-реформистские политические проекты.

Впрочем, Вятская губерния всегда была неоднородной: неслучайно И. В. Побережников относит ее к «буферной» территории, тяготеющей как к Уралу, так и к Поволжью⁸. При этом к Уралу в историко-культурном плане были близки Глазовский, Сарапульский и Уржумский уезды, которые как раз не были центрами либерал-консерватизма (за исключением, конечно, торгового Сарапула⁹). Остальные уезды являлись частью Волго-Вятского региона, тяготея к Поволжью, которое в начале XX в. было одним из главных в стране форпостов либерал-консерватизма¹⁰.

Занимаясь одним из либерально-консервативных (или, по терминологии И.В. Нарского, консервативно-реформистских) проектов начала XX в. – историей Партии правового порядка, автор данной статьи обратил внимание на то, что лидерами данной организации в Вятской губернии стали директор народных училищ А. А. Красев, инспекторы народных училищ соответственно Яранского и Слободского уездов С. И. Колосов и Н. Кибардин, почетный смотритель 2-классного Царевосанчурского городского училища (Царевосанчурск – заштатный город Яранского уезда) В. Ф. Булыгин, а также ряд других общественных деятелей.

Конечно, многолетние служебные и личные связи сыграли свою роль в том, что именно эти люди в 1905 г. попытались сформировать одну из первых легальных политических партий в губернии. Но, очевидно, не только этот фактор играл роль. Почему именно эта группа провинциальной бюрократии тяготела к либерально-консервативным политическим проектам? Поиски ответа на этот вопрос привели автора данной публикации в Национальный архив Республики Татарстан (здесь хранится фонд Казанского учебного округа, в состав которого входила и Вятская губерния), Государственный архив Кировской об-

⁸ См.: *Побережников И.В.* Урал в XVIII - XIX вв.: эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административно-территориального устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность: матер. Междунар.конф. Екатеринбург, 2001. С. 38.

⁹ См., напр.: *Судовиков М.С.* Вятское купечество в земском либеральном движении 60-70-х гг. XIX в. // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт (Киров, 16-17 декабря 2002 г.). С. 39-41 и др.

¹⁰ См.: *Карнишин В.Ю.* Региональная многопартийность в Поволжье на фоне социально-политической трансформации российского общества в начале XX в. // История национальных политических партий в России: матер. Междунар.конф. М., 1997. С. 356-374.

ласти и Центр документации новейшей истории Кировской области. Именно на материалах этих архивов основана данная статья.

В среде радикальной интеллигенции конца XIX - начала XX в. был распространен негативный образ инспекторского корпуса. Так, в одной из листовок Вятского комитета РСДРП, выпущенной в 1905 г., с сарказмом говорилось о «людях по ученой части, которые всю жизнь положили на то, чтобы народ оставался темным и не понимал, отчего ему так плохо живется»¹¹. Но и более умеренные элементы интеллигенции, левокадетские круги не жалели черных красок для характеристики этих людей. Инспектор народных училищ Яранского уезда С. И. Колосов, например, ими характеризовался как человек, который «употреблял все возможные меры, чтобы вытравить всякую живую мысль среди учителей и учительниц, преследуя и увольняя тех из них, которые оказывались наиболее независимыми, способными и даровитыми»¹². Между тем заметим, что именно этот человек, известный своим широким кругозором и неутомимой энергией, стал основателем Яранской публичной библиотеки и многих других культурных проектов в уезде. Его именем в 1907 г. была названа библиотека при Больше-Рудкинском училище в Яранском уезде¹³.

Какими реально были люди, занимавшие посты инспекторов народных училищ? При ответе на данный вопрос целесообразно использовать и понятие социально-моральной среды, предложенное немецким социологом М. Лепсиусом. Последний понимал под этим термином социальные целостности, которые образуются взаимодействием многих структурных параметров, таких как религия, культурная ориентация и т.д.¹⁴

Формулярные списки Вятской дирекции народных училищ, которые хранятся в фонде Казанского учебного округа, помогают нам понять социокультурный облик инспекторов народных училищ. Если обратиться к данному историческому источнику, то социальный пор-

¹¹ Центр документации новейшей истории Кировской области (ЦДНИКО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 52. Л. 23.

¹² Вятская жизнь. 1906. 29 января.

¹³ См.: Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 618. Оп. 1. Д. 83. Л. 138.

¹⁴ См.: *Нарский И.В.* К вопросу о социально-моральной среде российского либерализма в начале XX в. // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*: матер. Междунар. конф. М., 1999. С. 405. Данную концепцию активно использовал уральский историк И. В. Сибиряков. См.: *Сибиряков И.В.* Нравственные ценности нового российского либерализма (Исторический аспект): автореф. дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 1998.

трет усредненного инспектора этой эпохи выглядит примерно так: коллежский или статский советник, 40-50 лет, награжденный за службу несколькими орденами. Практически все эти люди были семейными, на момент занятия должностей имели от трех до восьми детей.

Каков был их внутренний мир? Сохранившиеся в Национальном архиве Республики Татарстан письма наиболее яркого представителя этой генерации, ее несомненного лидера – директора народных училищ губернии А. А. Красева – рисуют нам образ просвещенного бюрократа поздней империи, который стремился сформировать социокультурную среду, готовую к восприятию реформаторских проектов. Он понимал, что для успеха этих преобразований необходимо менять условия жизни крестьянства, его психологию, отношение к школе как к чему-то, без чего дети могут обойтись¹⁵. При этом А. А. Красев подчеркивал: для того, чтобы сформировать общество, которое сможет провести необходимые преобразования, нужен качественный скачок в образовательной сфере.

Просвещение населения было для него не самоцелью, а инструментом формирования социокультурной среды, необходимой для проведения преобразований. Он полагал, что возможно будет сформировать достаточно многочисленный слой активных участников процесса реформирования России. Так, известным «медвежьим углом» в губернии был Яранск¹⁶. Местные крестьяне жили в крытых соломой избах, поскольку лес был далеко. А. А. Красев писал, что такому населению «необходимо заняться отхожими промыслами или ремеслами», однако «недостаток образования и косность жителей этого захолустья» мешают им улучшить свое благосостояние. В этих условиях и вставала задача развития образовательной сети в губернии. Целям формирования в крестьянской среде слоя активных участников процесса реформирования российской экономики служили и поддержанные директором народных училищ проекты открытия сельскохозяйственных курсов в вятских деревнях, а также раздачи крестьянам популярной агрономической литературы.

Впрочем, существовала еще одна проблема: оторванность местного населения от основных экономических и культурных центров вследствие отсутствия развитой системы коммуникации. В начале XX в. в Вятской губернии много раз обсуждался проект строительства железной дороги Казань – Царевококшайск – Яранск – Котельнич, который выдвигали соратники А. А. Красева. Этот вопрос дебатировался очень долго, было очевидно, что проект нужен именно для изменения

¹⁵ См.: Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 21978. Л. 4-5.

¹⁶ См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 152 а. Д. 27. Л. 7.

социокультурной среды в Яранском уезде, создания условий для сбыта продукции местных крестьян и ремесленников. Однако железную дорогу в Яранск в XX в. так и не провели.

В период, когда народным образованием в Вятской губернии руководили А. А. Красев и его соратники, количество начальных народных училищ в губернии резко возросло (ежегодно, как показывает статистика, открывались сотни учебных заведений этого уровня). Но директор народных училищ понимал, что этого уровня для будущей России недостаточно: нужно удовлетворять потребности, подчеркивал он в одном из писем, «более пытливых детей, стремящихся получить углубленные знания», а для этого нужно открытие училищ «с повышенным курсом образования»¹⁷. Только в таком случае основная масса населения будет готова к восприятию тех реформаторских импульсов, которые исходили сверху.

Сам будучи чиновником, А. А. Красев при этом прекрасно понимал, что именно нарастающая бюрократизация становилась одним из главных препятствий на пути осуществления проектируемых властью преобразований. Чрезвычайно актуально, к сожалению, звучат его слова, написанные в 1897 г.: «Эта непрерывная канцелярская переписка, осложнившаяся в последнее время до самых крайних пределов, если не последует какой-либо случайной перемены к лучшему, может, в конце концов, совершенно видоизменить наше отношение к живому педагогическому делу и сделать каждого...ничем иным, как только ответственным делопроизводителем своей собственной канцелярии»¹⁸.

При этом очень важно еще одно обстоятельство: А. А. Красев прекрасно понимал, что глубокая социальная трансформация возможна только на фундаменте традиционных ценностей, связанных с менталитетом населения. Вышестоящее руководство обвиняло его в том, что в губернии недостаточно активно выполнялись циркуляры об учреждении церковных хоров в училищах Министерства народного просвещения и «неуклонном посещении учащимися храмов в праздничные и царские дни». Однако, как показывает анализ источников, обвинения в недооценке инспекторами религиозно-нравственного компонента в воспитании были безосновательны. Они были глубоко верующими людьми. Скорее, как раз их начальство, т.е. руководство учебного округа, недооценивало значение формирования нравственных ценностей в процессе обучения, считая, что достаточно формального посещения учащимися службы в храмах. А. А. Красев, С. И. Колосов и их соратники занимали иную позицию. Еще в 1894 г. совеща-

¹⁷ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23180. Л. 145.

¹⁸ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23180. Л. 26.

ние инспекторов народных училищ Вятской губернии выработало «Правила для учителей и учительниц...», где подчеркивалось: цель народных училищ – «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий». Школа, подчеркивали А. А. Красев и его соратники, должна была воспитывать в детях «истинную религиозность»¹⁹. Но директор указывал, что он всегда стремился к тому, чтобы «основы религии усваивались детьми не механически, а сознательно»²⁰. Инспекторы народных училищ прекрасно понимали, что и в этом вопросе формализм и бюрократизация могут привести к самым печальным последствиям.

Как уже отмечалось, в российском либерально-консервативном проекте значительную роль играл институт местного самоуправления. А. А. Красев и его соратники в течение многих лет боролись с распространенным во властных структурах недоверием к земству и городским думам, подчеркивали, что именно эти структуры содержали более 95 % всех народных училищ в губернии.

Возникает, однако, вопрос: почему все благие идеи русских либерал-консерваторов в итоге закончились провалом? Почему не удалась та социальная трансформация России, формирование современного государства на прочном цивилизационном фундаменте, за которую они выступали? Следует учесть, что даже в своем собственном ведомстве эта группа наталкивалась на сопротивление и непонимание. Сверху их забрасывали бесчисленными циркулярами и критиковали за идеализм и излишний либерализм, а снизу не воспринимали их реформаторских проектов. Ведь даже те, кто должен был непосредственно реализовывать эту программу – учителя народных училищ – часто их не понимали. Виной тому не только активная пропаганда в их среде со стороны радикальной оппозиции, но и социокультурные причины.

Обращение к формулярным спискам учителей показывает, что это были совсем иные люди. Они принадлежали к иному поколению русского общества (были в среднем лет на 20 моложе инспекторов), среди них преобладали холостые и бездетные люди, получавшие жалование в 2-3 раза меньше, чем инспекторы. Большого желания участвовать в иницилируемой властью реформаторском проекте у них не было. Очень характерны результаты опроса, проведенного в 1895 г. Попечителем Казанского учебного округа на интересную тему «Кто из учителей обнаруживает любовь к учебному заведению и готовность прилагать для блага его добровольный труд?». Безусловно, сле-

¹⁹ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23110. Л. 33.

²⁰ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23180. Л. 143.

дует учитывать формально-бюрократический характер проведения опросов такого рода, тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что результаты данного исследования были плачевными. Если в самой крупной в губернии Вятской гимназии группа равнодушных учителей еще нашлась, то в уездных городах их почти не было. Яркую картину нарисовал директор Елабужского реального училища:

«Среди преподавателей нет ни одного лица, которое всецело удовлетворяло требуемым условиям. Между преподавателями есть лица, хорошо знающие свой предмет, знакомые с литературой и методикой предмета, политически вполне благонадежные, но все они в существе дела не обнаруживают особой любви к учебному заведению... Они относятся к заведению как-то холодно и формально, исполняя, главным образом, внешние требования закона, хотя все они – усердные и полезные служаки»²¹.

А ведь именно эти люди и должны были не только лично участвовать в реализации реформаторских проектов, инициированных их начальниками, но и готовить социокультурную среду для этих преобразований, кадры для будущей России. Поэтому неудивительно, что, когда в условиях Первой русской революции в губернии возник либерально-консервативный проект – Партия правового порядка, то он быстро потерпел неудачу. Его лидеры всеми силами пытались противостоять радикальным группировкам. И сразу же проявились последствия того, о чем мы уже говорили, – недооценки властью роли религиозно-нравственного фактора, бюрократизация этой сферы, которая вела к падению авторитета священников у части населения. Один из инспекторов народных училищ, Н. Кибардин, в декабре 1905 г. даже вынужден был провожать до дома священника села Суны Слободского уезда отца Иоанна Верещагина, так как по улицам ходили толпы пьяных крестьян, угрожавших ему. При этом в своем отчете об этих событиях Н. Кибардин подчеркивал, что угроза обновлению России исходила и слева, и справа, поскольку и те, и другие были «переполнены ненавистью»²². В период избирательной кампании в Первую думу А. А. Красев, С. И. Колосов и их товарищи буквально метались по городам и селам губернии, пытаясь убедить избирателей проголосовать за вариант постепенной социально-политической трансформации России. Но все было тщетно: победу на выборах одержали радикальные элементы. Это стало предвестием тех потрясений, которые охватили Россию через десять с небольшим лет, в 1917 г.

²¹ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23581. Л. 27.

²² См.: НАРТ. Ф. 51. Оп. 9. Д. 12. Л. 134.

Библиография

1. *Балыбердин Ю.А.* Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905-1907 гг.). М., 1994.
2. *Бозатырева О.Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861-февраль 1917). Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2004.
3. *Голубев П.А.* Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901.
4. *Карнишин В.Ю.* Региональная многопартийность в Поволжье на фоне социально-политической трансформации российского общества в начале XX в. // История национальных политических партий в России: матер. Междунар.конф. М.: РОССПЭН, 1997. С. 356-374.
5. *Курасова А.А.* Уральские организации политических партий России накануне и в период революции 1905-1907 гг. (по материалам печати): автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
6. *Лоскутов С.А.* Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905-1916). Челябинск: Челяб.гос.ун-т, 1996.
7. *Нарский И.В.* Кадеты на Урале (1905-1907). Свердловск: Изд-во Урал.унта, 1991.
8. *Нарский И.В.* К вопросу о социально-моральной среде российского либерализма в начале XX в. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: матер. Междунар.конф. М.: РОССПЭН, 1999. С. 405-415.
9. *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Екатеринбург, 1995. Ч. 1-2.
10. *Побережников И.В.* Урал в XVIII-XIX вв.: эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административно-территориального устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность: матер. Междунар.конф. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2001. С. 34-40.
11. *Пухов Д.Ю.* Общественно-политические позиции легальной демократической прессы Урала в середине 1890-х гг. – феврале 1917 г. (по материалам Вятской и Пермской губерний): автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
12. *Сибиряков И.В.* Нравственные ценности нового российского либерализма (Исторический аспект): автореф. дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 1998.
13. *Стефанова И.И.* Вятское земство в пореформенный период: автореф. дис... канд. ист. наук. Киров, 1973.
14. *Судовиков М.С.* Вятское купечество в земском либеральном движении 60-70-х гг. XIX в. // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт (Киров, 16-17 декабря 2002 г.). Киров: Вятский гос.гум.ун-т, 2002. С. 39-41.

Л.В. Архангельская¹
Екатеринбург

УЧАСТИЕ ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Процесс модернизации общества связан с развитием женского образования во второй половине XIX – начале XX вв. Проблема жизнеспособности этих учебных заведений была связана с их финансированием, которое государство возложило на общество. Земства взяли на себя обязательства по обеспечению женских средних школ как поставщиков педагогических кадров для земских училищ. Анализ субсидирования пермским губернским земством женских гимназий позволяет показать специфику модернизации пореформенного периода в области образования.

Ключевые слова: земство, женские гимназии, прогимназии, финансирование образования, Пермская губерния

L.V. Arkhangelsk
Yekaterinburg

PARTICIPATION OF PROVINCE LANDS IN THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S GYMNASIC EDUCATION IN PERM PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES.

The process of modernization of society is associated with the development of female education in the second half of the 19th - early 20th centuries. The problem of the viability of these educational institutions was related to their funding, which the state entrusted to society. The zemstvos undertook to provide female secondary schools as suppliers of teaching staff for zemstvo schools. The analysis of subsidies by the Perm provincial zemstvo of women's gymnasiums allows us to show the specifics of the modernization of the post-reform period in the field of education.

Keywords: zemstvo, women's gymnasiums, pro-gymnasiums, financing of education, Perm province

Развитию образования в пореформенной России способствовали органы местного самоуправления. Введение земств в Пермской губернии совпало с учреждением открытых всесословных средних женских школ – гимназий и прогимназий. Согласно Положению о земских учреждениях, на них возлагалось участие в попечении о народном образовании, которое должно было проявляться в финансовой поддержке учебных заведений².

В статьях земских расходов пособия на женские школы в отличие от пособий на мужские относились к необязательным. Тем не менее

¹ *Архангельская Лариса Васильевна* – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург. Россия. e-mail: arhangellar@gmail.com

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях// ПСЗРИ. Собр. Отд. I. Т. 39. № 40457. С. 1–10.

земства приняли на себя обязательства о попечении над женскими гимназиями, увидев в их выпускницах потенциальных кандидаток на учительские места в сельской местности. В 1876 г. в докладе пермской губернской управы по этому поводу отмечалось: «Всеми исследователями признано, что женщины по самой природе своей способнее мужчин к обучению детей; женщины предпочтительнее мужчин и в таких случаях, когда уровень умственного развития тех и других одинаков. Условия нашего быта таковы, что редкий знающий, способный и находящийся в нормальных условиях мужчина выберет карьеру учителя. Между тем женщина, которой открыты лишь немногие пути к общественной деятельности, обладая достаточным образованием и хорошими нравственными качествами, весьма часто должна видеть в труде учительницы единственный, для нее возможный. Понятно поэтому, что из желающих избрать такой труд чаще встретится способная, и нравственная личность между женщинами, чем мужчинами»³.

Губернское земство «наравне с другими и даже в числе первых заявило себя с самого начала усердным ревнителем народного просвещения»⁴. Однако женским гимназиям приходилось постоянно обращаться к нему с настойчивыми просьбами о финансировании. Особенно это проявилось в выделении средств Пермской Мариинской гимназии, материальную поддержку которой с 1871 г. губернское земство взяло на себя. Ассигнуя пособие только на один год, земство ставило гимназию «в неопределенное положение». Утверждение бюджета гимназии зависело от состава и взглядов конкретного земского собрания и нередко возбуждало в собрании пререкания, несмотря на то, что в попечительном совете заседали представители от губернского земства, «более знакомые с состоянием заведения, чем другие члены собрания»⁵.

Первые земские собрания довольно щедро поддерживали среднюю женскую школу. Например, в 1872 г. были выделены внушительные суммы Екатеринбургской (3270 руб.) и Пермской (3000 руб.) женским гимназиям; на добавочное жалованье учителям Ирбитской (1200 руб.) и Камышловской (1242 руб.) прогимназиям⁶. Ежегодная субсидия в 3000 руб., выдаваемая Мариинской гимназии в течение трех лет, с лихвой покрывала расходы и способствовала образованию запасного капитала. В 1873 г., по случаю открытия VIII педагогического класса, губернское земство увеличило пособие гимназии до 4500 руб. В благодарность за оказанную помощь и «для упрочения отношений» члены

³ Сборник Пермского земства. 1876. № 1-3. С. 195-196.

⁴ Семченков В.К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет её существования. С. 31.

⁵ Там же с. 38.

⁶ Сборник Пермского земства. 1872. Сентябрь и октябрь. С. 43, 45.

попечительного совета хотели предложить должность главы совета председателю губернского собрания А.Н. Всеволожскому. Однако следующее собрание было не так благосклонно к гимназии. От попечительного совета, кроме сметы на предстоящий год с подробной объяснительной запиской, потребовали предоставлять ко времени заседания собрания ведомость о приходе и расходе сумм и печатный отчет «за едва окончившийся год, что не всегда возможно по типографским затруднениям».

По указанию председателя Д.Д. Смышляева, управа приостановила выдачу пособия на 1874 г., обвинив попечительный совет в том, что заявления председателя управы «не удостоивались надлежащего внимания», в нарушении строительного устава при постройке пристроя к зданию, в ущемлении прав начальницы и др. Руководство гимназии считало, что некоторые претензии управы «представляют собою контролирование, не предоставленное управе законами», и вызваны тем, что члены попечительного совета от земства редко посещали его заседания и не сообщали собранию «верных сведений» о положении в женской гимназии». Не имея средств на выдачу жалования учителям, попечительный совет гимназии собирался жаловаться на «произвол управы» губернатору. Но вмешательство свыше не понадобилось: чрезвычайное губернское собрание выдало задержанные средства⁷.

В 1875 г. министр народного просвещения и управляющий оренбургским учебным округом П.А. Лавровский нашли Мариинскую гимназию «в совершенно удовлетворительном состоянии», отметив заслугу в этом губернского земства. Но в этом же году управа отказала попечительному совету в выделении просимых 2497 руб. «для устройства дома» и 2 тыс. руб. на образование запасного капитала, подозревая совет в «щедром исчислении» статей расходов⁸. На следующий год губернское собрание единогласно постановило выдавать пособия двум женским гимназиям в равных долях с городскими обществами и уездными земствами. Для поиска средств члены совета Мариинской гимназии обратились к городской и уездным земским управам, которые почти не принимали участия в ее содержании. Город и Пермское уездное собрание выдали гимназии по 1500 руб. Исходя из выдвинутых условий, губернская управа внесла в смету такую же сумму⁹, в то время как попечительному совету не хватало 5450 руб. для открытия параллельных отделений при младших классах, введения преподавания алгебры и латинского языка и оплату дополнительных часов в связи с введением новых учебных планов.

⁷ Семченков В.К. Указ. соч. С. 32-35.

⁸ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875-1899). С. 139.

⁹ Сборник Пермского земства. 1876. № 1-3. С. 476-478.

Благодаря настойчивым обращениям к губернской управе гимназия получила необходимую сумму, но израсходовала весь запасной капитал. В апреле этого же года председатель педагогического совета Маринской гимназии И.Ф. Грацинский обратился к губернской управе с просьбой увеличить жалование учительниц, чтобы «сравнять его с жалованьем преподавателей». «К этому не считаю лишним присовокупить, что такое неодинаковое жалование производится только в одной пермской гимназии». Отказывая в удовлетворении ходатайства, управа не посчитала «излишним привести сведения о размере пособий гимназии, сделанных губернским земством со времени открытия», и указала председателю педагогического совета, что «вследствие его просьбы» размер ассигнования «почти удвоился, но, несмотря на это, предъядляется новая просьба, при удовлетворении которой пособие от губернского земства составило бы уже 7 тыс. руб. в год¹⁰.

С 1879 г. губернское собрание постановило ежегодно отпускать Пермской гимназии 6000 руб. Это решение побудило попечительный совет Екатеринбургской гимназии «энергично ходатайствовать» и добиться перед губернским собранием такой же субсидии¹¹. Относительно пособий другим средним школам губернское земство заявило, что на регулярную помощь могут рассчитывать учебные заведения, находящиеся в городах, которые имеют «общегубернское значение, и такими признаны только Пермь и Екатеринбург». Другие школы могли получить только единовременную поддержку «в виду различных исключительных обстоятельств»¹².

Кроме выделения средств на текущие нужды, губернское земство принимало участие в финансировании строительства зданий средних школ. С конца 1870-х гг. теснота и плохие гигиенические условия помещения Пермской гимназии вынуждали попечительный совет обращаться за содействием к губернскому земству. В 1881 г. управа ограничилась выделением 150 руб. для устройства вентиляции и ассигнованием 3 тыс. руб. для открытия в Перми женской прогимназии, которая должна была «оттянуть» на себя учениц младших классов Маринской гимназии. В губернских ведомостях по поводу строительства нового здания отмечалось, что «никому и в голову не приходило попытаться возможность замены его другим, более соответствующим потребностям учебного заведения. Так бы, вероятно, продолжалось и до сих пор, если бы не выбор в почетные попечительницы Т.Д. Анастасевой»¹³. Только после обращения попечительницы к различным уч-

¹⁰ Сборник Пермского земства. 1877 № 1-3. С. 428-429.

¹¹ Отчет попечительного совета Екатеринбургской женской гимназии за 1879 г. 1880. С. 2.

¹² Сборник Пермского земства. 1877. № 1-3. С. 434.

¹³ Закладка здания для гимназии // Пермские губернские ведомости. 1884. 26 июня. С. 261.

реждениям к 1885 г. собралось почти 100 тыс. руб., из них 58 тыс. руб. пожертвовало губернское земство¹⁴. В финансировании строительства нового здания Екатеринбургской гимназии губернское земство не принимало участия, но в 1884 г. пришло на помощь гимназии в выплате ее долгов банку в размере 30 тыс. руб.¹⁵.

Постоянное увеличение числа учащихся и рост расходов на содержание значительно превышали средства, которыми располагали женские школы. Губернское земство рассматривало гимназии как обузу для земского бюджета, и в последующие годы было на грани того, чтобы отказать им в поддержке. Один из председателей губернской управы ставил перед собранием вопрос «о пользе для местного края женских гимназий» и замены их профессиональными школами¹⁶, но «прекратить обязательства производить назначенное содержание» было невозможно, так как «безусловные пожертвования земств и городских обществ на содержание учебных заведений» признавались государством «постоянно обязательными для жертвующих обществ»¹⁷.

Назначенное первым гимназиям пособие в 6 000 руб. стабильно отпускалось губернским земством вплоть до 1917 г. Любые просьбы об увеличении ассигнований на текущие расходы отклонялись. Уездные прогимназии также продолжали попытки получить помощь, но их ходатайства губернские земцы отклоняли, считая, что средства для них должны быть изысканы из местных источников. Например, в 1896 г. попечительный совет Красноуфимской прогимназии в связи с преобразованием учебного заведения в гимназию надеялся на получение ежегодного пособия от губернского земства, однако последнее ограничилось выделением единовременной субсидии в размере 2000 руб.¹⁸.

При обсуждении ходатайства Камышловской прогимназии о назначении пособия для постройки нового здания некоторыми гласными было высказано опасение, что «назначение пособия послужит прецедентом для возбуждения подобных ходатайств другими уездными земствами». В результате прений собрание все-таки назначило прогимназии 5 000 руб., но не из собственных средств, а из долга, числящегося за Камышловским земством перед губернским «запасным капиталом»¹⁹. В целом по России забота губернских земств о средних

¹⁴ Журналы и доклады Пермского губернского земского собрания 24 очередной сессии, 1894 г. С. 83.

¹⁵ Доклады Пермской губернской земской управы 15 очередной сессии. 1885. С. 288.

¹⁶ Семченков. Указ. соч. С. 38.

¹⁷ Родевич. Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Исторический очерк народного образования. 1901. С. 112.

¹⁹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32 очередной сессии. 1901. С. 14-15.

учебных заведений поглощала значительный процент их сметы на образование²⁰. Пермское губернское земство, несмотря на попытки экономить, в период с 1870 по 1900 гг. также выделило женским гимназиям внушительные суммы: Екатеринбургской – 157 090 руб., Пермской – 203 350 руб.²¹.

К началу XX в. женские гимназии давали около 30 %, прогимназии около 20 % учителей по отношению ко всему «учебному персоналу» начальных народных училищ. Но «в виду введения всеобщего обучения» педагогов не хватало²². Однако из-за ограниченности земских средств принятые ранее обязательства по содержанию средних школ, по словам Чарнолуского, оказались «прямым тормозом на пути увеличения народных школ и их улучшения»²³. Расходы, связанные со средними школами, Пермское губернское земство стремилось переложить на местные средства. Не видело необходимости «приходить на помощь уездным земствам» оно и в деле открытия новых женских гимназий и прогимназий²⁴. Содействие губернского земства женскому образованию продолжало носить случайный характер. Субсидии выдавались отдельным учебным заведениям или шли на содержание педагогических классов. Например, в 1901 г. управа выделила Верхотурской и Оханской прогимназиям «на первоначальное обзаведение» по 1 000 руб.; Кунгурской гимназии по случаю ее преобразования – 2 000 руб.²⁵.

В 1907 г. 37-е очередное губернское земское собрание «установило на более определенных основаниях» пособие на содержание как мужских, так и женских средних учебных заведений в размере 5 000 руб. при условии открытия одновременно не менее четырех классов²⁶. Школам, находящимся на балансе земств, выделялось больше. Например, в 1913 г. на содержание земским гимназиям – Кыштымской и Невьянской – губернское земство ассигновало по 6 000 руб.²⁷. Широко развернувшееся школьное строительство также затронуло сектор средней школы. В 1907 г. земское собрание определило размер субсидии для зданий средних школ в 10 000 руб. Ее было решено вы-

²⁰ Чарнолуский В.И. Земство и народное образование. 1910. С. 142.

²¹ Чуприн В.В. Земство и развитие среднего образования на Урале. 2000. С. 61.

²² Журналы и доклады Пермского губернского земского собрания 29 очередной сессии. 1899. С. 344.

²³ Чарнолуский. Указ. соч. С. 141.

²⁴ Систематический свод постановлений. 1910. С. 132.

²⁵ Доклады Пермской губернской земской управы ... 32 очередной сессии. 1901. С. 3, 25, 37.

²⁶ Журналы Соликамских уездных земских собраний. 1909. С. 133.

²⁷ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 386. Л. 19.

давать полностью вне зависимости от того, «предоставляются ли они мужским или женским школам, гимназиям или прогимназиям»²⁸.

Во время Первой мировой войны губернская управа не могла удовлетворить все ходатайства о пособиях и военных прибавках. В первую очередь поддержка оказывалась школам, которые занимались переподготовкой учителей начальной школы. Например, в смету на 1917 г. управой были внесены 4260 руб. для частной гимназии Л.В. Барбатенко. В ходатайстве начальницы гимназии отмечалось, что проведенная ею «полная реорганизация» педагогического класса в двухгодичные педагогические курсы для будущих учительниц высших начальных училищ, «согласованная, с одной стороны, с общим планом реформ женских учебных заведений... с другой стороны, тесно связана с проведением дорогого всем нам дела: скорейшего введения в России всеобщего обучения»²⁹.

Введение всеобщего начального образования не повлияло на сокращение расходов губернского земства на среднее образование, которые за первое десятилетие XX в. выросли почти в четыре раза. При этом около половины средств, отпущенных губернским земством на средние учебные заведения (288 434 руб. из 697 236 руб.), расходовалось на поддержку женских гимназий и прогимназий³⁰. К концу периода почти 2/3 от выделенной суммы приходилось на 24 женские школы³¹.

Модернизация образования возможна при условии выделения достаточных средств на ее развитие. Одним из таких регионов в Российской империи стала Пермская губерния. Ведущую роль в финансировании средних учебных заведений занимало губернское земство. Его поддержка женской средней школы как института по подготовке педагогических кадров способствовала распространению начальных народных школ на Урале.

Библиография

1. *Родевич М.* Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. СПб, 1884. 238, 88 с.
2. *Семченков В.К.* Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет её существования (с 1861 по 1886 год). Пермь, 1886. 89, 112 с.
3. *Чарнолуцкий В.И.* Земство и народное образование: очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных областях общественного образования. СПб. Ч. 1. 1910. 186 с.
4. *Чуприн В.В.* Земство и развитие среднего образования на Урале: дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. 147 с.

²⁸ Систематический свод постановлений. 1910. С. 351.

²⁹ Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47 очередной сессии. 1916. С. 27, 29.

³⁰ Систематический свод постановлений. 1910. С. 160.

³¹ *Чуприн.* Указ. соч. С. 116.

А.В.Бармин¹
Екатеринбург

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ В 80 – 90-е гг. XIX в.

В 80 – 90-е гг. XIX в. модернизационные процессы в России и на Урале сопровождались изменениями в структуре экономики и прежде всего в ее управлении и в промышленности, в социальной сфере и в культуре. Процесс модернизации характеризовался ростом технико-технологических инноваций и научных достижений, их применением как в производственной, так и в непроизводственной сферах. Результатом модернизационных процессов было становление индустриального производства и общества.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, горнозаводское производство, уральские заводы, горный департамент.

A.V. Barmin
Yekaterinburg

MAIN DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF URAL PLANTS IN 80 - 90-e XIX century

80s - 90s XIX century. modernization processes in Russia and the Urals were accompanied by changes in the structure of the economy and, first of all, in its management and in industry, in the social sphere and in culture. The modernization process was characterized by the growth of technical and technological innovations and scientific achievements, their application, both in production and in non-production areas. The result of the modernization processes was the formation of industrial production and society.

Keywords: modernization, industrialization, mining production, Ural plants, mining department.

Последние два десятилетия XIX в. и для России, и для Урала были ознаменованы все более расширяющейся включенностью в мировой модернизационный процесс. В 1880-е – 1890-е гг. наблюдалось усиление государственного регулирования экономикой, что, впрочем, происходило в рамках традиционного для России государственного вмешательства в хозяйственно-экономическую жизнь и прежде всего в поддержание промышленных предприятий, от которых зависела обороноспособность страны (металлургических, машиностроительных и т.п.). Это нашло отражение в характере и направлениях политики ускоренной модернизации заводского производства на Урале.

Модернизация сопровождалась изменениями в структуре экономики и прежде всего в ее управлении и в промышленности, в социальной сфере и в культуре. Процесс модернизации характеризовался ростом технико-технологических инноваций и научных достижений, их применением как в производственной, так и в непроизводственной

¹ *Бармин Александр Вячеславович* – старший преподаватель. Кафедра истории России УрФУ. Екатеринбург. Россия. E-mail: allo-barmin@mail.ru

сферах. Результатом модернизационных процессов должно было стать становление индустриального производства и общества.

В пореформенный период и особенно в 80-е – 90-е гг. XIX в., в условиях обостряющейся конкуренции с новыми, бурно развивающимися промышленными регионами в стране, формировались основные направления модернизации уральской промышленности:

- 1) структурные преобразования органов управления горнозаводским производством Урала с одновременным расширением их функций и задач;
- 2) развитие законодательного и нормативного правового обеспечения деятельности горнозаводских предприятий Урала с их сложной историей и разной формой собственности (казенные, частные, посессионные);
- 3) регулирование взаимоотношений казенных и частных металлургических заводов по вопросам управления, финансирования, снабжения и т.д.;
- 4) укрупнение промышленного производства на Урале и его специализация;
- 5) технико-технологическое развитие заводского производства (механизация, машинизация, внедрение новой техники и новых технологий);
- 6) энергетическое перевооружение уральских заводов;
- 7) создание и развитие современных путей сообщения и средств связи;
- 8) подготовка инженерно-технических кадров для горных округов и заводов Урала (на заводах и вне их).

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые из перечисленных направлений модернизации уральских заводов.

Важными обстоятельствами модернизации уральских заводов в ретроспективный период были: обширные географические пространства Уральского региона; разная демографическая плотность уральских территорий; отличие в уровне образования и культуры уральского населения; неравномерность промышленного освоения края и, соответственно, различие в уровне экономического развития; нехватка собственных капиталов у финансово-промышленных кругов Урала и т.д. Все это определяло главную роль российского государства и государственных органов управления, прежде всего Министерства финансов и Министерства государственных имуществ, в проведении модернизации промышленности на Урале и создании эффективного контроля над всеми сферами народного хозяйства. Государство выступало инициатором и единственным гарантом свободного предпринимательства, сфера действия подлинно частной инициативы была предельно сужена.

К основным задачам Министерства финансов в сфере управления и контроля российской экономики относились следующие: финансовая и тарифная политика; правительственная опека над отдельными отраслями промышленности и отдельными регионами; гарантии

частному, в том числе иностранному, капиталу; регламентация отношений между фабрикантами и рабочими; помощь в развитии государственных предприятий, где новейшие технические достижения сочетались с элементами давних нерыночных отношений и др.²

К основным задачам Министерства государственных имуществ относились: управление государственными имуществами (казёнными землями, казёнными оброчными статьями, лесами казённого ведомства); общий надзор за сбережением лесов и поощрение лесоразведения; заведование горной и соляной частями; заведование кустарными промыслами; попечение над некоторыми категориями населения и др.³

В ретроспективный период происходило усложнение функциональных связей в сфере управления горнозаводским производством Урала, в частности выделение новых специализированных органов управления и изменение контингента горной администрации центрального и местного уровней.

Центральным органом горнозаводского производства Урала в 1880-е – 1890-е гг. являлось Министерство государственных имуществ (с 1874; с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ).

Непосредственно делами и управлением горнозаводскими округами в Министерстве занимался Горный департамент (до 1874 г. находился в составе Министерства финансов). В составе департамента были Горный совет и Горная экспедиция, а с 1882 г. по указу Александра III начал работу Геологический комитет (Геолком) по составлению отдельных горнопромышленных геологических карт и систематического описания геологического строения территории Российской империи. Основными задачами Горного департамента были наблюдение, управление и контроль за деятельностью всех металлургических заводов, в том числе и частных (посессионных и владельческих), а также частных золотых, соляных и нефтяных промыслов.⁴

В 1891 г. в Горном департаменте учреждено Техническое отделение. В 1892 г. было создано Присутствие по горнозаводским делам с

² Министерство финансов. 1802-1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч.2. С. 40-45.

³ *Вальтер Н.Г.* Министерство земледелия и государственных имуществ // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890-1907. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82>

⁴ *Заблоцкий Е.М.* Краткий очерк истории центральных учреждений горного ведомства. URL: <http://russmin.narod.ru/histCentre.html>.

представителями от министерств и горнозаводчиков, на которое с 1898 г. было возложено издание обязательных постановлений о мерах по охране здоровья, жизни и нравственности рабочих, занятых на горных работах. С 1894 г. чиновники особых поручений при Горном департаменте стали именоваться инженерами для командировок и разведок.⁵

В 1899 г. для контроля за правильным применением рабочего законодательства администрацией фабрик, заводов, горных промыслов было образовано Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов. Задачами департамента были: наблюдение за правильным применением законов, касавшихся фабричной, заводской и горной промышленности, а также разработка общих правил по охране жизни, здоровья и нравственности рабочих; соблюдение на фабриках и заводах порядка и благоустройства; издание инструкций, наказов и правил в развитие действующего законодательства; разработка и издание общих правил по технике безопасности и мерам по оказанию медицинской помощи и др.⁶

Органом местного управления горнорудной промышленностью на Урале до 1886 г. было Уральское горное управление, затем Управление горной частью на Урале (1886-1892). Возглавлялось Уральское горное управление главным начальником, назначаемым из горных инженеров и осуществляющим единоличную власть. С 1886 г. была введена должность помощника Главного начальника Уральских горных заводов. Горное управление выступало связующим звеном в отношениях Министерства государственных имуществ, Горного департамента, окружных инженеров и управляющих заводов. Таким образом, до 1886 г. Управление горной частью на Урале оставалось структурным подразделением Горного департамента, но затем оно перестало быть органом государственного администрирования и стало осуществлять государственный контроль за работой промышленных предприятий (т.е. превратилось в отраслевой орган управления).

С целью законодательного и нормативного правового обеспечения деятельности горнозаводских предприятий Урала в 80-е – 90-е гг. XIX в. был разработан и введен в действие целый массив законов, норм и положений.

1 июня 1882 г. был принят закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», по которому вместе с установле-

---

⁵ Там же.

⁶ Министерство финансов. 1802-1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч.2. С. 40-45.

нием запрета использования детского труда до 12 лет у детей рабочих появлялась возможность получения начального образования и создавалась фабричная инспекция по контролю за исполнением закона.⁷

5 июня 1884 г. по Высочайше утверждённому мнению Госсовета «О взыскании за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках и в ремесленных заведениях» устанавливалось наказание фабрикантам, нарушившим закон.⁸

12 июня 1884 г. был издан закон «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах и о фабричной инспекции», по которому в обязанности инспекторов входил надзор за организацией особых начальных школ при фабриках и заводах.⁹

3 июня 1886 г. были приняты «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабриканта и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции». Были выработаны общие нормы трудового договора, новые правила о взаимоотношениях между рабочими и предпринимателями и устанавливался контроль фабричной инспекции за исполнением закона.¹⁰

В 1888 г. были опубликованы «Временные правила для дачи и исполнения на казенных горных заводах нарядов Военного и Морского Министерств» и «Инструкции по надзору за частной горной промышленностью в горных округах Европейской России, Урала и Кавказа».¹¹

24 апреля 1890 г. был издан закон «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах, и распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения».¹²

В 1893 г. был опубликован Устав Горный, пересмотр которого начался еще в 1866 г. Это стало последним официальным изданием такого фундаментального документа горного законодательства по вопросам горнозаводского производства. Устав Горный 1893 г. состоял из четырех книг и приложений. Анализ содержания устава позволяет сделать заключение об его насущной необходимости и своевременности в регламентации горного производства в России и на Урале в частности в конце XIX в.

14 марта 1894 г. был принят закон «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков и о распространении

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (ПСЗРИС) 3. Т. II. 1882. От №586-1292. СПб., 1886. №931. С. 265-266.

⁸ ПСЗРИС 3. Т. IV. 1884. СПб., 1887. №2286. С. 342-343.

⁹ ПСЗРИС 3. Т. IV. 1884. СПб., 1887. №2316. С. 365-368.

¹⁰ ПСЗРИС 3. Т. VI. 1886. От №3436-4137. СПб., 1888. №3769. С. 262-270.

¹¹ ПСЗРИС 3. Т. VIII. 1888. От №4933-5683. СПб., 1890. №5013. С. 57.

¹² ПСЗРИС 3. Т. X. Отделение 1. 1890. От №6505-7339. СПб., 1895. №6742. С. 309-310.

действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», по которому были упразднены должности главного фабричного инспектора и губернских механиков, пересматривались обязанности фабричных инспекторов, а инспекция переподчинялась Департаменту торговли и мануфактур.¹³

По закону от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» предоставлялась возможность министрам финансов и внутренних дел издавать подробные правила и инструкции по данному вопросу, а надзор за исполнением закона на частных фабриках и заводах был возложен на фабричных инспекторов.¹⁴

Одновременно было Высочайше утверждено мнение Госсовета «О распространении на некоторые губернии Правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, а также об издании нового штата фабричной инспекции». В результате был увеличен штат фабричной инспекции и учреждались должности фабричных ревизоров.¹⁵

7 июня 1899 г. было утверждено «Положение о Главном по фабричным и горнозаводским делам Присутствии», по которому данное Присутствие становилось органом правительственного контроля за деятельностью фабричной инспекции и губернских присутствий.¹⁶

Законодательные акты 80-х – 90-х гг. XIX в. создавали механизмы реализации фабричного законодательства на уровне центрального государственного управления и новых органов системы контроля, определения их штатов и функций. Сложился действующий комплекс законодательства, который определял структуру и компетенции государственных и губернских учреждений в сфере управления фабрично-заводским производством в России.

В хозяйственной деятельности Урала в исследуемый период ведущее место сохраняется за горнозаводской промышленностью. Именно ее успехи и неудачи во многом определяли место региона в экономике страны и отношение российского правительства к уральской металлургии. Подъемы и кризисы последней оказывали влияние и на развитие края в целом.

Общее количество уральских металлургических заводов (и казенных, и частных) в ретроспективный период сокращалось. В 1880 г.

¹³ ПСЗРИС 3. Т. XIV. 1894. От №10233-11208. СПб., 1898. №10420. С. 106-109.

¹⁴ ПСЗРИС 3. Т. XVII. 1897. От №13611-14860. СПб., 1900. №14231. С. 355-356.

¹⁵ ПСЗРИС 3. Т. XVII. 1897. От №13611-14860. СПб., 1900. №14232. С. 356-357.

¹⁶ ПСЗРИС 3. Т. XIX. 1899. От №16310-17967. СПб., 1902. №17122. С. 672-678.

насчитывалось 112 заводов, а в 1901 г. – 100. Наименьший показатель количества заводов в регионе в исторический период приходился на 1892 г. Всего было 95 заводов. Сокращение уральских заводов объяснялось тем, что регион был промышленно освоен в количественном отношении и начались процессы становления качественно нового индустриального производства на основе концентрации и специализации.

На Урале исторически сложилась специализация горнозаводского производства. Во многом это зависело от расположения вблизи заводов полезных ископаемых и речных артерий. Наличие железорудных месторождений во владельческих дачах позволяло устраивать предприятия с доменным (чугуноплавильным), литейным (чугунолитейным) и железоделательным производствами. При меднорудных месторождениях открывались медеплавильные заводы. В 80 – 90-е годы XIX в. в металлургической промышленности региона все большую роль стало играть сталелитейное производство.

В ретроспективный период на Урале вследствие модернизационных процессов выделились 4 основных производственных специализации: доменная, железоделательная, сталелитейная и медеплавильная. В то же время характер деятельности уральских заводов не ограничился лишь этими специализациями. В отчетах горных начальников, экспедиционных отчетах, собраниях статистических сведений и других источниках упоминались и другие производственные направления: литейное, инструментальное, механическое, судостроительное, орудийное (пушечное), оружейное и т.д.

Данные по механической и инструментальной заводской деятельности характеризуются фрагментарностью и неточностью. Зачастую одно и то же изделие или одна и та же операция на различных заводах региона назывались по-разному. В основном в исследуемый период упомянутые производственные направления имели лишь внутризаводское значение, выполняя функцию частичного переоборудования и модернизации заводского хозяйства. В то же время стала наблюдаться постепенно усиливающаяся тенденция внутререгионального сотрудничества промышленных предприятий, прежде всего частных, сначала принадлежащих одному владельцу, а затем и разным. В масштабах страны производственное сотрудничество носило неустойчивый, спорадический (если не случайный) характер.

Анализ динамики численности уральских металлургических заводов по производственным специализациям свидетельствует о получивших место приоритетах в промышленном развитии и промышленной политике государства. Среди казенных и частных заводов больше внимания уделялось развитию доменного (в 1880 г. казенных – 7,

частных – 53; в 1890 г. казенных – 7, частных – 55; в 1900 г. казенных – 9, частных – 66), литейного (в 1880 г. казенных – 11, частных – 40; в 1890 г. казенных – 11, частных – 37; в 1900 г. казенных – 11, частных – 35) и сталелитейного (в 1880 г. казенных – 6, частных – 8; в 1890 г. казенных – 7, частных – 9; в 1900 г. казенных – 6, частных – 14) производства.¹⁷

Удаленность Урала от других промышленных центров России и европейских государств в какой-то мере сдерживала процесс индустриализации региона. В ретроспективный период происходили радикальные изменения в российской промышленности и прежде всего в горнозаводской (металлургической), в том числе и на Урале. В то же время темпы этих изменений имели региональную специфику, что отражалось в использовании передовых технологий, особенно в энергетике.

Таким образом, модернизационные процессы, целью которых была индустриализация уральских заводов, затронула все сферы. В 80-е – 90-е гг. XIX в. на Урале была создана достаточно эффективная система государственного и регионального управления и контроля за деятельностью предприятий горнозаводской промышленности, что обеспечивалось постоянно совершенствовавшейся нормативно-законодательной системой. Кроме того, происходили качественные сдвиги в деле технико-технологической реконструкции металлургических предприятий, концентрация и специализация уральского горнозаводского производства. Важные задачи в процессе модернизации стояли перед уральской промышленностью в вопросах финансирования жизнедеятельности предприятий, расширения региональной железнодорожной сети, перевода металлургических заводов с древесного угля на минеральное топливо, подготовки квалифицированных инженерно-технических кадров и т.д.

Библиография

1. *Бармин А.В.* Основные признаки становления индустриального производства на Урале во второй половине XIX века // Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17 – 18 апреля 2008 г. / под ред. С.П. Постникова. Екатеринбург: ИИИА УрО РАН, 2008. С. 260-268.

2. *Заблоцкий Е.М.* Краткий очерк истории центральных учреждений горного ведомства. URL: <http://russmin.narod.ru/histCentre.html>

¹⁷ *Бармин А.В.* Основные признаки становления индустриального производства на Урале во второй половине XIX века // Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17 – 18 апреля 2008 г. / под ред. С.П. Постникова. Екатеринбург: ИИИА УрО РАН, 2008. С. 265-266.

А.А. Бессолицын¹
Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Статья посвящена становлению электротехнической отрасли в России и ее развитию в регионах, в частности на Урале. Именно эта инновационная для России отрасль производства в условиях перехода страны к экономической модернизации на рубеже XIX-XX вв. развивалась наиболее интенсивно. Ведущей формой объединения становятся акционерно-паевые предприятия, которые демонстрировали устойчивый рост в производственном секторе. В статье рассмотрена деятельность электротехнических компаний, представленных в сборнике «Акционерные предприятия в России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов» и других статистических сборниках. Эти источники содержат важную информацию об учредителях акционерных компаний, размерах основного и запасного капитала, выплачиваемых дивидендах и т.п. Проведенный анализ позволил установить, что накануне 1917 г. из 54 основных предприятий этой отрасли шесть ведущих электротехнических фирм имели свои филиалы или отделения, а также склады на Урале, в основном в Екатеринбурге. Сделан вывод о том, что электротехнические предприятия в Екатеринбурге начинают достаточно активно развиваться уже в конце XIX в., что соответствует общероссийским показателям.

Ключевые слова: электротехническая промышленность, акционерные компании, электрическое освещение, дивиденд, основной капитал.

A.A. Bessolitsyn
Moscow

FORMATION OF THE ELECTRICAL INDUSTRY IN RUSSIA AT THE BORDER OF THE XIX-XX CENTURIES.

The article is devoted to the formation of the electrical industry in Russia and its development in the regions, in particular - in the Urals. It is this industry that is innovative for Russia in the context of the country's transition to economic modernization at the turn of the 19th-20th centuries developed the most intensively. The leading form of association is becoming joint-stock companies, which have shown steady growth in the manufacturing sector. The article discusses the activities of electrical companies presented in the collection: "Joint-stock enterprises in Russia according to the official data of the Ministry of Trade and Industry and the Ministry of Finance" and other statistical collections. These sources contain important information about the founders of joint-stock companies, the amount of capital and reserve capital, dividends paid, etc. The analysis made it possible to establish that on the eve of 1917, out of 54 major enterprises in this industry, six leading electrical engineering firms had their branches or departments, as well as warehouses in the Urals, mainly in Yekaterinburg. It is concluded that electrical engineering enterprises in Yekaterinburg begin to develop quite actively already at the end of the 19th century, which corresponds to the all-Russian indicators.

Keywords: electrical industry, joint stock companies, electric lighting, dividend, fixed assets.

¹ *Бессолицын Александр Алексеевич* – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт российской истории РАН. Москва. Россия. E-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

Электротехническая промышленность вплоть до начала XX в. не получила в России сколько-нибудь значительного развития, две трети электротехнической продукции импортировалось из Европы, в основном из Бельгии, Германии и Швеции. Первым крупным предприятием стал филиал «Сименс-Гальске», открытый в России в 1849 г. и получивший выгодный заказ на оборудование телеграфной линии Петербург – Москва. В 1884 г. в Москве была создана фирма Б.А. Цейтшеля, являвшегося представителем «Шуккерта», а 1896 г. бельгийское «Международное общество электричества» и банк «Льежский всеобщий кредит» основали «Центральную компанию электричества» в Москве².

Начиная с 1890-х гг., на предприятия «Сименс и Гальске» в Петербурге, к которому в 1900 г. присоединились еще три завода (два в Прибалтике и один в Москве), началось производство динамо-машин. Однако все эти заводы, как отмечает Л.Б. Кафенгауз, представляли отделившиеся иностранные фирмы, ввозивших в Россию машины и аппараты и производивших внутри страны только наиболее простые части, выгодные с точки зрения использования таможенной пошлины³. Примерно такая же ситуация складывалась в производстве электрических ламп накаливания, которое хотя и возникло в России еще в 1880-х гг., но под влиянием иностранной конкуренции было ликвидировано и удовлетворялось вплоть до начала XX в. исключительно иностранным ввозом⁴.

В условиях острой конкуренции, прежде всего с германскими электротехническими фирмами, наибольшее развитие в России получило производство кабелей как одного из более простых видов электротехнических изделий. Всего за четыре года (с 1908 по 1912 гг.) кабельное производство в России выросло почти в 6 раз и к началу Первой мировой войны почти полностью покрывало внутреннюю потребность в электрических проводах⁵.

Рост в российской электротехнической промышленности особенно усилился после введения в 1906 г. высоких пошлин на продукцию германской электротехнической промышленности. Тем не менее отставание от ведущих европейских стран все еще было существенным. Для сравнения, в России один телефонный аппарат в 1907 г. приходился на 1550 жителей (в Германии – на 72 жителя, в Англии – на 80, во Франции – на 220, в Японии – на 850). Хотя к 1909 г. ситуация в

² Романов А.А. Электротехническая промышленность Москвы в последней трети XIX – начала XX вв. // Вестник университета. 2013. № 20. С. 281.

³ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 143.

России несколько изменилась в лучшую сторону (1 аппарат на 1020 жителей), но она по-прежнему оставалась на последнем месте⁶. Данное отставание стимулировало развитие отрасли, и уже к 1913 г. русская электротехническая промышленность сделала значительный шаг вперед и, за исключением измерительных приборов, производила почти все виды продукции. По сведениям Л.Б. Кафенгауза, электротехническое производство принадлежало к числу отраслей машиностроения, которые развивались больше других отраслей за время войны. В целом электротехническая промышленность (без учета роста кабельного производства) с 1913 по 1917 гг. выросла почти в 5 раз (с 8 744 до 43 087 млн руб. без стоимости заказов на оборону)⁷.

Ведущей формой капиталистического объединения в России в пореформенный период становятся акционерные предприятия. Рост акционерного учредительства особенно ускорился на рубеже XIX-XX вв. в условиях перехода страны к экономической модернизации. Если к 1861 г. в стране насчитывалось всего 128 акционерных компаний с суммарным капиталом 256 млн руб., то к началу XX в. таких предприятий было уже свыше 1,5 тыс. с основным капиталом 2,5 млрд руб., а к ноябрю 1917 г. насчитывалось почти 3 тыс. акционерных компаний с номинальным капиталом 6,7 млрд руб.⁸ Надо отметить, что акционерное учредительство продолжилось и в годы Первой мировой войны, хотя его темпы и снизились. Если в 1913 г. было зарегистрировано 399 компаний с капиталом чуть более 526 млн руб., то в 1914 г. – 334 компании с основным капиталом 422,5 млн руб., в 1915 г. – 321 компания с 409,7 млн руб., однако уже в 1916 г. было зарегистрировано рекордное число – 584 компании с 923,5 млн руб.⁹.

Процесс бурного акционерного учредительства в России вполне укладывался в русло мировых тенденций. Мировой опыт подсказывал, что акционерная форма облегчала финансирование предприятий. Например, опыт Германии показал, что акционерные общества являются наиболее гибкой формой концентрации капитала. Эпоха быстрого роста германской промышленности была одновременно и эпохой наибольшего развития акционерных обществ и товариществ¹⁰.

⁶ Электричество. 1910. № 5. С. 152.

⁷ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 187.

⁸ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М., 2008. С. 61.

⁹ Биржа. 1917. № 1. С. 6-7.

¹⁰ Загоруйко М.М. «Виккерс» в России: материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012. С. 65-66.

Процесс акционирования затронул и электротехническую отрасль. Основными центрами электротехнической промышленности в России становятся Петербург, Москва и Рига. Но и в других крупных городах (Киев, Одесса, Саратов, Екатеринослав, Ярославль, Екатеринбург, Пермь и др.) учреждаются электротехнические компании, как правило, с иностранным участием. Кроме того, часть компаний: «Электрическое анонимное общество Южной России»; «Центральное электрическое общество»; шведско-датско-русское телефонное акционерное общество и др. сохраняют свои правления за границей (в Париже, Брюсселе, Стокгольме и др.), но при этом открывают ответственные агентства в российских городах.

Однако официальные сведения об акционерных электротехнических обществах начинают публиковаться сравнительно поздно. По сути, впервые они были объединены в отдельную группу предприятий, которая получила название «Производство энергии» только в 1910 г. в статистическом справочнике «Список фабрик и заводов России по официальным данным фабричного, податного и горного надзора». Всего в этом Списке по сведениям Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности было выделено 31 950 промышленных фирм, объединенных в 11 групп. Основную группу составили предприятия по обработке питательных и вкусовых веществ (17 013 фирм), предприятия по обработке волокнистых веществ (3 098 фирм), предприятия по механической обработке дерева (2 051 фирма) и др. Что касается электротехнических предприятий, то они были включены в последнюю 11-ю группу (производство энергии) в количестве 77 фирм¹¹.

Начиная с 1912 г., сведения о деятельности акционерных компаний публикуются в статистических сборниках «Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов», которые издавались ежегодно. Последний сборник датируется 1917 г. и включает сведения за 1916 г. Именно в этом издании на основании представленных отчетов, утвержденных общими собраниями акционеров и пайщиков, впервые выделен самостоятельный VII отдел «Электротехнические предприятия», в котором содержатся сведения о 54 электротехнических обществах, официально зарегистрированных в России на 1917 г. Только два из них – Киевское электрическое общество (открыто в 1902 г.) и «Вестингауз» Русское электрическое общество (открыто в

¹¹ Список фабрик и заводов России 1910 г. по официальным данным фабричного, податного и горного надзора. / Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. М.; СПб.; Варшава, 1910. С. XVIII – XXIX.

1906 г.) – находились в стадии ликвидации, все остальные фирмы успешно работали¹².

Основной капитал действующих электротехнических предприятий составлял на 1 января 1916 г. 196 590 835 руб., при этом минимальный уровень заявленного основного капитала достигал всего 100 тыс. руб. («Электропровод» АО, открыто в 1914 г.), а самый большой – 50 млн руб. и был заявлен в одном из старейших в России акционерных электротехнических обществ – «Общество электрического освещения 1886 года» (открыто в 1887 г.)¹³. В среднем на одно предприятие, по нашим подсчетам, приходилось чуть более 3,6 млн руб. основного капитала, что сопоставимо с предприятиями других отраслей, включенных в данный справочник. Например, основной капитал таких известных акционерных обществ, как товарищество «Большой Кинешемской мануфактуры» (VI отдел - предприятия по обработке волокнистых веществ) составлял 2,4 млн руб.; «Абрикосова А.И. сыновей. Фабрично-торговое товарищество» (I отдел – предприятия по обработке питательных и вкусовых веществ) – 2 млн. руб.; Общество Выксунских горных заводов (IX отдел – предприятия по обработке металлов) – 4,25 млн руб. и т.д. Конечно, были и более крупные компании, например «Александровское товарищество сахарных заводов», основной капитал которого достигал 20 млн руб.¹⁴. Но все-таки это были единичные предприятия, а если брать в среднем, то размер основного капитала акционерных обществ в России составлял в 1902 г. примерно 1,6 млн руб., а к началу 1914 г. вырос до 2,1 млн рублей¹⁵.

Несмотря на Первую мировую войну, практика увеличения основного капитала акционерных компаний самой разной направленности, за исключением предприятий, торговавших алкоголем (в связи с введением в 1914 г. сухого закона), была практически повсеместной. Так, правление товарищества на паях «К. Фаберже» обратилось к пайщикам (6 ноября 1916 г.) с предложением разрешить опрос об увеличении основного капитала до 3 млн руб. выпуском паев, как объяснялось, «... в целях расширения производства ювелирных, серебряных и др. изделий из металлов и камней и торговли ими»¹⁶. «Торгово-промышленное товарищество П.М. Рябушинского с сыновьями» за 1915/16 гг.

¹² См.: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под. ред. В.В. Лаврова. Пг., 1917. С. 323-337.

¹³ Подсчитано по: Акционерно-паевые предприятия. С. 323-337.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М. 1994. С. 66.

¹⁶ Биржа. 1917. № 7-8. С.9.

показало прибыль почти в 3,5 млн руб., при этом чистая прибыль составила 2,8 млн руб.¹⁷ Товарищество на паях «Прохоровская Трехгорная мануфактура» за тот же период показало прибыль в 3,1 млн руб., а товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель» показали валовую прибыль только за один 1915 г. 21,4 млн руб. и выплатили дивиденд в 30%, не считая дополнительные вознаграждения директору правления, членам совета, служащим, а также отчисления в ссудо-сберегательные и вспомогательные кассы¹⁸.

Не являлись в этом плане исключением и электротехнические общества. Одно из самых первых отечественных электротехнических предприятий – «Кольчугина Товарищество латунного и меднопрокатного заводов», промышленная фирма, учрежденная как российское предприятие в 1871 г. в форме торгового дома, а в 1876 г. преобразованная в паевое товарищество. В начале XX в. в ней было занято до 1400 рабочих. Основной капитал товарищества составлял 2 млн руб. (2000 именных паев по 1000 руб.), чистая прибыль за 1902 г. достигла 505,8 тыс. руб., дивиденд – 10%¹⁹. В 1915 г. согласно отчету Общества его основной капитал, выросший к тому времени до 6 млн руб., был увеличен до 10 млн (3000 паев по 1000 руб. и 30 000 паев по 100 руб.) и дополнительно в 1915 г. было выпущено еще 40 000 паев по 100 руб. Росли и дивиденды. Если за 1910-1911 гг. дивиденд достигал 10% ежегодно, то за 1913-1914 гг. он увеличился до 25%, а за 1914-1915 гг. Общество выплатило вкладчикам 35% годовых²⁰.

Помимо товарищества Кольчугина, еще 13 фирм начали свою деятельность в конце XIX в., однако большая часть из них (более 70%) была учреждена уже в начале XX в., в том числе 8 фирм появились в годы Первой мировой войны. Подавляющее большинство акционерных электротехнических обществ являлись российскими предприятиями, тем не менее 8 компаний по-прежнему относились к иностранным фирмам, в основном бельгийским²¹.

Из 54 электротехнических предприятий, вошедших в VIII отдел сборника «Акционерно-паевые предприятия в России» за 1917 г., большая часть приходилась на Петроград и Москву, однако практически все крупные электротехнические предприятия имели свои филиа-

¹⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 48. С. 2763.

¹⁸ Там же. 1916. № 42. С. 2425; № 33. С. 1665.

¹⁹ Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 197-198.

²⁰ Акционерно-паевые предприятия по официальным данным. С. 326.

²¹ Подсчитано по: Акционерно-паевые предприятия по официальным данным. С. 323-337.

лы или представительства в регионах, в том числе 6 ведущих компаний открыли свои отделения, а также склады в Екатеринбурге и Перми. Среди них старейшее – «Центральное электрическое общество», открытое в России еще в 1882 г как филиал Бельгийского общества с основным капиталом 8,7 млн франков. Правление располагалось в Париже²².

Свое отделение в Екатеринбурге открыло Акционерное общество «Всеобщая компания электричества» (учреждено в 1901 г.). Данная компания являлась дочерним предприятием германского электротехнического концерна АЕГ. К 1916 г. электростанциями этой компании вырабатывалось более 40 % российской электроэнергии, а число сотрудников превышало 6000 человек. Основной капитал достигал 12 млн руб. Начиная с 1908 г., компания регулярно выплачивала акционерам дивиденд, размер которого постоянно увеличивался. Если в 1908 г. дивиденд составил 6%, то за годы Первой мировой войны вырос до 10%. Компания производила электрические аппараты, двигатели, динамо-машины, трансформаторы, счетчики, все принадлежности для электрического освещения, а также занималась устройством всякого рода электрических сооружений²³. Представительство компании в Екатеринбурге находилось на Пушкинской улице, в доме А. И. Гальямина. Кроме того, филиалы в Екатеринбурге имели такие известные фирмы, как Русское акционерное общество «Сименс-Шуккерт», Акционерное общество «Соединенные кабельные заводы», Акционерное общество «Электропровод», Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске».

Надо отметить, что Центральная электростанция в Екатеринбурге, которая положила начало электрификации города, дала первый ток в 1895 г. Именно в этом году владелец электротехнической мастерской Иван Василевский, который являлся агентом «Товарищества П.Н. Яблочков и Ко электрического освещения в России», получил разрешение от городской Думы Екатеринбурга на установку локомотива в ограде Первого городского театра для освещения зрительного зала во время спектакля, а также на освещение городских улиц. «Товарищество электрического освещения П.Н. Яблочков-изобретатель и Ко», в число акционеров которого, помимо самого Яблочкова – известного электротехника, военного инженера, изобретателя и предпринимателя, входили промышленники, финансисты, военные, хотя и не было представлено в справочнике «Акционерные предприятия

²² Список фабрик и заводов России по официальным данным фабричного, податного и горного надзора / Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. М.; СПб., 1910. С. 1021.

²³ Акционерно-паевые предприятия по официальным данным. С. 324.

России», однако было учреждено еще в 1879 г. Организация открыла электромеханический завод в Петербурге, изготавливавший осветительные установки для военных судов, заводов военно-морского ведомства и для многих городов России. Свечи Яблочкова зажгли во многих городах России. К середине 1880 г. было установлено около 500 фонарей со свечами Яблочкова. Однако в Екатеринбурге контора Яблочкова просуществовала всего два года, так и не достигнув успехов в электрификации города²⁴.

Более активное участие в развитии электрического освещения в городе принимало «Центральное электрическое общество в Москве». Председателем правления общества являлся известный нефтепромышленник, инженер и финансист П.О. Гукасов, а вице-председателем – потомственный почетный гражданин Б.Л. де-Бур. Основной капитал составлял 7 млн руб. Общество занималось производством динамо-машин, электродвигателей, трансформаторов, устройством электрического освещения и т.д.²⁵. Деятельность этого общества в Екатеринбурге связана с именами А. Елтышева и Н. Памфилова, которые первоначально учредили собственное «Товарищество электрического освещения А. Елтышев, инженер Н. Панфилов и Ко» (1894 г.), которое затем трансформировалось в «Товарищество электрического освещения Андрей Елтышев и Ко». Оба учредителя были выходцами из купечества. Андрей Дмитриевич Елтышев был сыном кунгурского купца Д.В. Елтышева, исполнявшего в Екатеринбурге обязанности представителя чаоторговой фирмы М.И. Грибушина, а Николай Панфилов был сыном екатеринбургского купца Якова Ивановича Панфилова, крупного торговца пушниной, владельца фабрики по производству ваты. В 1896 г. это товарищество стало филиалом Центрального электрического общества в Москве и оформило юридические взаимоотношения с городом. Концессионеры приобрели право на долгосрочное пользование электростанцией, за что обязывались установить в Екатеринбурге 30 бесплатных фонарей. Для городских властей вводились льготные энерготарифы. Кроме того, товарищество внесло в управу залог в пять тысяч рублей, из которого удерживались штрафы за сбои в электроснабжении. Электростанция развивалась и модернизировалась, освещая дома и улицы Екатеринбурга. Общая мощность ее генераторов к 1914 г. достигла 1 тысячи 175 киловатт²⁶.

²⁴ Успехи электрического освещения и заслуги П.Н. Яблочкова // Наука и жизнь. 1890. № 39. <https://www.nkj.ru/archive/articles/17790/>

²⁵ Акционерно-паевые предприятия за 1917 г. С. 325.

²⁶ Шминке И. Электростанция «Луч». URL: <https://ural-n.ru/p/elektrostanciya-luch-pamyatnik-promyshlennoy-arhitektury.html>

Росли объемы потребляемой энергии на предприятиях региона. По сведениям Министерства финансов, Уральские казенные горные заводы только за 1905 г. потребили 1.180.541 кВт · ч электроэнергии²⁷.

Таким образом, электротехнические компании, наряду с другими акционерными обществами, начинают активно развиваться в России в период экономической модернизации на рубеже XIX-XX вв. Именно эти промышленные предприятия заняли инновационную производственную нишу и решали проблемы электрического освещения городов и промышленных предприятий, развития новых видов транспорта, производства кабелей, силовых установок, трансформаторов, динамо-машин и т.п. оборудования. Хотя основные производства находились в Петербурге и Москве, однако ведущие электротехнические фирмы продвигались в регионы, открывая здесь свои филиалы, представительства, отделения. В этом плане Урал не являлся исключением. На рубеже XIX-XX вв. в Екатеринбурге действовали по крайней мере 6 филиалов и представительств известных электротехнических акционерных компаний, что способствовало электрификации производственных и социальных объектов города и региона в целом.

Библиография

1. Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под. ред. В.В. Лаврова. Пг., 1917.
2. *Барышников М.Н.* Деловой мир России: историко-биографический справочник. СПб., 1998.
3. *Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М., 1994.
4. *Загорулько М.М.* «Виккерс» в России: материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012.
5. *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства в России. М.: Эпифания, 1994.
6. *Романов А.А.* Электротехническая промышленность Москвы в последней трети XIX – начала XX вв. // Вестник университета. 2013. № 20. С. 281.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 16. Л. 89.

И.И. Васина¹
Екатеринбург

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Сотрудничество России и Германии в области экономики, политики и промышленности на рубеже XIX–XX вв. всегда привлекало внимание отечественных и зарубежных историков. В работе рассмотрены исследования российских и западных ученых, посвященные российско-германскому партнерству, роли иностранного капитала в экономике, экспортно-импортным отношениям, развитию промышленности, подготовке кадров. Особый интерес представляет изучение связей промышленно развитого Уральского региона, где сотрудничество с Германией носило наиболее выраженный характер.

Ключевые слова: история, взаимоотношения России и Германии, конец XIX – начало XX вв., сфера торговли, науки, техники, историография.

I. I. Vasina
Yekaterinburg

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-GERMAN COOPERATION AT THE END OF THE NINTH - BEGINNING OF THE XX CENTURY. ON THE EXAMPLE OF THE URAL REGION

Cooperation between Russia and Germany in the field of economics, politics and industry at the turn of the XIX-XX centuries. have always attracted the attention of domestic and foreign historians. The paper examines the studies of Russian and Western scientists on Russian-German partnership, the role of foreign capital in the economy, export-import relations, industrial development, and training. Of particular interest is the study of the relations of the industrially developed Ural region, where cooperation with Germany was most pronounced.

Keywords: history, relations between Russia and Germany, late 19th - early 20th centuries, trade, science, technology, historiography.

Истории взаимоотношений России и Германии в конце XIX – начале XX вв. в сфере торговли, науки и техники посвящено большое количество исследований. Многие из них имеют обобщающий характер, касающийся России в целом, некоторые направлены на исследование российско-германских отношений на примере отдельных регионов. Все работы можно условно разделить на пять групп: а) работы по политическим связям; б) по сотрудничеству в промышленности; в) по экономическим; г) социальным, д) культурным связям.

Отношение отечественных и зарубежных историков к этому периоду зависело от политических взглядов и идеологии, господствующей

¹ *Васина Ирина Ивановна* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Екатеринбургского института физической культуры (филиал) УралГУФК Екатеринбург. Россия. E-mail: vasina_irina@mail.ru

в стране. Монархический строй России и Германии в первые десятилетия XX в., все более набирающая силу экономика привели к сближению двух государств. Историки достаточно детально изучили данный период взаимодействия, но следует отметить, что не пришли к однозначному выводу: была ли Россия настолько отсталой, что не могла без иностранной помощи развивать свое промышленное производство. Они также рассматривали партнерство отдельных регионов России как с Германией в целом, так и с отдельными землями, фирмами и пр. Уральский регион как один из основных промышленных районов нашей страны, безусловно, представлял огромный интерес для ученых. Они изучали роль германского капитала в экономике Урала, экспортно-импортных отношениях, развитии промышленности, подготовки кадров и пр.

С конца XIX в. Германия утвердилась на мировом рынке, объем ее внешней торговли увеличивался, рос экспорт машин, оборудования, продукции химической и электротехнической промышленности.² Германская промышленность переросла внутренние потребности и вынуждена была искать внешние рынки сбыта.

На протяжении нескольких столетий Германия и Россия сотрудничали в экономике, промышленности, военном деле. На рубеже XIX–XX вв. в их отношения вмешался мощный экономический фактор: государства превратились в непримиримых конкурентов на рынке сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров – началась таможенная война. Россия и Германия в противовес друг другу повышали таможенные тарифы, что свело к минимуму торговый оборот между двумя странами. Такая политика была невыгодна обоим государствам, все несли большие потери. В итоге под давлением промышленных концернов Германии и русских помещиков-экспортеров сельхозпродукции в 1894 г. был заключен новый торговый договор, который регулировал таможенные отношения между странами, и была провозглашена политика наибольшего благоприятствования. Договор дал мощный импульс экономическому развитию России, укрепил ее позиции на международной арене.

Перипетии российско-германского партнерства, периоды его развития и стагнации исследовали многие отечественные и зарубежные историки, политологи и экономисты. В их публикациях четко просматривается политическая составляющая той или иной страны. В наибольшей степени это относится к советской историографии. С возникновением советского государства мнения историков относительно экономики царской России разделились: одни придерживались мнения, что Россия находилась в перманентном экономическом кризисе. Такие

² Поляк Г.Б. История мировой экономики: учебник для вузов / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 66.

исследователи, как Н.П. Ионичев, Ю.А. Буранов, С.Г. Кара-Мурза и др., преуменьшали уровень промышленного развития царской России, показывая страну аграрной и технически отсталой от западных стран.³

Такой же позиции придерживались и некоторые западные ученые, как, например, Г.-Г. Нольте, А. Гершенкрон и пр.⁴ К примеру, профессор Г. Нольте причислял Россию к «полупериферийным» странам и подчеркивал, что, «когда Россия догоняла Запад в отдельных отраслях, Запад снова оказывался уже далеко впереди в своем совокупном развитии».⁵ А. Гершенкрон, отмечая отсталость России от западных стран, видел в этом некоторое преимущество, которое выражалось в возможности ускоренного развития благодаря импорту новейшей техники и технологий у более развитых стран.⁶ Другие ученые считали, что промышленный рост нашей страны в указанный период шел большими темпами и, если бы не Февральская революция, Россия вышла бы на передовые позиции по экономическому росту⁷.

Одним из пионеров изучения мирового экспорта капиталов был российский экономист Б.Ф. Брандт.⁸ В конце XIX в. он на примерах отдельных государств рассмотрел причины данного процесса и пришел к выводу, что экспорт капитала является неизбежным экономическим законом, в котором в равной степени заинтересованы экспортирующие и импортирующие страны. Особое внимание Б.Ф. Брандт уделил усилению конкуренции Германии на всех иностранных рынках.

Партнерство России и Германии в дореволюционный период исследовали такие ученые, как А.Н. Зак, Л.Я. Эвентов, В.С. Зив⁹. Они

³ *Ионичев Н.П.* Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М.: Аспект, 2001. 399 с.; *Он же.* Международные экономические отношения капиталистической России. М.: МГУП, 2001. 314 с.; *Буранов Ю.А.* Горные заводы Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 20 с.; *Он же.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 261 с.

⁴ *Nolte H.-H.* Kleine Geschichte Russlands. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2005. 544 S.; *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. 456 p.

⁵ *Nolte H.-H.* Op. cit. S. 449.

⁶ *Gershenkron A.* Op. cit. S. 34-35.

⁷ *Бразоль Б.Л.* Белая книга России. Царствование императора Николая II. 1884–1917. В цифрах и фактах. М., 1990. 16 с.; *Анфимов А. М.* Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С.58-76.; *Туголев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны. Ч.1 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 27-46.

⁸ *Брандт Б.Ф.* Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч.1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 352 с.

⁹ *Зак А.Н.* Немцы и немецкий капитал в русской промышленности. СПб, 1914. 57 с.; *Зив В.С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Выпуск 1. Германские капиталы. Пг., 1915. 106 с.; *Эвентов Л.Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М; Л., 1931. 624 с.

анализировали статистические данные о размерах инвестиций, их динамике с начала XX в., сравнивали объемы германских капиталовложений с капиталами других стран. Историки указывали, что следы германских инвестиций видны практически во всех отраслях промышленности: химической, электротехнической, машиностроении. Германские компании были заинтересованы в добыче сырья для производства минеральных удобрений, красителей, серной кислоты и прочего.¹⁰

В литературе, посвященной развитию промышленности Урала, следует отметить работы советских историков С.П. Сигова, Ю.А. Буранова¹¹ и др. С.П. Сигов одним из первых исследовал историю развития горнозаводской промышленности региона с XVIII в. до Февральской революции 1917 г. Ученый считал, что экономический кризис первых лет XX в. стал причиной разрушения прежнего горнозаводского типа хозяйства и появлению на Урале нового крупного капитала, в том числе иностранного.¹²

Ю.А. Буранов изучал историю развития горнозаводской промышленности Уральского региона с XVIII в. до 1917 г., ее отличия от развития промышленности других регионов России, исследовал процесс акционирования уральской промышленности на рубеже XIX – XX вв. Автор пришел к выводу, что реновация производств, обновление технической базы носили «урывчатый» характер, а такие сферы, как добыча сырья, транспортная система, были устаревшими.

В советский период историки исследовали различные аспекты сотрудничества России и Германии. Необходимо отметить, что с 1935 г. и вплоть до 1955 г. господствовала «сталинская» историография. Она заключалась в партийно-классовом подходе к оценке взаимоотношений со странами-партнерами, избирательности в анализе фактов. Ученые вынуждены были придерживаться официальной трактовки, которая менялась в зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры. Исследователи, находившиеся под давлением идеологического пресса, оказывались перед неразрешимой дилеммой: с одной стороны, обязанные доказывать готовность России к построению социализма, они в чем-то склонны были завышать уровень развития страны; с другой стороны, показывая преимущества нового строя перед капитализмом, преуменьшать успехи предреволюционного периода. Все это обусловило достаточно «вольное» обращение с источниками.

¹⁰ *Зив В.С.* Указ. Соч. С. 66.

¹¹ *Сигов С.П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск: ОГИЗ, 1936. 293 с.; *Буранов Ю.А.* Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII-начале XX вв. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. 140 с.

¹² *Сигов С.П.* Указ. соч. С. 107.

С середины 1950-х гг. после XX съезда КПСС происходит поворот в отечественной историографии: создается школа германистов, укрепляются взаимодействия советских и зарубежных историков, отечественные историки проводят историографические исследования ранее закрытых архивов. В это время появляются труды А.С. Ерусалимского, В.Б. Ушакова, В.С. Дякина¹³ и др. В.С. Дякин в своих работах приводит сравнительный анализ данных о соотношении иностранных капиталов в промышленности России на рубеже XIX–XX вв.: французского, бельгийского, германского и др. Особое внимание автор уделит роли германского капитала в развитии электропромышленности нашей страны.

В целом работы советских ученых внесли значительный вклад в исследование проблемы взаимосвязей России и Германии, в том числе на примере Урала, обозначили основные методические принципы и методологические подходы в изучении сложного для нашей страны периода первой трети XX в.

В постсоветский период российская историография, освобожденная от идеологических пут, продолжила лучшие традиции советской исторической школы. В последние годы вышли в свет крупные исследования, посвященные анализу связей России с другими государствами. Привлечение новых архивных документов, в том числе благодаря доступу к зарубежным архивным фондам привело к объективному анализу существующих концепций, к изменению оценки технико-экономического сотрудничества России и Германии, в том числе в рамках Уральского региона, разработке ранее не изученных тем. На страницах журналов, на сайтах Интернета, в научных работах ведутся дискуссии об успехах экономики царской России в начале века и ее зависимости от иностранных капиталов.

Монархический строй России и Германии во второй половине XIX в., все более набирающая силу экономика привели к сближению двух государств. Историки достаточно детально изучили данный период, но следует отметить, что не пришли к однозначному выводу, была ли Россия настолько отсталой, что не могла без иностранной помощи развивать свое промышленное производство. Такие историки, как

¹³ *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность. М.: Наука, 1964. 664 с.; *Ушаков В.Б.* Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Изд-во «ИМО», 1958. 158 с.; *Дякин В.С.* Из истории проникновения иностранных капиталов в электропромышленность России («Большой русский синдикат 1899 г.») // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 208-239; *Он же.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. 288 с.

О.А. Арин, А.Г. Донгаров, И.М. Бобович¹⁴, придерживаются мнения, что революция спасла Россию от экономической колонизации ведущими европейскими державами.

О.А. Арин в своей работе анализирует место царской России среди великих держав того времени. Автор утверждает, что введение капитализма, с одной стороны, способствовало развитию экономики нашей страны, а с другой, вело к утрате экономической и политической независимости, к превращению государства в объект манипулирования со стороны основных европейских держав. Он говорит, что Россия для западных стран выступала в качестве источника сырья, а также как рынок сбыта промышленных товаров. С помощью цифр, взятых из отечественных и зарубежных источников, а также статистики, сделанной В.И. Лениным, доказывает зависимость экономики России от ведущих стран Запада.¹⁵

Противоположных взглядов придерживается Б.М. Туполев. Он высказывает мнение, что, хотя Германия была одним из основных экспортеров промышленной продукции, это не привело к политической зависимости Российской империи от Германии. Нередко выдвигавшийся в советской историографии о русском империализме тезис, что царская Россия перед Первой мировой войной превратилась в «полуконию» Запада, не подтверждается состоянием германо-русских отношений.¹⁶ Таким образом, несмотря на политические разногласия, авторы, опираясь на данные статистики, приходят к единому мнению о росте экономики России, отмечая значительный вклад германского капитала.

Следует отметить трехтомный труд В.И. Бовыкина¹⁷, посвященный истории формирования финансового капитала в России, вопросам развития промышленности и экономики и влиянию иностранного предпринимательства на этот процесс. Исследования ученого базируются на архивных материалах крупных французских и бельгийских частных банков, предприятий тяжелой промышленности, особенно машиностроительных и металлургических, что позволило автору

¹⁴ Арин О.А. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX – начало XX века). М.: Лиор, 1999. 64 с.; Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 247 с.; Бобович И.М. Экономическая история России. 1861-1914. СПб.: [Б.и.], 1996. 136 с.

¹⁵ Арин О. А. Указ. соч. С. 14, 23-37.

¹⁶ Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны. Ч.1 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 27-46.

¹⁷ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 378 с.

оценивать роль иностранных, в том числе и германского, капиталов в экономике и промышленности России. Историк отмечает изменения в характере взаимоотношений России с западными капиталистическими государствами в начале XX в., говоря, что из «объекта экономического воздействия она начала превращаться в субъекта взаимодействия с ними».¹⁸

Среди зарубежных исследований следует отметить работу В. Кирхнера.¹⁹ Автор провел анализ участия немецких капиталов в разных отраслях промышленного производства: машиностроительной, металлургической, электротехнической, химической, угольной. Ученый характеризует деятельность известных германских компаний, которые устремились на российский рынок для создания филиалов, и пришел к заключению, что «... немецкие фирмы, основывая фабрики, способствовали развитию русской промышленности и меньше вывозили денег из страны, а больше реинвестировали».²⁰

Таким образом, ученые разделились на две группы: часть из них придерживалась мнения, что в конце XIX – начале XX вв. развитие экономики и промышленности в России шло быстрыми темпами, в том числе за счет укрепления взаимоотношений с иностранными государствами. Они считали, что, если бы не революция 1917 г., Россия вырвалась бы в своем развитии далеко вперед. Вторая группа ученых полагала, что народное хозяйство России слишком отставало от западных стран, а сама страна выступала лишь как рынок сбыта для более развитых западноевропейских государств.

Многие работы были посвящены изучению истории Уральского региона. Уральский историк Д.В. Гаврилов в книге «Горнозаводской Урал XVII–XX вв.»²¹ изучает историю, а также социально-экономические особенности развития горнозаводской промышленности края, дает оценку экономической ситуации в регионе в конце XIX – начале XX вв., анализирует состояние промышленности, попытки ее восстановления и реконструкции нередко посредством сотрудничества с иностранными заводами и концернами.

¹⁸ Бовыкин В.И. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands. 1815-1914. St. Katharinen, 1986. 409 S.

²⁰ Ерохина О.В., Токунова Г.Ф. Германские инвестиции в Российской экономике: вчера и сегодня // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 122.

²¹ Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 615 с.

Истории развития черной металлургии посвятил свои труды В.В. Запарий.²² Работы «История и историография черной металлургии Урала» и «Черная металлургия Урала XVIII–XX веков» дают подробную и масштабную картину формирования и трансформации этой отрасли промышленности. Рассматривая историю металлургического комплекса Урала за триста лет, В.В. Запарий отметил существенное влияние на ее развитие технико-экономических связей с Германией как в конце XIX в. так и в 20-е гг. XX в.

Масштабное исследование внешнеэкономических связей предприятий Урала проводил В.П. Тимошенко. Изучая деятельность концессионных предприятий, смешанных обществ и неконцессионных форм привлечения иностранного капитала (договора о технической помощи) в Уральском регионе, ученый делает вывод, что опыт совместного предпринимательства оказал позитивное влияние на развитие экономики и промышленности края.²³

Роль Германии в развитии промышленности Российской империи, и в частности Уральского региона, достаточно хорошо освещена в отечественной и зарубежной литературе. Но до сих пор остаются дискуссионными вопросы, было ли участие немецкого капитала решающим в ликвидации технико-экономической отсталости горнозаводского Урала. Таким образом, эта проблем ждет своего дальнейшего изучения и решения.

Библиография

1. *Анфимов А. М.* Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С.58-76.
2. *Арин О.А.* Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX – начало XX века). М.: Линор, 1999. 64 с.
3. *Бобович И.М.* Экономическая история России. 1861-1914.СПб.: [Б.и.], 1996. 136с.
4. *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 378 с.
5. *Бразоль Б.Л.* Белая книга России. Царствование императора Николая II. 1884–1917. В цифрах и фактах. М., 1990. 16 с.
6. *Брандт Б.Ф.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. Ч.1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 352 с.
7. *Буранов Ю.А.* Горные заводы Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 20 с.
8. *Буранов Ю.А.* Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII–начале XX вв. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. 140 с.

²² *Запарий В.В.* Черная металлургия Урала XVIII – XX веков. Екатеринбург, 2001. 304 с.; Он же. История и историография черной металлургии Урала // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. №1. С.160-169.

²³ *Тимошенко В.П.* Пионеры прибыли. Иностранный капитал и промышленный подъем на Урале на рубеже XIX–XX вв. // ЧиновникЪ. №298. URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=206>

9. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 261 с.
10. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: избранные труды. Екатеринбург: УрОРАН, 2005. 615 с.
11. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 247 с.
12. Дякин В.С. Из истории проникновения иностранных капиталов в электропромышленность России («Большой русский синдикат 1899 г.») //Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 208-239.
13. Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. 288 с.
14. Ерохина О.В., Токунова Г.Ф. Германские инвестиции в Российской экономике: вчера и сегодня // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 120-125.
15. Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М.: Наука, 1964. 664 с.
16. Зак А.Н. Немцы и немецкий капитал в русской промышленности. СПб, 1914. 57 с.
17. Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII – XX веков. Екатеринбург, 2001. 304 с.
18. Запарий В.В. История и историография черной металлургии Урала // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. №1. С.160-169.
19. Зив В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Выпуск 1. Германские капиталы. Пг., 1915. 106 с.
20. Ионичев Н.П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М.: Аспект, 2001. 399 с.; Он же. Международные экономические отношения капиталистической России. М.: МГУП, 2001. 314 с.
21. Поляк Г.Б. История мировой экономики: учебник для вузов / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ, 2002. 727 с.
22. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск: ОГИЗ, 1936. 293 с.
23. Тимошенко В.П. Пионеры прибылей. Иностранный капитал и промышленный подъем на Урале на рубеже XIX–XX вв. // ЧиновникЪ. №298. URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=206>
24. Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны. Ч.1 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 27-46.
25. Ушаков В.Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Изд-во «ИМО», 1958. 158 с.
26. Эвентов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М; Л., 1931. 624 с.
27. Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. 456 p.
28. Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands. 1815-1914. St. Katharinen, 1986. 409 s.
29. Nolte H.-H. Kleine Geschichte Russlands. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2005. 544 s.

С.В. Голикова¹
Екатеринбург

«УПЛОТНЕНИЕ»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ УЧИЛИЩНЫХ ЗДАНИЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЛЯ НУЖД АРМИИ

Значительно возросшая в начале XX в. материальная база российской системы образования в Первую мировую войну активно использовалась для тылового обеспечения вооруженных сил: при организации и проведении мобилизации, под постой войск, при размещении госпиталей для лечения раненых. Учебные заведения ютились в закоулках своих прежних зданий и в наемных помещениях. Условия их существования негативно сказывались на организации и результатах учебного процесса, становились угрозой жизни и здоровью учащихся.

Ключевые слова: Первая мировая война, система образования, мобилизация, учебный процесс, размещение госпиталей.

S.V. Golikova
Yekaterinburg

“SEALING”: USE IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR OF THE PERMAN PROVINCE SCHOOL BUILDINGS FOR THE NEEDS OF THE ARMY

Significantly increased at the beginning of the XX century. The material base of the Russian education system in the First World War was actively used for logistical support of the armed forces: when organizing and carrying out mobilization, under a troop station, when placing hospitals to treat the wounded. Educational institutions huddled in the back streets of their former buildings and in rented premises. Their conditions of existence negatively affected the organization and results of the educational process, became a threat to the life and health of students.

Keywords: The First World War, the education system, mobilization, the educational process, the placement of hospitals.

В первые годы XX в. система народного образования России бурно развивалась: повсюду открывались средние учебные учреждения, с 1907 г. начались «подготовительные работы по введению всеобщего обучения» в начальной школе. Зримым воплощением этих усилий стал рост числа специализированных школьных зданий. Капитальные, спроектированные для учебы с учетом последних требований санитарно-гигиенической науки, рассчитанные на школьно-урочную систему, с кабинетами, устроенными для преподавания отдельных учебных дисциплин, с рекреационными залами такие здания являлись предметом гордости и постоянных забот попечительских советов учебных заведений.

Размещаясь, как правило, в центре города, они были призваны служить его украшением и достопримечательностью. Старейшие учреждения к этому времени обзавелись собственными пансионами, храмами,

¹ *Голикова Светлана Викторовна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. Россия. E-mail: avokilog@mail.ru

разбили вокруг принадлежащих им зданий сады и больше напоминали учебные городки. Первая Екатеринбургская казенная женская гимназия «с пансионом, церковью, с квартирами помощницы начальницы гимназии и духовенства, размещалась в собственных, целесообразно устроенных домах по Вознесенскому проспекту и Колобовской улице в центральной части города». Здесь имелся сад для прогулок и отдыха гимназисток². В период развертывания всеобщего пристальное внимание было обращено на обеспечение собственными помещениями начальных школ. По данным губернаторских отчетов, для них в среднем за год в Пермской губернии вводилось в строй до ста новых зданий, в некоторые годы – больше: в 1911 г. было построено 108, в 1912 г. – 111 зданий³.

С вступлением России в Первую мировую войну созданная для обучения подрастающего поколения материальная база начала использоваться для тылового обеспечения вооруженных сил сначала при организации и проведении военно-мобилизационных компаний под постройкой войск, затем под размещение госпиталей и лазаретов для лечения раненых. Переход школы с остальным тылом на военные рельсы стоит признать самым серьезным вызовом, с которым в начале XX в. столкнулось российское образование.

Мобилизация началась летом, после того, как в училищах был произведен ежегодный ремонт. Со второй половины июля все здания первой Екатеринбургской женской гимназии заняли войска (их нашествию не подвергся только физический кабинет и канцелярия). Правда, в сентябре учебные площади освободили и даже провели там полный ремонт и дезинфекцию за счет города стоимостью более 1224 руб. Но в январе 1915 г. военные вернулись, отняв у гимназисток значительную часть зданий⁴. Войска были расположены и в духовно-учебных учреждениях города. В семинарских классах, духовном и епархиальном училищах пришлось даже переносить на 9 сентября начало занятий в связи с «нуждами военного времени»⁵. Считалось, что хуже всех снабжены учебными помещениями церковно-приходские школы. Однако в уездных городах их не минула общая доля. В Шадринске формирующимися военными частями были заняты все подобные школы города, в Верхотурье – двухклассная и монастырская Покровская школа, в Камышловое – Александрово-Невское училище⁶.

² Отчет попечительного совета Екатеринбургской 1-й женской гимназии за 1914 год // Отчет о состоянии Екатеринбургской 1-й женской гимназии за 1914 год. Екатеринбург, 1915. С. 4.

³ Голикова С.В. Школьно-строительный фонд имени Петра Великого и его деятельность в Пермской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 46.

⁴ Отчет попечительного совета Екатеринбургской... С. 4-5.

⁵ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 32. Отд. офиц. С. 324.

⁶ Обтмперанский А. Отчет екатеринбургского епархиального наблюдателя школ за 1914-1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 3. Приложение. С. 6-7.

С окончанием массовых мобилизаций формирование армейских подразделений не прекратилось. В уездных и губернском городах скапливалось большое количество призванных, дожидавшихся отправки на фронт иногда довольно долгое время, увеличились также постоянные воинские гарнизоны. Чтобы наладить (и даже начать) учебный процесс, училищам приходилось потесниться. Соликамская женская гимназия вынуждена была снять дом у Невзорова, а также занять часть здания городского общества. Отстроенное специально для нее новое здание было отдано солдатам⁷. Вторая мужская гимназия г. Перми, наоборот, наемное здание отдала под лазарет – сама ютилась в собственном, которое и до этого едва удовлетворяло ее потребностям. «Об удобствах помещения говорить совершенно невозможно: учащимися забиты все комнаты», жаловались учителя⁸. Первой Екатеринбургской женской гимназии в главном учебном здании оставили только 7 комнат, остальные для проведения уроков пришлось взять в пансионе⁹. В здешнем епархиальном училище под постой был отдан «красный» корпус. Один из классов перевели в резиденцию епархиального иерея. Владыка «уступил» епархиалкам «одну из лучших, весьма просторных комнат своего помещения, предоставив при этом и свое отопление для нее»¹⁰.

Школы, в собственных зданиях которых разместились войска, вынуждены были подыскивать наемные, плохо приспособленные для учебных нужд помещения. Для верхотурских двухклассной и Покровской школ нашел временные помещения Николаевский монастырь. Церковно-приходские школы Шадринска лишь к началу ноября нашли временное пристанище: одна в нижнем этаже церковного дома, другая в здании бывшей пивной лавки. В Камышловле же Александро-Невскую церковно-приходскую школу пришлось поместить вместе с Соборной¹¹. В особо сложном положении оказались учебные заведения интернатного типа, в которых жили в пансионах и получали образование многочисленные иногородние учащиеся. В Екатеринбургском епархиальном училище пришлось сосредоточить все классы в общежитном корпусе, а под обще-

⁷ Доклад управы о средних учебных заведениях // Постановления 35 чрезвычайной и 46 очередной сессии Соликамского уездного земского собрания по народному образованию за 1915 год. Соликамск, 1916. С. 99.

⁸ Образование в Пермской губернии XIX – начала XX в. Из истории средних учебных заведений. Пермь, 2019. С. 120.

⁹ Отчет педагогического совета Екатеринбургской 1-й женской гимназии за 1914/15 уч. год // Отчет о состоянии Екатеринбургской 1-й женской гимназии за 1914 год. С. 1.

¹⁰ Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1914-1915 учебный год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 49. Приложение. С. 37.

¹¹ *Обтемпранский А.* Указ. соч. С. 6-7.

жития занять актовый зал, помещение образцовой школы, а часть воспитанниц разместить в квартире начальницы¹².

Администрация призывала учителей и учащихся «потесниться», «потерпеть», однако называла вещи своими именами. Екатеринбургский епархиальный наблюдатель А. Обтеперанский высказался о ситуации, в которой находились местные епархиалки: «Истекший учебный год, благодаря обстоятельствам военного времени, переживаемого отечеством, естественно, не мог протекать в нормальных условиях»¹³. Многие учебные заведения перешли на двухсменную работу. В Екатеринбургской женской гимназии уроки первой смены длились с полдевятого до двенадцати часов дня, второй – с двенадцати до трех-четырёх часов пополудни. Из-за нехватки помещений Министерство народного просвещения позволило ей сократить преподавание необязательных уроков чистописания, рисования, пения, иностранных языков; временно не проводились уроки гимнастики¹⁴.

По замечанию И.В. Синовой, в таком положении находились учебные заведения по всей России: «Война, особенно в больших городах, нарушила систему школьного образования. Ряд училищных зданий был занят под лазареты, и училища объединялись по несколько в одном помещении»¹⁵. Это были первые признаки того, что впоследствии назовут «школьной разрухой». Учитывая «ненормальную» обстановку школьной жизни, попечитель Оренбургского учебного округа отменил экзамены, оставив их только для учащихся выпускного седьмого и дополнительного педагогического восьмого классов, остальных переводили по годовым отметкам¹⁶. В женских гимназиях, например, в качестве оценки за год следовало получить полную удовлетворительную оценку. Если преподаватель ставил тройку с минусом, то девочки оставались не на переэкзаменовку, как обычно, а на поверочное испытание¹⁷.

Учебный год стал короче. Министерство народного просвещения распорядилось «по условиям военного времени» окончить его к 1 мая, а в прежние годы земские школы Соликамского уезда работали до 20 мая¹⁸. Председатель педагогического совета Соликамской женской гимназии

¹² Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального... С. 38.

¹³ Там же. С. 17, 32.

¹⁴ Отчет педагогического совета Екатеринбургской... С. 1, 8.

¹⁵ Синова И.В. «Мальчики под военной грозой притихли...»: Патриотизм и девятици лет детей в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 121.

¹⁶ Общими силами. 1915. № 3. С. 25.

¹⁷ Извлечения из постановлений земского собрания. Заседание 17 июля 1915 г., п. 7 о женской гимназии // Постановления 35 чрезвычайной... С. 24.

¹⁸ Извлечения из постановлений земского собрания. Заседание 17 июля 1915 г., п. 16 о школьном строительстве // Постановления 35 чрезвычайной... С. 32.

А.И. Иванов признавал этот год «исключительным» в учебной жизни, поскольку гимназистки, закончив учебу «ранее чем на месяц против обыкновенного», не успели пройти всю программу¹⁹. В женских гимназиях к 1 мая планировали завершить выпускные экзамены.

Аналогичные изменения наблюдались и в духовно-учебных заведениях. Екатеринбургское епархиальное училище 2 января 1915 г. обратилось в Святейший синод с ходатайством о сокращении времени занятий в первых трех младших классах училища к пасхальным каникулам (13 марта). «В виду исключительных условий» военного времени ему разрешили перенести сроки окончания учебы, а также перевести в следующие классы без экзаменов (по годовым баллам) воспитанниц младших классов. Для старшекласниц (с четвертого по шестой) переводные и выпускные экзамены начались на полторы недели раньше²⁰. Училищный совет Пермской епархии распорядился окончить занятия в младших группах церковно-приходских школ к 15 апреля, отменив для учащихся экзамены и переводя их в старшую группу по годовым успехам. В выпускных группах экзамены оставались и их должны были провести также до 1 мая²¹.

После летних вакаций ситуация в городах осталась прежней. Церковные власти описывали обстановку в Екатеринбургском епархиальном училище: «Неизменившиеся условия тяжелой военной эпохи в наступившем новом учебном году поставляют в необходимость, по примеру прошлого года, помещаться классам ... и пансиону в одном только белом здании. Разделяя эту, общую для всех учебных заведений невзгону – приходится, конечно, мириться с создавшимся положением, стоически переносить все, проистекающие от этого неудобства...»²². Училище вынуждено было пойти на такую непопулярную меру, как сокращение количества пансионеров. Его администрация извещала: «Вследствие неосвобождения красного здания ... от постоя войск и тесноты имеющихся и нанятых помещений, количество живущих в пансионе в силу необходимости будет сокращено». Дочерям состоятельных родителей предложили временно переехать на частные квартиры²³. В столь стесненных условиях находились епархиалки, демонстрирует факт откладывания большого церковного праздника. Юбилей со дня кончины

¹⁹ Извлечения из постановлений земского собрания. Заседание 17 июля... С. 24.

²⁰ Из жизни Епархиального училища // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 8. Отд. неофиц. С. 158.

²¹ Отчет о составе церковных школ Соликамского уезда за 1914/1915 год // Постановления 35 чрезвычайной... С. 208.

²² Н.С. Из жизни Епархиального училища // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 39. Отд. неофиц. С. 686.

²³ От Совета Екатеринбургского епархиального женского училища // Там же. № 34. Отд. офиц. С. 363.

святого князя Владимира из-за отсутствия помещений здесь отметили только 10 ноября, когда после приспособления находящегося на Уктусской улице деревянного дома под спальни одного из классов у руководства училища появилась возможность несколько «разрядить» скученность воспитанниц и «отчасти освободить и училищное зало»²⁴.

Аналогичные трудности испытывала Пермская духовная семинария: ее верхний этаж занимал лазарет земского союза, рассчитанный на 130 кроватей, в среднем находилась рота 107 запасного батальона. «Где же, спрашивается, помещалась семинария? – задавал вопрос автор заметки в «Пермских епархиальных ведомостях» преподаватель этого учебного заведения Н.И. Колосов. Его ответ сводился к следующему: «Она, собственно, нигде не помещалась в надлежащем смысле этого слова, а лишь смиренно и самоотверженно ютилась почти в одном только нижнем этаже семинарского здания, т.е. в том, который раньше удовлетворял лишь второстепенные нужды семинарии, заключая в себе образцовую школу, гардеробную комнату, ученическую столовую, кухню и под». Далее Колосов подробно остановился на режиме работы своего учреждения в таких условиях: «Классы были размещены: 6-й сначала на хорах Крестовой церкви архиерейского дома, а потом, с великого поста в ученической библиотеке, 5-й в учительской комнате, причем учительская была перенесена в тесное помещение правления семинарии, 4 и 3 классы были размещены в смежных помещениях образцовой школы, причем образцовая школа была перенесена в наемное помещение подворья Белогорского монастыря, а когда военное начальство попросило и оттуда убраться, – в Стефановскую церковно-приходскую школу, где занятия происходили во вторую смену; 2-й и два первых класса были размещены в семинарской столовой. До двух часов здесь дети занимаются, а в 2,5 часа здесь же происходит общий обед. Потом до 4-5 вечера столовая опять бывает классами, от 4-5 часов – столовой, где ученики пьют чай, от 5 до 9 – классами, где ученики готовят уроки, от 9 до 9,5 – столовой, действующей для ужина, и потом от 9 до 11 час. вечера – опять классами. Но где же ученики, живущие в общежитии, которых всего было 120 человек, спали? Спали они частью в квартире о/тца/ ректора, арх/iepископа/ Пимена, частью в квартире г. инспектора, частью в прежней гардеробной, причем гардеробы были расставлены по коридору, идущему через все нижнее помещение семинарии, частью в сем/инарской/ больнице и, наконец, в совершенно пустовавшем ранее и, казалось, никуда не годном помещении – над семинарской банею...»²⁵.

²⁴ С-в П.Н. В Епархиальном училище // Там же. № 48 С. 819.

²⁵ К[олосов Н.И.] Честь и слава // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 15. Отд. неофиц. (отд. оттиск). С. 1-2.

Городские училища Перми практически в полном составе оставались в наемных помещениях, «предоставив свои собственные для госпиталей и лазаретов раненых и больных воинов и для расквартирования различных воинских частей». Шестое мужское училище снимало дом у Ранштейна, восьмое – у Файзуллина, девятое и десятое – у Зенкова, пятое и шестое женские – у Щербаченко, седьмое женское – у Бакеева, восьмое – у Ванштейна. Смешанное Гоголевское училище переехало в окраинную Заимку в дом М.В. Мешкова. Наиболее неблагоприятной оказалась судьба седьмого мужского училища: 1 б, 2 а и 3 б классы учились в одном здании с восьмой мужской школой в доме Файзуллина, остальные первые, вторые и третьи классы вместе с двухклассным земским мужским училищем снимали дом Эскина, а параллельные отделения разместились во второй мужской гимназии. Городская торговая школа должна была «делить свое помещение» с коммерческим училищем, здание которого город отдал под постой войск. Здесь же находился и лазарет, только во втором полугодии «выведенный» из школы. Лишь тогда для работы обоих учебных заведений были созданы «довольно сносные условия»²⁶.

Сложившееся положение значительно увеличивало расходы городской управы на наем школьных помещений. Из-за их недостатка многие училища города продолжали работать в две смены. В первом полугодии на долю коммерческого училища, вселенного в здание городской торговой школы, выпали занятия во вторую смену, которые начинались в час дня и продолжались до шести часов вечера. Преподаватели считали, что такая организация учебного процесса негативно отразилась «на психике и работоспособности учащихся»²⁷. Съемные дома оказались «не совсем удобными» для проведения обычных школьных уроков, не говоря уже про занятия физкультурой. «Меры к правильной постановке физического развития» в городских училищах губернской столицы отложили «до более подходящего времени». Необходимость занять под класс в городской торговой школе часть рекреационного зала заставила отказаться и здесь от занятий гимнастикой. В наемных малоприспособленных зданиях учителя и школьники «принуждены были мириться с условиями, идущими в разрез с требованиями школьной гигиены». В пятом и седьмом женских училищах отсутствовала вентиляция, восьмое ютилось в ветхом здании над расположенной в нижнем этаже прачечной²⁸.

Благодаря тому, что в конце лета 1915 г. войска были выведены из г. Соликамска, уездное земство смогло провести рокировку в разме-

²⁶ Отчет по народному образованию. Городские начальные училища в 1915-1916 учебном году. Пермь, 1917. С.1-2, 40.

²⁷ Там же. С. 1, 44.

²⁸ Там же. С. 19, 40.

щении своих средних учебных заведений. Здание женской гимназии приводилось в порядок после воинского постоя и туда собирались водворить восемь классов, остальные оставались в здании городского общества. Освободившийся дом Невзорова земцы вновь планировали взять в наем теперь уже для мужской гимназии²⁹.

Продолжалась практика сокращения учебного года. В Пермской мужской духовной семинарии в 1916 г. он закончился 8 мая, «приблизительно на месяц раньше сравнительно с нормой»³⁰. Однако в самое тяжелое положение во втором военном учебном году попало Екатеринбургское епархиальное училище. Его администрация отдавала отчет в том, что приходится «заранее учитывать и предвидеть все неблагоприятные последствия, какие только можно ожидать во всех сторонах учебной и воспитательной жизни от скученности учащихся в тесных жилых помещениях и от излишней переполненности классов», которые доходили до 65 учениц³¹.

Девочки были лишены возможности «выполнить часто даже элементарные требования гигиены». Здесь отслеживали «болезни простудного характера», однако полной неожиданностью стало появление в ноябре месяце случаев заболевания скарлатиной, дифтеритом и брюшным тифом. «Неизвестно откуда занесенными» скарлатиной и дифтеритом заразились по две воспитанницы, а брюшным тифом – даже три. Училищный врач и известные в городе врачи-специалисты приняли «энергичные меры», но спасти всех им не удалось. У Елизаветы Шишовой, заболевшей дифтеритом 15 октября, болезнь протекала остро и закончилась осложнениями. Эту иногороднюю, родом из Верхотурского уезда, воспитанницу самого младшего (первого) класса спасти не удалось, 1 ноября она скончалась в училищной больнице. У также иногородней из Екатеринбургского уезда ученицы 4 класса Анемаисы Федоровой 2 ноября диагностировали брюшной тиф и положили в училищную больницу. Через две недели она скончалась от тяжелой формы этой инфекции³².

16 ноября училище направило ходатайство о прекращении занятий и роспуске всех воспитанниц по домам до окончания рождественских каникул. Хотя законодательство разрешало приостанавливать учебу

²⁹ Доклад управы о средних... С. 99.

³⁰ К[олосов Н.И]. Указ. соч. С. 1.

³¹ Н.С. Указ. соч. С. 686.

³² С-в П.Н. В Епархиальном училище // Екатеринбургское епархиальные ведомости. 1915. № 48. 820-821; Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1915/1916 учебный год // Там же. 1917. № 9. Приложение. С. 26.

таких случаях всего на 2 недели, учебному заведению для проведения тщательного обеззараживания здания выделили большее время. Формалином были обработаны помещения и все вещи, в первую очередь бельё, постельные принадлежности, мебель в классах³³. 9 января 1916 г. учреждение начало работать, но учебный процесс неожиданно был прерван распоряжением городских властей отдать под военный лазарет последний корпус. 7 апреля преподавателям и учащимся пришлось «спешно закончить учебный год и совершенно освободить училище со всем училищным хозяйством, имуществом, инвентарем». Девочки проучились всего 5 месяцев. Епархиальный наблюдатель с горестью констатировал: «...не пройденными полностью оказались следующие предметы: гражданская история во всех классах, дидактика в курсе 5 класса, космография, география в курсе 2 и 5 классов, арифметика в курсе 3 и 4 классов, геометрия в курсе 5 класса, история литературы в курсе 5 и 6 классов, физика в курсе 5 и 6 классов, русский язык в курсе 2 класса и церковнославянский язык в курсе 4 класса»³⁴.

«Уплотнение» – термин, родившийся в советское время, но он точно объясняет действие местных властей по отношению к школам, как только города и земства столкнулись с проблемой размещения военных. Даже они вынуждены были признать, что, «являясь одним неразрывным целым с жизнью, школа несла и все военные тяготы, которые особенно заметны стали во второй год войны»³⁵. Ей пришлось потесниться, ютиться в закоулках своих прежних зданий и в наемных помещениях. Такие условия негативно сказывались на организации и результатах учебного процесса, становились угрозой жизни и здоровью учащихся и закладывали основу будущей «школьной разрухи».

Библиография

1. Голикова С.В. Школьно-строительный фонд имени Петра Великого и его деятельность в Пермской губернии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 41-50.
2. К[олосов Н.И.] Честь и слава // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 15. Отд. неофиц. (отд. оттиск). 6 с.
3. Н.С. Из жизни Епархиального училища // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 39. С. 685-686.
4. С-в П.Н. В Епархиальном училище // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 48. С. 819-822.
5. Синова И.В. «Мальчики под военной грозой притихли...»: Патриотизм и девиации детей в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 121-123.

³³ Там же.

³⁴ Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1915/1916 учебный год. С. 13, 19.

³⁵ Отчет по народному образованию. С.1.

Л. А. Дашкевич¹
Екатеринбург

ЗЕМСКОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX в. Екатеринбургское земство обратилось к общероссийской практике открытия русско-иностранцев училищ в соответствии с Правилами от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию иностранцев». Все заботы об открытии и хозяйственном состоянии русско-башкирских школ в уезде Екатеринбургское земство взяло на себя, ставя задачу развития просвещения среди населения районов, неблагополучных в экономическом отношении. В 1917 г. действовали 6 учебных заведений этого типа (Берденишское, Саринское, Калужбаевское, Карабольское, Алабужское, Старо-Асановское). Либерализация вероисповедной политики правительства после революции 1905 г. привлекла внимание земских деятелей к конфессиональным школам уезда. С 1908 г. началась выдача земских пособий этим учебным заведениям, общая сумма которых составляла в 1916 г. 3 915 руб. Помощь оказывалась так называемым «новометодным» мектебе, включившим в свою программу общеобразовательные предметы.

Ключевые слова: Пермская губерния, XIX – начало XX в., образование, «иностранцы».

L. A. Dashkevich
Yekaterinburg

ZEMSKY FINANCING OF THE NATIONAL SCHOOLS OF THE EKATERINBURG UEZD AT THE LATE XIX - BEGINNING XX centuries

At the end of the XIX century. The Yekaterinburg zemstvo turned to the all-Russian practice of opening Russian-foreign schools in accordance with the Rules of March 26, 1870 "On measures for the education of foreigners inhabiting Russia." The Yekaterinburg Zemstvo took upon itself all the worries about the opening and the economic state of Russian-Bashkir schools in the district, setting the task of developing education among the population of economically disadvantaged areas. In 1917, there were 6 educational institutions of this type (Berdenish, Sarinskoe, Kaluzhbaevskoe, Karabolskoe, Alabuga, Staro-Asanovskoe). The liberalization of the government's religious policy after the 1905 revolution drew the attention of zemstvo leaders to the confessional schools of the district. Since 1908, the distribution of zemstvo allowances to these educational institutions began, the total amount of which in 1916 was 3,915 rubles. Assistance was provided to the so-called "new method" mekteb, which included general education subjects in their curriculum.

Keywords: Perm province, XIX - early XX century, education, "foreigners".

Екатеринбургский уезд, как и вся Пермская губерния, относился в XIX в. к территориям, значительную часть населения которых составляли так называемые «иностранцы». По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., 3,4 % жителей уезда (14 119 из 412 296 чел.) составляли нерусские этносы: татары, башкиры, мещеряки, маришцы,

¹ Дашкевич Людмила Александровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: ldash54@mail.ru

удмурты, коми и пр.² Большая часть их исповедовала ислам. Современники и исследователи отмечают, что значительную роль в жизни и культуре исламского сообщества играло образование. В XVI в. на Урал вместе с исламом пришел культ Слова, запечатленного в Коране, и каждый мусульманин обязан был постигать его в течение всей своей жизни. Для этого требовалась грамотность, считавшаяся для каждого правоверного мусульманина обязательной. На Урале при многих мечетях издавна были открыты традиционные конфессиональные школы (mektebe и медресе), которые находились в ведении мусульманских священнослужителей и содержались на средства населения и зажиточных лиц.

Государство обратилось к проблеме национального образования мусульман в 1870 г., когда были созданы особые правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». В их основу были положены идеи видного востоковеда, миссионера и педагога Н. И. Ильминского. Правила 1870 г. ввели в жизнь новый тип начальных школ для нерусского населения империи, учебный курс которых включал русский язык, чистописание, арифметику и мусульманское вероучение. Первоначальное обучение «инородцев» в школе осуществляли учителя из той же среды, что и учащиеся, хорошо знавшие их образ жизни, нравы и обычаи и в то же время владеющие русским языком. По мнению современных историков, русско-«инородческое» образование стало одним из инструментов «мягкой силы» империи, стремившейся включить этнически разнообразные регионы в политико-правовое и социокультурное пространство государства и сформировать единую идентичность «российского подданного»³.

Екатеринбургское земство поддержало идею создания структуры русско-инородческого образования. Постановлением 27-го очередного уездного земского собрания (1896 г.) были выделены средства на создание первой в уезде русско-башкирской школы в деревне Асановой Саринской волости в размере 650 руб.: 180 – на наем квартиры для размещения классов, 50 – на учебные пособия, 360 – на жалованье учителю, 60 – вероучителю. Асановская русско-башкирская школа открылась 3 февраля 1897 г. в доме, арендованном у местного жи-

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. СПб., 1904. С. 109.

³ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018; *Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П.* Мусульманские общины азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань, 2018.

теля Османа Мухамедиарова. Для преподавания в ней был приглашен рекомендованный инспектором инородческих училищ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринским учитель Хусаин Мухаммедов Терегулов, получивший образование в Оренбургской татарской учительской школе.

Результаты первого года работы Асановской русско-башкирской школы были достаточно высоко оценены в докладе уездной управы 28-му очередному уездному земскому собранию (1897 г.), где указывалось, что эта школа показала «желательный тип этих довольно своеобразных учреждений». Исходя из опыта работы Асановской школы, управа предлагала открыть в уезде второе русско-башкирское училище, получив для этого средства «со стороны». До членов управы дошли «частные сведения» о том, что известный всей России жертвователь на дело народного образования тайный советник П. И. Маслов оставил по духовному завещанию крупный капитал на устройство народных школ «в глухих местах России». Комиссия по исполнению духовного завещания умершего благотворителя соглашалась ассигновать 10 тыс. руб. на устройство русской школы в Башкирии при исполнении определенных условий: 1) чтобы селение, где предполагается открыть школу, имело не менее 500 дворов; 2) чтобы школа была обеспечена собственной землей в размере не менее двух десятин; 3) чтобы преподавание в школе велось на русском языке; 4) чтобы в школу был допущен вероучитель-мулла и 5) чтобы школа существовала только на проценты с полученного капитала. Управа предложила земскому собранию возбудить необходимое ходатайство перед комиссией, но предупредила, что процентов с масловского капитала хватит только на жалованье учителю. Со стороны земства потребуются дополнительные расходы: на покупку земли, постройку здания школы, приобретение школьной обстановки. Раскладочная комиссия посчитала эти расходы чрезмерными и рекомендовала собранию отказаться от этого предложения. Русско-башкирскую школу решено было открыть в деревне Караболка на собственные средства в наемном доме. На эти цели было выделено 600 руб.⁴

История открытия русско-башкирской школы в Караболке, однако, оказалась не столь радужной, как в Асаново. Здесь оправдались предположения некоторых членов управы о риске «на случай, если бы русская школа не привилась среди башкир». В деревне Караболка план открытия русско-башкирской школы не встретил сочувствия.

⁴ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXVIII очередной сессии (1897 года) и доклады уездной земской управы и ревизионной комиссии. Екатеринбург, 1898. С. 92.

Приглашенный для преподавания в Караболку воспитанник Казанской татарской учительской школы Мухаммед-Рахим Терегулов писал в уездную управу 5 сентября 1898 г. о том, что часть населения «сильно возмутилась» против его действий по открытию школы. 19 сентября Карабольское волостное правление сообщило уездной земской управе, что на сельском сходе Карабольского общества «общественники единогласно объяснили, что открыть русско-башкирскую школу в деревне Караболке они совсем не желают, квартиру для нее и приговора о принятии школы никто из них не дает»⁵. Уездная управа поручила учителю Терегулову поискать квартиру для размещения училища в соседней деревне Бердениш. 25 сентября 1898 г. договор о найме квартиры для училища в Берденише был заключен, в октябре оно начало работу.

Сложности взаимодействия с местным башкирским населением остудили стремление земства к расширению инфраструктуры русско-инородческих училищ. К концу XIX в. в уезде действовали два подобных училища (Асановское и Берденишское), а в 1902 г. осталось лишь одно. Учитель Асановской школы Терегулов, уехав летом 1902 г. на родину, обратно не вернулся. Земство решило школу закрыть. В октябре 1902 г. все ее вещи были перевезены в кладовые Каслинско-го арестного дома⁶. Восстановили вторую русско-башкирскую школу только в декабре 1904 г. Имущество закрытой Асановской школы перевезли в деревню Сары, где удалось арендовать дом у местного крестьянина В.И. Алексеева. Расходы земства на содержание двух русско-башкирских школ в 1904 г. составляли 1440 руб. Эта сумма практически не менялась вплоть до 1913 г. и составляла ничтожную долю расходной части земского бюджета (0,24% в 1904 г., 0,11% в 1913 г.).

Расходы на создание русско-башкирских школ стали расти после того, как эти учебные заведения были включены в школьную сеть, планируемую к открытию в уезде земством и Министерством народного просвещения в связи с началом работ по введению всеобщего обучения. Однако и тогда из-за нехватки преподавателей-башкир, знающих русский язык, начало работы русско-башкирских школ задерживалось. В 1912 г., например, Екатеринбургское земство предполагало открыть третью по счету русско-башкирскую школу в деревне Калужбаево, но не смогло найти преподавателя. Школа открылась только в 1913 г. Тем не менее количество русско-башкирских школ в уезде росло. В 1916 г. здесь действовали четыре русско-башкирских школы, в 1917 г. – шесть (Берденишская, Калужбаевская, Караболь-

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 18. Оп.1. Д. 355. Л. 57.

⁶ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 355. Л. 89.

ская, Саринская, Алабужская, Старо-Асановская). После начала войны учительский состав в русско-башкирских школах изменился, многие учителя-башкиры были мобилизованы в действующую армию. В школах появились учителя из русских и даже женщины. В 1917 г. заведующим Алабужской школы был Е. Березкин, Берденишской – А. Вшивцев, Калужбаевской – П. Нестеров, Карабольской – И. Ефремов, Саринской – С. Соловьев, Старо-Асановской – А. Зайцева⁷. Учителя получали жалованье от Министерства народного просвещения и дополнительные пособия от земства.

Определенную помощь русско-башкирским школам оказывали благотворители. В частности, в 1906 г. уездное земское собрание выразило благодарность попечителю Берденишского и Саринского училищ Зайнетдину Хисаметдиновичу Агафурову. Он пожертвовал 10 рублей Берденишскому русско-башкирскому училищу на покупку «магометанских учебников» и 100 руб. Саринскому училищу на «приспособление под общежитие учеников общественного здания»⁸. В апреле 1905 г. мулла Саринского прихода Х. Хабибуллин обратился к земству с предложением отстроить для Саринской русско-башкирской школы на свои средства новое здание. Здание это, общей площадью не менее 180 квадратных аршин, должно состоять из двух отделений: одно – для школьных классов, второе – для квартиры учителя. Постройку школьного помещения мулла обязывался окончить к 1 сентября 1905 г. и передать его земству в аренду на три года⁹.

Заслуги Х. Хабибуллина в школьном деле были учтены уездным земством. Очередному 37-му уездному земскому собранию в 1906 г. он представил ходатайство, где указал, что давно уже состоит учителем татарского и арабского языков в Саринском медресе, где обучается более 100 мальчиков, а за свои труды не получает никакого вознаграждения. Между тем, как писал Хабибуллин, обучение башкир магометанской грамоте необходимо, так как в редкой деревне найдется башкир, умеющий с грехом пополам подписаться по-татарски. Необразованность же башкир, по его мнению, мешала распространению среди них русской грамоты. Решением собрания мулле было выделено за его преподавание в медресе 60 руб., а его помощнику – 30 руб.¹⁰

⁷ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 244. Л. 52-62

⁸ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии (1906 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1907. С. 546.

⁹ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 355. Л. 132-133.

¹⁰ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии (1906 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1907. С. 63-64, 525.

Ходатайство Х. Хабибуллина стало сигналом для учителей других мусульманских школ. В 1907 г. 38-е очередное Екатеринбургское уездное земское собрание получило ходатайства о пособии на школы от мулл Алабужского и Калужбаевского приходов. Мотивируя свое обращение к земству, мулла Алабужского прихода Вахитов писал: «До сих пор башкирские сельские общества не решались обращаться в земство с ходатайствами о пособии своим родным школам, не надеясь встретить сочувствия земского собрания к этой насущной потребности башкирского народа. Но я предполагаю, что наше почтенное Екатеринбургское земство в состоянии отнестись к удовлетворению нужд башкирского народа с таким же сочувствием, с каким оно относится к развитию народного образования в среде христианского русского населения уезда. Желание башкир быть грамотными на родном языке настолько же естественно, как и желание русских быть грамотными по-русски, поляков – по-польски и т. д. Будучи убежден, что башкирское население до сих пор заблуждалось в своих убеждениях, что будто бы земству свойственно недоброжелательное отношение к национальным и религиозно-нравственным нуждам башкирского народа, я осмелился ходатайствовать пред земским собранием об ассигновании средств на содержание Алабужской башкирской школы хотя бы в половинном размере против того, что ассигнуется на содержание русских начальных народных училищ¹¹.

Земство удовлетворило представленные учителями мусульманских школ ходатайства, сочтя целесообразным применять к этим учебным заведениям те же правила, что и к русским церковно-приходским. Было решено выделять из земских средств мусульманским училищам на учебные пособия 30 руб., на жалованье учителям 150 руб. и помощникам учителей 120 руб. в год. Содержание же помещений школ (отопление, охрана, соблюдение необходимой чистоты), как и в русских церковно-приходских школах, должно было осуществляться местными обществами. Соблюдая эти правила, уездное земство постепенно расширяло практику выдачи пособий конфессиональным школам.

В 1908 г. мулла Калужбаевского прихода Сигабатулла Хамзин обратился к земскому собранию с просьбой об ассигновании дополнительного кредита на содержание его мусульманской школы, так как в ней обучаются 46 мальчиков и 12 девочек, совместное же обучение их «по магометанским установам» воспрещается. Мулла просил выдать 120 руб. помощнице учителя для отдельного обучения девочек.

¹¹ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии (1907 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1908. С. 168.

Собрание пошло навстречу этой просьбе. Помимо этого, оно удовлетворило ходатайство муллы Мухамедгалима Абдулгалимова о помощи мусульманской школе в деревне Большая Таскина Саринской волости. По решению собрания было выделено 150 руб. на содержание учителя этой школы и 30 на учебные пособия¹².

В 1909 г. учитель Саринской башкирской школы Бей-Булатов представил уездной земской управе ходатайство об открытии при вверенном ему училище библиотеки-читальни. Деятели земской управы посчитали, что такая помощь необходима, но можно обойтись пока передвижной библиотекой из книг на татарском языке, так как процент грамотных в деревне невелик. 40-е очередное земское собрание (1909 г.) пошло навстречу этой просьбе и ассигновало 30 руб. на закупку татарских книг для передвижной библиотеки. Помимо этого оно выдало субсидии в сумме 1200 руб. в помощь мусульманским школам в башкирских селениях Алабуга, Калужбаево, Сары и Большая Таскина¹³.

В 1910 г. требования земства к ассигнованию средств на нужды мусульманских школ повысились. По решению собрания было собрано специальное совещание по вопросу об улучшении постановления дела образования башкир, которое порекомендовало выделять средства лишь тем мусульманским учебным заведениям, где обучение ведется по программе Казанского съезда учителей 1905 г., согласно которой в них должны были преподаваться общеобразовательные предметы и использоваться новые звуковые методы обучения. Ввести в программу обучения башкирских школ русский язык собрание посчитало невозможным, так как большинство преподавателей-мулл им не владеет.

В соответствии с разработанными совещанием положениями 41-е очередное земское собрание (1910 г.) выдало субсидии лишь тем мектебе, которые удовлетворяли выдвинутым требованиям. К четырем башкирским школам, уже получавшим субсидии, добавились две: в деревнях Караболке и Салтыковой. Мулла Карабольской первой мечети Галиулла Файзуллин в своем ходатайстве о субсидиях указал, что он использует во вверенной ему школе новейшие методы, с которыми познакомился в Екатеринбургском медресе. С такой же просьбой обратился к собранию и учитель Салтыковского мектебе. Аязгуловскому мектебе, в котором, по отзыву члена училищного совета В.А. Соловьева, обучение было поставлено «крайне неудовлетвори-

¹² Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии (1908 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1909. С. 30.

¹³ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXX очередной сессии (1909 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1910. С. 224, 271.

тельно с точки зрения современных требований», в ассигнованиях было отказано. Общая сумма земских пособий мусульманским школам составила в 1910 г. 1560 руб.¹⁴

К 1912 г. сумма земских ассигнований на башкирские школы выросла вдвое, как и количество субсидируемых мектебе. Пособия в 3315 руб. получили 12 учебных заведений (в селениях Салтыкова, Галикаева, Чирик-Кульмякова, Большая Таскина, Сары, Кульмякова, Колужбаева, Караболка, Алабуга). Во всех субсидируемых мусульманских школах в это время обучалось 546 мальчиков и 76 девочек. Для сравнения: по данным однодневной переписи начальных школ Российской империи, в 1911 г. в двух русско-башкирских школах Екатеринбургского уезда учились 92 мальчика, а окончили курс в них в 1910 г. лишь 4 чел.¹⁵

Все субсидируемые земством мусульманские учебные заведения были осмотрены зимой 1912 г. членом училищного совета В.А. Соловьевым и указным муллой города Екатеринбурга Гирфаном Мардановичем Рахманкуловым. Комиссия выявила, что во всех 12 мектебе обучение велось на татарском языке по звуковому методу. Детей учили чтению, письму, арифметике, истории ислама, давали некоторые сведения по истории России и географии. Все эти знания, однако, по мнению комиссии, носили отрывочный характер. В школах не было определенного плана и системы обучения. «Каждый преподаватель учит тому, что ему нравится». Уездная управа предложила земскому собранию созвать при управе особый совет из представителей земства, инспекторов народных школ и «интеллигентных магометан из жителей Екатеринбурга» и поручить ему выработать программу-минимум для низших отделений мусульманских школ в соответствии с программой русской народной школы. Собрание, однако, на столь решительные меры не пошло¹⁶.

Не считали нужным земские деятели вмешиваться и во внутренние дела мусульманских школ. Об этом можно судить по той дискуссии, которая развернулась во время обсуждения вопроса о назначении земских пособий мусульманским мектебе на одном из заседаний 44-го очередного земского собрания в 1913 г. Инспектор народных

¹⁴ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XLI очередной сессии (1910 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1911. С. 176.

¹⁵ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VII : Оренбургский учебный округ. СПб., 1914. С. 7.

¹⁶ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 43-й очередной сессии (1912 года). Доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1913. С. 430-431.

училищ П.Н. Крылов, представлявший учебное ведомство, предложил ужесточить правила получения земских пособий и выдавать их только тем мусульманским учебным заведениям, в которых изучается русский язык. Гласный В. С. Соловьев высказался против этого предложения, заявив, что в мектебе учатся маленькие дети и, даже если послать к ним русского учителя, он едва ли сможет с ними что-то сделать. Купец С. Ф. Злоказов прямо заявил, что если мектебе являются школами духовного направления, то едва ли следует вторгаться в их жизнь. Его поддержал гласный Н. М. Беренов, по мнению которого следовало «предоставить башкирам вообще вести дело преподавания так, как они находят нужным сами». Собрание отклонило предложение инспектора народных училищ и в своем постановлении высказало лишь пожелание, чтобы в тех мектебе, которые субсидируются земством, русский язык был введен в курс преподавания¹⁷.

С началом Первой мировой войны, опасаясь распространения идеологии панисламизма и пантюркизма, правительство стало сдерживать развитие мусульманского образования. 17 декабря 1914 г. пермский губернатор приостановил выдачу пособий на содержание башкирских мектебе в Екатеринбургском уезде. В постановлении губернского по земским и городским делам присутствия было записано, что «на основании Высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. правил о мерах к образованию инородцев при мектебе и медресе должны быть открываемы классы русского языка, между тем при субсидируемых Екатеринбургским земством инородческих школах, по отзыву Екатеринбургской земской управы, таких классов не имеется»¹⁸. Уездная управа, однако, решила обжаловать это постановление. В мотивировке этого решения было указано, что «мнение о чисто вероисповедном характере преподавания субсидируемых земством башкирских мектебе является совершенно ошибочным и что лишение башкирских мектебе выдававшегося им до сих пор пособия может поселить известного рода антагонизм между башкирским и русским населением уезда на почве как бы оказываемого земством некоторого пренебрежения к нуждам первого из них, в то время как те и другие, то есть и русские, и башкиры, являются одинаковыми плательщиками налогов»¹⁹. Земское собрание попросило поддержать свое ходатайство об обжаловании постановления губернского по земским и городским де-

¹⁷ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 44-й очередной сессии 1913 года. Доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1914. С. 11.

¹⁸ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 46-й очередной сессии (1915 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1916. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 47.

лам присутствия «в подлежащих правительственных установлениях» члена Государственного совета, гласного Екатеринбургского земства Ф. А. Иванова. Дело это, очевидно, закончилось для уездного земства успешно, так как в 1916 г. земство вновь выдало пособия мектебе в размере 3 915 руб.²⁰

Подводя итоги, можно отметить, что размеры материальной помощи земства национальным школам Екатеринбургского уезда постепенно росли, но все же не удовлетворяли возрастающим потребностям башкирского населения. На 36-м чрезвычайном уездном земском собрании, состоявшемся после событий Февральской революции и обсуждавшем вопрос о новых правилах управления начальными школами, прозвучал доклад члена Екатеринбургского уездного комиссариата Сигабатуллы Сабировича Хамзина об организации мусульманских школ. Он указал, что в Екатеринбургском уезде существует 40 местностей с мусульманским населением (37 деревень и 3 завода). Во всех этих населенных пунктах, по его мнению, необходимо было открыть национальные училища. Там, где уже имеются русско-башкирские земские школы, их нужно преобразовать в двухклассные учебные заведения, а там, где их нет, – создать одноклассные школы. Все означенные учебные заведения, по мнению Хамзина, должно было построить и содержать земство. Преподавание в них он предлагал вести на родном для населения языке, знание же русского языка для учителей считал необязательным. Собрание, однако, решило отложить дело создания национальных училищ до избрания волостных земств²¹.

Завершить задуманные преобразования земству не удалось. В марте 1918 г. уездные школы перешли в подчинение советских региональных органов управления, ставивших перед образованием иные цели и задачи.

Библиография

1. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2018.
2. Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П. Мусульманские общины азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018.

²⁰ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 70. Л. 22.

²¹ ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 70. Л. 74

М.К. Елисафенко¹
Екатеринбург

БОРЬБА С БЕЗГРАМОТНОСТЬЮ В ЗЕМСКИХ ГУБЕРНИЯХ УРАЛА

Конкурентоспособность государств, отдельных регионов, конкретных людей зависит от многих показателей, одним из ключевых является состояние системы образования. В условиях России эта тема всегда рассматривается по остаточному принципу. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в связи с «великими» реформами. Именно они положили начало систематическим мерам по борьбе с безграмотностью, преобразованию системы образования в доступную просветительскую среду. В статье рассмотрены количественные изменения сети начальных учебных заведений, находившихся под патронажем земских учреждений Уральского края.

Ключевые слова: губернии Урала, земство, безграмотность.

М.К. Elisafenko
Yekaterinburg

THE FIGHT AGAINST ILLITERANCE IN THE AREA PROVINCES OF THE URALS

Annotation. The competitiveness of states, individual regions, specific people depends on many indicators, one of the key is the state of the education system. In the conditions of Russia, this topic is always considered on a leftover basis. The article analyzes the situation that has developed in connection with the “great” reforms. It was they who laid the foundation for systematic measures to combat illiteracy, transforming the education system into an accessible educational environment. The article examines the quantitative changes in the network of primary educational institutions that were under the patronage of the zemstvo institutions of the Ural Territory.

Keywords: provinces of the Urals, zemstvo, illiteracy.

Образование никогда не рассматривалось российскими властями как проблема первого порядка, монархи и «сильные мира сего» обращали на него внимание, стремясь продемонстрировать свою просвещенность или благотворительность. Систематические меры по развитию просвещения были предприняты во второй половине XIX в., начиная с эпохи «великих реформ».

Очевидное отставание России по всем показателям потребовало широких преобразований, в том числе потребовалось изменить ситуацию в сфере образования. Отечественные педагоги, поддержанные либерально настроенной интеллигенцией, выступили с предложением взять дело народного образования в руки общественности. Этот призыв был услышан, и в 1862 г. в некоторых регионах России благодаря частным инициативам были открыты воскресные школы для

¹ *Елисафенко Марина Константиновна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, Россия. E-mail: elisafenko@bk.ru

взрослых. Подобное развитие событий грозило государству потерей монопольных позиций в области просвещения. В этой связи разработка нового школьного законодательства заметно активизировалась, но в законченном виде оно появилось лишь в 1864 г.

В соответствии с принятым «Положением о народных начальных училищах» развитие начальной ступени образования было возложено на плечи общественности с сохранением при этом общего руководства и контроля в руках бюрократии: Министерства народного просвещения, директоров и инспекторов народных училищ и др. В новых условиях именно частные лица и общественные организации, например земства, взяли на себя содержание начальных народных училищ, включая подготовку кадров и оплату труда педагогов.

Земские гласные Вятской и Пермской губерний в ходе работы первых же собраний признали проблемы народного просвещения первостепенными. Гласные постановили, во-первых, взять под опеку местного самоуправления начальные школы, во-вторых, разработать комплексный план развития сети образовательных учреждений с целью учебных мест для всех детей школьного возраста.

Прежде всего следует отметить катастрофически низкое количество школ на Урале: в Вятской губернии к моменту открытия земств (1867) их насчитывалось 288 с 7525 учащимися², в Пермской (1870) – 248 с 10000 учащихся. Самая поверхностная статистика свидетельствовала, что только 5 % детей школьного возраста посещали различные учебные заведения³.

Малочисленность школ дополнялась неравномерностью их распределения по уездам, многие волости вообще не были обеспечены начальными учебными заведениями. Например, в Глазовском уезде из 39 волостей школы находились лишь в 21, в Орловском – из 23 в шести, в Сарапульском – из 45 в 17, в Елабужском – из 23 в 18⁴. Особенно тяжелая ситуация сложилась в экономически слабых северных уездах: Слободском и Котельническом. Нехватка школ объяснялась многими причинами, среди которых на первое место надо поставить ограниченность возможностей бюджетов уездных земств, во-вторых, низкую плотность населения, при которой на одинаковое количество населения требовалось значительно большее число учебных заведений, чем в центральной части страны.

² Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет (1864–1874). Вятка, 1875. С. 104, 113.

³ Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 171.

⁴ Подсчитано по: Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет (1864–1874). Вятка, 1875. С. 105.

Следует также иметь в виду, что государство традиционно не предполагало финансировать сферу просвещения, однако материальные трудности не помешали уральским земствам уже в 1870-х гг. поставить вопрос о введении всеобщего начального обучения. Для решения этой задачи земские гласные были вынуждены находить особые механизмы.

Для того чтобы дать возможность детям из удаленных деревень, из крайне бедных семей посещать школу, при них стали открывать, говоря современным языком, общежития (интернаты или ночлежные приюты), детей стали обеспечивать горячими обедами, теплой одеждой, особенно в неурожайные годы (1891, 1898, 1901–1902). Еще одна проблема в решении вопроса о всеобщем обучении – безграмотность огромной массы взрослых, которую также необходимо было преодолеть.

Надо отметить и такую серьезную проблему, как нехватка кадров: многочисленные начальные учебные заведения не смогли бы решить своих образовательных задач без учителя. В середине XIX в. в Вятской и Пермской губерниях практически не было педагогических учебных заведений. В этой ситуации сформировать многочисленную армию профессионалов, готовых оставить привычные городские условия и окунуться в тяжелый деревенский быт, было достаточно трудным делом.

Весь комплекс проблем упирался в нехватку финансовых средств, организационного опыта и бюрократические ограничения. Их решение зависело от господствовавших в обществе представлений о роли общественной школы, активности и личной заинтересованности земских гласных, а также от позиции правительства и местных чиновников.

Относительно демократичный состав земств уральских губерний, привлечение в качестве служащих либеральной интеллигенции предопределили судьбу народного просвещения на Урале⁵. Идея всеобща стала ключевой сначала в 1870-х, а позднее в 1890-х гг. Земцы были убеждены, что «только посредством распространения грамотности, только с учреждением народных школ, доступных всем и каждому, возможно поднять нравственный и умственный уровень народной массы, при постоянном, последовательном взаимном вспомоществовании в сем предмете всех членов общества»⁶.

Несмотря на многочисленные и весьма затратные основные статьи земского бюджета, размеры финансирования образования земствами Вятской и Пермской губерний были весьма внушительными и превосходили таковые во всех прочих губерниях России, что положительно сказалось на количественных показателях уже в первые годы существования местного представительства (табл. 1).

⁵ В статье рассматриваются только количественные изменения сети начальных учебных заведений, находившихся под патронажем земских учреждений уральского края.

⁶ Сборник пермского земства. 1886. N 8–10. С. 235.

Динамика развития школьной сети и земского финансирования (1870–1880)

Годы	Кол-во земских школ	Кол-во выделенных средств							
					Абсол. показатель (в тыс. руб.)			Процент от земского бюджета	
	Вят. губ.	Перм. губ.	Уфим. губ.	Вят. губ.	Перм. губ.	Уфим. губ.	Вят. губ.	Перм. губ.	Уфим. губ.
1870	345	248	–	169,0	11,3	–	14,4	7,6	–
1875	397	437	129	334,8	336,0	101,7	19,8	11,8	7,2
1880	452	487	134	229,8	659,6	57,4	22,4	23,0	8,4

* Подсчитано по: Акимов В.В. Деятельность Вятского земства по народному образованию (1867-1906 гг.)//ЖМНП. № 10. С.3,8; Голубев П.А. 30-летие Пермского земства. Пермь, 1904. С.13; Вестник Уфимского земства. 1979. № 5. С.101–102.

Статистические данные демонстрируют, что на нужды просвещения в Вятской и Пермской губерниях было выделено чуть меньше четверти земского бюджета. В сравнении с еще одной земской губернией Урала это очень внушительные суммы, поскольку в Уфимской губернии в это же время на образование было затрачено менее 10 % бюджета. На земские средства за 10 лет удалось открыть в Пермской губернии в два раза больше начальных народных училищ, в Вятской – в 1,3 раза. Если сравнить результаты работы земского представительства в трех губерниях в 1875–1880 гг., то показатели в Вятской и Пермской губерниях значительно превышают таковые в Уфимской губернии: соответственно были открыты 55 – 50 – 5 школ.

К середине 1880-х гг. в среднем по Уралу одно училище пришлось на 19 селений и на 714 детей школьного возраста. Идея всеобщего обучения оставалась по-прежнему недостижимой, при этом она была категорически отклонена Министерством народного просвещения, так как на ее реализацию требовалось затратить не менее 76 млн руб. при среднегодовом министерском бюджете в 1,2 млн руб.

В земской среде идея всеобщего начального обучения не была похоронена, а лишь на время отложена, в 1880-х гг. интерес к школьным проблемам «подогревался» некоторыми уральскими гласными: А.Н. Четиным, Г.И. Холмогоровым, А.А. Малеевым, А.Я. Невзоровым. Под давлением администрации органы местного самоуправления были вынуждены оказать помощь церковно-приходским школам, профессиональным учебным заведениям и городским школам.

В середине 1880-х гг., несмотря на восьмикратное преобладание детей школьного возраста в сельской местности, больше средств было выделено на содержание городских начальных народных училищ. Например, в Пермском уезде на них пришлось 38 % всех израсходованных на образование средств, в Чердынском – 24 %, Осинском и Кунгурском – по 22 %, Екатеринбургском – 18 %⁷, а средний показатель составил 23,4 %. Губернское земство 100 % средств направляло исключительно на городские учебные заведения⁸.

Непропорциональность затрат привела к тому, что на обучение одного ученика сельской школы пришлось семь рублей, городской – 18, «хотя, – как отмечалось на VII очередном собрании Пермского уездного земства, – вне города обучалось 2300 детей, а в городских – 300»⁹.

Ситуация изменилась в 1890-х гг., когда гласные более 70 % губернских земств России вновь вернулись к мысли о необходимости разработать комплексные программы по развитию образования. К 1903 г. все губернские собрания приняли решения о проведении всеобщего обучения¹⁰. Пионерами этого движения были земства Уральского региона.

В Вятском крае инициатором выступил председатель губернской управы А.П. Батуев, в Пермской губернии – директор народных училищ

А.П. Раменский. Вятское земство приняло решение о реализации всеобщего обучения в 1895 г., Пермское – в 1898 г., Уфимское – в 1901 г. Для успешной работы были сформированы специальные школьные комиссии, которые на основе проведенного статистического исследования о состоянии дел в просвещении разработали ряд последовательных мероприятий. С этого времени ситуация в образовании края стала меняться заметно быстрее.

Подсчеты показали, что для достижения всеобщего обучения в Вятской губернии необходимо было открыть 1147¹¹, в Пермской – 1024 начальных училища¹². Такие масштабные количественные изменения были возможны лишь при увеличении финансирования. В помощь уездным земствам и сельским обществам были созданы специальные фонды для выдачи ссуд и пособий.

Земства края по-прежнему лидировали по абсолютным показателям расходов на народное образование. За 1895–1900 гг. в Вятской

⁷ Сборник пермского земства. 1884. N 9-10. С. 183.

⁸ Сборник пермского земства. 1885. № 17. С. 432.

⁹ Журнал Пермского уездного земского собрания VII очередной сессии. Пермь, 1876. С. 160.

¹⁰ Записка Министерства народного просвещения по вопросу о всеобщем обучении. СПб., 1906. С. 92.

¹¹ Доклады Вятской губернской земской управы и постановления губернского земского собрания XXIX очередной сессии 1895 г. по народному образованию. Вятка, 1895. С. 10.

¹² Труды комиссии по народному образованию. Вып. 1. Пермь, 1903–1906. С. 47.

губернии размеры финансирования увеличились в 2,3 раза, в Пермской и Уфимской – в 1,5 раза (табл. 2).

Таблица 2*

**Динамика затрат на народное образование
во второй половине 1890-х гг.**

Губерния	Затраты, руб.		Процент от земского бюджета	
	1895 г.	1900 г.	1895 г.	1900 г.
Вятская	597822	1357600	22,1	32,3
Пермская	695659	1027600	19,1	23,2
Уфимская	1907225	286300	23,0	15,1

* Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию за пятилетие 1896–1900 гг. С.19.

Увеличение расходуемых средств отразилось на динамике развития начальных народных училищ. До середины 1890-х гг. в крае ежегодно открывалось в среднем 13–18 школ. На 1 января 1894 г. в Вятской губернии насчитывалось 944 начальных училища, из которых 458 были земскими (48,5 %), в Пермской губернии земскими были 648 из 946 школ (68,5 %), в Уфимской – 182 из 433 (42,0 %) ¹³.

За 1894–1905 гг. ежегодно на Урале открывалось более 150 школ: в Вятской губернии за этот период появилось более 700 земских школ, в Пермской – более 500, в Уфимской – около 300 (табл. 3).

Таблица 3*

**Динамика развития сети начальных народных училищ
на Урале в 1866-1905 гг.**

Губерния	Кол-во открытых школ					
	1866 – 1870 гг.	1871 – 1875 гг.	1876 – 1880 гг.	1881 – 1885 гг.	1886 – 1895 гг.	1896 – 1905 гг.
Вятская	138	91	84	174	62	738
Пермская	42	277	138	135	167	578
Уфимская	12	53	120	85	38	272
Всего	192	421	342	394	267	1588

* Подсчитано по: Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т.II. С. 80, 98, 113; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1905 г. Вып. VII. СПб., 1908. С.79–81, 84–86.

К концу XIX в. недостаток школ в крае не был ликвидирован. Одна школа в Вятской губернии приходилась на 3185 чел., проживавших на территории в 144,3 кв. версты, в Пермской – на 3534 чел. и 362,7 кв. вер-

¹³ Подсчитано по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.3. СПб., 1902. С. 4-5.

сты, в Уфимской – на 8155 чел. и 412,3 кв. версты¹⁴. Таким образом, по показателю обеспеченности школами, принятому за норму (одно училище на 700 жителей), уральские губернии заметно отставали от центральных районов: Вятская заняла 11 место, Пермская – 18, Уфимская – последнее¹⁵ (табл. 4).

Таблица 4*

**Показатели обеспеченности начальными училищами
детей школьного возраста в 1898 г.**

Губерния	1 училище на число жителей	% учащихся от населения	% обучающихся детей школьного возраста	% учащихся мальчиков школьного возраста	% учащихся девочек школьного возраста
Вятская	1525	3,4	38	60	18
Пермская	1705	3,4	38	57	20
Уфимская	3270	1,8	20	30	9

* Подсчитано по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.3. СПб., 1902. С.30, 52–57.

Усилия органов местного самоуправления в области просвещения не смогли обеспечить всех желающих возможностью получить начальное образование. В Вятской и Пермской губерниях обучалось 38 % детей школьного возраста, это было немногим выше среднего показателя по стране, составлявшего 30,2 %. В Вятской губернии из 100 мальчиков школьного возраста школу посещали 60 чел., в Пермской – 57, в Уфимской – 30. Девочки обучались еще реже: в Вятской губернии из 100 школу посещали 18, в Пермской – 20, в Уфимской – 9 чел.¹⁶ Максимально высокий показатель был отмечен в Пермской губернии, хотя составил только 1/5 от общего количества девочек школьного возраста. Показатель образованности (соотношение численности учащихся и населения) в Вятской и Пермской губерниях составил 3,4 %, в Уфимской – 1,8 % при среднем по стране 3,3 %¹⁷. Сравнение отечественной статистики с западной позволяет явственнее представить отставание российской

¹⁴ Обзор деятельности земств по народному образованию, по данным за 1898 г. СПб., 1902. С. 7.

¹⁵ Подсчитано по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.3. СПб., 1902. С. III.

¹⁶ 1. Подсчитано по: Обзор деятельности земств по народному образованию, по данным за 1898 г. СПб., 1898. С. 3–4.

¹⁷ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып.3. СПб., 1902. С. 52–56.

образовательной системы: в США показатель образованности был 19,9 %, в Англии – 17,6 %, в Пруссии – 17,3 %, во Франции – 14,3 %¹⁸.

Достаточно плачевная общая картина состояния начального образования имела утешительные исключения. Так, по данным на 1901 г., в некоторых волостях Верхотурского и Камышловского уездов Пермской губернии создание общедоступной школы практически было достигнуто. В Оханском уезде для достижения всеобщего обучения необходимо было открыть 110 школ, в Шадринском – 87, в Чердынском – 45 одноклассных училищ и 68 школ грамоты¹⁹.

Рассмотрение только количественных показателей развития школьной сети на Урале с момента формирования земских органов самоуправления и до начала XX в. позволяет сделать вывод о значительности проведенной ими работы в области начального образования. Однако принципиально изменить ситуацию им все равно не удалось.

Не лишним будет еще раз подчеркнуть, что гласные собрания обеих уровней – уездных и губернских – с первых шагов проявили понимание значимости этой сферы жизни общества, поставив вопрос о достижении в крае всеобщего начального обучения. Однако, несмотря на ощутимый рост затрат, которые только за 1875–1905 гг. увеличились в 4,7 (в Уфимской губернии) и в шесть раз (в Пермской губернии), обеспечить всех детей школьного возраста возможностью получить начальное образование не удалось. Безграмотной оставалась и большая часть взрослого населения края. Очевидно, что решить поставленную задачу можно было, лишь объединив силы общественности и государства.

Надежда забрезжила в ходе первой российской революции, поскольку и Министерство народного просвещения, и правительство выразили готовность законодательно поддержать идею всеобща. Однако новая школьная реформа так и не была принята. Проблемы стояли глобального масштаба, а решались «местечково». Власть и местное представительство не смогли достичь сотрудничества, выработать эффективных механизмов совместной работы и финансирования, в этом и состоит главная причина неразвитости образовательной системы Российской империи.

Библиография

1. *Акимов В. В.* Деятельность Вятского земства по народному образованию (1867–1906 гг.) // Журнал МНП. 1907. N 10.
2. *Голубев П. А.* 30-летие Пермского земства. Пермь, б.м., б.и., 1904. 24 с.
3. *Черныш М. И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С.171.

¹⁸ Народное образование в России. М., 1914. С. 115.

¹⁹ Очерки народного образования в Пермской губернии в 1901 г. Пермь, 1903. С. 34–35, 37.

А.В. Емельянов¹

Верхняя Пышма

ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914-1917 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с мобилизацией и развёртыванием воинских подразделений на территории Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Как составная часть Казанского военного округа, губерния стала в этот период одной из основных мобилизационных баз Русской армии. Наличие на территории губернии крупных городов и железнодорожных узлов позволило развернуть большое количество воинских подразделений, а также тыловых, вспомогательных, интендантских частей и учреждений. В значительной степени этому помогло и то, что в предвоенные годы на территории губернии был расквартирован ряд кадровых частей, после мобилизации которых на их базе формировались новые части и подразделения.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Пермская губерния, Казанский военный округ, гарнизоны Урала, дислокация, Первая мировая война, мобилизация, запасные части, государственное ополчение.

A.V. Emelyanov

Verkhnyaya Pyshma

MILITARY FORMATIONS IN THE TERRITORY OF PERM GOVERNMENT IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR 1914-1917

The article discusses issues related to the mobilization and deployment of military units in the Perm province during the First World War. As an integral part of the Kazan military district, the province became during this period one of the main mobilization bases of the Russian army. The presence of large cities and railway junctions on the territory of the province made it possible to deploy a large number of military units, as well as rear, auxiliary, quartermaster units and institutions. This was largely helped by the fact that in the pre-war years a number of personnel units were quartered on the territory of the province, after the mobilization of which new units and subunits were formed on their basis.

Keywords: Russian imperial army, Perm province, Kazan military district, garrisons of the Urals, deployment, World War I, mobilization, spare parts, State militia.

Перед началом Первой мировой войны Пермская губерния в военно-административном отношении входила в состав Казанского военного округа. На её территории располагались следующие войска: в Перми – штаб 49 пехотной дивизии, управление Пермской местной бригады, 49 артиллерийская бригада (управление бригады, I дивизион, 1, 2, 3 батареи), 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк (штаб полка – 1, 3, 4 батальоны), Пермская конвойная команда; в Кунгуре – 2-й батальон 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка; в Екатеринбурге – 195-й пехотный Оровайский полк (штаб полка, 1, 2, 4 батальоны); в Ирбите – 49-я артиллерийская бригада (II дивизион – 4, 5,

¹ *Емельянов Александр Вячеславович* – магистр истории, частное учреждение культуры «Музейный комплекс», Верхняя Пышма, Россия. E-mail: t-35@mail.ru

6 батареи); в Нижнем Тагиле – 3-й батальон 195 пехотного Оровайского полка. Кроме этого, на территории губернии находились 12 управлений уездных воинских начальников с местными командами в уездных городах и столице губернии, а также местные военные лазареты в Перми и Екатеринбурге².

На период мирного времени кадровые 194-й Троицко-Сергиевский и 195-й Оровайский пехотные полки имели единообразный 4-батальонный состав, пулемётную, учебную команды, команду связи и нестроевую роту. Согласно штатам мирного времени, каждый полк включал: штаб полка, 4 батальона, учебную команду, пулемётную команду, команду разведчиков, команду связи, музыкантскую команду, нестроевую роту. Полки содержались в сокращённом составе по штату мирного времени. Всего в каждом из них числилось: 68 офицеров; 10 классных чинов (чиновников военного ведомства); 1 священник; 1928 нижних чинов (1820 строевых и 108 нестроевых); 16 вольноопределяющихся³.

С объявлением общей мобилизации 18 (31) июля 1914 г. кадровые пехотные дивизии должны были на 8-й день закончить мобилизационные мероприятия.

Согласно штату четырёх батальонных пехотных полков (гвардейского, гренадёрского и армейского) по военному составу перед выступлением на фронт полки доукомплектовывались. Таким образом, троичко-сергиевцы и оровайцы двинулись к западной границе, имея в своём составе по штату: 78 офицеров; 10 классных чинов (чиновников военного ведомства); 1 священника; 4245 нижних чинов (4011 строевых и 234 нестроевых); 16 вольноопределяющихся.

Кроме того, по штату военного времени полки имели в своём составе 99 повозок полкового обоза и 24 повозки пулемётной команды, а также 264 лошади⁴.

Ещё до начала всех событий 12 июля 1914 г. 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк (командир – полковник Н.Н. Вейц) отбыл из Тоцкого лагеря в г. Пермь. С объявлением мобилизации начался призыв запасных нижних чинов, которых всего прибыло в полк 2690 чел. – все из Пермской губернии⁵. Окончив менее чем за 2 недели

² Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 г. Пермь, 1912. Учреждения и должностные лица Пермской губернии. С. 1-95.

³ Штат №4 и расчёт чинов 4-батальонных пехотных полков: гвардейского, гренадёрского и армейского – 48-рядного состава. Высочайше утверждён 16 мая 1910 г.

⁴ Штат №9 и расчёт чинов 4-батальонных пехотных полков (гвардейского, гренадёрского и армейского) по военному составу. Высочайше утверждён 16 мая 1910 г.

⁵ Лобанов Д.А. Ощепков Л.Г. История 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка. Пермь, 2006. С. 62-65.

мобилизационные мероприятия, 29 июля полк по железной дороге двинулся в Галицию и, высадившись на станции Ярмолинцы, 10 августа у города Гусятин пересёк австро-венгерскую границу.

Практически одновременно – 30 июля 1914 г. – в Екатеринбурге закончил мобилизацию 195-й пехотный Оровайский полк (командир – полковник Л.И. Третеский), шестью эшелонами убыв по железной дороге на войну. 11 августа оровайцы полностью выгрузились на станции Волочиск недалеко от австро-венгерской границы⁶.

В соответствии со «Штатом №12 кадра полка 2-й очереди» каждый первоочередной полк русской императорской армии имел «скрытый кадр» – 19 офицеров, одного военного чиновника, 257 строевых и 5 нестроевых нижних чинов⁷. В мирное время они распределялись по ротам по усмотрению командира полка, а с началом мобилизации на основе скрытого кадра и призванных из запаса офицеров, военных чиновников и нижних чинов начиналось формирование полков 2-й очереди.

Штатный состав и численность второочередных полков были аналогичны таковым в кадровых частях⁸.

Согласно «Мобилизационному расписанию 1910 г.» с началом мобилизации на базе 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка начали формироваться второочередной 334-й пехотный Ирбитский полк, 107-й пехотный запасной батальон и этапная полурота.

«Ввиду телеграммы, полученной 17-го июля, о последовавшем Высочайшем объявлении мобилизации старшим штаб-офицером 194-го Троицко-Сергиевского полка полковником Никитниковым, назначенным согласно мобилизационной записки командующим 334 Ирбитским полком, с кадром, выделенным из 194-го Троицко-Сергиевского полка г. офицеров и нижних чинов, по прибытии из лагеря в г. Пермь, 20 июля из лагеря при станции Тоцкое, было приступлено к сформированию 334-го пехотного Ирбитского полка.

До получения приказа начальника 84 пехотной дивизии от 20 июля 1914 г. о сформировании полка по штатам военного времени при полку были организованы: штаб, околотки (врачебные пункты при воинской части – А.Е.), хлебопечение, мастерские, швальня и приняты от Пермского Городского управления квартиры для учреждений полка и казармы. 25-го июля от начальника 84 пехотной дивизии были получены приказ о сформировании полка по штатам военного времени о назначении 18-го июля первым днём мобилизации».⁹

⁶ Кручинин А.М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811-1920). Екатеринбург: Омга, 2011. С. 80.

⁷ Штат №12 и расчёт чинов кадра полка 2-й очереди. Высочайше утверждён 16 мая 1910 г.

⁸ Бушмаков Д.А. Русская армия в Великой войне. 1914-1917 гг. М., 2017. Т.1. С.189.

⁹ РГВИА. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-2.

Согласно «Журналу боевых действий», «окончательное пополнение полка совершилось:

1) людьми 2 августа, 2) лошадьми 25 июля; 3) и 4) снаряжением и обмундированием 26 июля, 5) вооружением, кроме пулемётов, 30 июля и 6) обозами 4 августа.

Что же касается пулемётов, то получение их ожидается, так как назначение есть». С 6 по 16 августа из г. Перми полк поэшелонно и командами был переброшен по железной дороге в лагерь под Красным селом Царскосельского уезда Петербургской губернии¹⁰.

Однако, несмотря на утверждение об «окончательном пополнении полка», согласно «Сведениям о состоянии чинов и лошадей частей и учреждений 84 пехотной дивизии» ещё 15 сентября 1914 г., т.е. через месяц после окончания мобилизации, в полку недоставало 29 офицеров, 3 классных чиновников, 701 строевого нижнего чина и 33 лошадей¹¹.

Согласно мобилизационному расписанию 195-й пехотный Оровайский полк формировал второочередной 335-й пехотный Анапский, 108-й пехотный запасной батальон и этапную полуроту.

18 июля 1914 г. «из 195-го пехотного Оровайского полка выделено офицеров: 2 штаб-офицера, 23 обер-офицера, 2 чиновника, всего 27 ч(еловек) и 280 человек нижних чинов, зачисленных приказом по полку от 22 июля №1»¹²

В командование полком вступил полковник Оровайского полка М.Н. Полянский. «Для комплектования полка людьми назначено было: от Екатеринбургского уездного воинского начальника 4 команды всего 1191 ч., от Верхотурского уездного воинского начальника 2 команды, всего 197 ч., от Петровского Саратовской губернии уездного воинского начальника 2 команды, всего 1948 ч., и от Аткарского уездного воинского начальника 419 человек одной командой. Команды прибывали в полк своевременно за исключением Екатеринбургской. Всего в командах прибыло и зачислено в списки полка 3740 чел. (15 ч. не прибыли), что вместе с выделенными из 195-го Оровайского полка составляет 4020 чел.

Для пополнения полка лошадьми прибыло из Кунгурского сборного пункта 390 голов двумя командами.

Г.г. офицеров запаса, чиновников прибыло и зачислено в списки полка: штабс-капитанов – 1; поручиков – 1; прапорщиков – 44; зауряд-прапорщиков – 5; врачей – 2; зауряд-чиновников – 2.

¹⁰ Там же, Л.3.

¹¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 218. Л. 160.

¹² РГВИА. Ф. 2944. Оп. 2. Д. 63. Л. 1-2.

Сформирование полка, пополнение его людьми, лошадьми, обмундированием, снаряжением, обозом (кроме 37 ремонтных повозок) и вооружением (последнее за исключением пулемётной команды) закончилось 10-го августа»¹³.

Однако так же, как и у ирбитцев, согласно «Сведениям о состоянии чинов и лошадей частей и учреждений 84 пехотной дивизии» на 15 сентября 1914 г. в полку был большой некомплект личного состава: не хватало 23 офицеров, 3 классных чиновников, 619 строевых нижних чинов и 98 лошадей¹⁴.

11 августа 335 полк убыл из Екатеринбурга по железной дороге через Пермь, Вятку, Вологду и Петроград в крепость Выборг, в Финляндию.

Одновременно с пехотными частями прошла мобилизация 49-й артиллерийской бригады. Легкая артиллерия, к которой она относилась, сводилась в 8-орудийные батареи. 3 батареи составляли дивизион, а 2 дивизиона – легкую артиллерийскую бригаду (6 батарей, 48 орудий). Каждой пехотной дивизии придавалась одна легкая артиллерийская бригада. В мирное время до 50% орудий в батареях всех видов артиллерии (кроме конной) и большая часть артиллерийских парков не имели лошадей и содержались по сокращенным штатам мирного времени.

По штату военного времени в управлении (штат №12) и 6 батареях (штат №13) артиллерийской бригады должно было числиться: 38 офицеров; 8 классных чинов (чиновников военного ведомства); 1691 нижний чин (1499 строевых и 192 нестроевых)¹⁵.

Отмобилизовавшись, бригада к 13 августа 1914 г. в составе XXIV армейского корпуса прибыла на Юго-Западный фронт в распоряжение Главнокомандующего 8-й армией.

Как и в пехоте, дополнительно к первоочередным артиллерийским частям с началом мобилизации формировались соответствующие бригады для второочередных дивизий, запасные дивизионы и бригады, а также другие артиллерийские части для общего усиления действующей армии. Для этого в мирное время по штату 1910 г. в артиллерийских бригадах и дивизионах имелись «скрытые» кадры – по 2 офицера и 46 нижних чинов на батарею¹⁶.

¹³ РГВИА. Ф. 2944. Оп. 2. Д. 63. Л. 3.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 218. Л. 160.

¹⁵ Штат №12 военного времени артиллерийских бригад и дивизионов частей полевой артиллерии – лёгкой, мортирной и горной. Высочайше утверждён 16 мая 1910 г. и Штат №13 военного времени полевых батарей – лёгких, мортирных и горных. Высочайше утверждён 16 мая 1910 г.

¹⁶ Марков О.Д. Русская армия 1914-1917. СПб.: Галяя Принт, 2001. С.27.

Таким образом, по мобилизации из скрытого кадра 49 артиллерийской бригады в июле – начале августа 1914 г. в г. Перми была сформирована 84-я артиллерийская бригада. В августе 1914 г. бригада была отправлена на Северо-Западный фронт.

Одновременно с мобилизацией кадровых и второочередных частей, при каждом первоочередном полку на период войны формировался запасной батальон, основное назначение которого заключалось в подготовке личного состава для укомплектования действующих подразделений. По штату такой батальон обычно имел 4 роты, но иногда мог быть доведён и до 8-ротного состава. Для создания запасных батальонов каждый пехотный полк выделял штаб-офицера, 6 обер-офицеров и 40 нижних чинов. Они составляли постоянный личный состав батальонов, предназначенный для обучения призванных на военную службу чинов запаса армии и новобранцев, относившихся к переменному составу. Запасные батальоны каждого корпуса сводились в особую пехотную запасную бригаду.

Согласно штату запасных батальонов пехоты, Высочайше утверждённому 19 декабря 1908 г., в них числилось постоянного состава: 1 штаб-офицер (командир батальона); 7 обер-офицеров; 2 классных чина (чиновников военного ведомства); 138 нижних чинов (100 строевых и 38 нестроевых)¹⁷.

В переменном составе общее число нижних чинов, кроме вольноопределяющихся, охотников и добровольцев, должно было быть не более 1000 чел. в четырёхротном батальоне и 250 чел. на каждую лишнюю роту сверх четырёх. В последнем случае в батальон дополнительно назначались: один обер-офицер (ротный командир), 22 унтер-офицера, 4 нижних чина и фельдшер.

Как уже отмечалось, с началом мобилизации 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк сформировал 107-й пехотный запасной батальон (командир – полковник М.В. Гродский¹⁸), а 195-й пехотный Оровайский полк сформировал 108-й пехотный запасной батальон (командир – полковник В.С. Шаров¹⁹). Однако уже осенью 1914 г., с развёртыванием в Казанском военном округе четырёх запасных пехотных бригад, на территории Пермской губернии было сформировано 10 дополнительных запасных пехотных батальонов. Все они вошли в состав 17-й запасной пехотной бригады с управлением в Перми. Ещё три батальона из её состава формировались в Вятке и Глазове.

¹⁷ Положение о запасных батальонах пехоты // ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. I. №31302.

¹⁸ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9002.

¹⁹ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1686.

Таким образом, на 15 октября 1914 г на территории Пермской губернии были расквартированы следующие запасные пехотные батальоны: 107-й, 123-й и 162-й – в Перми, 108-й, 126-й, 149-й – в Екатеринбурге, 124-й – в Камышловле, 157-й – в Камышловле, 139-й – в Шадринске, 153-й – в Кунгуре, 163-й – в Соликамске, 168-й – в Ирбите²⁰.

Постоянно нарастающая потребность действующей армии в пополнениях и рост числа призываемых заставили военное ведомство пересмотреть штаты запасных частей в сторону увеличения. В августе 1915 г. запасные пехотные батальоны были увеличены до 12 рот, общее количество переменного личного состава в них выросло до 3000 чел., а кроме того, в батальонах могли формироваться дополнительные так называемые литерные роты (16-24 на батальон) по 250 чел. каждая²¹.

В марте 1916 г. Главное управление Генерального штаба приняло решение переформировать все находящиеся в распоряжении Военного министерства пехотные и стрелковые двенадцатиротные запасные батальоны в пехотные и стрелковые запасные полки четырёхбатальонного состава. Эти полки придавались каждой пехотной и стрелковой дивизии действующей армии, и, таким образом, каждый батальон полка составлял источник пополнения определённого полка дивизии (т.е. 1-й батальон запасного полка – 1-го полка дивизии, 2-й батальон – 2-го полка дивизии и т.д.)²².

Новый штат четырёхбатальонного запасного пехотного полка шестнадцатиротного состава, Высочайше утверждённый 16 апреля 1916 г., включал: 26 офицеров; 9 военных чиновников; 1 священника; 595 нижних чинов постоянного состава (473 строевых и 122 нестроевых), 4000 нижних чинов переменного состава²³.

В мае – июне 1916 г. все запасные батальоны были развернуты в полки той же нумерации. После этого в Казанском военном округе дополнительно были сформированы 30-я, 31-я, 32-я, 33-я, 44-я, 45-я, 46-я и 47-я запасные пехотные бригады, объединившие часть запас-

²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1510. Расписание запасных частей и частей государственного ополчения, находящихся внутри Империи по данным к 15 октября 1914 года.

²¹ Марков О.Д. Русская армия 1914-1917. СПб.: Галера Принт, 2001. С.80.

²² Об утверждении проектов штата и расчёта чинов постоянного состава пехотного запасного полка и о переформировании по сему штату 228 запасных батальонов, подчинённых Военному ведомству // РГВИА Ф. 2067. Оп. 2. Д. 618. Л. 277-285.

²³ Штат постоянного состава пехотного запасного полка. Высочайше утверждён 16 апреля 1916 г.

ных полков округа. Остальные полки остались в подчинении существовавших с 1914 г. бригад²⁴.

На территории Пермской губернии была сформирована 47-я запасная пехотная бригада с управлением в Екатеринбурге.

Численность переменного состава запасных полков, как и прежде батальонов, нередко значительно превышала штатную. Так, в докладе генерала от инфантерии А.А. Адлерберга от 1 августа 1916 г. «Об осмотре 20 запасных полков Казанского военного округа и двух полков Особого назначения» указывается переменный состав полков на дни осмотра:

в Перми: 107-й полк – 109 младших офицеров и 6815 нижних чинов; 123-й полк – 110 младших офицеров и 7961 нижний чин; 162-й полк – 21 младший офицер и 7070 нижних чинов;

в Екатеринбурге: 108-й полк – 142 младших офицера и 8692 нижних чина; 126-й полк – 117 младших офицеров и 6533 нижних чина; 149-й полк – 117 младших офицеров и 6504 нижних чина;

в Кунгуре: 153-й полк – 90 младших офицеров и 6030 нижних чинов²⁵.

В ходе реформирования запасных пехотных батальонов в полки большая часть из них была закреплена за конкретными дивизиями действующей армии. Так, 107-й запасной пехотный полк был придан 49-й пехотной дивизии, 108-й – 8-й сибирской стрелковой дивизии, 123-й – 13-й сибирской стрелковой дивизии, 124-й – 9-й сибирской стрелковой дивизии, 126-й – 131-й пехотной дивизии, 149-й – 138-й пехотной дивизии, 162-й – 10-й сибирской стрелковой дивизии²⁶. 139-й,

153-й, 157-й и 168-й запасные пехотные полки не были приданы каким-либо конкретным соединениям и относились к общearмейскому резерву пополнения пехоты действующей армии, так как квартировали в удалённых населённых пунктах, из которых быстрая и своевременная высылка укомплектований по требованиям дивизий представлялась затруднительной.

Дислокация и подчинение некоторых полков менялись, но в итоге к началу 1917 г. в регионе оказались расположены две запасные пехотные бригады в составе 11 запасных пехотных полков.

Ещё одним резервом пополнения действующей армии было государственное ополчение, которое созывалось лишь в военное время²⁷.

²⁴ Новиков П.А. Казанский военный округ в годы Первой мировой войны// Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 56.

²⁵ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 489. Л. 7.

²⁶ Квартирное расписание войск Казанского военного округа на 1 января 1917 года. Казань, 1917. С. 41-44.

²⁷ О преобразовании государственного ополчения// ПСЗ-III. Т. XXXI. Ч. I. №34841.

В соответствии с «Положением об устройстве государственного ополчения» на него в первую очередь возлагались задачи по несению охранной и караульной службы в тылу, однако в период войны многие дружины направлялись на фронт, где участвовали в боевых действиях, либо обращались на пополнение и формирование новых частей.

Поначалу штат пеших дружин ополчения был четырёхротным: командир дружины в чине полковника, начальник хозяйственной части, адъютант, делопроизводитель суда, четыре ротных командира в чине капитана, шесть обер-офицеров, четыре классных чиновника и 984 нижних чина (952 строевые и 32 нестроевые)²⁸. В январе-марте 1916 г. были утверждены новые штаты дружин пяти-, семи- и восьми-ротного состава и максимальная численность личного состава пешей дружины составила: 24 офицера; 4 классных чина; 1966 нижних чинов (1894 строевых и 72 нестроевых)²⁹.

С началом мобилизации на территории Казанского военного округа, согласно указам Сената от 18 и 21 июля 1914 г., началось формирование дружин государственного ополчения. Дружины входили в состав ополченческих бригад (6 пеших дружин, артиллерийская батарея, конная сотня, саперная полурота), из которых формировались корпуса государственного ополчения. К ноябрю 1914 г. в Казанском военном округе были сформированы 3-й и 4-й корпуса государственного ополчения (с управлениями в Казани и Самаре) и 45-я бригада государственного ополчения (в Оренбурге).

На территории Пермской губернии в 1914-1915 гг. были сформированы: 285–294-я, 577–581-я, 698-я, 699-я, 720-я пешие ополченческие дружины. Уже в конце 1914 г. 285–288-я дружины из состава 48-й ополченческой бригады убыли на Юго-Западный фронт под Перемышль. 291-я, 292-я, 293-я и 294-я дружины были переброшены в состав Кавказской армии, где первые две пошли на формирование 28-го Кавказского стрелкового полка, а третья и четвёртая – 25-го³⁰.

Сформированные на их месте дружины с пятисотыми номерами также через некоторое время направились на фронт: 579-я Пермская

²⁸ *Рахимов Р.Н.* Дружины государственного ополчения Казанского военного округа в 1914–1915 годах: структура, вооружение, участие в войне//Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой Международной научно-практической конференции. СПб:ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 52

²⁹ Штат №11 пешей дружины (восьмиротного состава). Высочайше утверждён 30 января 2016 г.; приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего от 7 марта 2016 г., №305.

³⁰ *Звегинцов В.В.* Русская армия 1914 г. Подробная дислокация, формирование 1914-1917, регалии и отличия. Париж, 1959. Ч.2. С. 47-50.

пешая дружина из Шадринска – на Кавказ (21 ноября 1916 г. переименована в 28-й Кавказский этапный батальон); 580-я Пермская пешая дружина из Верхотурья – на Северный фронт, для формирования полков 121-й пехотной дивизии; 581-я Пермская пешая дружина из Красноуфимска – на Юго-Западный фронт.

После отправки в 1916 г. большого числа дружин на фронт на Урале оставались шесть ополченческих дружин (с 694-й по 699-ю), расквартированных в губернских центрах (Оренбург, Уфа, Вятка, Пермь), а также в Екатеринбурге и Челябинске. Все они сведены в 56-ю ополченческую бригаду, управление которой располагалось в Пензе, а та, в свою очередь, входила в состав 3-го корпуса государственного ополчения со штабом в Казани³¹. На 1 января 1917 г. на территории Пермской губернии размещались только две дружины: 698-я в Екатеринбурге и 699-я в Перми.

Летом 1916 г. по просьбе французского правительства в России началось формирование особых пехотных бригад, предназначенных для отправки на Западный фронт для помощи союзникам. С июня на Урале формировалась 3-я Особая пехотная бригада под командованием генерал-майора В. В. Марушевского. Управление бригады, 5-й Особый пехотный полк (командир – полковник В.С. Нарбут) и маршевый батальон формировались в Екатеринбурге, а 6-й Особый пехотный полк – в Челябинске.

Штат Особого пехотного полка по военному составу был Высочайше утверждён 3 и 16 января 1916 г. и включал: 62 офицера; 10 классных чинов (чиновников военного ведомства); 1 священника; 3524 нижних чина (3335 строевых и 189 нестроевых). Следует отметить, что из состава русской армии в полк назначался 21 офицер, 6 классных чинов и 3448 нижних чинов. Остальные 41 офицер, 5 военных чиновников и 76 солдат назначались из состава французской армии уже по прибытии на место³².

5-й Особый пехотный полк формировался за счёт трех рот, выделенных из действующей армии, и девяти рот из запасных пехотных полков екатеринбургского гарнизона. Офицеры были переведены в полк из самых разных частей: из резерва чинов при штабе Киевского ВО, 38-го Тобольского, 53-го Волынского, 57-го Модлинского, 74-го Ставропольского, 125-го Курского, 127-го Путивльского, 180-го Виндавского, 293-го Ижорского, 306-го Мокшанского,

³¹ Злобин Д.С. Государственное ополчение на Урале в годы Первой мировой войны // Известия УрГУ. 2006. № 50. С. 167.

³² Штат и расчёт чинов Особого пехотного полка (по военному составу). Высочайше утверждён 3 и 18 января 1916 г.

325-го Царевского, 336-го Челябинского, 405-го Льговского, 500-го Ингульского пехотных, а также 16-го, 30-го Сибирского, 3-го Финляндского и 7-го Финляндского стрелковых полков.

29 июля 1916 г. по окончании формирования полк убыл по железной дороге из Екатеринбурга в Архангельск, а оттуда на кораблях союзников вокруг Скандинавии и Великобритании во французский порт Брест, куда и прибыл 19 августа. Маршевый батальон 3-й Особой пехотной бригады также формировался в Екатеринбурге и включал 24 офицера, 4 военных чиновника и 1654 нижних чина.

Таким образом, в течение Первой мировой войны в 1914-1917 гг. на территории Пермской губернии были отоброилизованы или сформированы: пять пехотных полков (из состава 49-й и 84-й пехотных дивизий и 3-й Особой пехотной бригады); две артиллерийских бригады; 11 запасных батальонов (с мая-июня 1916 г. – полков) по подготовке пополнений в действующую армию; 18 ополченческих дружин из состава 3-го и 4-го корпусов государственного ополчения.

Кроме того, на территории губернии располагалось большое количество тыловых, вспомогательных и интендантских частей войск, управлений, учреждений и заведений. Так, на 1 января 1917 г. в перечне квартирного расписания войск числились: управления Пермской местной бригады (Пермь), 17-й пехотной запасной бригады (Пермь), 47-й пехотной запасной бригады (Екатеринбург); 12 управлений уездных воинских начальников и местных пехотных команд (в каждом уезде); 2 особые донских конных сотни (96-я в Перми и 90-я в Екатеринбурге); 110 обозных батальонов (Пермь); 2 отдельные конвойные команды (Пермь, Нижне-Туринский завод); кавалерийская ремонтная комиссия Пермского района; 8 отделений конского запаса (по 2 в Перми и Екатеринбурге, по одному в Камышлове, Осе, Оханске и Шадринске) с управлением в Перми; 2 команды гуртовщиков (№31 в Перми и №44 в Екатеринбурге); интендантский склад (Пермь); временный инженерный склад (Екатеринбург); 2 продовольственных магазина 3-го класса (Пермь, Екатеринбург); эвакуационный пункт (Пермь); 2 местных лазарета (Пермь, Екатеринбург); 5 сводных эвакуационных госпиталей (67-й – в Камышлове, 113-й и 191-й – в Перми, 143-й – в Ирбите, 195-й – в Екатеринбурге); команда выздоравливающих (Пермь); камера военного следователя (Пермь); комендант ст. Пермь³³.

³³ Квартирное расписание войск Казанского военного округа на 1 января 1917 года. Казань, 1917.

Таким образом, за годы мировой войны Пермская губерния стала крупным центром развёртывания и мобилизации войск, дислокации запасных частей и подготовки резервов для действующей армии. Наличие на её территории крупных городов и железнодорожных узлов позволило развернуть большое количество воинских подразделений, а также тыловых, вспомогательных, интендантских частей и учреждений. В значительной степени этому помогло и то, что в предвоенные годы на территории губернии был расквартирован ряд кадровых частей, после мобилизации которых на их базе формировались новые части и подразделения.

Кроме этого, Пермская губерния, как составная часть Казанского военного округа, была крупным арсеналом и местом размещения интендантских складов Русской армии. С этим связано наличие на территории губернии большого количества тыловых, вспомогательных, интендантских частей и учреждений, которые занимались накоплением, подготовкой и передачей в действующую армию военной продукции уральских заводов: вооружения, снаряжения, боеприпасов.

Библиография

1. Бушмаков Д.А. Русская армия в Великой войне. 1914-1917 г. М., 2017. Т.1.
2. Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация, формирование 1914-1917, регалии и отличия. Париж, 1959. Ч.2.
3. Злобин Д.С. Государственное ополчение на Урале в годы Первой мировой войны // Известия УрГУ. 2006. № 50.
4. Кручинин А.М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811-1920). Екатеринбург: Омта, 2011.
5. Лобанов Д.А. Ощепков Л.Г. История 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка. Пермь, 2006. С. 62-65.
6. Марков О.Д. Русская армия 1914-1917. СПб.: Галея Принт, 2001.
7. Новиков П.А. Казанский военный округ в годы Первой мировой войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 56.
8. Рахимов Р.Н. Дружины государственного ополчения Казанского военного округа в 1914–1915 годах: структура, вооружение, участие в войне // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой Международной научно-практической конференции. СПб:ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 52

И.Е. Еробкин¹
Г.В. Калугина²
И.В. Петухова³
Екатеринбург

**ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА РАБОЧИХ
ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА И ИХ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.**

В данной статье затрагиваются некоторые проблемы социально-экономического положения горнозаводских рабочих, особенности формирования их социально-политического мировоззрения и специфика положения рабочих на Урале.

Ключевые слова: развитие капитализма, горнозаводские рабочие, горнозаводская промышленность, социально-экономические требования, «гулевое» время.

I.E. Erobkin
G.V. Kalugina
I.V. Petukhova
Yekaterinburg

**PECULIARITIES OF THE STAFF OF WORKERS OF THE MINING
INDUSTRY OF THE URALS AND THEIR SOCIO-POLITICAL ACTIVITY
AT THE BORDER OF THE XIX-XX CENTURIES.**

This article touches upon some problems of the socio-economic situation of mining workers, the peculiarities of the formation of their socio-political outlook and the specifics of the situation of workers in the Urals.

Keywords: development of capitalism, mining workers, mining industry, socio-economic requirements, “guly” time.

На рубеже XIX-XX вв. на Урале развернулось активное строительство новых промышленных предприятий (Надеждинский, Ново-Златоустовский, Аша-Балашовский заводы и др.), техническое перевооружение некоторых старых заводов (Камское акционерное общество, Богословское акционерное общество, заводы Демидова и др.). Перестройка промышленности без изменений кадровой политики не могла дать ожидаемого экономического эффекта. Потомственное горнозаводское население было связано со своими заводами целым циклом исторических отношений, которые в некоторых моментах позволяют говорить о принципиальных отличиях с иными промышленными районами страны.

¹ *Еробкин Илья Евгеньевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург, Россия. E-mail: Erobkin-red@mail.ru

² *Калугина Галина Всеволодовна* – кандидат исторических наук, доцент, свободный исследователь.

³ *Петухова Ирина Валерьевна* – доцент кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург, Россия. E-mail: Irina_petuhova@bk.ru

Новые промышленные районы значительно большими темпами наращивали свой потенциал, чем уральская промышленность: нарастание кризисных тенденций в конце XIX в. становилось все более очевидным и требовало незамедлительного вмешательства, в том числе на государственном уровне. Этому посвящена определенная историография⁴.

Наряду с множеством факторов, обуславливавших специфику развития горнозаводской промышленности, следует обратить внимание на то, что изменения затрагивали скорее не конкретную отрасль промышленности, а прежде всего конкретные округа. Большинство заводов на Урале по-прежнему было объединено в горнозаводские округа, возникновение которых относилось к XVIII в. и которые развивались во многом изолированно друг от друга. Население данных округов образовывало особое горнозаводское сословие и прикреплялось к заводам, кроме правовых механизмов, еще и широким спектром земельные отношений. Одним из кадровых воплощений данной практики на рынке труда стал относительно высокий процент потомственных рабочих по сравнению с пришлыми рабочими. XI съезд уральских промышленников в 1903 г. отмечал, что использование труда пришлых рабочих «на Урале до сих пор наблюдалось лишь в исключительных случаях».⁵ Использование труда пришлых рабочих в ряде случаев выступало в качестве причины конфликтов с местными рабочими, которые прямо добивались от администрации предприятий удаления с производства нежелательных конкурентов.

Своеобразие производственных процессов позволяет выделить некоторые относительно обособленные категории рабочих уральских

---

⁴ *Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1972. С. 225-256; *Буранов Ю.А.* Хозяйственно-экономическое положение Богословского горного округа в конце XIX – начале XX вв. (1895-1906) // Ученые записки УрГУ. Серия Историческая. Свердловск, 1966; *Железкин В.Г.* Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900-1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861-1917 гг.): сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 109-125; *Запарий В.В.* История черной металлургии Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2005; История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990; *Калугина Г.В.* Условия труда рабочих горнозаводской промышленности Урала конца XIX – начала XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861-1917 гг.): сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1990; *Коробков Ю.Д.* Отношения уральских рабочих к власти в конце XIX – начале XX вв. // Урал в контексте российской модернизации: сб. статей. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 386-396 и др.

⁵ Труды XI съезда уральских горнопромышленников. Екатеринбург, 1903. С.19.

заводов. Так, следует выделить тех рабочих, которые были непосредственно связаны с заводским производством, рабочих, исполнявших вспомогательные работы, и рабочих, занятых на горных и приисковых работах. Если для первой категории поземельные отношения с заводом не были столь актуальны, то для работников вспомогательных производств, среди которых доминировали крестьяне заводских поселений, проблема поземельных отношений могла выйти на первые позиции. Тем самым трудно говорить не только об однородности их социально-экономического положения, но и о сути социально-политической активности.

Появление вопроса о землеустройстве среди проблем, волновавших уральских рабочих, напрямую связано с ритмами рынка труда. При сокращении производства или закрытии завода вовсе горнозаводское население пыталось заняться земледелием, рос размер земельных наделов под покосы и пашни. Косвенно этот процесс нашел отражение в количестве спорных земельных участков по уральским горным заводам в период предкризисный и во время экономического кризиса начала XX в. Если в 1898 г. количество заявленных спорных участков составляло 8859 (13009,32 десятины), то в 1902 г. 41159 участков (77049,39 десятины)⁶.

Втягивание российской экономики в пору экономического кризиса 1900-1903 гг. привело к сокращению объемов производства на уральских заводах, что обострило проблему занятости. Рост горнозаводского населения обгонял спрос на рабочие руки, что порождало значительный излишек рабочей силы. Кроме того, нарастал процесс внедрения мартеновского способа производства стали взамен пудлингования, сокращал смены и количество рабочих, необходимых для его обслуживания, что дополнительно высвобождало трудовые ресурсы. Одной из мер сглаживания негативных последствий кризиса стала организация Министерством земледелия и государственных имуществ масштабных работ по заготовке в казенных лесах шпал для строящихся на Урале железных дорог.

Другой и более распространенный метод решения проблемы избытка рабочей силы позволяет говорить о росте скрытой безработицы. На предприятиях стал все чаще встречаться режим, при котором работа чередовалась с «гулевыми» днями и неделями. В 1898-1899 гг. рабочие Сысертского заводского округа неделю работали, а две «гуляли». Нижнетагильские рабочие, а также рабочие Алапаевского округа 3 недели работали, а четвертую «гуляли». На ряде предприятий администрация пошла по пути сокращения длительности рабочего дня, ограничивая его 6 часами. Так, рабочие Режевского завода в 1903 г.

⁶ Савич Г.Г. Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб., 1907. С.42.

работали по 6 часов через день, на заводе было установлено пять шестичасовых смен. Показателен следующий случай. Во время стачки в Сысерти в 1898 г. один из агитаторов, разъясняя программу действий пролетариата России, призывал бастующих поддержать требования 8-часового рабочего дня. Ответом ему были слова одного из присутствующих рабочих: «Да, хорошо было бы работать по 8 часов! И заработки бы тогда повысились, а то мы работаем по 6-4 часа в день»⁷.

Архаичная организация использования трудовых ресурсов проявлялась в том числе и в том, что в то время как на многих предприятиях сокращалась продолжительность рабочего дня и рабочей недели, на предприятиях в северной части Урала на недавно возникших заводах даже возникла потребность в пришлых рабочих.

Рассмотренные выше моменты придавали специфический характер формам протеста уральского горнозаводского населения, которое было привязано к земле, обладало слабыми возможностями для мобильности и, вступая в борьбу за свои права, конфликтовало с администрацией предприятия одновременно и с владельцем земли работников. Одной из самых распространенных форм протеста были жалобы и прошения, адресованные местному начальству или высшим государственным инстанциям. Часто конфликт протекал без остановки производства, а иногда был сопряжен с требованием расширения производства.

Например, весной 1896 г. рабочие Юрюзанского завода требовали от управляющего пуска второй домны и предоставления работы. Остановка работы в данном случае была бы абсурдной угрозой, и рабочие обещали не допустить отправку чугуна на Катавский завод. Внедрение более экономически оправданных форм оплаты труда могло также спровоцировать волнения среди рабочих. Так, в 1899 г. рабочие снарядного цеха Мотовилихи забастовали после замены поденной оплаты труда на сдельную.

В целом выступления рабочих на рубеже XIX-XX вв. были стихийны и не сопровождались какой-либо четкой политической программой. Требования носили узко региональный и экономический характер. Трудно признать данные выступления революционными по своей сути, сам протест часто сводился к расправе с конкретными «недругами», мало отличаясь от хулиганства или бандитизма. В большинстве случаев уральские рабочие стремились придать своим выступлениям «законный» характер. При остановке работы они, как правило, обращались с жалобами к горному начальству или гражданским властям⁸.

⁷ Искра. 1903. №45.

⁸ *Гаврилов Д.В.* Влияние модернизационных процессов на динамику землевладения и землепользования горнозаводского населения Урала в 1861–1900 гг. // Проблемы экономической истории России. Екатеринбург, 2007. С. 150–189.

Библиография

1. *Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1972. С. 225-256;
2. *Буранов Ю.А.* Хозяйственно-экономическое положение Богословского горного округа в конце XIX – начале XX вв. (1895-1906) // Ученые записки УрГУ. Серия Историческая. Свердловск, 1966.
3. *Гаврилов Д.В.* Влияние модернизационных процессов на динамику землевладения и землепользования горнозаводского населения Урала в 1861–1900 гг. // Проблемы экономической истории России. Екатеринбург, 2007. С. 150-189.
4. *Железкин В.Г.* Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900-1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861-1917 гг.): сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 109-125.
5. *Запарий В.В.* История черной металлургии Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2005.
6. *Калугина Г.В.* Условия труда рабочих горнозаводской промышленности Урала конца XIX – начала XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861-1917 гг.): сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1990.
7. *Коробков Ю.Д.* Отношения уральских рабочих к власти в конце XIX-начале XX вв. // Урал в контексте российской модернизации: сб. статей. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 386-396.
8. *Савич Г.Г.* Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб, 1907.

В.В. Керов¹
Москва

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1918 г.: УРАЛ В СОПОСТАВЛЕНИИ И С ЦЕНТРОМ И ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ

В статье дается характеристика действий старообрядцев в период выборов в Учредительное собрание. Анализируются причины их малой политической активности и отрицательные результаты их работы по избранию своих представителей в собрание. Показаны причины, почему широкие массы крестьян-старообрядцев проголосовали за другие партии.

Ключевые слова: старообрядчество, крестьянство, Учредительное собрание, революции 1917 г., Уральский регион.

V.V. Kerov
Moscow

OLD BELIEF AND CONSTITUTIONAL MEETING 1918: URAL IN COMPARISON AND WITH THE CENTER AND OTHERS REGIONS OF RUSSIA

The article provides a description of the actions of the Old Believers during the elections to the Constituent Assembly. The reasons for their low political activity and the negative results of their work on electing their representatives to the assembly are analyzed. The reasons why the broad masses of peasants of the Old Believers voted for other parties are shown.

Keywords: Old Believers, peasantry, Constituent Assembly, revolutions of 1917, Ural region.

Старообрядцы резко осудили захват власти большевиками в октябре 1917 г., назвав новое правительство Бичом Божиим, но, как настоящие христиане, они и после этого верили, что Христос «не попустит, чтобы нетленное злато тысячелетнего опыта христианской жизни русского народа было растоптано безумной толпой»². Основную надежду ревнителю древнего благочестия с весны 1917 г. связывали с Учредительным собранием. Оно воспринималось как «хозяин нашей родины»³, который «будет решать дальнейшие судьбы России»⁴.

¹ *Керов Валерий Всеволодович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории экономики РАНХиГС при Президенте РФ. Москва. Россия. E-mail: vvkerov@gmail.com. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №08-01-00443а

² *Анофриев Н.* Христианство и революция // Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия (далее – Вестник ВСХПС). 1917. № 3. С. 1. Подробнее об отношении староверов к революции см.: *Керов В.В.* Старообрядчество в 1917 г. // *Российская история*. 2018. № 1. С. 143–160.

³ *Козьмин К., свящ.* За кого подавать голоса на выборах в Учредительное собрание // Братство. Церковно-общественный журнал, издаваемый периодически Советом все-российского старообрядческого во имя Св. Николы братства. 1917. № 1. С. 2.

⁴ ОР РГБ, Ф. 260, К. 2, Д. 20, Л. 4.

Лидеры староверов, по-видимому, искренне полагали, что им удастся привести Россию к «новой жизни», просвещённой «светом Христовым»⁵. Их хилиастические настроения ощущались и влозунге «Да царствует в нашей стране правда, милость и любовь»⁶. Показательно также, что в различных резолюциях они не раз предлагали провести Учредительное собрание не в Петрограде, а в Москве – православной столице, «объединяющем центре» и «сердце России»⁷. На съездах предлагалось разьяснять старообрядцам идеи различных партий «с христианской точки зрения»⁸.

Программы политических партий старообрядцев не устраивали. Сознвая исключительность положения ревнителей древнего благочестия в российском социуме, лидеры всех основных согласий настаивали на том, что им надо идти на выборы объединившись, но «самостоятельно» – со своими требованиями и списками⁹. На краевом съезде в Барнауле представители всех согласий констатировали, что «ни с одной из существующих партий... слиться находят невозможным», поскольку «вожаки» этих организаций вредят им, «а потому дело не в партиях, а в качестве людей честных и работоспособных». Соответственно, староверам приходилось формировать собственный список из «людей, проникнутых национальным чувством и работающих всецело на пользу русского народа»¹⁰.

Лишь там, где их последователи были малочисленны, Политическое совещание старообрядцев 22–23 августа признало «возможным вступление в блок с партиями: народной свободы, народных социалистов и группой “Единство”»¹¹. Это объяснялось тем, что кадеты и оборонческое «Единство» во главе с Г.В. Плехановым «отличаются трезвым, деловым отношением к своим программам»¹². Кадеты даже рассматривались как «партия наиболее близко стоящая к реальной жизни»¹³. Всту-

⁵ Кириллов И. Божья воля // Слово Церкви. 1917. № 10–11. С. 181.

⁶ Слово Церкви. 1917. № 10–11. С. 181. Подробнее см.: Керов В.В. Старообрядчество в 1917 г. С. 149–150.

⁷ ОР РГБ, Ф. 260, К. 15, Д. 9, Л. 3; Слово Церкви. 1917. № 14. С. 269; Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска и его окрестностей, 30 апреля 1917 // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 414; Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

⁸ Слово Церкви. 1917. № 36. С. 612.

⁹ Там же. № 3. С. 11.

¹⁰ Цит по: Старухин Н.А. Белокрыничское согласие на Алтае: барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. Барнаул, 1999. С. 92.

¹¹ Слово Церкви. 1917. № 36. С. 612; см. также: Сироткин Д.В. Речь на съезде старообрядцев // Там же. № 24. С. 450.

¹² Там же. № 37. С. 631.

¹³ Кириллов И. О власти и обществе // Слово Церкви. 1917. № 37. С. 630.

пая в альянс, следовало «выговаривать» второе или третье место в списке «дружественной» партии для старообрядческих кандидатов¹⁴. Но ни при каких условиях не допускалось голосование за эсеров, меньшевиков или большевиков¹⁵. Считалось, что они ведут страну «к гибели и разрухе», «расстроили армию и тыл... много зла принесли России»¹⁶. А от их преобладания в Учредительном собрании ожидался «страшный вред и для религии и для русского государства»¹⁷.

Старообрядческие общины почти во всех концах России в целом поддержали эту позицию. На политическом совещании старообрядцев в конце августа священники благословили кандидатов в Учредительное собрание от всех согласий¹⁸. Позже именно духовенству вменялось в обязанность присматривать за организацией и проведением голосования. Так, «Наставление к выборам в Учредительное собрание» предписывало духовным наставникам, кроме контроля за волеизъявлением своей паствы, помогать неграмотным, а также назначить наблюдателей, которые следили бы за соблюдением правил представителями партий, а на следующий день представили бы «контрольные счета записок», чтобы «подсчёт был сделан правильно»¹⁹.

В регионах, где имелось значительное число староверов – в Алтайской, Калужской, Московской, Нижегородской, Пермской, Самарской, Саратовской, Рязанской, Томской, Уфимской, Херсонской, Черниговской губерниях, а также Области Войска Донского, – они представили избирательным комиссиям списки своих кандидатов²⁰. На политическом совещании ревнителей древнего благочестия в конце августа постановили, что списки, «не входя в соглашение с другими партиями», должны быть выдвинуты и в некоторых других «густонаселённых старообрядцами губерниях и областях» – в Бессарабской, Вятской, Казанской, Терской, Курганской и Уральской. Однако осуществить это не получилось²¹.

¹⁴ Слово Церкви. 1917. № 36. С. 612; см. также: *Сироткин Д.В.* Указ. соч. С. 450.

¹⁵ Наставление к выборам в Учредительное Собрание // Слово Церкви. 1917. № 43. С. 716.

¹⁶ *Козьмин К., свящ.* Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Доклад старообрядческого епископа Иннокентия Нижегородскому губернскому съезду политического союза старообрядческих согласий // Слово Церкви. 1917. № 44. С. 733.

¹⁸ Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641.

¹⁹ Там же. № 43. С. 716.

²⁰ ГА РФ, Оп. 1, Ф. 1810, Д. 125, Л. 3; Д. 185, Л. 6; Д. 247, Л. 3; Д. 291, Л. 2; Д. 321, Л. 3; Д. 322, Л. 3; Д. 353, Л. 3; Д. 355, Л. 4, 6; Д. 363, Л. 6; Д. 444, Л. 4; Д. 511, Л. 125.

²¹ Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641.

Итогом голосования стало полное и в определённой степени ожидаемое поражение старообрядцев. Даже первые номера их списков не прошли ни в одном из округов²². Их поддержало слишком мало избирателей, даже среди самих древлеправославных. Но важнейшим фактором оказалась, видимо, позиция крестьян.

На рубеже XIX–XX в. в сельской местности проживали до 90% староверов²³. Как правило, крестьяне являлись самым политически пассивным слоем населения, они «различали слабо, а иногда и вообще не воспринимали партийные программы» и реагировали только на те действия политиков, «которые касались их непосредственно»²⁴. Крестьяне-старообрядцы в среднем были более зажиточны, сознательны и активны²⁵, однако далеко не во всём солидарны со староверческой интеллигенцией и начётчиками.

Прежде всего, вопреки принятому на различных старообрядческих совещаниях принципу непредрешенчества, крестьяне-старообрядцы желали разделить помещичью собственность прямо сейчас, что приводило к погромам имений и прямой конфискации владений²⁶. В некоторых регионах, в особенности на Урале, значительная часть крестьян-староверов считала, что аграрная часть «Программы» была «выработана при участии наиболее имущих старообрядцев»²⁷. Продолжая настаивать на решающей роли Соборания, лидеры ревнителей древнего благочестия выпустили воззвание «К старообрядцам крестьянам», убеждая их воздержаться «от насилия и безрассудных действий» до Учредительного собрания²⁸. Но это лишь вызвало недовольство и оттолкнуло избирателей. Лозунги эсеров и даже большеви-

---

²² Там же, Ф. 1781, Оп. 1, Д. 52, Л. 2–48; Ф. 1810, Оп. 1, Д. 32, Л. 2–123.

²³ Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913. С. 16.

²⁴ Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 5.

²⁵ Проведённое в 1908–1909 гг. анкетирование 100 тыс. дворов староверов показало, что они «в общем являются экономически более обеспеченным элементом деревни». Землёй (включая сенокосы и выгоны) их хозяйства были обеспечены в среднем по 21,7 десятины (у всех крестьян Европейской России – по 11,1 десятины). При почти одинаковых у всех наделах они имели в пять раз больше земли, купленной и находившейся в длительной аренде, и в 1,6 раза больше рабочего скота на душу. Одновременно они были в 1,6 раза грамотнее и тратили на книги и газеты в 4 раза больше остальных. См: Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М., 1910. С. XVIII, 111, 203, 204, 229–230).

²⁶ См., например,: Слово Церкви. 1917. № 22. С. 410.

²⁷ Боровик Ю.В. Старообрядческие общества Урала в 1917–1921 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 106.

²⁸ К старообрядцам крестьянам // Слово Церкви. 1917. № 17. С. 309, 310.

ков, суливших безвозмездное наделение, звучали привлекательнее²⁹. В результате, например, в Пермской губ. (Пермь, Екатеринбург, Соликамск, Ирбит, Чердынь с уездами) значительная часть староверов голосовала не за список «Группы объединённых старообрядцев всех согласий» (19 человек) № 4, а за блок эсеров и представителей Советов крестьянских депутатов. В итоге соотношение оказалась 1:21. Даже в старообрядческих сёлах, за исключением пяти на всю губернию, список № 4 поддерживали лишь 1–2 избирателя, и он уступил даже некой невнятной «Группе церковно-народной»³⁰.

Казачьи части, в которых служило немало старообрядцев, в том числе из уральского казачества, исключались из голосования по фронтовым округам. Требования срочно создать «особые избирательные казачьи округа» игнорировались. Их голоса, подсчитанные особо, предполагалось присоединить к соответствующим тыловым округам, но специальные фронтовые казачьи избирательные комиссии так и не были сформированы или начали работу очень поздно. В итоге, как признал председатель Особой совещательной комиссии при Всероссийской избирательной комиссии, значительная часть казаков вообще не участвовала в выборах³¹. Всего от казаков было избрано 19 чел. (9 из них представляли донское казачество)³². Возможно, что среди них были и староверы, но эти депутаты так и не добрались до Петрограда. В результате явных старообрядцев в Учредительном собрании было только двое. А.И. Коновалов избрался по списку кадетов и политические взгляды старообрядчества не представлял. Вторым был уральский старовер-беспопoveц А.Т. Кузнецов, избранный по Пермскому (Уральскому) округу, что закономерно – от Русских социалистов-революционеров. Кузнецов ещё в 1906 г. вступил в партию и подвергался аресту за антиправительственную деятельность и в то же время прислуживал в нижнетагильской часовне и активно сотрудничал с журналом «Уральский старообрядец»³³.

---

²⁹ Слово Церкви. 1917. № 32–33. С. 576. См. также: *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы и политические партии в 1905–1917 гг. С. 339; *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 20.

³⁰ ГА РФ, ф. 1810, Оп. 1, Д. 321, Л. 3; Д. 322, Л. 3; Д. 511, Л. 125.

³¹ Там же, Д. 511, Л. 19, 39. Хотя находившиеся на фронте казаки иногда даже угрожали «оставить за собой свободу действий» (Там же, Д. 11, Л. 3).

³² *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 323.

³³ Там же. С. 110.

В итоге ни в одном регионе старообрядцы, прежде всего крестьяне, не поддержали собственно старообрядческие списки со своей старообрядческой программой. Они проголосовали за другие партии, в значительной степени левые. Однако на Урале эта тенденция проявилась особенно отчетливо. Важно, что это произошло вне связи со специфической уральской эсеровской программы – ее как таковой не было в региональном виде. Наиболее влиятельным здесь представляется характер уральского крестьянства, имевшего, по мнению уральских исследователей, «собственное мнение относительно перспектив революции».³⁴

Библиография

1. *Анофриев Н.* Христианство и революция // Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия. 1917. № 3. С. 1.
2. *Боровик Ю.В.* Старообрядческие общества Урала в 1917–1921 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 101–116.
3. *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 26 с.
4. *Керов В.В.* Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.
5. *Кириллов И.* Божья воля // Слово Церкви. 1917. № 10–11. С. 181–182.
6. *Кириллов И.* О власти и обществе // Слово Церкви. 1917. № 37. С. 629–630.
7. *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества. М.: Изд. журн. «Старообрядческая мысль»; Т-во типо-лит. И.М. Машистова, 1913. 28 с.
8. *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы и политические партии в 1905–1917 гг. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2003. Вып. 5. С. 327–349.
9. *Козьмин К., священник.* За кого подавать голоса на выборах в Учредительное собрание // Братство. Церковно-общественный журнал, издаваемый периодически Советом всероссийского старообрядческого во имя Св. Николы братства. 1917. № 1. С. 2–3.
10. *Нарский И.В.* «Крестьянскую голову все галки клюют»: как представлялись уральскому крестьянству альтернативные сценарии русской революции? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Исторические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 24–29.
11. *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
12. *Сироткин Д.В.* Речь на съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448–450.
13. *Старухин Н.А.* Белокриницкое согласие на Алтае: барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Барнаул: б/и, 1999. Вып. 1. С. 92–103.
14. *Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 68 с.

³⁴ *Нарский И.В.* «Крестьянскую голову все галки клюют»: как представлялись уральскому крестьянству альтернативные сценарии русской революции? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Исторические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 28.

П.В. Лизунов¹
Северодвинск

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ «НЕПРИЯТНОСТИ» БАНКИРСКОГО ДОМА «Г. ВАВЕЛЬБЕРГ»

В статье дается характеристика необычной стороны деятельности банкирских домов. На примере известного банкирского дома «Г. Вавельберг» раскрывается такая сторона его работы, как криминальные сюжеты, связанные с необеспеченными банковскими переводами, поддельными чеками и др. Приведены примеры действий банкирского дома в подобных ситуациях.

Ключевые слова: банкирский дом «Г. Вавельберг», банковские операции, финансовое предприятие, международные судебные разбирательства.

P.V. Lizunov
Severodvinsk

LARGE AND SMALL “DISTURBANCES” BANKING HOUSE “G. WAWELBERG”

The article describes the unusual side of the banking houses' activities. Using the example of the well-known banking house “G. Wawelberg”, reveals such a side of his work as criminal stories related to unsecured bank transfers, counterfeit checks, etc. The examples of the actions of the banking house in such situations are given.

Keywords: banking house “G. Wawelberg”, banking, financial enterprise, international litigation.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» был одним из самых известных и старейших частных банкирских фирм дореволюционной России. Учрежден он был в 1848 г. в Варшаве, а в 1869 г. открыл филиал в Петербурге, который вскоре по размерам операций превзошел головную контору². С падением влияния банкирских домов Гинцбургов и Поляковых его положение окрепло еще больше.

Агенты банкирского дома действовали во многих провинциальных городах Западной и Центральной России, Урала, Сибири, Средней Азии. Представители фирмы имелись в таких городах, как Вятка, Сарапул, Яранск, Малмыж Вятской губернии, городах Орск, Троицк, Челябинск, Верхотурье, Ирбит Оренбургской губернии, городах Пермь, Кунгур, Оса Пермской губернии, городах Уфа, Златоуст, Мензелинск Уфимской губернии, в Иркутске, Самарканде, Витебске, Екатеринбургe, Владивостоке и др.

¹ *Лизунов Павел Владимирович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой. Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Северодвинск. Россия. E-mail: pavelvl@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-01-16048.

² *Лизунов П.В.* Семейный банкирский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге // *Экономическая история: Ежегодник. 2018/19.* М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 101–156.

Как любому финансовому предприятию, банкирскому дому «Г. Вавельберг» время от времени приходилось сталкиваться с разными проблемами, разбирательствами и недоразумениями. Они появлялись в связи с расчетами по биржевым сделкам и банковским операциям, которые в зависимости от серьезности дела решались самой конторой, в Биржевом комитете, Коммерческом суде, Судебной палате или Окружном суде³. В ряде случаев приходилось обращаться в сыскную полицию, когда возникали проблемы криминального характера, например в 1910 г. в связи с получением денег по подложным чекам сыном титулярного советника Гордона⁴.

Несколько раз банкирский дом оказался втянутым в громкие как внутренние, так и международные судебные разбирательства, имевшие к нему прямое или косвенное отношение.

В 1898 г. берлинский банкирский дом «Robert Borchardt & Co» направил фирме «Г. Вавельберг» в Петербурге запрос о предоставлении сведений об одной московской группе из трех человек, владевших цементным заводом под Нижним Новгородом. Те обратились к ним с просьбой предоставить ссуду в размере 200 тыс. руб. на годичный срок, указав, что участвуют в акционерном обществе по производству цемента, акции которого предложили заложить. Кроме того, все трое учредителей были готовы предоставить в залог свое «солидарное вексельное обязательство»⁵.

В ответ на запрос «Роберт Борхардт и Ко» получил от «Г. Вавельберга» пространное письмо, в котором сообщалось, что все трое известны как «достоинные доверия, солидные и состоятельные» люди. Также «Г. Вавельберг» информировал, что их цементный завод производит ежегодно 120 тыс. бочек цемента с прибылью 1–2 руб. с каждой бочки, а при желании производство легко может быть увеличено. Особо указывалось, что «московской группой лиц» заключен с правительством «крайне выгодный контракт на поставку большой партии продукции на 8 лет».

Банкирский дом «Г. Вавельберг» соглашался участвовать в деле с общим счетом (*eto meta*), присовокупив к сведениям обычную фразу «без моей ответственности», не имевшей практически никакого зна-

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 225. Оп. 1. Дд. 223, 4330К; Ф. 243. Оп. 1 Д. 622; Ф. 356. Оп. 1. Д. 1953; Ф. 356. Оп. 1. Дд. 20474, 5943; Ф. 356. Оп. 2. Д. 15; Ф. 780. Оп. 1. Д. 311; Ф. 852. Оп. 1. Дд. 2891, 3310, 3437, 4755, 4806, 4849; Оп. 2. Дд. 307, 340, 369 и др. Практика С.-Петербургского коммерческого суда за 1874 г. СПб., 1875. С. 213–221.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 1 Д. 1677.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 31. Д. 57. Л. 8.

чения, указывающей на беспристрастность и объективность коммерческого отзыва.

На основании данного отзыва «Роберт Борхардт и К^о» предоставил ссуду в размере 200 тыс. руб. «Г. Вавельберг» уведомил берлинскую фирму о получении акций цементного завода вместе с дивидендными купонами на текущий 1899 г. После чего деньги были выплачены просителям.

Накануне истечения годовичного срока заемщики объявили, что могут заплатить только 20 % и просили об отсрочке остальных 80 % еще на 6 месяцев. «Г. Вавельберг» посоветовал принять это условие, «так как в противном случае может наступить катастрофа». Настоятельная просьба фирмы «Роберт Борхардт и К^о», чтобы «Г. Вавельберг» «попытался получить обеспечение отсроченных 80 % ипотекой», не имела успеха. В ответ банкирский дом «Г. Вавельберг» сообщил, что подобного требования выполнить не может, так как «все три заемщика ничего не могут предоставить»⁶.

По прошествии нового срока оказалось, что все трое заемщиков оказались несостоятельными, их векселя «пошли под протест», а заложенные акции оказались ничего не стоящей бумагой.

Глава банкирской фирмы Р. Борхардт обратился к совладельцу «Г. Вавельберга» О.С. Берсону с запросом, каким образом его конторой мог быть дан отзыв о подозрительных лицах и обо всем деле. В ответе сообщалось, что это недоразумение произошло по вине одного из доверенных банкирского дома, который «грубо обманул своих хозяев и скрывал от них нарочно истинное состояние разных дел». После этого «Роберт Борхардт и К^о» обвинил «Г. Вавельберг» в преднамеренном обмане и заявил, что тот «ответственен перед ним по данной сделке».

Выяснилось, что владельцы цементного завода еще до начала общего дела задолжали банкирскому дому «Г. Вавельберг» сумму как раз в 200 тыс. руб. Также они были должны машиностроительному заводу «Артур Коппель», в котором некто Л. Лименитерн был «значительно заинтересован», о чем, без сомнения, было известно «Г. Вавельбергу». Лименитерн во время заключения общей сделки «был тот самый неверный доверенный приказчик конторы Вавельберг, на которого Берсон указал, как на виновного во всем этом деле». Затем Лименитерн оставил долголетнюю службу в банкирской конторе и перешел в правление общества «Артур Коппель».

Стало известно, что три заемщика прежде чем обратиться к фирме «Роберт Борхардт и К^о» за займом, просили «Г. Вавельберг» ссудить им еще денег, на что последовал отказ. Просителям было указано на денежные источники за границей и возможность ссылаться на бан-

⁶ Там же. Л. 8–9.

кирский дом «Г. Вавельберг», который может предоставить о них положительные сведения. Таким образом, был задуман план привлечь фирму «Роберт Борхардт и К^о» в эту сделку. Кроме того, обнаружилось, что во время сообщения отзыва цементный завод, о цветущем состоянии которого указывал «Г. Вавельберг», существовал только в самом зачатке, был положен лишь закладной камень, еще не были возведены стены, и только в 1899 г. были сделаны первые попытки производства цемента⁷.

Как выяснилось, никакого контракта с правительством о поставках цементных камней для регулирования Волги никогда не существовало. Какой-то чиновник будто бы побеседовал с учредителями цементного завода о том, что такие камни могут потребоваться, а вскоре после этого упомянутый чиновник был уволен со службы. О каких-либо дальнейших переговорах никогда речи не было. Было установлено, что, когда ссуда была получена, никаких акций цементного завода еще не существовало, они не были даже напечатаны. Наконец, оказалось, что банкирский дом «Г. Вавельберг» обеспечил в июле 1899 г. себя 230 тыс. руб. ипотекой на весьма ценный московский дом одного из должников, вопреки тому, что вел общий счет (*eto meta*) и должен был блюсти общие интересы⁸.

Р. Борхардт предпринял попытку уладить дело лично с И.Г. Вавельбергом, однако тот отвечал медленно и уклончиво. Затем немецкий банкир предложил решить дело третейским судом, но Вавельберг оставил данное предложение без ответа. После этого «Роберт Борхардт и К^о» по совету своих российских юрисконсультов подал жалобу в Петербургскую прокуратуру, где обрисовал цепь обманов и нарушений доверия банкирским домом «Г. Вавельберг» и владельцами общества для производства цемента. Прокуратура после ознакомления с жалобой возбудила следствие⁹. К сожалению, чем закончилось дело, выяснить не удалось, но виновность «Г. Вавельберга» была очевидной.

Летом 1900 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» в Петербурге получил из-за границы извещение об уплате по его аккредитивам берлинским банкирским домом «Мендельсон и К^о» и Deutsche Bank некоей Ольге Барановой 40 тыс. марок. При проверке оказалось, что никакого счета на имя Барановой в конторе Вавельберга не было и, следовательно, предъявленные за границей аккредитивы были подложные.

Как выяснилось при разбирательстве, порядок выдачи заграничных аккредитивов в конторе «Г. Вавельберг» был несложен. Сами

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 10–10 об.

служащие критиковали его, находя возможным при помощи обмана получение денег по аккредитиву за границу. Когда стало известно о ловкой проделке таинственной незнакомки в Берлине, сразу же решили, что в данном деле замешан кто-то из сотрудников банкирского дома «Г. Вавельберг». Подозрение пало на брауншвейгского подданного Густава Лихтенштейна, который вел корреспонденцию, и бланки аккредитивных писем при отсылке за границу проходили через него. Следствием выяснилось, что Лихтенштейн, получая 100 руб. жалования в месяц, вел жизнь на широкую ногу. Он играл в клубах и наделал много долгов, а зимой 1899 г. по иску портного на его жалованье был даже наложен арест.

В начале 1900 г. Лихтенштейн познакомился с француженкой Юлией-Марией Жакэ и вступил с ней в близкие отношения. В то время она не имела определенных занятий и, квартируя в меблированных комнатах на Литейном проспекте, жила, по-видимому, на средства Лихтенштейна. Жакэ постоянно нуждалась в деньгах и даже была вынуждена обратиться за помощью во французское посольство и благотворительное общество. Ей выдали 25 руб. для уплаты за квартиру и железнодорожный билет 3-го класса до Парижа. Однако француженка, бывшая беременной, продала кому-то этот билет, объяснив знакомым, что ей нужно ехать не в Париж, а в Берлин для получения денег Лихтенштейна. Сам же Лихтенштейн говорил своим знакомым, что Жакэ собирается уехать из Петербурга в провинцию, где нашла место гувернантки.

В мае 1900 г. Лихтенштейн уволился из конторы Вавельберга, а 14 июня Жакэ выехала за границу. Через два дня после этого в Бреславский учетный банк в Берлине явилась дама, лет тридцати, прекрасно говорившая по-французски. Назвавшись Ольгой Барановой, она предъявила к оплате аккредитив банкирской конторы «Г. Вавельберг» от 2 июня на 25 тыс. марок. Усомнившись в подлинности аккредитива, директор банка отказался выдать деньги. Однако банкирский дом «Мендельсон и К^о» и Deutsche Bank выплатили Барановой по аккредитивам 25 тыс. и 15 тыс. марок.

Лихтенштейн выхлопотал заграничный паспорт и собирался выехать за границу, однако 20 июня был арестован. При обыске в его квартире были найдены несколько циркуляров банкирского дома «Г. Вавельберг» на французском, датском и немецком языках с подлинными подписями совладельцев дома И.А. Шебеко и О.С. Берсона, а также срочная телеграмма из Берлина от 16 июня следующего содержания: «Принимаем предложение, приезжайте немедленно. Пэрман».

Сначала Лихтенштейн объяснил, что телеграмма эта была прислана неким Пэрманом, к которому он должен был поступить на службу.

Но потом признался, что телеграмму ему прислала Жакэ, чтобы он мог скорее получить заграничный паспорт. Привлеченный к ответственности, Лихтенштейн не признал себя виновным в подлоге аккредитивов. По его словам, найденные у него циркуляры банкирского дома «Г. Вавельберг» он взял без всякого преступного замысла, желая иметь лишь образец циркулярного извещения.

Несмотря на все принятые сыскной полицией меры, француженку Юлию-Мари Жакэ разыскать не удалось, так же как и Ольгу Баранову. 29 ноября 1901 г. Лихтенштейн предстал перед Петербургским окружным судом. Защищал его присяжный поверенный С.П. Марголин, со стороны обвинения выступал товарищ прокурора Окружного суда И.И. Бибииков.

Подсудимый – человек лет тридцати пяти, с резкими чертами худощавого лица. По-русски он не говорил и давал свои объяснения на французском языке через переводчика. Не признавая себя виновным, он поддерживал свое первоначальное показание. В своем последнем слове он заявил, что был лишь случайной жертвой сложившихся обстоятельств.

Ознакомившись с деталями преступления, присяжные заседатели вынесли обвинительный вердикт и дали снисхождение. Лихтенштейн был приговорен к заключению в тюрьму на один год, лишению всех прав и преимуществ¹⁰. Никаких финансовых потерь банкирская фирма «Г. Вавельберг» не понесла, пострадали его немецкие партнеры. Зато после этого инцидента усилился контроль над служащими.

В 1905–1906 гг. дом «Г. Вавельберг» в Петербурге снова косвенным образом оказался причастным к громкому международному уголовному процессу о присвоении более 850 тыс. фр. служащим Национальной учетной конторы (Comptoir National d'Escompte de Paris) Жаном Галлеем. До работы в банке он служил в полиции инспектором общей безопасности, но из-за пренебрежения своими обязанностями был уволен, несмотря на содействие своего отца – комиссара полиции. Несмотря на былые заслуги, за вмешательство его отец был вынужден подать в отставку. В январе 1903 г. благодаря знанию немецкого языка он был принят на работу в банк в отдел внешних связей. Он отвечал за переписку с вкладчиками из Южной Германии, Эльзаса, Польши и России. В начале службы в банке он получал 2 000 фр. в год, затем с апреля 1903 г. – 2 400 фр., а с января 1905 г. – 2 600 фр. и дополнительно 300 фр. на Новый год.

Другим фигурантом дела оказалась его любовница Валентина Мари Дарбу, более известная под своим сценическим псевдонимом Валентина Мерелли. Она родилась в деревне, а воспитание получила

¹⁰ Никитин Н. В. Преступный мир и его защитники. М.: Воениздат, 2003. С. 192–195.

в монастыре. В 1896 г. Дарбу вышла замуж за гравера Сохе из Седана, но в 1900 г. по обоюдному согласию они расстались, но официально не развелись. Мерелли уехала в Париж, где «впала в галантную жизнь». Она пробовала начать сценическую карьеру, но у нее не оказалось таланта ни к актерскому мастерству, ни к пению. Мерелли пыталась заняться сочинительством, приступила к написанию автобиографической книги под названием «Роман химеры». Не имея собственных средств к существованию, она была вынуждена жить за счет мужчин.

Знакомство Галлея и Меррели произошло в доме на ул. де Шато, 40, принадлежавшем мадам Мэтте, более известной как «Миледи». При встрече оба выдавали себя за других. Галлей отрекомендовался богатым бароном Гравалем де Гершем, а Мерелли прикинулась невинной и неопытной девушкой. Оба умолчали, что состоят в браке. Галлей, по утверждению прессы, безумно влюбился в Мерелли и полностью посвятил себя этой женщине. Он снял для нее роскошную квартиру, приглашал в лучшие рестораны, возил в оперу, дарил подарки. В результате вскоре стал испытывать финансовые затруднения. С 1904 г. Галлей начал переводить небольшие суммы денег, принадлежавшие клиентам банка, в другие филиалы. Затем их снимал, используя поддельные документы. Когда Галлей понял, что никто не обнаружил хищений, стал увеличивать суммы. Если в декабре 1904 г. он перевел 3 459 фр., то в феврале 1905 г. – 50 000 фр., в мае – 40 000 фр., в июле – 50 000 фр.

В течение дня Галлей носил поношенные соломенную шляпу и пальто, соответствующие его положению клерка. По вечерам он переодевался в модный плащ, дорогую рубашку с платиновыми запонками с бриллиантами. Разъезжал на собственном автомобиле, купленном за 3000 фр. Шелковый цилиндр и монокль дополняли его аристократический образ.

В июне, воспользовавшись вновь одним из коммерческих писем, которое Галлей изготовил на торговый дом «Gros-Roman», он сумел получить 50 тыс. фр. Однако возникли проблемы, и торговый дом опротестовал часть суммы. Тогда Галлей внес ложную корректировку счета, подделав подпись своего начальника. Он прекрасно понимал, что вскоре его проделки будут раскрыты, и необходимо принимать какие-то решения. Тогда ему в голову пришел гениальный план. Он открыл два счета в Comptoir national d'Escompte: один на свое имя, другой – на имя своей любовницы. Третий счет им был открыт в Crédit Lyonnais. При открытии счетов Галлем использовал один и тот же прием: на фирменных бланках банкирского дома «Alcan-Lévy», иден-

тичных бланкам банкирского дома «Г. Вавельберг», и коммерческих письмах дома «Paul Dupont», похожих на письма Азовско-Донского банка, он отправил требования о переводе денег.

22 июля 1905 г. Галлей представил письмо, в котором банкирский дом «Г. Вавельберга» от имени вымышленного Генрика Минкевича просил Comptoir national d'Escompte внести на счет Валентины Дарбу в Cr dit lyonnais 104 тыс. фр. Приказ был выполнен, и с помощью чека, выданного Дарбу, Галлей под именем барона Гравалья смог без проблем снять эту сумму. После этой успешной операции Галлей снова воспользовался поддельными торговыми письмами дома «Gros-Roman». Он отдал распоряжение перевести 250 тыс. фр. на счет Мерелли в Comptoir national d'Escompte. Затем по ее рукописной записке эта сумма была переведена в Soci t  G n rale на имя Гравалья де Герша.

28 июля новым письмом, но от имени Азовско-Донского банка, как и в предыдущем случае, Галлей приказал перевести 366 633 фр. в Comptoir national, а затем в Soci t  G n rate на имя барона Гравалья. На обоих письмах стояли подделанные подписи директоров этих финансовых учреждений. Галлею оставалось только выписать на свое имя чек и забрать деньги. Таким способом, ему удалось за 8 дней получить 720 тыс. фр. Оставалось лишь придумать, как скрыться с украденными деньгами. Галлей, используя имя барона Гравалья, за 55 тыс. фр. арендовал в Гавре на трехмесячный срок британскую паровую яхту «Катарина» и нанял команду из 20 чел. Чтобы не вызвать подозрения и выиграть время, Граваль попросил и получил от Comptoir national d'Escompte 15-дневную отсрочку. Влюбленная пара, понимая, что в ближайшее время не вернется во Францию, сделала значительные запасы. Их багаж состоял из 86 чемоданов, сумок, коробок и ящиков. С собой на яхту Мерелли взяла свою горничную Мари Аудо, а Галлей нанял еще врача. Им удалось беспрепятственно 3 августа отплыть из Гавра.

Тем временем подделанные чеки администрация банка вскоре обнаружила, о чем уведомила полицию, на основании чего судья выдал ордер на арест сбежавшего Галлея. Следователь сумел отследить беглецов в Гавре, но к тому времени те уже успели покинуть Францию. Выяснив маршрут яхты, полиция разослала фотографии и запросы на арест Галлея и его спутников. 24 августа при заходе в порт Баию, когда казалось, что опасность миновала, они были задержаны бразильской полицией. Галлей разыграл изумление и негодование, вел себя вызывающе, угрожал всевозможными последствиями. Он утверждал, что его зовут Гранде, он бельгийский подданный и с помощью жены выполняет одну секретную политическую миссию. Также он заявил, что принадлежит к некой революционной организации, которая дала ему сред-

ства для победы их дела. Однако все было напрасно, задержанных отпустили обратно во Францию. Через несколько недель Галлей и его спутники были доставлены в Париж, где он признался в растрате.

Двух судебных слушаний оказалось достаточно. Галлей был признан судом присяжных виновным по всем обвинениям и осужден к 7 годам принудительных работ. Часть срока он провел в тюрьме на Дьявольском острове – печально известной французской колонии в Гвиане. Позже по его просьбе он был переведен в тюрьму Мелун во Франции. В 1912 г., отсидев 5 лет вместо 7, Галлей был освобожден. Меррели судом была оправдана. Непродолжительное время она имела успех, ее фотографировали для открыток, но вскоре интерес к ней прошел и ее «звезда упала». Их спутники были освобождены из-под ареста и прошли в качестве свидетелей обвинения¹¹.

Финансовые потери от махинаций Галлея в основном понес парижский банк, в котором он служил. Comptoir national d'Escompte объявил о краже более 850 тыс. фр. Во время процесса сумма пропавших денег была уточнена. В общей сложности Галлей украл 863 тыс. фр., из которых успел потратить лишь часть. 700 тыс. были обнаружены в двух пакетах в вещах Мари Аудо, которые, как она объяснила в суде, дал ей на хранение Галлей перед арестом. Изъятые деньги были возвращены банку.

Ни банкирский дом «Г. Вавельберг», ни Азовско-Донской банк не пострадали. О произошедших в Париже событиях они узнали из прессы, в основном французской, которая много и подробно освещала все перипетии произошедшего криминального дела и судебного процесса над Галлеем и его возлюбленной Меррели. Почему Галлей решил использовать именно эти российские банки, можно только предполагать. Сам Галлей объяснял свой выбор легкостью подделать фирменные бланки банкирского дома «Г. Вавельберг» и Азовско-Донского банка.

Однако наиболее громким оказалось нашумевшее «дело Гурко-Лидваля», в которое оказался втянутым банкирский дом «Г. Вавельберг». Оно живо обсуждалось в российской прессе и даже получило извест-

¹¹ Le roman d'un escros // Le Matin. 1905. 23 aout. № 7850; Les Fugitives de la «Catarina». Gallay et la Mérelli en prison // Le Matin. 1905. 26 aout. № 7853; L'Affaire Gallay // Le Petit Parisien. 1905. 15 octobre. № 10 579; Un Procès sensationnel // Le Petit Parisien. 1906. 26 février. № 10 713; Le proces Gallay-Mérelli cour d'assises de la seine // Le Petit Parisien. 1906. 27–28 février. № 10 714–10 715; Gallay et la Mérelly aux Assisesles manifestants en correctionnelle. Le procès Gallay-Mérelly // La Presse. 1906. 27 février. № 5 021; Roman d'un aventurier L'affaire Gallay-Mérelli aux Assises // La Presse. 1906. 28 février. № 5 022; Tribunaux. Gallay et Mérelli // Journal des débats politiques et littéraires. 1906. 27 février. № 57; L'affaire Gallay // L'Ouest-Éclair. 1906. 27 février. № 3278.

ность как «афера века». Суть его заключалось в том, что товарищ министра внутренних дел действительный статский советник и камергер высочайшего двора В. И. Гурко заключил 20 сентября 1906 г. контракт от казны с владельцем торгового дома «Лидваль и К^о» Э.-Л. Лидвалем на поставку 10 млн пуд. ржи в губернии, пострадавшие от неурожая. Лидваль получил в качестве задатка 800 тыс. руб. без всякого обеспечения.

Неисполнение Лидвалем договора имело ряд печальных последствий. В виду несвоевременной доставки Лидвалем ржи, министерство внутренних дел вынуждено было для немедленного устранения острой нужды в некоторых губерниях предпринять экстренные закупки в Одессе и Николаеве 3 250 тыс. пуд. ржи с переплатой по 10 коп. за пуд, что составляло убыток для казны в 825 тыс. руб. Для немедленной доставки хлеба в губернии, пострадавшие от неурожая, пришлось вести его по так называемому воинскому графику, т. е. с временной приостановкой перевозки по некоторым железнодорожным линиям различных частных грузов, от чего, в свою очередь, не только пострадали торговля и промышленность, но обнаружилось повышение цен на хлеб до 1 руб. за пуд в тех губерниях, где голода не было. При окончательной ликвидации контракта с Лидвалем за ним оставалось свыше 400 тыс. руб. невозвращенного задатка и не было никакой надежды что-либо с него взыскать.

На предварительном следствии было установлено, что в 1903 г. шведский подданный Э.-Л. И. Лидваль учредил в Петербурге товарищество на вере под фирмою «торговый дом Э.-Л. Лидваль и К^о» с участием вкладчицы, не пожелавшей быть поименованной. Цель товарищества – содержание в Петербурге технической конторы для продажи в России американских товаров. Складочный капитал товарищества определен в 1 500 руб., из которых 1 000 руб. принадлежит товариществу, а 500 руб. – «некой вкладчице». С 1903 по 1905 г. из Петербургской купеческой управы торговому дому Лидваля были выданы промысловые свидетельства 2-го разряда на содержание конторы. На 1906 г. фирма «Э.-Л. Лидваль и К^о» промыслового свидетельства из Купеческой управы не выбирала и заявления о прекращении деятельности товарищества не поступало.

Во время следствия Лидваль назвал С.-Петербургский учетный и ссудный банк и банкирский дом «Г. Вавельберг» в качестве «своих банкиров», через которые он проводил свои платежи. На запрос следствия Учетный и ссудный банк заявил, что Лидваль переводил через него для платежа лишь незначительные суммы за границу, большую часть в Нью-Йорк. Он имел в банке текущий счет, на котором чис-

лилась весьма скромная сумма. Все это, по заверению банка, не давало Лидвалю права считать Учетный и ссудный банк «своим банкиром».

Банкирский дом «Г. Вавельберг» сообщил, что торговый дом «Э.-Л. Лидваль и К^о» вообще никаких счетов у него не открывал и не имел и что указание Лидваля на него, как на «своего банкира, не имеет никакого основания».

Из доставленных прокурором Петербургского окружного суда справок обнаружилось, что по книгам старшего нотариуса у шведского подданного Э.-Л. Лидваля в Петербурге и в Петербургской губернии никакого недвижимого имущества не значилось. Из осмотра делопроизводств петербургских мировых и общих судебных установлений, а также Петербургского коммерческого суда следовало, что в 1905 и в 1906 гг. производилось много дел по разнообразным искам и взысканиям с Лидваля. По некоторым делам его имя было связано с предприятиями по устройству в разных собраниях азартных карточных игр, причем Лидваль оказался настолько неисправным должником и контрагентом, что по определениям судебных мест неоднократно описывались его товары и домашняя обстановка.

Предварительное следствие собрало ряд сведений, указывающих, что Гурко отдал Лидвалю этот подряд по частной, внеслужебной рекомендации. Хотя Гурко и утверждал, что совершенно неизвестный ему Лидваль не был никем рекомендован, а произвел на него впечатление «человека делового, американской складки, быть может, рискующего в своих предприятиях, однако, во всяком случае, не сознательно идущего на совершение сделки, которой не может вовсе исполнить».

Привлеченный по всем вышеописанным преступным деяниям в качестве обвиняемого, Гурко ни в одном из предъявленных ему обвинений не признал себя виновным и подтвердил свои объяснения, данные Высочайше учрежденной комиссии и Первому департаменту Государственного Совета¹².

Предпринимались и попытки ограбления банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге. В марте 1908 г. петербургской сыскной полицией была арестована группа преступников, совершивших несколько вооруженных ограблений. Ими на начало февраля было запланировано вооруженное нападение на артельщика банкирских контор Вавельберга и Юнкера, когда он будет возвращаться из Государственного банка с 77 тыс. руб. Были арестованы нигде не работающие Е. Матвеев, С. Спиридонов, В. Наркевич, И. Грачиков, служащий Государственного банка М. Хонин и три женщины крестьянка Е. Фролова, мещанка

¹² Судебная хроника. Дело бывшего товарища министра внутренних дел д.с.с. Гурко // Киевлянин. 1907. 27, 28, 29 октября. №№ 297, 298, 299.

В. Пелевина и квартирная хозяйка Е. Тарасова. При обыске у Матвеева обнаружены были множество патронов, нелегальная литература и подробный план ограбления банковских контор Вавельберга и Юнкера. Причем артельщика предполагалось убить. Задержанный Хотин, еще совсем мальчик, отрицал свое участие в первых ограблениях и заявил, что его роль в задуманном ограблении сводилась к указанию дня получения артельщиком денег в Государственном банке, за что ему в случае удачи обещали крупную сумму денег¹³.

Несколько раз банковская контора «Г. Вавельберг» в Варшаве становилась объектом шантажа и вымогательства денег со стороны польских националистов. Владельцы неоднократно получали письма с просьбами о пожертвовании средств и угрозами¹⁴. Так, в августе 1911 г. под лестницей варшавской конторы «Г. Вавельберг» был обнаружен пакет с бомбой. Устройство, признанное полицией весьма опасным, было обезврежено¹⁵.

Однако, несмотря на все неприятности, банковский дом «Г. Вавельберг» сохранял свое положение солидного учреждения. На его основе в 1912 г. был учрежден Петербургский торговый банк с основным капиталом 10 млн руб. и в 1913 г. – Западный банк в Варшаве с основным капиталом 5 млн руб. Торговый банк просуществовал в России до его национализации большевиками в 1917 г. Западный банк в Польше, которая после Октябрьской социалистической революции обрела независимость, функционировал до 1949 г.

Библиография

1. *Лизунов П. В.* Семейный банковский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге // *Экономическая история: Ежегодник. 2018/19.* М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 101–156.

2. *Никитин Н. В.* Преступный мир и его защитники. М.: Воениздат, 2003. С. 192–195.

¹³ Арест шайки грабителей // *Киевлянин.* 1908. 04 марта. № 64; Арест експропріаторів у Петербурзі // *Рада.* 1908. 04 березня. № 53.

¹⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 8. Д. 1074. Л. 1–2 об.

¹⁵ Une bombe à Varsovie // *Gil Blas.* 1911. 17 août. № 12602.

О.И. Марискин¹
Саранск

НАЛОГИ С ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.²

Статья посвящена налоговой реформе, начавшейся в России во второй половине XIX в. Рассмотрены влияние реформ в области прямого и косвенного налогообложения как в России в целом, так и ее регионах.

Ключевые слова: пореформенный период, промышленность, Россия, промысловый налог, земский сбор, косвенное налогообложение.

O.I. Mariskin
Saransk

TAXES FROM INDUSTRIAL INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the tax reform that began in Russia in the second half of the 19th century. The influence of reforms in the field of direct and indirect taxation both in Russia as a whole and in its regions is considered.

Keywords: post-reform period, industry, Russia, trade tax, zemstvo tax, indirect taxation.

В пореформенный период промышленность России являлась объектом как прямого (промысловый налог, земский сбор), так и косвенного налогообложения (акцизы). Центром прямого обложения в дореволюционной России, охватывающим одну из активнейших сторон хозяйственной деятельности человека – промышленное и торговое предпринимательство, был промысловый налог.

Началом более равномерного промыслового обложения в России являлось «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1865 г., отменившее прежнее объявление капиталов и оставившее только две гильдии. Закон 1865 г. освободил торговлю и промышленность от лежавших на ней при крепостном праве резких сословных ограничений. В промысловом налоге 1865 г. учитывались внешние признаки деятельности того или иного рода предприятий, что способствовало крайней неуравнительности обложения. Особенно плохо была учтена разница между предприятиями с крупным и мелким оборотом. Крупные предприятия вследствие этого оказывались обложенными не прямо, а обратно пропорционально своему обороту, своей

¹ *Марискин Олег Иванович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева. Саранск. Россия. E-mail: mariskinoi@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00043.

прибыльности. Все это прямым образом отражалось на незначительной продуктивности промыслового налога для фиска. Сборы за права торговли и промыслов составили в 1867 г. 9,5 млн руб. (11,3 % всех прямых налогов или 2,3% всех государственных доходов), в 1884 г. – 21,0 млн руб. (19,8% и 2,9% соответственно)³. В Пензенской губернии в 1867 г. было выдано 2973 свидетельства на право торговли и промыслов, общая сумма поступлений от промыслового налога составила 86 329 руб.⁴

28 ноября 1884 г. Н. Х. Бунге внес в Государственный совет новый проект, ставший 15 января 1885 г. законом. Он содержал два вида дополнительных сборов: процентный, которому подлежали акционерные компании, товарищества на паях и прочие общества, обязанные публичной отчетностью, и раскладочный для прочих торговых и промышленных предприятий, обязанных по прежнему законодательству выборкою гильдейских свидетельств и билетов. Дополнительный процентный налог взимался в размере 3% с чистой прибыли акционерного предприятия, т. е. имел характер частичного подоходного налога.

Вопреки опасениям предпринимателей, его взимание не создавало препятствие для развития промышленности и торговли. Введение закона 1885 г. позволило увеличить поступления промыслового налога с 21,0 млн руб. в 1884 г. до 25,7 млн руб. в 1885 г.⁵ В Казанской губернии средний сбор с торговли и промыслов составил в 1886 – 1895 гг. 490,3 тыс. руб., в Пензенской – 205,1, Самарской – 498,1, Симбирской губернии – 265,9 тыс. руб.⁶

Рост государственных расходов, который в 90-х гг. XIX в. принял особенно быстрый темп, побудил Министерство финансов прибегнуть к изысканию новых источников дохода. По мнению министра финансов С. Ю. Витте, как раз торговля и промышленность представляли собою отрасли народного хозяйства, наименее использованные в налоговом отношении. Так, в 1895 г. поступления от всех видов промыслового обложения составили 3,2 % государственного бюджета, в то время как торговля и промышленность давали 45 % национального дохода⁷.

8 июня 1898 г. появилось новое «Положение о государственном промысловом налоге», которое способствовало большей уравнительности, пропорциональности и доходности обложения. Оно действова-

³ Статистический временник Российской империи. Вып. 15. Сер. 3. СПб., 1886. С. 7, 140.

⁴ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.

⁵ Министерство финансов. 1802 – 1902. В 2 ч. СПб., 1902. Ч. 2. С. 640.

⁶ Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России. 1885 – 1895. СПб., 1898. С. 57.

⁷ Гензель П. Промысловое обложение в России. СПб., 1900. С. 3.

ло с небольшими изменениями в течение двадцати лет до Октябрьской революции 1917 г., а также и первые годы советской власти, хотя уже и в значительно измененном виде. С 1 января 1899 г. (по закону от 8 июня 1898 г.) обложению промысловым налогом подлежали: 1) торговые, кредитные, страховые предприятия, а также подряды и поставки; 2) промышленные предприятия; 3) личные промысловые занятия. Налог состоял из двух частей: основной, взимаемой по так называемой патентной системе посредством выборки свидетельств на каждое отдельное торговое и промышленное заведение, отдельный промысел или занятие, и дополнительной⁸. Главной особенностью нового порядка промыслового обложения было перенесение центра внимания с предпринимателя на предприятие.

Введение в действие Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. значительно увеличило бюджетные поступления от торговли и промышленности. Если в 1898 г. данные доходы давали казне чуть более 48 млн руб., то в 1899 г. – более 60 млн руб.⁹. В 1910 г. общая сумма промыслового налога составила 118,4 млн руб. (54,8 % прямых налогов или 4,3 % всех государственных доходов), в 1913 г. – 150,1 млн руб. (55,1% и 4,4 % соответственно)¹⁰.

В дореформенный период сбор с торгово-промышленных заведений играл второстепенную роль в земских сборах, практиковавшихся в качестве регионального и местного налогообложения: в 1857–1862 гг. на торговые сословия приходилось около 4% сумм земских сборов. Притом постоянно возвышалась общая сумма земских налогов за счет увеличения подушной подати.

Введение в России в 1864 г. новой системы местного управления повлекло за собой и коренное изменение местных земских налогов. Предметами обложения стали: 1) торговые и промышленные свидетельства; 2) земли и 3) податные лица.

Свидетельства на торговлю и промышленность облагались губернским земским сбором соответственно количеству казенных пошлин, взимавшихся с этих свидетельств. Ежегодный добавочный сбор был определен в 10%. Торговое и промышленное сословия вносили их ежегодно при получении ими свидетельств на торговлю или промыслы. Вся сумма этого патентного сбора распределялась общим присутствием комитета по городам, смотря по разрядам, к которым

⁸ Фриман М. С., Шейнес Д. И. Промысловый налог по действующему законодательству. М.: Тип. В. М. Саблина, 1913.

⁹ Кашикаров М. П. Финансовые итоги последнего десятилетия. 1892 – 1901 гг. СПб., 1903. Т. 1. С. 115.

¹⁰ Ежегодник Министерства финансов на 1916 г. Пг., 1917. С. 11, 16-17.

они были отнесены. Трансформация земского сбора и промыслового налога изменила и структуру налогоплательщиков. В 1868 г. на крестьян приходилось 37,5%, на имущества частных лиц и казны, а также на торгово-промышленные заведения – 62,5%. С изменением системы промыслового обложения и развитием торговли и промышленности росли суммы земских бюджетов. В 1860 г. бюджет Пензенской губернии составлял 56,535 тыс. руб., в 1868 г. – 290,473 тыс. руб., в 1876 г. – 426,530 тыс. руб. По данным 1889 г., в Пензенском уездном земстве торговые документы и патенты были обложены 10,2 % на общую сумму в 75171 руб. 42 коп.¹¹

Введение законодательством в конце XIX в. ограничений на отчисления от промыслового налога несколько изменило структуру доходов земств. Например, общий бюджет Пензенского земства на 1910 г. составлял 1726719, 28 руб., где на долю сбора от торгово-промышленных заведений приходилось всего 17% общей суммы. В своем докладе от 1 февраля 1910 г. Пензенская губернская земская управа ходатайствовала «об отмене ограничения норм отчисления в пользу земств с торгово-промышленных свидетельств и патентов, об обращении в пользу земств хотя бы некоторой доли дополнительного промыслового налога, поступающего ныне полностью в пользу казны, а также об отчислении в пользу местных земств некоторой доли акциза с крепких напитков»¹². Таким образом, сбор с торгово-промышленных заведений на всем протяжении существования не являлся главным источником доходов земств и не был обременительным для торгово-промышленного населения.

Характерной чертой косвенного налогообложения России в пореформенный период было преобладание акцизов, которые взимались в виде надбавок к цене товара и в конечном итоге оплачивались потребителем. В целом по России во второй половине XIX в. подлежали обложению акцизом следующие промышленные предприятия: винокуренные, водочные, пивоваренные, дрожжевые, уксусные, песочно-сахарные, рафинадные, нефтяно-керосиновые, табачные и спичечные. До 1881 г. взимался акциз с соли. Общая производительность заводов и фабрик России, подлежащих уплате акциза, росла достаточно быстрыми темпами. Так, в 1878 г. она составляла 185 млн руб., в 1892 г. – 367 млн руб., т.е. увеличилась почти в 2 раза. Повысились и акцизные сборы: с 272 млн в 1882 г. до 398 млн руб. в 1894 г.¹³

¹¹ *Евграфов Н.* Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства, 1865-1889 гг. Пенза, 1894. С. 393.

¹² Вестник Пензенского земства. Пенза, январь 1911. С. 67.

¹³ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Изд. 2-е. СПб., 1896. С. 9 – 10.

С отменой крепостного права винный откуп как фискальная система пришел в противоречие с изменившимися социально-экономическими условиями. Винные откупа были отменены и заменены в 1863 г. винным акцизом – новой более прогрессивной системой получения казной доходов от реализации алкогольных напитков. Питейный акцизный доход давал треть всех податных поступлений казначейства. В 1863 г. винные налоги составили 121,5 млн руб., в 1865 г. – 120,5 млн руб., в 1867 г. с распространением устава о питейном сборе на Царство Польское – 134 млн руб., в 1879 г. – 215, в 1881 г. – 224, в 1884 г. – 244, в 1888 г. – 264, в 1893 г. – 261, в 1895 г. – 298 млн руб.¹⁴

Пензенская губерния была лидером в Среднем Поволжье по винокуренному производству. В 1860 г. 70 местных заводов произвели 11,5% от общего объема вина для казны. Доля же винокурения в общем промышленном производстве губернии составила 46 %¹⁵.

Отмена крепостного права и переход к вольнонаемному труду, а также ориентация производства на рынок потребовали коренной перестройки винокуренной промышленности. Так, мелкие заводы прекращали свою деятельность, производство стало концентрироваться на более крупных. В 1884 г. в Пензенской губернии действовало 59 винокуренных заводов, а в 1890 г. – уже только 31. С начала XX в. в связи с установлением льгот и быстрым ростом спроса на спирт в период установления казенной продажи питей произошел быстрый рост винокурения в Пензенской губернии. Число действующих заводов увеличивается к 1910 г. до 68, к 1913 г. – до 92¹⁶.

В целом фискальное значение винной монополии в дореволюционной России было исключительно велико. Ее доля в доходах государственного бюджета в начале XX в. была практически постоянной: в 1903 г. – 26,7 %, в 1913 г. – 26,4 % . Поступления от монополии в 1907 г. составили 707,1 млн руб., в 1910 – 783,7, в 1913 г. – 919,9 млн руб.¹⁷

Акцизная политика оказала влияние на развитие спичечной промышленности. В Пензенской губернии данная отрасль возникла в конце 1850-х гг. из мелких кустарных заведений. Развитие спичечной

¹⁴ Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 255-256; Статистический временник Российской империи. Вып. 15. Сер. 3. СПб., 1886. С. 140.

¹⁵ *Сумерин П. Г.* Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период (1861 - 1913 гг.)// Ученые записки ПГПИ им. В.Г. Белинского. Вып. 5. Пенза, 1958. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ *Дементьев Г.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 36.

промышленности сопровождалось концентрацией производства на крупнейших предприятиях и техническим прогрессом. В 1866 г. в губернии работало 2 спичечные фабрики, в 1889 г. – 17, 1899 г. – 11, в 1906 г. – 8, в 1913 г. – 10 фабрик¹⁸. Поступления акцизных сборов со спичечного производства по Пензенской губернии составляли в конце XIX в. в среднем 750 тыс. руб. До конца XIX в. большая часть фабрик изготавливала фосфорные спички. Затем они начинают вытесняться безопасными бесфосфорными. По сведениям Пензенского акцизного управления, в начале XX в. бесфосфорные спички занимали более половины выпущенного объема спичек (12,4 млрд. шт. из 22,7 млрд шт. в 1900 г.). С повышением в 1905 г. акцизов в 2 раза производство фосфорных спичек стало невыгодным, и их выпуск в Пензенской губернии был прекращен в 1907 г.

После отмены крепостного права сахарные заводы Пензенской губернии не смогли конкурировать с передовой сахароваренной промышленностью, развивавшейся в других районах России (главным образом на Украине), и постепенно ликвидировались. В 1860 г. в губернии действовало 13 заводов, в 1867 г. – 8, в 1875 г. – 4. К 1886 г. осталось только три завода, из них работал один – сахарорафинадный, находившийся в г. Пензе. Но и этот завод к 1889 г. был закрыт¹⁹. По России доход от обложения сахарно-рафинадного производства в результате увеличения потребления продукта и повышения акциза существенно вырос. В 1882 г. акцизы дали 8 млн руб., в 1894 г. – 41 млн, в 1900 г. – 63 млн, в 1910 г. – 127 млн, в 1913 г. – 148 млн руб.²⁰

Из других производств, подлежащих обложению акцизом, необходимо отметить крахмально-паточные заводы, а также табачно-махорочные фабрики. Если первых в Пензенской губернии в начале XX в. насчитывалось 22, то последних было всего две (обе фабрики находились в г. Саранске).

В 1913 г. на косвенные налоги приходилось 21,8 %, пошлины – 5,7%, правительственные регалии (в том числе на водочную монополию) – 32,8 %, доход от казенного имущества и капитала (в том числе от казенных железных дорог) – 26,8%, а на прямые налоги только 8 % доходной части обыкновенного бюджета, составлявшего 3 417,4 млн руб.²¹

¹⁸ ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 477. Л. 21.

¹⁹ *Сумерин П. Г.* Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период (1861 - 1913 гг.)// Ученые записки ПГПИ им. В.Г. Белинского. Вып. 5. Пенза, 1958. С. 79.

²⁰ *Фабрично-заводская промышленность и торговля России.* Изд. 2-е. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1896. С. 10; 11; 12, XVII.

²¹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1914 г. Пг., 1914. раздел XII.

Таким образом, в начале XX в. податная тяжесть прямого обложения была перенесена с крестьянского населения на другие источники дохода: торгово-промышленное население, имущественные объекты. Изменения в системе прямого налогообложения являлись ярким показателем модернизационных трансформаций в России во второй половине XIX – начале XX в., ее перехода от аграрного к индустриальному этапу развития. В то же время широкое распространение косвенных налогов имело крайне негативный характер: увеличивало налоговую нагрузку на предпринимателя, снижало покупательную способность населения, суживало рынок сбыта.

Библиография

1. *Антропов П. А.* Финансово-статистический атлас России. 1885 – 1895. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1898. 59 с.
2. *Гензель П.* Промысловое обложение в России. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900. 82 с.
3. *Дементьев Г.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. . Пг.: Тип. ред. период. изд. Мин. фин-в, 1917. 54 с.
4. *Евграфов Н.* Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства, 1865-1889 гг. Пенза, 1894. 394 с.
5. *Кашкаров М. П.* Финансовые итоги последнего десятилетия. 1892 – 1901 гг. СПб., 1903. Т. 1. С. 115.
6. *Сумерин П. Г.* Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период (1861 - 1913 гг.)// Ученые записки ПГПИ им. В.Г. Белинского. Вып. 5. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1958. С. 66 – 142.
7. *Фриман М. С., Шейнес Д. И.* Промысловый налог по действующему законодательству. М.: Тип. В. М. Саблина, 1913. 232 с.

Е.Г. Неклюдов¹
Екатеринбург

**ПОПЫТКИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
МЕХАНИЧЕСКОЙ ФАБРИКИ И МОНЕТНОГО ДВОРА
В 1870–1880-е гг.**

В статье представлен один из эпизодов реализации горной реформы в России второй половины XIX в. Прослеживается история подготовки к продаже двух казенных предприятий Екатеринбурга – механической фабрики и монетного двора в 1870–1880-е гг. Выявлены условия продажи, акторы, ход и последствия организованных торгов.

Ключевые слова: горная реформа, приватизация, Екатеринбургская механическая фабрика, Екатеринбургский монетный двор.

E.G. Neklydov
Ekaterinburg

**ATTEMPTS TO PRIVATIZE THE YEKATERINBURG MECHANICAL
FACTORY AND THE MINT IN THE 1870–1880s.**

The article presents one of the episodes of the implementation of mining reform in Russia in the second half of the XIX century. The history of preparation for the sale of two state-owned enterprises of Yekaterinburg is traced – a mechanical factory and a mint in the 1870–1880s. The conditions of sale, actors, the course and consequences of organized bidding are identified.

Keywords: mining reform, privatization, Yekaterinburg Mechanical Factory, Yekaterinburg Mint.

В ходе подготовки реформы организационных основ горнозаводской промышленности России в 1860-е гг. решалась и судьба казенных заводов, большая часть которых располагалась в то время на Урале. Обсуждавшая этот вопрос Комиссия по пересмотру системы податей и сборов приняла решение оставить во владении государства лишь те предприятия, которые выпускали военную продукцию, а также обслуживающие их металлургические заводы. В 1868 г. были подготовлены проект Правил о продаже казенных горных заводов и Перечень заводов, подлежащих отчуждению². Среди прочих таких заводов находилась и Екатеринбургская механическая фабрика – первое в городе машиностроительное предприятие, основанное в 1839 г. Александр II утвердил проект 18 октября 1871 г. с оговоркой, что

¹ *Неклюдов Евгений Георгиевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии, УрО Российской академии наук. Екатеринбург. Россия. E-mail: ntplant9@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-19-00035/18

² *Неклюдов Е.Г.* Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. С. 161–352.

«предварительно обращения в продажу каждого завода должно быть обеспечено поземельное устройство водворенного при нем населения»³. В связи с этим в Горном департаменте был поставлен вопрос об очередности продажи казенных предприятий. Среди них Екатеринбургская механическая фабрика выглядела наиболее подготовленной к отчуждению. Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов в марте 1872 г. сообщил, что она «совсем не имела приписанных земель и лесов» и, следовательно, для ее продажи «не предстояло надобности в предварительном обеспечении быта горнозаводских людей, которые притом, как поступившие в число граждан города Екатеринбурга, и не имели права на земельный надел». Не было необходимости откладывать продажу и в связи с отсутствием на фабрике казенных заказов: если в 1872 г. здесь изготовлялись железные лафеты для артиллерийского ведомства, то на 1873 г. не было запланировано «никакого наряда», и с 1 января производство должно было неминуемо остановиться. «Для скорейшей продажи этой фабрики не только не встречается препятствий, – констатировал И.П. Иванов, – но даже она необходима для устранения неудобств и расходов, всегда неизбежных при бездействии фабрики»⁴.

Согласившись с этим мнением, министр финансов М.Х. Рейтерн и директор Горного департамента В.К. Рашет вскоре подготовили свои предложения для Комитета министров. Описав ситуацию, они заключили, что оценку фабричного имущества следовало поручить особой комиссии из местных чинов горного и контрольного ведомств с участием заводского архитектора и экспертов, а утверждение описи возложить на главного начальника; сами же торги «по предварительной о том публикации» производить в Совете министра финансов, «применительно к Правилам о продаже казенных горных заводов». Комитет министров 25 апреля 1872 г. одобрил эти предложения, и 5 мая Александр II утвердил их⁵.

Горному начальнику Екатеринбургского округа немедленно было поручено составить «подробный инвентарь с показанием первоначальной и заготовительной стоимости фабричного имущества», а вслед за этим образована оценочная комиссия с участием советника Уральского горного правления Ф.М. Ботышева, главного механика уральских заводов П.К. Штейнфельда, архитектора К.Г. Турского и старшего ревизора Пермской контрольной палаты Н. Ежевского. В на-

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 46. № 50048.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 5. Д. 878.

Л. 1, 1 об.

⁵ Там же. Л. 3–6 об.

чале января 1873 г. опись имущества была завершена (из нее исключили лишь нескольких станков, переданных на Пермские и Гороблагодатские заводы). Комиссия также предложила проект условий продажи, в соответствии с которым покупателю вместе с фабричными зданиями отводилась территория в 7 560 кв. саженей, «граничившая с севера – с Императорской гранильной фабрикой, и за ней на пространстве 24 сажени с плотиной заводского пруда; с запада – на расстоянии 69 саженей 2 аршина с оградой Екатеринбургского монетного двора, мостом через реку Исеть, рекой Исетью до каменного моста». С востока она примыкала к гранильной фабрике и квартальному проезду из Первой Береговой улицы во Вторую, «всего на расстоянии от гранильной фабрики на 162 сажени 2 аршина; к югу по направлению Сибирского тракта... в длину 36 саженей 2 1/2 аршина».

В течение трех лет владелец должен был установить ограду и «содержать в исправности» берега Исети, соседствующие с заводской территорией. Ему ежегодно отпускалось 2,5 тыс. куб. саженей «лесных материалов» и предоставлялось «право пользоваться водой из пруда для действия водяных колес, но только во время избытка ее в пруде, т. е. в летнее время и осенью, а для питания паровых котлов – в течение всего года». Плотина и водопровод оставались в «исключительном распоряжении» Екатеринбургского монетного двора, но владелец фабрики должен был нести треть расходов на охрану и ремонт плотины, выплачивая ежегодно на эти меры 175 руб. Фабричное имущество было оценено в 223 874 руб., включая строения стоимостью 88 990 руб.⁶

Однако, как свидетельствовали чиновники Горного департамента, «к немедленному совершению продажи встретились некоторые затруднения». Одно из них заключалось в том, что «при ближайшем осмотре инвентарей» выявилось имущество, «не годное к употреблению или... не составлявшее неперменной принадлежности механической фабрики». Его целесообразнее было продавать отдельно, но это не предусматривалось утвержденными Правилами о продаже заводов и вызывало необходимость отступления от них, санкционированного верховной властью. Выявилось также принадлежавшее фабрике имущество, находившееся вне ее территории (в частности, два деревянных сооружения, возведенных «для пробы лафетов» на острове Верх-Исетского пруда). «Весьма стеснительными» для покупателя были признаны и условия продажи: ему предстояло возвести стену, отделявшую фабрику от монетного двора; владелец фабрики оказы-

⁶Там же. Л. 8–9 об., 12–15, 137–141 об.; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 760. Л. 56, 70.

вался в зависимости от соседнего предприятия в использовании «водяной силы» и подвергался в этом отношении казенному контролю. «Опасаясь, что такие условия продажи будут иметь в значительной степени невыгодное влияние на цену фабрики», Министерство государственных имуществ сочло необходимым «приостановиться совершением продажи» до планировавшегося тогда закрытия Екатеринбургского монетного двора⁷.

Дело в том, что высочайшим указом от 21 декабря 1873 г. о передаче горного ведомства из Министерства финансов в Министерство государственных имуществ в числе прочего повелевалось Екатеринбургский монетный двор «оставить до окончания данного ему на 1874 г. наряда медной монеты в заведывании горного начальства с тем, чтобы с 1875 г. означенный монетный двор был закрыт, а выделка монеты переведена на Санкт-Петербургский монетный двор»⁸. В связи с этим и возник вопрос о том, не будет ли выгоднее «совершить продажу механической фабрики совокупно со зданием и устройствами Екатеринбургского монетного двора ввиду общего их пользования водяным действием». Это предположение надолго приостановило начатую операцию продажи бездействовавшей с 1873 г. фабрики.

Срок остановки соседнего предприятия был определен именным указом от 8 августа 1875 г.: монетный двор должен был закрыться к 15 апреля 1876 г., когда окончится выполнение последнего наряда медной монеты на сумму в 1,7 млн руб. В феврале 1875 г. в Екатеринбург приезжал горный инженер М.М. Семенов «для удостоверения в том, не пригодны ли машины и механизмы монетного двора для открываемого в Петербурге передела медной монеты». Оказалось, что машины и механизмы были «устарелой конструкции» и их не имело смысла перевозить в столицу. Получив это сообщение, министр финансов предписал «сверить имущество с инвентарем... и те штемпеля, машины, приборы, снаряды и инструменты, которые могли служить исключительно для чеканки монеты, уничтожить на месте»⁹.

Акт о проверке имущества монетного двора был подписан 6 мая 1876 г. членами особой комиссии в составе помощника горного начальника Екатеринбургских заводов Н.П. Иванова, управителя монетного двора А.А. Москвина и заводского архитектора И.А. Бояршинова с участием управляющего Екатеринбургской конторы Государственного банка Ф.Л. Миллера «в качестве члена от Министерства финансов». И.П. Иванов сообщал, что имущество бывшего монетно-

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 878. Л. 129–134.

⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 48. № 52910.

⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 760. Л. 184–200 об.

го двора «поверено» этой комиссией; машины, которые служили для чеканки медных денег, уничтожены; часть имущества передана на другие казенные заводы Екатеринбургского округа и осталось только то имущество, которое «ни к какому употреблению не годно и должно быть продано». Все имущество было оценено в 216 214 руб., включая строения стоимостью 98 184 руб.¹⁰ Но еще до его продажи надлежало решить судьбу как Монетной лесной дачи, принадлежавшей монетному двору и снабжавшей его древесным топливом, так и Екатеринбургского пруда, которым пользовались не только казенные горные предприятия, но и жители города, а также расположенная на той же производственной площадке Екатеринбургская гранильная фабрика, подведомственная Кабинету Его императорского величества.

Лесную дачу, видимо, сохранили в горном ведомстве, но разрешили использовать ее ресурсы не только для нужд заводов, но и для «обеспечения Екатеринбурга лесными материалами»¹¹. Заводскую плотину главный начальник уральских заводов сначала предложил передать в ведение гранильной фабрики «с дозволением владельцу механической фабрики пользоваться водяной силой на тех или других условиях». Однако Министерство императорского двора, в ведении которого находились кабинетские предприятия, в мае 1877 г. от такого предложения отказалось, поскольку на гранильной фабрике действовало всего два водяных колеса, и, «приняв в свое распоряжение пруд», Кабинет должен был бы «взять обязательство поддерживать и охранять гидравлические устройства и понести расходы, не соответствующие заимствованной от пруда пользы». Министерству желательно было лишь сохранить за гранильной фабрикой «право пользования прудовой водой в настоящем виде и размере»¹².

Пока неспешно решались эти вопросы, казенное имущество «подвергалось порче и теряло свою стоимость», да и на его охрану «производился значительный расход». Наконец, после обсуждения в Горном совете, 26 января 1878 г. последовал указ Сената продать «ненужное имущество» Екатеринбургской механической фабрики (деревянные дома, котлы, тисы, насос, судно, инструменты, припасы и материалы) по «приходной стоимости» на сумму 119 010 руб. (по оценке – на 42 321 руб.), а городской пруд передать «в руки покупателя благонадежного, в интересах которого было бы сохранение заводской плотины в настоящей исправности»¹³.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 878. Л. 97–97 об., 118, 137–141 об.

¹¹ Там же. Д. 881. Л. 6–9.

¹² Там же. Д. 878. Л. 122–123, 126–127 об., 129–134.

¹³ Там же. Л. 135–135 об., 148–151, 158.

Публичные торги были организованы 24 сентября 1879 г. в Уральском горном правлении при участии начальника Екатеринбургского округа. В первый день на торги явились потомственный почетный гражданин А.И. Харитонов, купцы А.С. Оленев, М.Г. Яринский и В.М. Бородин, а также крестьянин Брехов. Из них только трое – Яринский, Бородин и Харитонов – «изъявили согласие торговаться на предъявленных им кондициях». Кроме них, в «переторжке» 28 сентября участвовали еще горный инженер Н.А. Пивинский, купец И.В. Журавлев, мещанин А.А. Коробейников и иностранец В.В. Бентхен. Всего покупатели приобрели имущества, оцененного в 26 837 руб., на сумму 32 429 руб. Воодушевленные успехом торгов, организаторы предлагали оставшемуся непроданным имуществу «сделать новую оценку и вновь назначить на публичные торги». Несмотря на выявившиеся незначительные нарушения, Сенат утвердил результаты торгов 11 апреля 1880 г. Новые торги на оставшееся фабричное имущество состоялись 25 и 29 мая 1881 г. Тогда в них приняли участие 16 человек, причем были «достигнуты цены на каждый предмет выше оценки»: продали имущество на сумму 8 245 руб. (по оценке на 4 576 руб.)¹⁴.

Одновременно подготавливались торги и на имущество бывшего Екатеринбургского монетного двора. Разрешение Сената последовало 10 декабря 1882 г. К тому времени главный начальник уральских заводов И.П. Иванов уже имел несколько предложений об использовании территории и зданий бывших казенных предприятий в центре Екатеринбурга. В декабре 1880 г. он сообщал, что строения были осмотрены губернским инженером Карбовским «с целью устройства мест заключения», но для размещения арестантской роты признали удобным лишь здание бывшей механической фабрики. И.П. Иванов отметил тогда, что эти здания было бы «основательнее и полезнее продать для целей, соответствующих устройству их, именно для возобновления каких-либо фабрик, действующих водяной и паровой силой». В декабре 1880 г. он получил прошение о покупке здания монетного двора и заводской плотины от екатеринбургского купца И.И. Симанова. Тогда же в Министерство государственных имуществ поступило подобное заявление от другого екатеринбургского купца М.М. Скачкова. Однако главный начальник высказался против раздельной продажи предприятий, предлагая организовать торги «на то и другое учреждения вместе»¹⁵.

¹⁴ Там же. 161–167 об., 184–193, 200.

¹⁵ Там же. Л. 210–211 об., 220, 223, 240; Д. 879. Л. 44; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 305.

Видимо, это преобладавшее во властных кругах намерение так и не позволило реализоваться планам частных предпринимателей. В последующих документах прозвучал и еще один мотив отказа в продаже – опасение «поставить дальнейшее существование плотины и пруда», значимых как для города, так и для гранильной фабрики, «в зависимость от воли и распорядительности частного лица»¹⁶. Проблема решилась, когда здания монетного двора и механической фабрики заинтересовали начальника работ Екатеринбург-Тюменской железной дороги с точки зрения устройства там механических мастерских. После обращения министра путей сообщения к министру государственных имуществ последний согласился с предложением передать строения в другое ведомство, поставив лишь одно условие – «поддерживать в исправном состоянии плотину Екатеринбургского пруда и не препятствовать Императорской гранильной фабрике по-прежнему пользоваться водой из сего пруда». Александр III санкционировал эту передачу казенного имущества из одного ведомства в другое 13 июня 1883 г.¹⁷

Вскоре здания были переданы Управлению железной дороги, а часть движимого имущества продана. Так, воздуходувную машину, первоначально оцененную в 7 775 руб., через год продали уже в виде лома всего за 201 руб. В апреле 1888 г. поверочная комиссия «освидетельствовала оставшееся имущество монетного двора и нашла, что многие из вещей... испорчены или изломаны и по этой причине некоторые из них должны быть проданы, а другие – исключены из прихода без возврата». Но торги, организованные в 1890 г., не состоялись «из-за неявики желающих торговаться». Всего, по данным Горного департамента, при закрытии Екатеринбургской механической фабрики и монетного двора казна понесла убытка на 110 тыс. руб. Эту сумму предлагалось списать со счетов горного ведомства, что, очевидно, и произошло после разрешения императора от 11 декабря 1892 г.¹⁸

Библиография

1. Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. 576 с.

¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8, 8 об.

¹⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 3. № 1642; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 997.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 879. Л. 66, 79, 81, 102–103, 129, 138.

И.А. Попп¹
Екатеринбург

МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРИГАНСКИХ ВОЛОСТНЫХ СУДЕЙ ИРБИТСКОГО УЕЗДА В 1884 г.

Изучение книг с решениями волостных судов позволяет более объективно исследовать мотивы поведения представителей крестьянской Фемиды, их интересы, конкретные действия и даже попытки лоббизма тех или иных судебных решений. Микроистория волостной юстиции в определенных местностях дополняет макроисторию юридических процессов конкретными примерами из жизни крестьянского общества России. Протоколы судебных заседаний одного волостного суда за год во многом ставят под сомнение аксиомы о повсеместном угнетении слабого пола, раскрывают востребованность крестьянского суда даже в отношении представителей крестьянского самоуправления, показывают конкретные воспитательные меры и традиционные обычно-правовые воззрения крестьянского общества, описывают проблемы отсутствия единства в системе местных судов по незначительным судебным делам.

Ключевые слова: микроистория, волостной суд, Пермская губерния, крестьянское самоуправление, обычное право, мировой суд.

I.A. Popp
Yekaterinburg

MICROHISTORICAL ANALYSIS OF STRIGAN TOWN JUDGES ACTIVITY OF THE IRBIT DISTRICT IN 1884

The study of individual books with decisions of town courts makes it possible to examine more objectively the motives of the representatives of the peasant Themis, their interests, specific actions and even attempts to lobby certain judicial decisions. The microhistory of volost justice in certain places supplements the macrohistory of legal processes with concrete examples from the life of peasant society in Russia. The minutes of court hearings of one town court during the year in many respects cast doubt on the axioms of widespread oppression of the weaker sex, reveal the relevance of the peasant court even in relation to representatives of peasant self-government, show specific educational measures and traditional customary legal views of peasant society, describe the problems of lack of unity in the system of local courts in minor court cases.

Keywords: microhistory, town court, Perm province, peasant self-government, customary law, magistrate court.

Современные исследователи считают, что книги решений волостных судов выразили не только «нормы» обычного права и правовой культуры крестьянства, но и многие стороны быта, ценности и поведенческие стереотипы основной части населения страны»² и «с отчет-

¹ *Попп Иван Александрович* – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург. Россия. E-mail: Popp82@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-59-00010, №20-011-31560

² *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 3, 64 – 386.

ливой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о «правде» (и истине, и справедливости); в их строках, при переложении на обыденные жизненные ситуации, прямо говорит главный герой отечественной истории – русский крестьянин»³.

Сегодня существует и более взвешенный взгляд на эти источники, расширяющие область познания особенностей волостной юстиции, но «степень достоверности некоторых рукописных материалов оценить сложно, так как книги решений волостных судов велись бессистемно, иногда даже небрежно, с множеством пробелов. Многое в данном случае зависело от компетентности и морального облика волостных писарей...»⁴.

В региональных архивах сохранилось довольно много книг для записи решений волостных и третейских судов⁵. Это репрезентативные источники, включающие описание малых исторических объектов: от имущественных и уголовных процессов, касавшихся конкретных крестьян, до фиксации обычно-правовых норм, воззрений на традиционную судебную практику и поведение крестьян на «мужицком» суде, что нередко оказывается более богатым по содержанию историческим материалом, позволяющим «словно под увеличительным стеклом разглядеть существенные особенности изучаемого явления»⁶ и увидеть прошлое «таким, каким оно было на самом деле»⁷.

Итак, волостная юстиция – одна из составляющих местного судостроительства – действовала на основе Положения «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.⁸ Ежегодно на крестьянском волостном сходе избирались волостные судьи (от 4 до 12 судей), которые на безвозмездной основе и осуществляли правосу-

³ *Земцов Л.И.* Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.): дис... д-ра ист. наук. Липецк, 2004. С. 85.

⁴ *Соснина М.А.* Протоколы волостных судов как источник изучения крестьянского правосудия второй половины XIX – начала XX века (на материалах Государственного архива Архангельской области) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20 – 21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.). Витебск, 2017. С. 205 – 206.

⁵ Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 11. Оп. 2. Д. 57; Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 91, 94; Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 71; Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 22 и др.

⁶ *Побережников И.В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8 – 13.

⁷ *Земцов В.Н.* Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 4 – 7.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36, ч. 1, № 36657, С. 155 – 169.

дие в пределах волости. Не реже одного раза в две недели и не менее трех волостных судей окончательно решали (без права апелляционного обжалования) судебные дела ценой иска до 30 рублей (уголовные проступки) и 100 рублей (имущественные споры) между крестьянами одной волости о недвижимом и движимом имуществе, займах, покупках, продажах и всякого рода сделках и обязательствах, вознаграждениях за убытки и ущерб.

Если уголовное или гражданское дело превышало установленную законом сумму или в тяжбе участвовали представители других сословий, то такие дела передавались в местный мировой или окружной суды (с 1864 г.). Волостной суд рассматривал и маловажные уголовные крестьянские «проступки», совершенные только против лиц крестьянского сословия в пределах одной волости и без участия представителей других сословий. За мелкое воровство, мошенничество, драку в крестьянской общине волостной суд приговаривал к наказанию до шести дней общественных работ, либо к денежному взысканию до трех рублей, либо к аресту до семи дней, либо к телесному наказанию до 20 ударов розгами (назначение меры наказания за каждый проступок предоставлялось на усмотрение самого суда). Волостной суд в 1860 – 1880-х гг. – это сословное, выборное, коллегиальное, независимое, безапелляционное судебное учреждение, применявшее нормы обычного права.

На основе микроанализа одной книги для записи решений волостного и третейского судов Стриганского волостного правления Ирбитского уезда Пермской губернии за 1884 г. автор предпринял анализ делопроизводства конкретных волостных судей одной волости Ирбитского уезда за один год. Так, стриганские волостные судьи рассмотрели всего 20 дел с 16 января по 2 декабря 1884 г., причем 10 исков касались нарушения имущественных прав, а 10 связаны с крестьянскими проступками. Стриганский волостной суд решил только два дела в июне, а в последующие три месяца (июль, август и сентябрь) вообще не собирался на судебные заседания, что обусловлено, видимо, интенсивными сельскохозяйственными работами⁹. Одно дело о краже сена судьи законно передали на рассмотрение ирбитского мирового судьи третьего участка, так как сумма ущерба превышала 30 руб.¹⁰

В соответствии с законодательством на каждом заседании присутствовало не менее трех волостных судей, состав которых почти не менялся. С января по май 1884 г. неизменно работали судьи С. Тютин,

⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 1 – 53.

¹⁰ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 14 об. – 17.

М. Гашков, М. Захаров, затем рассматривали дела и другие избранные на этот период волостные судьи. Во второй половине года вышеозначенные судьи фигурировали в протоколах решений, принимая участие в разборе тех или иных судебных дел. Удивительно, но некоторые представители крестьянской Фемиды сами становились истцами на своих коллегиальных судилищах.

Например, крестьянин деревни Лаптевой и одновременно в этот период избранный волостной судья Сергей Тютин «попросил» Стриганский волостной суд «подвергнуть законному суждению и взысканию» крестьянина села Ключевского Филиппа Корсилова за укороение Тютина в том, что лаптевские крестьяне молотят у ключевских овес. По свидетельским показаниям, Ф. Корсилов после неосторожно сказанных слов тут же поставил под сомнение свое заявление, опровергнув свой однозначный вывод фразой «может быть и нет». Однако этого стало достаточно для сурового определения волостного суда: «За укороизну Тютина в молочении чужого овса крестьянина Корсилова на основании 101 и 102 ст. общего о крестьянах положения наказать розгами 10 ударами», при этом ответчик даже не попытался обжаловать это постановление¹¹.

Видимо, между лаптевскими и ключевскими крестьянами давно разгорался конфликт, а волостной судья С. Тютин лоббировал интересы родной общины. В июне 1884 г. уже несколько ключевских крестьян обратились в Стриганский волостной суд из-за фактического избиения и ограбления их большой группой лаптевских крестьян на лесозаготовительных работах. Формально волостной судья С. Тютин опять не принимал участие в решении этого дела, но его коллеги Гашков, Захаров и Уймин оправдали однодеревенщиков Тютина: «Как явных улик и доказательств о драке и отобрании вещей у ключевских крестьян лаптевскими не представлено, и в суде лаптевские крестьяне не сознались, почему в просьбе крестьянам Ивану Акишеву и Кузьме Кузнецову отказать»¹². В результате явное преступление оказалось оставленным без последствий из-за «содействия» волостного судьи.

Несмотря на вероятные злоупотребления в Стриганском волостном суде, некоторые имущественные споры решались довольно логично. Так, жена новобранца Федора Уймина Анфиса заявила волостному суду, что приемный отец ее мужа Иван Уймин не «вознаграждал» их за «страдные» труды и забрал ее приданое – корову, стоившую десять рублей. На судебном процессе свекор заявил, что не считал себя кому-либо обязанным, так как «он мужа ее воспитал и женил,

¹¹ Там же. Л. 22 – 23.

¹² ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 32 – 37.

и содержал на собственном иждивении», но дело было решено в пользу крестьянки с обязательством передачи ей требуемых денежных средств и имущества. Через полгода решение было исполнено¹³.

Внимательное отношение наблюдалось к крестьянкам, не имевшим возможности самостоятельно посещать судебные заседания. Например, в рамках разбора имущественного спора унтер-офицерской вдовы Авдотьи Захаровой с племянником Романом Гурдаковым крестьяне вошли в положение тяжело больной женщины, «вследствие чего судьи в доме ее спрашивали», а впоследствии встали на сторону крестьянки в вопросе о захвате у ней сенокосной земли и, несмотря на пересмотр дела кассационным порядком, склонили ответчика заключить мировую сделку с выплатой денег Авдотье за скошенное сено¹⁴.

В октябре 1884 г. крестьянин села Стриганского Степан Буланов попытался взыскать денежные средства, переданные домохозяйке вдове Елене Топорковой за его проживание, так как отказался от местожительства «от сварливого ее характера». Судьи справедливо решили оставить у ответчицы 12 рублей за «квартирование у ней в доме», а остаток обязали ее вернуть Буланову¹⁵.

Особой защитой общества обеспечивались женщины, оставшиеся без попечения своих мужей. Так, в октябре 1884 г. вдова Лепестинья Березина заявила в волостном суде, что свекровь ее Прасковья Березина с сыновьями своими «стесняют ее место в избе, заведенной ею с покойным мужем Алексеем». В итоге волостной суд «на основании показания общественников-соседей деревни Грязной и местных обычаев определил предоставить женке Лепестинье Березиной проживать в избе беспрепятственно и иметь всегда владение своим»¹⁶. Волостные судьи милостиво относились даже к женщинам, бросавшим своих мужей и с точки зрения традиционного общества совершавшим серьезные проступки, направленные против священных уз брака. Так, по делу «О самовольной отлучке» крестьянской жены Анны Уйминой в рамках судебного процесса было доказано, что женщина была «сварливого характера, а в семействе мужа и, вероятно, ранее до замужества вела распутную жизнь, почему и сделала побег от мужа». За такой проступок Анну осудили лишь на шесть дней общественных работ, чем «Уймина осталась довольна»¹⁷. Анализ дело-

¹³ Там же. Л. 1 об. – 3.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.; Там же. Л. 12 об. – 14.; Там же. Л. 24 об. – 31.

¹⁵ Там же. Л. 37 об. – 39.

¹⁶ Там же. Л. 39 – 41.

¹⁷ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 5 об. – 6.

производства Стриганского волостного суда за 1884 г. позволяет обратить внимание на активное использование представительницами слабого пола крестьянского суда: в половине судебных процессов (10 дел) женщины выступали либо ответчицами, либо истцами, считая себя вполне равноправными участниками имущественных споров с явной поддержкой со стороны волостных судей.

Некоторые дореволюционные авторы отмечали большое влияние волостных старшин на местные волостные суды¹⁸, а о произволе волостных начальников постоянно сообщали в периодических изданиях¹⁹. Однако это не остановило стриганских волостных судей от наказания бывшего волостного старшины Константина Верещагина «за понесенные убытки крестьянином Харловской волости деревни Пьянковой Петром Волковым по делу о не взыскании с крестьянина Якова Березина 25 рублей». Крестьянский суд решил взыскать с Верещагина в пользу Березина три рубля, хотя ответчик оправдывался тем, что исполнение исковых требований полностью зависело от сельских старост. Через два месяца это решение было отменено Ирбитским уездным по крестьянским делам присутствием²⁰.

В марте 1884 г. Константин Верещагин сам обратился в волостной суд с требованием возмещения с семьи умершего должника Глеба Маркова 4 руб. 50 коп. Свидетелем по делу выступил сельский староста Игнатий Марков и подтвердил справедливость иска, поэтому судьи постановили взыскать с вдовы Матрены Марковой означенную сумму в пользу бывшего старшины с рассрочкой платежа в несколько месяцев²¹.

Стриганские волостные судьи наказывали даже представителей крестьянского самоуправления – сельских старост. Например, в феврале 1884 г. крестьянин Фотий Мелентьев заявил волостному суду жалобу на крестьянина села Ключевского Григория Степанова и старосту Самсона Березина за его избиение в доме старосты «неизвестно за что». Все это происходило на глазах у сотского Степана Березина. Определение суда было однозначным: старосту Березина «выдержать под арестом при волостном правлении трое суток, а со Степанова взыскать в пользу Мелентьева три рубля, а сотского от дела освободить».

¹⁸ Волостной суд. М., 1883. С. 16.

¹⁹ Екатеринбургская неделя. 1886. 5 февраля. № 6. С. 94; Пермские губернские ведомости. 1864. 8 мая. № 19. Дополнение «Журналы Пермского губернского по крестьянским делам присутствия».

²⁰ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 8 об. – 10.

²¹ Там же. Л. 17 об. – 19.

Правда, взыскать присужденную с крестьянина Григория Степанова сумму не удалось, так как он оказался «несостоятельным»²².

Одной из проблем крестьянского мира было пьянство, о чем достаточно подробно сообщалось в прессе. Авторы заметок пытались не только оценить «масштаб бедствия» от массового спаивания населения в кабаках²³, но и вскрыть причины «упадка в народе нравственности и развития в нем пьянства»²⁴. Выводы на страницах газет были удручающими: «Бог знает, что и будет, если такое пьянство не прекратится у нас. Кажется, некоторые мужички готовы будут заложить кабатчику и душу, когда нечего будет уж закладывать, чтоб только купить водки»²⁵.

Стриганские волостные судьи также пытались бороться с алкоголизмом. Крестьянин деревни Шмаковой Ананий Епанчинцев заявил, что 12 марта 1884 г. покупал водку и положил на бочку рукавицы, стоившие один рубль. Свидетели указали на виновность Дмитрия Алексеева, который действительно в то время был в питейном заведении, но «был пьян, брал ли он какие-либо с бочки рукавицы, не принадлежавшие ему, он совершенно ничего не помнил». Судьи оштрафовали Алексеева и «подвергли, на первый раз, аресту при арестантской волостного правления на трое суток за неумеренное употребление вина в пример прочим»²⁶.

В декабре 1884 г. сельский староста Мякишевского сельского общества Алексей Уймин заявил Стриганскому волостному суду, что «крестьянин ихнего общества Константин Уймин ведет постоянно нетрезвую жизнь, чем приводит в бедственное положение свое домохозяйство, не исполняет никаких приказаний местного начальства, не исполняет никаких повинностей». Любитель выпить признал себя виновным, волостные судьи наказали его 10 ударами розог, чем Константин Уймин «остался доволен»²⁷.

Российское крестьянство сталкивалось с проблемами, связанными с отсутствием логичной системы местных судов, часто возникавших недоразумений с подсудностью одних и тех же уголовных проступков мировым и волостным судебным учреждениям, неравнозначными наказаниями, назначавшимися мировыми и волостными судьями за оди-

²² Там же. Л. 10 об. – 13.

²³ Екатеринбургская неделя. 1884. 19 сентября. № 37. С. 639.

²⁴ Пермские губернские ведомости (ПГВ). Часть неофициальная. 1885. 6 февраля. № 11 С. 66.

²⁵ Екатеринбургская неделя. 1884. 29 мая. № 21. С. 396.

²⁶ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 20 об. – 23.

²⁷ Там же. Л. 53 об. – 54.

наковые мелкие преступления²⁸. В конце октября 1884 г. стриганские волостные судьи повторно пересматривали дело о крупной краже дров несколькими крестьянами деревни Лаптевой. Первоначально решение было вынесено еще в конце 1883 г., но отменено: «Ирбитское уездное присутствие нашло, что волостной суд по заявлению истцов не сделал оценки покраденным дровам, чем нарушил 106 ст. Общего положения о крестьянах, а по заявлению ответчиков с их стороны не допустил свидетелей»²⁹. Подобный пересмотр дела противоречил пояснениям к решениям Правительствующего Сената по кассационным жалобам, в том числе и из-за «неспроса» свидетелей, что не могло служить «поводом к отмене решения волостного суда»³⁰.

Несмотря на это, члены Ирбитского по крестьянским делам присутствия велели стриганским волостным судьям опять рассмотреть кражу и «постановить новое решение». При вторичном исследовании материалов дела оказалось, что мировой судья третьего участка Ирбитского уезда уже приговорил нескольких лаптевских крестьян за это преступление «к тюремному заключению каждого на четыре месяца», но апелляционная инстанция – Ирбитский съезд мировых судей отменил постановление судьи и направил дело в волостной суд. Стриганские волостные судьи после повторного пересмотра решения определили еще меньшее наказание виновным, отказавшись от ареста и назначив компенсацию за дрова в 9 руб.³¹

Итак, одно крестьянское судебное дело могли рассматривать фактически пять раз: дважды в волостном суде, по одному разу в уездном по крестьянским делам присутствии, в мировом суде и съезде мировых судей. Каждый раз наказание за массовую кражу дров определялось разное: от четырех месяцев заключения до 9 руб. штрафа.

Таким образом, изучение отдельных книг с решениями волостных судов позволяет более объективно исследовать мотивы поведения представителей крестьянской Фемиды, их интересы, конкретные действия и даже попытки лоббизма тех или иных судебных решений. Микроистория волостной юстиции в определенных местностях дополняет макроисторию юридических процессов конкретными примерами из жизни крестьянского общества России. Протоколы судебных

²⁸ *Зиннатуллина З.Р., Понн И.А.* Волостная юстиция в Российской империи после отмены крепостного права // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 6 – 19.

²⁹ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 43.

³⁰ Сборник решений первого Департамента Правительствующего Сената по крестьянским делам за 1862 – 1879 гг. / под ред. И.Г. Данилова и А.Е. Виноградова. СПб., 1880. С. 184 – 185.

³¹ ГАСО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 52. Л. 41 об. – 48.

заседаний одного волостного суда за год во многом ставят под сомнение аксиомы о повсеместном угнетении слабого пола, раскрывают востребованность крестьянского суда даже в отношении представителей крестьянского самоуправления, показывают конкретные воспитательные меры и традиционные обычно-правовые воззрения крестьянского общества, описывают проблемы отсутствия единства в системе местных судов по незначительным судебным делам.

Библиография

1. *Земцов В.Н.* Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 4 – 7.
2. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 3, 64 – 386.
3. *Земцов Л.И.* Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.): дис... д-ра ист. наук. Липецк, 2004. С. 85.
4. *Зиннатуллина З.Р., Попп И.А.* Волостная юстиция в Российской империи после отмены крепостного права // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 6 – 19.
5. *Побережников И.В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8 – 13.
6. *Соснина М.А.* Протоколы волостных судов как источник изучения крестьянского правосудия второй половины XIX – начала XX века (на материалах Государственного архива Архангельской области) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20 – 21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.). Витебск, 2017. С. 205 – 206.

В.М. Рынков¹
Новосибирск

УРАЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1918–1920 гг.)²

В статье рассмотрены факторы эскалации Гражданской войны, связанные с особенностями хозяйственного уклада, с борьбой за контроль над уральским промышленным потенциалом со стороны разных политических сил, а также проанализированы производственные возможности уральской промышленности по снабжению противоборствующих армий.

Ключевые слова: Гражданская война, социальная структура, антибольшевистские правительства, Советская Россия, горная промышленность, сельское хозяйство, армия, продовольствие.

V.M. Rinkov
Novosibirsk

URAL IN CIVIL WAR: ECONOMIC FACTORS OF THE POLITICAL-MILITARY CONFRONTATION (1918-1920 YY.)

The article examines the factors of the escalation of the Civil War associated with the peculiarities of the economic structure, with the struggle for control over the Ural industrial potential on the part of various political forces, and also analyzes the production capabilities of the Ural industry in supplying the opposing armies.

Keywords: Civil war, social structure, anti-Bolshevik governments, Soviet Russia, mining, agriculture, army, food.

В период Гражданской войны Урал стал крупным плацдармом сложнейшего и длительного вооруженного противостояния. Именно здесь развернулись ожесточенные бои между сторонниками и противниками советской власти, начавшиеся весной 1918 г. с отдельных восстаний и очагов сопротивления, длившиеся несколько месяцев и завершившиеся только осенью 1918 г. В последующем Урал стал местом противостояния крупных подразделений вооруженных сил красных и белых. Его территория на протяжении почти года оказалась изрезана фронтами. Но и с установлением советской власти летом – осенью 1919 г. Урал оставался ближайшим тылом Красной армии и принял на себя всю тяжесть обеспечения военных действий.

Общероссийские факторы развертывания конфликта здесь осложнялись региональными особенностями социально-экономического

---

¹ *Рынков Вадим Маркович* – кандидат исторических наук, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. E-mail: director@history.nsc.ru; vadsvet@list.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580 «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: идеология, законодательство, практика (1918–1922 гг.)».

стройка, особой системой экономических связей Урала с сопредельными территориями. Специфические черты социально-экономического строя на Урале складывались задолго до революции, усилились в преформенное время в связи с эволюцией горнозаводской системы, определявшей общеуральский облик экономики для Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний. В условиях революционного 1917 г. и последующих нескольких лет они во многом обусловили сложный абрис внутреннего социального противостояния.

Урал к началу Гражданской войны имел позади два века индустриального освоения и, обладая потенциалом для дальнейшего промышленного развития, сохранял и такую особенность фронта, как обширность слабо освоенных территорий. Тем не менее Урал далеко продвинулся на пути создания современного производства и давно являлся одной из зон модернизации. Далее на восток о модернизации можно говорить только условно, отмечая ее очаговые вкрапления в обширнейшую территорию Сибири и Дальнего Востока. Являясь крупнейшим восточным форпостом индустриализации, Урал вместе с тем оставался зоной фронтальной в том смысле, что не просто граничил, но тесно переплетался с соседними территориями – Степным краем, Сибирью, Европейским Севером, имевшими принципиально другие хозяйственный уклад, направление развития, тип заселения. Незавершенность районирования оставляла неопределенными границы региона, что оборачивалось социальной, экономической, культурной гетерогенностью, затрудняя складывание региональной идентичности.

Можно выделить несколько узлов социальной конфликтности, обернувшейся в ходе Гражданской войны возникновением сугубо региональных форм противостояния. Консервация окружной системы и в то же время довольно быстрый переход на рубеже XIX–XX вв. от заводовладения к акционированию привели к тому, что администрация и инженеры не только казенных, но и частных заводов олицетворялись для рабочих с владельцами. В условиях революции именно на них направлялась революционная агрессия. В то же время горнозаводская система сохраняла черты патриархальных отношений работников и администрации заводов, заботившейся о населении, являющейся не только монопольным работодателем, но и организатором быта всей округи. Таким образом, между контингентом рабочих и администрацией складывался сложный комплекс взаимоотношений, отдаленно напомилавший отношения крестьян и барина в помещичьей деревне, сочетавший в себе элементы антагонизма и солидарности. В условиях гражданского противостояния это породило разновектор-

ные отношения, в результате чего одни группы рабочих уходили в партизаны, из лесов вели борьбу за восстановление советской власти, другие эвакуировались вместе с отступавшими белыми, а основная масса готова была добросовестно работать при благоприятных условиях и возмущаться и требовать улучшения быта и прибавки жалования при неблагоприятных.

Осложнялась ситуация особым аграрным строем, когда крестьянское и ведущее сельское хозяйство горнозаводское население по-своему боролись друг с другом и с окружной администрацией за землю. В предшествующие годы имперское правительство обозначило свою позицию – желание передать горнозаводскому населению землю, достаточную для ведения полноценного сельского хозяйства, в то время как заводовладельцы и администраторы стремились оставить уголья как дополнительный способ получения доходов для предприятий. В предыдущее десятилетие развернулась борьба за обладание конкретными угольями между населением и заводскими администрациями, особенно там, где сложившееся землепользование мешало разработке новых добывающих производств. После 1917 г. захватные способы решения застарелых споров стали основой для нового витка эскалации социальной напряженности.

Аграрная ситуация в районе Большого Урала выглядела сложнее. На юге Урала крестьянское, инородческое и казачье население имело разные по размеру душевые наделы, отличалось поземельным устройством и укладом ведения хозяйства. Но и внутри сельских сословий существовала собственная дифференциация, связанная с неравномерным наделением землей разных селений. Главные линии разломов пролегали между групповыми и сословными интересами сельского населения. Давние противоречия между ними усилились в ходе революции и Гражданской войны и стали основанием для глубокого внутреннего противостояния. Оставались и особенности экономического разделения труда между потребляющим продовольствие Средним и Северным Уралом и производящим его в избытке югом. Хлеб с Южного Урала поступал в центр страны и за рубеж, а в годы Первой мировой Южный Урал стал районом усиленных казенных заготовок. Теперь пути продовольственного сбыта оказались перекрыты.

Ситуация усугублялась и осложнялась спадом производства, разрывом хозяйственных связей. Уральские заводы, находившиеся на подъеме в годы Первой мировой войны, во второй половине 1917–1919 г. стали сокращать или даже приостанавливать работу. Лишенные заработков рабочие и приработков крестьяне не имели другого

выхода, как вернуться к усиленному ведению хозяйства, для которого требовалось больше, чем раньше, земли.

Неустойчивость представлений о границах региона обернулась серьезными противоречиями в антибольшевистском лагере. Вопрос о границах Уральской области не был поставлен должным образом в первой половине 1918 г. Областным советом комиссаров Урала. Поэтому с падением советской власти в результате Чехословацкого мятежа Урал стал яблоком раздора. Здесь пересеклись интересы сразу трех правительств – Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуча), Войскового правительства Оренбургского казачьего войска и Временного Сибирского правительства. Каждое из упомянутых новообразований заявило претензии на часть уральской территории: Комуч – на Уфимскую и Оренбургскую губернию, Войсковое правительство – на Оренбургскую губернию, Временное Сибирское правительство – на Шадринский, Ирбитский уезды Пермской губернии, Верхотурский и Челябинский уезды Оренбургской губернии.

Созданное в том числе для противостояния территориальным претензиям соседей Временное областное правительство Урала осенью 1918 г. занялось разработкой вопроса о территории. Здесь геополитические соображения взяли верх над вопросами уральской идентичности. Поэтому вместо попытки объединить горнозаводские территории в одну административную единицу, для чего имелись определенные управленческие основания, уральские областники попытались развернуть экспансию на соседние регионы. Задача создать самодостаточную область, обеспечивающую себя продовольствием, контролирующую основные транспортные развязки и при этом имеющую на своей территории максимальное количество заводских комплексов с полным производственным циклом, на бумаге была решена. Но создание такой административной единицы в сложившихся условиях оказалось обречено на неудачу. Получилась странная конкуренция между несколькими участниками, обладавшими продовольственными и финансовыми ресурсами и стремившимися получить под свой контроль еще и уральские заводы или хотя бы их часть, и теми, кто обладал опытом управления и управленческими кадрами, но не имел ни продовольствия, ни средств, необходимых для поддержания уральского промышленного производства.

Причина в том, что основные политические игроки антибольшевистского лагеря базировались за пределами Урала и рассматривали горнозаводские территории как плацдарм для внутренней экспансии, для расширения экономических возможностей своих регионов. Меж-

ду тем во второй половине 1918 – первой половине 1919 г. именно здесь оказался сосредоточен по преимуществу производственный потенциал восточного лагеря контрреволюции, основная промышленная база Белой армии. И единый центр управления уральской промышленностью был жизненно необходим.

Приведем несколько статистических показателей для сравнения. В 1912 г. доля Урала в горном производстве составляла 8,1% от общероссийских показателей, Сибири – 11,5%, Поволжья – 0,4%. Скромнее были представлены предприятия обрабатывающей промышленности. На Урал приходилось 3,4% общероссийского производства, на Сибирь – 0,9%, на Поволжье 4,4%³. Необходимо учесть, что сибирские предприятия были разбросаны в труднодоступных местах, в силу чего в условиях Гражданской войны производство на них почти замерло. Что касается уральской промышленности, то здесь в годы Первой мировой войны полным ходом шла переориентация на военное производство. К 1916 г. 87% уральских металлургических предприятий перешли на выпуск военной продукции, и Урал стал третьей базой военного производства после московского и петроградского промышленных районов⁴. Из 276 тыс. рабочих фабрично-заводской промышленности Урала 240 тыс. считались работавшими на оборону. В Сибири и на Дальнем Востоке на оборону работали только 43,9 тыс. из 49 тыс. занятых в фабрично-заводском производстве, т. е. почти в шесть раз меньше⁵.

На рубеже 1918–1919 гг. большинство предприятий Урала работало и выпускало продукцию как для армии, так и для гражданских нужд. Возобновились поставки железа в Сибирь, выпуск железнодорожного оборудования и ремонт действовавшего подвижного состава. Ижевский и Воткинский заводы, Пермский пушечный и другие предприятия по производству вооружений при белых возобновили выпуск конечной продукции. Однако с февраля 1919 г. объемы производства постепенно падали, причем если конечная продукция в апреле и мае 1919 г. превышала объем производства прошлого года, то выпуск чугуна и стали сократился вдвое и более. Это связано с тем, что первоначально существовала возможность освоить неиспользованные запасы металлов прошлых месяцев⁶. Но промышленное сырье для металлообработки приближалось к исчерпанию, и дальнейшее падение производства становилось неизбежным.

³ Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

⁴ Запартый В.В. Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 76, 78.

⁵ Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. С. 70.

⁶ Тяняев А. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск; М., 1930. С. 64–65.

Хуже обстояло дело с сельском хозяйством. Юг Урала стал зоной ожесточенных вооруженных столкновений. Фронт здесь в 1919 г. проходил несколько раз, охватив своим воздействием значительную территорию. Воюющие армии пользовались крестьянскими хозяйствами как источником удовлетворения продовольственных и гужевых потребностей. Точных подсчетов полученных от крестьян ресурсов не велось. Но никаких коммерческих продовольственных заготовок в период войны проводить оказалось невозможно. На горнозаводской Урал хлеб везли из Сибири, которая, пусть и далеко не удовлетворительно, тем не менее кормила горожан Среднего Урала и рабочих уральских заводов.

Таким образом, борьба за Урал в 1918–1919 гг. становилась борьбой за основную производственную базу востока России. И если для белых обладание регионом не стало решающим фактором будущих побед, так как Советская Россия располагала значительным арсеналом вооружений Первой мировой войны и заводами центрального и северо-западного промышленных районов, то потеря Урала летом 1919 г. оказалась для противников советской власти решающим фактором будущего поражения. Организованная эвакуация оборудования, рабочих и служащих позволила вывезти в Сибирь около 10% производственных мощностей и персонала работавших предприятий. Но воспользоваться этим в Сибири белые не сумели.

Трудно переоценить значение уральской промышленности после восстановления советской власти летом – осенью 1919 г. Уже в следующем году регион дал Советской России 70% выплавленного металла. В считанные месяцы удалось нарастить добычу угля на челябинских коях. Правда, следует отметить, что производство уральской металлургии составляло около десятой части от дореволюционного. Даже такого результата удалось достичь жесткими мобилизационными мероприятиями – к производству привлекли подразделения трудовой армии, подлежащих трудовой повинности рабочих и инженеров уральских заводов, а также доставили для работы специалистов из других регионов. Это позволило быстро возобновить добычу руды и выплавку металла, наладить выпуск конечной продукции. В 1920 г. половина новых винтовок в Советской России была с Ижевского завода.

Территория Южного Урала стала вместе с Сибирью источником вывоза продовольствия. Это происходило, несмотря на существенное сокращение валовых сборов в 1920/1921 г. Они составили 76% от урожая 1916/1917 г. в Пермской и Екатеринбургской губерниях, 46% в Уфимской, 77% в Челябинской и 28% в Оренбургской губерниях, при

увеличении доли посевов продовольственных и кормовых культур в ущерб товарным. Разверстки отнимали до 50% зерновых, конфискации скота – 24,4% лошадей. В 1920 г. 17 уральских уездов обработали 1611 тыс. поденщин гужевой повинности, из которых 879 тыс. конных⁷. Значительная часть сельскохозяйственных ресурсов, составлявших не только излишки, но и необходимые для поддержания жизнедеятельности хозяйств запасы, была изъята для поддержания большевистского режима.

Таким образом, экономический потенциал Урала стал одной из причин сложного и затяжного характера Гражданской войны в регионе. Хозяйственные ресурсы промышленности и сельского хозяйства стали и объектом, вокруг которого разворачивалась вооруженная и политическая борьба разных сил, и экономической базой для более ожесточенного продолжения этой борьбы. В свою очередь, уникальные черты социально-экономического строя Уральского региона во многом обусловили сложность и разновекторность общественного противостояния, включенность в него населения, принимавшего участие в Гражданской войне на стороне противостоявших друг другу сил, определили большое разнообразие методов борьбы, включавших как участие в войне в составе Красной и Белой армий, так и партизанскую войну против красных и белых, забастовки, восстания и широкий диапазон форм пассивного сопротивления. В конечном счете, независимо от исхода Гражданской войны проиграло в ней население Урала, а колоссальный ущерб, нанесенный войной региональной экономике, был восполнен только во второй половине 1920-х гг.

Библиография

1. *Запарий В.В.* Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // История-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 67–108.
2. *Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, М.: Госиздат, Уральское отд-ние, 1930. 72 с.
3. *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «Военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М.[Б.и.], 1998. 216 с.

⁷ *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «Военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917 – 1921 гг. М., 1998. С. 91, 108.

Е.Ю. Рукосуев¹
Екатеринбург

ПЛАТИНОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА²

В статье показаны особенности добычи платины на Урале в начале XIX в. В этот период начинается снижение объёмов добычи этого металла в России, связанные с этим проблемы обсуждались на съездах золото- и платинопромышленников Пермской губернии. Значение платины в этот период значительно возросло, особенно в начале Первой мировой войны, так как платина является катализатором, и без неё невозможно производство взрывчатых веществ и горючего для техники. В годы войны на Урале был построен первый завод по очистке, аффинажу сырой платины в России.

Ключевые слова: платиновая промышленность Урала, создание завода по очистке платины в Екатеринбурге.

E.Yu.Rukosuev
Yekaterinburg

PLATINUM INDUSTRY OF THE URALS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article shows the features of platinum mining in the Urals at the beginning of the XIX century. During this period, a decrease in the volume of production of this metal in Russia begins; related problems were discussed at the Congress of gold and platinum industrialists of the Perm province. The value of platinum during this period increased significantly, especially at the beginning of the First World War, since platinum is a catalyst, and without it it is impossible to produce explosives and fuel for technology. During the war in the Urals, the first plant for the purification, refining, and crude platinum in Russia was built.

Keywords: platinum industry of the Urals, the creation of a plant for the purification of platinum in Yekaterinburg.

Первая платина была открыта на даче Верх-Исетского завода в 1819 г. На протяжении XIX в. добыча платины на Урале переживала и взлёты, и падения. Вся платина в России добывалась только на Урале в пределах Пермской губернии. Кроме того, на Урале добывалось до 95% этого металла в мире. При этом не было произведено систематических исследований месторождений. Между тем спрос на платину за границей все увеличивался. Промышленники хотели знать точные сведения о геологии платиноносных районов Урала. Но даже о месторождениях по реке Ис, даче графа П.П. Шувалова на Малом Покате и в Нижне-Тагильском округе сведения были крайне ограничены и

¹ *Рукосуев Евгений Юрьевич* – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Россия. E-mail: rukosuev@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611А.

недостаточны для организации широкого производства. В конце 80-х гг. XIX в. в долине рек Ис и Выя, по частной инициативе, проводил исследования профессор Томского университета А.М. Зайцев³.

Целью его поисков было выяснение вопроса о коренных месторождениях платины. Субсидируя эту экспедицию, платинопромышленники хотели, чтобы была составлена общая геологическая карта с нанесением всех месторождений на Урале. Неоднократно на съездах ставился вопрос об исследовании платиновых месторождений Урала за счёт правительства. Однако государство в этом вопросе занимало весьма уклончивую позицию. Так, Особое совещание при Горном департаменте в 1898 г. полагало, что работы следовало бы отложить до выяснения результатов экспедиций, уже производившихся в 1897 и 1898 гг., и что необходимо признать желательным привлечение заинтересованных платинопромышленников к участию в расходах на исследование⁴. Промышленники отнюдь не отказывались от любого участия государства. Только в 1913 г. были опубликованы результаты геологических изысканий по поиску коренных месторождений платины, предпринятых Геологическим комитетом, в Исовском районе и в Нижне-Тагильской даче, проведённых экспедицией под руководством геолога Н.К. Высоцкого⁵, который открыл новые россыпи и подтвердил вероятность наличия крупных коренных месторождений.

Труднейшим и многократно выносившимся на обсуждение на съездах, был вопрос о причинах упадка платинового промысла. На рубеже XIX-XX вв. добыча платины на Урале колебалась в пределах от 315 до 390 пудов в год⁶. Львиная доля металла, около 90%, добывалась на приисках четырёх компаний: «Платина», «Платинопромышленная компания», наследников графа П.П. Шувалова в Лысьвенском округе и наследников П.П. Демидова в Нижне-Тагильском округе. Остальные 10% добывали 25 мелких компаний⁷. В начале XX в., в связи с общероссийским промышленным кризисом, платинопромышленность на Урале испытывает его прямое влияние. Уже в 1904 г. произошло резкое падение добычи. В 1903 г. цены понизились до 1500 руб. за пуд, платина не находила сбыта. В 1902 г. в Пермской

³ Журналы заседаний II съезда Уральских горнопромышленников 8–15 декабря 1882 года. Екатеринбург, 1883. С. 93.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 44. Д. 2029. Л. 19.

⁵ *Высоцкий Н.К.* Месторождения платины Исовского и Нижне-Тагильского районов на Урале. СПб., 1913.

⁶ *Уралец.* IV съезд золото- и платинопромышленников Пермской губернии // Уральское горное обозрение. 1905. № 2. С. 5-6.

⁷ РГИА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-2.

губернии золотопромышленные предприятия дали прибыли 773 869 руб., а платиновые – 120 559 руб. С этой прибыли было уплачено промыслового налога 176 227 руб., а в 1903 г. золотые прииски дали 625 953 руб., платиновые – 111 381 руб., за которые уплачено налога 241 151 руб.⁸

Так, на IV съезде пермских золото- и платинопромышленников в Екатеринбурге в 1905 г. в докладе о платинопромышленности было выражено сожаление о том, что «новых платиновых россыпей почти не ищут, а об открытии коренных месторождений, по-видимому, и не думают»⁹. В 1904 г. упала производительность Пермского горного округа, включавшего в себя Крестовоздвиженские промыслы, здесь в 1903 г. было добыто 103 пуда 3 фунта, а в 1904 г. – 64 пуда 7 фунтов, промышленники это объясняли истощением крупных месторождений, что, однако, маловероятно, так как в том же 1904 г. на Крестовоздвиженских промыслах близ горы Качканар в россыпи были найдены два небывалой величины самородка в 20,5 и 9,5 фунтов¹⁰. Сама россыпь, а также вид и плотность самородков указывали на то, что вблизи есть коренное месторождение. Поэтому вновь встал вопрос о геологическом исследовании местности. «Почему бы тщательно не обследовать гору, по которой проходит граница между Шуваловской и Нижне-Туринской казённой дачами, – говорилось в докладе, – и не установить факта вероятности или невероятности нахождения коренной платины? Может быть тут лежит несметное богатство, могущее поддерживать славу уральских запасов платины»¹¹.

Сократилась добыча и по Южно-Верхотурскому горному округу – этому главному поставщику платины – на 10 пудов меньше чем в 1903 г. вследствие выработки главных россыпей¹². Но не все округа, где добывалась платина, свёртывали производство. Так, производительность Северо-Верхотурского горного округа увеличилась на 37% в 1904 г. вследствие расширения дела в дачах Северо-Заозерной, Южно-Заозерной и Николае-Павдинского округа, где были установлены новые мощные драги¹³. Однако, как отмечалось на IV пермском съезде в 1905 г., «по Уралу произошло общее уменьшение добычи платины на 12%»¹⁴ (таблица).

⁸ Труды IV общего съезда золото- и платинопромышленников Уральской горной области, бывшего в г. Екатеринбурге 9–16 декабря 1903 года. Екатеринбург, 1903. С. 132.

⁹ Труды IV местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в г. Екатеринбурге 20–21 января 1905 года. Екатеринбург, 1903. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 84.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Там

Добыча платины на Урале в 1900-1917 гг.

Год	Промыто платиноносных песков (пудов)	Получено сырой платины			
		пудов	фунтов	золотников	долей
1900	41 517 300	310	27	59	16
1901	43 015 700	388	38	77	41
1902	35 717 900	374	22	78	94
1903	60 044 100	367	35	77	70
1904	71 925 592	306	08	74	71
1905	99 989 600	319	31	54	11
1906	101 220 256	352	28	51	19
1907	18 218 596	329	33	29	88
1908	19 157 270	299	24	25	61
1909	16 048 314	312	21	21	45
1910	55 336 135	334	32	66	28
1911	20 857 239	352	17	59	02
1912	Нет данных	337	08	69	54
1913	Нет данных	299	39	12	75
1914	Нет данных	297	27	87	64
1915	Нет данных	205	18	15	85
1916	Нет данных	149	23	45	86
1917	Нет данных	114	22	33	71

На съездах платинопромышленниками выдвигались сугубо специфические требования. Главным неудобством при продаже русской сырой платины было то, что она поступала на рынок в неочищенном виде, так называемая «сырая платина», с примесью до 17% других минералов, интерес к которой проявляли лишь владельцами иностранных платиноочистительных заводов. Цена платины, по мнению золотопромышленников, «должна была быть не менее 9300 руб., колебание же в ценах на неё достигает двух и более тысяч рублей»¹⁵. Платина очищенная, прокатанная в листы или вытянутая в проволоку, была продуктом более однородным и пользовалась громадным спросом на мировом рынке. Цена платины в 1897 г. достигала почти 17 тыс. руб. за пуд на Нью-Йоркской бирже¹⁶.

Парадоксально, но промышленность Урала не имела своих заводов по переработке сырой платины. За границей в 1897-1904 гг. ежегодно в среднем перерабатывалось: в Германии – 90 пудов, во Франции – 70, в Англии – 200, в Америке – 180, всего – 540 пудов, из них 525 пудов поступало на рынок из России. В самой России в это время очищалось не более трёх пудов платины в год¹⁷. Ежегодная добыча на

¹⁵ Труды III общего съезда уральских золотопромышленников, бывшего 5–8 февраля 1899 года в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1899. С. 59.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2231. Л. 3.

Урале составляла 300-350 пудов платины, из них до 175 пудов утаивалось предпринимателями во избежание уплаты горной подати или просто похищалось с приисков¹⁸.

Под сырую платину ссуды и кредиты не выдавались, поэтому IV общий съезд золотопромышленников Урала в 1903 г. обратился с ходатайством в Министерство финансов о выдаче таких ссуд: «вся добываемая в России платина почти полностью уходит за границу в сыром виде, и торговля ею в империи имеет крайне ограниченные размеры»¹⁹. Платина в то время не значилась в списке металлов, имеющих право на дотации. По уставу Государственный банк не мог выдавать ссуду более 75% от рыночной цены, так как 25% должно было всегда быть в банке на риск, и на срок не более 15 месяцев, что было очень мало. Собрание платинопромышленников в 1908 г. обратилось в Министерство финансов с ходатайством о включении платины в число товаров, имеющих право на ссуду в Государственном банке, и взимании не более 5% за ссуду, так как платина имеет тенденцию повышения в цене²⁰.

Осенью 1906 г. группа американских предпринимателей искусственно подняла цену на платину, на рынке появился избыток металла, возник кризис, а вслед за ним спад цены. Запас старой, добытой в прошлые годы, платины также оказался в продаже, в 1907 г. рынок был буквально завален огромным количеством металла, равным полугодовой добыче Урала. Большая часть его принадлежала компании «Джонсон, Маттей и К^о», и, пока он не был израсходован, от дальнейшей покупки они отказывались. Уральские платинопромышленники лишились возможности продавать свою платину по сколько-нибудь подходящей цене, одна только «Платинопромышленная компания» имела в запасе свыше 250 пудов непроданной платины²¹.

7 сентября 1908 г. в Екатеринбурге Советом съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии было проведено совещание, на котором присутствовало 32 представителя компаний и фирм, специализирующихся на добыче этого драгоценного металла. По числу присутствующих это совещание можно сравнить со съездом, так как в работе пермских съездов в это время участвовало от 20 до 50 человек. Результатом работы совещания было представление министру финансов докладной записки: «О монополизации платины»,

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2231. Л. 5-6.

¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2231. Л. 6.

²⁰ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 43-46.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1152. Л. 7-8.

в которой говорилось: «Только пяти державам требуется ежегодно около 647 пудов платины. Допуская, согласно американской практики, 35% лома, окажется, что международный рынок ежегодно требует 419 пудов свежей платины. Это составляет почти всю годовую добычу платины и спрос на неё удовлетворяется Россией»²². Промышленники ходатайствовали, чтобы правительство издало закон, запрещающий вывоз неочищенной платины за границу и открыло её приём в казну по фиксированной цене, т.е. ввело монополию на скупку и продажу. «Это принесёт громадные доходы казне, поднимет захиревшую отечественную платинопромышленность и оживит целый край»²³.

23 октября 1908 г. в Кушве собрался Третий экстренный съезд золото- и платинопромышленников Пермской губернии, который рассматривал только один вопрос: «О правительственной монополизации платинового промысла и вообще о мерах для поднятия оногo»²⁴. Съезд полностью поддержал докладную записку министру финансов, выработанную совещанием, предложил создать «Союз платинопромышленников» и обязательно построить на Урале завод по очистке сырой платины²⁵. Министерство считало, что такой Союз вполне может рассчитывать на поддержку правительства посредством оказания ему кредита, к тому же этот Союз мог бы с успехом быть противопоставлен синдикату иностранных фирм, приобретающих русскую платину, промышленникам необходимо только выждать лучших цен на платину, что создало бы независимое положение от иностранных потребителей²⁶. Съезд в очередной раз, первый раз об этом было заявлено на Кушвинском съезде в 1897 г.²⁷, возбудил перед правительством ходатайство об устройстве на Урале платиноочистительного завода и выдаче кредита под поставляемую на этот завод сырую платину исходя из цены 18 тыс. руб. за пуд химически чистого металла в размере 75% (13,5 тыс. руб.) его стоимости²⁸.

Платинопромышленники считали, что такой завод надо построить либо в Екатеринбурге, либо в Кушве – центре добычи платины. Однако правительство не торопилось рассматривать столь важный для страны вопрос. И чем халатнее оно относилось к этой проблеме, тем

²² ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 40. Л. 61.

²³ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 40. Л. 63-63 об.

²⁴ Труды третьего экстренного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Кушвинском заводе 23 октября 1908 года. Екатеринбург, 1908. С. 16-17.

²⁵ Сущность государственной платиновой монополии // Золото и платина. 1909. № 20. С. 467-468.

²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2231. Л. 7.

²⁷ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 18-19.

²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2231. Л. 8.

настойчивее предлагали свои услуги иностранные фирмы. В одном из ответов на ходатайство было сказано, что в январе 1904 г. «Платинопромышленная компания» устроила собственный аффинажный завод в пригороде Парижа, в Сен-Дени, и одновременно договорилась с другими французскими предприятиями о совместной обработке платины²⁹. Кроме очистки платины, на заводе получали и другие металлы платиновой группы: осмий, родий, палладий и рутений. Завод был рассчитан на возможность аффинировать 25 пудов руды (сырой платины) в месяц, т.е. 300 пудов в год, что соответствовало приблизительно 4000 кг чистой платины, или двум третям мирового потребления. В специально устроенной мастерской при заводе делали из платины различные изделия на продажу: листы разной толщины, проволоку, тигли, капсулы, сетки, электролитические приборы, трубки для автомобилей, ювелирные изделия. Руководство компании заявляло, что через несколько лет, когда компания достаточно освоится с операцией аффинажа и твердо встанет на ноги в этом деле, то тогда только предполагает перенести свой завод в Россию, в Санкт-Петербург или на Урал³⁰.

В промышленных кругах Урала, недовольных засильем «Платинопромышленной компании», обсуждался вопрос о необходимости строительства аффинажного завода в России и запрета вывоза сырой платины за границу. Губернатор Пермской губернии И.Ф. Кошко в своих мемуарах сообщает, что он несколько раз указывал в своих отчётах императору о необходимости устройства на Урале фабрики по очистке платины и поддерживал предлагаемые промышленниками проекты³¹. Реализация этих мероприятий могла нанести существенный урон позиции «Платинопромышленной компании», поэтому она использовала все возможные средства для их срыва.

Возможности постройки завода за счёт средств золото- и платинопромышленников также обсуждались на съездах. Аффинажный завод должен был стать первым реальным противовесом засилью французской компании³². «Платинопромышленная компания» выдвигала всякий раз встречный проект о переносе своего платиноочистительного завода в Россию, как только в кругах платинопромышленников активизировалось обсуждение данной проблемы. Судя по материалам

²⁹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 40. Л. 15-16.

³⁰ Результаты ходатайств съездов золотопромышленников Урала // Уральское горное обозрение. 1904. № 40. С. 5.

³¹ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911-1914). Екатеринбург, 2007. С. 68-69, 107-108.

³² Труды IX местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в г. Екатеринбурге 23–24 февраля 1910 года. Екатеринбург, 1910. С. 32-40, 99-122.

съездов, в 1906 г. «Платинопромышленная компания» контролировала 66,8% добываемой в регионе платины³³. Собственно, в России в это время действовали три завода, на которых производилась очистка платины, – «Тентелевский химический» и «Кольбе и Линдфорс» в Санкт-Петербурге и «П.М. Утяков и К^о» в Екатеринбурге – которые вместе перерабатывали не более пяти пудов платины в год.

Аффинаж платины в России не только урегулировал бы цены на неё, но и оставил бы в руках русских промышленников драгоценные остатки очистки платины – её спутников (рутений, родий, палладий, осмий, иридий), количество которых по весу составляло от 2 до 10% сырой платины, причём сами эти спутники ценились дороже чистой платины³⁴.

Ходатайство об устройстве аффинажного завода обсуждалось 31 октября и 4 ноября 1911 г. на заседаниях Междуведомственной комиссии по вопросу об устройстве казённой платиноочистительной лаборатории под председательством вице-директора Горного департамента Н.И. Разумова, но было отложено³⁵.

На Пятом экстренном съезде пермских золотопромышленников в Кушве в 1912 г. обсуждался законопроект, внесённый в Государственную думу, «Об упорядочении платиновой промышленности и о мерах к её улучшению»³⁶. Чтобы как-то приостановить нелегальный сбыт платины за границу, съезд советовал законодателям внести в закон положение о том, что всю добытую на приисках и проданную сырую платину промышленник должен отмечать в специальной книге, а дубликаты свидетельств передавать местному окружному инженеру и Совету съезда золотопромышленников³⁷. Съезд в ходатайстве ставил вопрос перед правительством: когда должен наступить момент запрещения вывоза за границу сырой платины?

Законопроект об упорядочении платиновой промышленности был внесён в Государственную думу 15 февраля 1911 г. Но в это время поступила нота германского посла в России, где указывалось, что запрет вывоза платины из России противоречит русско-германскому торговому договору 1904 г. Вследствие этого термин «запрет» был изменён в законопроекте на термин «запретительные пошлины»³⁸.

³³ Труды VI местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Кушвинском заводе 1-2 декабря 1906 года. Екатеринбург, 1907. С. 91-93.

³⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 31-33.

³⁵ РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 69-81.

³⁶ РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 59-65.

³⁷ Труды пятого экстренного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в г. Екатеринбурге 18-19 сентября 1912 года. Екатеринбург, 1912. С. 31-32.

³⁸ Об упорядочении русской платинопромышленности и мерах к улучшению её положения // Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1909-1917 гг. / 1910 год. М., 2001. С. 366.

«Закон об упорядочении платинопромышленности и мерах к улучшению её положению» и «Правила о продаже, покупке и хранении сырой платины» вводили запретительные пошлины на вывоз сырой, не прошедшей аффинаж, платины и предусматривали меры уголовного наказания за несоблюдение правил продажи и хранения.

20 декабря 1913 г. эти законы были утверждены императором³⁹, они должны были укрепить право государства распоряжаться своим богатством. По этим законам сырая платина, т.е. содержащая не менее 83% чистого металла, при вывозе за границу облагалась пошлиной в размере 30% её цены. Определять цену было поручено Совету министров. Были также ужесточены меры наказания за нарушение правил добычи, хранения и продажи платины. Изданы специальные инструкции по ведению шнуровых книг, которые выдавались на каждый прииск и в которые надо было ежедневно записывать, сколько было промыто песков и сколько получено золота или сырой платины⁴⁰. Государственному банку было разрешено выдавать льготные ссуды под залог платины.

Несмотря на все усилия платинопромышленников добиться каких-либо улучшений в платиновом промысле, добыча металла неуклонно уменьшалась. Так, XII съезд пермских золотопромышленников в 1913 г. отмечал, что добыча платины в 1912 г. уменьшилась на 22 пуда 8 фунтов, или на 7%, по сравнению с таковой в 1911 г. Уменьшение добычи произошло в Пермском горном округе на 7 пудов 12 фунтов, в Южно-Верхотурском – на 8 пудов 33 фунта, Чердынском – на 2 пуда 4 фунта, Северо-Верхотурском – на 4 пуда 20 фунтов⁴¹. Такое положение вещей объясняли понижением биржевых цен, но главным бичом, по мнению съезда, было массовое хищение платины с приисков.

Собравшийся в этом же году XIII пермский съезд вновь поставил вопрос о падении платинового промысла. Приводились данные по Пермской губернии за последние три года: «в 1911 г. добыто 352 пуда 17 фунтов; в 1912 г. – 335 пудов 23 фунта; в 1913 г. – ожидалось не более 308 пудов, то есть в 1912 г. добыто меньше, чем в 1911 г. на 4,7%, а в 1913 г. на 8,2% меньше, чем в 1912 г.»⁴².

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., понимая значение платины как валютного и технического металла, губернатор Пермской

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее – ПСЗ-3). Т. 33. № 40712 // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 4. Ст. 24. ⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 54. Ст. 566.

⁴¹ Труды XII местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Екатеринбурге 27-30 марта 1913 года. Екатеринбург, 1913. С. 46.

⁴² Труды XIII местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Екатеринбурге 28-30 декабря 1913 года. Екатеринбург, 1914. С. 49.

губернии М.М. Лозина-Лозинский издал обязательное постановление, по которому подлежала реквизиции вся платина, находившаяся у частных лиц, предприятий и учреждений. За нарушение виновным грозил штраф до 3000 руб. или арест до трёх месяцев⁴³. 5 июня 1915 г. появилось распоряжение министра финансов, запрещающее вывоз за границу платины⁴⁴. 26 июня 1915 г. в дополнение к этому распоряжению был запрещён вывоз золота «шлихового, в слитках, в монете, в изделиях, сусального и соров, содержащих золото»⁴⁵. Исключение допускалось только по личному указанию министра для русских подданных и подданных союзных и нейтральных государств. 14 сентября 1915 г. появляется закон, утверждённый императором, «Об увеличении золотого запаса»⁴⁶, согласно которому «впредь, до особого распоряжения» запрещались вывоз и высылка за границу в любом виде золота, платины и иридия. Запрет на вывоз платины и металлов платиновой группы был ещё раз подтверждён законом от 9 февраля 1916 г.⁴⁷ Как результат этих мероприятий, уже в ноябре 1916 г. в Германии резко выросли цены, за пуд сырой платины химические заводы платили до 200 тыс. руб., а в мае 1917 г. начался «платиновый голод», появилось постановление об обязательной сдаче населением всех изделий из платины вплоть до русских платиновых монет⁴⁸, чеканка которых в России была прекращена ещё в середине 1840 гг.

Накануне войны промышленниками была предпринята последняя попытка построить кооперативный завод по очистке платины при Совете съезда совместно с правительством в соответствии с законом от 20 декабря 1913 г., 4-м отделом которого предусматривалась постройка в России аффинажного завода. В силу этого положения промышленники и надеялись на благоприятное разрешение ходатайства. Косность и бюрократизм правительства, непонимание им действительных нужд промышленности сказались в очередной раз – ходатайство было отклонено⁴⁹.

14 мая 1914 г. неожиданно для всех правительство разрешило постройку частного очистительного завода в Екатеринбурге акционерному обществу Николае-Павдинского горного округа, которое тут же приступило к строительству. Общество должно было не позднее

⁴³ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 10.

⁴⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. № 166. Ст. 1276.

⁴⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. № 187. Ст. 1428.

⁴⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. № 267. Ст. 1984.

⁴⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. № 48. Ст. 320.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7743. Оп. 1. Д. 100. Л. 3.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 192. Л. 22 об.

22 августа 1915 г. построить и оборудовать за свой счёт в соответствии с современными требованиями техники аффинажа платины: цех по очистке сырой платины, мастерскую для изготовления из чистой платины простейших изделий (проволоки, листов и прочее) и пробирную лабораторию. Производительность завода была рассчитана на ежегодную очистку не менее 450 пудов сырой платины⁵⁰. Для организации производства на новом заводе в качестве управляющего был приглашён из Петрограда молодой горный инженер Н.Н. Барабошкин⁵¹, который 29 февраля 1916 г. уведомил окружного инженера Южно-Екатеринбургского горного округа И.Н. Крыжановского об окончании работ по оборудованию завода и о желании приступить к работам по аффинажу⁵². По договору с правительством Николае-Павдинское общество обязалось беспрепятственно принимать у частных лиц сырую платину для аффинажа, а чистую платину в слитках и изделиях – для опробования и наложения клейм. Наивысший размер платы за аффинаж устанавливался каждые полгода лично министром торговли и промышленности⁵³.

Совет съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии был уверен, что этот завод построен совсем не для удовлетворения нужд уральской платиновой промышленности, так как он становился монополистом очистки металла. Если раньше платинопромышленность находилась в полной зависимости от иностранцев, то теперь возникла опасность попасть в зависимость от Николае-Павдинского горного округа⁵⁴. Проблема поднятия платинового промысла так и не была разрешена.

Библиография

1. *Высоцкий Н.К.* Месторождения платины Исковского и Нижне-Тагильского районов на Урале. СПб., 1913. VI, 694 с.
2. *Уралец*. IV съезд золото- и платинопромышленников Пермской губернии // Уральское горное обозрение. 1905. № 2. С. 5-6.
3. *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914). Екатеринбург, 2007. 384 с.

⁵⁰ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 107. Л. 73.

⁵¹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 145. Л. 179.

⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 22. Д. 126. Л. 5.

⁵³ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 107. Л. 73.

⁵⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 192. Л. 23.

В.А. Скубневский¹
А.М. Мариупольский²
Барнаул

РЫНОК СПИРТНЫХ НАПИТКОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 60-70-е гг. XIX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы развития винокуренного производства на Урале и в Западной Сибири в 60-70-х гг. XIX в., т.е. в первые десятилетия после введения акцизной системы, в том числе количество предприятий данной отрасли, объемы производства, коммерческая деятельность предпринимателей Урала, прежде всего Пермской губернии в Западной Сибири. Делается вывод о формировании единого рынка спиртных напитков на территории Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, винокуренное производство, оптовая торговля, рынок спиртных напитков.

V.A. Skubnevskiy
A.M. Mariupol'skiy
Barnaul

THE MARKET OF ALCOHOLS OF THE URALS AND WESTERN SIBERIA IN 60-70-e. XIX CENTURY

The article deals with the development of distillery production in the Urals and Western Siberia in the 60-70s. XIX century, i.e. in the first decades after the introduction of the excise system, including the number of enterprises in this industry, production volumes, commercial activities of entrepreneurs in the Urals, primarily in the Perm province in Western Siberia. The conclusion is made about the formation of a single market for alcoholic beverages in the Urals and Western Siberia.

Keywords: Ural, Western Siberia, distillery, wholesale trade, alcoholic beverages market.

В последние два-три десятилетия в значительной мере возрос интерес к социально-экономической истории России в период капитализма. Это во многом связано с тем, что частное предпринимательство, конкуренция, рынок стали неотъемлемой частью жизни современной России. В сложившихся условиях обращение к историческому опыту приобрело не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

Среди либеральных реформ, осуществленных правительством Александра II в 60-70-х гг. XIX в., свое особое место занимает акциз-

¹ *Скубневский Валерий Анатольевич* – доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия. E-mail: koi@hist.asu.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-59-00010, № 17-11-22006

² *Мариупольский Андрей Михайлович* – кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия. E-mail: mam2865@mail.ru

ная реформа³. Положение от 4 июля 1861 г., открывшее доступ частному бизнесу в винокурение и виноторговлю, оказало огромное влияние на развитие рынка спиртных напитков в Российской империи. Существовавшая до этого времени откупная система, основанная на произволе откупщиков, функционально не была ориентирована на универсальное регулирование производства и продажи алкоголя как в отдельных регионах, так и в целом по России. «Откупщики имели возможность по личным своим соображениям оживить винокурение в одной местности, где для этого не было благоприятных условий, и совершенно убить его в другой»⁴.

Винокуренная отрасль в пореформенной России развивалась весьма динамично, и, по данным за 1884 г., по сумме выработки продукции (357,4 млн руб.), или 25% продукции Европейской России, занимала первое место, опережая хлопчатобумажное производство (228,0 млн руб.), горную и металлургическую промышленность (93,4 млн руб.)⁵. На Урале и в Сибири винокуренное производство также по стоимости продукции занимало лидирующие позиции. В Пермской губернии, где оно было развито лучше, чем в прочих уральских губерниях, в 1877 г. стоимость продукции винокуренных и водочных заводов составила 3345,2 млн руб. Это больше, чем в прочих группах обрабатывающей промышленности⁶. В пореформенной Сибири также винокуренное и водочное производство по стоимости продукции шло на первом месте⁷.

Объединение Урала и Западной Сибири в один экономический регион в данном случае объясняется не просто тесным взаимодействием, но и формированием общего сырьевого рынка, прежде всего зернового, на что уже обращали внимание исследователи, например М.А. Барсукова⁸. Западная Сибирь поставляла на Урал излишки товарного зерна, часть его шла на переработку на винокуренные заводы Пермской губернии. В свою очередь, уральские заводчики интенсив-

³ Горюшкина Н.Е. Винная реформа 1863 г.: модернизация алкогольной политики Российской империи: автореф. дис... д-ра ист. наук. Курск, 2018.

⁴ Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания питейного налога с крепких спиртных напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С.4.

⁵ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850 – 1880 гг. М., 1978. С. 186.

⁶ Микитюк В.П. Винокуры Пермской губернии: предпринимательство и общественная деятельность (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2016. С. 31.

⁷ Андрущенко Б.К. Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 44 – 45.

⁸ Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала и Западной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. С. 4.

но внедрялись в Западную Сибирь, открывая здесь свои предприятия, оптовые склады. Рассмотрение данного сюжета и стало одной из задач настоящей статьи.

Еще в конце XIX в. известный публицист И. Левитов в брошюре «Сибирские коршуны» обратил внимание на разницу цен на «вино» в Европейской России и Сибири, в последней они были существенно выше: в Европейской России – 5-6 руб., в Сибири – 8-9 руб. за ведро. По его подсчетам, население Сибири с 1862 по 1894 г. уплатило вино-торговцам 288 млн руб. серебром, чего, по его мнению, хватило бы на постройку железной дороги по Сибири до Амура⁹.

Географические рамки статьи охватывают территорию Урала (Вятская, Оренбургская, Пермская, Уфимская губернии) и Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии) в момент становления и развития здесь акцизной системы, т.е. в 60-е – начале 70-х гг. XIX в. В тематическом плане данная работа ограничивается в основном рассмотрением оптового оборота крепких спиртных напитков (вина, спирта и водок), который, в свою очередь, являлся важной составляющей рынка алкогольной продукции как в указанных выше регионах, так и в целом по России.

При написании данной работы авторами использовался как архивный материал (прежде всего фонда Департамента неокладных сборов, находящегося в РГИА), так и опубликованные источники, среди которых различные издания (редакции) Устава о питейном сборе, другие различные государственные акты, в той или иной степени касающиеся оптовой торговли алкоголем.

Высочайше утвержденным 4 июля 1861 г. Положением о питейном сборе с 1 января 1863 г. были уничтожены откупа и установлен новый способ взимания питейного дохода, получивший название акцизной системы. Сущность данной системы основывалась на четырех основных принципах: 1) свобода производства спиртных напитков; 2) свобода торговли этими напитками; 3) обложение налогом выкуриваемого спирта (акциз) и обложение налогом мест продажи спиртных напитков (патентный сбор); 4) государственный контроль как за производством вина и спирта, так и за их реализацией.

Согласно установленным в законодательном порядке правилам оптовая (впрочем, как и раздробительная), продажа питей при акцизной системе составляла предмет свободной торговли. Определенной крепости для вина, водок и других питей, получаемых из вина и спирта, в продаже не устанавливалось, но отмечалось, что крепость эта не

⁹ *Левитов И.* Сибирские коршуны. СПб., 1894. С. 7.

должна быть ниже тридцати восьми градусов по спиртометру Траллеса. Если кто-либо из виноторговцев пытался продавать крепкие спиртные напитки ниже означенной крепости, то он подвергался административному наказанию¹⁰. Позднее, 18 июня 1868 г., решением Государственного совета, которое было утверждено императором, различная крепость по местностям и роду питейной торговли была заменена однообразной крепостью повсеместно в 400. При этом от обязательной крепости освобождались водки, настойки и тому подобные напитки, изготавливаемые на водочных заводах.

Оптовую продажу питей разрешалось производить из заводских подвалов, а также оптовых складов вина и спирта. Место под открываемый склад отводилось с согласия тех ведомств или владельцев имений, которым принадлежали данные земли.

Под оптовой продажей питей подразумевалась продажа: вина и спирта – количеством не менее 10 ведер; водок – бочонками не менее 3 ведер, а в различной посуде не менее $\frac{1}{4}$ ящика, полагая в ящике 60 штофов или 120 бутылок (в дореволюционной России основной мерой для жидкостей являлось ведро, которое равнялось 12,3 литра). Оговаривался в законодательном порядке и минимальный объем товара при организации оптового склада. Он должен был составлять не менее 500 ведер вина или водок¹¹.

Оптовая продажа вина и спирта осуществлялась владельцами складов на основании купленных патентов на право торговли. Патентный сбор с оптовых складов вина и спирта взимался в разных размерах в зависимости от местонахождения. Вся территория России по отношению к патентному сбору разделялась на три разряда местностей. К первому из них были отнесены Санкт-Петербург и Москва. Ко второму разряду причислялись все столицы губерний и группа портовых городов. К третьему разряду относились все прочие местности. На этом основании с 1 января 1863 г. было установлено взимание патентного сбора в следующих размерах: в местностях 1-го разряда – 100 руб.; в местностях второго разряда – 50 руб.; в местностях третьего разряда – 25 руб.¹²

Как уже отмечалось выше, акцизная реформа 1863 г. оказала огромное влияние на развитие винокурения и виноторговли в России. Урал и Западная Сибирь не стали в этом плане исключением. В то же время формирование свободного рынка спиртных напитков происхо-

¹⁰ Устав о питейном сборе. Изд. 1863 г. СПб., 1863. С. 62.

¹¹ Там же. С. 66 – 67.

¹² Там же. С. 99 – 100.

дило здесь в несколько иных условиях, нежели в других регионах Российской империи.

Одним из наиболее характерных признаков специфики данных регионов явился высокий уровень монополизации. В особенности это касалось оптовой виноторговли, где монопольное положение крупных торговцев было особенно прочным¹³. Мелкие торговцы находились в полной зависимости от оптовиков, выполняя фактически роль их торговых агентов. Подобная ситуация сложилась в результате нехватки капиталов и ограниченного круга предпринимателей, что, в свою очередь, являлось следствием недостаточного развития товарно-денежных отношений.

Процессы формирования рынка спиртных напитков на Урале и в Западной Сибири проходили неодинаково. Это было обусловлено целым рядом причин, главной из которых являлась степень экономического развития. Более развитый в экономическом отношении Уральский регион обладал большими возможностями для развития частного винокурения и частной виноторговли. Так, в 1867 г., т.е. к концу первого пятилетия действия акцизной системы, на Урале действовало – 68 винокуренных заводов, водочных – 78, оптовых складов вина и спирта было открыто 328.

В Западной Сибири, в состав которой входили две губернии – Тобольская и Томская, в тот же период времени осуществляли производство 24 винокуренных завода, водочных – 21, а оптовых складов вина и спирта насчитывалось 175¹⁴.

В отношении производства и сбыта алкогольной продукции наиболее развитой в Уральском регионе следует признать Пермскую губернию. Об этом свидетельствуют факты. Так, например, в том же 1867 г. питейный доход государства составил: по Вятской, Оренбургской и Уфимской губ. – 4242 264 руб.; по Пермской губ. – 3 126 555 руб. Таким образом, совокупный питейный доход государства в трех уральских губерниях был всего лишь на 26% процентов больше, чем в одной Пермской губ.¹⁵ Уступая некоторым из соседних губерний по количественным показателям, в качественном отношении винокурение и в особенности виноторговля в Пермской губернии занимали лидирующее положение.

Оптовая торговля вином и спиртом в Уральском регионе развивалась по двум направлениям: освоение местного рынка и вывоз спирта, вина и водок в соседние губернии. Важным фактором в этом отношении являлось наличие такого соседа, как Западная Сибирь, с ее

¹³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 99.

¹⁴ РГИА. Ф. 574. Оп. 6. Д. 142. Л. 27, 79 -80, 85, 315 – 316, 324, 342.

¹⁵ РГИА. Ф. 574. Оп. 6. Д. 107. Л. 44 – 49.

обширным и в то же время недостаточно освоенным рынком спиртных напитков. Наибольшей активностью в этом отношении отличался предприниматель из Пермской губ. А.Ф. Поклевский-Козелл. Он сумел накопить определенный капитал и в 1859 г. купить у казны «дышавшие на ладан» винокуренные заводы в с. Талицком и Ертарском, а несколько позднее и в уездном Шадринске¹⁶. К 1867 г. А.Ф. Поклевский-Козелл уже владел пятью винокуренными заводами в Пермской губ. Раскинув сеть оптовых и раздробительных виноторговых заведений, А.Ф. Поклевский-Козелл уже к 70-м гг. XIX в. получил в народе прозвище «водочного короля»¹⁷.

Не довольствуясь одной Пермской губернией, А.Ф. Поклевский-Козелл еще накануне акцизной реформы обратил свои взоры на Западную Сибирь. Там он взял в аренду Екатеринбургский и Успенский казенные винокуренные заводы, по своей мощности крупнейшие в Тобольской губ., а в 1864 г. построил свой собственный завод в д. Падун в хлебоборном Ялуторовском уезде Тобольской губ. Параллельно со строительством или покупкой заводов А.Ф. Поклевский-Козелл энергично расширял сеть оптовых мест продажи питей. В 1866 г. за ним числилось 28 оптовых складов вина и спирта в различных районах Тобольской губ.¹⁸

Говоря о развитии винокурения и виноторговли, нельзя обойти также вниманием таких крупных уральских предпринимателей в области винокурения и виноторговли, какими являлись во второй половине XIX в. братья Злоказовы. Организовав торговый дом под одноименным названием, в 1863 и 1864 гг. они построили два собственных винокуренных завода. Утвердив свое положение на Урале, Злоказовы начинают обращать все более пристальное внимание на Западную Сибирь. И в 1879 г. они основывают здесь свой винокуренный завод и одновременно с этим открывают три оптовых склада вина и спирта, а также создают сеть из 19 заведений для розничной продажи вина в Ялуторовском уезде Тобольской губ.¹⁹

Таким образом, развитие винокурения и виноторговли на Урале способствовало формированию рынка спиртных напитков и в Западной Сибири. Причем процесс это сопровождался вывозом, в частно-

¹⁶ *Дмитриев А.В.* Поклевские –Козелл// Урал. 1993. № 11. С. 235.

¹⁷ *Бирюков Е.* Питейные короли Урала // Былое. 1996. № 1 – 2. С. 12.

¹⁸ РГИА. Ф. 574. Оп.2. Д. 146. Ч.1. Л. 590 – 593.

¹⁹ Список винокуренных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина за период 1886/87 и 1887/88 гг. СПб., 1890. С. 432; *Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Перечень фабрик и заводов.* СПб, 1897. С. 924 – 927.

сти в Тобольскую губ., не только готовой продукции в виде спирта и вина, но и капиталов.

Специфика западносибирской оптовой виноторговли заключалась в ориентации исключительно на местный рынок. Ежегодный вывоз вина и спирта за пределы Западной Сибири в первые 20 лет действия акцизной системы колебался от 4 до 17% от общего объема производства²⁰. Винопромышленники одновременно здесь являлись и виноторговцами. Так, например, в 1866 г. в Западной Сибири насчитывалось 163 оптовых склада вина и спирта. Из них на долю владельцев винокуренных заводов и их компаньонов приходилось 118, или почти 72%, в то время как прочие виноторговцы содержали только 45 складов, или 28%²¹. Среди владельцев оптовых винных складов Семипалатинской и Акмолинской областей подавляющее большинство составляли также уральские и западносибирские винопромышленники и виноторговцы²².

Таким образом, оценивая вышесказанное, авторы приходят к следующему выводу. Вывоз и ввоз вина и спирта с Урала в Западную Сибирь и обратно осуществлялся в основном крупными виноторговцами, имевшими собственное винокуренное и водочное производство, оптовые склады вина и спирта, а также заведения для розничной продажи питей в обоих регионах (Урал и Западная Сибирь). Целесообразность таких поставок объяснялась географическими, экономическими, климатическими причинами, а также соображениями рыночной конъюнктуры. Благодаря осуществлению такой взаимосвязи на Урале и в Западной Сибири, а также в Омской и Акмолинской областях в 60 – 70-е гг. XIX в. происходил процесс складывания единого оптового рынка вина и спирта.

Формирование его шло противоречиво и неоднозначно. Но постепенно зона деятельности уральских предпринимателей-винопромышленников расширялась. К середине 60-х гг. XIX в. оптовые склады того же А.Ф. Поклевского-Козелл занимают доминирующее положение на винных рынках Тюменского, Ялуторовского, Туринского и Омского округов Тобольской губ. В этот же период А.Ф. Поклевский-Козелл предпринимает настойчивые попытки проникнуть на рынок спиртных напитков в Томской губ. И это ему отчасти удается. В 1866 г. за ним уже числилось в Барнаульском округе 7 водочных магазинов с оптовой продажей хлебного вина, а также 5 оптовых складов и 1 водочный магазин в восточной части Семипалатинской обл. и в за-

²⁰ РГИА. Ф. 574. Оп. 6. Д. 397. Л. 151 – 152; Д. 402. Л. 190 – 191; Д. 407. Л. 217 – 218; Д. 409. Л. 217 – 218.

²¹ РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 146. Ч.1. Л. 590 – 593.

²² Там же. Л. 590 – 591.

падных районах Алтайского горного округа, в частности по одному складу на Зырянском руднике и в самом с. Зырянском²³.

Поклевскому удалось даже открыть винокуренный завод на землях Алтайского горного округа, на казачьих землях, вблизи Семипалатинска, т.е. в районе, весьма удаленном от Урала²⁴.

В ходе становления частной оптовой виноторговли на Урале и в Западной Сибири в 60-е гг. XIX в. проявились как общие, так и отличительные моменты, характерные для каждого из двух названных регионов.

Следует подчеркнуть, что развитие винокурения и виноторговли на Урале способствовало формированию рынка спиртных напитков и в Западной Сибири. Причем процесс этот сопровождался не только вывозом готовой продукции в виде спирта и вина, но и вывозом капиталов. В то же время основная тенденция развития оставалась общей. Многие связанные с ней процессы как во временном, так и в содержательном отношении носили сходный характер, что, без сомнения, свидетельствует о том, что в 60-е гг. XIX в. на Урале и в Западной Сибири шел процесс складывания единого оптового рынка крепких спиртных напитков.

Библиография

1. *Андрющенко Б.К.* Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 32 – 56.
2. *Барсукова М.А.* Мукомольная промышленность Урала и Западной Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис.... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 26 с.
3. *Бирюков Е.* Питейные короли Урала // Былое. 1996. № 1 -2. С. 12.
4. *Ваганов Н.* Казачий вопрос на Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2017. Т.3. С. 240 – 314.
5. *Горюшкина Н.Е.* Винная реформа 1863 года: модернизация алкогольной политики Российского государства: автореф. дис.... д-ра ист. наук. Курск, 2018. 38 с.
6. *Дмитриев А.В.* Поклевские-Козеллы // Урал. 1993. № 11. С. 234 – 260.
7. *Левитов И.* Сибирские коршуны. СПб., 1894. 47, VI с.
8. *Микитюк В.П.* Винокуры Пермской губернии: предпринимательство и общественная деятельность (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2016. 176 с.
9. *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России 1850 – 1880 гг. М., 1978. 296 с.

²³ Там же. Л. 592 – 593.

²⁴ *Ваганов Н.* Казачий вопрос на Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2017. Т.3. С. 289.

Р.В. Федосеев¹
Саранск

СОСТОЯНИЕ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ДВОРЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА²

Основные отрасли дворянской промышленности Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. (винокуренная и суконная) находились в кризисном состоянии, причиной чему стала в первую очередь крестьянская реформа, лишившая помещиков крепостного труда, что вызвало значительный рост издержек производства. Еще одним немаловажным фактором явилось резкое сокращение дворянского землевладения, что поставило под удар сырьевую базу дворянской промышленности, которая была в большинстве своем связана с обработкой сельскохозяйственных продуктов, произрастающих в своей же экономике.

Ключевые слова: дворянское хозяйство, промышленная деятельность, суконное производство, винокурение, имение, поместное дворянство.

R.V. Fedoseev
Saransk

THE STATE OF THE MAIN INDUSTRIES OF THE MIDDLE VOLGA INDUSTRY IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

The main branches of the noble industry of the Middle Volga region in the second half of the XIX - early XX century. (distillery and cloth) were in a state of crisis, the cause of which was, first of all, the peasant reform, which deprived the landowners of serf labor, which caused a significant increase in production costs. Another important factor was the sharp decline in noble land tenure, which jeopardized the raw material base of the noble industry, which was mostly associated with the processing of agricultural products that grew in their own economy.

Keywords: noble economy, industrial activities, cloth production, distillation, estate, landed nobility.

Развитие промышленности в дворянских хозяйствах Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. происходило в условиях активного реформирования аграрного сектора экономики страны, что предопределило значительные сложности для поместного дворянства, которое в дореформенный период получало значительные преференции при осуществлении торгово-промышленного предпринимательства.

Во второй половине XIX в. в дворянских хозяйствах Среднего Поволжья наиболее развитыми были отрасли промышленности с пе-

¹ *Федосеев Роман Васильевич* – доктор исторических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Саранск. Россия. E-mail: fedoseevrv@gmail.com

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00043.

переработкой сельскохозяйственной продукции – суконная и винокуренная. При этом одной из важнейших отраслей дворянской промышленности в изучаемом регионе являлось суконное производство, которое было представлено довольно большим количеством предприятий, причем большинство из которых находилось в собственности именно дворянства. Это подтверждают статистические данные: например, в Симбирской губернии в 1862 г. из 35 действовавших на тот момент суконных фабрик 31 принадлежала представителям дворянского сословия и лишь 4 оставшиеся купцам³.

В первые годы после проведения реформы 1861 г. доля суконной промышленности в Среднем Поволжье была очень большой. Так, в 1863 г. общая сумма производства, необлагаемого акцизом (т.е. не включая винокуренное, пивомедоваренное, свеклосахарное и табачное) в четырех средневожских губерниях равнялась 11 399 113 руб., при этом сумма производства на одних лишь суконных фабриках составляла 3 862 763 руб., или 33,88 % от всего объема производства. Наибольшее распространение данная отрасль получила в Симбирской губернии, где сумма производства на суконных фабриках составила 84,3 % от его общего объема безакцизного производства (2 394 299 руб. из 2 838 363 руб.), в Пензенской губернии она также занимала лидирующие позиции – 55,0 % (1 043 538 руб. из 1 897 189 руб.). Очевидно, что данная отрасль фабричной промышленности была одной из основных в данных губерниях и одной из ведущих в структуре дворянского хозяйства, наряду с винокуренной. На их фоне резко контрастируют две другие средневожские губернии – Самарская и Казанская, здесь рассматриваемая отрасль не получила значительного распространения. Так, в Самарской губернии она занимала всего 12,5 % от общего объема безакцизного производства (348 677 руб. из 2 781 177 руб.), а в Казанской и того меньше – всего 2 % (76 249 руб. из 3 882 384 руб.)⁴.

Как мы уже отметили, большая часть суконных фабрик до аграрных реформ середины XIX в. принадлежала помещиному дворянству, это было обусловлено наличием практически бесплатной рабочей силы в лице своих крепостных крестьян, но главным образом, патерналистской политикой правительства по отношению к дворянству: ему при размещении заказов на поставку сукна гарантировался прием всей выработанной продукции по заранее определенной цене, при этом исполнителю заказа выдавался аванс в счет будущих поставок,

³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб, 1868. С. 26.

⁴ Статистический временник Российской империи / изд. ЦСК МВД. СПб, 1866. Сер. I. Вып. 1. С. 55.

что обеспечивало фабрику деньгами, которые можно было потратить на текущие производственные расходы. Помимо этого, развитию данной отрасли способствовала развитая речная система, позволявшая использовать в качестве основной движущей силы водяной привод.

Реформа 1861 г. поставила дворянское хозяйство в тяжелое положение, негативно она сказалась и на суконной промышленности, которая в первые пореформенные десятилетия находилась в упадке. Основанные в основном в первой половине XIX в. фабрики практически в одночасье потеряли свою конкурентоспособность. Ориентируясь на поставки для государства, опираясь на дешевизну рабочей силы и материальные ресурсы своей экономии, фабриканты из числа поместного дворянства, за редким исключением, практически не заботились о поиске альтернативных рынков сбыта, улучшения качества товара, обновления оборудования.

Главная статья расходов в условиях крепостного права была связана с покупкой оборудования, которое «выписывалось» преимущественно из Москвы, Санкт-Петербурга и из-за границы, при этом ежегодный расход на ремонт и отладку оборудования едва ли превышал несколько процентов от сумм, получаемых от продажи сукна государству. А при дешевизне рабочей силы вообще можно было не заботиться об обновлении оборудования, используя для производства устаревшую технику⁵. Зависимость большинства суконных фабрик, принадлежавших помещику дворянству, от казенных заказов привело к тому, что их основная масса не занималась производством качественного сукна. Производимая продукция относилась в основном к низким (грубым) сортам и была предназначена для пошива «солдатских сукон»⁶.

Переход в результате реформы к применению вольнонаемного труда привел к нехватке рабочих рук и резкому увеличению расходов на заработную плату, одновременно с этим объемы государственных заказов на поставки армейского сукна значительно снизились. Кроме того, в данный период наблюдалось значительное повышение цен на шерсть – основное сырье для переработки⁷.

Некоторые фабриканты решили перестроить свое производство, переориентировав его на рыночный сбыт продукции. Так, владелец суконной фабрики, расположенной в с. Румянцево Карсунского уезда Симбирской губернии, генерал-майор Н. Д. Селиверстов, несмотря на

⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерально-го штаба. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб, 1868. С. 30.

⁶ Там же. С. 27-28.

⁷ Федосеев Р. В. Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Саранск, 2016. С. 274.

все трудности старался развивать свое предприятие. К 1869 г. производство на фабрике осуществлялось при помощи двух 75-сильных паровых машин и одного 12-сильного локомобиля, действовали на фабрике шесть водяных колес, мощность которых составляла от 80 до 120 сил, кроме того, был установлен новый 25-сильный цилиндр. Предприятие было оборудовано 8 трепальными машинами, 2 концевыми, 24 прессовками, 32 чесальными аппаратами, 32 скалочными, 35 ваточными, 14 бельгийскими аппаратами. Помимо этого, имелись 52 ручные прядильные машины по 60 веретен в каждой, 14 бельгийских «мюльжене», из них 7 в 300, 6 в 280 и 1 в 240 веретен (всего 7 140 веретен). На фабрике имелись 300 ручных ткацких станов, 13 механических, 9 сукновальных и 16 промывочных машин, 5 красильных котлов, 54 летние и 54 зимние сушильные рамы, 5 продольных стригальных машин, 10 поперечных, 2 бастовальные и 4 нагонные, наконец, 10 рычажных прессовок и 1 гидравлическая. Шерсть для переработки приобреталась в Оренбургской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Астраханской губерниях в количестве от 30 до 50 тыс. пудов. Сбыт продукции осуществлялся в города Санкт-Петербург, Москву, Пензу, Симбирск, Нижний Новгород, Оренбург, Мензелинск, в «Киргизскую степь» и даже в Персию⁸. Как отметил в своем отчете за 1863 г. губернатор Симбирской губернии: «Сукна этой фабрики удостоены внимания государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, во время пребывания Его Высочества в городе Симбирске»⁹.

В целом рассмотренное выше предприятие говорит о возможности довольно успешного перехода суконного производства в рамках дворянского хозяйства к условиям рынка. Однако данный пример был редким исключением, большинство суконных фабрик, базировавшихся на использовании крепостного труда, стали обузой для своих владельцев. Часть владельцев вынуждена была уменьшать объемы производства. Так поступил, в частности, тайный советник А. Н. Скребицкий на своих предприятиях, располагавшихся в с. Теренга и д. Вельяминовка Симбирского уезда Симбирской губернии. В 1861 г. объем производства на них составлял 60 000 руб., а к 1862 г. он уменьшился до 49 500 руб., действительный статский советник И. П. Бобылев сократил выработку продукции на своей суконной фабрике, располагавшейся в Сенгилеевском уезде, в 4 раза, ротмистр П. Ф. Дурасов в Карсунском уезде – в 2 раза¹⁰.

⁸ Аунковский В. А. Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. 2. С. 99-100.

⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 6. Л. 29-29 об.

¹⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб, 1868. С. 26.

Другая часть полностью его прекратила, к примеру, так вынужден был поступить И. А. Арапов прекративший производство на своей суконной фабрике в с. Андреевка Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии в 1872 г.¹¹ Подобная участь постигла суконную фабрику князей Голицыных, находившуюся в с. Тереньга Симбирского уезда Симбирской губернии: открытая еще в 1769 г. фабрика прекратила свое существование в середине 1880-х гг.¹²

Многие владельцы пошли по пути сдачи своих фабрик в аренду представителям купечества, некоторые из них затем переходили к ним в собственность. Например, в аренду к купцу С. О. Катаеву в 1869 г. перешла суконная фабрика графа М. А. Шувалова, находившаяся в Городищенском уезде Пензенской губернии¹³. Сдавала свою суконную фабрику в аренду и баронесса Стремфельд: располагавшаяся в с. Тереньга Сенгилеевского уезда Симбирской губернии фабрика была арендована Торговым домом вдовы купца Акчурина с сыновьями по контракту с 1 декабря 1867 г. по 1 декабря 1874 г.¹⁴ Князь А. А. Долгорукий в 1863 г. сдал в аренду свою суконную фабрику, находившуюся в с. Игнатовка Сенгилеевского уезда И. А. Виноградову и его компаньону П. И. Козлову, а после смерти князя И. А. Виноградов в 1872 г. выкупил ее у его наследников¹⁵.

Паровая суконная фабрика княгини Е. П. Трубецкой, располагавшаяся в с. Мулловка Ставропольского уезда Самарской губернии и производившая сукна на сумму 400 тыс. руб. при использовании труда 800 рабочих, после реформы 1861 г. перешла к купцу Алееву¹⁶. Довольно крупная Линевская суконная фабрика, созданная еще в 1816 г. и принадлежавшая потомственной дворянке В. А. Кохановой, располагавшаяся в Симбирском уезде, была сдана в аренду симбирскому купцу А. К. Щербакову: на фабрике трудилось 500 рабочих, производилось 171 тыс. аршин сукна на сумму 153 тыс. руб. Функционировавшая с 1809 г. суконная фабрика титулярного советника А. П. Языкова, находившаяся в с. Ундоры Симбирского уезда, арендовалась

¹¹ Обзор Пензенской губернии за 1872 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Пензенского Губернатора. Пенза, 1873. С. 7.

¹² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: в 19 т. Т. 6. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье / под ред. В. П. Семенова. СПб, 1901. С. 442.

¹³ Обзор Пензенской губернии за 1872 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Пензенского Губернатора. Пенза, 1873. С. 97.

¹⁴ *Шкунов В. Н.* Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII – XIX веках. Ульяновск, 2011. С. 101.

¹⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. Т. 6. СПб, 1901. С. 400.

¹⁶ Там же. С. 403.

купцом 1-й гильдии И. И. Алеевым: на фабрике трудилось 346 человек, производилось 160 тыс. аршин сукна на сумму 149 тыс. руб.¹⁷ Суконная фабрика, располагавшаяся в с. Кезмине в Симбирском уезде, арендовалась симбирским купцом Е. К. Богатыревым у вдовы генерал-лейтенанта В. И. Философовой: трудилось на фабрике 175 человек, объем производства составлял 60 тыс. аршин сукна на сумму 55 тыс. руб.¹⁸ Существовавшая с 1843 г. суконная фабрика баронессы Стремфельд, находившаяся в д. Вельяминовка Сызранского уезда, арендовалась купчихой Акчуриной с сыновьями. На фабрике работало 315 человек и производилось 790 тыс. аршин сукна на сумму 63 тыс. руб.¹⁹

В целом причинами закрытия и перехода дворянских суконных фабрик в собственность купцов являлись отсутствие денежных средств и сословная неспособность руководить производственными процессами в условиях перехода к рыночным отношениям; сокращение суконных заказов со стороны государства; неразвитость внутреннего рынка; нехватка вольнонаемных рабочих. При этом такая ситуация сложилась не только в суконной промышленности, в упадке находились и другие традиционно дворянские отрасли – винокурение, сахарорафинадное производство и т.п. Кризис носил системный характер, что отражалось на всем дворянском хозяйстве региона, значительно замедляя переход к новым методам предпринимательской деятельности.

Впрочем, постепенно рассматриваемая отрасль дворянского хозяйства, пусть и с потерями, преодолела спад и продолжала приносить немалый доход своим владельцам. Несмотря на закрытие и переход множества суконных фабрик в руки купцов, в рамках дворянских хозяйств продолжало функционировать большое количество предприятий. Наряду с рассмотренными выше, необходимо упомянуть суконную фабрику вдовы генерал-майора Е. Н. Лермонтовой, располагавшуюся в Бугульминском уезде Самарской губернии: на ней в 1877 г. вырабатывалось 55 тыс. аршин сукна на сумму 52 тыс. руб.²⁰ В собственности вдовы поручика Е. В. Кротковой и жены полковника А. И. Веревкиной в 1869 г. имелась основанная еще в 1802 г. Ищевская суконная фабрика, располагавшаяся в Симбирском уезде: на ней работало 470 человек и производилось 165 тыс. аршин сукна на сумму 147 450 руб.²¹ Потомственному дворянину М. Я. Прибыловскому принадлежала суконная фабрика, находившаяся в с. Измайловке

¹⁷ Аунковский В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 89.

¹⁸ Там же. С. 90-91.

¹⁹ Там же. С. 96.

²⁰ ЦГА СО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 107.

²¹ Аунковский В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 88.

Сенгилеевского уезда Симбирской губернии: на фабрике трудилось 342 рабочих, вырабатывавших 63 тыс. аршин сукна стоимостью 53 тыс. руб.²²

Основанная в 1817 г. в с. Самайкине Сызранского уезда Симбирской губернии суконная фабрика принадлежала потомственным дворянам А. и Д. Воейковым: на ней работало 508 рабочих, годовой объем производства составлял 200 тыс. аршин сукна стоимостью 191 тыс. руб.²³ В собственности надворного советника К. Н. Салькова имелась открытая в 1853 г. суконная фабрика при с. Селидьба в Сызранском уезде Симбирской губернии, на ней трудилось 330 рабочих, которые вырабатывали 86 тыс. аршин сукна на сумму 70 260 руб. Открытая еще в 1805 г. в с. Устерени Карсунского уезда Симбирской губернии суконная фабрика принадлежала губернскому секретарю Н. С. Кроткову, на ней работало 240 человек и производилось 60 тыс. аршин сукна на сумму 54 тыс. руб.²⁴

Еще одна довольно развитая отрасль торгово-промышленной деятельности дворянства Среднего Поволжья – винокурение, которое на протяжении длительного периода времени являлось одним из немногих видов производства, развивавшегося почти исключительно в рамках дворянского хозяйства как по воле законодателя, так и в силу своей тесной связи с земледелием. В данный вид производственной деятельности было вовлечено множество поместных дворян, занимавшихся выкуркой спирта как для нужд государства, для которого это был один из важнейших источников дохода, так и для собственной выгоды. При этом правовые основы винокуренного производства были тесно связаны с правовым статусом высшего сословия: в XVIII – начале XIX в., когда права дворянства расширялись, помещики имели практически монопольное право в данной сфере, когда же самодержавие пошло по пути сокращения их прав и преимуществ, винокурение перестало иметь сословную принадлежность, став доступным для многих.

Дореформенное законодательство весьма лояльно относилось к развитию винокуренного производства в рамках дворянских хозяйств, практически не допуская в данную сферу представителей иных сословий. Так, в июле 1754 г. был издан Сенатский указ «О допущении к подрядам на поставку вина одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям»²⁵, на основании которого «для продажи на кабаки вино, сколько куда надлежит... подряжать и к подрядам допускать одних помещиков и вотчинников», для этого

²² Там же. С. 94-95.

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Там же. С. 97-98.

²⁵ О допущении к подрядам на поставку вина одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям: Сенатский указ от 19.07.1754 г. // ПСЗ-1. Т. XIV. № 10261.

Камер-Коллегия должна была заблаговременно объявлять, чтобы «помещики и вотчинники в размножении своих винокуренных заводов к поставке на кабаки вина крайнее старание прилагали, дабы полное число, что на продажу из казны будет потребно, было всегда без недостатку». Купечество допускалось к подрядам на закупку вина только в тех случаях, когда казенные винокуренные заводы и помещики не смогут обеспечить необходимое количество вина, и то в порядке исключения и только тем, «которые имеют винокуренные заводы от Москвы в отдаленных местах»²⁶. В 1765 г. право «курить вино» было окончательно предоставлено «всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому»²⁷. Фактически данные правовые акты предоставили помещному дворянству монополию в сфере винокурения, которая и просуществовала вплоть до принятия в 1861 г. Положения о питейном сборе и введения на его основе акцизной системы²⁸.

Система подрядов на поставки продукции винокуренных заводов, существовавшая вплоть до 1 января 1863 г., т.е. до вступления в силу Положения о питейном сборе, изжила себя. Суть ее заключалась в том, что Казенная палата предварительно рассчитав, какое количество спирта необходимо для той или иной губернии в следующем году, объявляла торги, по завершении которых требуемые объемы выкурки делились между местными винокурами пропорционально мощности их заводов. Это привело к тому, что каждый помещик, в собственности которого имелось соответствующее предприятие, всеми средствами старался увеличить номинальные объемы выкурки спирта, ведь чем больше мощность завода, тем большим мог быть потенциальный заказ. Об улучшении материально-технической базы практически никто не заботился.

Таким образом, к середине XIX в. в данной отрасли сложилась не вполне нормальная ситуация – потенциальные мощности винокуренных заводов были большими, а загружены они были в лучшем случае на 50 %²⁹. К примеру, в Симбирской губернии в 1861 г. на 16 действовавших на тот момент винокуренных заводах можно было выкурить 1 629 585 ведер полугара, а фактически выкурили всего 805 899 ведер³⁰. В соседней Самарской губернии в 1859 г. на 11 заводах можно было выкурить 3 164 000 ведер, фактически же выкурка составила 940 631 веде³¹. Ярким примером в этом плане являлась Пензенская губерния, здесь в

²⁶ Там же. Ст. 1.

²⁷ Устав о винокурении от 09.08.1765 г. // ПСЗ-I. Т. XVII. № 12448. Ст. 1.

²⁸ Положение о питейном сборе от 04.07.1861 г. // ПСЗ-II. Т. XXXVI. № 37197.

²⁹ Памятная книжка Самарской губернии за 1863 – 1864 г. Самара, 1864. С. 100.

³⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 20. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб, 1868. С. 115-116.

³¹ Памятная книжка Самарской губернии за 1863 – 1864 г. Самара, 1864. С. 100.

1857 г. на 64 заводах было выкурено 3 583 674 ведер полугара³², а мощности функционировавших тогда винокуренных заводов, по данным Н.С. Лескова, позволяли выкуривать 30 354 000 ведер³³. Таким образом, фактически они были загружены всего на 10%. Причиной такого диссонанса явилась банальная неразвитость путей сообщения.

В середине XIX в. данная губерния еще не была соединена железной дорогой с центральными губерниями империи и на ее территории не было судоходных артерий, которые обеспечивали бы вывоз хлеба, в связи с чем цены на зерновые здесь были зачастую вдвое меньшими, чем в соседних Симбирской и Самарской губерниях, которые могли торговать, используя Волжский бассейн. Такая ситуация привела к более сильной развитости обрабатывающей промышленности в этих губерниях по сравнению с упомянутыми выше, в том числе винокуренного производства, которое обеспечивало переработку излишков зерна и, по сути, было обусловлено сложившейся на тот момент торгово-экономической конъюнктурой, а не прихотью богатых землевладельцев.

Кроме того, взимание питейного сбора при откупной системе единообразно не отличалось и неравномерно распределялось «в разных частях империи»³⁴. Исходя из этих соображений, было принято решение о введении акцизной системы, которая должна была упорядочить питейные сборы, сделав их единообразными по всей стране.

Размер акцизного сбора был «соразмерен силе и продолжительности действия заводов»³⁵. Причем в отличие от акциза со спирта, вина и водок, взимаемого по мере их продажи, акциз с винокурения «вносился, за время их действия, вперед»³⁶. Новая система была направлена на то, чтобы винокуренные заводы были переоборудованы, а их производственные циклы стали более сбалансированными: ведь при единообразном взимании питейного сбора наибольшую прибыль получит тот, кто сможет уменьшить издержки производства.

Названные нововведения отрицательно сказались на положении дел в винокуренном производстве средневожских губерний. С 1862/63 хозяйственного года по 1863/64 хозяйственный год объемы производства заметно упали – с 2 520 908 ведер спирта до 2 315 462 ведер, или на 8,2 %, сократились и объемы потребления главного на тот

³² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 17. Пензенская губерния. Ч. 2. СПб, 1867. С. 12.

³³ Лесков Н.С. Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния) // Отечественные записки. СПб, 1861. Т. СXXXV. С. 421-422.

³⁴ Положение о питейном сборе от 04.07.1861 г. // ПСЗ-II. Т. XXXVI. № 37197.

³⁵ Там же. Ст. 4.

³⁶ Там же. Ст. 7.

момент сырья – муки – с 6 901 618 до 6 085 318 пудов, или на 11,9 %. Необходимо отметить, что спад в винокуренном производстве произошел в большей мере по вине Пензенской губернии, которая занимала ведущее положение в данной отрасли исследуемого региона, сосредоточив у себя 43,2 % от всего объема производимого в средне-волжских губерниях спирта: так, здесь количество произведенного спирта сократилось с 1 433 891 до 1 111 686 ведер³⁷.

Винокуренное производство зависело от многих факторов: урожайности зерновых культур, ситуации на рынке, наличия требуемой рабочей силы и т. д. В конечном счете решение об открытии производства принималось самим владельцем, и если ему по каким-либо причинам казалось, что в этом году выкурка прибыли не принесет, то завод мог вообще не начать функционировать. Причем в первые пореформенные годы такое явление было достаточно распространенным. Например, в Пензенской губернии в 1863 г. числились 84 винокуренных завода, из них функционировал только 71³⁸. К 1869 г. числилось уже 80 заводов, а выкурку проводил только 31 из них³⁹.

Однако, несмотря на все трудности пореформенного времени, винокурение продолжало оставаться крайне выгодным видом хозяйственной деятельности в среде поместного дворянства, представители которого производили миллионы литров спирта, что приносило им значительный доход. Например, у одного из самых крупных землевладельцев Пензенской губернии графа М. А. Воронцова-Шувалова, владевшего имениями «Нижний Шкафт» (площадью 50 673 дес.) и «Казачья Петельма» (2 276 дес.)⁴⁰, имелся Нижне-Шкафтский винокуренный завод с оборотом в 23,7 тыс. руб.⁴¹ У надворного советника С. П. Шелашникова в Бугульминском уезде Самарской губернии в имении имелся винокуренный завод, на котором в 1877 г. было выкурено 2 602 662 градуса спирта, оборот составил 208 813 руб., здесь при 8 квасильных чанах, 1 заторе и 2 бражных кубах трудились 35 рабочих⁴². На заводе полковника Д. С. Осоргина в Бугурусланском уезде той же губернии в 1882 г. было выкурено 153 тыс. ведер спирта,

³⁷ Статистический временник Российской империи / ЦСК МВД, СПб, 1866. Сер. I. Вып. 1. С. 36-37.

³⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 10. Л. 8.

³⁹ Там же. Оп. 7. Д. 43. Л. 6 об.

⁴⁰ *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 27.

⁴¹ Там же. С. 48.

⁴² ЦГА СО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 56 об.-57.

и оборот был довольно большим – 168 300 руб.⁴³ Упомянутая нами марка Е. М. Паулуччи со своего винокуренного завода, расположенного в Свияжском уезде Казанской губернии, получала прибыль до 35 000 руб., выкуривая 63 тыс. ведер спирта⁴⁴. Шумбутский винокуренный завод Л. Я. Лихачева в Лаишевском уезде производил 90 тыс. ведер спирта на сумму до 30 000 руб. при 30 рабочих⁴⁵. У А. П. Родионова в имении при с. Вешкайм Карсунского уезда Симбирской губернии имелся винокуренный завод, на котором 43 рабочих выкуривали спирта на сумму 25 000 руб.⁴⁶ Надворный советник А. Ф. Елачич в имении, расположенном в с. Павловка Бугульминского уезда Самарской губернии, содержал винокуренный завод, на котором трудились 57 рабочих и выкуривалось спирта более чем на 80 000 руб.⁴⁷ В имении потомственного дворянина В. Н. Поливанова при с. Акшут Карсунского уезда Симбирской губернии на винокуренном заводе, построенном еще в 1835 г., при 50 рабочих выкуривалось спирта на сумму свыше 20 000 руб.⁴⁸

Тем не менее успехи отдельных хозяев в винокурении не смогли предотвратить тенденции к сокращению количества винокуренных заводов. К 1892 г. в Среднем Поволжье функционировало всего 57 подобных предприятий (из них в Пензенской губернии – 30, в Симбирской – 12, в Казанской – 9, в Самарской – 6), на которых трудились 2 346 человек, годовая сумма производства составляла 2 871 тыс. руб.⁴⁹

Новые правила в области винокуренного производства в совокупности с другими экономическими мерами, направленными на выравнивание прав сословий в экономической сфере, привели к упадку дворянского хозяйства и быстрому сокращению дворянского землевладения, что стало заботить руководящие круги, видевшие в поместном дворянстве свою опору на местном уровне. Приход к власти Александра III ознаменовался усилением внимания к нуждам дворянства. Разработанные в 1890 г. «Меры к поощрению сельскохозяйственного винокурения», как и многие нормативные акты, принятые в период его правления, были направлены на поддержание поместного дворянства. Новые правила отменили с 1 июля 1891 г. безакцизный перекур на всех винокуренных и дрожжево-винокуренных заводах. Взамен этого

⁴³ Там же. Д. 22. Л. 16-16 об.

⁴⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 357.

⁴⁵ Там же. С. 365.

⁴⁶ Там же. С. 400.

⁴⁷ Там же. С. 433-434.

⁴⁸ Там же. С. 443.

⁴⁹ Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1892 год. СПб, 1895. С. 36, 84, 98, 108.

на всех винокуренных заводах были установлены в пользу заводчиков безакцизные отчисления в размере: до 1 млн градусов – 2 %, от 1 млн до 3 млн градусов – 1,5 % и от 3 млн до 12 млн градусов – 0,5 %, помимо этого, заводы, осуществлявшие так называемую «сельскохозяйственную выкурку», помимо общих льгот, могли рассчитывать на дополнительные безакцизные отчисления со спирта в размере: до 5000 тыс. градусов – 4 %, от 500 тыс. до 1 млн градусов – 2 %, от 1 млн до 3 млн градусов – 1 % и от 3 млн до 6 млн градусов – 0,5 %. Под «сельскохозяйственной» признавалась выкурка, осуществлявшаяся «в период 200 заторных дней, между 1 сентября и 1 июня, и в общей сложности не превышающая 75 ведер 40-градусного спирта на каждую десятину пахотной земли имения⁵⁰. Таким образом, преимущество получили уже небольшие винокуренные заводы, располагавшиеся при имениях и занятые переработкой собственной сельхозпродукции, что привело к увеличению их численности.

Положительную роль сыграло и технологическое нововведение: спирт стали изготавливать не только из хлебных продуктов, но и из картофеля, который во второй половине XIX в. постепенно становился важным сырьем в помещицьем винокурении. Так, в Пензенской губернии в 1862/63 хозяйственном году для производства спирта были употреблены 3 844 301 пуд муки и только 8 788 пудов картофеля⁵¹, в 1882/83 хозяйственном году – 2 077 008 пудов пшеницы и уже 1 362 672 пуда картофеля⁵², к 1899 г. приоритеты изменились: перерабатывалось только 583 466 пудов зернового хлеба, а картофеля – 2 460 767 пудов⁵³, а в 1905 г. на производство спирта в Пензенской губернии употребили всего 366 698 пудов зернового хлеба и 6 394 279 пудов картофеля⁵⁴. Таким образом, в начале XX в. на винокуренных заводах губернии картофеля было переработано почти в 20 раз больше, чем зерна.

В целом винокурение в Среднем Поволжье являлось одним из основополагающих видов перерабатывающей промышленности, вокруг которого складывалась система поставщиков сырья, переориентировавших свои хозяйства на обслуживание этих заводов. Увеличение объемов производства в районах винокурения могло положительно

⁵⁰ О мерах к поощрению сельскохозяйственного винокурения: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 04.06.1890 г.// ПСЗ-III. Т. X. № 6888. Ст. II.

⁵¹ Статистический временник Российской империи. СПб, 1866. Сер. I, вып. 1. С. 37.

⁵² Статистический временник Российской империи Сер. III, вып. 8. Сборник сведений по России. СПб, 1886. С. 250-251.

⁵³ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7073. Л. 34.

⁵⁴ *Тюстин А. В.* Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М., 2004. С. 157-158.

влиять на развитие торгового земледелия (увеличение посевов картофеля), животноводства (увеличивался откорм скота отходами производства), расширение сферы применения вольнонаемного труда. Кроме того, винокурение долгое время положительно влияло на хлебный рынок средневожских губерний.

Таким образом, дворянская промышленность Среднего Поволжья была тесным образом связана с переработкой сельскохозяйственной продукции, обусловив тем самым развитие таких отраслей дворянской промышленности, как суконное производство и винокурение. Исходя из объемов производства, самой развитой отраслью промышленности, получившей широкое распространение в дворянских хозяйствах региона, являлась суконная промышленность, которая в исследуемый период продолжала играть важную роль в общей структуре торгово-промышленной деятельности сословия. Вторым по распространенности видом торгово-промышленного предпринимательства поместных дворян региона было винокурение. Данный вид деятельности являлся одним из основополагающих видов перерабатывающей промышленности, вокруг винокуренных заводов складывалась целая система поставщиков сырья, переориентировавших свои хозяйства на обслуживание этих заводов. Кроме того, увеличение объемов производства в районах винокурения положительно влияло на развитие торгового земледелия (увеличение посевов картофеля и различных зерновых), животноводства (отходы производства шли на корм скота), расширение сферы применения вольнонаемного труда.

Библиография

1. *Ауновский В.А.* Симбирский сборник. Симбирск: Тип. губерн. правления, 1870. Т. 2. 446 с.
2. *Лесков Н.С.* Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния) // Отечественные записки. СПб: Тип. И. Глазунова и Ко, 1861. Т. СXXXV. С. 419-444.
3. *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. М.: Наука, 1971. 143 с.
4. *Тюстин А.В.* Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М.: Дарин, 2004. 528 с.
5. *Федосеев Р.В.* Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2016. 404 с.
6. *Шкунов В.Н.* Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII – XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2011. 200 с.

Г.Н. Шумкин¹
Т.Г. Шумкина²
Екатеринбург

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ В ОТРАЖЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ ГОРНОГО УЧЕНОГО КОМИТЕТА³

В статье анализируется статистика Горного ученого комитета как источник по истории военного производства на казенных горных заводах. Выделено три этапа в развитии данного источника, его особенности. Сделан вывод о том, что Горный ученый комитет в своих изданиях должен был отражать выполнение военных заказов на горных заводах; но при этом статистические данные старались привести в соответствие с принятыми правилами, указывали общий вес, а не количество произведенной продукции. Статистические обзоры Горного ученого комитета можно использовать как источник по производству вооружения только в сочетании с другими материалами.

Ключевые слова: источник, статистика, горнозаводская промышленность, военное производство, казенные горные заводы.

G.N. Shumkin
T.G. Shumkina
Yekaterinburg

MILITARY PRODUCTION OF STATE MINING PLANTS IN REFLECTION OF STATISTICAL REVIEWS MINING SCIENTIFIC COMMITTEE

The article analyzes the statistics of the mining scientific committee as a source on the history of military production at state-owned mining plants. There are three stages in the development of this source, its features. It is concluded that the Mining Scientific Committee in its publications should have reflected the fulfillment of military orders at mining plants; but at the same time, the statistical data tried to bring it in line with the accepted rules, indicating the total weight, and not the amount of products produced. Statistical reviews of the Mining Scientific Committee can be used as a source for the production of weapons only in combination with other materials.

Keywords: source, statistics, mining industry, military production, state mining plants.

Самым известным и авторитетным источником по истории горной и горнозаводской промышленности России XIX – начала XX вв. являются статистические обзоры Горного ученого комитета. Интерес исследователей к ним обусловлен тем, что они представляют собой са-

¹ *Шумкин Георгий Николаевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Россия. E-mail: shumk@mail.ru

² *Шумкина Татьяна Геннадьевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления РАНХиГС. Екатеринбург. Россия. E-mail: shumkina-tg@ranepa.ru

³ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-00611 «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII – начале XX вв.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития».

мую длительную, непрерывавшуюся, ежегодную публикацию горнозаводской статистики в России (первый обзор за 1859 г. вышел в свет в 1862 г., последний обзор за 1911 г. – в 1918 г.), а также тем, что составители «Сборников», по словам одного из них – К.Е. Робука, придерживались «принципа индивидуальности»⁴, т.е. приводили сведения по отдельным предприятиям, что дает возможность выявить в источнике лакуны и ошибки, оценить степень полноты обобщенных показателей.

В этой работе предпринимается попытка оценить статистические обзоры Горного ученого комитета как источник по истории производства вооружения на казенных горных заводах. В государственном горнозаводском хозяйстве выполнением заказов армии и флота занимались уральские заводы, Александровский завод Олонецкого округа и Луганский завод.

Структура, название, способ публикации статистических обзоров Горного ученого комитета неоднократно менялись, но всем им присущи некоторые общие черты.

Первое. Материалами для статистических обзоров служили сведения, «доставляемые в Горный ученый комитет разными учреждениями и лицами по разосланной Комитетом программе»⁵ за период заводского (хозяйственного) года, который длился с 1 мая по 30 апреля. Они не совпадают с данными из отчетов министерств и ведомств (например «Отчетов Горного департамента» или «Отчетов Военного министерства»), охватывавших календарный год (с 1 января по 31 декабря).

Второе. В обзорах Горного ученого комитета публиковалась информация в целом обо всем объеме изготовленной продукции, а не только о той, которая прошла артиллерийскую приемку (только в первой половине 1860-х гг. по Александровскому заводу приводилась информация как о выпущенной продукции, так и о сданной приемщикам). Если исследователь не проверяет эти данные по другим источникам, он может получить ложную картину. Например, в литературе нередко приводятся сведения из обзоров Горного ученого комитета о производстве артиллерийских орудий на Князе-Михайловской фабрике, на основании которых делаются выводы о вкладе фабрики в развитие русской артиллерии⁶. Однако часть этих орудий была забра-

⁴ *Робук К.* О статистических работах горного ведомства и о способах улучшения их постановки // Горный журнал. 1916. № 3. С. 217.

⁵ Горнозаводская производительность России в 1882 году. По офиц. источникам сост. Л. А. Карпинский 1-й. СПб., 1884. С. 4.

⁶ *Гаврилов Д.В.* Роль Златоустовской Князе-Михайловской фабрики в возникновении и утверждении сталепушечного производства в России // Первые Бушувские чтения. Златоуст, 2003. С. 72-76; Рукосуев Е.Ю. Производство артиллерийских орудий

кована, а те, что прошли артиллерийскую приемку, в 1866 г. были сняты с вооружения из-за отсутствия надежных методов контроля качества⁷.

Третье. Специфика военного производства плохо соотносится с целями и приемами статистического учета горнозаводской промышленности. Горный ученый комитет прежде всего вел учет добытых минералов и выплавленных металлов по весу (в пудах). Тех же принципов старались придерживаться, когда регистрировали данные о выпуске предметов вооружения. Однако применительно к военному производству сведения об общем весе малоинформативны. По ним можно проследить общую динамику выпуска продукции в физическом выражении (если продукция достаточно однородна), определить, какая часть металла, выплавлявшегося на заводе, шла на изготовление предметов вооружения; а также сопоставить предприятия по объемам производства. Попытки выделить какую-то иную информацию, не прибегая к другим источникам, малоуспешны. Если же указывался не вес, а количество произведенной продукции, то, как правило, давалась общая цифра, из которой можно извлечь столь же мало информации. Например, как из цифры об общем количестве единиц холодного оружия, изготовленного в Златоусте, понять, сколько было изготовлено клинкового оружия, а сколько пик? Сколько было изготовлено оружия в собранном виде – шашек, сабель, кинжалов, а сколько только в виде клинков? Сколько боевого оружия, а сколько учебного? Сколько оружия для солдат, а сколько для офицеров?

И, в-четвертых, Горный ученый комитет собирал статистику исключительно с научной целью – чтобы оценить состояние горнозаводской промышленности России и определить направление ее развития. Если частное предприятие информации не предоставило, то никаких санкций не следовало (конечно, этого старались не допускать, тем не менее лакуны в обзорах не так уж и редки). На казенных заводах сбор статистической информации был поставлен лучше, однако если показатель не входил в число обязательных, то про него могли «забыть». Например, с конца 1880-х и до 1905 г. Каменский завод изготавливал 6-дюймовые снаряды, однако информация о них попала только в один статистический обзор – за 1905 г.

в Златоустовском горном округе в середине XIX века // Вторые Бушуевские чтения. Златоуст, 2004. С. 72-76.

⁷ Подробнее см: *Шумкин Г.Н.* «Приготавливать орудия, данные в наряд, тем же способом, как и пробную пушку, она положительно не в состоянии». Вклад Князе-Михайловской сталепушечной фабрики в перевооружение русской армии и флота в 1860-х годах // Военно-исторический журнал. 2018. № 10. С. 42-49.

В истории статистических обзоров Горного ученого комитета можно выделить три этапа: 1) обзоры за 1859–1866 гг., 2) за 1867–1881 гг. и 3) за 1882–1911 гг. При этом прослеживаются определенные параллели смены этих этапов с изменением государственной политики в отношении военного производства казенных горных заводов.

Первый период (1859–1866 гг.) пришелся на кардинальную перестройку казенных горных заводов, причинами которой послужили неудовлетворительные результаты их работы во время Крымской войны, начавшаяся гонка вооружений и Великие реформы Александра II. В этот период на Урале было построено пять специализированных военных предприятий: в 1858 г. Николаевский оружейный завод, в 1860 г. Князе-Михайловская сталепушечная фабрика, в 1863 г. Пермский сталепушечный завод, в 1864 г. Пермский чугунопушечный и Камский броневой заводы. В Олонецком округе для усиления металлургической базы Александровского завода, являвшегося главным производителем чугунных орудий, начали строиться Салминский железоделательный и Валазминский чугуноплавильный заводы. Однако попытки в кратчайшие сроки модернизировать оборонные производства нужного результата не дали – на строительство и модернизацию горных заводов были потрачены миллионы рублей, а качество их продукции по-прежнему вызывало нарекания в армии и на флоте. Николаевский оружейный завод проработал только три года и в 1860 г. был остановлен; в 1868 г. прекратила производить стальные орудия Князе-Михайловская фабрика. При этом проблема обеспечения армии и флота современным вооружением оставалась нерешенной.

Второй этап (1867–1881 гг.) совпал с изменением правительственной политики в отношении казенного горного хозяйства: не отказываясь от развития военных производств, правительство решило минимизировать расходы, избавившись от всего того, что не было связано с решением данной задачи. В 1870-х гг. были проданы Богословский и Вятский горные округа на Урале и ряд заводов в Польше, сданы в аренду золотые промыслы, закрыты Монетный двор и Механическая фабрика в Екатеринбурге, остановлен Камский броневой завод. Однако приватизация предприятий не дала того эффекта, на который рассчитывало правительство.

На третьем этапе (с 1882 г.) политика по передаче в частные руки и ликвидации предприятий постепенно сворачивается (тем не менее в этот период военному ведомству был передан Луганский чугунолитейный завод, сданы в аренду Юговской медеплавильный завод, Алагирский сребросвинцовый завод на Кавказе, цинковые и железоделательные заводы Польши, Нижнеисетский железоделательный за-

вод, остановлены Валазминский и Кончозерский заводы Олонецкого округа). При этом новые заводы в данный период не строились. Благодаря общему протекционистскому курсу военное производство на горных заводах получило дополнительный импульс развития, а отношения с военными ведомствами, по мнению горных чиновников, вновь стали «нормальными».

На первом этапе (1859–1866 гг.) форма подачи статистических материалов, наименование обзоров, способ публикации еще не сформировались. Обзоры за 1859–1861 гг. были включены в «Памятные книжки для русских горных людей» на 1862 и 1863 гг.⁸ В 1864–1867 гг. издавался особый «Сборник статистических сведений по горной части», в который попали обзоры за 1862–1865 гг.⁹ Обзор за 1866 г. был опубликован в «Горном журнале» под названием «Горнозаводская производительность России»¹⁰. Информация в этих обзорах подавалась в виде текста; исключения составили данные за 1860 и 1861 гг., представленные в форме таблицы. До 1863 г. статистические сведения приводились отдельно по каждому заводу; с 1864 г. – обобщенно по округам. Благодаря неформализованной манере подачи информации приводились данные о различных специфических аспектах производства. Все обзоры содержат сведения о числе рабочих, а также показатели по выпуску продукции. Обзоры за 1859 и 1863 гг. включают информацию об оборудовании заводов; обзоры за 1864–1865 гг. – данные о новых постройках, что особенно важно, учитывая развернувшееся строительство новых предприятий. Что касается их деятельности, то она освещена в обзорах достаточно подробно, за исключением Николаевского оружейного завода – сведения о производстве на нем ружей в обзоры за 1859–1860 гг. не попали. Ко времени подготовки к печати этих обзоров он уже прекратил свою деятельность и, видимо, для того, чтобы не привлекать внимание читателей к неудачному проекту горного ведомства, информацию о нем решили не публиковать. Сведения об этом заводе появляются только в обзоре за 1864 г., где говорится о выделке снарядных трубок.

Данные о выпуске продукции сгруппированы по отраслям: «чугуноплавильное и чугунолитейное производство», «железоделательное

⁸ Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб., 1862; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863.

⁹ Сборник статистических сведений по горной части на 1864 год. СПб., 1864; Сборник статистических сведений по горной части на 1865 год. СПб., 1865; Сборник статистических сведений по горной части на 1866 год. СПб., 1866; Сборник статистических сведений по горной части на 1867 год. СПб., 1867.

¹⁰ Горнозаводская производительность России в 1866 заводском году (с мая 1866 по май 1867 года) // Горный журнал. 1868. № 8. С. 310 – 341; № 9. С. 461 – 488.

производство» и «стальное производство». По чугуноплавильному и чугунолитейному производству указывались сведения об общем весе чугунных орудий и снарядов и агрегатах, в которых они были отлиты. Орудия отливались из чугуна, переплавленного в отражательных (воздушных) печах; для литья снарядов использовались как вагранки, так и отражательные печи, а Каменский и Златоустовский заводы отливали снаряды прямо из домен. В этот период 2/3 общего веса чугунных орудий изготовлялось Александровским заводом Олонцкого округа, 1/3 – Каменским и Верхнетуринским заводами. Вес произведенных снарядов распределялся примерно поровну между Александровским заводом и уральскими заводами (47 – 49%); доля Луганского завода была невелика – около 5% общего веса отлитых снарядов.

Большая часть продукции железоделательного производства предназначалась для армии и флота, но из материалов источника понять, какая доля железа выпускалась по заказам военного и морского министерств, а какая отправлялась на Нижегородскую ярмарку, невозможно. Однако в ассортименте железоделательного производства была продукция прямого военного назначения. В основном ее производил Воткинский завод, являвшийся в то время крупнейшим железоделательным предприятием России; он изготовлял железные суда (баржи, флашкоуты, канонерские лодки), ридеры (брусья, скреплявшие деревянные корпуса кораблей), цистерны, якоря и якорные цепи, картечные поддоны, мортирные станки и др. В 1864 г. в округе Воткинского завода был построен Камский броневой завод, который стал катать из пудлингового железа броневые листы для броненосцев и береговых батарей. Другие заводы изготовляли лафетную оковку, картечные поддоны (Златоустовский и Саткинский), якоря (Серебрянский завод). Из уникальных изделий следует отметить опытные железные пушки, изготовленные Екатеринбургской механической фабрикой в 1860 г. В 1859–1867 гг. общий вес военной продукции железоделательного производства вырос с 40 до 87 тыс. пуд., доля железа, которая пошла на ее производство, выросла с 5 до 10%.

Наиболее важные изменения в данный период были связаны со сталелитейным производством – практически вся сталь, изготовленная на казенных горных заводах, шла на производство вооружения. В начале рассматриваемого периода крупнейшим сталелитейным предприятием была Златоустовская оружейная фабрика, изготовлявшая холодное оружие и кирасы. В 1860 г. при ней была построена Князе-Михайловская сталелитейная фабрика, на которой было организовано производство стальных орудий, ружейных стволов и др. В 1863 г. был пущен Пермский сталепушечный завод. В 1859–1865 гг.

производство стали на казенных горных заводах выросло с 43 до 110 тыс. пуд.

На втором этапе (1867–1881 г.) был выработан формуляр статистического обзора. Переходной формой является обзор за 1866 и 1867 г., опубликованный в 1869 г. в «Горном журнале». В нем информация о выпуске продукции по горнозаводским округам была оформлена в таблицы по отраслям горнозаводского хозяйства. Производство вооружения было скомпоновано в две таблицы: «Производство орудий и снарядов» и «Производство разных артиллерийских припасов».

В следующем обзоре, за 1868 г., была выработана форма подачи материалов, которая просуществовала вплоть до 1881 г. Обзоры под названием «Горнозаводская производительность России» публиковались в «Горном журнале». Статистические данные сведены в таблицы по отраслям производства, но сведения о производстве вооружения представлены в виде особого перечня «Производительность железных, чугунных, медных и др. изделий». Вначале приводились сведения в целом, без разбивки по заводам, а с обзора за 1875 г. – с указанием заводов. С отчета за 1877 г. стали приводиться сведения также и по частным заводам – Обуховскому и Путиловскому и др. Из них видно, что общий вес стальных орудий, изготовленных Обуховским заводом, превышал вес орудий, изготовленных на Пермском пушечном, в 2–3, а в отдельные годы в 7–9 раз. Что касается чугунных орудий, то до Русско-турецкой войны основным производителем оставался Александровский завод, на долю которого приходилось 55–78% веса отлитых орудий, доля Пермского пушечного завода, соответственно, составляла 22–45%. В 1881 г. производство орудий в Олонецком округе было остановлено; с этого времени в государственном горнозаводском хозяйстве артиллерийские орудия производились только на Пермском заводе.

В 1875–1885 г. около 2/3 веса чугунных снарядов приходилось на уральские заводы, 19% – на Луганский и 18% – на Александровский завод Олонецкого округа. Но во время Русско-турецкой войны 3/4 всех снарядов казенных горных заводов было отлито в Луганске – на ближайшем к театру военных действий заводе. В 1885 г. Луганск перешел в военное ведомство и был перепрофилирован под производство винтовочных патронов. В «Горнозаводской производительности России» имеется информация, которая не встречается по другим опубликованным источникам, – это статистика производства винтовочных стволов и коробок на Пермском, Златоустовском и Обуховском заводах.

Начиная с обзора за 1873 г., в аналитической записке, которая предваряла таблицы с данными о выпуске продукции, стали приводиться

сведения о доходах правительства от горной промышленности. В 1869–1883 гг. «оборотные» доходы (т.е. доходы, полученные «от выполнения нарядов министерств: военного, морского и путей сообщения») в среднем составляли 55% от общей стоимости продукции казенных горных заводов, оставшиеся 45% приходились на «горные доходы» (доходы от продажи продукции на рынке). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. доля «оборотных» доходов выросла до 70%.

На третьем этапе (1882–1911 гг.) статистический обзор горнозаводской промышленности стал выходить в виде отдельного издания. В 1883 г. в Горном ученом комитете «был возбужден вопрос о необходимости подробного экономического изучения... горного промысла»¹¹ и об учреждении специального статистического бюро («подобного существующим в других ведомствах»). Собираемые им сведения должны были стать основой для выработки государственной политики в отношении горнозаводской промышленности. Эту идею поддержал министр государственных имуществ М.Н. Островский, и «Горнозаводская производительность России за 1882 г.» вышла в виде отдельного издания. С 1885 г. статистический обзор стал издаваться под новым названием — «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России». «Сборники» состояли из двух отделов: в первом анализировалось состояние горнозаводской промышленности России; второй раздел представлял собой таблицы со статистическими данными. Сведения о военной продукции приводились в виде примечаний к таблице «Металлические изделия». Размещение «на полях» открывало возможность публиковать информацию, не соответствующую формальным требованиям таблиц, а именно – предоставлять данные о количестве и типах производимого вооружения. Но поскольку места под примечания выделялось мало, как правило, приводились обобщенные сведения (общее количество и вес). Специально выделялось только то, что считалось наиболее важным. Например, в 1893, 1895–1899 гг. указывалось не только общее количество холодного оружия, произведенного в Златоусте, но и сколько именно было выпущено шашек, кинжалов, клинков и пик. В 1890-е гг. Пермский пушечный завод особо выделил производство 11-дюймовых чугунных пушек (это самые мощные орудия, изготовленные на нем в это время). Кроме того, формат сноски позволял не давать информацию о произведенном вооружении – лакуны встречаются по всем заводам.

¹¹ Горнозаводская производительность России в 1882 году. По офиц. источникам сост. Л. А. Карпинский 1-й. СПб., 1884. С. 3.

Таким образом, статистические обзоры Горного ученого комитета являются весьма специфичным источником по истории военного производства на казенных горных заводах Урала. С одной стороны, Горный ученый комитет в своих изданиях не мог не отразить выполнение военных заказов, поскольку это являлось одной из основных функций казенных горных заводов. Но, с другой стороны, статистические данные старались привести в соответствие с правилами, принятыми в Горном ученом комитете, – старались указывать общий вес, а не количество произведенной продукции, исключение составили сведения за 1882–1911 гг., но поскольку они приводились в качестве дополнительной, уточняющей информации, в них имеется немало пробелов. Вследствие этого статистические обзоры Горного ученого комитета как источник по производству вооружения на казенных горных заводах можно использовать только в сочетании с другими источниками.

Библиография

1. *Гаврилов Д.В.* Роль Златоустовской Князе-Михайловской фабрики в возникновении и утверждении сталепушечного производства в России // Первые Бушуевские чтения. Златоуст, 2003. С. 72–76.
2. *Робук К.* О статистических работах горного ведомства и о способах улучшения их постановки // Горный журнал. 1916. № 3. С. 210–235.
3. *Рукоусев Е.Ю.* Производство артиллерийских орудий в Златоустовском горном округе в середине XIX века // Вторые Бушуевские чтения. Златоуст, 2004. С. 72–76.
4. *Шумкин Г.Н.* «Приготовлять орудия, данные в наряд, тем же способом, как и пробную пушку, она положительно не в состоянии». Вклад Князе-Михайловской сталепушечной фабрики в перевооружение русской армии и флота в 1860-х годах // Военно-исторический журнал. 2018. № 10. С. 42–49.

Р.Р. Гарифзянов¹
Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ г. ТРОИЦКА)

Статья посвящена развитию образования на Южном Урале на примере г. Троицка Челябинской области. В ней автор постарался рассмотреть историю большей части учебных заведений г. Троицка. Как удалось выяснить, г. Троицк был первым очагом зарождения образованности на Южном Урале. Именно в нем открывают первое военное учебное заведение на Южном Урале – инженерную школу (1751 г.) и первоерелигиозное учебное заведение в регионе – церковную школу при церкви Живоначальной Троицы (1757 г.). Вспомним и мужскую классическую гимназию (1873 г.). Много ли уездных городов Российской империи имели свою гимназию? Троицк же имел, и даже две: мужскую и женскую. Неспроста многие историки именуют г. Троицк «степным Петербургом», который к концу XIX в. стал настоящим культурным и просветительским центром Южного Урала.

Ключевые слова: Троицк, Южный Урал, учебные заведения, просветительский центр, инженерная школа, гимназия.

R.R. Gharifzyanov
St. Peterburg

THE HISTORY OF EDUCATION DEVELOPMENT IN THE SOUTH URALS (ON THE EXAMPLE OF g. TROITSK)

The article is devoted to the development of education in the Southern Urals on the example of the city of Troitsk, Chelyabinsk region. In it, the author tried to consider the history of most of the educational institutions in Troitsk. As we managed to find out, the city of Troitsk was the first center of the birth of education in the South Urals. It was there that the first military educational institution in the South Urals was opened - an engineering school (1751) and the first religious educational institution in the region - the church school of the pr and church of Zhivon Achalnaya Troyitsa (1757). I also remember the men's classic anthem of Asia (1873). How many uyezd cities of the Russian Empire had their anthem asia? Troitsk had, and even two: male and female. There are many history of the names of the comfort of the city of Troitsk as the "steppe Petersburg", which by the end of the 19th century. became a real cultural and lighting center of the South Ural.

Keywords: Troitsk, South Ural, educational institutions, educational center, engineering school, gymnasium.

«Жемчужина южного Урала» или «город-музей под открытым небом». Такие определения города Троицка Челябинской области известны каждому из его жителей. К примеру, даже в столичном еженедельнике «Неделя» в статье, посвященной г. Троицку, есть такие строки: «Троицк – уникальный город... город-сокровище...»².

¹ *Гарифзянов Рамиль Рафисович* – студент института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Ya_ramon@mail.ru

² *Скобелкин Е. И., Шамсутдинов И. В.* Возвращаясь к прошлому. Троицк: ТЭМП, 1993. С. 7.

Действительно, г. Троицк имеет уникальную историю и такую же архитектуру. Начнем с того, что Троицкая крепость была самой большой крепостью Уйской укрепленной пограничной линии. Именно под ней было разбито войско Емельяна Пугачева. Именно она в итоге стала торговой столицей Южного Урала и настоящими воротами из Европы в Азию. Долгие годы город рос и развивался. Троицкая ярмарка была одной из самых крупных ярмарок Российской империи. Троицк являлся настоящей культурной столицей Южного Урала, учебные заведения которого зачастую строились раньше, чем в губернских городах. Неспроста многие историки именуют г. Троицк «степным Петербургом».

Со временем Троицк становится культурным центром Южного Урала. Открываются церковно-приходские школы, начальные школы, уездное училище (1835), приходское училище (1839), женское училище (1861), училище для киргизских (казахских) детей (1861). Женское училище в 1871 г. становится прогимназией. В сентябре 1873 г. в городе открывается классическая мужская гимназия. Существует женская гимназия. Открывается знаменитое медресе «Расулия» (1884), которое названо по имени её основателя — известного башкирского религиозного деятеля Зайнуллы ишана Расулева. Помимо него, в г. Троицке было еще около полутора десятка мусульманских учебных заведений. В 1879 г. открылась первая библиотека в Оренбургской губернии. Таким образом, во второй половине XIX в. г. Троицк в полной мере становится настоящим культурным и просветительским центром Южного Урала.

Первоначально основным населением Троицкой крепости были военные чины. Неудивительно, что первые учебные заведения в Троицке были открыты именно военным ведомством³. Первым из таких учебных заведений благодаря хлопотам И.И. Неплюева стала инженерная школа для подготовки военных специалистов в сооружении оборонительных укреплений⁴, открытая в 1751 г.⁵ Можно сказать, что именно с Троицкой инженерной школы начинается история военных учебных заведений Южного Урала. Данное учебное заведение было сугубо светским и давало образование выше начального. В него принимали только тех учеников, кто уже овладел грамотой. Будущим военным строителям в школе преподавали геометрию, тригонометрию, инженерное дело и планировку⁶.

³ *Гизатуллин Р.Н.* От солдатской школы до классической гимназии. История учебных заведений дореволюционного Троицка. Челябинск: «Край Ра», 2018. С. 19.

⁴ *Алекторов А.Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883. С. 42.

⁵ *Гизатуллин Р.Н.* От солдатской школы до классической гимназии. С. 34.

⁶ Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 год / Издание Губернского Статистического Комитета. Оренбург: Типо-лит. Губернского Правления. 1894. С. 14.

Однако г. Троицк очень рано утратил свое первоначальное воен-но-оборонительное предназначение, превратившись из порубежной крепости «в торгово-ярмарочный город, в уездный центр, в центр третьего отдела Оренбургского казачьего войска»⁷. В совокупности все это и наложило своеобразный отпечаток на состав населения, на быт горожан, на их житейские потребности. Одной из таких потребностей, по мнению Е.И. Скобелкина и И.В. Шамсутдинова, явилось приобщение троичан к грамоте. Действительно, учитывая специфику г. Троицка, без азов грамоты нельзя было вести коммерческие дела или исполнять мелкие чиновничьи обязанности.⁸

Именно поэтому не только в центральной части города, но и в его слободах и предместьях, во всех церковных приходах действовали приходские училища, а при мечетях основывались медресе. Помимо теологии, в данных учебных заведениях изучались первоосновы арифметики, необходимые для ведения коммерческих дел. «Эти учебные заведения давали в основном кадры будущих приказчиков, оптовых скупщиков, коммивояжеров (рыночный посредник – Р. Г.), прасолов (оптовый скупщик скота – Р. Г.), маклеров (торговый посредник – Р. Г.), мелких канцеляристов»⁹.

Вторым учебным заведением г. Троицка стала церковная школа при церкви Живоначальной Троицы (позже Свято-Троицкий собор), открытая там в 1757 г. Стоит отметить, что первое учебное заведение, подобное Троицкому, в соседней Челябинской крепости открылось лишь спустя два десятилетия¹⁰.

По прошествии двадцати лет, когда в Челябинске открыли лишь первое религиозное заведение, в Троицке открывают уже второе. На этот раз мусульманское. По мнению Р.Н. Гизатуллина, его открытие состоялось в 1787 г.¹¹. Открылось оно при первой соборной мечети, построенной двумя годами ранее, по решению самой императрицы¹². В 1820 г. мечеть была снесена и в 1828 г. построена на новом месте. В этом же году в ней заново открылось медресе¹³.

Если в постройке духовных учебных заведений Троицк преуспел, то в гражданских отстал от своих наиболее развитых соседей по региону.

⁷ Скобелкин Е.И. Возвращаясь к прошлому. С. 136.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Гизатуллин Р.Н. Указ.соч. И С. 34.

¹¹ Там же. 38.

¹² РГАДА. Ф.16. Д.989. ЛЛ.3-3 об.

¹³ Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX веков). М.: Марджани, 2011. С. 5.

Например, в Перми первое уездное училище открылось в 1811 г., в Челябинске – в 1833 г. В Троицке же первое уездное училище открылось в 1835 г.¹⁴.

17.08.1882 г. уездное училище было преобразовано в городское училище и получило новое название – «Первое городское двухклассное училище»¹⁵. Второе такое учреждение открылось в Троицке уже в начале следующего века, в 1907 г., и в отличие от своего «собрата» было четырехклассным.

В оренбургской газете за 1846 г. Янушкевич пишет, что «учебных заведений в городе Троицке, подлежащих ведомству Министерства народного просвещения, два: одно уездное, а другое приходское училище»¹⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что 1830-е годы Министерство народного просвещения начинает активно способствовать развитию светского образования в г. Троицке. Точную дату открытия Николаевского приходского училища приводит Р.Н. Гизатуллин, называя 1839 г.¹⁷.

Таким образом, благодаря открытию в Троицке двух училищ количество грамотного населения к 1870 г. стало равняться 33% от общего числа горожан. То есть практически треть населения г. Троицка была образованной, в то время как количество грамотного населения Урала составляло всего 5-6%. Также стоит обратить внимание на то, что в том же 1870 г. женщины составляли более 40% от общего числа грамотных¹⁸. И это неудивительно, ведь в Троицке, никогда не отстававшем от новых образовательных тенденций, появилось одно из первых на Южном Урале женских училищ.

30 мая 1858 г. было утверждено «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения». И спустя три года, 21 ноября 1861 г., в Троицке было открыто женское училище второго разряда¹⁹.

¹⁴ Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Санкт-Петербург: Деп. нар. просвещения, 1913. С. 109 - 110.

¹⁵ *Архангельский И.И.* Материалы для истории города Троицка (1743-1891гг.) // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Т. VI. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1900. С. 46.

¹⁶ *Янушкевич.* Современный взгляд на уездный город Троицк // Оренбургские губернские ведомости. 1846. № 15/16, часть неофиц. С. 173.

¹⁷ *Гизатуллин Р.Н.* Указ.соч. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ *Лавровский В.* Статистическое описание прихода Градо-Троицкого собора // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 12. С. 457.

Первые пятьдесят две ученицы вошли в собственное здание школы, приобретенное «за счет добровольных складок местных обывателей»²⁰. Удивительно о, что троичане пошли на такой шаг, ведь обучение в этом заведении стоило немалых денег. Так, например, В.Ф. Ильин отмечал, что, если «содержание приходского училища обходится городу в 480 рублей, женское училище содержится на счет купеческого и мещанского общества с участием домовладельцев разных сословий и обходится ежегодно в 1145 руб.»²¹.

Родители, имеющие возможность, начали свозить своих дочерей в Троицкое женское училище со всех окрестных уездов. Таким образом, в 1864/65 уч. г. в нем обучалось 95 девочек, в то время как в уездном училище было 69 мальчиков, а в приходском 94. В 1865/66 уч. г. в женском училище было уже 111 учениц, в 1867 г. – 116, в 1868 г. – 74, в 1869 г. – 78²², в 1870/71 уч. г. – 78²³.

Говоря о следующем учебном заведении, нужно вспомнить национальную и географическую специфику г. Троицка. Он граничил с казахскими племенами, коих в здешних краях кочевало немало, и был их административным центром (большой части территорий современной Костанайской области). В результате чего по ходатайству подполковника Д.С. Жуковского в 1861 г. было основано «Киргизское» училище.²⁴

Помимо казахов, в Троицке проживало до 32% татар, а процент мусульманского населения в целом доходил до 42%. Неспроста Троицк называли «полутатарским, полукупецким» городом²⁵. Именно поэтому в Троицке было около полутора десятков мусульманских учебных заведений. Так, при каждой мечети г. Троицка имелось свое духовное училище (медресе) и своя школа (мектеб). И если в Троицке было семь мечетей, то мусульманских учебных заведений в нем было порядка четырнадцати. Пятнадцатой была русско-татарская школа, открытая в 1870 г. и реорганизованная в один общий класс для учащихся всех медресе, в котором приходящие шакириды (студент, обучающийся в

²⁰ *Ильин В.Ф.* Статистические заметки о г. Троицке // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. Оренбург: Издание Оренб. губ. стат. комитета, 1864. С. 9.

²¹ Там же. С. 19.

²² *Архангельский И.И.* Материалы для истории города Троицка (1743-1891 гг.) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. VI. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1900. С. 28-34.

²³ Справочная книжка Оренбургской губернии на 1871 год / Издание Губернского статистического комитета. Оренбург: Типо-лит. Губернского Правления, 1871. С. 46.

²⁴ Там же. С. 61.

²⁵ *Аблина Н.А.* На перекрестке времен и судеб: Троицку – 265 лет. Троицк: «Челябинский дом печати», 2008. С.61.

мусульманском учебном заведении) изучали основы ислама, русский язык и арифметику²⁶.

Важной вехой истории мусульманских заведений г. Троицка является открытие в нем известнейшего медресе «Расулия» при пятой мечети. Как пишет Р.Н. Гизатуллин, «в 1886 г. на средства казахского купца Алтын Сарина были построены деревянные здания учебного корпуса и общежития для шакирдов».

В 1891 г. имам-хатыбом мечети становится второй мулла-шейх Зайнулла Расулев (1883-1917 гг.). Это позволило З. Расулеву приступить к реформированию медресе, получившего название «Расулия». Учебное заведение содержалось на частные пожертвования мусульманского населения и самого З. Расулева. Уже в 1893 г. Расулев ввёл звуковой метод обучения, классно-урочную систему, преподавание ряда светских дисциплин.

Многие шакириды «Расулии» увлекались поэзией, музыкой, пением, и это неудивительно, ведь среди педагогов были известные музыканты, певцы, фольклористы. Вероятно, поэтому многие выпускники «Расулии» также стали известными поэтами, музыкантами и фольклористами. В целом из этого учебного заведения вышло много людей, ставших в будущем весьма известными.

Что касается мусульманских школ для девочек, то в Троицке их было порядка шести. Интенсивное их открытие началось после буржуазной революции 1905-1907 гг. Так, в период 1909-1911 гг. в Троицке открывается целых четыре школы. Последнюю, шестую, открывают в 1914 г. Исходя из этих данных, Р.Н. Гизатуллин делает вывод, что «широкое развитие женского образования в кон. XIX — н ач. XX в. отражало прогрессивные сдвиги в решении женского вопроса в татарском обществе, а мусульманская община г. Троицка благодаря особенностям своего формирования и положения шла в авангарде этого процесса»²⁷.

Отходя от мусульманских учебных учреждений, хочется вспомнить, что в 1871 г. Троицкое женское училище официально реорганизовали в прогимназию. Оно предназначалось для учениц всех сословий и исповеданий²⁸. Начальницей прогимназии была М.М. фон Котц²⁹ (будущая

²⁶ Гизатуллин Р.Н. Мусульманские учебные заведения дореволюционного Троицка. Челябинск: «ЕДП», 2016. С. 41.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1888 год с приложением статистических сведений за предшествовавшие годы и карты губернии. – Оренбург: Типография Б. Бреслина. 1888. – 63 с.

жена директора Троицкой мужской гимназии, а затем женской – И.А. Тихомирова). Свой пост баронесса оставила в 1887 г., сразу же после венчания с И.А. Тихомировым, и посвятила себя полностью семье.

Обучение в данном учебном заведении было очень престижно, и не каждая семья могла себе такое позволить. В конце XIX в. плата за обучение в гимназии обычно составляла около 10-30 р уб., а в прогимназиях – 5-10 руб.³⁰

В 1881 г. в прогимназии обучалось 108 учениц, в 1884 г. – 211, в 1885 г. – 120, в 1890 г. – 105, в 1895 г. – 139, а в 1900 г. – 210³¹. Хотя количество обучающихся и колебалось, потребность в новом здании стояла остро. Так, торжественная закладка нового учебного здания состоялась 1.05.1911г., а переезд в него – в середине 1913 г.³².

16.08.1902 г. Троицкая прогимназия получила статус гимназии. На тот момент в ней трудилось 16 педагогов и обучалось 382 человека. В 1905 г. в гимназии училось 313 девочек, в 1911 г. – 345, в 1912 г. – 348, в 1913 г. – 382, в 1914 г. – 441, в 1915 г. – 489³³. Многие из них проживали на частных квартирах, зачастую снимая их у своих же преподавателей.

По мнению В.Я. Рушанина, это было несомненное зло³⁴. Для И.А. Тихомирова также было очевидно, что, вступая в финансовые отношения со своим учеником, прежде всего рискует учитель. «Кто платит, тот и музыку заказывает»: и в итоге учитель, «скрепя сердце и поборов совесть, начинает ставить своему Митрофанушке удовлетворительные отметки».³⁵

Стоит отметить, что во время написания своей статьи Тихомиров стал директором этой гимназии (1908-1912 гг.). За время его работы библиотека женской гимназии стала самой многочисленной в губернии³⁶. Также в 1909 г. была организована первая длительная коллективная экскурсионная поездка по маршруту «Троицк–Москва–Петербург–Иматра–Пермь–Екатеринбург–Челябинск–Троицк». Это путешествие продлилось двадцать девять дней. В ней принимали участие двадцать три ученицы и три педагога³⁷.

³⁰ Там же. С 246.

³¹ Там же.

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2207. Л. 3

³³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 333. Л. 2.

³⁴ *Рушанин В.Я.* Иван Александрович Тихомиров: возвращение забытого имени. Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2016. С.190.

³⁵ *Тихомиров И.А.* К вопросу об экономических отношениях между учащими и учащимися // Русская школа. 1908. №5-6. С. 147.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2200. Л. 4.

³⁷ *Гизатуллин Р.Н.* Указ. соч. 264.

Через пять лет жизнь всей страны изменится. Но в Троицке, в купеческом городе, перемены не ощущались. Все было, как раньше. В 1916 г. в гимназии обучалось рекордное на тот момент количество учениц – 630, через год – 679. Считается, что женская гимназия была закрыта в 1917 г., однако это не так. Р.Н. Гизатуллин считает, что гимназия продолжала работать вплоть до 1919 г., когда власть в г. Троицк окончательно перешла к сторонникам красного движения³⁸. К сожалению, данных о количестве обучающихся за последние годы мы не имеем. Хотя, возможно, их и не было. Вероятно, в те годы уже было совсем не до этого.

Последним по дате открытия из светских учебных заведений г. Троицка стала мужская классическая гимназия, проект которой поддержал министр народного просвещения граф Д.А. Толстой³⁹. Свою работу она начала 01.07.1873 г. Ее директором был назначен г. Филоматитский⁴⁰. Торжественное открытие гимназии состоялось 23.09.1873 г. В первый год своей работы в гимназии училось 67 человек⁴¹.

Гимназия имела собственную больницу (лазарет), баню и прачечную. 26.08.1877 г., по другим данным 2.09.1877 г. 4.11.1880 г. при гимназии был открыт пансион для учеников, имевший спальни, столовую и комнаты для занятий⁴².

За пятнадцать лет своей работы гимназия выпустила семьдесят восемь человек. Из них многие стали врачами и юристами. За эти годы гимназия сделала большой скачок в своем развитии. Она стала причастна к истокам становления музейного дела в г. Троицке, в конце XIX в. она имела коллекцию из 120 древнерусских, античных и восточных монет. Все это благодаря ежегодной ярмарке⁴³.

Одна из ярких страниц истории гимназии связана со временем работы в ней пятого директора - И.А. Тихомирова (1852-1928 гг.). 01.06.1888 г. преподаватель древних языков и истории, исследователь русских летописей будет направлен в город Троицк Оренбургской губернии, где возглавит классическую мужскую гимназию, работе в которой он по-

³⁸ Там же. С. 272.

³⁹ Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века М.: ГУПИ МП РСФСР, 1954. С. 101.

⁴⁰ Ефимовски-Мировицкий И. Неофициальный отдел // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №15. С. 587.

⁴¹ Двадцатипятилетие Троицкой гимназии (1873-1898 гг.): историческая записка / сост. А.К. Зеленецким, О.И. Пушановым и В.А. Лавровским. Троицк, 1900. С. 10.

⁴² Архангельский И.И. Материалы для истории города Троицка (1743-1891 гг.) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. VI. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1900. С. 44.

⁴³ Гизатуллин Р.Н. Указ. соч. С. 288.

святит практически двадцать лет своей жизни (1888–1906 гг.)⁴⁴. По мнению местных краеведов, именно Тихомиров был самым известным и деятельным руководителем этой школы.

Уже в первые годы своей деятельности в Троицке И.А. Тихомиров начинает бурную деятельность. Так, он решает насущный вопрос о денежном содержании гимназии. Вообще к этому времени и на Урале было только четыре гимназии – в Перми, Оренбурге, Уфе и Екатеринбурге.⁴⁵ И характерно, что среди этих городов самые крупные взносы на содержание гимназии делали именно жители Троицка (ежегодно по 5000 руб.)⁴⁶. Хотя и вставал вопрос об их отмене. В деле за 1889 г. об освобождении города Троицка от обязательства отпускать ежегодно 5000 руб. на содержание местной гимназии мнение Тихомирова стало решающим для принятия решения⁴⁷.

Следующее, чем занялся И.А. Тихомиров, – это расширение материальной базы и строительство. В результате, был расширен пансион путем возведения пристроя. На это было израсходовано 5434 руб. Отдельно была построена больница в 1892-1893 гг. стоимостью 4204 рубля⁴⁸.

Ничего не предвещало беды, но в связи с революционным веянием менялась обстановка в гимназии и в стране в целом. В гимназии была нелегальная библиотека «Коммуна», свой рукописный журнал «Бродяга» и даже нелегальный кружок, возглавляемый учителем математики П.А. Голубевым.⁴⁹ Троицкая гимназия превратилась в неблагонадежную. Более тридцати ее учеников были замешаны в революционной деятельности. В связи с этим было проведено полномасштабное расследование для выявления корреляции между революционной деятельностью бывших выпускников гимназии и их воспитанием в ней. В результате из десяти задержанных четверо являлись бывшими обучающимися Троицкой гимназии. «Такие случаи дают возможность

⁴⁴ Рушанин В.Я. Иван Александрович Тихомиров: возвращение забытого имени. Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2016. –С. 128.

⁴⁵ Скобелкин Е.И., Шамсутдинов И. В. Возвращаясь к прошлому. Троицк: ТЭМП, 1993. С. 137-139.

⁴⁶ Игнатъев В.Е. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 20-летие его существования (1875-1899 гг.). Оренбург, 1901. Вып. 1. С. 119.

⁴⁷ РГИА Ф. 733, Оп. 165. Д.318. Лл. 13, 18.

⁴⁸ Игнатъев В.Е. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 20-летие его существования (1875-1899 гг.). Оренбург, 1901. Вып. 1. С. 133.

⁴⁹ Рушанин В.Я. Иван Александрович Тихомиров: возвращение забытого имени. Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2016. С. 197.

подозревать, что в Троицкой гимназии кроется что-то недоброе и между воспитанниками распространяются людьми неблагонамеренными пагубные идеи»⁵⁰.

С началом первой русской революции в стране начинается сильное общественное движение, которое захватывает в свои ряды молодежь. Волнения охватили и учебные заведения Троицка⁵¹.

31 мая 1906 г. на заседании педагогического совета Троицкой мужской гимназии торжественно вручали аттестаты зрелости выпускникам. Практически все выпускники явились не по форме, а в ситцевых блузках и вели себя развязно. Получив аттестаты, они удалились. Спустя полчаса они вернулись и вызвали Тихомирова с заседания педсовета в коридор. Здесь один из учеников (Шерстобитов) нанес своему директору оскорбление, ударив его по щеке. К такому И.А. Тихомиров был не готов. Он подает в отставку.⁵²

Гимназию трясло и после революции 1905-1907 гг. Как писали местные газеты, в марте 1910 – феврале 1911 гг. в ней проходили волнения учащих, причиной которых стала система «шпионажа и доносов, обысков, внедренная некоторыми членами педагогического коллектива»⁵³.

После И.А. Тихомирова должность директора занимал Н.М. Андрусевич (с 1906 г.). Последние доступные сведения о нем относятся к 1918 г., когда проходили заседания Троицкого учительского съезда. После разгона съезда Н.М. Андрусевич, опасаясь ареста, скрылся из города и появился только с приходом белочехов»⁵⁴. Дальнейшая его судьба пока не установлена, как и то, кто руководил гимназией до момента окончательного установления советской власти, т. е. до лета 1919 г.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что именно Троицк положил начало просвещению в Оренбургской губернии или, по крайней мере, ее восточной половины, ставшей современной Челябинской областью. Достаточно сослаться на инженерную школу (1751 г.) – первое светское и первое военное учебное заведение на территории современной Челябинской области – или на церковную школу при Троицком духовном правлении, существовавшую во 2-й пол. XVIII в.

Вспомним и мужскую классическую гимназию (1873 г.). Много ли уездных городов Российской империи имели свою гимназию? Троицк же имел и даже две: мужскую и женскую. Неспроста многие челябин-

⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 709. Л. 4.

⁵¹ Рушанин В.Я. Указ. соч. С. 199.

⁵² Там же. С. 200-201.

⁵³ Гизатуллин Р. Н. От солдатской школы до классической гимназии. С 305.

⁵⁴ Там же. С. 306.

ские историки именуют г. Троицк «степным Петербургом». Действительно, многие педагоги, приезжавшие в Троицк из Санкт-Петербурга и других городов, пытались реконструировать в нем дух просвещенной столицы и воспитать в нем своих учеников. Одним из таких был ранее упомянутый И.А. Тихомиров, который всеми силами старался преобразовать обучение в Троицкой гимназии на столичный лад.

Библиография

1. *Аблина Н.А.* На перекрестке времен и судеб: Троицку – 265 лет. Троицк: «Челябинский дом печати», 2008. 188 с.
2. *Архангельский И. И.* Материалы для истории города Троицка (1743-1891 гг.) // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Т. VI. Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1900. С. 3-50.
3. *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М.: ГУПИ МП РСФСР, 1954. 302 с.
4. *Гизатуллин Р.Н.* Мусульманские учебные заведения дореволюционного Троицка. Челябинск: «ЕДП», 2016. 93 с.
5. *Гизатуллин Р.Н.* От солдатской школы до классической гимназии. История учебных заведений дореволюционного Троицка. Челябинск: «Край Ра», 2018. 392 с.
6. *Денисов Д. Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII — начало XX веков). М.: Марджани, 2011. 256 с.
7. *Ефимовски-Мировицкий И.* Неофициальный отдел // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №15. 966 с.
8. *Игнатъев В.Е.* Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 20-летие его существования (1875-1899 гг.). Оренбург, 1901. Вып. 1. 301 с.
9. *Ильин В.Ф.* Статистические заметки о г. Троицке // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. Оренбург: Издание Оренб. губ. стат. комитета, 1864. С. 1-21.
10. *Королева Е.Д., Пleshkevich Е.А., Пруцкова О.В.* Свято-Троицкий собор // Православные храмы Троицка: сб. ст. и материалов. Челябинск: Книга, 2005. 87 с.
11. *Лавровский В.* Статистическое описание прихода Градо-Троицкого собора // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 12. С. 451-459.
12. *Рушанин В.Я.* Иван Александрович Тихомиров: возвращение забытого имени. Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2016. 431 с.
13. *Скобелкин Е. И., Шамсутдинов И. В.* Возвращаясь к прошлому. Троицк: ТЭМП, 1993. 168 с.
14. *Тихомиров И.А.* К вопросу об экономических отношениях между учащими и учащимися // Русская школа. 1908. №5-6. С. 147-151.
15. *Янушкевич.* Современный взгляд на уездный город Троицк // Оренбургские губернские ведомости. 1846, апрель. № 15/16, часть неофиц. С. 173-174.

Н.Д. Гилевич¹
Екатеринбург

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИСОЕДИНЕНИИ НОВГОРОДА В
ОБОБЩАЮЩИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТАХ
(1840-е гг. – 1917 г.)**

Статья посвящена изучению представления о присоединении Новгорода в обобщающих исторических работах, созданных в период с 1840-х гг. по 1917 г. Рассматриваются не только широко известные историки, но и сравнительно малознакомые «широкой публике» исследователи, однако внёсшие свой вклад в изучение проблемы. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период чрезвычайно обогатились историографические представления о присоединении Новгорода. Получили развитие концепции, воспринимающие данное событие как ключевой эпизод растянутого на века процесса, который называли и собиране земель, и национальное объединение русского народа.

Ключевые слова: Иван III, Новгород, имперская историография, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский.

N. D. Gilevich
Yekaterinburg.

**THE REPRESENTATION OF THE UNION OF NOVGOROD IN GENERAL
HISTORICAL WORKS (1840s - 1917)**

The article is devoted to the study of the representation of the annexation of Novgorod in generalizing historical works created in the period from the 1840s. to 1917. Not only well-known historians are considered, but also researchers who are relatively unfamiliar to the “general public”, but who have contributed to the study of the problem. The author comes to the conclusion that in the period under review, historiographic ideas about the annexation of Novgorod were extremely enriched. Concepts were developed that perceive this event as a key episode of a process stretched over centuries, which was called both the collection of lands and the national unification of the Russian people.

Keywords: Ivan III, Novgorod, imperial historiography, S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov, V.O. Klyuchevsky.

В данной статье рассматривается проблема изучения централизации в России. Целью является создать научную реконструкцию концепций учёных-историков 1840-х гг. – 1917 г. о процессе централизации и роли самодержавия в русской истории на примере присоединения Новгорода к Московскому княжеству, а также выявить ключевые особенности имперской историографии изучаемого периода по исследуемой проблематике.

В силу того, что в XVIII в. и первой трети XIX в. были широко распространены исследования, ставившие на первое место роль личности Ивана III (Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой), последующие исследователи

¹ *Гилевич Никита Дмитриевич* – магистрант. УрФУ. Екатеринбург, Россия. E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru

критически отнеслись к подобному подходу и старались предложить новые методы и концепции. Поэтому все работы, представленные в статье, можно разделить на две условные группы.

В первую группу вошли те авторы, которые подчёркивают главную роль объективного исторического развития с минимальным влиянием роли личности на процесс присоединения Новгорода. Ко второй группе отнесены те произведения, в которых роль субъективного фактора и влияние объективного исторического процесса на присоединение Новгорода показаны примерно в равном соотношении. Перейдём к последовательному рассмотрению основных представителей обеих групп.

С.М. Соловьёв высказывает в своей магистерской диссертации ряд тезисов: старый новгородский быт не мог сосуществовать с новым московским бытом; их столкновение было неизбежно и очевидно обеим сторонам; обе стороны стремились уладить разногласия путём переговоров. При переходе в «латинство» новгородский народ лишился нравственной опоры. Иван хотел представить поход на Новгород как общерусское дело, как наказание за страшную измену. Окончательное покорение Новгорода Соловьёв связывает с возросшими амбициями Ивана III после брака с Софией Палеолог².

Иначе эти вопросы рассматриваются в «Истории России»: «Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным ...Новгород, Тверь, ... ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней»³. По мнению Соловьёва, к присоединению Новгорода всё было готово уже при Василии II, но ему помешали смерть и увещания архиепископа Ионы. И после смерти последнего его сына ничего не сдерживало бы, если бы новгородцы вновь не попытались прибегнуть к помощи Литвы. Но тут союзником великого князя стала «старина», что позволило обосновать поход против Новгорода в 1471 г. Однако присоединение Новгорода осложнялось наличием в нём сильной литовской партии и для того, чтобы её окончательно подавить, великому князю и потребовался поход 1478 г.⁴ В своём учебнике Соловьёв представил события присоединения Новгорода в более кратком виде, но все основные идеи, изложенные им в «Истории России», сохранены. Соловьёв считал необходимым сделать результаты своих исследований доступными не только для членов научного сообщества, но и для учащихся.

² См.: Соловьёв С.М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845 С.83–91.

³ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. СПб., 1895. Кн. 1. Т. 5. Стб. 1349–1350.

⁴ Там же. Стб. 1351–1354.

Н.И. Костомаров в публичной лекции 1861 г. «О значении Великого Новгорода в русской истории» обратился к проблеме падения Новгородской республики и сформулировал причины её падения следующим образом: «когда в народных понятиях всей остальной Руси единодержавие стало нормальным порядком, Новгород со своими старыми началами должен был или отложиться от русского мира, или подчиниться добровольно новым требованиям»⁵. Костомаров подчёркивает, что ситуация уже не могла оставаться прежней – анахронизм, несоответствие Новгорода складывающимся на Руси порядкам требовал решительных перемен. Присоединение Новгорода рассматривается историком, с одной стороны, как следствие объективного исторического процесса распространения самодержавного уклада, с другой стороны, как необходимая мера по сохранению Новгорода в рамках русского мира.

В своей работе «Севернорусские народоправства» Костомаров, уже не стеснённый рамками одной лекции, рассматривает присоединение Новгорода с более широким применением фактического материала. Интересно, что историк видоизменяет саму концепцию изложения событий. Если в лекции 1861 г. Костомаров представляет процесс как борьбу двух укладов, то в этом произведении борьба происходит между двумя народностями – московской и новгородской. Например, «В Москве воцарилась радость побеждающей народности; Москва гордилась торжеством своего великого князя, как своим собственным; Новгород поклонился не только лицу государя, но всей Москве; московская сила показала свой перевес над соперником»⁶. Костомаров пришёл к выводу, что общности людей с настолько разными социальным бытовым и политическим устройством корректнее называть отдельными народностями, хотя и в рамках одного народа. Однако, несмотря на общее происхождение и язык, эти народности могут отчаянно враждовать друг с другом. Они будут стремиться подавить соседа, подвести его под свой уклад. Это взаимоотношение народностей и составляет основу исторического процесса.

Когда же Костомаров вновь описывает присоединение Новгорода в «Истории России в жизнеописаниях», он отказывается как от «уклада», так и от «народности». Зато появляется образ Москвы-злодейки: «целые полтора века Москва подтачивала самостоятельность и благоденствие Новгорода». Марфа же, в его понимании, принадлежит к кругу немногих истинных патриотов Новгорода⁷. Очевидно, взгляды Косто-

⁵ *Костомаров Н.И.* О значении Великого Новгорода в русской истории // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. СПб., 1863. Т. 1. С. 380–381.

⁶ *Костомаров Н.И.* Русская республика. М., 1994. Т. 1. С. 130.

⁷ *Костомаров Н.И.* История России в жизнеописаниях её важнейших деятелей. М., 1995. С. 208.

марова на присоединение Новгорода претерпели существенные изменения – от необходимости установления единого державия на всей территории России до неприемлемости действий Москвы, предпринимаемых в этом направлении.

Г.Ф. Карпов в своей магистерской работе приводит ряд аргументов, делающих неизбежным присоединение Новгорода к Москве. Во-первых, устаревшее и закостеневшее общественное устройство, которое не позволяло быстро и грамотно реагировать на возникающие перед всем Новгородом проблемы⁸. Кроме того, в Новгороде был постоянный разлад между различными боярскими партиями и на момент присоединения он лишь усилился, чем предоставил удобную возможность великому князю. Во-вторых, государство не могло не покорить новгородцев так же, как и казачество, – из-за их разбойничьих набегов на русские земли. Но новгородцам было некуда отступать, и они были привязаны к земле своей торговой деятельностью, потому и были присоединены гораздо раньше⁹. Карпов считает, что Новгород был завоеван исходя из самосохранения, так как московский государь не мог позволить утвердиться Литве в Новгороде, которой для этого также пришлось бы его завоевывать, чтобы добиться подчинения.

В.О. Ключевский затрагивает тему присоединения Новгорода в своём знаменитом курсе лекций: «В Новгороде московская партия состояла преимущественно из простонародья с несколькими боярами, стоявшими во главе его; эта сторона ищет управы на своевольную новгородскую знать у московского великого князя... московское собрание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением»¹⁰. Ключевский считает, что именно в конце XV в. произошёл качественный переход России на новый уровень исторического развития, изменился сам характер её государства и этот переход спровоцировал ускоренное завершение процесса централизации русских земель.

С.Ф. Платонов публикует в 1899 г. курс своих лекций, в котором события присоединения Новгорода представлены очень кратко¹¹. Зато в учебнике его взгляды на данное событие раскрыты более подробно. За Москву выступало простонародье, за Литву – бояре. Внутренний

⁸ Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М., 1867. С. 44–45.

⁹ Там же. С. 47–50.

¹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. ... // Библиотека Руниверс. URL: <https://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (дата обращения: 18.04.2020).

¹¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1899. Вып. 1. С. 118.

раскол Новгорода чрезвычайно ослаблял его и делал его падение неизбежным. Платонов считает историю с неверным титулованием лишь поводом, которым воспользовался великий князь, когда решил, что он готов к полному подчинению Новгорода. Лучшие люди были выведены из Новгорода, их земли конфискованы. С исчезновением знати исчезла и новгородская вольность, но, по мнению Платонова, в этом не было никакой трагедии. Так как меньшие люди были избавлены от боярского гнёта и образовали крестьянские податные общины, т. е. им не было причин жалеть о прежних новгородских временах¹².

Историк А.И. Боргман считает, что Иван III поднял политику собирания земель на количественно и качественно новый уровень. Он смог обеспечить свои действия не правом силы, но через защиту общенациональных интересов придать легитимности всем своим действиям. Так, в случае с Новгородом он смог сначала выставить их вероотступниками, а затем использовал их челобитье для окончательного покорения¹³.

М.Н. Покровский характеризует присоединение Новгорода следующим образом: «государственный переворот, произведенный в Новгороде Иваном III, был одним из наиболее ярких моментов «собирательной» политики. ... Иван Васильевич не для того ходил войной на Новгород, чтобы упразднить новгородскую автономию: он упразднил ее только потому, что она мешала ему быть в Новгороде таким же государем, как на Москве, т.е. собирать доходы таким же порядком, как и там... Только сознание того, что вече всегда будет опорой антимосковской крамолы, заставило Ивана Васильевича в этом пункте отступить от «старины»...»¹⁴. Покровский считает, что присоединение Новгорода Иваном III было лишь вынужденной мерой в силу сложившихся и не зависящих от него обстоятельств. Если бы не объективное историческое развитие, то ни один представитель правящей династии не стал бы что-либо кардинально менять. Именно за подобную инертность мышления Покровский и критикует Ивана III.

Профессор Д.И. Багалей признаёт, что заслуги Ивана III значительней, чем у его предшественников, но «лично ему принадлежит немного, он не предложил новых путей, а лишь шёл по дороге, проторенной его предками»¹⁵. То есть Иван III выступает не как великий творец истории, а как исполнитель, лишь доведший исходный замысел до конца. Но, несмотря на то, что в политике Ивана III не было ничего принципиально нового, Багалей не отказывает ему в том, что он был умелым и

¹² Платонов С.Ф. Учебник по русской истории. Пг., 1917. С. 126–130.

¹³ Боргман А.И. Русская история. Ч. 1: До Петра Великого. СПб. 1912. С. 176–183.

¹⁴ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Ч. 1. М., 1896–1899. С. 147.

¹⁵ Багалей Д.И. Русская история. Харьков, 1911. С. 203.

осторожным правителем, который смог в том числе добиться падения Новгорода, которое подготавливали его предки¹⁶.

В целом для произведений, попавших в эту группу, характерно рассмотрение присоединения Новгорода в достаточно хронологически обширном контексте. Для этих работ характерно выстраивание общесторических схем, объясняющих логику исторического развития. Большинство этих произведений показывает присоединение Новгорода как закономерное и благоприятное для России в целом и в конечном счёте для самого Новгорода явление. Это благо проявлялось либо в том, что у них прекратились внутренние неурядицы, либо в налаживании управления, в установлении социальной справедливости, сохранении национального единства и т.п. Подобную точку зрения разделяют: С.М. Соловьёв, Г.Ф. Карпов, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.И. Боргман. Однако некоторые авторы, а именно Н.И. Костомаров и М.Н. Покровский, придерживаются мнения, что присоединение Новгорода было закономерно и выгодно для нарождающегося русского государства, но вредно и разрушительно для Новгорода. Эти авторы склонны критически воспринимать то, каким способом был присоединён Новгород.

Закономерность присоединения Новгорода в концепциях историков данной группы имеет различные корни. Для одних – это слабость самого Новгородского государственного устройства, архаичность его управления. Для других – это вечное противостояние государства и вольных, непокорных и вредящих ему элементов, противостояние народностей, укладов жизни. Многие выделяют как важный фактор наличие острого внутривосточного конфликта внутри самого Новгорода, но причины конфликта видятся по-разному. Одни на первый план выводят нравственную сторону и проблему вероисповедания, другие – притеснение меньших людей боярами, и Москва становится защитницей слабых и угнетённых. Третьи видят в конфликте экономические причины, указывая на то, что простые люди ничего не потеряли после присоединения, а разорены были именно бояре и купечество, которые и стояли во главе Новгорода. Для ряда авторов присоединение Новгорода – это движение по проторенной дороге, для других же – это реализация общенациональных интересов в объединении ради освобождения от ига.

Следующая группа историков считает, что те или иные события в истории в равной степени зависят как от субъективного фактора, так и от сложившихся исторических обстоятельств.

Московский историк И.Д. Беляев выступает как противник республики и сторонник монархии, что проявляется в подаче материала.

¹⁶ Там же. С. 207.

По мнению Беляева, все требования великого князя справедливы и учитывают интересы самих новгородцев, суд честен и беспристрастен. У новгородцев же вече несёт лишь беды и несчастья, суд продажен и т.п. Инициаторы конфликта – «литовская партия», которая хотела воспользоваться молодостью великого князя и добиться полной независимости Новгорода от Москвы¹⁷. С одной стороны, мы видим, что Новгород был ослаблен внутренними раздорами вследствие своего республиканского устройства, т. е. сложились благоприятные исторические обстоятельства. С другой стороны, Беляев также подчеркивает роль великого князя, без которого не произошло бы и присоединение Новгорода. Сама же замена республиканского правления монархическим была благом для новых подданных.

К.Н. Бестужев-Рюмин вступает в заочный спор с Соловьёвым, утверждая, что тот несколько преувеличивает влияние достижений предков Ивана III на его собственные свершения. Бестужев-Рюмин считает, что хотя достижения предков оказали определённое влияние, но нельзя отрицать и величие Ивана III как исторической личности. Историк приводит довольно интересное объяснение поражения «владельческого класса» в Новгороде: причина в том, что они приравнивали смерда и раба в договоре с Литвой. Тем самым они потеряли часть поддержки простонародья. И это позволило в дальнейшем великому князю разыграть карту защитника простого народа на судебных процессах. В конечном итоге, заручившись полной поддержкой простых новгородцев, князь воспользовался первым же поводом для окончательного покорения Новгорода¹⁸. Бестужев-Рюмин использует в данной работе сочетание двух подходов: с одной стороны – создание объяснительной схемы, а с другой стороны – он уделяет большое внимание роли личности в историческом процессе.

Профессор Новороссийского университета А.С. Трачевский так сформулировал основную характеристику периода 1450–1650 гг.: «борьба с последними пережитками первобытной разрозненности». Так как эта борьба наполняла весь период, историк склонен называть его «смутным»¹⁹. Он образно характеризует состояние Новгорода накануне присоединения: «этот маститый представитель старого строя не мог существовать далее при той жгучей потребности русского народа в сплочении»²⁰. В самом же Новгороде назревал раскол между «лучшими» и «меньшими людьми». Автор подчёркивает, что сам русский на-

¹⁷ Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2. С. 497–504.

¹⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1885. С. 145–150.

¹⁹ Трачевский А.С. Русская история. СПб., 1895. С. 239.

²⁰ Там же. С. 241–242.

род стремился к объединению, подталкивал этот процесс, кроме того, удачно назревал раскол внутри Новгорода, а как следствие – неизбежное его ослабление. Но даже все эти благоприятные факторы могли ничего не значить, если бы Иван III, умело манипулируя своими сторонниками, не подготовил решительный удар по Новгороду. Лишь из осторожности он не стал сразу его добивать, но, когда почувствовал, что готов, воспользовался ничтожным поводом для окончательного покорения Новгорода.

А.Н. Петров, военный историк, рассматривал присоединение Новгорода с точки зрения военного искусства. И он отдал должное организаторским способностям великого князя, назвав поход на Новгород 1471 г. «наиболее примечательным в военном отношении среди всех походов Ивана III». Для Петрова военная опасность перехода Новгорода к Литве уже является достаточным обоснованием необходимости присоединения Новгорода²¹. В целом для произведений этой группы характерен показ процесса присоединения Новгорода разнопланово, с равным учетом многих факторов, которые оказали влияние на этот процесс.

В рассматриваемый период чрезвычайно обогатились историографические представления о присоединении Новгорода. Получили развитие концепции, воспринимающие данное событие как ключевой эпизод растянутого на века процесса, который называли и собирание земель, и национальное объединение русского народа. При анализе событий присоединения историки всё чаще прибегают к многофакторному анализу причин и последствий присоединения Новгорода. Сформировавшаяся во второй половине XIX – начале XX в. историография оказала также большое влияние на становление советской историографии.

Библиография

1. *Багалея Д.И.* Русская история: Курс проф. Д.И. Багалея, сост. по его лекциям. Ч. 2 (Удельный и московский периоды) / под ред. В.А. Барвинского. Харьков: Изд. филол. отд. О-ва взаимопомощи студентов Харьк. ун-та, 1911. VI, 402 с.
2. *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. М.: Тип. Л.И. Степановой, 1866. Кн. 2. 642 с.
3. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1885. 334 с.
4. *Боргман А.И.* Русская история. Ч. 1: До Петра Великого. СПб.: Т-во А.С. Суворина – Новое время, 1912. XII, 467 с.
5. *Карпов Г.Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1867. 301 с.
6. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб.: БМ, 1904. 1146 с. // Библиотека Руниверс. URL: <https://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (дата обращения: 27.09.2020).

²¹ *Петров А.Н.* Русская военная сила. М., 1892. С. 111–114.

7. *Костомаров Н.И.* История России в жизнеописаниях её важнейших деятелей. М.: Сварог, 1995. 766 с.
8. *Костомаров Н.И.* О значении Великого Новгорода в русской истории // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863. Т. 1. С. 359–390.
9. *Костомаров Н.И.* Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельновечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли, 1994. Т. 1. 544 с.
10. *Петров А.Н.* Русская военная сила. М.: И.Н. Кушнерев и А.Е. Пирогов, 1892. 467 с.
11. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории профессора Платонова. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899. Вып. 1. 132 с.
13. *Платонов С.Ф.* Учебник по русской истории для средней школы: курс систематический: в 2 ч. Пг.: Тип. Башмаков и К, 1917. 526 с.
14. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М.: Мир, 1896–1899. Ч. 1. 272 с.
15. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. СПб.: Общественная польза, 1896. Кн. 1. Т.1–5. 879 с.
16. *Соловьев С.М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. М.: Университетская типография, 1846. 174 с.
17. *Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М.: Тип. Э Барфкиехта и Ко, 1859. 588 с.
18. *Трачевский А.С.* Русская история: с указателем и хронологической таблицей. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1895. 574 с.

В. В. Родионова¹
Екатеринбург

ЗЕМСКИЕ ВРАЧИ КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА В 1870–1890 гг.

История земской медицины на Урале привлекала внимание многих исследователей. Но в их работах традиционно рассматриваются биографии и деятельность только нескольких врачей. Среди земских медиков Красноуфимского уезда относительно известны лишь М. И. Мизеров и Л. Ф. Окинчиц. Между тем за 1870–1890 гг. нами выявлено 19 земских врачей, служивших в пяти участках. Спецификой Красноуфимского уезда стал высокий процент ссыльных польских медиков, поступивших на службу в новый орган местного самоуправления.

Ключевые слова: медицина, земский врач, Красноуфимский уезд.

V. V. Rodionova
Yekaterinburg

ZEMSTVO DOCTORS KRASNOUFIMSK DISTRICTS IN THE 1870-1890's

The history of Zemstvo medicine in the Urals attracted the attention of many researchers. But their works traditionally cover the biographies and activities of only a few doctors. Among Zemstvo physicians Krasnoufimsk uyezd only relatively well-known crimps M. I. Mizerov and L. F. Okinchits. Meanwhile, in 1870–1890, we identified 19 zemstvo doctors who served in five of its districts. The specific feature of Krasnoufimsky uyezd was the high percentage of exiled doctors who entered the service of the new local government.

Keywords: the medicine, zemsky doctor, Krasnoufimsky district.

По действовавшему законодательству здравоохранение относилось к числу необязательных для земств статей расходов. Но в Пермской губернии в земских бюджетах в первые полтора десятилетия траты на медицину составляли всего 22%. Красноуфимское уездное земство также выделяло значительную часть своих доходов на развитие этой сферы².

В начальный период земской деятельности в Пермской губернии серьезной проблемой стал дефицит квалифицированных медиков и их частая сменяемость. По нашим подсчетам, за первые 20 лет в Красноуфимском уездном земстве служили не менее 19 врачей, в том числе одна женщина – Ольга Порфирьевна Сигова (в девичестве Левашова). Среди этих специалистов относительно известны лишь Матвей Иванович Мизеров³ и Людвиг Фаддей Окинчиц⁴.

¹ **Родионова Валентина Викторовна** – студентка, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. E-mail: valya.rodionova.98@bk.ru. Научный руководитель – Черноухов Эдуард Анатольевич доцент, доктор исторических наук.

² Молленсон И. Земские итоги в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1886. № 1. С.7–8.

³ **Алексейчик Л. Е.** Матвей Мизеров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. 173 с.

⁴ **Родионова В. В.** Польский врач Л. Ф. Окинчиц в истории России // Всероссийский студенческий патриотический проект «Живая история». URL: <http://xn---7sbfpkcaab0dvcvjgaj5ug.xn--p1ai/sport/file/10843-polskij-vrach-l-f-okinchits-v-istorii-rossii.html> (дата обращения: 15.07.2020).

В Красноуфимском уезде в 1870–1880-х гг. острый дефицит врачей был существенно смягчен привлечением на службу земству ссыльных поляков. В рассматриваемый период здесь работали как минимум пять таких специалистов: Антоний (Антон) Викентьевич Барановский, Людвиг Фаддей Зигмунд (Людовик Фаддеевич) и Владислав Фаддей Зигмунд (Владислав Фаддеевич) Окинчицы, отец и сын Морозы (Франц Степанович и Константин Францевич).

Причем Л. Ф. Окинчиц прослужил дольше всех земских врачей в рассматриваемый период времени (14 лет). Это во многом объяснялось его разнообразными доходами. Л. Ф. Окинчиц успешно совмещал службу врачом в Суксунском горном округе, принадлежавшем одной из ветвей известного рода Демидовых, с заведованием земско-заводским участком в Красноуфимском уезде. За последнее он получал дополнительное жалование в 500 руб., а затем и 700 руб. Кроме того, Л. Ф. Окинчиц содержал частное «курортное» заведение, действовавшее в летние месяцы в Суксунском заводском поселке⁵.

Условия службы земских врачей Красноуфимского уезда в первые два десятилетия были весьма тяжелыми. Тогда преобладала так называемая разъездная, а затем смешанная система организации медицинской помощи. В своей резиденции врачи могли находиться не более одной недели в месяц, а остальное время должны были разъезжать по обширному участку (а при необходимости, например в период эпидемий, посещать и соседние) для оказания помощи больным, контроля деятельности земских фельдшеров, снабжения их нужными лекарствами и инструментами⁶.

В условиях дефицита квалифицированных медиков им зачастую приходилось совмещать несколько должностей. Так, М. И. Мизеров в 1880–1883 гг. заведовал Красноуфимской земской больницей и пригородным участком. Он пытался следовать разработанному графику. М.

И. Мизеров до 16.00 работал в больнице, затем три часа посещал ольных на участке, а с 19.00 вновь возвращался в больницу. Но этот график часто не соблюдался, так как врач задерживался при разъездах⁷.

Земская управа регулярно вынужденно переводила врачей на участках или меняла их резиденции. Так, уездный врач Григорий

Лаврентьевич Чирвинский, служивший в земстве по совместительству 10 лет, трижды определялся в центральный участок. В остальные годы он заведовал западным, северным и нязепетровским завод-

⁵ Родионова В. В. Указ. соч.

⁶ Журналы X-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания, доклады управы и комиссии и отчет управы о действиях и других приложениях. Пермь, 1879. С.46.

⁷ Алексейчик Л. Деятельность Красноуфимского медицинского совета под руководством М. И. Мизерова // Городок. 1998. 23 октября. С.7.

ско-земским участками⁸. С 1874 г. ему были назначены суточные (2 руб.) при поездках по уезду⁹.

Подобные перемещения не были исключительным случаем. Так, Степан Андреевич Будрин за период службы в Красноуфимском земстве (1880–1888) заведовал центральным (дважды), южным и юго-восточным участками. Он оставил службу по собственному желанию¹⁰.

До 1875 г. одним из самых больших врачебных участков являлся центральный, к которому было отнесено 22 волости и сам город Красноуфимск. В 1878–1883 гг. он разделялся на городской и пригородный. За 20 лет этим участком заведовали девять врачей: А. В. Барановский (1871–1872), Лев Михайлович Ущаповский (1872–1873), Г. Л. Чирвинский (1874, февраль 1875–1876), Александр Андронович Ляпустин (сентябрь 1874 – февраль 1875), К. Ф. Мороз (1876–1878), Ф. С. Мороз (1878–1880), М. И. Мизеров (1880–1883), С. А. Будрин (1884–1887), Николай Александрович Оленев (1888–1889). В 1883 г. из его состава была выделена Красноуфимская земская больница. В нее был определен собственный врач. До 1909 г. больницу возглавлял самый известный земский медик уезда М. И. Мизеров.

Образованным в 1872 г. восточным (затем переименованным в северо-восточный) врачебным участком заведовали пять врачей: А. В. Барановский (1872–1873), Л. М. Ущаповский (1874–1875), В. Ф. Окинчиц (1876–1881), Павел Иванович Псаломщиков (1881–1884), Александр Николаевич Миловидов (1885–1887). Резиденция врача неоднократно переносилась: первоначально она располагалась в Нижнесергинском, затем Михайловском, снова Нижнесергинском, а потом Бисертском заводском поселках. Это во многом объяснялось сложными отношениями с руководством Сергинско-Уфалейского товарищества, которое имело собственную медицинскую часть.

Следует особо отметить серьезные проблемы в организации взаимодействия земской и горнозаводской медицины в рассматриваемый период времени. Так, в 1876 г. в Красноуфимском уезде был создан объединенный участок с центром в поселке Нязепетровского завода. Но Кыштымское заводууправление отказалось передать свой госпи-

⁸ *Сажина М. Г.* История земской медицины Богородского врачебного участка Красноуфимского уезда // *Материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений.* Екатеринбург: Лифт, 2015. С.25.

⁹ Журналы XV очередного Красноуфимского уездного земского собрания и доклады уездной управы и ревизионной комиссии. Пермь, 1885. С.301.

¹⁰ Сведения о земской медицине в Красноуфимском уезде (по программе IV Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова) / сост. М. И. Мизеров. СПб: Тип. Трей, 1890. С. 62–64.

таль в распоряжение земского врача. Тогда Красноуфимское уездное земское собрание 1877 г. приняло решение о ликвидации созданного участка. В его постановлении отмечалось, что по действующему законодательству заводоуправление должно иметь в поселке собственного врача¹¹. Этим участком заведовали Александр Михайлович Дмаховский (1876) и Г. Л. Чирвинский (1877).

В рассматриваемый период на южном участке с центром в поселке Артинского завода сменилось пять врачей: Иван Иванович Рязанов (1871–1874), Архангельский (1875–1876), Ф. С. Мороз (1878–1879), М. И. Мизеров (1880–1881), С. А. Будрин (1881–1888). Его врачам неоднократно приходилось совмещать земскую службу с работой в местном заводском госпитале. Однако создать здесь полноценный земско-заводской участок так и не удалось.

На западном участке (затем переименованном в юго-западный) с центром в селе Богородское также успели послужить пять врачей: Г. Л. Чирвинский (1870–1871), Л. Ф. Окинчиц (1872–1875), Л. М. Ущатовский (1876–1877), С. А. Будрин (1880), Эдуард Альбертович Шлипер (1881–1890). В 1878–1880 гг. его упразднили из-за необходимости сокращения земских расходов.

Самой стабильной ситуация с врачами была на северном участке с центром в поселке Суксунского завода, где в рассматриваемый период сменилось только два врача: Л. Ф. Окинчиц (1870–1871, 1875–1884), Г. Л. Чирвинский (1872–1874). Длительное время им заведовал вышеназванный Л. Ф. Окинчиц. Но в 1884 г. Красноуфимское уездное земство решило отказаться от практики совместительства врачами нескольких должностей. Поэтому этот участок был преобразован из земского-заводского в земский с назначением отдельного врача (А. Н. Миловидова). Но уже в 1885 г. он был ликвидирован. Вместо него был создан северо-западный участок с центром в селе Ключи. Им заведовал Николай Александрович Арефьев (1885–1889). В настоящее время здесь располагается известный санаторий «Ключи».

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о перманентной реорганизации сети врачебных участков в Красноуфимском уездном земстве в первые два десятилетия. Возглавлявшие их врачи регулярно перемещались на новые места службы.

Еще одной серьезной проблемой в рассматриваемый период являлось отсутствие в большинстве врачебных участков уезда собственных больниц. Они располагали только небольшими приемными покоем в арендованных помещениях. Работа в этих малоприспособленных помещениях,

¹¹ Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Земская и горнозаводская медицина Пермской губернии в 1870–1880-х годах: начало взаимодействия // Научный диалог. 2019. № 12. С. 453.

не имевших необходимого оборудования, инструментов и части медикаментов, вызывала постоянные жалобы врачей¹². М. И. Мизеров справедливо писал, что в начале 1880-х гг. местная медицина оставалась в зачаточном состоянии: старая, плохо оборудованная больница в городе Красноуфимске, отсутствие отдельных участковых больниц, острый недостаток врачей¹³. Наблюдался хронический дефицит медицинских инструментов, а имевшиеся не соответствовали предъявляемым требованиям¹⁴.

Только в 1886 г. по проекту М. И. Мизерова на окраине Красноуфимска был построен комплекс зданий для земской больницы с двумя блоками: хирургическим и терапевтическим. К 1914 г. этот комплекс насчитывал уже более 20 зданий (лечебных, служебных, хозяйственных, жилых домов для персонала) и мог принимать для стационарного лечения до 120 чел.¹⁵.

Таким образом, период становления земской медицины в Красноуфимском уезде (1870–1880-е гг.) сопровождался высокой «текучестью» врачей. Они часто оставляли службу в поисках лучшего места, в том числе в других ведомствах и органах местного самоуправления. Вместе с тем целый ряд врачей длительный период времени плодотворно работали в Красноуфимском земстве.

Библиография

1. *Алексейчик Л.* Деятельность Красноуфимского медицинского совета под руководством М. И. Мизерова // Городок. 1998. 23 октября. С. 20.

2. *Алексейчик Л. Е.* Матвей Мизеров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. 173 с.

3. *Молленсон И.* Земские итоги в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1886. № 1. С. 7–12.

4. *Родионова В. В.* Польский врач Л. Ф. Окинчич в истории России // Всероссийский студенческий патриотический проект «Живая история». URL: <http://xn---7sbfpkcaba0dcvcjgaj5ug.xn--p1ai/sport/file/10843-polskij-vrach-l-f-okinchits-v-istorii-rossii.html> (дата обращения: 15.07.2020).

5. *Сажина М. Г.* История земской медицины Богородского врачебного участка Красноуфимского уезда // Материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений. Екатеринбург: Лифт, 2015. С. 24–27.

6. *Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А.* Земская и горнозаводская медицина Пермской губернии в 1870–1880-х годах: начало взаимодействия // Научный диалог. 2019. № 12. С. 447–457.

7. *Черноухов Э. А.* «Ни чинов, ни орден, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–159.

¹² Сведения о земской медицине в Красноуфимском уезде (по программе IV Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова) / сост. М. И. Мизеров. СПб: Тип. Трей, 1890. С. 159.

¹³ *Черноухов Э. А.* «Ни чинов, ни орден, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 57.

¹⁴ Журналы XI-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания и доклады уездной управы и ревизионной комиссии. Пермь, 1880. С. 278.

¹⁵ *Алексейчик Л. Е.* Матвей Мизеров. С. 7.

И.Р. Хамзин¹
Екатеринбург

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КЛИМАТА И ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ УРАЛА

В статье рассматриваются основные теоретические и методологические подходы связанные с изучением взаимосвязи географической среды и общественных процессов, которые могут быть применимы в исторических исследованиях Уральского региона. Проведен анализ основных концептуальных моделей, выработанных мировой научной практикой, для изучения проблемы взаимоотношений человека и природы. Рассмотрены исторические и естественно-научные методы, применимые для изучения рассматриваемой проблемы. В выводах обозначена возможность совмещения теоретических наработок, гуманитарной и естественно-научной методологии в рамках одного междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: история климата, дендрохронология, история Урала, междисциплинарный подход.

I.R. Khamzin
Yekaterinburg

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF STUDYING RELATIONSHIP CLIMATE AND SOCIETY IN THE HISTORY OF THE URALS

The article discusses the main theoretical and methodological approaches associated with the study of the relationship between the geographic environment and social processes, which can be applied in historical research of the Ural region. The analysis of the main conceptual models developed by the world scientific practice to study the problem of the relationship between man and nature. Historical and natural-scientific methods that are applicable to study the problem under consideration are considered. The conclusions indicate the possibility of combining theoretical developments, humanitarian and natural scientific methodology within the framework of one interdisciplinary research.

Keywords: history of climate, dendrochronology, history of the Urals, interdisciplinary approach.

Особенность географического расположения Уральского региона сыграла определяющую роль в его развитии прежде всего с точки зрения геологической характеристики ландшафта. Богатейшие на территории России залежи минеральных ресурсов способствовали развитию на Урале промышленности, становлению региона в качестве индустриального центра. На фоне очевидных по степени своего значения ландшафтных особенностей другой географический фактор – климат – словно исчезает из уральской истории, практически не привлекая внимания исследователей с точки зрения теоретико-методологических подходов к изучению региона.

¹ *Хамзин Ильдар Рашидович* – младший научный сотрудник лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Это является упущением историографии хотя бы потому, что история колонизации и промышленного развития Урала хронологически совпала со временем глобального похолодания климата, известного как малый ледниковый период. Более углубленное и комплексное изучение влияния климата на развитие социально-экономических процессов в перспективе может значительно расширить научную картину истории Урала. Перед настоящей статьей поставлена задача провести анализ теоретико-методологического инструментария, с помощью которого возможно проводить подобного рода исследования.

В научном познании существует огромный дискурс, связанный с вопросами взаимосвязи природы и общества. Данная проблема рассматривается в истории, философии, социологии, экономике, географии, экологии, климатологии и многих других гуманитарных, общественных и естественных науках. Это определило появление различных междисциплинарных подходов.

Среди таковых наиболее ранним можно назвать концепцию географического детерминизма, сформулированного в работах Ж. Бодена, Ш. Монтескье, Г. Бокля². Названные авторы видели в географических условиях главный фактор развития государства, общества и этноса. Явная односторонность такого взгляда стала осознаваться уже в XIX в., когда доминанта географии стала уступать социально-экономическим факторам. В период второй половины XIX – начала XX вв. происходит становление геополитики, с точки зрения которой особенности географического расположения государства рассматриваются как основа для проведения внутренней и внешней политики, международных отношений в целом³. В конце XIX в. одновременно с развитием геополитической мысли были сформулированы концепции, которые делали акцент не на политических, а на социальных аспектах географических условий: антропогеография Ф. Ратцеля и геосоциология Л.И. Мечникова⁴.

XX в. отмечен появлением различных концептуальных моделей, которые осмысливали проблему взаимоотношений географической

---

² Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Рипол Классик, 2018. 690 с.; Бокль Г. История цивилизаций. История цивилизации в Англии: монография. М.: Директ-Медиа, 2007. 2247 с.; Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 416 с.

³ Классика геополитики, XIX век. М.: АСТ, 2003. 720 с.

⁴ Ратцель Ф. Народоведение. СПб: Типография товарищества «Просвещение», 1900. 812 с.; Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Директ-Медиа, 2011. 455 с.

среды и общественного развития. Среди них можно назвать энвайронментализм (Э. Сэмпл)⁵, климатический детерминизм (Э. Хантингтон)⁶, теорию биосферы и ноосферы Вернадского⁷. В исторических исследованиях с точки зрения закономерности вызов - ответ рассматривал отношения человека и природы А. Тойнби⁸. Большой упор на географический фактор делали известные представители школы «Анналов» (в особенности Э. Ле Руа Ладюри, выдвинувший концепцию «истории климата» как самостоятельного научно-исторического направления⁹). Сегодня к проблеме все больше обращаются в философских работах¹⁰, а также непосредственно в самой географии (хорология, культурная география, культурный ландшафт и т.д.)¹¹. Проблема глобального потепления также способствовала росту числа работ, затрагивающих вопросы влияния климата на человеческую историю¹².

Если говорить об истории России, то о большой роли географического расположения нашей страны подробно писал еще В.О. Ключевский¹³. Интересные труды выходили и в начале XX в.¹⁴, однако в советское время географический фактор был вытеснен на задворки методологии общепринятым социально-экономическим подходом марксизма. Впрочем, роль окружающей среды не исчезла совсем из научных трудов, а в 80-е гг. XX в. внимание к ней возрастает. Наиболее ярким примером в данном случае могут служить труды Л.Н. Гумилева¹⁵,

⁵ *Semple E.C.* Influences of Geographic Environment on the basis of Ratzel's system of anthropo-geography. New York: Henry Holt & Co, 1911. 683 p.

⁶ *Huntington E.* Civilization and climate. London: Oxford university press, 1915. 333 p.

⁷ *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.

⁸ *Тойнби А.* Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.

⁹ *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1971. 279 с.

¹⁰ *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012. 584 с.; *Радкав Й.*

Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВЭШМ, 2014. 472 с.

¹¹ *Стрелецкий В.Н.* Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. 2019. № 1. С. 48-78.

¹² *Lamb H.* Climate, History and the Modern World. London: Philosophy press, 1995. 381 p.; Клименко В.В. Климат: непрочитанная глава истории. М.: Издательский дом МЭИ, 2009. 408 с.

¹³ *Ключевский В.С.* Курс русской истории. М.: Директ-Медиа, 2012. 720 с.

¹⁴ *Боголепов М.А.* О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М.: Типография И.Н. Кушнерова и Ко, 1908. 112 с.

¹⁵ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М.: Рольф, 2002. 560 с.

хотя писали о проблеме и другие авторы¹⁶. В 90-е гг. XX в. вышли работы Л.В. Милова, предложившего рассматривать особенности формирования и функционирования русской общины исходя из климатических особенностей России¹⁷. Большой интерес также представляет концепция социоестественной истории, сформулированной Э.С. Кульпиным¹⁸.

Таким образом, мировая научная мысль выработала к настоящему моменту огромную теоретическую базу, на основе которой можно проводить исследование региональных особенностей влияния климата на общественные процессы в истории Урала. Приведенный обзор хорошо демонстрирует, что большая часть исследований затрагивает макроуровень (планетарный или общероссийский), в то время как аналогичные проблемы мало рассматривались в локальных масштабах. Некоторые современные исследования отчасти восполнили это пробел¹⁹, но Уральский регион по-прежнему остается малоизученным с точки зрения истории взаимосвязи климата и общества.

Историческая часть исследования. Поднятая проблематика предполагает в основном стандартный перечень исторических методов исследования (системный, сравнительно-исторический, статистический анализ и др.). Намного важнее в данном случае определить то, с чем придется работать исторической методологии, т.е. предмет исследования. Влияние климатических флуктуаций и экстремальных климатических событий наиболее ярко проявлялись в сельскохозяйственном секторе (урожайности), колебании цен на сельскохозяйственные продукты, распространении эпидемий, эпизоотий, организации транспортной сферы. Многие из перечисленных экономических и естественных процессов хорошо отражены в материалах областных архивов Урала²⁰. Перед исследователем стоит задача внимательного изучения исторической фактологии и сопоставления ее с

¹⁶ Бучинский И.Е. О климате прошлом русской равнины. М.: Гидрометеоздат, 1957. 142 с.; Бараш С.И. История неурожая и непогоды в Европе. М.: Гидрометеоздат, 1989. 240 с.; Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 254 с.

¹⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

¹⁸ Кульпин Э.С. Научное завещание. Основные понятия, постулаты и методология социоестественной истории // История и современность, 2016. № 1. С. 5-11.

¹⁹ Суворин Р.В. Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в.: по материалам Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тамбов, 2015. 241 с.

²⁰ ГАСО. Ф. 101. Уральское общество любителей естествознания; ГАСО. Ф. 18. Екатеринбургская уездная земская управа.

климатическими процессами. Полезным в данном случае будет составление синхронистической таблицы, часть которой будет отражать общественные процессы в истории Уральского региона, другая – климатические флуктуации. Немаловажной частью работы будут также методы этноэкологии²¹: работая с документами, необходимо определить влияние климата на особенности регионального менталитета, восприятие природных процессов со стороны населения и в целом понять – существовала ли такая взаимосвязь, и если да, то какие особенности она носила на Урале.

Естественно-научные методы. Методологический аппарат естественных наук, позволяющий изучать климат прошлого, весьма разнообразен. Можно выделить две основные группы: инструментальные и косвенные методы изучения. Первые из них предполагают изучение климатических изменений с помощью оборудований метеостанций и по объективным причинам охватывают временные промежутки от 100 до 200 лет назад в зависимости от конкретного региона. Изучение климата более отдаленных периодов проводится с помощью методов дендрохронологии, палеозоологии, гляциологии, фенологии, палинологии, геологии и др. Если мы говорим о регионе Урала во временном отрезке XVII – начале XX вв., то наиболее оптимально было бы обратиться к методам дендрохронологии.

Дендрохронология уже использовалась в исследованиях истории России и хорошо себя зарекомендовала²². Сама методика подробно описана в научной и учебной литературе²³, в данном случае мы укажем только, что изучение прироста годовых колец (живой или археологической древесины) позволяет: а) реконструировать климат за период до нескольких тысячелетий; б) проводить точную датировку любых деревянных объектов.

Так называемые древесно-кольцевые хронологии на сегодняшний день выстроены для нескольких регионов России (Ямал, Алтай). Уральской дендрохронологической шкалы пока что не существует, что, конечно же, обусловлено трудностью ее составления для региона (ввиду отсутствия вечной мерзлоты, позволяющей сохраняться дре-

²¹ Гладкий И.Ю. Географические основы этнической экологии: дис. д-ра ист. наук.: 25.00.36. СПб, 2006. 380 с.

²² Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1980 г. М.: Наука, 1977. 128 с.; Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.

²³ Методы дендрохронологии. Ч. I: Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. С.Г. Шиятов, Е.А. Ваганов, А.В. Кирдянов, В.Б. Круглов, В.С. Мазепа, М.М. Наурузбаев, Р.М. Хантемиров. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.

весине), но в то же время открывает широкие исследовательские перспективы. Регион Урала богат на памятники деревянного зодчества, которые могут предоставить образцы для климатических реконструкций за 300 и даже 500-летние периоды. Результаты таких исследований при сопоставлении их с социально-экономическими процессами помогут раскрыть многие совершенно неизведанные аспекты отношений природы и общества в истории Урала.

Выводы

Проведенный анализ теоретического и методологического аппарата позволяет нам говорить о том, что разработанные на сегодняшний день концептуальные модели могут дать теоретическую основу для изучения проблемы взаимосвязи общества и климата в истории Урала. Методы, которые могут быть применимы для подобного рода исследований можно разделить на исторические и естественно-научные. Первые из них предполагают работу с историческими документами, фиксирующими то или иное влияние климата на различные области человеческой жизни: сельское хозяйство, эпидемическую ситуацию, культуру и т.д.

Кроме того, исторический материал может служить источником для уточнения экстремальных климатических событий: засух, наводнений, пожаров и др. Естественно-научная часть исследования основана на методах дендрохронологии, с помощью которой возможна реконструкция колебаний климата на длительных промежутках времени (для Урала предположительно 300-500-летние периоды). В результате возможно сопоставление трех групп данных: а) сведений о социально-экономических, политических и культурно-исторических процессах, косвенно или напрямую связанных с климатом региона; б) исторических сведений об экстремальных климатических событиях; в) древесно-кольцевой хронологии, отражающей климатический сигнал. Таким образом, синергия теоретических разработок, исторической и естественно-научной методологии позволяет проводить сегодня уникальное исследование, максимально отражающее междисциплинарный научный подход.

Библиография

1. *Бараи С.И.* История неурожая и непогоды в Европе. М.: Гидрометеоздат, 1989. 240 с.
2. *Боголепов М.А.* О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М.: Типография И.Н. Кушнерева и Ко, 1908. 112 с.
3. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 416 с.
4. *Бокль Г.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии: монография. М.: Директ-Медиа, 2007. 2247 с.

5. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 528 с.
6. *Бучинский И.Е.* О климате прошлом русской равнины. М.: Гидрометеоздат, 1957. 142 с.
7. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
8. *Гладкий И.Ю.* Географические основы этнической экологии: дис. .... д-ра ист. наук.: 25.00.36. СПб, 2006. 380 с.
9. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М.: Рольф, 2002. 560 с.
10. *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: НЛЮ, 2012. 584 с.
11. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 254 с.
12. *Клименко В.В.* Климат: непрочитанная глава истории. М.: Издательский дом МЭИ, 2009. 408 с.
13. *Ключевский В.С.* Курс русской истории. М.: Директ-Медиа, 2012. 720 с.
14. *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1980 г. М.: Наука, 1977. 128 с.
15. *Кульпин Э.С.* Научное завещание. Основные понятия, постулаты и методология социосистемной истории // История и современность, 2016. № 1. С. 5-11.
16. *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1971. 279 с.
17. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Директ-Медиа, 2011. 455 с.
18. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
19. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М.: Рипол Классик, 2018. 690 с.
20. *Мыглан В.С.* Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.
21. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВЭШМ, 2014. 472 с.
22. *Ратцель Ф.* Народоведение. СПб: Типография товарищества «Просвещение», 1900. 812 с.
23. *Стрелецкий В.Н.* Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. 2019. № 1. С. 48-78.
24. *Тойнби А.* Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.
25. *Суворин Р.В.* Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в.: по материалам Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тамбов, 2015. 241 с.
26. Методы дендрохронологии. Ч. I: Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. *С.Г. Шиятов, Е.А. Ваганов, А.В. Кирдянов, В.Б. Круглов, В.С. Мазена, М.М. Наурзбаев М, Р.М. Хантемиров.* Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.
27. *Huntington E.* Civilization and climate. London: Oxford university press, 1915. 333 p.
28. *Lamb H.* Climate, History and the Modern World. London: Philosophy press, 1995. 381 p.
29. *Semple E.* Influences of Geographic Environment on the basis of Ratzel's system of anthropo-geography. New York: Henry Holt & Co, 1911. 683 p.

Секция 3
СССР И УРАЛ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
1920–1930-х гг.

К.Г.Аканов¹
Нур-Султан

**ОРЕНБУРГ В ГОСУДАРСТВЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ КИРГИЗСКОЙ (КАЗАХСКОЙ) АССР**
(ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ)²

В статье проведен обзор и сделан анализ основных историографических работ казахстанских и зарубежных исследователей по истории государственного национально-государственного строительства Киргизской (Казахской) АССР с административным центром в г. Оренбурге (1920-1925). Прослеживается развитие подходов ведущих ученых и проводится анализ их результатов по теме исследования. Кроме того, будет проведен анализ архивных источников, в частности Государственного архива Оренбургской области и Оренбургского государственного архива общественно-политической истории.

Ключевые слова: КАССР, РСФСР, история Казахстана, историография, источники.

K.G. Akanov
Nur-Sultan

ORENBURG IN STATE NATIONAL BUILDING
KYRGIZ (KAZAKH) ASSR (HISTORIOGRAPHY AND SOURCES)

The article provides an overview and analysis of the main historiographic works of Kazakh and foreign researchers on the history of state nation-building of the Kirghiz (Kazakh) ASSR with the administrative center in Orenburg (1920-1925). The development of the approaches of leading scientists is traced and the analysis of their results on the research topic is carried out. In addition, an analysis of archival sources will be carried out, in particular, the State Archives of the Orenburg Region and the Orenburg State Archives of Social and Political History.

Key words: KASSR, RSFSR, history of Kazakhstan, historiography, sources.

В 2020 г. исполняется 100 лет символической дате – образованию Киргизской (Казахской) АССР, системе советской социалистической государственности, имеющей большую значимость для истории Казахстана. Важную роль в процессе формирования Казахской республики сыграл ныне российский город Оренбург, являвшийся политическим центром автономной республики. Тема становления казахской

---

¹ *Аканов Куаныш Газизович* – PhD, старший научный сотрудник Отдела Евразийства и политических исследований Института истории государства КН МОН РК. г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: kukaandvita@mail.ru

² Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) научного проекта №17-39-50001 на тему: «Оренбург в истории становления государственности Казахстана».

государственности в первой четверти XX в. является актуальным аспектом изучения многих казахстанских и российских ученых, о чем свидетельствует достаточно обширная и разноплановая историография, которая складывалась на протяжении довольно длительного времени.

Основной упор в статье будет сделан на анализ работ по историографии изучаемой темы исследования. В целом историографические работы, на наш взгляд, – довольно перспективное научное направление, что подтверждают подходы научно-педагогической школы источниковедения (С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков и др.).³

Приступая к анализу историографических исследований, в первую очередь выделим тех ученых, в работах которых проводился критический анализ историографии: Ж. Абсеметова, Д.А. Аманжолова, М.М. Бадрегдинова, О.Г. Бриллиантова, Т.В. Зубарева, С.Ш. Казиев, А.Н. Лихтин, К.А. Моргунов, Ш. Мухамедин, Т.И. Тугай.⁴ Практически все работы характеризуются довольно объемным списком библи-

³ *Румянцева М.Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник РУДН. Серия История России. 2006. № 2. С. 5-17.

⁴ *Абсеметова Ж.* Большевистский режим в Казахстане: становление и укрепление (1920-1933 гг.). Алматы: Қазақ университеті, 2007. 204 с.; *Аманжолова Д.А.* Советский проект в Казахстане: власть и этничность 1920-1930-е гг. / Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.; *Бадрегдинова М.М.* Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПА /1921 - 1927 годы/ : автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ин-т. Оренбург, 1995. 17 с.; *Бриллиантова О.Г.* Финансовая политика Советского правительства и ее осуществление на Урале : 1921-1939 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Оренбург. гос. аграр. ун-т. Оренбург, 2004. 45 с.; *Зубарева Т.В.* Из истории деятельности правоохранительных органов Южного Урала в выполнении экономической программы правительства в 1918-1930-х годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2004. 26 с.; *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане: 1917-1991 годы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 2016. 48 с.; *Лихтин А.Н.* История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти: на материалах Оренбургского края XIX-XXI веков: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2005. 27 с.; *Моргунов К.А.* Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале: 1917 - 1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2000. 26 с.; *Мухамедина Ш.* Партийно-государственное регулирование хозяйственной жизни Казахстана (1920-1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. М., 1994. 34 с.; *Тугай Т.И.* Деятельность краеведов Южного Урала по сохранению культурно-исторического наследия в 1914-1930-е гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2006. 250 с.

ографии, широким спектром историографических, архивных и другого рода источников. В целом указанные исследователи достаточно объективно выявляют преимущества и недостатки используемых ими работ, их виды, научную ценность и характер дискуссионности, обоснованность и убедительность выводов, разнообразие тем и объектов научного поиска, отношение самих ученых к советским мероприятиям, проводимым в начале 1920-х гг.

Следующим направлением анализа историографии стало проведение периодизации работ. Многие из них охватывали не только советский, но и дореволюционный периоды, где закладывались основы изучения Оренбурга как важного полинационального центра взаимодействия и формирования национальной интеллигенции, в том числе и казахской. Среди них работы К.Г. Аканова, С.И. Ковальской, С.В. Любичанковского, Б. Сиргебаева, Г.С. Султангалиевой, Г.Ж. Ускембаевой, С.У. Утешева.⁵ Основным критерием для выделения периодов становится тема и направление исследований. Причем если в дореволюционное время их работа носит в основном накопительный характер, ограничивающийся изучением источникового материала личного характера (дневниковых записей и наблюдений русских путешественников, офицеров и должностных лиц), то в советский этап использовалась описательная тенденция. В постсоветский пе-

⁵ *Любичанковский С.В., Аканов К.Г.* Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начало XX вв. // Российский исторический журнал *Былые годы*. №2 (48), 2018. С. 484-495; *Ковальская С.И.* Военная повседневность – новое исследовательское направление в истории Казахстана // *Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции*; науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 88 – 92; *Сиргебаев Б.* Под знаменем интернационализма. (Деятельность организаций иностранных коммунистов РКП(Б) в Казахстане и Средней Азии в 1917-1922 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1988. 240 с. С.65-66; *Султангалиева Г.С.* Роль Оренбурга в формировании казахской интеллигенции (XIX – начало XX вв.). // *Казахи Оренбуржья: история и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции*. Серия «Многонациональный мир Оренбуржья». Вып.16. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2005. С. 10-14.; *Тетерятник О.П.* Культура Южного Урала в период НЭПА (1921-1927 гг.): автореферат дис. кандидата исторических наук : 07.00.02. Оренбург, 1996. 22 с.; *Ускембаева Г.Ж.* Массовые крестьянские организации Казахстана (1921-1929 гг.): становление и опыт деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата, 1992. 29 с.; *Утешев С.У.* Участие профессиональных союзов Западного Казахстана в строительстве социализма (1917-1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата, 1973. 37 с.; *Южакова Н.Н.* Социально-демографические характеристики интеллигенции Казахстана (1917-1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Алматы, 2000. 34 с.

риод поднимаются вопросы аналитических и методологических исследований, включающие анализ архивных источников и историографии.

Следующей тенденцией в историографических исследованиях являлось выявление доминирующих тематик. В работе Н.А. Ереминой отмечается, что в советское время история Оренбурга рассматривалась через призму изучения истории личностей, сыгравших важную роль в культурно-политической жизни города.⁶

В диссертации Л.В. Павловой проводится анализ исторического опыта движения по ликвидации неграмотности в Оренбуржье в конце XIX-нач. XX в. В работе отмечается, что основные положения деятельности государства в 1920-1930-х гг. в сфере образования указывались в публикациях общественных и политических деятелей того времени и особый интерес придавался изучению работы по ликвидации неграмотности «на современном для исследователей этапе».⁷

В работе О.П. Тетерятник основной упор был сделан на анализ трудов исследующих политику Советского государства в области культуры на начальном этапе его формирования. Указывается, что в исследованиях 1990-х гг. 1920-е гг. демонстрируются как, с одной стороны, использующие элементы демократизма и творческого поиска в сфере культуры, с другой – направление на постепенный переход к тоталитаризму.⁸

В диссертационной работе Н.Н. Южаковой по анализу процесса формирования интеллигенции был выявлен ряд проблем государственного строительства. Одной из них стало изучение роли интеллектуальной элиты, сложившейся в дореволюционный период, и сложение собственной так называемой «народной» элиты.⁹

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что в историографии по исследуемой тематике существует несколько направлений. Первое – это критический анализ историографических источников. Второе – использование принципа периодизации работ. Третье – определение доминирующих тематик. Среди таковых выделялись

⁶ *Еремينا Н.А.* История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX-XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2006. 26 с. С.8.

⁷ *Павлова Л.В.* Ликвидация неграмотности взрослого населения. 1897-1939 гг. : на материалах Оренбуржья: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2006. 26 с. С. 6-7.

⁸ *Тетерятник О.П.* Культура Южного Урала в период НЭПА (1921-1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 1996. 22 с. С. 3-4.

⁹ *Южакова Н.Н.* Социально-демографические характеристики интеллигенции Казахстана (1917-1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00. 02. Алматы, 2000. 34 с. С. 4-5.

следующие: личности в культурно-политической судьбе Оренбурга в начале 1920-х гг., изучение работ государственных и общественных деятелей данного периода, деятельности по ликвидации неграмотности, в области культуры, эволюция перехода к тоталитарной системе управления, роль в судьбе государства элит, формировавшихся как в досоветский, так и советский период.

Переходя к теме изучения архивных источников, в данной статье мы рассмотрим материалы, находящиеся в архивах города Оренбурга: Государственного архива Оренбургской области и Оренбургского государственного архива общественно-политической истории.

В Государственном архиве Оренбургской области выделим следующие фонды:

Ф. Р-1 «Исполнительный комитет Оренбургского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, г. Оренбург Оренбургской губернии 25.03.1918 - 02.08.1928 гг.» содержит ряд дел с ценными материалами по исследуемой нами тематике. В деле 91 находятся сведения о процессе вхождения Оренбургской губернии вместе с городом Оренбургом в состав Казахстана. В частности сообщается о слиянии Оренбургско-Тургайской губернии, наименования их административных субъектов (областей, районов и уездов).¹⁰

Документы дела 90 дают сведения по способам привлечения к коммунистическим идеям мусульманского населения: в частности использование арабского шрифта для газет, базирование мусульманского подотдела в Оренбурге в здании Караван-Сарая, обеспечение этого отдела средствами для закупки литературы в культурно-просветительских целях.¹¹ Дела 95 и 96 дают разноплановый по содержанию материал: об Оренбурге как о «важном пролетарском центре», где проводились массовые советские мероприятия, находились посольские службы иностранных государств, к примеру, Персидское консульство¹²; организации национальных медицинских государственных учреждений (кумысолечебницы), выделении помещений для работников КирЦика и Совнаркома, об издательской деятельности Киргосиздатом и пр.¹³ В деле 626 предоставляются сведения о ходе процесса ликвидации безграмотности, борьбы с беспризорностью и ор-

¹⁰ ГАОО, Ф. Р-1, Оп.1, Д.91, Л. 174-175.

¹¹ ГАОО, Ф. Р-1, Оп.1, Д.90, Л. 2-19.

¹² ГАОО, Ф. Р-1, Оп.1, Д.95, Л.3-202.

¹³ ГАОО, Ф. Р.-1, Оп. 1, Д.96, Л. 1-188.

ганизации казахских школ в Оренбургской губернии.¹⁴ Вопросы территориального разграничения Казахской автономии в связи с проведением политики размежевания и процесса выделения Оренбургской губернии в 1924-1925 гг. рассматривались в деле 680.¹⁵ В деле 1008 говорилось о развитии Оренбурга как хозяйственно-административного центра и сохранения роли его срединного значения между Европой и Азией после выделения города из состава Казахстана.¹⁶

Фонд Ф. Р.-4 «Исполнительный комитет Оренбургского уездного Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, г. Оренбург, Оренбургской губернии 04.19.1918 – 30.05.1927 гг.». Здесь находятся разноплановые документы по проблемам развития печати, финансовой и налоговой политики Казахстана в 1920-е годы, национального вопроса, помощи голодающим, организации комитета взаимопомощи, культурного и экономического положения национальностей.¹⁷

Фонд Ф. Р.-186 «Плановая комиссия Оренбургского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губплан) г. Оренбург (1922-1927 гг.)», где находятся документы по обсуждению вопроса о районировании Казахстана с выделением города Оренбурга в отдельную административную единицу и необходимости строительства в республике центров по развитию культуры и искусства.¹⁸

Фонд Ф. Р.-450 «Отдел народного образования Оренбургского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губоно), г. Оренбург Средне-Волжской области (26.03.1918 - 30.07.1928 гг.)», в котором содержатся вопросы развития образовательной и культурной политики в Казахстане. К примеру, в деле 20 приводилась резолюция I Всекиргизской конференции по просвещению (23 марта 1921 года), которая ставила необходимым ряд задач: организацию воспитательно-образовательных учреждений, проведение мероприятий по обучению грамоте детей и взрослых, снабжение учащихся канцелярскими принадлежностями и учебной литературой, в том числе и на казахском языке.¹⁹

Фонд Ф. Р.-454 «Оренбургский губернский отдел по делам печати и зрелищ (гублит) при губернском отделе народного образования,

¹⁴ ГАОО, Ф. Р.-1, Оп.1, Д.626, Л. 168-250.

¹⁵ ГАОО, Ф. Р.-1, Оп.1, д. 680, Л. 47-50.

¹⁶ ГАОО, Ф. Р.-1, Оп.1, Д. 1008, Л.47-102.

¹⁷ ГАОО, Ф. Р.-4, Оп.1, Д.16, Л.145-150.

¹⁸ ГАОО, Ф. Р.-186 Оп. 1, Д. 20, Л. 31.

¹⁹ ГАОО, Ф. Р.450, Оп.1, Д.102, Л.39.

г. Оренбург (декабрь 1924 - июль 1928 гг.)». В данном фонде в Оп.1, Д. 18-А находится ценный материал по истории Казахстана в 1920-1925 гг. В деле рассматриваются важные детали по процессу образования и становления казахской автономной социалистической советской республики, формированию ее органов власти и данные по таким ключевым отраслям государственной политики, как территория, административное деление, образование, экономика, климат, природные условия и ресурсы, делопроизводство, количество печатной и выпускаемой продукции и др.²⁰

Не менее ценные документы по истории Казахстана в начале 1920-х гг. хранятся в Оренбургском государственном архиве общественно-политической истории. Среди многочисленных фондов наиболее важными нам кажутся следующие: это фонд Ф. 1 «Оренбургский губком ВКП (б), г. Оренбург, Оренбургская губерния (1919-1928 гг.)». В деле 168 сообщаются сведения по следующим вопросам: строительство советского аппарата в Казахстане, ликвидация остатков национального неравноправия, привлечение в государственные органы республики и в советскую партию представителей местного населения.²¹ Дело 4 содержит материалы по обсуждению необходимости присоединения Оренбурга как столицы будущей «Киргизской Республики».²² Дело 9 заключало в себе документы о работе II Оренбургской губернской конференции РКП (б) (4-5 марта 1919 г.), где выявлялись сложности реализации «права нации на самоопределение».²³ В деле 10 предлагается к исследованию Протокол III Оренбургской губернской конференции РКП (б) (17-27 ноября 1919 г.), где обсуждались проблемы вовлечения казахов в коммунистическое движение и «выработки общей линии проведения коммунизма на Востоке».²⁴ В деле 14 рассматривались вопросы значения города Оренбурга как центра мусульман Казахстана и Башкирии, а также для казачества. Кроме того, обозревается история обороны г. Оренбурга в период Гражданской войны, которой старались придать значение «символа советского государства».²⁵ В деле 19 исследуются вопросы организации школ и библиотек, ликвидации безграмотности, культурно-просветительской работы и клубного строительства.²⁶ Вопросы организа-

²⁰ ГАОО, Ф. Р-454, Оп. 1, Д. 18 А, Л. 1-148.

²¹ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.168, Л.1-10.

²² ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.4, Л.35-40.

²³ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д. 9, Л. 19.

²⁴ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.10, Л. 1-7.

²⁵ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.14 Л.1-3.

²⁶ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.120, Л.19.

ции кадровой политики и необходимости активного привлечения представителей казахского населения в советские органы в 1920-х гг. рассматривались в деле 427.²⁷ Данные по количеству и составу населения в Оренбурге и в Оренбургской губернии за 1920 и 1923 годы даются в деле 364.²⁸

Фонд 208 «Оренбургский губком ВЛКСМ, г. Оренбург, Оренбургская губерния (1919-1928)» хранит данные по истории организации работы молодежных организаций в Казахстане. В частности имеются материалы по спортивным выступлениям в честь всеказахских съездов молодежи.²⁹ Кроме того, содержатся резолюции по проведению организационной работы среди местной рабочей молодежи, деятельности по разъяснению законов и директив на казахском языке и т.д.³⁰ Материалы всеказахских конференций дают сведения по организации работ по пропаганде и сплочению молодежи в населенных пунктах, в трудовых и общественных организациях, а также в учебных заведениях.³¹

Фонд Ф-7931 «Коллекция фотодокументов» содержит богатый иллюстративный материал с уникальной визуальной, а иногда и текстовой информацией по историческим событиям и личностям Казахстана в первой четверти XX в. В их числе: отпечатки газет с мусульманским шрифтом, выходивших в Оренбурге в 1905-1907 гг.;³² фотографии солдат Актюбинско-Оренбургского и Восточного фронтов с Г.В. Зиновьевым и М.В. Фрунзе в 1918-1919 гг.;³³ фотодокументы политических деятелей С. Мендешева,³⁴ С.В. Пестковского, В.А. Радусеньковича, Ф.И. Голощекина,³⁵ А.Т. Джангильдина,³⁶ А. Кенжина, Н. Нурмакова, Н.Г. Калашникова и др.,³⁷ фотоснимки участников всеказахских съездов молодежи;³⁸ фотографии пути А. Джангильдина, руководившего доставкой вооружения Туркестанской армии в сентябре 1918 г.; фотографии активных участников за установление Советской власти в Оренбургской губернии: М.И. Калинина, В.В. Куйбы-

²⁷ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.427, Л.14-15.

²⁸ ОГАСПИ, Ф.1, Оп.1, Д.364, Л.2-5.

²⁹ ОГАСПИ, Ф.208, Оп.1, Д.96, Л.2.

³⁰ ОГАСПИ, Ф.208, Оп.1, Д.159, Л.22-23.

³¹ ОГАСПИ, Ф.208, Оп.1, Д.314, Л.5-8.

³² ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.119, Л. 3-10.

³³ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.80, Л.1-5.

³⁴ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.51 (6), Л.3.

³⁵ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.15, Л.9, 14-15.

³⁶ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.26, Л.1-15.

³⁷ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.101, Л.1-13.

³⁸ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.227, Л.4-7.

шева, В.А. Радус-Зеньковича, С.С. Пестковского, А.Т. Джангильдина, М.В. Фрунзе, С. Мендешева, А.Т. Джангильдина, И.А. Акулова, Ш.З. Элиавы, П.А. Кобозева, Ф.И. Голощекина, В.М. Ярославского.³⁹

Фонд Ф-7924 «Отдел истории партии Оренбургского губкома ВКП (б)». В данном фонде в делах 238 и 243 находятся номера журнала Казахстанского краевого комитета Российской коммунистической партии (большевиков) «Известия».⁴⁰ Содержание номера 1 за май 1925 г. было следующим: «Итоги III Пленума крайкома РКП (б)», «Основные направления землеустроительной политики КССР», «Что дал ленпризыв Казахской краевой организации РКП (б)», «К характеристике состояния школ политграмоты по городам КССР», «Антирелигиозная пропаганда в ауле».⁴¹

Конечно, это далеко не полный перечень архивных и историографических источников по теме пребывания города Оренбурга центром Казахской АССР (1920-1925 гг.), работа над обработкой и анализом которых в настоящее время еще продолжается автором. Но представленный в статье обзор показывает, что тема работы является весьма актуальной, а многие источники, находящиеся в архивах Казахстана и России, еще ждут своих исследователей.

Библиография

1. *Абсеметова Ж.* Большевицкий режим в Казахстане: становление и укрепление (1920-1933 гг.). Алматы: Қазақ университеті, 2007. 204 с.
2. *Аманжолова Д.А.* Советский проект в Казахстане: власть и этничность 1920-1930-е гг. Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.
3. *Бадрегдинова М.М.* Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа /1921 - 1927 годы/ : автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ин-т. Оренбург, 1995. 17 с.
4. *Бриллиантова О.Г.* Финансовая политика Советского правительства и ее осуществление на Урале : 1921-1939 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. аграр. ун-т. Оренбург, 2004. 45 с.
5. *Еремичева Н.А.* История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX-XX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2006. 26 с.
6. *Зубарева Т.В.* Из истории деятельности правоохранительных органов Южного Урала в выполнении экономической программы правительства в 1918-1930-х годах: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2004. 26 с.
7. *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане: 1917-1991 годы : автореф. дис. д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 2016. 48 с.

³⁹ ОГАСПИ, Ф. 7931, Оп. 1, Д.1, Л.1-2, 7-10.

⁴⁰ ОГАСПИ, Ф. 7924, Оп. 1, Д.238, Л.1-40.

⁴¹ ОГАСПИ, Ф. 7924, Оп. 1, Д.238, Л.1.

8. *Ковальская С.И.* Военная повседневность – новое исследовательское направление в истории Казахстана // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции; науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 88 – 92.

9. *Лихтин А.Н.* История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти: на материалах Оренбургского края XIX–XXI веков: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2005. 27 с.

10. *Моргунов К.А.* Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале : 1917 - 1939 г.г.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2000. 26 с.

11. *Мухамедина Ш.* Партийно-государственное регулирование хозяйственной жизни Казахстана (1920-1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. М., 1994. 34 с.

12. *Любичанковский С.В., Аканов К.Г.* Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начало XX вв. // Российский исторический журнал Былые годы. 2018. №2 (48). С. 484-495.

13. *Павлова Л.В.* Ликвидация неграмотности взрослого населения. 1897-1939 гг.: на материалах Оренбуржья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2006. 26 с.

14. *Румянцева М.Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник РУДН. Серия История России. 2006. № 2. С. 5-17.

15. *Сиргебаев Б.* Под знаменем интернационализма. (Деятельность организаций иностранных коммунистов РКП(Б) в Казахстане и Средней Азии в 1917-1922 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1988. 240 с.

16. *Султангалиева Г.С.* Роль Оренбурга в формировании казахской интеллигенции (XIX – начало XX вв.). // Казахи Оренбуржья: история и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Серия «Многонациональный мир Оренбуржья». Вып.16. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2005. С. 10-14.

17. *Тетерятник О.П.* Культура Южного Урала в период НЭПА (1921-1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 1996. 22 с.

18. *Тугай Т.И.* Деятельность краеведов Южного Урала по сохранению культурно-исторического наследия в 1914-1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2006. 250 с.

19. *Ускембаева Г.Ж.* Массовые крестьянские организации Казахстана (1921-1929 гг.): становление и опыт деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата, 1992. 29 с.

20. *Утешев С.У.* Участие профессиональных союзов Западного Казахстана в строительстве социализма (1917-1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата, 1973. 37 с.

21. *Южакова Н.Н.* Социально-демографические характеристики интеллигенции Казахстана (1917-1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00. 02. Алматы, 2000. 34 с.

Л.Т. Жайбалиева¹
Оренбург

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОРЕНБУРЖЬЯ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К НЭПУ

В статье анализируется состояние промышленности и положение рабочих Оренбургского края накануне перехода к новой экономической политике. Анализ опубликованных данных и архивных материалов приводит к выводу о кризисном положении всех отраслей промышленности. Переход к новым методам ведения хозяйства начинался в чрезвычайно сложных условиях. Показано, что положение осложнялось последствиями Гражданской войны и начавшимся голодом: шло сокращение и разукрупнение предприятий, уменьшение количества рабочих, снижение объемов выпускаемой продукции. С целью восстановления народного хозяйства и сохранения рабочих кадров вводились всеобщая трудовая повинность, меры по поднятию производительности труда и трудовой дисциплины. Преодолеть последствия разрухи и обеспечить устойчивое развитие промышленности региона дала возможность реализации нэпа.

Ключевые слова: промышленность, Оренбургье, губерния, рабочие, предприятия, народное хозяйство, транспорт, губернский комитет (губком), партийная организация.

L.T. Zhaibaliyeva
Orenburg

ORENBURG REGION INDUSTRY ON THE EVE OF TRANSITION TO NEW ECONOMIC POLICY

The article analyzes the state of industry and the situation of workers in the Orenburg region on the eve of the transition to a new economic policy. The analysis of published data and archival materials leads to the conclusion about the crisis situation in all industries. The transition to new methods of farming began in extremely difficult conditions. It is shown that the situation was complicated by the effects of civil war and the beginning of the famine: there was a reduction and downsizing of enterprises, reducing the number of jobs, the decline in production volumes. In order to restore the national economy and preserve the workforce, universal labor conscription was introduced, as well as measures to increase labor productivity and labor discipline. To overcome the consequences of the devastation and ensure sustainable development of the region's industry made it possible to implement the NEP.

Keywords: industry, Orenburg region, province, workers, enterprise, national economy, transport, provincial Committee (gubkom), party organization.

Период завершения Гражданской войны и перехода к новой экономической политике является особой страницей в истории Оренбургского региона, когда осуществлялся переход от одних экономических принципов к другим. Промышленность Оренбургья охватил жесточайший кризис, на глубину которого оказывали влияние последствия Гражданской войны и голода. Трагические события особенно сильно ударили по реги-

¹ *Жайбалиева Люция Турсунгалиевна* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Оренбургский государственный университет. Оренбург, Россия. E-mail: ra-58@mail.ru

ону, который в этот период являлся ареной военных действий. Кроме того, в удельном весе промышленности края наблюдался значительный вес пищевой и обрабатывающей промышленности, которые в большей степени зависели от положения в сельском хозяйстве.

Голод, разразившийся в стране и в регионе, привел к дальнейшему упадку промышленности. Если к концу Гражданской войны на территории Оренбуржья насчитывалось 570 крупных предприятий с числом рабочих 30 и более человек, то в 1921 г. их было всего 180², или 31,6 %. При этом выпуск промышленной продукции на действующих предприятиях резко уменьшился. Количество рабочих завода «Орлес» сократилось с 860 до 200 чел.³ (23,3%). В Главных железнодорожных мастерских вместо 3000 рабочих осталось 1800⁴, из ремонта стали выпускать 2 паровоза, тогда как до 1913 г. ежемесячно ремонтировали 7-8 паровозов. В 1921 г. из 386 паровозов в капитальном ремонте нуждались 58%⁵.

Спад промышленного производства продолжался. Разразился топливный кризис. В начале 1920 г. на сотни километров вокруг были разрушены железнодорожные мосты, пути, станции, прервана телеграфная связь. Только на участке Оренбург – Актюбинск разрушены 110 железнодорожных мостов, Соль-Илецкий соляной рудник.

Большинство предприятий бездействовало. Национализация, начавшаяся по постановлению ВСНХ от 29 ноября 1920 г., привела к остановке немногочисленных работающих мелких предприятий. Рабочие покидали заводы, в поисках продовольствия и топлива уходили в деревню. Те, кто оставался в городе, стремились перейти на работу к частнику-кустарю, так как там заработная плата была в 5 раз выше, чем на заводах и фабриках.

Предстояла огромная работа по преодолению хозяйственной разрухи, восстановлению транспорта, промышленности, сельского хозяйства. Вопросы по восстановлению народного хозяйства рассматривались на III губернской партийной конференции, проходившей в ноябре 1919 г. На ней присутствовало 84 делегата, которые представляли около 2 500 партийцев. Работа конференции и ее решения имели важное значение. Она подвела итоги работы, проделанной на освобожденной территории, определила задачи губернии по восстановлению народного хозяйства и политическому воспитанию рабочих, объявила всю партийную организацию мобилизованной для борьбы с хозяйственной разрухой.

² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496, Л. 2.

³ ГАОО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

⁴ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 11.

⁵ *Футорянский Л.И., Лабузов В.А.* Из истории Оренбургского края в период восстановления (1921-1927 гг.). Оренбург, 1998. С. 9.

По призыву конференции рабочие губернии начинают активное восстановление хозяйства. В газете «Коммунар» вводится рубрика «На хозяйственном фронте», где рассказывалось о том, как ведется борьба с разрухой. На предприятиях и транспорте проводились рабочие собрания о повышении производительности труда. Оренбургские железнодорожники, например, на проходившем в Главных мастерских митинге единодушно одобрили резолюцию, в которой было записано: «Постановляем удесятерить наши силы по ремонту паровозов и вагонов»⁶.

Важное значение имели решения II губернского съезда Советов, который открылся в марте 1920 г. Он прошел под знаком мобилизации всех сил на восстановление народного хозяйства губернии. «Борьба с хозяйственной разрухой, – указывал в своем докладе о текущем моменте секретарь Оренбургского губкома И.А. Акулов, – стоявшая раньше на втором плане, в силу чрезвычайного напряжения Республики, в данное время является главной задачей всех государственных учреждений».

Губернская партийная организация, хорошо понимая, что успешно восстановить народное хозяйство возможно только при активном участии самих рабочих, уделяет серьезное внимание укреплению своих связей с трудящимися через массовые организации – Советы, профсоюзы, комсомол и другие. Губисполком предпринял ряд решительных мер, направленных на обеспечение промышленности рабочей силой. В январе 1920 г. была введена всеобщая трудовая повинность. За уклонение от трудповинности полагалось заключение в концлагерь с конфискацией имущества⁷. Согласно обязательному постановлению губисполкома все предприятия с числом рабочих более четырех человек «в интересах точного учета рабочей силы, надзора и контроля за дисциплиной труда» должны были составлять ежедневный рапорт о явках на работу и прогулах⁸.

Активизировали работу профсоюзы. Принимались меры по поднятию производительности труда и трудовой дисциплины. В феврале 1920 г. президиум ГСНХ постановил признать необходимым улучшение материальных условий рабочих и организовать комиссию для разработки системы оплаты труда. Основной упор в этот период был сделан на трудовые мобилизации. В марте 1920 г. была объявлена мобилизация всех рабочих специальностей по строительному делу, потом – по текстильному и прилегающим к нему производствам. Впо-

⁶ Коммунар. 1919. 11 октября.

⁷ Коммунар. 1920. 25 января.

⁸ *Бадретдинова М.М.* Промышленность и рабочие Оренбуржья в период нэпа // Оренбургскому краю – 250 лет: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург, 1994. С. 80.

следствии подобные мобилизации, о которых оповещала газета «Коммунар», стали систематическими.

В эти труднейшие годы рабочие показали образец высокой гражданственности, пример героического труда. Организовывались многочисленные субботники, объявлялись недели труда, недели транспорта. При партийных комитетах создавались бюро по организации субботников. С осени 1919 г. субботники стали широко проводиться не только в Оренбурге, но и в других городах и селах губернии. Во всероссийском субботнике, состоявшемся 1 мая 1920 г., приняли участие рабочие всей губернии. На железнодорожном участке общее число работавших (не считая железнодорожников) составило 4 800 чел., произведено работ на 252 тыс. рублей. Проведена большая работа по погрузке и разгрузке вагонов, сбору металлолома. Успешно прошли в этот день субботники в Орске, в Соль-Илецке, Бугуруслане, Бузулуке, а также во многих селах. В с. Шарлык в субботниках 1, 2 и 9 мая участвовало 237 рабочих, которые трудились по 12,5 часов.

С 17 по 22 мая 1920 г. по приказу Губкомтруда прошла неделя труда. Продолжительность рабочего дня увеличилась на 3 часа. Железнодорожниками за это время отработано более 22 тыс. часов сверхурочно. С большим трудовым подъемом прошла в губернии и неделя трудового фронта. С огромным энтузиазмом трудились в эти дни рабочие Главных мастерских, кожевенных заводов и мельниц, строители Орской железной дороги, рабочие Соль-Илецкого рудника и др.

О трудовых успехах оренбуржцев регулярно сообщали газеты «Правда», «Гудок», «Беднота». 25 июня 1920 г. газета «Правда» писала: «В неделю трудового фронта на Оренбургском железнодорожном узле работало 8 505 человек в продолжении 113 740 часов и 22 694 часов сверхурочно. Поднято, отремонтировано и подготовлено к выпуску 55 паровозов, 19 классных вагонов и 125 товарных. Выгружено чугуна, угля и других грузов 84 180 пудов, погружено 69 792 пуда. Отлито и очищено чугунных отливок 1 938 пудов. Отремонтированного 18 катков, выточено разных изделий 5 943 штуки, убрано мусора 69 250 пудов, вырыто канав 6 900 сажень, исправлено пути 10 510 погонных сажень, сменено шпал 4 861. Общая стоимость произведенной работы 1 226 938 рублей»⁹.

Зимой 1919-1920 гг. первостепенное значение приобрело восстановление транспорта. ЦК РКП(б) в своем письме к членам партии указывал: «Нам угрожает катастрофа полной приостановки железнодорожного движения, если мы не сумеем в ближайшее время героическими усилиями добиться перелома... В этом спасение рабочих центров от адских мук голода и холода, залог возрождения всей нашей промышленности»¹⁰.

⁹ Правда. 1920. 25 июня.

¹⁰ Коммунар. 1920. 4 марта.

По всей стране, в том числе и в Оренбуржье, проводится неделя транспорта. Рабочие Главных мастерских на своем собрании 10 марта 1920 г. постановили: «Увеличить рабочий день в неделю транспорта на два часа, работы продолжать и в воскресные дни»¹¹. Молодежь Кувандыка занялась восстановлением мостов. Крестьяне деревень, расположенных по линии железной дороги, принимали активное участие в очистке путей от снежных заносов. 21 апреля 1920 г. газета «Правда» сообщала, что в Оренбурге в неделю транспорта железнодорожное депо выпустило из ремонта 34 паровоза и 86 вагонов. Литейным цехом очищено и обрублено литье 150 пудов. Отлито чугуна 131 пуд, выгружено огнеупорного литья 9 000 пудов. Производительность труда поднялась во всех цехах на 50%¹².

За 1919-1920 гг. в губернии восстановлены разрушенные железнодорожные мосты и пути, закончено сооружение линии Оренбург – Орск. К ноябрю 1920 г. количество отремонтированных паровозов достигло 41,1 %. Средняя скорость товарных поездов превысила плановую и составила в 1920 г. 14,3 версты¹³.

Вступали в строй восстановленные предприятия промышленности. Так, Соль-Илецкий рудник с каждым месяцем увеличивал добычу соли, достигнув в ноябре 1920 г. довоенный уровень. К осени 1920 г. из 3 192 фабрично-заводских и ремесленно-кустарных промышленных заведений Оренбургско-Тургайской губернии действовало 2 925, на которых работало 21 525 рабочих¹⁴. Принимались меры по организации новых предприятий по переработке продукции сельского хозяйства. В июле 1920 г. вступил в строй Оренбургский консервный завод производительностью 200 мясных туш в день. В том же году было открыто 40 небольших маслодельных заводов.

Последствия двух войн невозможно быстро преодолеть на одном энтузиазме. Восстановление промышленности тормозили нехватка сырья, отсутствие топлива, недостаток рабочей силы (производство было обеспечено рабочей силой лишь на 41%). Экономические трудности порождали политическое недовольство. Летом 1920 г. имели место аресты рабочих за самовольное собрание¹⁵. В ноябре произошло восстание рабочих Орской железной дороги, которое длилось 3 дня. В Оренбургском районе рабочие и крестьяне выражали недовольство продполитикой, в Краснохолмском были настроены враж-

¹¹ *Футорянский Л.И.* Дела вечно живые: комсомол и молодежь Оренбуржья в годы Гражданской войны. Челябинск, 1968. С. 71.

¹² Правда. 1920. 21 апреля.

¹³ *Футорянский Л.И.* Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Оренбург, 1968. С. 26.

¹⁴ Статистический ежегодник. 1918-1920 гг. / ЦСУ. Вып. 1. Т. VIII. М. 1921. С. 185.

¹⁵ ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 137. Л. 174 об.

дебно к советской власти. В самом Оренбурге антисоветских группировок выявлено не было, лишь на заводе «Орлес» группа меньшевиков в 8-10 чел. вели «определенно противосоветскую агитацию»¹⁶.

Для выполнения намеченной на 1921 г. производственной программы необходимо было обеспечить промышленность рабочими кадрами. Для этого организованы 6-месячные курсы по подготовке квалифицированных рабочих, принята новая тарифная и премиальная система оплаты труда. Объявлена борьба с трудовым дезертирством, поскольку прогулы оставались весьма частым явлением во всех отраслях промышленности. Ставился вопрос об электрификации, был организован чрезвычайный технический комитет по эксплуатации водных сил края с целью использования электроэнергии в промышленности¹⁷.

Несмотря на значительные сложности, просчеты и перегибы, власти все же удалось преодолеть последствия Гражданской войны и частично восстановить в рассматриваемый период мелкие и средние предприятия перерабатываемой промышленности, транспорт, топливную промышленность. Однако цена, заплаченная за относительную стабилизацию, была крайне высокой. Заметных успехов одержать не удалось. Весной 1921 г. более половины предприятий не работало, производительность труда составляла 50% возможной.

Процесс возрождения промышленности региона был непростым, противоречивым в связи с поиском новых методов хозяйствования, внедрением их в экономическую жизнь. Коренным поворотом, изменившим направление и методы экономической политики, стали решения X съезда РКП(б) в марте 1921 г., в которых была разработана качественно новая концепция путей восстановления экономики страны на основе новых хозяйственных методов экономического стимулирования.

Библиография

1. *Бадретдинова М.М.* Промышленность и рабочие Оренбуржья в период нэпа // Оренбургскому краю – 250 лет: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург, 1994. С. 79-82.
2. *Футорянский Л.И.* Дела вечно живые: комсомол и молодежь Оренбуржья в годы Гражданской войны. Челябинск, 1968.
3. *Футорянский Л.И.* Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Оренбург, 1968.
4. *Футорянский Л.И., Лабузов В.А.* Из истории Оренбургского края в период восстановления (1921-1927 гг.). Оренбург, 1998.

¹⁶ ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. Л. 1-4.

¹⁷ *Бадретдинова М.М.* Промышленность и рабочие Оренбуржья в период нэпа // Оренбургскому краю – 250 лет: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург, 1994. С. 81.

В.А. Журавлева¹
Златоуст
М.И. Мирошниченко²
Челябинск

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЗЛАТОУСТА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1939 г.)**

В статье на основе материалов переписи 1939 г. анализируются изменения в социальной структуре и занятости населения Златоуста под воздействием промышленной реконструкции. Перепись выявила рост доли лиц, имеющих занятие, среди горожан.

Выросла доля женщин среди самостоятельного населения. Основными категориями экономически активных жителей оставались рабочие и служащие. Специфика Златоуста заключалась в том, что основная часть горожан работала в промышленности. Вытеснение частного капитала привело к сокращению численности мелких торговцев и кустарей-ремесленников, крупный частный капитал был ликвидирован вообще. Социальный состав города потерял свое многообразие и стал более однородным.

Ключевые слова: Урал, промышленная модернизация, городское население, социальная структура, занятость населения.

V.A. Zhuravleva
Zlatoust
M.I. Miroshnichenko
Chelyabinsk

**SOCIAL STRUCTURE AND EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF
ZLA TOUST IN THE CONDITIONS OF INDUSTRIAL RECONSTRUCTION
OF THE CITY (ACCORDING TO THE 1939 CENSUS)**

Based on the 1939 census, the article analyzes changes in the social structure and employment of the population of Zlatoust under the influence of industrial reconstruction. The census revealed an increase in the share of people having classes among citizens. The proportion of women among population having classes has increased. The main categories of economically active residents remained workers and employees. The specificity of Zlatoust was that the bulk of the townspeople worked in industry. The crowding out of private capital led to a reduction in the number of small traders and artisans; large private capital was completely liquidated. The social composition of the city has lost its diversity and become more homogeneous.

Keywords: Ural, industrial modernization, urban population, social structure, employment.

Промышленная модернизация Урала внесла коррективы в социальную структуру и занятия населения Златоуста. За период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г. численность самодей-

¹ *Журавлева Вера Анатольевна* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета (научного исследовательского университета) в г. Златоусте. Златоуст, Россия. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта №08-01-85106а/У

² *Мирошниченко Мария Ильинична* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск, Россия. E-mail: mmi74@yandex.ru

тельных горожан увеличилась с 20771 до 36589 чел., т.е. в 1,8 раза. Их доля в общей массе жителей города возросла с 43 до 48,8 %³.

Перепись населения 1939 г. отразила изменения в социальной структуре населения Златоуста вследствие промышленной реконструкции города. Программа переписи содержала вопрос об источниках средств существования населения. Исходя из них, горожане делились на лица, имеющие занятия; членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве; иждивенцев отдельных лиц и нетрудящихся с семьями. Распределение населения Златоуста по источникам средств существования представлено в табл. 1.

За период между переписями 1926 и 1939 гг. выросла доля самостоятельных или лиц, имеющих занятия, среди населения Златоуста. По данным табл. 1, она составила 43,9 %, что было выше аналогичного показателя по городам Челябинской области (41,9 %), но ниже по городам РСФСР (47,9 %)⁴. Как и в 1920-е гг., подавляющее большинство экономически активных жителей Златоуста составляли мужчины. Но если в 1926 г. их доля среди самостоятельных равнялась 72,2 %, то в 1939 г. она составила 59,9 %. Снижение доли мужчин среди лиц, имеющих занятия, свидетельствовало об активном включении женщин в общественное производство в годы индустриализации. Об изменении роли женщин в экономической жизни Златоуста свидетельствовали материалы переписи 1939 г. Они показали, что треть жительниц города (32,9 %) имела занятие, а в 1926 г. таких было менее четверти (23,5 %).

Таблица 1⁵

Распределение населения Златоуста по источникам средств существования (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.), чел.

Категории населения	Всего	В том числе по источникам средств существования					
		Лица, имеющие занятия	Члены семьи, занятые в личном подсобном хозяйстве	Стипендиаты, пенсионеры, прочие иждивенцы государства, колхозов и общественных организаций	Иждивенцы отдельных лиц	Нетрудящиеся	Лица, неточно указавшие источник существования
Всего	99 415	43 676	4612	4330	46 144	15	638
Мужчины	46 142	26 167	20	1/62	17 759	7	427
Женщины	53 273	17 509	4592	2568	28 385	8	211

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. XXI. Отд. II. С. 400; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 313.

⁴ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 200; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат. / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 247.

⁵ Таблица составлена по: Архив Златоустовского городского округа (далее – АЗГО). Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1а. Л. 4 об.

В 1939 г. в результате проведения государственной политики по вовлечению женщин в общественное производство на 1000 самодеятельных мужчин в Златоусте приходилось 660 экономически активных женщин, тогда как в 1926 г. – всего 380. Показатель по Златоусту оказался лучше аналогичных данных по городам Челябинской области (550 горожанок, имеющих занятия, на 1000 горожан с самостоятельным доходом)⁶.

Доля членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве, по данным табл. 1, составила 4,6 % от всех жителей Златоуста, что было значительно меньше, чем в целом по городам Челябинской области (6,5 %). Подавляющее большинство их представляли женщины (99,6 %).

Стипендиаты, пенсионеры, прочие иждивенцы государства, колхозов и общественных организаций составляли 4,4 %, а иждивенцы отдельных лиц – 46,4 % от всех златоустовцев. Большую часть их представляли женщины – соответственно 59,3 и 61,5 %.

В 1939 г. в Златоусте проживали и нетрудящиеся (с семьями), но их было очень мало – всего 15 чел. В конце 1930-х гг. к данной категории относились служители культа и деклассированные (обитатели подвалов, чердаков, прочих нежилых помещений, не имевшие прописки и средств к существованию). 638 жителей города неточно указали источник средств своего существования.

Таким образом, как показала перепись 1939 г., по источникам средств существования в Златоусте, как и в городах Челябинской области в целом, преобладали иждивенцы отдельных лиц. Вместе с тем наиболее существенной была доля мужчин, имевших занятия, а женщин – иждивенцев отдельных лиц.

В течение 1930-х гг. под прямым воздействием и огосударствления всех сфер советской экономики коренным образом изменился социальный облик Златоуста (табл. 2).

В материалах переписи 1939 г. по сравнению с переписью 1926 г. уже отсутствует категория «хозяева с наемными рабочими». Вместо социальных групп «хозяева, работающие только с членами семьи» и «хозяева-одиночки» появились «некооперированные кустари» и «крестьяне-единоличники». Содержащиеся в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что доля этих общественных групп в общей массе населения Златоуста, имевшего занятия, была невелика. Удельный вес некооперированных кустарей был 0,5 %, а крестьян-единоличников – 0,2 %, что было примерно на уровне аналогичных показателей по городам Челябинской области (соответственно 0,6 и 0,2 %) и

⁶ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 247.

РСФСР (0,5 и 0,2 %) ⁷. Среди неорганизованных кустарей преобладали мужчины (80,3 % от общей численности их), а среди крестьян-единоличников – женщины (56,5 %).

Таблица 2⁸

Социальный состав населения Златоуста, имевшего занятие, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Категория населения	Все-го	В том числе						
		рабо-чие	служа-щие	кол-хоз-ники	коопери-рованные кустары	некоопе-рированные кустары	крестьяне-единолич-ники	
Всего	чел.	43 676	30735	11585	717	343	234	62
	%	100	70,4	26,5	1,6	0,8	0,5	0,2
Мужчины	чел.	26 167	18850	6321	569	212	188	27
	%	100	72,0	24,2	2,2	0,8	0,7	0,1
Женщины	чел.	17 509	11885	5264	148	131	46	35
	%	100	67,9	30,1	0,8	0,7	0,3	0,2

Неорганизованные кустары-горожане были задействованы в основном в швейном, сапожном и башмачном деле, они были жестянщиками, паяльщиками, лудильщиками, часовщиками, валяльщиками и проч. Подавляющее большинство крестьян-единоличников указало в качестве занятия сельское хозяйство, но без обозначения конкретной специальности.

В конце 1930-х гг. большая часть бывших самостоятельных хозяев была связана с кооперацией. Но представителей этой общественной группы в Златоусте также было немного. По данным табл. 2, их доля среди экономически активных горожан составила 0,8 %, что оказалось гораздо ниже аналогичных показателей по городам Челябинской области (1,8 %) и особенно городам РСФСР (3,6 %) ⁹. Удельный вес мужчин среди организованных кустарей был высок и достигал 61,8 %. Организованные кустары были задействованы в основном в производственной сфере. Среди них были жестянщики, паяльщики, лудильщики, валяльщики и сукновалы, портные и швеи, сапожники и башмачники, возчики, извозчики, ломовые и проч., т.е. организованные кустары занимались оказанием услуг населению.

В 1939 г. в составе населения Златоуста были и колхозники, в то время как в 1926 г. существовала социальная группа «сельские хозяйства». На городских окраинах располагались колхозы, которые специа-

⁷ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

⁸ Таблица составлена и рассчитана по: АЗГО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1а. Л. 4 об.

⁹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

лизировались на производстве овощной и молочной продукции для нужд жителей Златоуста. По данным табл. 2, удельный вес колхозников среди горожан, имевших занятие, был небольшой – 1,6 %, что было значительно ниже аналогичных показателей по городам Челябинской области (3 %) и РСФСР (3,2 %) ¹⁰. Подавляющее большинство колхозников-горожан – это мужчины (79,4 %).

Большинство самодельного населения Златоуста составляли рабочие государственных предприятий и служащие госпредприятий и учреждений. Если в период переписи 1926 г. удельный вес этих социальных групп среди самодельного населения города составил 72,4 %, то по итогам апрельского учета 1931 г. – уже 87,7 % ¹¹. Перепись 1939 г. показала, что доля рабочих и служащих среди экономически активных златоустовцев достигла 96,9 % (см. табл. 2), что превысило аналогичные показатели по городам Челябинской области (94,4 %) и РСФСР (92,5 %) ¹².

Бурное индустриальное развитие Златоуста в течение 1930-х гг. привело к значительному росту численности рабочих. Только за период между переписью 1926 г. и апрельским учетом 1931 г. их число выросло с 9868 до 22 412 чел., или в 2,3 раза, а удельный вес среди самодельных горожан поднялся с 47,5 до 61,3 % ¹³. В 1930-е гг. продолжился рост численности рабочих, хотя и не такими темпами, – в 1935 г. их насчитывалось 23 461 чел. ¹⁴ В 1939 г., по данным табл. 2, в Златоусте трудилось 30 735 рабочих, т.е. их численность выросла за 1931–1939 гг. в 1,4 раза. Рабочие составили среди экономически активных жителей Златоуста 70,4 %, что превышало аналогичные показатели по городам Челябинской области (65,9 %) и РСФСР (59,8 %) ¹⁵. Значительную часть рабочих (61,3 %) составляли мужчины, причем доля мужчин-рабочих среди самодельных мужчин превышала общегородской уровень. Эта особенность была характерна в целом для всех российских городов.

За годы модернизации Златоуста выросла численность женщин-работниц. Если в 1926 г. их насчитывалось всего 1152 чел., то в 1939 г. –

¹⁰ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

¹¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С. 313.

¹² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

¹³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. С. 400; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. С. 313.

¹⁴ АЗГО. Ф. Р–242. Оп. 1. Д. 4. Л. 80 об.

¹⁵ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

уже 11 850 чел., т.е. рост был в 10,3 раза. Доля женщин-работниц среди экономически активных горожанок поднялась с 20 до 67,9 %.

В конце 1930-х гг., по данным табл. 2, 26,5 % экономически активных златоустовцев были служащими. Этот показатель уступал аналогичному по городам Челябинской области (30,6 %) и РСФСР (32,7 %) ¹⁶. При численном росте этой социальной группы за период между переписями 1926 и 1939 г. в 2,2 раза удельный вес их среди лиц, имевших занятие, увеличился ненамного – на 1,6 %. Больше половины служащих (54,6 %) были мужчинами. Вместе с тем доля женщин-служащих среди занятых женщин (30,1 %) превосходила долю мужчин-служащих среди занятых мужчин (24,2 %).

Всесоюзная перепись 1939 г. показала экономическую специфику Златоуста. Основная масса горожан, имевших занятие, была задействована в промышленности, по данным табл. 3, их доля достигала 61,5 %, тогда как в городах Челябинской области этот показатель был равен 46 %. При этом удельный вес самостоятельных мужчин, трудившихся на промышленных предприятиях, был выше, чем женщин, – 63,5 против 58,4 %. Высокая занятость горожан в промышленности свидетельствовала об индустриальном развитии Златоуста. В остальных отраслях народного хозяйства доля экономически активных горожан была существенно ниже. По численности работников за промышленностью шли транспорт и связь; торговля, заготовки и общественное питание; просвещение, наука, искусство и печать; строительство; здравоохранение; государственные учреждения, партийные и общественные организации; жилищное и коммунальное хозяйство; сельское хозяйство и лесное хозяйство.

Распределение по отраслям, за исключением промышленности, представителей разного пола имело свои особенности (см. табл. 3). Значительная часть мужчин трудилась на транспорте и в связи; в торговле, заготовках и общественном питании; в строительстве; госучреждениях, партийных и общественных организациях; в просвещении, науке, искусстве и печати; в жилищном и коммунальном хозяйстве; в лесном и сельском хозяйстве.

У женщин по востребованности после промышленности шли торговля, заготовки и общественное питание; здравоохранение; транспорт и связь; просвещение, наука, искусство и печать; госучреждения,

¹⁶ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 197; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 246.

партийные и общественные организации; строительство; жилищное и коммунальное хозяйство; сельское и лесное хозяйство.

По данным табл. 3, женщины преобладали в торговле, заготовках и общественном питании; здравоохранении; просвещении, науке, искусстве, печати. В остальных отраслях превалировал мужской труд.

Таблица 3¹⁷

**Распределение населения Златоуста, имеющего занятие,
по отраслям народного хозяйства (по данным Всесоюзной
переписи населения 1939 г.)**

Отрасли народного хозяйства	Всего		В том числе:			
	чел.	%	Мужчины		женщины	
			чел.	%	чел.	%
Промышленность	26 845	61,5	16 624	63,5	10 221	58,4
Строительство	1585	3,6	1164	4,5	421	2,4
Лесное хозяйство	574	1,3	494	1,9	80	0,5
Сельское хозяйство	622	1,4	317	1,2	305	1,7
Транспорт и связь	4367	10,0	3111	11,9	1256	7,2
Торговля, заготовки и общественное питание	3130	7,2	1407	5,4	1723	9,9
Жилищное и коммунальное хозяйство						
Здравоохранение	787	1,8	447	1,7	340	1,9
Просвещение, наука, искусство, печать	1528	3,5	269	1,0	1259	7,2
Госучреждения, партийные и общественные организации	1915	4,4	669	2,6	1246	7,1
Не распределены по отраслям						
	1112	2,5	690	2,6	422	2,4
	1211	2,8	975	3,7	236	1,3
Всего лиц, имеющих занятие	43 676	100	26 167	100	17 509	100

В целом социально-экономическая политика Советского государства изменила социально-экономическую структуру Златоуста. Вытеснение частного капитала привело к значительному сокращению численности мелких торговцев и кустарей-ремесленников, а крупный

¹⁷ Таблица составлена и рассчитана по: АЗГО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1а. Л. 4.

частный капитал вообще был ликвидирован. Социальный состав города потерял свое многообразие и стал более однородным. На социальный облик Златоуста повлияла и промышленная модернизация Урала. В 1930-е гг. в системе общественного производства возросла численность рабочих и служащих при сокращении удельного веса других социальных групп. В городе исчезла безработица. Индустриализация способствовала росту численности экономически активных горожан, включению женщин в общественное производство.

Библиография

1. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат. / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

В.В. Каплюков¹
Екатеринбург

ДОКУМЕНТЫ ЦДООСО ОБ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТАХ И РАБОЧИХ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-е гг.

Представлен комплекс находящихся на хранении в ЦДООСО архивных документов о практике трудового использования иностранных специалистов и рабочих, участвовавших в конце 1920 – 1930-е гг. в социалистическом строительстве на Урале. Выявлены новые материалы о социально-бытовом положении и политических настроениях инороботников; некоторые статистические сведения, позволяющие уточнить масштаб использования иностранцев в уральской промышленности. Вывод о значительном источниковедческом потенциале вводимых в научный оборот документов.

Ключевые слова: Урал, индустриализация, иностранные специалисты, иностранные рабочие, трудовое использование, материально-бытовое положение, политические настроения, архивные документы, исторический источник.

V.V. Kaplyukov
Ekaterinburg

DOCUMENTS OF TSDOOS ON FOREIGN SPECIALISTS AND WORKERS IN THE URALS AT THE LATE 1920 - EARLY 1930s.

A set of archival documents stored in TsDOOSO on the practice of labor use of foreign specialists and workers who participated in the late 1920s - 1930s is presented. in socialist construction in the Urals. Revealed new materials about the social situation and political attitudes of foreign workers; some statistical information to clarify the scale of the use of foreigners in the Ural industry. Conclusion on the significant source research potential of documents introduced into scientific circulation.

Keywords: Ural, industrialization, foreign specialists, foreign workers, labor use, material and living conditions, political sentiments, archival documents, historical source.

В процессе работы с фондами ЦДООСО выявлен комплекс документов о пребывании на Урале в конце 1920 – 1930-е гг. иностранных специалистов и рабочих, привлеченных советскими властными структурами для работы на промышленных предприятиях, в организациях и учреждениях региона².

Весь «инокоонтингент» подразделялся на приглашенных на работу в СССР специалистов и рабочих; политэмигрантов (по представлении справок ЦК МОПР «о полиэмигрантстве»); представителей, приглашенных наркоматами иностранных фирм по монтажу оборудования («монтеров»); лиц, прибывших в СССР на учебу (по представлении соответствующих справок Наркоминдела либо Наркомпроса); иждивенцев иностранных специалистов и рабочих.

¹ *Каплюков Владимир Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора ЦДООСО по научно-методической работе, Екатеринбург. Россия. E-mail: v.kaplyukov@egov66.ru

² Некоторые из этих документов были использованы при подготовке ранее опубликованных научных статей и диссертаций. См.: [1 – 5].

Во II – III кварталах 1932 г. общее количество находившегося на обеспечении ИНСНАБа³ контингента, включая иждивенцев, составляло по десяти районам Уральской области от 2050 до 2350 чел. В «иноконтингент», учитываемый ИНСНАБом, не включались так называемые «перемещенцы» (порой в документах они именовались политэмигрантами⁴), количество которых подлежит уточнению (таблица).

**Количество иноспециалистов, обслуживаемых
Уральской конторой ИНСНАБа (по состоянию на 1 июня 1932 г.)⁵**

№№ п/п	Район	Количество						
		Ино- странных специа- листов	Их ижди- венцев	Инора- бочих	Их ижди- венцев	Мон- теров	Их ижди- венцев	Всего
1.	Свердловск	147	161	104	78	-	-	491
2.	Пермский	14	16	23	35	-	-	88
3.	Тагильский	84	110	132	61	-	-	387
4.	Березники	65	38	36	61	64	-	264
5.	Надеждинский	12	13	43	40	2	5	115
6.	Кизеловский	21	28	28	28	3	-	108
7.	Челябинский	70	53	64	61	12	-	260
8.	Магнитогорский	130	84	103	112	-	-	429
9.	Златоустовский	26	29	16	27	1	-	99
10.	Вишерский	25	-	75	-	-	-	100
	Итого:	594	552	624	503	82	5	2349

Как правило, приему иностранных специалистов предшествовала значительная организационная работа местных партийных, советских и профсоюзных органов, нацеленная на максимально эффективное использование их трудового потенциала в соответствии с заявляемой квалификацией. Так, в июле 1930 г. бюро Уралобкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о создании надлежащих условий труда и быта 80 немецких инженеров и техников металлургической отрасли, 64 специалистов лесной и до 250 рабочих и специалистов горной промышленности. В Надеждинске были востребованы 36 инженеров и техников, в Златоусте – до ста европейских рабочих, в Чусовом 50 котельщиков. Под личную ответственность советских и хозяйственных руководителей предписывалось «обеспечить прибывающих инженеров, техников и рабочих жилищным и продовольственным снабжением», «использовать их на узких и ответственных постах

³ ИНСНАБ – в советской России периода индустриализации специальная контора Государственного объединения розничной торговли по снабжению иностранных специалистов и рабочих продовольствием и промышленными товарами.

⁴ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 698. ЛЛ. 28 – 29.

предприятий), «обеспечить среди них постановку политической и массовой работы»⁶.

В делах сектора по работе среди иностранных рабочих и специалистов агитмассового отдела Уралобкома ВКП(б) отложились информационные материалы о трудовом использовании иностранных специалистов и рабочих, условиях их работы и быта, политических настроениях и т.п.; справки по результатам проводимых инстанциями проверок, содержащие в числе прочего рекомендации партийным, советским, профсоюзным, комсомольским и хозяйственным органам по повышению эффективности использования иностранных специалистов в работе по социалистической реконструкции народного хозяйства. Так, комиссией по обследованию работы иностранцев на строительстве треста «Ураласбест» отмечались в справке в обком ВКП(б) от 1 апреля 1932 г. «большая тяга иностранцев к советской действительности, их добросовестное отношение к производству (аккуратность, дисциплинированность), внесение ряда ценнейших предложений» и т.п. При этом обращалось внимание на выявленные в ходе проверки недостатки, в том числе «использование иностранцев не по специальности, иногда даже при наличии имеющихся для этого условий», «игнорирование передачи опыта иностранцев русским рабочим», «отсутствие массовой политико-воспитательной работы среди иностранцев», запущенность социально-коммунальной сферы и др.⁷

Аналогичные вполне умеренные суждения и оценки содержались в отчете в ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1932 г. специальной бригады ЦК партии, выезжавшей в январе – феврале 1932 г. в гг. Березники и Соликамск для контроля состояния работы с иностранными специалистами и рабочими на предприятиях объединения «Союзкалий». Оценивая характер трудового использования в Соликамске 35 иностранных рабочих и специалистов (судя по всему, в основном немцев), руководители бригады отмечали грамотную работу иностранного сектора объединения во главе с членом ВКП(б) румыном Адамеску, удовлетворительность бытового обслуживания и жилищных условий иностранных специалистов, относительную вовлеченность членов их семей в образовательную и культурную жизнь предприятия и его социальной инфраструктуры.

В отчете констатировались систематическое перевыполнение «лучшей частью иностранных рабочих» плановых показателей; их участие в профсоюзной работе, подписке на заем «Пятилетка в 4 года» и – наравне с русскими рабочими – в проводимых субботни-

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 27. Л. 22.

⁷ Там же. Оп. 10. Д. 696. Л. 2.

ках. Одновременно высказывались рекомендации по активизации работы в среде иностранцев партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, всемерному поощрению ударничества; преодолению предвзятого отношения к иноспециалистам, в том числе политэмигрантам, со стороны части хозяйственных кадров; пресечению «нездоровых настроений» в среде иностранцев⁸.

Весьма неплохо оценивалась в это время, причем самими же иностранцами, состояние трудового использования прибывших из-за границы специалистов и рабочих в Златоусте. В отчете о работе инсекции Златоустовского клуба РНХ (? – В.К.), подписанном Шубертом и Майером, сообщалось, что на Инструментальном заводе – комбинате имени Ленина – сформированной полностью из иностранцев ударной бригадой было подано 24 рационализаторских предложения, 22 из которых были приняты БРИЗом предприятия; семь специалистов и рабочих были вовлечены в культурно-массовую работу вплоть до того, что заводом в местном театре была забронирована для иностранцев на все спектакли отдельная ложа⁹.

Схожие сообщения поступали в Уралобком ВКП(б) и с других предприятий и строек. На Калатинском комбинате шесть рабочих и один специалист из числа прибывших на предприятие иностранцев «женились здесь на русских гражданках», а «многие [из] инорбочих заявляют, что они больше в Америку не возвратятся, а будут жить и работать... в СССР»¹⁰. Десятью иностранцами, работавшими на Лысьвенском заводе, было подано 23 рацпредложения с общим экономическим эффектом 300 тыс. руб.¹¹ В выступлении в Магнитогорске на посвященном 15-й годовщине Октября торжественном заседании члена делегации МОПР Г. Дункера из Берлина выражалось восхищение «энтузиазмом в ударничестве» немецких рабочих Магнитостроя¹². О сложившейся эффективной системе работы с иностранцами докладывало в обком партии руководство Надеждинского завода¹³. В спокойном тоне была выдержана информация об использовании иностранных работников на предприятиях Управления «Востокруда», планировавшего принять к концу I квартала 1932 г. свыше 100 иностранных инженеров и рабочих¹⁴.

⁸ Там же. ЛЛ. 4 – 10 об.

⁹ Там же. ЛЛ. 25 – 25 об.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 52.

¹² Там же. Л. 79.

¹³ Там же. ЛЛ. 90 – 92. На предприятии в апреле 1932 г. числилось 47 иностранных специалистов и рабочих, в основном немцев (в том числе больше половины – коммунистов), а всего с членами семей в иностранной группе насчитывалось свыше 90 человек.

¹⁴ Там же. Л. 15.

В целом вполне позитивная информация о работе иностранцев поступала в агитмассовый отдел обкома ВКП(б) с крупнейших объектов региона – Уралмашиностроя, Тагилкомбинатостроя и Тагилвагоностроя. Так, из 64 иностранных специалистов и рабочих УМС 42 числились ударниками, более половины являлись членами добровольных обществ «МОПР», «Осоавиахим», «ОПТ» (? – В.К.), «Безбожник»¹⁵. 16 марта 1932 г. в знак «единения всех пролетариев и укрепления обороны СССР против объединенных сил капиталистических стран» объявило себя ударниками общее собрание иностранных рабочих Нижнего Тагила¹⁶. На первоуральском заводе «Хромпик» отмечались факты, когда рабочие-немцы «сами, без указания мастера, оставались работать после окончания работы, если того требовало дело, ... вносили ценные предложения по улучшению производства»¹⁷.

Однако комплексный анализ имеющихся документов убеждает, что с трудовым использованием иностранцев на Урале, обеспечением надлежащих условий их работы и быта все обстояло вовсе не так благополучно¹⁸. Из десяти немецких рабочих, прибывших на Верхне-Кыштымский механический завод, четверо весьма скоро вернулись в Германию, «не удовлетворяясь заработной платой, квартирными условиями»; в среде оставшихся фиксировались «нездоровые настроения», порождаемые «недостаточным вниманием, отсутствием работы» со стороны профсоюзных и партийных органов¹⁹. На Верхне-Салдинском заводе «Востокостали» в результате нераспорядительности и безразличия руководства заводоуправления, общественных организаций и местной больницы была допущена смерть иностранного специалиста К. Флесселя²⁰. «Пресквернейшую постановку» использования опыта передовой иностранной техники на Карабашском комбинате цветной металлургии, где работали 11 иностранцев, в том числе пять американских инженеров, констатировал 6 января 1932 г. в докладной записке руководителю бюро по работе среди инорабочих и специалистов Дерев²¹.

Дополнительные проблемы в трудовом использовании иностранных рабочих и специалистов порождались непростыми отношения-

¹⁵ Там же. Л. 120.

¹⁶ Там же. Л. 122. В Нижнем Тагиле по состоянию на 22 февраля 1932 г. работало 136 инженеров, техников, мастеров и квалифицированных рабочих из-за границы, в том числе 81 американец, 39 немцев и 10 представителей Чехословакии. Там же. Л. 129. ¹⁷ Там же. Л. 150.

¹⁸ К слову сказать, в части документов о соответствующих проблемах говорилось – в стилистике начала 1930-х гг. – вполне определенно.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. ЛЛ. 16 – 17.

²⁰ Там же. ЛЛ. 18 – 21.

²¹ Там же. Л. 28.

ми, складывавшимися у них с советскими работниками, а также в их собственной среде. На Карабашском комбинате отмечались «ненормальные отношения» между инорабочими и иноспециалистами («специалисты говорят, что инорабочие плохо работают, а инорабочие говорят, что специалисты являются лжеспециалистами») «на почве перевезенных традиций из Америки..., ибо специалисты стоят ближе к хозяевам, чем к рабочим (как вообще аристократия труда)»²². На Кочкарском прииске американский инженер Генри Шик, возмущенный грубым нарушением правил горного надзора со стороны машиниста шахты, нанес ему побои, что стало предметом разбирательства на уровне Уральской областной рабоче-крестьянской инспекции²³. В Красноуральске отмечалась рознь между рабочими и специалистами одиннадцати национальностей, прибывшими для работы на предприятиях цветной металлургии из Североамериканских Соединенных Штатов, с одной стороны, и из европейских стран, с другой²⁴. При том, что снабжение и питание иностранцев в Нижнем Тагиле оценивалось «лучше, чем в Магнитогорске и на Уралмашинстрое», иноспециалисты, в частности американский инженер Купер, выражали нежелание «видеть русских» в магазине ИНСНАБа. Некоторое раздражение вызывало у советских властей вполне естественное желание иностранцев пить качественную воду и пользоваться для удовлетворения собственных бытовых нужд электричеством²⁵. В июльских 1933 г. предложениях комиссии Уралобкома ВКП(б) об улучшении культурно-бытового обслуживания перебежчиков на Златоустское Уралторгу предлагалось, как нам кажется, не без скрытой иронии, «забросить в суточный срок необходимое количество товаров ширпотреба в магазин перебежчиков с учетом их запросов предметов туалета (галстуки, запонки и друг.)»²⁶.

Элементы «националистического «красного» патриотизма» отмечались в отношении тридцати работавших на предприятии иностранцев со стороны инженерно-технического персонала и рабочих саткинского завода «Магнезит». В докладной записке от 30 июня 1933 г. руководителя сектора черной металлургии Уралобкома ВКП(б) Ашихмина о работе с иностранными специалистами и рабочими приводились наиболее характерные суждения на этот счет техника Григорьева («Смотрите работу высоких спецов, больших бездельников.

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. Л. 32.

²³ Там же. ЛЛ. 35 – 39.

²⁴ Там же. Л. 49.

²⁵ Там же. 140.

²⁶ Там же. Оп. 11. Д. 556. Л. 31.

Мы, советские специалисты, так испортить деталь не сумеем») и части рабочих («Иностранцы работать не умеют. Приехали получать русское золото и нас обедать»)»²⁷. Саткинскому райкому ВКП(б) пришлось даже посвятить 9 июля 1933 г. специальное заседание поддержке позиции заводского парткома по пресечению затянувшегося конфликта между австрийцем Гиртом и группой дезорганизаторов производства, настаивавших на увольнении под лозунгом «наших бьют» мастера-иностранца, сумевшего уберечь от разрушения по безалаберности – может, и не без рукоприкладства в отношении одного из рабочих – дорогостоящий станок»²⁸.

В документах ЦДООСО весьма подробно представлено состояние работы среди иностранных рабочих в начале 1930-х гг. в Магнитогорске, где разворачивалось масштабное строительство металлургического гиганта. По состоянию на 23 марта 1932 г. на предприятиях города числилось 63 иноспециалиста и 260 инорабочих, а вместе с членами семей иностранная диаспора составляла 498 чел. В докладной записке упомянутого выше Дерова о состоянии работы среди иностранцев отмечалась неудовлетворительная организация их использования на производстве, в том числе «массовый и угрожающий характер» простоев, высокий уровень брака, слабая вовлеченность в рационализаторскую работу и, как следствие, снижение заработков. Множество нареканий вызывали материально-бытовые условия иностранцев. При том, что большинство их проживало в Соцгороде, т.е. в относительно приличных условиях, массовыми были жалобы на отсутствие водопровода и канализации, антисанитарное состояние жилищ, недостатки в продовольственном обеспечении и т.п. Как весьма слабая оценивалась работа общественных организаций по вовлечению иностранцев в общественно-политическую и культурную жизнь города. На этом фоне при общей оценке морального состояния иностранцев как «в общем и целом удовлетворительного» отмечалась тяга части работников «обратно в С.А.С.Ш.»²⁹.

Иностранные специалисты и рабочие, как могли, пытались отстаивать свои права, а в ряде случаев прибегали к такому испытанному средству, как забастовки. Один из американских рабочих в Красноуральске в дневниковых записях «вскрыл безобразные факты производственного использования иностранных рабочих» – ежедневные простои вследствие неумелой организации труда, недопоставку оборудования и т.п. На Магнитострое нерациональное использование

²⁷ Там же. Л. 40.

²⁸ Там же. Л. 43.

²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. ЛЛ. 53 – 56.

иностранных специалистов и рабочих и снижение вследствие простоев заработка на 50–70 % спровоцировали три забастовки; аналогичные выступления имели место на строительстве Дома связи и Урал-маша в Свердловске, в Надеждинске и др. В Кизеле специалист Оксман (осужденный, впрочем, его коллегами) писал о чрезмерной эксплуатации иностранцев в СССР, а группой инорабочих завода им. Дзержинского было направлено в Центр заявление, что «они хотят лучше вернуться в фашистскую Германию Брюннинга, чем оставаться в Совет[ском] Союзе»³⁰.

В связи с изложенным не представляется неожиданным, что заместитель Наркома тяжелой промышленности СССР А.П. Серебровский писал 4 октября 1932 г. секретарю Уралобкома ВКП(б) Л.И. Мирзояну о необходимости улучшения отношения к американским и русским специалистам и создания для них «человеческих условий». «Теперь же все уходит и скоро у нас на Урале – в Калате, Карабаше и Красноуральске никого не останется работать» и «пока не будет улучшено отношение к инженерам, не будут даны более товарищеские установки в отношении их, не будут для них созданы человеческие условия существования – никто работать не будет и ничего вы на Урале не сделаете»³¹, – предупреждал московский куратор.

Так или иначе, 14 марта 1933 г. секретариатом Уральского обкома ВКП(б) было принято специальное постановление «О выполнении директив ЦК и обкома о работе среди иностранных рабочих и специалистов», а 22 апреля была подготовлена справка бюро контроля Уралобкома о ходе выполнения состоявшегося решения. Из анализа справки с очевидностью следует, что исполнительская дисциплина в Уральской областной партийной организации оставляла желать много лучшего. Так, к контрольному сроку далеко не все горрайкомы, комитеты ВКП(б) предприятий и строек выделили конкретных работников, ответственных за работу с иностранцами; не был налажен учет производственного использования инорабочих и специалистов; на предприятиях, располагавших «иноконтингентом», не была завершена радиофикация красных уголков, столовых, общежитий и квартир; явно затягивались сроки налаживания качественного снабжения иностранцев промышленными товарами и – в том числе за счет развития собственной продовольственной базы – продовольствием³².

Представляется небезынтересным, что даже в условиях очевидного невнимания партийных, советских и профсоюзных органов Ураль-

³⁰ Там же. Д. 697. ЛЛ. 20 – 22.

³¹ Там же. Д. 696. Л. 26.

³² Там же. Оп. 11. Д. 556. ЛЛ. 2 – 4.

ской области к нуждам иностранных рабочих и специалистов значительная их часть продолжала с энтузиазмом участвовать в социалистическом строительстве и идеологических акциях советского режима. Выезжавший с саткинского завода «Магnezит» в составе делегации на открытие Челябинского тракторного завода слесарь Цагран с восхищением заявлял многократно по возвращении, что «ничего грандиознее и красивее Челябинского завода он в жизни не видал. ЧТЗ – это завод социализма»³³. 13 января 1933 г. собрание немецких коммунистов Березниковского химического комбината решительно отмежевалось от заявлений специалистов Бенца и Мадера о том, что «социализма в СССР построить невозможно» и «я окончательно и бесповоротно порываю с коммунизмом». В выступлениях Вагнера, Унтербергера и Клапродта прозвучали слова солидарности с советским народом в деле социалистического строительства и готовности «всеми силами грызться за Советский Союз», адекватного восприятия трудностей формирования новой производственной культуры. При этом немецкие коммунисты, вполне принимавшие на себя, как представляется, личную ответственность за судьбы социализма в СССР, не замалчивали недостатков, с которыми им приходилось сталкиваться, и пытались найти ответы на занимавшие их вопросы. Так, коммунист Вагнер позволил себе усомниться в способности СССР с его культурной отсталостью догнать и перегнать капиталистические страны в течение 2-й пятилетки; Унтербергер пенял на плохую организацию производства; Патч недоумевал, почему газета немецких коммунистов «Роте Фане» неоправданно превозносит успехи Советского Союза, а элита СССР все больше отдаляется от народа; Клапродт рассуждал о бюрократизации управленческого аппарата, а Гомут возмущался злоупотреблениями низового звена заводских управленцев³⁴.

Тремя месяцами позже, 20 апреля 1933 г., немецкие рабочие и специалисты из Березников направили обращение к рабочим в Штрассфурте, в котором осудили антисоветские выступления на собраниях национал-социалистов, вернувшихся в Германию из Советского Союза рабочих Зигфрида и Коха, клеймили последних как «изменщиков рабочего класса». В числе рабочих и специалистов, подписавших это обращение, фигурировал Бенц (похоже, тот самый, что не так давно пережил осуждение со стороны коллег за неверие в перспективы социализма в СССР)³⁵.

³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 556. ЛЛ. 41 – 42.

³⁴ Там же. ЛЛ. 5 – 8.

³⁵ Там же. Л. 11.

В рамках реализации сталинской концепции об усилении классово-вой борьбы по мере продвижения к социализму властными структурами на Урале внимательно отслеживались, в том числе с использованием возможностей органов безопасности, настроения в среде иностранцев, их – возможно, нежелательные – связи с исторической родиной и т.п. В совершенно секретном сообщении в Уралобком ВКП(б) председателя инобюро Уралпрофсовета Вернера отмечались заслуживавшие, по его мнению, реагирования факты «усиления антисоветской фашистской работы» в отношении немецких специалистов как из Германии, так и непосредственно на местах. Пристального внимания специальных органов заслуживали, по мнению чиновника, рабочий Кыштымского механического завода Лукк, инженеры К. Вильзен и П. Брокк, рабочие Зигфрид и Кох (Березники), Шуркан и Крузе (Магнитогорск), мастер завода «Металлист» Вендорф и рабочий Втузстроя Унгерт (Свердловск) и др., неоднократно отзывавшиеся об СССР и его исторических перспективах³⁶.

В целях осуждения отступников, формирования в среде иностранных специалистов и рабочих положительного образа страны строящегося социализма широко использовалась практика проведения их общих собраний. 11 апреля в Магнитогорске в присутствии «советских товарищей» с осуждением немецкого и итальянского фашизма выступили члены Коммунистической партии Германии Э. Шнель, О. Коллю, П. Вернер и Маден, австриец Польцер и «венгерец» Кун, американский «комсомолец» Д. Скат, члены ВКП(б) итальянец Векки, «чехословаки» Кеглер и Пик и др. Прозвучали симптоматичные заявления, что «имеются даже попытки повлиять на рабочих Советского Союза в смысле симпатии к фашизму и в первую очередь на иностранных рабочих, участников социалистического строительства». «Германский фашизм направляет [своих агентов] в Советский Союз» и «агенты Гитлера действуют и в Магнитогорске»³⁷. В резолюции собрания указывалось на необходимость «коренным образом вырвать из рядов коллектива иностранных рабочих эту люмпен-пролетарскую фашистскую агентуру, которая не имеет ничего общего с классово-сознательным пролетариатом»³⁸. 6 мая 1933 г. собрание иностранных рабочих и специалистов Уралмаша заявило о решительном неприятии призыва Союза немецких профсоюзов в Дюссельдорфе выступить в качестве «агитаторов фашизма» и о готовности «еще с большей энер-

³⁶ Там же. ЛЛ. 12 – 13.

³⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 556. ЛЛ. 57, 63.

³⁸ Там же. Л. 65.

гией предоставить наши опыт и знания на службу социалистического строительства»³⁹.

С 1933 г. отчетливо прослеживается тенденция к сокращению на уральских предприятиях количества иностранных специалистов и рабочих⁴⁰, самой очевидной причиной выезда многих из которых из СССР стало истечение сроков заключенных с ними контрактов. Так, из не слишком объемной статистики, выявленной нами в фондах ЦДООСО, следует, что у 39 из 78 числившихся в объединении «Севцветметзолото» по состоянию на 1 января 1933 г. иностранных специалистов и рабочих трудовые договоры заканчивались до конца 1933 г.⁴¹; у 18 из 38 инорботников треста «Севцветмет» – до середины 1934 г.⁴². При этом большинством исследователей массовый отъезд иностранцев из СССР, в том числе с Урала, справедливо увязывается также с завершением строительства крупнейших индустриальных объектов и сокращением в этой связи объемов иностранных поставок; постепенным формированием советского инженерного корпуса с перспективой замены на производстве недешевых зарубежных специалистов отечественными работниками; нарастанием негативных настроений и подозрительности в отношении иностранцев в условиях обострения международной обстановки и становления тоталитарного государства; неудовлетворенностью многих привлеченных работников условиями труда и его оплаты; разочарованием части иностранных специалистов и рабочих в практике социалистического строительства при столкновении с ее реалиями.

Как представляется, отложившиеся в ЦДООСО материалы в сочетании с аналогичными документальными комплексами других уральских и центральных архивов представляют собой полноценную источниковую базу для уточнения роли и места иностранных работников в построении в СССР основ социализма, их влияния на формирование отечественной производственной и бытовой культуры; восстановления исторической памяти о по-разному сложившихся судьбах оставшихся в СССР иностранцев⁴³.

³⁹ Там же. Л. 75.

⁴⁰ См.: напр.: [3. С. 52].

⁴¹ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 556. ЛЛ. 163 – 170.

⁴² Подсчитано по: Там же. ЛЛ. 173 об., 199.

⁴³ Подробнее об этом см.: [5. С. 193 – 194]. Отдельного исследования заслуживают также история трудового использования на уральских предприятиях и трагические судьбы так называемых «перебежчиков».

Библиография

1. *Богданов А.В.* Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска: 1929 – 1933 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2011.
2. *Васина И.И.* Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Урала в годы первой пятилетки (1928 – 1933 гг.) // История науки и техники в современной системе знаний: вторая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники, 8 февраля 2012. Екатеринбург: УПИ, 2012.
3. *Ирбе К.Ж.* Участие иностранных ученых и специалистов в строительстве и освоении промышленных предприятий Урала в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.). Свердловск: УПИ, 1974.
4. *Олохова О.П.* Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность (начало 1920-х – конец 1930-х гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Челябинск. 2017.
5. *Рохацевич Е.Б.* «История снизу»: жизнь и судьба иностранных рабочих и специалистов в СССР в 1920 – 1930-х гг. // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург – Нижний Тагил, 14 – 16 мая 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 186 – 195.

**О.В. Каримов¹,
В.В. Калинов²,
О.В. Пумпянская³**
Москва

УРАЛЬЦЫ – УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939 гг.)

В статье отражено участие советских добровольцев в гражданской войне в Испании в 1936-1939 гг. На примере уроженцев Пермской губернии (в частности уроженцев современных Екатеринбурга и Свердловской области) приведены статистические данные о национальном составе участников, их военно-учетных специальностях и дальнейшей судьбе.

Ключевые слова: Урал, гражданская война в Испании, советские добровольцы, судьба, статистика.

**O.V. Karimov,
V.V. Kalinov,
O.V. Pumpyanskaya**
Moscow

THE URALS - PARTICIPANTS IN THE CIVIL WAR IN SPAIN (1936-1939)

The article reflects the participation of Soviet volunteers in the Spanish Civil War in 1936-1939. On the example of the natives of the Perm province (in particular, the natives of modern Yekaterinburg and the Sverdlovsk region), statistical data on the national composition of the participants, their military specialties and their further fate are presented.

Keywords: the Urals, the Spanish civil war, Soviet volunteers, fate, statistics.

В 2019-2020 гг. наша страна отметила две даты, связанные с отечественной военной историей, – 80-летие окончания гражданской войны в Испании и 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.

---

¹ **Каримов Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. Москва. Россия. E-mail: heleg@bk.ru

² **Калинов Вячеслав Викторович** – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, декан факультета гуманитарного образования Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. Москва. Россия. E-mail: heleg@bk.ru

³ **Пумпянская Ольга Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. Москва. Россия. E-mail: heleg@bk.ru

Советский Союз с помощью Разведывательного управления РККА отправил в Испанию 2094 чел.⁴ Наши соотечественники должны были выступить в роли создателей армии и флота республиканцев. «Мы по Вашим многократным просьбам [...] согласились на отправку в Ваше распоряжение ряда военных работников. Эти работники получили от нас указания давать советы в военной области тем испанским военачальникам, в помощь которым они должны были быть переданы Вами...», – писали 21 декабря 1936 г. премьер-министру Испании Ф. Ларго-Кабальеро советские руководители – И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов⁵. Тем не менее с первых же дней отечественные специалисты приняли непосредственное участие в военных действиях на территории Испании.

Советские добровольцы представляли 69 губерний и областей бывшей Российской империи. Уральская земля, включая Предуралье и Зауралье (современные Республика Башкортостан, Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Удмуртия и Пермский край, западная часть Тюменской области, восточные районы Республики Коми и Архангельской области) направила по меньшей мере 41 чел. (25 чел. из Пермской и 16 из Оренбургской губерний), что составило 2% от общей численности советского военного контингента в Испании⁶. Однако сведения о местах рождения 147 чел. выявить не удалось.

Данная статья посвящена уральцам – уроженцам Пермской губернии (в частности современных Екатеринбург и Свердловской области), принявшим участие в испанских событиях (1936-1939) – и их дальнейшей судьбе в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).

Военно-учетные специальности советских добровольцев были самыми разнообразными: общевоинские (пехота), советники по артиллерии, танкисты, летчики, моряки, авиационные инженеры, авиационные техники и мотористы, стрелки-радисты, радиоразведчики, радисты, саперы, связисты, шифровальщики, военные врачи, химики, политработники, «особая группа» (диверсанты и

⁴ *Арцыбашев В.А., Каримов О.В., Волошенко И.Н.* Из Москвы в страну «Икс». Книга памяти советских добровольцев – участников гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Т. 1. М.: Главархив Москвы, 2015. 336 с.; Т. 2, 2016. 392 с.

⁵ *Арцыбашев В.А., Каримов О.В.* Добровольцы страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 93.

⁶ *Арцыбашев В.А., Каримов О.В., Пумпянская О.В.* «Они выполняли свое дело с подлинным энтузиазмом и чрезвычайным мужеством». Советские волонтеры страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2018. № 8. С. 88.

разведчики), гражданские инженеры и рабочие оборонных предприятий, переводчики.

Руководство советскими советниками осуществляли последовательно сменявшие друг друга главные военные советники: корпусной комиссар Я.К. Берзин, комдив Г.М. Штерн, полковник К.М. Качанов. Первым человеком, занявшим эту должность, был Я.К. Берзин. В своем отчете в Москву он отметил, что республиканская армия пока ничего из себя не представляет: «... стреляют много и бесцельно, но, когда противник атакует хотя бы небольшими силами, и его остановить неумелой стрельбой невозможно, – отступают... Офицерский состав малограмотен в военном отношении...»⁷

Общее количество командированных в Испанию специалистов можно разделить на несколько групп по военно-учетным специальностям. К первой группе мы отнесем общевоинских советников (177 чел.), среди которых хотя и были уроженцы Пермской губернии, но не было уроженцев современных Екатеринбургa и Свердловской области.

Ко второй группе мы отнесем танкистов (349 чел.). Советский Союз поставил республиканцам 362 танка Т-26 и 120 бронемашин⁸. Главный военный советник Берзин сообщил, что успешное использование танков в республиканской армии возможно «лишь при наличии советских экипажей и в том случае, если бой контролировался нашими советниками»⁹. Среди танкистов было несколько «пермяков», но ни одного «екатеринбуржца».

Самой большой группой советских военных советников были авиационные специалисты (728 чел.), из них: летчиков-истребителей – 292 чел., летчиков-бомбардировщиков – 93 чел., штурманов и летчиков-наблюдателей – 116 чел., стрелков-радистов – 62 чел., авиационных техников и инженеров – 144 чел., мотористов и оружейников – 21 чел. В испанской армии до гражданской войны числилось 533 самолета. Советский Союз же поставил республиканской стороне 806 самолетов. Испанцев еще нужно было обучить летать на этой технике, а воевать пришлось сразу.

Из прибывших в Испанию летчиков-истребителей и летчиков-бомбардировщиков пятеро было уроженцами Свердловской области: ка-

⁷ Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция / авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 5.

⁸ РККА и гражданская война в Испании. 1936 – 1939 годы // Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. М.: Роспэн, 2019. Т. 1: Сборники № 1-15. С. 10, 97, 100.

⁹ Там же.

питан В.А. Суязин¹⁰, старшие лейтенанты А.К. Серов¹¹ и П.А. Пуртов¹², лейтенанты П.И. Вараксин¹³ и С.А. Черных¹⁴.

¹⁰ Суязин Василий Андреевич (13.03.1901-1981). Родился в д. Сергуловка Камышловского уезда Пермской губернии. Русский. Член РКП(б) с 1920 г. В РККА с 1920 г. Учился на 13-х Пермских артиллерийских командных курсах (1921-1922), окончил 1-ю Советскую объединенную военную школу РККА им. ВЦИК (1926), командный факультет Военно-воздушной академии РККА им. Н.Е. Жуковского (1934). Участник Гражданской войны. Накануне отъезда в Испанию – начальник штаба 23-й тяжелой бомбардировочной авиаэскадрильи 107-й смешанной авиабригады при Военно-воздушной академии РККА им. Н.Е. Жуковского. В командировке с 20.10.1936 по 29.09.1937 гг.: начальник штаба истребительной авиационной эскадрильи (далее – ИАЭ). За Испанию был награжден орденом Красного Знамени (02.01.1937). В годы Великой Отечественной войны: полковник, служил в 30-м и 44-м районах авиационного базирования Южного и 1-го Белорусского фронтов. Награжден за выслугу лет орденами Ленина (06.11.1945), Красного Знамени (03.11.1944, 15.11.1950).

¹¹ Серов Анатолий Константинович (20.03.1910-11.05.1939). Родился в рабочем поселке Воронцовского медного рудника Верхотурского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. В РККА с 1929 г. Окончил школу ФЗУ (1929), Вольскую объединенную военную школу летчиков и авиатехников (1930), 3-ю Оренбургскую военную школу летчиков и летчиков-наблюдателей им. К.Е. Ворошилова (1931), один курс Военно-воздушной академии РККА им. Н.Е. Жуковского (1936). Накануне отъезда в Испанию – командир авиазвена смешанной авиабригады при Научно-испытательном институте ВВС РККА. В командировке с 14.06.1937 по 21.01.1938 гг.: командир ИАЭ. За Испанию удостоен звания Герой Советского Союза (02.03.1938), награжден орденами Ленина (02.03.1938) и Красного Знамени (31.07.1937, 22.10.1937). Присвоено звание комбриг (09.02.1939). Погиб в авиационной катастрофе в районе д. Высокое Рязанской области.

¹² Пуртов Петр Андреевич (05.10.1905-13.11.1936). Родился в г. Камышлове Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б) с 1927 г. В РККА с 1928 г. Окончил полковую школу (1929), Московскую пехотную школу им. М.Ю. Ашенбреннера и И.С. Уншлихта (1931). Накануне отъезда в Испанию – командир авиазвена 5-й ИАЭ 36-й истребительной авиационной бригады (далее – ИАБр) Киевского военного округа (далее – КВО). В командировке с 20.10.1936 г.: летчик-истребитель. Погиб в воздушном бою в районе Мадрида. За Испанию награжден орденом Красного Знамени (02.01.1937, посмертно).

¹³ Вараксин Петр Иванович (10.06.1914-04.1945, пр. б/в). Родился в д. Черноусово Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. В РККА с 1933 г. Окончил строительный рабфак (1932), 3-ю Оренбургскую военную школу летчиков и летчиков-наблюдателей им. К.Е. Ворошилова (1936), 2-ю Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей им. Осоавиахима СССР (1937). Накануне отъезда в Испанию – младший летчик 72-й ИАЭ 56-й ИАБр КВО. В командировке с 26.03. по 18.05.1938 г.: летчик-истребитель (в боевых действиях не участвовал). В период Великой Отечественной войны: капитан, командир авиаэскадрильи 188-го истребительно-авиационного полка (далее – ИАП) 202-й истребительно-авиационной дивизии (далее – ИАД), 20-го ИАП 303-й ИАД. Воевал под Москвой. Награжден орденами Красного Знамени (28.10.1941, 23.07.1942), 03.05.1943 г. в ходе учебно-тренировочного полета добровольно перелетел к немцам в районе Мосальска Калужской области. Сдался в плен, где занимался вербовкой пленных советских летчиков для авиачастей «Русской освободительной армии». В апреле 1945 г. не вернулся из учебно-тренировочного вылета.

¹⁴ Черных Сергей Александрович (22.01.1912-16.10.1941). Родился в п. Нижне-Тагильский завод Верхотурского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б) с 1932 г. В РККА с 1930 г. Окончил школу ФЗУ, 7-ю Сталинградскую военную школу летчиков им.

Для обеспечения работоспособности самолетов в Испанию были отправлены авиатехники и авиационные инженеры, двое из которых были уроженцами Свердловской области: лейтенант Д.А. Киселев¹⁵, воентехник 2-го ранга (т.е. лейтенант) К.А. Пильщиков¹⁶.

Среди представителей других военных и гражданских специальностей уроженцев Свердловской области выявлено лишь трое: радист – красноармеец А.А. Пономарев¹⁷ (из 89 чел.), работники оборонных

Сталинградского Краснознаменного пролетариата (1933). Накануне отъезда в Испанию – командир авиаэскадрильи 107-й ИАЭ 83-й ИАБр Белорусского военного округа (далее – БВО). В командировке с 10.1936 по 06.02.1937 гг.: командир авиаэскадрильи. За Испанию удостоен звания Герой Советского Союза (31.12.1936) и награжден орденом Ленина (31.12.1936). В годы Великой Отечественной войны: генерал-майор авиации (1940), командир 9-й смешанной авиадивизии Западного фронта (г. Белосток), потерявшей в первый день войны 347 самолетов из 409 (64% новых самолетов МиГ-1 и МиГ-3). Арестован 08.07.1941 г. Обвинен в преступном бездействии, трусости и невыполнении приказа. Расстрелян. Реабилитирован 05.08.1958 г. Награжден орденом Красной Звезды (26.05.1936).

¹⁵ Киселев Дмитрий Алексеевич (26.10.1909-04.09.1942, пр. б/в). Родился в Кыштымском заводском поселении Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Русский. Беспартийный. В РККА с 1929 г. Окончил курсы по подготовке в вуз (1931), 2-ю Вольскую военную школу авиатехников им. Ленинского Краснознаменного комсомола (1932), 1-ю Качинскую военную школу пилотов им. А.Ф. Мясникова (1935). Накануне отъезда в Испанию – командир авиаэскадрильи 107-й ИАЭ 83-й ИАБр БВО. В командировке с 26.03. по 13.08.1938 г.: командир авиаэскадрильи. За Испанию награжден орденом Красного Знамени (22.02.1939). В годы Великой Отечественной войны: капитан, командир авиаэскадрильи 21-го ИАП БВО, 31-го и 581-го ИАП 16-й Воздушной армии Донского фронта. Не вернулся с боевого задания.

¹⁶ Пильщиков Константин Александрович (20.05.1910-01.03.1998). Родился в поселке Васильевско-Шайтанском Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б). В РККА с 1932 г. Окончил школу ФЗУ (1930), 3-ю Пермскую военную школу авиатехников (1933), Ленинградские курсы усовершенствования инженерно-технического состава ВВС РККА им. К.Е. Ворошилова (1934). Накануне отъезда в Испанию – техник авиаэскадрильи 120-й ИАЭ 95-й ИАБр Закавказского военного округа. В командировке с 14.01. по 18.10.1937 г.: авиационный техник. За Испанию награжден орденом Красной Звезды (27.06.1937). В годы Великой Отечественной войны: подполковник, командир 523-го ИАП 305-й ИАД 1-й Воздушной армии Западного фронта. Был сбит 24.12.1944 г. Награжден орденами Красного Знамени (05.11.1941, 20.01.1942, 19.02.1944, 03.11.1953 – за выслугу лет), Александра Невского (10.06.1944), Отечественной войны I ст. (06.04.1985), Красной Звезды (06.11.1947 – за выслугу лет, 04.06.1955). Умер в Ставрополе.

¹⁷ Пономарев Александр Алексеевич (06.06.1914–?). Родился в г. Нижние Серги Красноуфимского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВЛКСМ. В РККА с 1936 г. Окончил школу младшего комсостава (1937), полковую школу (1938). Накануне отъезда в Испанию – радиотелеграфист 13-го отдела (радиосвязи) Разведуправления РККА. В командировке с 26.03.1938 г. по 14.04.1939 г.: радист. В годы Великой Отечественной войны: старший лейтенант, начальник группы персональных раций командующего 59-й армией Волховского, а затем – 1-го Украинского фронтов. Награжден орденом Отечественной войны II ст. (22.02.1945), медалью «За боевые заслуги» (10.08.1942).

предприятий (из 110 чел.) – инженер Г.А. Толстов¹⁸; переводчица Е.А. Паршина¹⁹ (из 198 чел.).

Несмотря на помощь СССР, к началу 1939 г. республиканцы начали терпеть поражения. К этому времени в Испании практически не осталось советских советников. В числе последних ее покинули радист А.А. Пономарев и инженер Г.А. Толстов – 14 апреля 1939 г.

Судьбы свердловчан – участников гражданской войны в Испании сложились в большинстве трагично. Летчик-истребитель старший лейтенант П.А. Пуртов оказался одним из первых погибших советских военных советников и захоронен в Испании. Летчик-истребитель комбриг А.К. Серов погиб в ходе тренировочного полета и захоронен в Кремлевской стене. Летчик-истребитель капитан Д.А. Киселев пропал без вести в годы Великой Отечественной войны. Трагично сложились судьбы летчика-истребителя С.А. Черныха и инженера Г.А. Толстова, репрессированных в первые дни войны и впоследствии расстрелянных.

Удивительной, интересной и неординарной оказалась жизнь полковника К.А. Пильщикова, который в конце войны был сбит противником, попал в плен, а после войны восстановлен в Вооруженных силах СССР и переводчицы Е.А. Паршиной, которая, как и ряд других коллег, впоследствии работала в разведке.

Для многих военнослужащих и гражданских лиц участие в гражданской войне в Испании способствовало их профессиональному ро-

¹⁸ Толстов Георгий Алексеевич (21.04.1903-23.02.1942). Родился в рабочем поселке Надеждинского сталелитейного завода Верхотурского уезда Пермской губернии. Русский. Член ВКП(б) с 1928 г. Окончил Кунгурский механический техникум (1925). Накануне отъезда в Испанию – главный инженер Ленинградского механического завода № 77 им. К.Либкнехта Наркомата оборонной промышленности. В командировке с 14.12.1937 по 14.04.1939 гг.: инженер. Арестован 26.06.1941 г. В годы Великой Отечественной войны: начальник Главснаба Наркомата боеприпасов. Расстрелян. Реабилитирован 03.12.1955 г. ¹⁹ Паршина Елизавета Александровна (20.05.1913-14.06.2002). Родилась в г. Екатеринбург (по другим данным, в с. Кушвинском Верхотурского уезда) Пермской губернии. Русская. Член ВЛКСМ с 1936 г. Окончила курсы изобразительных искусств (1930), Московский институт новых языков (1935). Накануне отъезда в Испанию – переводчик московского отделения Всесоюзного акционерного общества по иностранному туризму «Интурист». В командировке с 10.1936 по 18.10.1937 гг.: переводчик. За Испанию награждена орденами Красного Знамени (02.11.1937) и Красной Звезды (02.01.1937). В годы Великой Отечественной войны: старший лейтенант, сотрудник НКГБ СССР, руководитель подпольной группы на случай захвата немцами Москвы, затем представитель СМЕРШ на Северо-Кавказском фронте. После войны переведена в Первое главное управление (разведка), была на нелегальной работе за границей. Награждена орденом Отечественной войны II ст. (06.04.1985).

сту. Так, старший лейтенант А.К. Серов через 1,5 года стал комбригом (нечто среднее между полковником и генерал-майором), начальником Главной летной инспекции ВВС РККА, лейтенант С.А. Черных за 4 года стал генерал-майором авиации, командиром дивизии, инженер Г.А. Толстов возглавил Главное управление снабжения Наркомата боеприпасов СССР. Два человека стали офицерами (радист – старший лейтенант А.А. Пономарев, переводчик – старший лейтенант Е.А. Паршина). Двое летчиков-истребителей были удостоены звания Герой Советского Союза: старший лейтенант А.К. Серов и лейтенант С.А. Черных.

Требует отдельного рассмотрения судьба капитана П.И. Вараксина, совершившего ряд подвигов в годы Великой Отечественной войны, сбившего от 7 до 12 самолетов противника лично и в составе группы, но изменившего Родине, бежавшего и вступившего в армию врага.

Изучение мемуаров участников гражданской войны в Испании – уроженцев Свердловской области представляет несомненный интерес как исследователям гражданской войны в Испании, так и краеведам. К сожалению, не все из них смогли оставить свои мемуары или научные труды. Так, были опубликованы небольшие воспоминания В.А. Суязина²⁰ и Е.А. Паршиной²¹. Однако, еще находясь в командировке, советские специалисты составляли подробные отчеты о своей боевой работе. Эти документы стали основой «Сборников информационных материалов по Испании». Так, например, в Сборник № 7 за февраль 1937 г. были включены записки авиационных инженеров об особенностях использования советской авиационной техники. В частности, очень интересен отчет старшего авиационного советника Андре (Я.В. Смушкевича)²².

Хочется верить, что будут выявлены в архивах отчеты добровольцев-свердловчан, которые тоже дождутся публикации в последующих

²⁰ Суязин В.А. В бой вступают истребители // Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986. С. 48-56. Суязин В.А. Из воспоминаний военного летчика-полковника // Пограничник. 1976. № 7. С. 58.

²¹ В войсковой разведке // Знамя. 1967. № 3. С. 200-203; Герои – в наших сердцах // Красная звезда. 1966. 17 июля; Динамит для сеньориты: (Из испанского дневника). Свердловск, 1981; Динамит для сеньориты: Документальная повесть. М., 1989. То же. М., 2014. С. 18-217; Казимир – русский летчик // Крылья Родины. 1966. № 8. С. 7-8; Пути разведчиков // Борцы Латвии в Испании. 1936-1939: Воспоминания и документы. Рига, 1970. С. 422-431 (в соавт. с А.К. Спрогисом).

²² РККА и гражданская война в Испании. 1936 – 1939 годы // Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. М.: Роспэн, 2019. Т. 1: Сборники № 1-15. С. 274-283.

книгах многотомного сборника документов «РККА и гражданская война в Испании. 1936-1939».

Публикация выявленных документов, использование новых данных о земляках в ходе мероприятий по патриотическому воспитанию позволят достойно увековечить память свердловчан, принявших участие в гражданской войне в Испании и Великой Отечественной войне.

Библиография

1. *Арцыбашев В.А., Каримов О.В., Волошенко И.Н.* Из Москвы в страну «Икс». Книга памяти советских добровольцев – участников гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Т. 1. М.: Главархив Москвы, 2015. 336 с.; Т. 2, 2016. 392 с.
2. *Арцыбашев В.А., Каримов О.В.* Добровольцы страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 91-93.
3. *Арцыбашев В.А., Каримов О.В., Пумпянская О.В.* «Они выполняли свое дело с подлинным энтузиазмом и необычайным мужеством». Советские волонтеры страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2018. № 8. С. 85-88.
4. *Суязин В.А.* В бой вступают истребители // Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986. С. 48-56.
5. *Суязин В.А.* Из воспоминаний военного летчика-полковника // Пограничник. 1976. № 7. С. 58.

А. П. Килин¹
Екатеринбург

ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ УКЛАД В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Характерная черта нэпа – многоукладность – является атрибутивным свойством экономики России, как следствие, ее изучение – актуальная задача и сегодня. Автор рассматривается «уклад» как научная категория и его потенциал при изучении экономики переходного периода, в том числе периода нэпа. Сформированная современными экономистами «шкала укладов» позволяет более детально изучить проблемы нэпа, в том числе механизм функционирования частнопредпринимательского уклада, объединяющего наиболее экономически активные слои населения, дискриминируемые по политическим основаниям. Рассматриваются институциональные основы, которые предопределяют специфику региональной модели экономики, в частности включающей в себя различный набор укладов, находящихся в самых разнообразных пропорциях и сочетаниях.

Ключевые слова: НЭП, многоукладность, уклад, регион, Урал, частное предпринимательство.

A. P. Kilin
Yekaterinburg

PRIVATE ENTREPRENEURSHIP IN REGIONAL DIMENSION

A characteristic feature of the NEP - multi-structure is an attributive property of the Russian economy, as a result, its study is an urgent task today. The author considers the “way” as a scientific category and its potential in the study of the economy of the transitional period, including the period of NEP. The “scale of orders” formed by modern economists makes it possible to study in more detail the problems of NEP, including the mechanism of functioning of the private business structure, which unites the most economically active strata of the population discriminated against on political grounds. The article examines the institutional foundations that predetermine the specificity of the regional economic model, in particular, which includes a different set of structures, which are in a wide variety of proportions and combinations.

Keywords: NEP, multi-structure, way of life, region, Ural, private entrepreneurship.

Советская экономика с доминированием государственной формы собственности не представляла монолита, а складывалась из разнообразных хозяйственных форм и практик. Отношения между акторами могли быть как гармоничными, так и конфликтными, основанными как на принципах кооперации, так и конкуренции, осуществляться в легальной или нелегальной форме. В этой связи целесообразно использовать такую категорию, как «уклад», для анализа этой пестрой и противоречивой картины. Этот подход особенно актуален при изуче-

¹ *Килин Алексей Павлович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-11-66003

нии новой экономической политики, к столетнему юбилею которой мы приближаемся.

Уклад как категория. Определение понятия «уклад» не является легкоразрешимой проблемой. Во-первых, оно претерпело определенную эволюцию; во-вторых, эта категория может использоваться различными авторами с употреблением иных терминов («габитус» – П. Бурдьё, «народно-хозяйственная категория» – А. В. Чаянов). Нет консенсуса и в отношении как набора укладов, характерных для той или иной эпохи, так и их обозначения. Под «укладом» понимают сложившиеся повседневные практики определенных социальных групп, рассматриваемые на микроуровне. «Укладный подход можно обозначить как переход от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем или блоков более низкой степени общности»².

Проследивая генезис термина в отечественной экономической теории в рамках формационного подхода, авторы интерпретируют уклад как «подформацию», т. е. некий способ производства, который формируется из совокупности входящих в него укладов³. Зачастую этот термин используют применительно к странам с переходной экономикой, когда социально-экономические условия не достигли зрелых и законченных форм.

Ю. И. Семенов на этнографическом материале, на основе анализа процесса формирования крестьянских общин в России и в зарубежных странах рассматривает уклад как целостную систему специфических производственных отношений⁴. Автор ссылается на работы В. И. Ленина, который при описании этой категории использовал различные термины, из которых наибольшее распространение получил «общественно-экономический уклад». Ю. И. Семенов отмечает, что в одном социальном организме могут сосуществовать несколько укладов общественного производства, находящихся в иерархической зависимости: один уклад – доминирующий, а множество остальных – подчиненные. Господствующий уклад, по мнению автора, является основой социального организма и определяет его тип, его соответствие той или иной общественно-экономической формации⁵.

² Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т экономики; [отв. ред. Т. Е. Кузнецова]. М.: Ин-т экономики, 2009. С. 39–40.

³ Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия. С. 42.

⁴ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства: сборник статей / отв. ред. А. И. Першиц; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. С. 17–18.

⁵ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна... С. 18.

Можно предположить, что использование полярных понятий, дихотомия и противопоставление не могут отразить всего многообразия действительности, поэтому на смену классовому подходу приходит теория стратификации, а на смену антагонистам «капитализм – социализм» – теория многоукладности. В политическом контексте, при доминировании идеологических установок, напротив, картина обедняется и конфронтационный подход, основанный на противопоставлении двух систем, становится более популярным, востребованным и удобным в проведении пропагандистских кампаний.

Универсальный подход демонстрирует А. А. Куракин, который декларирует приоритет структурного функционализма над прочими концепциями. Этот подход внепространственен, внеисторичен и может быть адаптирован к различным теориям. В интерпретации автора, уклад – это, скорее, блоки аналитических элементов, которые позволяют перейти от общей аналитической схемы к набору производных аналитических схем более низкой степени общности. Разумеется, каждая из этих схем локализована во времени и пространстве в зависимости от специфики изучаемого объекта. По мнению А. А. Куракина, категория «уклада» носит прикладной характер, по этой причине нельзя говорить о самостоятельной «укладной теории», а скорее, о некотором продолжении существующих теорий, позволяющем приблизить оптику исследователя к объекту исследования. По этой причине можно говорить о многообразии укладов как в одном предметном поле, так и о многообразии самих предметных полей. В этой связи исследователи могут говорить о социально-экономических, культурных, политических, этнических и прочих укладах⁶.

Таким образом, можно рассматривать формации как модели социально-экономического развития, а уклады – как категорию более низкого порядка, как результат этого моделирования, сочетающего в себе как теорию, так и эмпирику. Такая интерпретация уклада согласуется с процессом моделирования, когда первоначальная идея модифицируется под воздействием объективных условий и порой превращается в свою противоположность. Наглядным примером может служить модель социалистического уклада в экономике СССР.

Для того чтобы «почувствовать» уклад и перевести его с теоретических высот на конкретно-историческую почву, необходимо обозначить три основных элемента, которые его формируют. «Три источника и три составные части» этого явления составляют: форма собственности, способ экономического оборота и характер существующих в

⁶ Куракин А. А. Социально-экономический уклад: генезис понятия. С. 63–65.

обществе социальных взаимодействий⁷. Очевидно сочетание правовых, экономических и социально-психологических характеристик, что подчеркивает сложность и многосоставность этой категории.

Можно утверждать, что консенсус относительно более широкой трактовки уклада, выходящей далеко за хозяйственные рамки, достигнут. З. В. Рыбина предлагает следующее определение: «Экономический уклад – это условия хозяйствования, жизнеобеспечения и жизнеустройства определенной части населения, определяемые системой социально-трудовой деятельности этого населения или его местом в общественном разделении труда; формой собственности на предметы и средства труда, а также рабочую силу»⁸.

В рецензии на исследование, посвященное многоукладности в современной России, И. А. Троцук приводит различные трактовки понятия «уклад»: 1) в обыденном понимании – «уклад жизни»; 2) уникальные явления, не вписывающиеся в привычные рамки устоявшейся социально-экономической системы; 3) аналитический прием, позволяющий согласовать теорию и практику, снизить уровень абстракции и охватить максимально возможные варианты социальных, культурных и хозяйственных практик⁹.

Многоукладная экономика как система. Разберем, какие конкретные феномены предлагают нам рассматривать в качестве укладов. В. И. Ленин выделял пять укладов: патриархальный, мелкотоварный, капиталистический, государственно-капиталистический и социалистический¹⁰. В его работах содержится не только определение состава многоукладной экономики России, но и обоснование неизбежности многоукладности в условиях России, описание объективных условий, которые приводят к такому состоянию.

При создании Коммунистического интернационала как глобального проекта предполагалось учесть опыт российской революции. По этой причине программные документы этой организации можно рас-

⁷ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. С. 18–19.

⁸ Рыбина З. В. Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 44.

⁹ Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

¹⁰ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 158. В. И. Ленин об укладах в 1918 г. см.: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 295–296.

сма­три­вать как ре­зуль­тат сов­ме­ще­ния мар­к­си­ст­ской те­о­рии и прак­ти­че­ско­го опы­та, как ре­ко­мен­да­ции ком­му­ни­стическим пар­ти­ям дру­гих стран на бу­ду­щее. В Про­грам­ме Ком­му­ни­стическо­го ин­тер­на­цио­на­ла со­дер­жа­лось обос­но­ва­ние не­из­беж­но­сти су­ще­ст­во­ва­ния мно­го­ук­лад­ной э­ко­но­ми­ки в пе­ре­ход­ный пе­ри­од¹¹.

Г. А. Дих­тяр, обос­но­вы­вая объ­ек­тив­ную не­об­хо­ди­мость су­ще­ст­во­ва­ния тор­гов­ли при со­ци­а­лиз­ме, го­во­рит о мно­го­ук­лад­ной э­ко­но­ми­ке пе­ре­ход­но­го пе­ри­о­да. Ссы­лаясь на Труды Цен­траль­но­го ста­ти­стическо­го управ­ле­ния, он сле­ду­ю­щим об­ра­зом опи­сы­вает ко­ли­че­ст­вен­ное со­от­но­ше­ние раз­лич­ных ук­ла­дов. В 1923/24 г. до­ля то­го или ино­го ук­ла­да в об­щей ва­ло­вой сто­и­мо­сти стра­ны со­став­ля­ла сле­ду­ю­щие ве­ли­чи­ны: мел­ко­то­вар­ный – 51 %, со­ци­а­ли­стический – 38,5, част­но­ка­пи­та­ли­стический – 8,9, го­су­дар­ст­вен­но­ка­пи­та­ли­стический – 1,0 и до­ля на­ту­раль­но­го хо­зяй­ст­ва – 0,6 %. В раз­лич­ных от­рас­лях на­род­но­го хо­зяй­ст­ва со­от­но­ше­ние э­ко­но­ми­ческих ук­ла­дов бы­ло раз­лич­ным. На­при­мер, по дан­ным за 1924 г., удель­ный вес со­ци­а­ли­стическо­го ук­ла­да в ва­ло­вой про­дук­ции про­мыш­лен­но­сти со­став­лял 76,3 %, а в про­дук­ции сель­ско­го хо­зяй­ст­ва – толь­ко 1,5 %¹².

От­ме­тим, что оцен­ка су­щ­но­сти тех или иных ук­ла­дов стави­лась под сом­не­ние со­вре­мен­ни­ка­ми. На­при­мер, Б. Д. Бруц­кус пи­сал: «Ино­ст­ран­ные на­блю­да­те­ли об­ыч­но на­зы­ва­ют го­су­дар­ст­вен­ные пред­при­я­тия “го­су­дар­ст­вен­но­ка­пи­та­ли­стическими” и, со­от­вет­ст­вен­но, всю со­вет­скую э­ко­но­ми­ку в го­ды пя­ти­лет­ки го­су­дар­ст­вен­ным ка­пи­та­лиз­мом. Мы счита­ем эти яр­лы­ки об­ман­чи­вы­ми, так как по­лу­че­ние при­бы­ли ни в ко­ей ме­ре не дви­жу­щая си­ла со­вет­ской си­ст­е­мы»¹³.

От­ме­тим, что вне­д­ре­ние хо­зрас­че­та на пред­при­я­ти­ях со­че­та­лось с не­об­хо­ди­мо­стью вы­пол­нять план по го­су­дар­ст­вен­ным за­ка­зам и в си­лу ря­да при­чин име­ло ог­ра­ни­чен­ное и под­чи­нен­ное зна­че­ние. Да­лее Б. Д. Бруц­кус объ­яс­ня­ет, по­че­му ино­ст­ран­ные на­блю­да­те­ли не хо­тят при­ме­нять тер­мин «со­ци­а­ли­стические» к го­су­дар­ст­вен­ным пред­при­я­ти­ям в со­вет­ской Рос­сии. «Сред­ний евро­пеец, – пи­шет ав­тор, – хо­ро­ший бур­жу­аз­ный по­ли­тик у себя до­ма, еще ду­ма­ет о со­ци­а­лиз­ме как о воп­ло­ще­нии все­го хо­ро­ше­го в со­ци­аль­ной си­ст­е­ме. А так как оче­вид­но, что рус­ские гра­ж­да­не жи­вут от­нюдь не на по­сте­ли из роз,

¹¹ Про­грам­ма Ком­му­ни­стическо­го ин­тер­на­цио­на­ла // Стено­гра­фический от­чет VI кон­гресс[а] Комин­терна. Вып. 6: Тезисы, ре­зо­лю­ции, по­ста­нов­ле­ния, воз­зва­ния. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 30–31.

¹² Дих­тяр Г. А. Со­вет­ская тор­гов­ля в пе­ри­од по­стро­е­ния со­ци­а­лиз­ма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 9.

¹³ Бруц­кус Б. Ре­зуль­таты э­ко­но­ми­ческого пла­ни­ро­ва­ния в Рос­сии // Бруц­кус Б. Со­вет­ская Рос­сия и со­ци­а­лиз­м: ста­тьи. СПб.: АОЗТ «Жур­нал “Звезда”», 1995. С. 118.

это может значить только, что социализм еще не завершен и, действительно, в советской России есть еще остатки порочного капитализма»¹⁴.

В. П. Тимошенко, анализируя причины перехода к автаркии в экономике страны, заметил, что «действительно, в изолированной от внешнего мира стране можно было назвать социализмом все, что угодно»¹⁵.

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие субъекты. Если государственный, частнопредпринимательский, кооперативный и семейный уклады можно признать традиционными, то сельский, городской и неформальный уклады расширяют горизонты наших представлений, а диаспорный уклад воспринимается как экзотичный. И. В. Троцук в рецензии выделяет следующие уклады: сельский и городской, рыночный и нерыночный (например семейный); государственный; неформальный; диаспорный и кооперативный¹⁶.

На наш взгляд, подход к анализу многоукладной экономики нэпа с современной и более широкой шкалой укладов может быть более продуктивным, он придает новизну восприятию традиционных тем и в очередной раз подчеркивает многообразие и противоречивость этого периода отечественной истории. Так, например, деятельность торговых предпринимателей в определенных сегментах рынка (торговля фруктами, рыбой, халяльным или кошерным мясом) близка как к частнопредпринимательскому (основанному на кровно-родственных, семейных связях), так и к диаспорному укладам. Миграционные потоки в 1920-е гг. были достаточно интенсивными и могли способствовать формированию хозяйственных систем, аналогичных диаспорному укладу, в том числе и в таком удаленном от границ регионе, как Урал.

Региональный аспект. В методологическом аспекте сегодня речь идет о «пространственном повороте» по аналогии с «лингвистическим», «культурным» и «визуальным». Л. П. Репина пишет: «Процессы регионализации, наблюдаемые в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы, но при сохранении культурных различий (как в рамках этих территориальных образований, так и между ними), привели к актуализации трансдисциплинарных региональных исследований»¹⁷.

¹⁴ Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России. С. 118.

¹⁵ Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Уральский исторический вестник. 2010. № 3(28). С. 91.

¹⁶ Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны. С. 510–514.

¹⁷ Репина Л. П. История регионов, или “территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 6.

Справедливо указывая на многозначность термина «регион», автор отдает предпочтение универсальной модели, выходящей за экономико-географические рамки и включающей в себя комплекс природных, экономических, культурных и других признаков. Регион, по мнению Л. П. Репиной, представляет собой определенную культурно-хозяйственную целостность на основе устойчивых связей, общих представлений, образа жизни, исторических традиций¹⁸. Данный подход согласуется с «укладной теорией», поскольку основан на интеграционном подходе.

И. Б. Орлов, делая обзор региональных исследований, посвященных 1920-м гг., выделил ряд факторов, которые предопределяли специфику реализации нэпа на различных территориях. Назовем их в том порядке, в котором их рассматривал автор: миграция, геополитическое положение региона, ландшафтно-географические условия, особенности экономической специализации и социальной организации региона, сохранение очагов Гражданской войны, сепаратистские тенденции, демографические и национально-конфессиональные особенности населения, административные «переделы», длительность и прочность позиции коммунистов в регионе, уровень профессионализма местной власти¹⁹.

В соответствии с системой регионоведческого описания эти факторы могут быть представлены в следующем виде:

- географическое положение предопределяет природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение;

- ресурсный потенциал, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы;

- отраслевая структура экономики региона: отрасли специализации; уровень комплексного развития, возможности диверсификации; степень развития многоукладности, т. е. наличие различных укладов и характер связей между ними (выделено нами – А. К.);

- социально-демографические особенности: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этническая и конфессиональная структура;

- политические факторы: степень зрелости и уровень консолидации региональных элит (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в том числе региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов совет-

¹⁸ Репина Л. П. История регионов. С. 7.

¹⁹ Орлов И. Б. Нэп в региональном ракурсе. С. 33–34, 36.

ской власти, уровень лояльности центру, характер взаимоотношений центра и периферии, интенсивность этих связей, наличие и влияние региональных органов управления;

– уровень консолидации региона в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга; характер проводимых реформ административно-территориального деления;

– экономическое районирование: его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям.

Отметим, что в процессе районирования многоукладная экономика не оставалась пассивной. Речь идет о той реакции, которую вызывало изменение границ территорий (делимитация и демаркация) с позиции различных укладов. Со стороны государственного сектора хозяйства возникали возражения, относящиеся к кадровой политике, к вопросам административной подчиненности. Кооперативный уклад реагировал на необходимость погашения задолженности в связи с реорганизацией и аудитом, также волновали вопросы логистики и снабжения. Частный сектор наиболее активно реагировал на изменения границ, так как его деятельность основывалась на сложившихся экономических отношениях, достаточно устойчивых логистических схемах, на системе формальных и неформальных связей с властями. Неподконтрольные напрямую государству уклады могли служить индикатором оценки целесообразности и эффективности районирования, направленного, по замыслу организаторов, на оптимизацию аппарата управления, приближение его к населению и максимальную реализацию потенциала территории путем совмещения административных и хозяйственных ареалов.

Изучение частного торгового предпринимательства на основе укладного подхода является оптимальным, поскольку открывает возможность анализа не только экономических, но и социокультурных аспектов проблемы. Данный подход позволяет рассматривать мелкие и мельчайшие, порой весьма специфические формы хозяйственной деятельности в наиболее полном и объемном виде, не только частно-предпринимательский, но и диаспорный, семейный, неформальный уклады. В пределах этого подхода изучаются формы и методы торговли, особая роль торгового посредника в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства»²⁰.

²⁰ *Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: научная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Многоукладность придает уникальность и своеобразие региональной экономике, свидетельствует о наиболее полном использовании имеющихся ресурсов, формирует адекватную сложившимся хозяйственным и культурным практикам конкурентную среду, которая обеспечивает динамизм региональному развитию.

Библиография

1. *Бруцкус Б.* Результаты экономического планирования в России // Советская Россия и социализм: статьи. СПб: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1995. 232 с.
2. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 472 с.
3. *Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: научная монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.
4. *Орлов И. Б.* Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–54.
5. *Ретина Л. П.* История регионов, или “территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5–16
6. *Рыбина З. В.* Роль общественно-экономических укладов в формировании социальной структуры общества // Дискуссия. 2015. № 3. С. 39–44.
7. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства : сборник статей / отв. ред. А. И. Першиц ; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. С. 7–86.
8. *Тимошенко В. П.* Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Уральский исторический вестник. 2010. № 3(28). С. 84–93.
9. *Троцук И. В.* Уклады разные нужны, уклады разные важны. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

А.А. Коровниченко¹

Барнаул

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОРОЖНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СССР В 1920-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ)

В статье представлено складывание системы управления дорожно-строительной отрасли в СССР в 1920-е годы. Основное внимание уделено выстраиванию этой системы на территории Алтая. Представлен разбор и оценка деятельности губернских и уездных инженеров, а также дорожных отделов.

Ключевые слова: дорожное строительство, уездные инженеры, губернские инженеры, Алтай, дорожный подотдел.

A.A. Korovnichenko

Barnaul

ESTABLISHMENT OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE REGIONAL ROAD-BUILDING INDUSTRY OF THE USSR IN THE 1920s (ON THE MATERIALS OF ALTAI)

The article presents the folding of the management system of the road construction industry in the USSR in the 1920s. The main attention is paid to building this system on the territory of Altai. An analysis and assessment of the activities of provincial and district engineers, as well as road departments are presented.

Keywords: road construction, district engineers, provincial engineers, Altai, road subdivision.

Вопрос руководства является очень важным для любого рода деятельности. Грамотно выстроенное управление должно помогать в решении поставленных задач. В дорожном строительстве этот вопрос также является особенно значимым. С ростом автомобилизации и развития дорожной сети в геометрической прогрессии растет и необходимость проведения ремонтных работ разной степени сложности. Кроме этих только внешних задач, следует выстраивание перспективы развития строительных и восстановительных работ на годы вперед. Это, в свою очередь, влечет за собой проблемы финансирования, поставки материалов, распределения технических и людских ресурсов. В 1920-е гг. перед молодым советским государством стояло огромное количество глобальных целей. Не на первом плане, но не менее значимой была нужда в улучшении дорожного фонда.

Особое значение развития дорожного фонда определялось рядом причин. Первая из них – стратегическая. В случае войны нужно иметь возможность быстро перемещать войска, резервы, поддержку и т.д. Вторая причина – экономическая. Огромные пространства страны за-

¹ *Коровниченко Александр Александрович* – аспирант Алтайского государственного университета. Барнаул. Россия. E-mail: 89069402566@mail.ru.

висели от качества дорог, по которым в основном осуществлялся торговый обмен. И последняя причина – психологическая. Мобильность населения неизменно сталкивала его с безрельсовыми дорогами. Встряски на колдобинах приводили к возмущению, которое можно увидеть на страницах периодической печати.

Необходимость иметь хорошие дороги была очевидна, она давала большие преимущества. Выстраивание новой советской системы управления распространялось и на дорожно-строительное дело.

Историография по вопросу дорожного дела Алтая представлена относительно узким кругом работ. Впервые он поднимался С.Ю. Матушиной в «Истории дорожного дела на Алтае 1900 – 2000 гг.», изданной в 2000 г.² Второй труд по изучаемой проблеме – это результат коллективных усилий алтайских исследователей: «Дороги Алтайского края от первых верст до наших дней», изданный в 2017 г.³ В последней работе дается подробное, но не исчерпывающее описание выстраиваемой системы управления дорожным сектором в 1920-е гг. на Алтае.

Цель данной статьи – на основе преимущественно архивных источников расширить представление о процессе становления управления дорожно-строительной отраслью на региональном уровне, конкретизировать и дополнить сведения о специфике работы губернского и уездных дорожных отделов.

В начале XX в. дороги местного значения строились и ремонтировались дорожно-строительным отделом при Кабинете Алтайского округа. В 1908 г. его возглавлял инженер В.С. Оленин. В его подчинении находился один старший техник, два техника «среднего оклада» и трое младших техников. Такого состава работников было явно недостаточно для всей территории Алтая. По этой причине многие строительные и ремонтные работы отдавались на выполнение частным подрядчикам.

После окончания Гражданской войны начинается процесс постоянных реорганизаций в дорожной отрасли. В 1922 г. Управление шоссейных дорог и Центральная автомобильная секция ВСНХ были объединены и вошли в состав Центрального управления местного транспорта (ЦУМТ). Последний, в свою очередь, входил в состав Народного комиссариата путей сообщения (НКПС)⁴. В августе того же 1922 г. по постановлению советского руководства все дорожное хозяйство разделили между ЦУМТ НКПС и Главным управлением коммунального хозяйства

² Матушина С.Ю. История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. Барнаул, 2000.

³ Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней: монография / А.Н. Дунец, В.В. Исаев, М.В. Рыгалова, М.Г. Колокольцев. Барнаул, 2017. 396 с.

⁴ Сигельбаум Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. М., 2011. С. 29.

(ГУКХ) НКВД. В ведении первого оказались дороги общегосударственного значения, непосредственная забота о состоянии дорог возлагалась на подчиненные ЦУМТ окружные управления местного транспорта (ОМЕС). Отделы местного транспорта ГУКХ НКВД должны были управлять дорогами местного значения⁵. Такое разделение само по себе вносило неопределенность в дорожное управление.

С целью регулирования процессов нового строительства на местах были созданы при губернских советах народного хозяйства комитеты государственных сооружений и уже при них дорожные подотделы. На Алтае это произошло в 1920 г. Одна из первых проблем, которая возникла перед подотделом, – ограниченность персонала. В связи с этим его деятельность была весьма скромной. В первый год работы вместо запланированных 35 участков для проведения работ было создано 15⁶. В декабре 1922 г. был создан дорожный отдел при аппарате губернского отдела коммунального хозяйства, который позже был переведен в ранге подотдела в состав губернского отдела местного хозяйства (далее – ГОМХ).

В 1921 г. начинается процесс создания транспортных отделов при губернских и уездных исполкомах. Однако такое создание отделов зачастую носило формальный характер, так как штат сотрудников включал 2–3 чел., которые были не в силах решать возложенные на них задачи.

Процесс реорганизации управляющих органов в 1920-е гг. и новая экономическая политика значительно меняют систему надзора за процессом строительства. Постановление ВЦИК от 26.01.1922 ликвидировало Главный комитет государственных сооружений и его структурные единицы в губерниях. Процесс местного строительства переходил под контроль заинтересованных ведомств. Для работ государственного значения при ВСНХ создавались строительные отделы, которые должны были контролировать ключевые стратегические маршруты. Таким образом, в это время отсутствуют органы регулирования и нормирования местного строительства. Только в целях общего руководства на местах создавались управления губернских архитекторов. Специалистов, способных осуществлять контроль, было крайне мало, что сводило на нет значимость этого органа. Управление Алтайского губернского инженера размещалось в Барнауле. Как нередко отмечалось, слабый контроль инженера приводил к спекулятивным явлениям на строительном рынке, переходу местного строитель-

⁵ Матушина С.Ю. История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. Барнаул, 2000. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

ства в частные руки без подтверждающей квалификации подрядчиков⁷. Совершенно очевидно, что об улучшении ситуации в дорожно-строительной отрасли в этот период говорить не приходится.

В апреле 1924 г. в Алтайской губернии был окончательно ликвидирован дорожный подотдел. Дорожное строительство передано в ведение уездной власти, а контроль за общим ходом работ – губернскому инженеру или губернскому исполнительному комитету. Подобная система напоминала ту, что существовало в дореволюционное время, когда уезды и земства в Европейской России сами регулировали дорожное строительство на подконтрольных участках⁸. Уездные власти, исполняя постановление, при отделах местного хозяйства формируют свои дорожные отделы, которые пытаются заполнить штатными работниками. Речи об увеличении денежного ассигнования совсем не шло⁹. Это также приводит к тому, что созданные в 1920-е гг. дорожные отделы были не способны выполнять возложенные на них функции. Содержание же должностей должно было осуществляться за счет сметы уездного исполнительного комитета.

В 1922 г. издается проект губисполкома «Об организации дорожного дела в Алтайской губернии». По данному документу все дороги, содержащиеся за счет местного бюджета, делятся на четыре категории: губернские, уездные, волостные и сельские тракты; и последняя группа – на полевые и тракты специального назначения. Каждый уезд должен был предоставлять свою смету, план строительства и ремонта дорог всех типов. Эти предложения рассматривались губернским инженером. Присылаться планы должны были до 1 сентября каждого года и к концу месяца на съезде заведующих дорожными органами вырабатывался общий губернский план работ. Смета прорабатывалась плановой комиссией и согласовывалась с бюджетными органами. После этого планы и сметы поступали на утверждение губернского исполнительного комитета. Губернский инженер должен был контролировать ход работ и к концу лета составлять отчет об осуществлении работ, основанный на сообщениях местных уездных исполкомов¹⁰. С одной стороны, положительным моментом можно назвать внесение структурированности в работу, с другой – такая система могла работать только при условии нормального финансирования и обеспечения кадрами, чего по-прежнему не было.

⁷ ГААК Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

⁸ *Верецагин А.Н.* Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Междунар. отношения, 2002. С. 17 – 20.

⁹ *Матушина С.Ю.* История дорожного дела на Алтае 1900 – 2000 гг. С. 13.

¹⁰ ГААК Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 22. Л. 25-27.

По проекту ВЦИК от 1922 г. создавалась служба уездных инженеров. Они подчинялись губернскому инженеру, по делам административным – уездному исполкому. Обязанности уездных инженеров были достаточно обширны: общий технический контроль над соблюдением в уездных городах и уездах общегосударственных строительных норм и местных обязательных постановлений по строительной части. Помимо этого, перед ними стояли и планово-административные задачи: рассмотрение проектов и выдача разрешений на выполнение работ по капитальному ремонту и строительству; выдача заключений по техническим кондициям, по сдаче и приему объектов строительства; участие в приеме отремонтированных и вновь построенных зданий и выдача разрешения на их использование; проработка всех вопросов, связанных с плановым строительством и утверждение уездного плана. Помимо этого, уездный инженер должен был принимать участие и в плановых мероприятиях: участвовать в работе по вопросам новых планировок городской, поселковой и сельской застройки и в регулировании таковой. А также согласовать все вопросы застройки с губернским инженером¹¹. Уездные инженеры по причине нехватки кадров выполняли и обязанности бухгалтера¹².

Такой огромный спектр работ на уровне уездов было невозможно выполнить ограниченным штатом работников, учитывая также низкую квалификацию кадров. Поэтому можно заключить, что введение должностей губернского и уездного инженеров, которые непосредственно контролировали процессы строительства, в том числе и дорожного, на территории Алтая в 1920-е годы не отвечало требованиям провозглашаемых планов. Фактически эти должности не стали эффективными институтами. Основная причина – чрезмерный объем задач, возлагаемых на слабый и малочисленный кадровый состав. С учетом того факта, что отсутствовало грамотное центральное управление, такие региональные проблемы являлись следствием общегосударственной политики в деле дорожного строительства.

По первым мероприятиям в деле управления дорожным строительством очевидно, что этому вопросу придавалось большое значение. Государство и местная власть всячески пытались улучшить ситуацию в управлении. Но, не имея в тот момент времени нужного количества финансовых и кадровых ресурсов, вынуждены были идти по пути постоянного реформирования, видя в этом основную возможность решения проблемы. Однако такой подход вызывал еще боль-

¹¹ ГААК Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 22. Л. 84.

¹² Там же. Л. 85.

шую неопределенность и не добавлял качества в работу дорожной отрасли.

Библиография

1. *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Междунар. отношения, 2002. С. 17 – 20.
2. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней: монография / *А.Н. Дунец, В.В. Исаев, М.В. Рыгалова, М.Г. Колокольцев.* Барнаул, 2017. 396 с.
3. *Завьялов А.А., Модоров Н.С.* Из истории почтовых трактов Алтайского округа в конце XIX – начале XX века // Мир Евразии, 2012. № 2-4 (17-19).
4. *Ламин В.В., Плёнкин В.Ю., Ткаченко В.Л.* Глобальный трек. Развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999.
5. *Матушина С.Ю.* История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. Барнаул, 2000.
6. *Сигельбаум Л.* Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. М. 2011. С. 29.

О.М. Семерикова¹
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В УРАЛЬСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУНАХ В 1920-е гг.²

В статье рассмотрены некоторые организационные стороны жизни сельскохозяйственных трудовых коммун на Урале в 1920-е гг. Выявлены основные механизмы существования совета коллектива, соотношение общих и частных интересов при решении на нем важных вопросов внутреннего развития, причины появления разногласий среди отдельных вступающих в конфронтацию друг с другом групп коммунаров. Установлено, что принципиальную роль в судьбе сельскохозяйственных коммун играла личность руководителя. Его управленческий талант, идеологическая подготовка, трудолюбие, морально-нравственные установки определяли путь коллектива и сроки его существования. Реальный опыт сельскохозяйственных коммун показал, что принципы равенства и справедливости рано или поздно подвергались ревизии, что было связано с необходимостью сохранить жизнеспособность коллектива и субъективным фактором при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: управление, сельскохозяйственные коммуны, Урал, коллектив.

O. M. Semerikova
Yekaterinburg

FEATURES OF MANAGEMENT IN THE URAL AGRICULTURAL COMMUNES IN THE 1920s.

The article examines some of the organizational aspects of the life of agricultural labor communes in the Urals in the 1920s. The main mechanisms of the existence of the collective council, the ratio of general and private interests in solving important issues of internal development, the reasons for the emergence of disagreements among individual groups of communards that entered into confrontation with each other are revealed. It was found that the personality of the leader played a fundamental role in the fate of agricultural communes. His managerial talent, ideological training, hard work, moral and ethical attitudes determined the path of the team and the terms of its existence. The real experience of agricultural communes showed that the principles of equality and justice were sooner or later subject to revision, which was associated with the need to preserve the vitality of the collective and a subjective factor in making managerial decisions.

Keywords: management, agricultural communes, the Urals, the team.

Сельскохозяйственные трудовые коммуны в Советской России 1917 – начала 1930-х гг. явились массовым опытом по созданию «нового» идеального мира. Немногочисленность специальных исследо-

¹ *Семерикова Ольга Михайловна* – кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ, Екатеринбург, Россия. E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

² Статья подготовлена по результатам реализации гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ваний этого феномена³ и потребность в анализе применимости социалистической теории к реальной жизни и механизмов ее реализации актуализируют обращение к теме. В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты функционирования управленческих механизмов в сельскохозяйственных коммунах Урала в 1920-е гг.

Во всех уставах данных коллективов были заявлено: «Коммуна есть добровольный союз трудящихся для совместной жизни на основах равенства, братства и общественного ведения хозяйства»⁴. Их деятельность должна была базироваться на лозунге «Каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам»⁵. Согласно уставам разных лет, во главе сельскохозяйственной трудовой коммуны в качестве исполнительного органа стоял Совет коммуны численностью от трех до пяти человек. Его функции, согласно закону, определялись «особыми инструкциями, вырабатываемыми общим собранием, в соответствии с характером работ в коммуне и ее задачами в деле удовлетворения потребностей ее членов и зависимости от размеров коммун»⁶. В Совете коммуны особое место занимал председатель, который избирался на эту должность на общем собрании коллектива и утверждался уездным земельным отделом как «ответственный руководитель хозяйства». Это было связано с тем, что сельскохозяйственная коммуна по закону как «хозяйственная производительная единица общенародной земледельческой промышленности» находилась под контролем Народного комиссариата земледелия и должна была сдавать государству все «излишки произведенных продуктов, остающиеся за покрытием потребностей ее членов и их семейств», а также предоставлять уездному земельному отделу отчеты о своей

³ *Усатова А. Н.* Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии Владимир: Книж. изд-во, 1961; *Гришаев В. В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976; *Гришаев В. В.* История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986; *Дюран Д. Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010; *Дианова Е. В.* О сельскохозяйственных коммунах Олонецкой губернии // Клио. 2010. №2(49). С. 81–83.

⁴ Устав сельскохозяйственной трудовой коммуны «Опыт культуры» Чермодинской волости Осинского уезда Пермской губернии 7 октября 1918 г. // ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 7.

⁵ Там же.

⁶ Устав сельскохозяйственной производительной коммуны «Маяк» Павловской волости Оханского уезда Пермской губернии 19 сентября 1920 г. // ГАПК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 211. Л. 391 (типограф. бланк).

деятельности и «об израсходовании полученных от Советской власти ссуд и пособий».

В уставе также было предусмотрено, что «в случае болезни, смерти или отсутствия членов Совета коммуны избираются кандидаты к ним, вступающие в исполнение их обязанностей по большинству голосов, полученных ими при избрании»⁷. Тем самым декларировался принцип равенства среди всех членов коллектива. При этом в реальной жизни в Совет коммуны могли быть избранными не все. В силу объективных факторов (уровень и степень социальной мобильности, связь с советскими и партийными органами, военный опыт, управленческие навыки) членами Совета становились лица, ранее выступившие инициаторами создания коллектива, а также те, кто составлял костяк коммуны, отличался активной жизненной позицией и готовностью к административной работе. Так, например, председателем Красотинской коммуны Кунгурского уезда в 1918 г., организованной на национализированных монастырских землях, был избран «фронтвик» Степан Сердитых, один из тех, кто первый вызвался в качестве уполномоченного из крестьян с. Торговище Спасо-Бардинской волости съездить, «чтобы ознакомиться с хозяйством на месте»⁸.

Обычной была ситуация, когда в результате ряда причин руководство не могло больше осуществлять свои полномочия (смерть, мобилизация, перевод на партийную или советскую работу, выход из коммуны), что несомненно, оказывало негативное воздействие на деятельность коллектива вплоть до его распада. Решением становился поиск внутренних резервов или переброска в «обезглавленный» коллектив ответственных партийных работников (не всегда с хозяйственным опытом).

Например, из коммуны «Сад» Мехонской вол. Шадринского уезда в 1920 г. на имя начальника Шадринской уездно-городской советской милиции поступило прошение об увольнении Азанова Дмитрия Анатольевича из данной структуры, так как он был избран на должность председателя указанной коммуны «как необходимого и единственного специалиста по восстановлению на более высокую высоту хозяйство коммуны». Причиной тому послужила насильственная смерть предыдущего председателя коммуны «во время восстания белобандитов», без которого «сильно падает хозяйство коммуны»⁹.

Хозяйство коллектива требовало постоянного внимательного отношения и каждодневного тяжелого крестьянского труда. Изначально

⁷ Там же. Л. 390, 391, 392.

⁸ Плотников А. Красотинская коммуна // Звезда. 1987. 25 марта. С. 3.

⁹ ГА в Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 134. Л. 98 (орфография сохранена – О.С.)

в уставных документах предполагалось добровольное участие в трудовой жизни коммуны всех ее членов. Большая роль при этом отводилась индивидуальной сознательности каждого коммунара. Реальность же показала, что не каждый способен на постоянной основе руководствоваться этим принципом. В этих условиях серьезно повышалась значимость управленческого актива, который используя разные механизмы воздействия, мог наладить производственные циклы в коллективе. Так, например, в Кошкарской коммуне Екатеринбургского уезда ревизионная комиссия в июле 1923 г. отметила, что «все работы производятся через наряды Совета коммуны накануне, такой порядок по мнению коммуны, имеет то преимущество, что каждый член вставая утром, знает куда ему нужно отправляться на работу». В заключение комиссия констатировала, что «в дальнейшем коммуна будет жизненной несмотря на то что у нее очень слабы материальные средства но есть большая внутренняя сплоченность»¹⁰. При этом часто оказывалось, что сохранить добропорядочность, трудовую дисциплину и равноудаленность от частных интересов некоторых коммунаров или естественным образом создаваемых групп влияния не всегда было возможно. Ситуация была проще в коллективе с высоким уровнем идеологической сознательности, однородным составом (что можно было ожидать в небольших по численности коммунах). В крупных коллективах рано или поздно возникали конфликты и превышение полномочий на производственном или бытовом уровне.

Например, в рамках обследования коммуны «Рой» Покровской вол. Екатеринбургского уезда в мае 1923 г. было выяснено, что после двух лет существования (с 8 марта 1921 г.) коллектив находился в состоянии системного кризиса, так как «имеются со стороны членов Совета ряд злоупотреблений (трата материалов, на расходы к коммуне не относящиеся) и наконец, кумышкопитие». В результате «все это породило с одной стороны законное недоверие к Совету коммуны, с другой на почве «чрезмерного администрирования» со стороны отдельных членов, а также ряда злоупотреблений привело коммуны к конфликту и к ее разделению»¹¹.

С другой стороны, любое сотрудничество в трудовой и личной сфере на добровольной основе не исключало возникновение естественных дискуссий и споров, связанных с субъективным видением ситуации. В этих условиях Совету коммуны важно было сохранить созданный коллектив. Так, из коммуны «Марс» Нытвенской вол. Пермского округа (существующей с ноября 1920 г.) в мае 1924 г. сообщ-

¹⁰ ГА в Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 558. Л. 74об., 79 (орфография сохранена – О.С.)

¹¹ ГА в Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 558. Л. 3, 29.

щали: «Коммуна выжила [в] самый трудный период организационно-строительства пережила или умело обошла индивидуальные мелкохозяйственные дрязги, от которых в большинстве своем и рассыпаются коммуны. Коммуна настолько организационно окрепла, что имеет не только обобществление имущества но полное обобществление и разделение труда и последняя стадия коммунистического домостроя достигнута, это общая столовая, которая осуществлена уже года четыре»¹².

Чтобы организационно сохранить сельскохозяйственную коммуны, руководству необходимо было принимать соответствующие решения. Часто при разборе спорных вопросов, обсуждении поведения и участия в производственной деятельности конкретных членов на общем собрании они носили кадровый характер: вынесение замечания, исключение. При этом доминирующее значение в итоге имели неформальные связи и субъективное мнение, что не всегда учитывало интересы всех сторон. Например, непростым было решение вопросов (особенно в голодные 1920–1921 гг.), связанных с положением недееспособных членов, которые приобрели данный, временный или постоянный, статус в рамках членства в коммуне, и иждивенцев. Так, в коммуне «Чупровский пахарь» Багарякской вол. Екатеринбургского уезда в августе 1921 г. Советом коллектива было внесено предложение «не выходящим на работу выдавать только ½ ф. хлеба», что было принято «единогласно»¹³. Такое решение было неоднозначным, тем не менее позволяло сохранить состав и продолжить производственную деятельность. В ряде случаев на таких членов оказывалось психологическое и моральное давление, что приводило к тому, что они добровольно выходили из состава сельскохозяйственной коммуны. И здесь интересы большинства ставились выше интересов каждого отдельного участника. Например, в своем заявлении в уездный земельный отдел, датированном августом 1921 г., бывшая участница коммуны «Энергия» Смоленской вол. Шадринского уезда Агафья Чернова сообщала, что «во время восстания банды моего мужа убили бандиты.... Семья моя осталась 5 чел. детей. После смерти мужа на меня стали все поносить, пошла большая неприязненность поэтому я и вышла из коммуны»¹⁴.

Таким образом, при наличии теоретически заявленных в коммунах принципов равенства и справедливости в реальности они подверга-

¹² ГАПК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 136. Л. 25, 25об. (орфография сохранена – О.С.)

¹³ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 118об.

¹⁴ ГА в г. Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 17 (орфография источника сохранена – О.С.)

лись пересмотру. Последнее было обусловлено потребностью в жизнеспособности коллектива. Важную роль при этом играл Совет коммуны, особенно его председатель. Именно от его позиции зависело морально-нравственное настроение в коммуне и ее трудовая деятельность. Если председателем был талантливый хозяйственник с высокими идеологической установкой и морально-этическими принципами, коммуна имела высокие шансы на длительность существования. Но, как правило, таких специалистов перенаправляли на решение новых задач с возможностью карьерного и служебного роста, на повышение образовательного уровня, что означало начало кризиса для коммуны. Практика жизнедеятельности сельскохозяйственных коммун в 1920-е гг. показала, что повышение ее продуктивности требовало выстраивания вертикали власти со строгой личной ответственностью. Идея равенства оказывалась лишь теоретическим конструктом в рамках конструирования управленческой структуры в производственном коллективе нового типа.

Библиография

1. *Гришаев В. В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976.
2. *Гришаев В. В.* История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
3. *Дианова Е. В.* О сельскохозяйственных коммунах Олонецкой губернии // Клио. 2010. №2(49). С. 81–83.
4. *Дюран Д. Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010.
5. *Усатова А. Н.* Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии Владимир: Книж. изд-во, 1961.

А.С. Соколов¹
Рязань

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1924 г. НА УРАЛЕ

Рассматриваются финансовые мероприятия на Урале в период денежной реформы 1924 г. Переход от обесценивающегося совзнака к твердому червонцу и казначейскому билету завершил период параллельного обращения валют. Осуществление денежной реформы в регионе сопровождалось кризисными явлениями: расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, разменным кризисом, сокращением заработной платы, увеличением цен на продовольственные товары. Завершение реформы привело к достижению финансово-экономической стабильности в стране, увеличению промышленного производства в Уральском регионе.

Ключевые слова: денежная реформа, история регионов России, новая экономическая политика, история финансов, Урал.

A.S. Sokolov
Ryazan

MONEY REFORM IN 1924 IN THE URALS

Financial measures in the Urals during the monetary reform of 1924 are considered. The transition from a depreciating sovznak to a hard chervonets and treasury notes completed the period of parallel circulation of currencies. The implementation of the monetary reform in the region was accompanied by crisis phenomena: the divergence of prices for industrial and agricultural products, a bargaining chip, a reduction in wages, an increase in prices for food products. The completion of the reform led to the achievement of financial and economic stability in the country, an increase in industrial production in the Ural region.

Keywords: monetary reform, history of Russian regions, new economic policy, history of finance, Ural.

В начале XXI в. экономическая история вновь стала привлекательной для уральских исследователей². Накануне юбилея новой экономической политики этот советский период российской истории привлекает внимание ученых-обществоведов. Одним из важных событий того времени стало проведение денежной реформы. Процесс осуществления новой финансовой политики в Уральском регионе нашел свое отражение в современной отечественной историографии³. Тем не менее во-

¹ *Соколов Александр Станиславович* – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина, Рязань, Россия. E-mail: falcon140770@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-01-16506.

² *Запарий В.В., Камынин В.Д.* Экономическая история на Урале: исследование на современном этапе // Вестник Уральского института управления, экономики и права. 2012. № 4. С. 66.

³ *Бриллиантова О.Г.* Финансовая политика советского правительства в 20-е гг. и ее осуществление на Урале. Оренбург, 2004; *Алямкин А.В., Баранов А.Г.* История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005; *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нпга: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.

прос проведения денежной реформы 1924 г. на Урале оказался вне внимания исследователей. Архивные документы, материалы периодической печати позволяют взглянуть на данную проблему по-новому.

Переход от принципов военного коммунизма к новой экономической политике потребовал для своей реализации адекватной финансовой политики, считавшейся с объективными законами товарно-денежного обращения. Восстановление элементов рыночных отношений выдвинуло на первый план задачу упорядочения денежного обращения, достижения устойчивости рубля. Кризис денежного обращения проявился в распространении местных эмиссий. Так, на Урале и Приуралье обращалось 145 местных денежных знаков⁴. Можно согласиться с мнением И.В. Нарского, что относительно благополучный Уральский регион, став «одним из эпицентров Гражданской войны с подвижными линиями фронтов и многочисленными сменами власти, за несколько лет между 1917 г. и началом 1920-х гг. превратился в руины с разрушенной промышленностью, разоренным сельским хозяйством, нищим, голодным населением»⁵. Еще в 1918 г., выступая на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, председатель СНХ Уральской области Ф.Ф. Сыромолотов (в годы нэпа он стал членом коллегии Наркомата финансов, Финансовой комиссии ЦК РКП(б), принял активное участие в теоретической разработке и практической реализации денежной реформы) заявил: «...мы должны сознаться, конечно, что наша финансовая система и банковский аппарат разрушены...»⁶. Экономические последствия Гражданской войны на Урале оказались катастрофическими. Многие предприятия были разрушены или бездействовали из-за отсутствия сырья. Крупные разрушения были на железнодорожных магистралях.

Легализовавшаяся в первые месяцы нэпа свободная торговля вышла за рамки местного оборота и противопоставила натуральным формам товарообмена денежные. Начальник валютного управления Наркомата финансов Л.Н. Юровский отмечал, что «как только появился рынок, на котором сравнительно свободно можно было покупать, население тотчас же стало предпочитать производить расчеты в денежной форме⁷. В информационной сводке Пермской губчека за

⁴ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С.212.

⁵ 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сборник науч. трудов. Екатеринбург, 2016. С. 281.

⁶ Фельдман М.А. Опыт демилитаризации промышленности Урала в конце 1917 – первые месяцы 1918 года. Неудачная попытка уйти с орбиты мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012. С. 104.

⁷ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). С.185.

март – апрель 1921 сообщалось: «В г. Перми в связи с разрешением свободной торговли на рынках торговая жизнь закипела, хотя и нет более объемистых магазинов, но все же у мелких торговцев товар имеется. Преобладает главным образом галантерея, железные товары, а также товары кустарнического производства, переделанная одежда и много огородных семян». Аналогичные сведения поступали весной 1921 г. и из других мест. Так, из Челябинска писали: «Жизнь на местных рынках, с введением свободной торговли, вновь ожила. Появилась мука, крупа, мясо и прочие сельскохозяйственные продукты. Также появилась мануфактура, папиросы и проч. Цены на все крайне высокие». Свобода торговли вызвала приток в Челябинскую губернию мешочников, которые выменивали местную муку на одежду и кожаные товары. Рост бумажно-денежной эмиссии вызывал постоянное изменение цен, что, в свою очередь, затрудняло восстановление системы кредита и организации торговли. Росли цены на продукты питания. Колебание рыночных цен наблюдалось и на Урале. С августа 1921 по июнь 1922 г. цены на зерно и муку в Перми повысились в шесть раз, на творог – 30–40 раз, на мясо и яйца – в 50–70 раз, на молоко – в 170 раз⁸. Стремительное обесценивание рубля создавало кризисную ситуацию в стране. Наркомат финансов проводил линию, направленную на оздоровление денежного обращения. В 1921 г. начал свою работу вновь учрежденный Госбанк. Этим было положено начало восстановлению системы кредитных учреждений. На Урале было создано шесть отделений этого банка. В период с октября 1922 г. по февраль 1923 г. в регионе были открыты филиалы Всероссийского банка потребительской кооперации, Промышленного банка. С 1923 г. начал действовать Уральский сельскохозяйственный банк. Таким образом, происходило постепенное восстановление банковской системы в Уральском регионе.

В начале 1922 г. рост цен негативно сказывался на финансовой системе страны. Недовольство населения вызывали задержки жалованья. Информационные сводки ГПУ за октябрь 1922 г. отмечают, что в Вятской и Пермской губерниях настроение рабочих ухудшается вследствие несвоевременной выплаты жалованья. На этой почве на Воткинском и Нытвенском заводах произошли забастовки⁹. На следующий месяц из Челябинской области сообщали, что на местных копиях настроение рабочих неудовлетворительное вследствие невыплаты жалованья и продпайка за 3,5 месяца¹⁰. Несмотря на значительные объемы выпуска бумажных знаков, на местах населе-

⁸ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. М., 2001. С. 339.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.5. Оп.1. Д. 2647. Л. 33, 61, 104.

¹⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.1. Ч.1. М., 2001. С. 317.

ние испытывало денежный «голод». В ноябре 1922 г. в Челябинской губернии крестьяне задержали сдачу подворно-поимущественного налога из-за отсутствия у них дензнаков¹¹. В целях получения дензнаков в феврале 1922 г. председатель Вятского губфинотдела откомандировал в Пермь на фабрику Гознака некоего управляющего Е.С. Леонтьева¹².

Попытки Наркомата финансов, руководимого Г.Я. Сокольниковым, сократить бюджетные расходы в целях борьбы с гиперинфляцией вызвали активное сопротивление производственников. Стремление Наркомата финансов сократить размеры бюджетного финансирования было крайне негативно воспринято теми делегатами XI РКП (б) съезда РКП(б), которые выражали интересы государственной промышленности. Так, председатель Экономсовета Урала Г. Ломов говорил: «Основной упрек, который нужно сделать с точки зрения производственника т. Сокольникову, это то, что политика Наркомфина ни в коем случае не согласована с политикой производства и с политикой ВСНХ»¹³.

Весной 1922 г. эмиссионный шквал устремлял в каналы денежного обращения колоссальную сумму обесценивающихся совзнаков. Рынок испытывал острую нужду в устойчивых деньгах и сам начинал искать их, стихийно хватаясь за непризнанные государством платежные средства. В то время началось лихорадочное освоение оборота золота и иностранной валюты.

В апреле 1922 г. Совнарком легализовал валютные операции, сосредоточенные ранее на черном рынке. Декрет СНК 4 апреля 1922 г. отменял обязательную сдачу государству валютных ценностей и допускал свободное распоряжение драгоценными камнями и благородными металлами в изделиях и слитках. Госбанк сохранял монопольное право на покупку и продажу золотых монет и инвалюты. На рынках Южного Урала появилось значительное количество золота в монетах, изделиях и особенно – в ломе. За торговыми кругами последовали крестьяне, сохранившие запасы золотых монет. В апреле 1922 г. на челябинском рынке за 10-рублевую монету можно было выручить 18–19 млн руб. Эта сумма была более чем на треть ниже, чем в центральных регионах страны, вследствие чего в Челябинскую губернию в поисках золота хлынули частные скупщики, которым государство не могло составить конкуренцию: Госбанк не располагал достаточным количеством денежных знаков, а имевшееся у него 100-миллионные купюры были слишком крупны и неудобны для крестьянского оборота¹⁴.

¹¹ Там же. С. 468.

¹² Березин С.В. Секретные командировки в Пермь //Родина. 2015. № 6. С. 111.

¹³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 334.

¹⁴ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе... С. 330.

Хозяйственный кризис весны 1922 г. привел к росту цен и повлек за собой катастрофическое падение рубля. Создававшаяся экономическая ситуация настоятельно требовала решительных мер в области денежного обращения и кредита. В целях сокращения объемов эмиссии и развития института кредитования Наркомат финансов в мае 1922 г. выпустил краткосрочные облигации государственного хлебного займа. Выпуск первого советского натурального займа имел успех среди населения. Информационные сводки за июнь 1922 г. сообщали, что в Челябинской области предприятия скупают облигации хлебного займа, продажа облигаций происходит успешно¹⁵. Успех хлебного займа позволил Наркомату финансов начать подготовку к более масштабной операции – выпуску параллельной валюты.

Рост цен на товары привел к увеличению денег в обращении. Расширение эмиссии было необходимо для удовлетворения потребности предприятий в оборотных средствах. Так, в 1922 г. на Урале было организовано 17 промышленных трестов. Шесть металлургических трестов объединились для развертывания коммерческой деятельности в синдикат «Уралмет». В 1921 г. была открыта товарная биржа в Перми, а через год – в Екатеринбурге и Челябинске. Для развития хозяйственных связей между предприятиями, организации торговли необходима была устойчивая валюта. Руководители экономических ведомств продолжали считать, что финансовая политика должна быть целиком и полностью подчинена интересам максимального развития производства. Поэтому эмиссия обесценивающихся денег казалась приемлемым способом покрытия государственных расходов.

В октябре 1922 г. Госбанк выпустил в обращение банковские билеты (червонцы). Они предназначались исключительно для развития производственно-коммерческих операций и ни при каких условиях не могли быть обращены на покрытие дефицита в бюджете. Новая денежная единица опиралась на золотую основу. Червонец приравнивался к 10 рублям в прежней российской золотой монете, заключавшей в себе 7,74 г. чистого золота. С выпуском червонца в стране сложилась система параллельных валют – банковской и казначейской. Первая предназначалась для коммерческого кредитования крупной промышленности и внешнеторговых операций, вторая – для покрытия бюджетного дефицита. Народное хозяйство получило в форме червонца достаточно устойчивую валюту. Была устранена серьезная опасность внедрения в обращение золота и инвалюты. Новая валюта эмитировалась кредитным методом. Червонцы поступали в каналы денежного обращения в порядке выдачи кредитных сумм Госбанком.

¹⁵ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д. 2635. Л. 65.

Таким образом, устанавливалась связь между выпуском денег и потребностями хозяйственного оборота¹⁶.

Червонец быстро завоевал доверие среди населения Урала. Газета «Экономическая жизнь» указывала, что весной 1923 г. пришлось изыскивать меры, чтобы обеспечить приобретение червонцев госорганами и кооперацией¹⁷. В этих целях на екатеринбургской товарной бирже была введена покупка-продажа червонцев. Эта мера оказала оздоравливающее влияние и значительно сократила аппетиты черной биржи. В статье подчеркивалось, что среди масс городского населения червонец приобрел не меньшую популярность. Легкость размена по курсу в местных банках или в магазинах, на базаре и даже на «толкучке», способность служить орудием сбережения, беспрепятственный прием в уплату налогов привели к тому, что червонец стал излюбленной валютой, а совзнаки превратились в разменные деньги.

В денежном обращении Екатеринбурга червонец приобрел характер господствующей денежной единицы и проник во все уголки городской жизни. Наряду с этим, крестьяне мало что знали о червонце. В сентябре 1923 г. корреспондент из Перми сообщали: «Еще сравнительно недавно червонец циркулировал здесь в довольно ограниченном круге – промышленность, госторговля, крупные кооперативные объединения, банки. Широкий рынок к червонцу относился равнодушно и даже холодно, для рабочих он был туго разменной бумажкой, для крестьянина – кабалистическим знаком. Местные банки объявляли о продаже червонцев, местная печать вела пропаганду за их внедрение в оборот. А вот что наблюдается сейчас. Весь товарный оборот перестроился по червонцу. Рабочий уже не откажется получить зарплату на все 100 процентов, ибо он все равно после получки будет его искать; крестьянин спокойно возвратится с городского базара лишь тогда, когда везет вырочку в червонце. В банках и других учреждениях, производящих продажу червонцев, ежедневно выстраиваются очереди перед кассой»¹⁸.

Параллельное обращение валют имело свои негативные стороны. Всякий держатель совзнаков стремился обменять их на банкноты, на этой почве при быстром колебании курса развивалась повсеместная спекуляция, которая, в свою очередь, вносила неустойчивость в хозяйственные расчеты. Вместе с тем червонец постепенно оттеснял совзнак и ускорял его обесценение. Границей оттеснения служило то, что червонец был сравнительно крупной денежной единицей и сфера

¹⁶ Соколов А.С. Финансовая политика Советского государства (1921-1929). М.: 2005. С. 128.

¹⁷ Экономическая жизнь. 1923. 19 октября.

¹⁸ Экономическая жизнь. 1923. 20 сентября.

мелких платежей оставалась в полной мере за совзнаками. Проблема размена червонцев резко проявилась во время острого разменного кризиса 1923 г. На уральских предприятиях зарплату стали выдавать червонцами в крупных купюрах, одной бумажкой на несколько человек. Рабочим приходилось самим производить размен крупных купюр. «И вот тут, – писала «Экономическая жизнь», – подстерегая нужду рабочих, пауки-менялы разъезжают по предприятиям, производят размен крупных купюр на мелочь, беря за это нередко 30% их стоимости»¹⁹.

Все это ставило уральскую промышленность в тяжелое состояние. Отсутствие необходимого количества совзнаков для выдачи зарплаты вызывало недовольство рабочих. Несмотря на появившееся еще в октябре 1922 г. постановление СНК о запрещении выпускать без разрешения какие-либо денежные знаки, Урал и Зауралье охватила эпидемия местных эмиссий²⁰. Например, в Екатеринбурге собственные боны выпустила Потребительская коммуна, в Мотовилихе – Единое общество потребителей «Помощь». Разменный кризис стал бедствием для народного хозяйства страны. В связи с создавшимся положением Наркомат финансов дал указание всем местным органам изымать суррогаты из обращения, а виновных привлекать к уголовной ответственности. Одновременно НКФ вынужден был издать распоряжение о беспрепятственном размене во всех кассах червонцев на совзнаки. Такое постановление означало неизбежность прорыва эмиссионного лимита.

Быстрый рост производства, внутренней и внешней торговли, стремительное обесценение совзнака создавало предпосылки для проведения в 1924 г. очередного этапа денежной реформы. Согласно декрету ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 г., в обращение выпускались государственные казначейские билеты, приравненные к золоту. Декретом ЦИК и СНК от 14 февраля 1924 г. был прекращен выпуск совзнаков. Постановлением ЦИК от 22 февраля 1924 г. была введена в обращение разменная медная и серебряная монета, что усиливало доверие к новым деньгам. Постановлением СНК от 7 марта 1924 г. была произведена окончательная фиксация курса совзнаков и определен порядок обмена совзнаков на новые казначейские билеты.

В феврале 1924 г. в Екатеринбурге, как и в других крупных городах, появились казначейские билеты²¹. С выпуском твердой валюты на чер-

¹⁹ Экономическая жизнь. 1923. 20 октября.

²⁰ Аляшкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. С. 308.

²¹ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 498.

ной бирже в Екатеринбурге упала стоимость царской золотой десятки²². Появление звонкой монеты с воодушевлением было встречено населением. Из Вятской губернии сообщали, что появление серебряных денег было встречено со стороны рабочих с большим подъемом. Вятское от-

деление Госбанка начало в начале марта выдавать зарплату новыми деньгами: по 50 коп. серебром и 50 коп. бонами. Подчеркивалось, что с объявлением выкупной цены совзнаков поступление их в кассу губфинотдела замедлилось. На рынке и во всех частных и государственных и кооперативных магазинах ощущается острый недостаток мелкой монеты. Это приводило к большим затруднениям при выдаче жалованья. Во всех магазинах стояли очереди покупателей с крупными деньгами²³.

На наличие разменного кризиса указывалось в корреспонденции из Оренбурга, в которой отмечалось: «Выпущенные отделением Госбанка казначейские билеты и серебро держатся в руках. В течение двух недель наблюдается сильный разменный кризис, в обороте только червонцы»²⁴. В Челябинске окрисполком под страхом репрессий запретил взимание платы за размен червонцев²⁵. Информационные сводки ГПУ за январь 1924 г. подчеркивали, что в Уралобласти имеет место выдача зарплаты бонами, имеющими хождение в фабрично-заводских лавках. В Оренбурге были случаи выпуска фальшивых золотых и серебряных денег²⁶. В целях борьбы с кризисом Наркоматом финансов были предприняты меры для увеличения в обороте мелких разменных денег и снабжения ими населения, установлена квота, определявшая размеры использования разменной монеты.

Наряду с «разменным» кризисом с мест поступали сообщения о преобладании в обращении падающих совзнаков. Некоторые районы Урала были наводнены исключительно совзнаками. В связи с этим создалось крайне тяжелое положение для кооперации, которая во многих местах оказалась с совзнаками, но без товаров. Вследствие этого в ряде уральских районов (Нижний Тагил, Надеждинск, Пермь) начался значительный рост цен. Этому росту цен способствовал и чрезмерный процент страховки цен от падения совзнаков. Причем характерно, что у частных торговцев этот процент был ниже, чем в государственной торговле. Деревня также стремилась избавиться от совзнаков и в ряде районов Урала перешла к товарообменной форме.

²² Экономическая жизнь. 1923. 20 марта.

²³ Известия. 1924. 9 апреля.

²⁴ Известия. 1924. 6 марта.

²⁵ Экономическая жизнь. 1924. 25 марта.

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка—Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 2. М., 2001. С. 23, 71.

Широкое распространение получил обмен солью. В некоторых районах Челябинской губернии появилась даже торговля на старую золотую и серебряную монету²⁷. «Разменный» кризис привел к снижению заработной платы на Усть-Катавском заводе Южно-Уральского треста, что привело к забастовке рабочих²⁸.

Кроме мероприятий в области денежного обращения, правительством был принят ряд мер по урегулированию цен на внутреннем рынке. Для успешного проведения реформы необходимо было добиться их стабильного уровня. С Урала поступали тревожные сообщения, что цены на все товары быстро растут и необходим для их приостановки ввоз хлеба и мануфактуры²⁹. К весне 1924 г. хлебная, текстильная, соляная, мясная торговля на Урале оказалась в руках у частных. В целях борьбы с ростом рыночных цен правительством были предприняты повышенное налогообложение на торговые фирмы, противодействующие государственной политике цен, закрытие Госбанка коммерческого кредита частным торговцам. Наступление на частника привело к тому, что в июне 1924 г. на Урале ряд крупных торговцев ликвидировали свои предприятия³⁰. На сокращение мелкой частной торговли с апреля по июнь 1924 г. также указывала информационная сводка Троицкого окружного отдела ОГПУ³¹. Региональная власть предприняла меры к снижению розничных цен на промышленные товары. Так, в Оренбурге в целях борьбы с дороговизной губрайкомом были снижены цены на все товары на 30%³².

Денежная реформа 1924 г. не прошла совершенно безболезненно. Она вызвала сокращение торгового оборота из-за резкого понижения цен, «разменный» кризис. Но эти негативные явления имели временный характер. Благодаря ей были созданы твердая валюта и сбалансированный бюджет, ликвидирована гиперинфляция, что способствовало стабилизации цен, развитию торговли. После завершения денежной реформы на Урале в 1924 г. началось быстрое восстановление государственной промышленности, объединенной в Уралоблсовнар-

²⁷ Экономическая жизнь. 1924. 9 марта.

²⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.2. М., 2001. С. 115.

²⁹ Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940. С. 325.

³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.2. М., 2001. С. 125.

³¹ Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018. С. 386.

³² Известия. 1924. 11 марта.

хоз, появились новые тресты и синдикаты, смешанные общества.

В 1925 г. крупная промышленность региона насчитывала 31 трест. Были созданы концессии: «Русско-австрийское торговое промышленное акционерное общество», «Русско-английское сырьевое общество».

НЭп стал эффективной моделью восстановления экономики. Тем не менее можно согласиться с мнением, что он не мог обеспечить быстрой индустриализации³³. Для решения форсированной модернизации, рывка в развитии потребовались иные методы осуществления денежно-кредитной политики.

Библиография

1. *Алямкин А.В., Баранов А.Г.* История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 334 с.
2. *Бриллиантова О.Г.* Финансовая политика советского правительства в 20-е гг. и ее осуществление на Урале. Оренбург: Оренбург. гос. аграрн. ун-т, 2004. 482 с.
3. *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М.: Госфиниздат, 1940. 248 с.
4. *Березин С.В.* Секретные командировки в Пермь //Родина. 2015. № 6. С. 111–112.
5. *Запарий В.В., Камынин В.Д.* Экономическая история на Урале: исследование на современном этапе //Вестник Уральского института управления, экономики и права. 2012. № 4. С. 64–71.
6. *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.
7. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
8. *Сенявский А.С.* Советская мобилизационная модель развития как инструмент модернизации и экономического роста: институциональный аспект //Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2019. С.90-94.
9. *Соколов А.С.* Финансовая политика Советского государства (1921-1929). М.: Издательство «Звездапад», 2005. 366 с.
10. *Фельдман М.А.* Опыт демилитаризации промышленности Урала в конце 1917 – первые месяцы 1918 года. Неудачная попытка уйти с орбиты мобилизационной экономики //Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С.98-106.
11. *Юровский Л.Н.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2008. 592 с.

³³ *Сенявский А.С.* Советская мобилизационная модель развития как инструмент модернизации и экономического роста: институциональный аспект //Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 2019. С. 91.

А.Н. Табулденов¹
Костанай

РОЛЬ ДЕПОРТИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1930-1940-х гг.

В статье рассматривается роль депортированного населения в экономическом развитии Северного Казахстана в 30-40-х гг. XX в. Показаны особенности хозяйственного, трудового обустройства и обеспечения спецпереселенцев в республике.

Ключевые слова: депортация, миграция, спецпереселенцы, Великая Отечественная война, полиэтничность, этнос.

A.N. Tabuldenov
Kostanay

THE ROLE OF THE DEPORTED POPULATION IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTH KAZAKHSTAN IN THE 30-40S. XX CENTURY

The article discusses the role of the deported population in the economic development of Northern Kazakhstan in the 30-40s. twentieth century. The features of the economic, labor arrangement and provision of special settlers in the republic are shown.

Keywords: deportation, migration, special settlers, World War II, multi-ethnicity, ethnicity.

Спецпереселение считалось эффективной с экономической точки зрения операцией. Предполагалось, что хлопоты, связанные с заселением спецпереселенцев, перекроются полученными выгодами от обеспечения рабочей силой основных народнохозяйственных отраслей, дополнительными преимуществами в борьбе за централизованно распределяемые ресурсы. Депортанты должны были стать дешевой рабочей силой для активного освоения природных ресурсов Казахстана. Однако депортация оказалась не столь экономической выгодной, как ожидалось. Существовали факты расточительства государственных средств. Это проявлялось уже на стадии расселения, когда из-за просчетов в выборе участков многие поселки переносились или ликвидировались, забрасывались поселки с имевшимися строениями, распаханной землей². Более того, ряд депортированных этносов разместили на территории разоренных колхозов.

Хозяйственная деятельность спецпереселенцев нередко была убыточной. Качественные показатели производственной деятельности

¹ *Табулденов Алибек Нурмагамбетович* – кандидат исторических наук, директор, Институт экономики и права КГУ им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан); докторант кафедры истории и этнологии, УрФУ. E-mail: nauryz18@mail.ru

² *Игнатова Н.М.* Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х-1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. С. 19-30.

спецпереселенцев оказались крайне низкими. Затраты производились только на перевозку и организацию спецпереселенцев. Все остальное должно было стать заботой самих депортантов, они сами должны были построить жилье, снабжать поселки продуктами питания и работать.

Однако в реальности все было не так гладко. Отсутствие инфраструктуры в местах заселения спецпереселенцев приводило к различным трудностям. Спецпереселенцы не являлись заключенными, лишеными свободы, но и не были свободными. Их принудительный труд должен был оплачиваться по стандартам вольнонаемного труда.

На практике все значительно упрощалось, и правовая дискриминация влекла за собой дискриминацию в оплате по труду, в бытовом положении. Для начальников лесоучастков, лесопунктов, леспромхозов и других предприятий, где спецпереселенцы использовались на работах, они были определено в чем-то виновны. Главное, что интересовало руководство, – это высокая производительность труда спецпереселенцев. Администрация на местах была убеждена в том, что спецпереселенцы – люди временные и никаких мер для «закрепления», т. е. создания надлежащих жилищно-бытовых условий, а также обеспечения медицинским и социальным обслуживанием, предпринимать необязательно.

На предприятиях, где использовался труд спецпереселенцев, наблюдалась большая текучесть кадров, многие оставляли рабочие места, дезертировали. Так, на Петропавловской электростанции в 1943 г. совершили побег 135 чел. из числа поляков, армян, украинцев, болгар. Кроме того, спецпереселенцы не возвращались на рабочее место после отпуска, переезжали в другую местность, многие за совершенные преступления отправлялись в исправительные учреждения, часть уезжала в связи с репатриацией.

Сталинское окружение понимало, что чрезмерной централизацией государства и запугиванием людей войну не победить. Поэтому начинается обращение к патриотическим и религиозным чувствам народов СССР, изучение и пропаганда военной истории, национально-освободительной борьбы. Кроме того, эти мероприятия должны были носить «профилактический», «успокоительный» характер, поднимая и укрепляя боевой и одновременно мирный дух местного населения и спецпереселенцев, вдохновляя их на новые трудовые подвиги.

По сути, религия была поставлена на службу государству, но уже атеистическому. Внимание властей уделялось повышению роли религиозных деятелей среди мусульманского населения. Таким образом советская власть преследовала несколько целей, не только успокаивая горячие головы, но и создавая мост доверия, взаимопонимания между

спецконтингентом и местными жителями. «Муллы оказывали серьезное влияние на укрепление хозяйственного устройства спецпереселенцев, на добросовестное отношение их к труду и оздоровление политического настроения». Используя религиозный фактор, власть пыталась регулировать процесс выборов депутатов в Верховный Совет в 1946 г. Через служителей мечети чеченцы и ингуши вместе с другими спецпереселенцами привлекались к участию в выборных кампаниях. Так, Затобольский райком ВКП(б) провел спецсовещание со служителями церкви, на котором не только разъяснил обращение ЦК ВКП(б), но и призвал провести работу среди избирателей³.

Трудовой деятельностью, потом и кровью спецпереселенцы должны были искупить свою «вину» перед Отечеством. Трудотерапия применялась также как средство перевоспитания «противников советской власти». Созидательный труд помогал спецпереселенцам выживать, иметь возможность зарабатывать на хлеб. В работу были вовлечены люди разных возрастов, престарелым родителям помогали дети. Женщины, отдав детей в детские сады, «оставляя одних дома, привязав их к кроватям», участвовали в колхозных работах.

Многие депортированные корейские колхозы продолжили свою прежнюю хозяйственную деятельность в Казахстане. Процесс выращивания теплолюбивых растений в них не прекращался – зимой строились многочисленные парники. Так, переселенческие корейские колхозы «Самир» и «5-е декабря» стали первыми овощеводческими колхозами в Кустанайской области. Расширялось зерновое, мясное хозяйство, увеличивались посевные площади. В пяти переселенческих колхозах Северо-Казахстанской области количество освоенной земли в 1938 г. по сравнению с таковым в 1937 г. увеличилось почти в два раза. Валовой доход корейского колхоза «Красный Восток» возрос более чем в два раза.

Корейские колхозы внесли существенный вклад в развитие сельского хозяйства республики. Сельхозартель «5 декабря» Кустанайской области сумела в первый же год после вселения повысить валовой доход примерно в три раза. Так, если в 1938 г. он составлял 142,9 тыс. руб., то в 1939 – 420 тыс. руб.⁴

Трудовые достижения спецпереселенцев и местного населения стимулировались в добровольно-принудительном порядке. Это было

³ Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30-50-е годы XX века. Депортация, спецпоселение, реабилитация: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-н/Д, 2002. 201 с.

⁴ Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (национальный аспект). Алма-Ата: Наука, 1987. 190 с.

связано с изменениями в трудовом праве советского государства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в стране устанавливался восьмичасовой рабочий день и семидневная рабочая неделя. Был уменьшен список производств с сокращенным рабочим днем, сокращен список праздничных дней. Работникам запрещалось увольнение по собственному желанию, инженерно-технических работников и квалифицированных работников могли переводить на другие предприятия и в другие регионы без их согласия.

Нарушение трудового законодательства с 1940 г. влекло за собой уголовную ответственность. Так, «прогул», т. е. отсутствие на рабочем месте без уважительной причины свыше 20 минут, наказывался исправительными работами до шести месяцев, а самовольный уход с работы – тюремным заключением до четырех месяцев. Для подростков вводилась трудовая повинность. Еще более жесткий режим устанавливался в годы войны, что было связано с чрезвычайными обстоятельствами. Была установлена трудовая повинность для граждан, рабочий день увеличился до 11 часов, очередные и дополнительные отпуска были отменены. Рабочие и служащие военных предприятий за самовольный уход с работы наказывались, как за дезертирство, на срок от пяти до восьми лет заключения. За уклонение от трудовой повинности устанавливалась уголовная ответственность в виде исправительных работ от шести месяцев до года⁵.

Несмотря на «драконовские» меры, спецпереселенцы передавали в фонд обороны овощи, шерсть, молоко, собирали металлолом, теплые вещи для Красной Армии, отчисляли трудов дни, сдавали облигации, перечисляли средства на строительство танковых колонн, эскадрилий⁶.

Депортанты наравне с эвакуированным и местным населением также трудились на эвакуированных в Северный Казахстан промышленных предприятиях. Будучи призванными в ряды трудовых армий, они возводили железные дороги, объекты Урала, шахты Караганды, заводы и фабрики Северного Казахстана.

Спецпереселенцы были мобилизованы в трудовую армию через военкоматы, отделы спецпереселений. Так, массовой мобилизации подлежали трудоспособные поляки в возрасте от 16 до 60 лет⁷. Наряду с ними на объектах работали административно высланные и эвакуанты. Так, в Северо-Казахстанской области спецпереселенцы трудились на строительстве Петропавловской ТЭЦ-2, кирпичном заводе,

⁵ *Абиль Е.А.* История государства и права Республики Казахстан. Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. 256 с.

⁶ ГАПО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 4.

⁷ ГААО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158.

в Государственной строительной монтажной конторе № 52 (ГССМК) и других крупных объектах. На возведении Петропавловской электростанции были задействованы немцы, призванные Кзыл-Тууским, Соколовским районными отделами НКВД Северо-Казахстанской области, направленные в распоряжение УНКВД по Северо-Казахстанской области по наряду № 0/1110 от 30 сентября 1943 г. Кроме того, сюда прибывал спецконтингент из южных областей республики⁸. Спецпереселенцы на ТЭЦ-2 работали трактористами, кочегарами, машинистами, молотобойцами, слесарями, разнорабочими. На 52 ГССМК их использовали как чернорабочих. Состав рабочих и служащих Петропавловской ТЭЦ-1, 2, 52 ГССМК был интернационален: немцы, евреи, латыши, поляки, болгары, украинцы, греки, грузины, армяне, татары, чеченцы, ингуши, молдаване, мордва и др.

Судя по архивным документам, труд спецпереселенцев использовался не полностью. Как отмечают архивы, в конце 1940 г. трудовое использование поляков было неудовлетворительным. В Павлодарской области использовались 45% переселенцев. Из 8 700 чел. в Кустанайской области были трудоустроены 2901 чел. т.е. 33,35%.

Поляки трудились в Челябинске, на Карагандинских шахтах, лесопильном заводе «Челдай», Майском руднике, известковом заводе, предприятии «Майкаинзолото» Павлодарской области. В Кокчетавской области строили ж/д Карталы – Акмолинск, Акмолинск – Апановка, в Кустанайской трудились на предприятии «Джетыгаразолото». В СКО они изготавливали трикотаж и обувь⁹. На Акмолинском заводе «Казсельмаш» в 1944 г. работали представители разных национальностей: казахи – 49,5 %, узбеки – 15,0 %, евреи – 16,0 %, русские – 10,2 %, поляки – 8,0 % и другие – 1,3 %. На строительстве железной дороги Акмолинск – Карталы были задействованы представители 50 национальностей, значительная часть которых состояла из переселенцев и эвакуантов¹⁰.

К концу 1940 г. большая часть поляков в Павлодарской области не была трудоустроена. На комбинате «Майкаинзолото» 700 спецпереселенцев находились в худших условиях, чем другие рабочие. Директор прииска заявлял: «Мне эти люди совершенно не нужны». Заведующий продовольственным снабжением комбината пытался «очистить» прикрепленных к стахановскому магазину спецпереселенцев-стахановцев, потому что местные рабочие жаловались на то, «что им приходилось стоять в очереди за поляками». Положение, в котором нахо-

⁸ ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1125.

⁹ ГАСКО. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 24.

¹⁰ История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы, 1998. 230 с.

дились поляки Кустанайской области, было идентичным. Значительная их часть трудилась на комбинате «Джетыгаразолото», здесь проживали по 7-15 семей в бараках. Переселенцы добросовестно относились к труду. Так, на комбинате «Джетыгаразолото» поляки перевыполняли производственные нормы. Так, из 314 спецпереселенцев 144 выполняли нормы на 100 и более процентов.¹¹

Несмотря на свой бесправный статус, спецпереселенцы требовали к себе гуманного отношения. Так, Польское посольство отправило ходатайство в Наркомат иностранных дел СССР с просьбой об освобождении польских граждан, проживавших в Северо-Казахстанской области, от работы в рождественские дни. Это ходатайство было не только отклонено, но и послужило поводом для ужесточения в вопросе ограничения прав поляков. «В случае организованного невыхода на работу польских граждан в эти дни, подстрекателей и организаторов привлекать к уголовной ответственности». 21 мая 1942 г. Кустанайский облисполком получил ноту польского посольства, в которой сообщалось о фактах принудительного привлечения польских граждан на работы¹².

Наряду с крупными промышленными объектами спецпереселенцы трудились и на мелких предприятиях. Так, поляки в Северо-Казахстанской области были задействованы на производственных предприятиях. Первое, располагавшееся в с. Явленка Ленинского района, специализировалось на производстве и пошиве трикотажных изделий. Второе – в Петропавловске – имело пошивочный и обувной цехи.

Труд немцев использовался на промышленных объектах, разработке и добыче полезных ископаемых, в сельском хозяйстве. Их в 1942 г. «в целях рационального использования» мобилизовали в трудовые колонны. В соответствии с Постановлениями ГКО № 1123 сс от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», от 14 февраля 1942 г. «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках» все немцы-мужчины указанного возраста, годные к физическому труду, на все время войны подлежали мобилизации в рабочие колонны¹³.

Основная часть из 120 тыс. немцев, призванных в ряды трудовой армии, была распределена на лесозаготовки, строительство заводов, 40 тыс. чел. направлялось на строительство железных дорог, в том числе Акмолинск – Карталы и Акмолинск – Павлодар. Этой числен-

---

¹¹ Из истории поляков Казахстана (1936-1956 гг.). Сборник документов. Алматы: ТОО «Издательский дом»: Казахстан, 2000. 344 с.

¹² ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 19.

¹³ ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 12. Д. 41.

ности государству было недостаточно. Поэтому позднее, согласно постановлению ГКО № 2383 сс от 7 октября 1942 г., возрастные рамки немцев-мужчин были расширены с 15-16 лет и до 51-55 лет. Одновременно осуществлялась мобилизация немцев в возрасте от 16 до 45 лет. Немцев, согласно указанию, отправляли на объекты нефтяной и угольной промышленности. Так, мужчин распределили на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» Народного комиссариата угля, немцев – на предприятия Наркомнефти¹⁴.

На предприятия «Карагандауголь» из Кустанайской и Акмолинской областей были отправлены 4000 немцев, «Богословуголь» из Северо-Казахстанской области – 3 000 чел., «Главнефтьстрой» из Павлодарской – 1500 чел., «Кузбассуголь» из Павлодарской – 500 чел., «Главнефтьстрой» из Акмолинской – 700 немцев, Кустанайской – 1500, Павлодарской – 1000, Северо-Казахстанской области – 2000 немцев. На заводы машиностроения мобилизовали из Северо-Казахстанской области 700 чел., Акмолинской области – 300, Кустанайской – 300, «Куйбышевнефть» из Павлодарской – 1500 чел. Немцы, призванные из Северо-Казахстанской области, трудились на заводе «Челябметаллургстрой», использовались в подсобных хозяйствах НКВД¹⁵. На комбинате «Карагандауголь» в основном работали немцы, поляки и другие, призванные из северных областей Казахстана. Из Кустанайской области были мобилизованы главы 1812 семей, Акмолинской – 1809, Павлодарской – 403, СКО – 241. Начальство комбината неоднократно выступало перед руководством республики с инициативой оказания помощи по воссоединению семей рабочих, мобилизованных на комбинат¹⁶.

В сельской местности немцы работали животноводами, пимокатами, доярками. Производственные характеристики, составляемые на спецпоселенцев, свидетельствовали о том, что многие были исполнительными работниками. Так, спецпоселенка А.Шнайдер являлась членом совхоза 1-го мая Буденовского сельского совета, работала на разных работах. К работе относилась добросовестно. Административных взысканий не имела. В колхозе «Прииртышская правда» Бескарагайского района в животноводстве работали спецпереселен-

¹⁴ *Козыбаев М.К.* Немцы Советского Казахстана: факты и действительность // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991. С. 237-241.

¹⁵ Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК по Костанайской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

¹⁶ *Жумашиев Р.М., Михеева Л.В.* Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов. Караганда, 2007. 286 с.

цы-немцы, многие доярки, пастухи, чабаны получили шерсть, скот, молоко в порядке дополнительной оплаты труда¹⁷.

В годы войны немцы неоднократно перечисляли в фонд обороны продукты питания, передавали теплую одежду для солдат, несмотря на то, что сами голодали, ходили без одежды. К примеру, жители колхоза «Роте Фане» в сентябре 1941 г. выделили в фонд обороны 100 ц картофеля, 10 ц капусты, 5 ц помидоров, 3 ц огурцов, 1 ц шерсти. Каждый член сельхозартели сдавал по 3 литра молока, ежемесячно отчислял по 2 трудодня, сдавал облигации займов, колхозники собирали металлолом, теплые вещи для Красной Армии, перечисляли заработки на строительство танковых колонн, эскадрилий.

Наряду с трудовой деятельностью спецпереселенцы активно проявляли свою гражданскую позицию, высказывали мнение о политических событиях в стране.

Архивы хранят высказывания депортантов о выборах депутатов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. По Конституции СССР от 5 декабря 1936 г., Конституции КазССР от 26 марта 1937 г. вводилось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Таким образом, этим правом обладало не только местное население, но и депортанты.

Мнения переселенцев иногда носили категоричный характер. Так, немец А.Я. Кайль говорил: «Советское правительство спаслось от разгрома, теперь проводит выборы в Верховный Совет СССР, эти выборы долго существовать не будут, через год-два СССР не будет, его уничтожат, будет так, как хотел Гитлер, Гитлер жив и будет жить. Дуракам нечего делать, они вывешивают списки избирателей, выборы в Советы – это чепуха». А.Киркснер отмечал: «Это не выборы, а комедия, все равно назовут имя вождя партии, все останутся на своих местах, это обман, они уже 28 лет обманывают народ». Ф.Курц из Бескарагайского района, отмечал: «Я получу бюллетень, но голосовать не буду, так как не знаю, за кого голосовать, ибо кандидатура назначается где-то». Немец Ф.А. Кох из Иртышского района в беседе с И. Гейнцем заявил: «Смотрите, уже установлена витрина, где должны проходить выборы в Верховный Совет СССР, нас мучают этой агитацией, для нас это бесполезно, нам выборы не нужны. Новые органы снова будут обманывать массы, это не выборы, а обман, мы не верим в них. В Конституции СССР указано «равноправие», где вы его видели, равноправия нет». И. Гейнец поддержал: «Зачем мне выбирать кого-то, ведь без меня обойдутся, на кой черт мне нужен Верховный Совет, все равно они будут для себя, а не для нас»¹⁸.

¹⁷ Бельгер Г. Зловещий лик тирании // Феникс, 1995. № 9. С. 312-316.

¹⁸ ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 412.

Согласно принятым в марте 1944 г. «Правилам по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев» вопросы трудоустройства спецпереселенцев контролировали органы НКВД. Переселенцы пользовались «правом» устройства на работу в совхозах, МТС, кустарно-промысловых артелях, в других госорганах. Там, где возможность устройства на работу была исключена, их труд использовался на черновой работе. Основная часть спецпереселенцев использовалась на колхозных работах не по специальности, им запрещалось переходить с одной работы на другую без разрешения спецкомендатур НКВД. При этом Правила предписывали использовать лиц с высшим и средним специальным образованием только по своей специальности. При отсутствии возможности использовать специалистов в районах расселения НКВД разрешало им перемещаться в другие регионы с целью поиска соответствующей работы. При отсутствии работы на селе, в промышленности депортантам разрешалось объединяться в артели промысловой кооперации. В соответствии с Постановлением ГКО № 5073 сс от 31 января 1944 г. «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» спецпереселенцев с Северного Кавказа использовали в сельском хозяйстве, рабочих и служащих на предприятиях по специальности.

Вопросы трудоустройства переселенцев неоднократно пересматривались, оттачивалась схема «рационального» использования их труда. Согласно Постановлению СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» все трудоспособные спецпереселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организовывали трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях.

Качество рабочей силы в аграрном производстве в годы Великой Отечественной войны претерпело резкие изменения. В армию ушли не только физически наиболее трудоспособные жители села, но самая квалифицированная часть – механизаторы, шоферы и т.д. «Военной» стала и половозрастная структура сельских трудовых ресурсов. Мобилизация мужчин на фронт привела к снижению доли трудоспособного населения в составе населения республики и вызвала необходимость изыскания трудового потенциала.

Мобилизация трудовых ресурсов поставила задачу планового учета и распределения рабочей силы и прежде всего вовлечения в трудовой процесс незанятого в общественном производстве наличного тру-

доспособного населения республики. Исследования демографической ситуации в 1941-1945 гг. в региональном разрезе привели к выводу, что наиболее заметные сдвиги наблюдались в демографическом положении северных и южных областей Казахстана, вызванном активными миграционными процессами.

В 1942 г. удельный вес мужского трудоспособного населения, занятого в колхозном производстве, составлял 22 %. И в то же время здесь трудилось 649 тыс. женщин и 255 тыс. подростков. Последних фактически было еще больше, так как на уборку урожая было привлечено 200 тыс. школьников. С 10 декабря 1941 г. во всех средних учебных заведениях были введены дополнительные занятия по обучению учащихся сельскохозяйственным работам. Приведенные выше цифры говорят о том, что женщины, старики и дети выступали главной движущей силой колхозного производства.³ В 1944 г. в общей массе трудоспособного населения на мужчин приходилось 20 %, на женщин и подростков – 58 и 22 %.

Основная масса спецпереселенцев относилась к труду добросовестно. О трудовых достижениях депортантов свидетельствуют многочисленные примеры. Большинство из них демонстрирует профессионализм, преданность своему делу, стремление быть полезным семье, обществу, государству. Часть спецпереселенцев перевыполняла производственные нормы. Так, в Кустанайской области в 1945 г. были премированы скотом, вещами, деньгами, занесены на Доску почета 236 спецпереселенца. В Джетыгаринском районе были премированы 286 чел. В колхозе «Красный партизан» этого района на Доске почета находились 2 переселенца. В колхозе им. Ворошилова М.Богучев, выработав 700 трудодней, премировался коровой. Н.Надаев на комбинате «Джетыгаразолото», перевыполнив норму на 300 %, был награжден патефоном. Заведующий овцефермой колхоза «Красный партизан» Джетыгаринского района К. Сорданов премировался 15 баранами. В колхозе «Шевченко» Урицкого района спецпереселенцы Ш. Согданов, А. Талхагов, А. Зубайров, А. Доканов получили в качестве премии 20 баранов, мануфактуру, деньги.

В колхозе «Красный Восток» сапожник С. Турхаев за перевыполнение нормы был награжден медалью «За доблестный труд» и премирован 200 рублями. В колхозе «Рабочая нива», Ленина Затобольского района звеньевые А.Мальсагов, В.Духиев за высокий урожай также получили премии. В колхозе «10 лет Октября» тракторист Х. Котиков, выработав 1200 трудодней, получил 11 ц зерна. В Москалевском мясосовхозе Семиозерного района кузнец А. Абдурахман за перевыполнение нормы на 200 %, был премирован костюмом. В колхозе им. Ко-

гановича Тарановского района колхозник М.Исмаил, тракторист Б. Тарехман за систематическое перевыполнение нормы были премированы двумя овцами и косилкой. В колхозе «Калайда» Федоровского района чабан З. Маминов за сохранение поголовья скота получил премию 12 овец. В колхозе «Свободный труд» Убаганского района А.Катин выработал 718 трудодней и был премирован телкой¹⁹.

В колхозе имени Вильямса Мамлютского района Северо-Казахстанской области А. Израйлов, С. Бицеев, выработав 1373 трудодня, были премированы овцами. В Приишимском районе С. Тулаев, выработав 500 трудодней, был премирован деньгами. Комбайнер Чистянской МТС Коноховского района К. Умаев при норме в 530 га, обмолотив хлеба с 900 га, был премирован посылкой и коровой. В колхозе «Свет» того же района чабан З. Элемханов, выработав 800 трудодней, был премирован овцой. В Пресновском районе СКО комбайнер А. Ходжанов неоднократно премировался мануфактурой, валенками, коровой. В колхозе «Коминтерн» Петропавловского района Б. Кодзоев, участвуя на уборке, выработал 540 трудодней. В колхозе имени Ворошилова Ленинского района А. Чумаков, работая кузнецом, выработав более 900 трудодней, был награжден овцой²⁰.

В Кокчетавской области спецпереселенцы в колхозах «Путь к свету», «Путь пролетария» Рузаевского района Н. Льянов, Х. Цуров за выработку трудодней ежегодно премировались деньгами, скотом. В колхозе «Победа» подросток А. Льянов, выработав за год 452 трудодня, был премирован овцой. В колхозе «Пролетарий» подросток Ю. Зумурзаев, выработав 349 трудодней, был премирован овцой. В колхозе «Кзыл-Угом» Энбекшильдерского района Ж. Евлоев, выработав 578 трудодней, его сын подросток Г. Саломон, выработав 231 трудодень, правлением колхоза были премированы овцой. В колхозе «Советский пахарь» Б. Цуров, выработав 650 трудодней, получил в качестве премии овцу; его сын подросток, выработав 232 трудодня, также был премирован. В колхозе «Жаналык» Ш. Петиев с семьей, выработав 1370 трудодней, получил в качестве премии корову. В колхозе «Новый труд» Чкаловского района А. Шахмурзиев с семьей, выработав 1363 трудодня, получил премию 7 баранов²¹.

Передовиков производства представляли к наградам. Так, комбайнеру Красноармейской МТС Женскому И.А. в 1951 г. было присвоено звание Героя социалистического труда. 6 комбайнеров-спецпереселенцев Имантаевской МТС Арык-Балыкского района были также

¹⁹ ККМ. Отд. 7. НВФ. 12680.

²⁰ ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1469.

²¹ ГАГК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17.

представлены к наградам. Кузнец Алабатинского мясосовхоза В.Островский перевыполнил норму на 222 %, кузнец Рузаевского мясосовхоза И. Диль – на 250 %, комбайнер К. Шмидт – на 140 %, машинист К-6 К. Синявский скошил 515 га сена, за 5 дней – 124 га. В Кокчетавском горпромкомбинате 8 полейков были занесены на областную Доску почета. За вклад в развитие сельского хозяйства, участие в войне, многодетность поляки награждались орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, «Знак Почета», «Мать-героиня», «Материнская слава», медалями «Материнская слава», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941- 1945 годов», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

В 1951 г. в Кустанайской области часть чеченцев, ингушей была трудоустроена. Почти все спецпереселенцы были задействованы на разных участках работы в основном в качестве разнорабочих в сельском хозяйстве. Численность квалифицированных специалистов из среды чеченцев и ингушей была незначительной. В Соколовском, Мамлютском, Приишимском, Конюховском районах СКО свыше 50 %, а в некоторых 100 % переселенческого населения не участвовало в колхозных работах²².

Следует отметить, что учет должностей, занимаемых спецпереселенцами, органы местного самоуправления, эвакуационно-переселенческие отделы зачастую не вели. Однако заметно, что переселенцы редко занимали руководящие посты. Так, управляющим Кустанайского филиала Главтабаксырье являлся спецпереселенец Н. Плиев, заместителем управляющего Заготзерно М. Веджижиев, помощником первого заместителя председателя облисполкома Г. Хамчиев. По области насчитывалось 62 спецпереселенца, занимавших ответственные должности. В Кустанайской области в 1945 г. на должности заместителя председателя колхоза находился 1 чеченец. В Кокчетавской области в 1952 г. значительная часть поляков работала на руководящих должностях: в районах области – 607 чел., из них председателей колхозов – 34, их заместителей – 29, заведующих фермами – 114, бригадиров – 147, бригадиров тракторных бригад – 81, председателей месткомов – 28, председателей сельских советов – 20, агрономов, зоотехников, техников – 34 и т.д. В области из числа поляков назначались руководители населенных пунктов, бригадиры. В областном центре в 1952 г. насчитывалось 116 поляков, трудившихся инженерами, учителями, врачами. В районах области в числе 607 чел. были председатели колхозов – 34, заместители – 29, заведующие фермами – 114, бригадиры – 228, предместкомы – 28, предсельсоветов – 20, агрономы, зоотехники, тех-

²² ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1243.

ники – 34 чел. Спецпереселенцы оказали влияние на развитие сети образовательных учреждений Северного Казахстана. При их участии были организованы библиотеки, Дома культуры, школы. В 1951 г. на должностях заведующих библиотеками, избами-читальнями работал 31 поляк.²³

Большинство учителей-спецпереселенцев добросовестно относилось к работе. Многие были награждены орденами и медалями СССР за долготный и безупречный труд, а также значками «Отличник народного просвещения». Среди них учителя средней школы № 57 ст. Кушмурун – К. Деннер и Н. Шейбель, награжденные медалями «За трудовое отличие». Заслуженным авторитетом среди учащихся и родителей пользовались немцы: О. Кириш – директор Семеновской школы Затобольского района, И. Рехтер – преподаватель математики Сергеевской школы Затобольского района, К.Бауэр – преподаватель химии Денисовской средней школы Орджоникидзевского района, ингушка А. Какиева – преподаватель биологии Смирновской школы Пешковского района, чеченец В. Ахриев – преподаватель математики Глебовской школы Орджоникидзевского района и др.²⁴ Заслуга этих людей в том, что они не только смогли сами получить образование, но и обучали других, прививая молодой поросли республики уважительное, толерантное отношение к другим народам.

В Кустанайской области к началу 1950-х гг. было зарегистрировано 325 учителей из числа спецпереселенцев, из которых 265 чел. были задействованы в школах всеобщего, средне-специальных учебных заведений, органах народного образования. Практически все педагоги являлись немцами. Оставшаяся часть учителей использовалась на другой работе.

В Кустанайской области спецпереселенцы трудились также в медицинской сфере, работая врачами, фельдшерами, медсестрами. Так, Ни Сарра Н. – врач-хирург Кустанайской центральной амбулатории, Цхай С.А. – фельдшер Кустанайского района, Кан Гирсун – фельдшер Убаганского района²⁵. По сути, сами спецпереселенцы, занимаясь благородной врачебной деятельностью, активно помогали себе и местному населению в борьбе с болезнями.

Спецпереселенцы, несмотря на свое бесправное положение, вступали или состояли в рядах коммунистической партии. Так, к концу 1952 г. в Кустанайской области на комсомольском учете состояли 30 немцев, 10 чеченцев, 2 ингуша. 3 спецпереселенца имели прави-

²³ ККМ. Отд. 7. НВФ. 12680.

²⁴ ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 9. Д. 22.

²⁵ ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 448.

тельственные награды за вклад в развитие сельского хозяйства, 4 были награждены грамотами обкома комсомола, «шли в авангарде всесоюзной молодежи и систематически выполняли и перевыполняли нормы на всех проводимых сезонных работах»²⁶.

Депортанты внесли значительный вклад в развитие Северного Казахстана. Корейское население занималось выращиванием овощных, бахчевых, злаковых культур, немцы – земледелием, чеченцы и ингуши – скотоводством. К примеру, только парники, построенные трудолюбивыми корейцами в конце 30-х годов, в обновленном виде функционируют в Костанайской области и по сей день. Труд депортантов широко использовался в промышленности, аграрном секторе экономики.

Библиография

1. *Абиль Е. А.* История государства и права Республики Казахстан. Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. 256 с.
2. *Агиев Р. С.* Трагедия чеченского и ингушского народов в 30-50-е годы XX века. Депортация, спецпоселение, реабилитация: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-н/Д, 2002. 201 с.
3. Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК по Костанайской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
4. *Базанова Ф. Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (национальный аспект). Алма-Ата: Наука, 1987. 190 с.
5. *Бельгер Г.* Зловещий лик тирании // Феникс. 1995. № 9. С. 312-316.
6. *Игнатова Н. М.* Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х-1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. С. 19-30.
7. *Козыбаев М. К.* Немцы Советского Казахстана: факты и действительность // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991. С. 237-241.

²⁶ ГАКО. Ф. 302-П. Оп. 1. Д. 119.

П.В. Луковенко¹
Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ОБРАЗА «ФАШИСТСКОЙ ПОЛЬШИ» В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1920-х – 1930-х гг.

Статья представляет собой обзор советских пропагандистских материалов 1920-х – 1930-х гг., посвященных Польской республике. В тексте делается ключевой акцент на использовании термина «фашистское государство» в отношении Польши, а также даны хронологические рамки его применения, представлено авторское деление на периоды использования термина. Более того, статья затрагивает ярлыки образа врага, которыми советские пропагандисты наделяют Польскую Республику, а также показывает, как они изменялись с течением времени.

Ключевые слова: советская пропаганда; Польша; СССР; образ Польши; образ врага; фашизм; фашистская Польша.

P.V. Lukovenko
Yekaterinburg

DEVELOPMENT OF THE IMAGE OF “FASCIST POLAND” IN THE SOVIET PROPAGANDA 1920s - 1930s

The article is a review of Soviet propaganda materials of the 1920s - 1930s. dedicated to the Polish Republic. The text makes a key emphasis on the use of the term “fascist state” in relation to Poland, as well as gives a chronological framework for its use, presents the author’s division into periods of use of the term. Moreover, the article touches on the enemy image labels that Soviet propagandists give to the Polish Republic, and also shows how they have changed over time.

Keywords: Soviet propaganda; Poland; THE USSR; the image of Poland; the image of the enemy; fascism; fascist Poland.

Советская пропаганда на сегодняшний день представляет собой интереснейшую и не так хорошо изученную тему, по которой, однако, сохранилось достаточное количество исторических источников, использованных в исследовании. Ключевым интересом автора данной работы, выделяемым из общего массива тематик, затрагивающих вопрос советской пропаганды, остается то, как именно эта сторона советской жизни отражала самого крупного соседа СССР на Западе – Польшу. Сразу хотелось бы отметить, что для советской стороны само существование Польской Республики являлось неким «бельмом на глазу» не только в силу памяти о серьезном поражении в советско-польской войне, но и в связи с враждебными отношениями между государствами, которые постоянно подогревались фактом вхождения западных областей Украины и Белоруссии, ставших советскими республиками, в состав польского государства.

¹ *Луковенко Павел Викторович* – студент департамента «Исторический факультет» УГИ УрФУ, Екатеринбург, Россия. E-mail: nemvemailru@mail.ru

И, конечно, фундамент к формированию первичного образа и его архетипов заложила уже упомянутая советско-польская война. Можно рассматривать конфликт как часть Гражданской войны в России и сравнивать отношение пропагандистов к Польской Республике и другим центрам силы, противостоящим большевикам. В количественном отношении ясно прослеживается доминирование материалов именно в отношении Польши, что может говорить об особом отношении к противнику, которого, вероятно, выделяли как опаснейшего для советской власти после поражения армии Деникина.

В это время были заложены главнейшие образы, которые использовались и трансформировались советскими пропагандистами на протяжении десятилетий. Так, появился образ «белополяка», «польского пана», «пана эксплуататора», а также Польши как марионетки западного капитала, активно упоминается термин «польской шляхты». Визуально образы «пана» изображались в виде тучного мужчины с характерной растительностью на лице, явно взятой из внешнего облика Йозефа Пилсудского, бывшего в то время лидером государства. Наиболее ярко это отражается в плакатной пропаганде, в которой данные образы выразительно визуализируются.

Больше влияние имела и периодика, так, например, крупным детищем большевистских пропагандистов на Западном фронте стала газета «Красная трибуна», выпускавшаяся в Москве тиражом в 15–20 тыс. экз. Там же печатались газеты «Коммунистические ведомости» и «Товарищ», в других городах также печатались газеты для чрезвычайно важного в то время фронта. Например, в Минске, а затем в Смоленске – «Знамя коммунизма», «Молот» и «Военнопленный». Было выпущено 73 наименования брошюр – около 1 млн экз.²

В литературе пропагандистского характера особенно ярко раскрылись представления об эксплуататорской и угнетательской сущности власти в Польше. Четко прослеживается тема «несправедливого деления земли». Разъясняется, почему территориальные притязания Речи Посполитой несправедливы, так как на территориях, на которые претендует новое польское правительство, проживают в основной своей массе не поляки, а украинцы и белорусы. При этом особенно ярко подчеркивается, что борьба идет не с польским народом (который также угнетается), а именно с «польскими панами».³

После окончания конфликта наступает период рефлексии на поражение в войне, появляются новые темы в пропагандистской литерату-

² Кучерова Г. Э. Большевистская печатная пропаганда в войсках и тылу противника, 1917-1920. Ростов -н/Д, 1989. С. 50.

³ Раковский Х. Г. Все для победы над польскими панами. Харьков, 1920. С. 20.

ре. В первую очередь наиболее остро в этот период встает вопрос так называемых «восточных крес» или восточных окраин, т. е. территорий Западной Украины и Белоруссии, вошедших в состав Польской Республики по итогам Рижского мирного договора. Активно распространяется мнение об особенно сильном угнетении на данных территориях в первую очередь украинцев и белорусов, которые представляли этническое большинство.

И именно в этот период впервые встречается упоминание Польши как государства фашистского. Например, работа автора под революционным псевдонимом Красный под названием «Польский фашизм». Прочитав этого автора: «Развитие буржуазной Польши за период от 1918 до 1924 г. вело к торжеству полной реакции и потому способствовало росту империализма, национализма, антисемитизма и фашизма – словом, всех известных форм международной контрреволюции». ⁴ Таким образом, видно, что четкого понимания фашизма как идеологии у автора нет, что, впрочем, не мешает ему использовать данный термин в отношении закоренелого противника.

Однако использование ярлыка «фашистской» Польши в поствоенный период является явлением редким, практически исключительным. Активно же данный термин стал применяться в конце 1920-х гг. Причиной этому послужил приход к власти Йозефа Пилсудского в результате Майского переворота 1926 г. и последующая за этим Большая военная тревога. Поэтому можно сказать, что политическая литература конца 1920-х – начала 1930-х гг. как раз и является рефлексией на произошедшие события. Именно в этот период коннотация Польши как государства фашистского входит в привычное употребление наравне с давними пропагандистскими ярлыками.

Пожалуй, ключевым тут является приход Пилсудского к власти. Переворот, осуществленный в 1926 г., именуется «фашистским», ⁵ после которого формируется «фашистское» же ⁶ правительство. Применение этого термина мы видим не только в литературе, но и в плакатной пропаганде, в частности на плакате 1932 г. под названием: «Империалисты готовят фашистские банды к интервенции против СССР», где в рядах государств с военно-фашистскими формированиями оказываются как уже классические «империалистические» страны, такие как Англия, Франция и США, так и относительно непопу-

⁴ *Красный Ю.* Польский фашизм. М., 1924. С. 10.

⁵ *Юльский В.* Польша – аванпост интервенции. Л. 1931. С.41.

⁶ *Зоркий А.* Экономический кризис и кризис стабильности в Польше // Мировой экономический кризис: коллективная работа Института мирового хозяйства и мировой политики. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1930. С. 168.

лярные у пропагандистов Германия и Италия, а также страны-соседи, которые выделялись «марионетками западных империалистов»: Финляндия, Румыния, Польша. Причем именно в США количество фашистов, судя по данным с плаката, было выше всего. Тут, как и в ряде изданий политического характера, можно заметить, что фашистскими называется целый ряд государств. Объясняется это в первую очередь использованием популярного в то время клише «социал-фашизма», которое было официально закреплено в резолюции X пленума ИККИ в июле 1929 г.⁷ Согласно данному мнению европейские социал-демократические партии представляют собой одну из разновидностей фашизма. Поэтому можно прийти к выводу, что использование пропагандистами термина «фашистской» Польши может носить характер попадания в моду политических взглядов тех лет.

Мнение это потеряло свою актуальность после прихода к власти национал-социалистов в Германии в 1933 г. Однако, несмотря на смену отношения к термину фашистского государства у советских пропагандистов, Польская Республика все равно продолжает так именоваться в пропаганде, правда, реже и скорее в виде исключения, для усиления негативной коннотации. Гораздо чаще в это время можно встретить старый ярлык «панской Польши».

При этом, пожалуй, неверно смотреть на ярлык фашистского государства в отрыве от других, применяемых к Польской Республике. В первую очередь хотелось бы отметить уже упомянутое наименование «панской Польши», которое появилось еще в период Советско-польской войны и использовалось на протяжении всего межвоенного периода. Соответственно, термин «пан» или «польский пан» продолжал использоваться также. И наоборот, к 1930-м гг. практически полностью исчезает из употребления в пропагандистских материалах термин и образ белополяка в принципе. В 1930-е гг. так же, как и ранее, прослеживается четкое акцентирование на положение крестьянства и рабочего класса в соседнем государстве. Главным антагонистом тут выступают крупные польские землевладельцы и само правительство, которому в укор ставится проводимая в стране политика. Среди общего угнетаемого населения наиболее ярко выделяются жители уже упомянутых Восточных окраин. Неоднократно отношение польского правительства к этой территории носит наименование «оккупации» или «колониальной эксплуатации».⁸

⁷ XIII Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М., 1934. С. 591.

⁸ Юльский В. Польша – аванпост интервенции. Л. 1931. С. 10.

Также на протяжении всего межвоенного периода сохраняет влияние ярлык Польши как государства-марионетки западных империалистов. Положение страны представляется в советской пропаганде крайне двояко: с одной стороны, Польша ведет собственную политику, имеет свои амбиции и цели (создание государства в границах 1772 г.), однако при этом Польская Республика выполняет приказы «западных империалистов», действует по их указке, в их интересах. Представляя грядущую войну, которая прогнозируется с начала 1920-х гг., Польша наравне с Румынией, Финляндией и странами Прибалтики видятся «застрельщиками» грядущего конфликта, за чьими спинами и будут прятаться «капиталистические страны-империалисты»⁹. Описываемый ярлык также изменяется с течением времени под влиянием внешних факторов. Ключевым событием, изменившим данный ярлык, является уже упомянутый Майский переворот 1926 г. Так, начиная с формирования данного ярлыка, вплоть до 1926 г. главным «кукловодом», направляющим политику Польской Республики, является Франция. Однако после прихода Йозефа Пилсудского к власти место французов занимают англичане, с которыми польское правительство действительно имело близкие отношения в представленный период.

Подводя итог, можно смело выделить три основных этапа существования ярлыка «фашистской Польши» в советской пропаганде. Первый можно примерно очертить хронологическими рамками с 1917 г., когда большевики стали формировать образ Польши как таковой, по конец 1920-х гг. Второй период берет свое начало в плавающих датах конца 1920-х гг., после Майского переворота 1926 г. и Большой военной тревоги и ограничивается 1933 г. и соответствующими событиями в Германии. И заключительный этап – с 1933 по 1939 г., завершаясь падением Польской Республики и, соответственно, прекращением ее существования как полноценного контрагента советской пропаганды.

Для первого этапа характерно отсутствие четкого понимания термина: фашизм представляется как что-то негативное и довольно абстрактное. Польша в этот период получает такую характеристику крайне редко, а сам ярлык еще не сформирован. Второй этап – расцвет ярлыка, который классифицируется использованием клише «социал-фашизма». В этот период Польша именуется в советской пропаганде фашистским государством наравне с другими странами Европы и Северной Америки. Третий этап характеризуется отказом от ис-

⁹ Бугров К. Д. Славянский мир и классовые баталии: сценарии грядущей войны в Восточной Европе в советской военно-утопической мысли 1920-1930-х гг. // Русин. 2017. № 4 (50). С. 73–92.

пользования клише из второго периода, а сам термин используется пропагандистами уже в знакомом нам смысле и ассоциируется в первую очередь с агрессивными режимами в Италии и Германии. Исходя из этого, упоминание Польской Республики как «фашистского» государства в этот период носит скорее значение гиперболизации уже классического для советской пропаганды показа угнетения социальных масс в стране.

Библиография

1. *Бугров К. Д.* Славянский мир и классовые баталии: сценарии грядущей войны в Восточной Европе в советской военно-утопической мысли 1920-1930-х гг. // Русин. 2017. № 4 (50). С. 73–92.
2. *Зоркий А.* Экономический кризис и кризис стабильности в Польше // Мировой экономический кризис: коллективная работа Института мирового хозяйства и мировой политики. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1930.
3. *Красный Ю.* Польский фашизм. М., 1924.
4. *Кучерова Г. Э.* Большевицкая печатная пропаганда в войсках и тылу противника, 1917-1920. Ростов-н/Д, 1989.
5. *Раковский Х. Г.* Все для победы над польскими панями. Харьков, 1920.
6. *Сохацкий Г.* Социалфашистские убийцы. Л.: Московский рабочий, 1929.
7. *Юльский В.* Польша – аванпост интервенции. Л. 1931.

С.С. Лукьянченко¹

Екатеринбург

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В данной статье рассматриваются государственно-церковные отношения после событий 1917 г., когда в Российской империи произошла Октябрьская революция. На примере различных нормативных актов мы рассмотрим особенности взаимодействия атеистической власти и РПЦ. Главное внимание уделяется карательным действиям власти. В статье используются интернет-ресурсы, печатные издания, помогающие раскрыть тему данного исследования. По итогам нашего исследования был проведен анализ и озвучены причины, по которым, по мнению автора, государственная власть взаимодействовала с церковью тем или иным образом.

Ключевые слова: СССР, РПЦ, государственно-религиозное взаимодействие, коммунизм, православие.

S.S. Lukyanchenko

Yekaterinburg

INTERACTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE STATE IN THE INITIAL PERIOD OF THE FORMATION OF THE SOVIET POWER

This article examines state-church relations after the events of 1917, when the October Revolution took place in the Russian Empire. Using the example of various normative acts, we will consider the features of the interaction of the atheist government and the ROC. The main attention is paid to the punitive actions of the authorities. The article uses Internet resources, printed publications that help to reveal the topic of this research. Based on the results of our research, an analysis was carried out and the reasons for which, in the author's opinion, the state authorities interacted with the Church in one way or another, were made public.

Key words: USSR, ROC, state-religious interaction, communism, Orthodoxy.

Практически весь XIX и начало XX в. в мире происходили революции, целью которых было коренное преобразование государственного устройства. Мировая монархия изжила себя, многие это понимали и пытались воздействовать на ситуацию. Кому-то удалось сохранить титул главы государства и оставить государственный статус церкви, кому-то нет. Тем не менее революционная волна захлестнула Россию с головой. И чем больше проходило времени, тем все более радикальными были действия революционеров. В случае России этими революционерами были сторонники марксизма и мирового пролетариата. Религия, а в особенности РПЦ, была камнем преткновения между сторонниками построения социалистического государства и фактическими на тот момент правителями российского государства. Как из-

¹ Лукьянченко Сергей Сергеевич – магистрант кафедры прикладной социологии УрФУ, Екатеринбург, Россия. E-mail: sergey.lukyanchenko@gmail.com

вестно, РПЦ была главным субъектом легитимизации царской власти в Российской империи. По замыслу большевиков одна из основных задач построения нового государства заключалась в лишении церкви государственного статуса, отстранению ее от всех общественно-политических дел и в конечном счете ликвидации как структуры.

Подходы к решению проблемы отделения церкви от государства были изложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Они рассматривали религию как сущность, давно изжившую себя. Маркс отмечал, что в рамках исторического материализма религии нет места в обществе и что, когда отношения людей будут выражаться в разумной связи между друг другом и природой, религиозные течения просто исчезнут.

Их теоретическими подходами и воспользовались пришедшие к власти большевики в 1917 г. На II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который прошел 27 октября 1917 г., был принят декрет, согласно которому все церковные земли переходили «в распоряжение волостных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле»². 2 ноября 1917 г. была издана «Декларация прав народов России», в которой провозглашалась среди прочего «отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений»³. 16 декабря 1917 г. вышел очередной декрет «О расторжении брака» и декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Согласно им, брак объявлялся частным делом, а соблюдение или несоблюдение религиозных обрядов больше не оказывало никакого юридического влияния на супругов, а также родителей и детей. Теперь взаимоотношения между супругами юридически регулировались государственными органами⁴.

Как мы можем видеть, самые первые государственные постановления были направлены на ограничение влияние РПЦ на межличностные отношения и передачу этих полномочий в руки государства. Пришедшая к власти в стране коммунистическая партия с 1919 г. начала открыто применять свою политику в отношении религии, в частности к «отмиранию религиозных предрассудков»⁵.

² Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 13.02.2020).

³ Декларация прав народов России. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm> (дата обращения: 13.02.2020).

⁴ Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16.htm> (дата обращения: 13.02.2020).

⁵ *Косинская А.А.* Русская православная церковь (РПЦ) и ее роль и место в обществе в СССР и наше время//Гуманитарные и правовые проблемы современной России. 2017. С. 117.

Одним из первых постановлений большевистского правительства был декрет СНК Российской Республики, принятый 20 января и официально опубликованный 23 января 1918 г., «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в котором говорилось, что церковь должна была отделена от государства и от государственной школы, лишена прав юридического лица и собственности, а религия объявлялась частным делом граждан. Декрет узаконивал принимавшиеся с декабря 1917 г. распоряжения и акты, упразднившие функции православной церкви как государственного учреждения, пользующегося государственным покровительством⁶.

В 1918-1920 гг. центральное место в ряду мер разоблачительного характера заняла развернувшаяся кампания вскрытия мощей святых Русской Церкви: было вскрыто 65 рак с мощами российских святых, в том числе и особо почитаемых, таких как Серафим Саровский и Сергей Радонежский. Целью кампании была попытка разоблачения данного культа. Вскрытия сопровождалась фото- и киносъемкой, материалы которой затем использовались в агитационных целях⁷.

Притеснение церкви не ограничилось только административным давлением. По некоторым данным, в 1918 г. в тюрьмах было расстреляно около 3000 тыс. священнослужителей, а 1500 подверглись другим репрессиям⁸.

К маю 1922 г. в 34 губерниях голодало около 20 млн чел., а скончалось от голода около миллиона. Данное событие, помимо неурожайного года, было еще и результатом только что окончившийся Гражданской войны, жестокого подавления крестьянских восстаний советским правительством, а также уничижительного отношения власти к народу. Святой патриарх Тихон первым откликнулся на народное горе, призывая мировую общественность, включая восточных патриархов и Папы Римского, помочь умирающей от голода стране.

Такое положение дел не устраивало руководство страны, делавшего упор на разложение религии в новой образовавшейся стране. Поэтому государственная власть в лице наркома внутренних дел РСФСР Дзержинского выражала позицию полного уничтожения РПЦ через воздействие на нее с помощью административного ресурса ВЧК⁹.

⁶ Декрет об отделении церкви от государства. URL: <https://drevo-info.ru/articles/15402.html> (дата обращения: 13.02.2020).

⁷ Васильева О.Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России XI -XX века: исторические очерки. М., 2002. С. 333.

⁸ Следственное дело Патриарха Тихона: сб. докл. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н.А. Кривова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 15.

⁹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М; Новосибирск, 1997. С. 9.

Последующие действия власти были направлены на изъятие церковных ценностей, что, по мнению В.И. Ленина, необходимо было сделать именно тогда, «когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»¹⁰.

Рассмотрение этих фактов ясно показывает нам, что Советское государство не останавливалось ни перед чем в своем неумолимом желании в самые короткие сроки подорвать церковную деятельность и ее структуру. Когда проводилось одно из показательных изъятий в городе Шуе, возле Воскресенского собора собралась демонстрация противников изъятий драгоценностей у церкви. Реакция властей не заставила себя долго ждать – красноармейцами 146-го полка был открыт огонь из пулеметов, в результате чего погибло 5 чел. и еще 15 попали в больницу. Среди погибших также была девочка-подросток.

Борьба с религией усугубляется, когда советская власть начинает проводить пропаганду, направленную на внедрение в общественное сознание «теории» об обострении классово-борьбы. Церковь признается агентом «кулацко-нэпманской агентуры», объявляется проводником буржуазного влияния и т. д. Таким образом, начинают набирать обороты призывы о борьбе с церковью как с «контрреволюционной силой». Начинаются массовые задержания священнослужителей, создаются лагеря, куда в дальнейшем ссылаются тысячи людей, причастных к РПЦ. Хочется отметить, что такие лагеря чаще всего становились могилами заключенных. Перед администрацией таких лагерей была поставлена задача на самокупаемость, что фактически означало страшную, нечеловеческую эксплуатацию.

6 апреля 1929 г. была представлена аналитическая справка НКВД, в которой указывалось, что церковные организации всегда примыкают к силам, направленным на дискредитацию советской власти и ущемление прав рабочих и крестьян. При этом подчеркивалась анти-советская пропаганда, выражающаяся в создании подпольных контрреволюционных кружков, распространении антисоветских листовок, террора против атеистических активистов и т. д.

8 апреля 1929 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был принят «Декрет» о религиозных объединениях, который до конца 1990 г. определял правовой статус церкви в СССР. В нем церковь лишается

¹⁰ Письмо В.М. Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б). 1922 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/31076-pismo-v-m-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-tsk-rkp-b-19-marta-1922-g> (дата обращения: 13.02.2020).

права какой-либо деятельности, кроме как удовлетворения религиозных потребностей населения в рамках молитвенного здания. Также, согласно этому декрету, необходимо вытеснить религию из всех сфер общества и вообще запретить ей «выход» в общество¹¹.

В мае 1929 г. на 14 Всероссийском съезде Советов была принята новая редакция статьи 4-й Конституции РСФСР: вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды», что ставило приверженцев религиозных течений и неверующих граждан в неравное положение.

С течением времени после падения Российской империи и построения социалистического государства мы видим, как идея о правовом, равном для всех государстве превращается в тоталитарную диктатуру, прямо нарушавшую статью 124 Конституции СССР 1936 г. о свободе совести и отправлении религиозных культов¹².

К 1937 г. количество культовых зданий сократилось на 58% от их дореволюционного количества. Однако перепись населения СССР показывала, что большинство населения СССР составляли верующие¹³.

Вся история СССР до Великой Отечественной войны – это непримиримая борьба между коммунистами-большевиками и православными. Многие годы советская власть истребляла членов РПЦ, запрещала проводить собрания и уничтожала храмы. Фактически церковь ушла в подполье, и православная паства собиралась вместе на свой страх и риск. Тем не менее, как видно по переписи населения СССР 1937 г., из 98 миллионов советских граждан старше 16 лет, 55 млн человек назвали себя верующими, в том числе приверженцами православия – 41,6 млн человек¹⁴.

Сделаем предположение, почему большевики так яростно и целеустремленно устраивали погром в отношении РПЦ и ее членов. На наш взгляд, практически во всех революциях при смене политического режима всегда сохраняется политическая культура нации, как это было, например, с римско-католической церковью в Риме после

¹¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т. 2: 1929-1939. М., 1959. С. 29-45.

¹² Конституция СССР от 5 декабря 1936 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm#1> (дата обращения: 13.02.2020).

¹³ *Здоровцева О.В.* Религиозность православных христиан в России по итогам первого 20-летия советского секулярного режима // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. С. 37-45.

¹⁴ *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 28–62.

падения империи. Она так и осталась связующим звеном между огромным количеством образовавшихся государств, осуществляя культурно-традиционный диалог.

В случае же с РПЦ большевики понимали ее огромный авторитет в глазах населения и видели в ней главного конкурента за власть. Русская православная церковь могла консолидировать общество, объединить народ, как она это делала последние несколько веков. И для того, чтобы искоренить возможность найти в православии альтернативную идеологию коммунизму, нужно было изгнать из сознания человека определяющую роль церкви и религии в целом. Именно этим и занимались большевики все время, что находились у власти. К концу 1930-х гг. на свободе осталось буквально несколько архиереев и священников. В конечном итоге церковь хоть и значительно ослабла, но окончательно ее сломить не удалось.

Библиография

1. *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России XI -XX века: исторические очерки. 2002. С. 333.
2. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 28–62.
3. *Здоровцева О. В.* Религиозность православных христиан в России по итогам первого 20-летия советского секулярного режима // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. С 37-45.
4. *Косинская А. А.* Русская православная церковь (РПЦ) и ее роль и место в обществе в СССР и наше время//Гуманитарные и правовые проблемы современной России. 2017. С. 117.

К.Д. Пименова¹
Екатеринбург

АРХИТЕКТУРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПЕЧАТНОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»)

На материале газеты «Уральский рабочий» исследуются ключевые черты феномена архитектурной образности, под которой понимается специфический для первых пятилеток способ визуализации хода социальных перемен, выражающийся в массовом тиражировании образов советского промышленного и городского строительства, выдержанного обычно в авангардном стиле. Автор актуализирует составляющие подхода к изучению совокупности визуальных артефактов, изображающих авангардные новостройки, рассматриваемые в качестве составляющей визуального лексикона индустриализации; анализируются истоки формирования соответствующей визуальной стратегии; предлагается методика анализа визуального контента издания, позволяющая выявить ассоциируемые с темой гражданского и индустриального авангардного строительства центры Уральской области и специфику их репрезентации средствами архитектурной образности.

Ключевые слова: Урал, визуальный артефакт, индустриализация, советское промышленное и гражданское строительство, авангардный стиль.

K. D. Pimenova
Yekaterinburg

ARCHITECTURAL IMAGE IN THE PRINTED PROMOTION OF THE FIRST FIVE YEARS (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “URALSKY RABOCHY”)

The Uralsky Rabochiy newspaper explores the key features of the phenomenon of architectural imagery, which is understood as a way of visualizing the course of social change, specific for the first five-year plans, expressed in the massive replication of images of Soviet industrial and urban construction, usually sustained in an avant-garde style. The author actualizes the components of the approach to the study of the set of visual artifacts depicting avant-garde new buildings, considered as a component of the visual vocabulary of industrialization; the origins of the formation of the corresponding visual strategy are analyzed; a method for analyzing the visual content of the publication is proposed, which makes it possible to identify the centers of the Ural region associated with the theme of civil and industrial avant-garde construction and the specifics of their representation by means of architectural imagery.

Keywords: Ural, visual artifact, industrialization, Soviet industrial and civil construction, avant-garde style.

Революционные события в России начала XX в. радикально изменили характер культурного поля страны: художникам открылась возможность непосредственного влияния на области человеческого опыта, ранее недоступные вмешательству извне. С одобрительной санк-

¹ *Пименова Ксения Дмитриевна* – студентка IV курса департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: pimenovaksenia3@gmail.com

ции советской власти для доступа авангардистов были открыты сферы принятия глобальных архитектурно-строительных решений и художественного оформления целых городов², результатом чего стало формирование новых творческих направлений в архитектуре 1920–1930-х гг. – рационализма, функционализма, а также наиболее влиятельного из них – конструктивизма.

С середины 1970-х гг. советская авангардная архитектура стала общепризнанным объектом интереса в самых различных слоях российского и зарубежного социума. Её образы ресемантизируются массовой культурой, к ним обращаются представители академического сообщества, а сама она все чаще становится одной из основ локальной идентичности. В последние годы авангардная архитектура регулярно приковывает внимание российской общественности в связи с проблемами эксплуатации и сохранности авангардных памятников. Таким образом, даже спустя почти столетие уникальные социокультурные коды, генерируемые авангардной архитектурой и воспринимаемые как маркер «советского» в городском пространстве, в значительной степени продолжают влиять на оформление территорий.

На Урале авангардная архитектура получила широкое распространение благодаря приоритетному значению региона в период индустриализации. На обширном пространстве существовавшей с 1923 по 1934 гг. Уральской области, ставшей в конце 1920-х гг. площадкой по возведению крупнейшего комплекса на основе уральского металлургического производства и топливной базы Кузнецкого угольного бассейна, творили члены различных архитектурно-художественных групп, крупнейшие из которых представлены выпускниками ленинградских, московских и западно-сибирских (Омск, Томск) высших архитектурно-художественных учебных заведений³. Единичные здания на Урале выстроены по проектам «корифеев» конструктивизма – М. Я. Гинзбургом, Я. А. Корнфельдом и проч. Несмотря на скоротечную судьбу советского авангарда, за короткий период времени – почти десятилетие с сер. 1920-х до сер. 1930-х гг. – на территории области были возведены сотни строений, свой авангардный облик получили города Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Лысьва, Каменск-Уральский, Пермь, Березники, Соликамск и многие другие.

² *Чубаров И.М.* Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 18-19.

³ *Смирнов Л.Н.* Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих: монография. Екатеринбург : Архитектон, 2018. С. 4.

Урал, находившийся к середине 1920-х гг. в плену процветавшей десятилетиями лет провинциальной риторики с её традиционными представлениями о регионе как о крае вековой отсталости, испытывал острый дефицит эффективных стратегий репрезентации⁴. На выполнение заказа местных администраторов по привлечению в регион приоритетного финансирования программ индустриализации в рамках конкуренции экономических районов за капитальные вложения⁵ были направлены масштабные усилия целого слоя умелых пропагандистов. Поиски выразительных стратегий информационного сопровождения индустриализации и эффективной репрезентации передовых достижений советской власти в целях трудовой мобилизации населения увенчались разысканием целого ряда специфических стратегий представления региона средствами публичного дискурса. Так что имеет смысл говорить о радикальной трансформации способов беседы о регионе под влиянием индустриализации.

Одной из наиболее примечательных стратегий оказалось широкое тиражирование образов авангардных строений, позволявшее красноречиво отразить поразительную быстроту перемен в обыденной жизни советских граждан в условиях развития новых способов фиксации, передачи и распространения информации. Архитектурная образность предлагала реальный способ выхода за рамки господствовавшего периферийного дискурса, позволяла создать ощущение поистине гигантских масштабов строительства в регионе, а внешний облик авангардных строений, выгодно отличавший их от всей архитектуры прошлого, позволял наглядно утверждать новизну советского строя.

Образы авангардных заводских корпусов, жилых зданий, строений административно-общественного назначения в большом количестве наполнили содержание периодических изданий Уральского региона рубежа 1920–1930-х гг., что делает обширный массив визуальных артефактов, представленный в них, доступным для оценки феномена архитектурной образности с точки зрения методологии исторической науки. Среди разнообразных коммуникативных средств архитектурной образности возможно выделить фотоизображения, графику, карикатуру, живопись, проекты и макеты авангардных строений, продукты применения авангардных техник работы с визуальным образом (коллаж, фотомонтаж), призванные оказывать дополнительный стимулирующий эффект на воспринимающее сознание.

⁴ Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 46–47.

⁵ Там же, с. 78.

Впервые рассмотренная в трудах отечественных историков А.Н. Макарова⁶ и К.Д. Бугрова архитектурная визуальность первых пятилеток в периодике и других видах печатной пропаганды к настоящему моменту не имеет специальных исследований, посвященных истории её феномена. Специфическая сущность явления, заключающаяся в проведении исследования на стыке истории системы советского агитпропа, истории авангардной архитектуры и визуальной истории, создает необходимость на данном этапе очертить круг исследований, сформировавших подход автора к изучению её феномена в уральской печатной пропаганде.

Во-первых, стоит выделить категорию исследований, авторы которых рассматривают советскую авангардную архитектуру с позиций искусствоведения и истории архитектуры. Анализ трудов исследователей этого направления формирует понимание хода архитектурного процесса в стране и регионе, знакомит с ключевыми фигурами авангардного строительства и их работами, а также позволяет расширить круг понятий, характерных для описания опытов авангардистов. Признанным «хитом» среди многочисленных работ данного направления, условно называемого «архитектурным», является двухтомный труд С. О. Хан-Магомедова, а среди уральских исследователей нужно отметить труды Л. Н. Смирнова, Л. И. Токмениновой, Е. В. Коньшевой и ряда других.

Во-вторых, обширное количество работ посвящено рассмотрению опыта взаимодействия человека и авангардной архитектуры в самых различных аспектах проблематики, начиная от исследований повседневной жизни в авангардных локусах и заканчивая анализом динамики изменения восприятия архитектуры советского авангарда на современном этапе истории России. Работы данной «школы» позволяют не только пополнить фактическую базу, но и расширяют горизонт известного к настоящему моменту о явлении архитектурного авангарда за счет смещения акцентов в изучении его истории в сторону социокультурных аспектов его восприятия. Среди уральских исследователей этого направления следует выделить работы специалистов М. С. Ильченко, Л. П. Пискуновой, Л. Э. Старостовой, Н. Е. Сучкова, И. В. Янкова, а также исследования популяризатора истории архитектуры П. Ивановой.

Описанные нарративы являются определяющими к настоящему моменту для исследований по истории авангардной архитектуры.

⁶ Макаров А.Н. Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа: дис... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. 285 с.

Специфический взгляд предлагает знакомство с исследованиями истории и философии авангардного проекта (Б. Е. Гройс, В. З. Паперный, И. М. Чубаров). В частности, Б. Е. Гройс рассматривает проект русского авангарда как тотальный художественный проект, существование которого неразрывно связано со стремлением к преобразованию мира посредством завоевания монополии на политическую власть⁷, для реализации которой признается необходимым контроль над медиа – образами и языком⁸. Предлагаемый Гройсом взгляд дает ключ к пониманию авангардной визуальности во всех её проявлениях, включая изображения архитектуры в печатной пропаганде, как составной части авангардного проекта.

В. Паперный, представляя историческое противостояние «культуры 2» «культуре 1» как стремление к установлению тоталитарного проекта в культуре посредством наступления на демократический, рассматривает архитектуру в качестве ключевого объекта анализа, исходит из предположения о том, что изменения, происходящие в ней и во всех прочих сферах культуры, включая, к примеру, газетную лексику (в том числе визуальную – добавим мы), подчиняются некоторым общим закономерностям⁹. Отсюда пристальное внимание настоящего исследования к изменению черт представления образов авангардных построек в печатной пропаганде.

Значимыми при разработке темы являются исследования по истории системы советского агитпропа (работы Д. Бранденбергера, М. С. Карасика), а также исследования по семиотике фотографического образа. Как отмечает В. Беньямин, исчезновение с фотографии человека превращает её в своего рода доказательство, предъявляемое на процессе истории, а потому требующее понимания в определенном смысле¹⁰. Претендующая на воплощенную объективность в силу возможности непосредственной передачи образа реальности, фотография заключает в себе масштабный коннотативный потенциал¹¹, реализуемый посредством специфических средств фотожурналистики и мобилизующий значимые для дешифровки коннотативных планов элементы: выбор визуального окружения объекта, общие черты ракурса его съемки, анализ канонических способов представления

⁷ Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 41-42.

⁸ Там же, с. 13.

⁹ Паперный В. *Культура Два*. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 17.

¹⁰ Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 33-34.

¹¹ Барт Р. *Фотографическое сообщение // Третий смысл*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 10.

объекта, соотношение текстовой и изобразительной составляющих газетного сообщения и пр. Анализ внутренней риторики фотоснимков расширяет возможности изучения как воплощавшихся в конкретных визуальных лексемах способов манифестации конкретных идеологических установок, так и формирования в сознании читателя рефлексий не только авангардной архитектурной образности, но и авангардной архитектуры как таковой.

Наконец, подход, представляющий выход за рамки существующих «архитектурного» / «социокультурного» нарративов об авангарде, предлагает подход визуальной истории, рассматривающий любые визуальные артефакты, ходы и стратегии как самостоятельно пригодные для реконструкции представлений современников об исследуемой исторической действительности.

Основу источниковой базы исследования составили материалы ежедневной газеты Уральской областной парторганизации «Уральский рабочий» – старейшего и главного источника по истории региона в XX в. В соответствии со спецификой содержания выпусков газеты была разработана методика формализации её контента, основывающаяся на углубленном анализе содержания на предмет визуального упоминания образов авангардных памятников и предполагающая учет отдельных кейсов при помощи квантитативных приемов. Во многом предлагаемая методика схожа с приемами контент-анализа, однако инструментально она менее строга, что обусловлено ориентацией настоящего исследования в большей степени на подход интеллектуальной (а не квантитативной) истории, что допускает вариативность в определенных рамках в применении клиометрических приемов для выявления основополагающих тенденций, а обширный объем анализируемого материала делает незначительной погрешность в учете визуальных единиц и в целом не влияет на получаемые результаты.

Помимо описания тенденций, выявленных при помощи квантитативных приемов, исследование фокусируется и на результатах, полученных в ходе наблюдения за содержанием издания на продолжительном промежутке его существования. Несмотря на неизбежные обобщения, к которым ведет реализация предложенной методики, она расширяет горизонт известного к настоящему моменту о явлении советского архитектурного авангарда как за счет постановки проблемы интерпретации существующих фактов, так и благодаря привлечению внимания к тому, что в рамках существующих подходов оказывается, как правило, вне поля внимания исследователей.

Генеральная совокупность представлена выпусками за период 1928–1938 гг., который хронологически совпадает с временем ожив-

ленного авангардного строительства в СССР и первыми годами, последовавшими за осуждением авангарда на официальном уровне. В условиях достаточно обширного объема доступного к анализу материала исследование предусматривает сплошной анализ выпусков за 1928, 1930, 1932, 1934, 1936 и 1938 гг. Шаг в два года был избран, с одной стороны, как позволяющий отследить ситуацию в маркерных точках первых пятилеток, а с другой – как соответствующий специфике изучаемого явления, изменения в котором были в известной степени динамичными, фактически шли за считанные годы.

Формализация визуального контента издания учитывала ряд критериев, разработанных в соответствии с ключевыми гипотезами, возникшими при первичном наблюдении за содержанием выпусков газеты; впоследствии перечень подвергся корректировкам. Созданный классификатор позволяет выявить ассоциируемые с темой гражданского и индустриального авангардного строительства центры Уральской области и специфику их репрезентации средствами архитектурной образности. Для каждой визуальной единицы учитывались: адрес упоминания – год, месяц, день, страница; локализация памятника (республика СССР, населенный пункт для объектов, локализованных на территории Уральской области); образ (для строений на территории г. Свердловска); тип упоминания (фотография, проект / макет, графика, коллаж, карикатура); функциональное предназначение здания (промышленная / гражданская архитектура); отрасль промышленности (для индустриальных строений); визуальное окружение памятника; соотношение текстовой и визуальной составляющих газетного сообщения («комментированное изображение» / «иллюстрированный текст»); место памятника в границах изображения (акцент на авангардные формы либо на явления общественной жизни).

Характеризуя результаты исследования, следует отметить следующее: в рамках обозначенной выборки было учтено 304 визуальных единицы, из которых преобладающим типом изображения авангардной визуальности стала фотография (~75% – 226 упоминаний). Преобладание изображений из категории гражданской архитектуры (~73% – 221 упоминание) связано, по-видимому, со стремлением развить положительные ожидания в среде читателей газеты о дальнейшем улучшении условий жизни в советском государстве.

Продуктивным оказался анализ по основанию «отрасль промышленности», в связи с которой упоминается то или иное индустриальное строение. При отмеченном выше преобладании образов гражданских строений промышленная архитектура авангарда чаще всего

упоминается в газете в связи с тематиками «энергетического производства» (22 упоминания), «машиностроения» (17 упоминаний), «металлургического производства» (15 упоминаний), «химической промышленности» (6 упоминаний). Показательным оказывается сравнение этого образа с образом Уральской области, предлагаемым читателю редакцией Всесоюзного ежемесячного иллюстрированного журнального издания «СССР на стройке»: по состоянию на 1931 г. образ Урала соответствует образу периферийного, «сырьевого» региона, в изображении которого абсолютно доминировал тематический блок «добыча полезных ископаемых», представленный Верхнечусовскими городками, Соликамском, Лысьвой, Магнитогорском, Красноуральском, ст. Баженово, Кизелом. В «Уральском рабочем» эта тематика замыкает перечень позиций (3 упоминания наравне с блоками «пищевой» и «текстильно-кожевенной» промышленно-сти), что позволяет судить о том, что она не являлась определяющей для репрезентации образа региона в местной пропаганде, которая делала акцент на обрабатывающих, а не добывающих отраслях промышленности.

При всем этом уже к 1933 г. Уральская область не только увеличивает визуальное присутствие на страницах «СССР на стройке», но и меняет преобладающие тематические блоки: к лидерству стремятся категории «строительство» (6 упоминаний), «металлургия», «машиностроение», «энергетическое производство» (по 3 упоминания), что позволяет говорить о значительных успехах уральских пропагандистов в деле трансформации образа региона и преодолении проблем, связанных с комплексом отсталости и провинциальности. Более того, к 1933 г. утверждается лидерство Свердловска в презентации успехов социалистического строительства на страницах «СССР на стройке»: в количественном отношении он уступает лишь Москве, Ленинграду, а также третьей пролетарской столице – г. Иваново.

Обращение к материалам «Уральского рабочего» позволило утверждать компенсаторный характер истоков феномена архитектурной образности, оформление которого явилось ответом на поиск способов снятия напряженности вокруг проблем, связанных с реализацией региональной строительной программы. Освещение его в проблемном ключе было обусловлено не только кампанией по развертыванию широкой критики в печати, но и наличием действительных проблем, пагубно отражавшихся на качестве и темпах капитального строительства. Считанные номера 1928 г. не отмечены сообщениями о проблемах, клеймившихся в самых громких терминах, а формула «строим

мы дорого и плохо»¹² превратилась в определяющую для публичной риторики. Основные содержательные пункты критики – задержка в поставках стройматериалов, их высокая стоимость и низкое качество, неэкономное расходование; бесхозяйственность на строительстве; отсутствие планов и проектов к началу возведения либо стихийное изменение их прямо по ходу строительства, процветавшее на отдельных стройках и пр.¹³

Острая напряженность вокруг темы выразилась в формировании убежденности в том, что улучшить положение способен публичный контроль за ходом осуществления строительной программы. Строительство отныне должно было «просматриваться миллионами глаз и прощупываться миллионами рук трудящихся»¹⁴, требовалась «мобилизация общественного внимания к вопросам строительства»¹⁵. Организованный в этих условиях конкурс 1928/1929 гг. на лучшую уральскую постройку не только заложил фактически директивные основы распространения в прессе образов авангардных строений, но и предъявил более высокие требования к представлению строений на присылаемых фотоматериалах¹⁶, публикуемых впоследствии на страницах «Уральского рабочего».

С 1934 г. наблюдается смена характера представления образов авангардных памятников на страницах газеты, проявившаяся в формировании канонических черт их изображения, смещении акцентов авангардных форм, вытесняемых все чаще на задний план композиции фотоснимков, преимущественно на образ человека, а выверенные ракурсы замещают господствовавшую до этого репортажность. Все это позволяет судить о влиянии на рассматриваемое явление формирующегося соцреалистического канона. К 1936 и 1938 гг. практически ни одно здание не снимается в отсутствие человека. Авангардные формы перестают быть самоценными для пропаганды, публикуется

¹² См. напр. Строительство в 26–27 г. и подготовка к строительному сезону 27–28 г. Доклад тов. Гольдича // Уральский рабочий. 1928. 27 апреля (№98). С. 1,3; *Казанский И.* Перед смотром уральского строительства // Уральский рабочий. 1928. 20 декабря (№295). С. 2.

¹³ См. напр.: Еще о прорывах в капитальном строительстве // Уральский рабочий. 1928. 12 июня. (№134). С. 3; За жесткую дисциплину в строительстве // Уральский рабочий. 1928. 17 мая (№113). С. 1.

¹⁴ Еще о прорывах в капитальном строительстве // Уральский рабочий. 1928. 12 июня (№134). С. 3.

¹⁵ Внимание районному строительству // Уральский рабочий. 1928. 26 мая (№121). С. 1.

¹⁶ *Зыков В.* Конкурс на лучшую уральскую постройку // Уральский рабочий. 1928. 3 июля (№152). С. 3.

большое количество не только постконструктивистских, но и откровенно неоклассических проектов. С 1936 г. происходит окончательный отход от стратегии широкого тиражирования авангардных памятников: в 1936 и 1938 гг. средствами архитектурной образности, помимо Свердловска (33 упоминания), описываются лишь Пермь (2 упоминания) и Невьянск (2 упоминания), причем внимания удостоивается лишь гражданская архитектура (для сравнения, в 1934 г. были учтены 109 визуальных единиц). Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что явление архитектурной образности в уральской печатной пропаганде является целостным и законченным во времени феноменом, претерпевающим внутреннюю эволюцию.

Библиография

1. *Барт Р.* Фотографическое сообщение // Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.: ил.
2. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медимум, 1996. 240 с.
3. *Бугров К.Д.* Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.
4. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 168 с.
5. *Макаров А.Н.* Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа: дис... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. 285 с.
6. *Паперный В.* Культура Два. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.: ил.
7. *Смирнов Л.Н.* Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих: монография. Екатеринбург : Архитектон, 2018. 190 с.: ил.
8. *Чубаров И.М.* Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 344 с.

Г.И. Шишкин¹
Тюмень

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УРАЛЬСКОГО ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ПЕРИОДА НЭП В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается социальный портрет уральского нэпмана через историографический аспект, анализируются работы современных российских историков, в которых рассматриваются социальный статус, демографический портрет, социальная роль и другие социальные характеристики уральских частных предпринимателей эпохи НЭПа.

Ключевые слова: СССР, НЭП, предпринимательство, социальный портрет, историография.

G.I. Shishkin
Tumen

SOCIAL PORTRAIT OF THE URAL PRIVATE ENTREPRENEUR OF THE NEP PERIOD IN MODERN HISTORIOGRAPHY

The article examines the social portrait of the Ural NEPman through the historiographic aspect, analyzes the works of modern Russian historians, which examine the social status, demographic portrait, social role and other social characteristics of the Ural private entrepreneurs of the NEP era.

Keywords: USSR, NEP, entrepreneurship, social portrait, historiography.

Проблематика исследований истории Урала периода НЭПа подлежала изучению историками разных эпох. Условно историографию данного периода можно разделить на три этапа.

Первый из них – изучение и осмысление социально-экономических и политических проблем непосредственно историками 1920-х гг., которые зачастую имели пропагандистскую направленность. Вторым этапом являлась советская историография периода 1930-х – первой половины 1980-х гг.: в трудах историков данного периода отношение к НЭПу определялось официальной доктриной и политикой коммунистической партии – НЭП оценивался скорее как отрицательное явление советской истории, его значение как фактора восстановления послевоенного экономического положения Урала недооценивалось. В исторической науке СССР социальный портрет частного предпринимателя 1920-х гг. не исследовался прежде всего по идеологическим причинам. Советские историки в рамках существовавшей парадигмы

¹ *Шишкин Глеб Игоревич* – аспирант Тюменского государственного института культуры, г. Тюмень, Россия. E-mail: glebonfire@gmail.com. Научный руководитель Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: kamyninv@yandex.ru

негативно оценивали социальный облик предпринимателей. В публикациях советского времени зачастую частные предприниматели обозначались словом «нэпман», носившим презрительно-негативную коннотацию.

Третий этап историографии, так называемая «современная историография», начался во второй половине 1980-х гг. Проводимая в СССР политика «перестройки», либерализация экономики и прочие социальные сдвиги послужили катализатором отхода от советской доктрины. Историки начали оценивать НЭП как многостороннее комплексное социально-политическое явление, которое характеризовалось рядом уникальных особенностей развития. В рамках существующей современной историографической парадигмы подверглась исследованию и история частного предпринимательства Урала. Историками были проведены исследования на основе различных документов периода НЭПа, которые позволили вывести усредненный социальный портрет уральского предпринимателя данной эпохи.

В социологии понятие «социальный портрет» применяется при исследовании отличительных особенностей представителей какой-либо определенной социальной группы. Инструментарием для определения социального портрета в науке являются установление социального статуса, демографического портрета социальной группы, а также условия и качество жизни представителей социальной группы, их социальная роль – условия труда и обладание властными полномочиями. Следует отметить, что составление социального портрета само по себе не является частнонаучным методом, а представляет собой удобный алгоритм для сбора и анализа информации. Таким образом, социальный портрет является по своей сути совокупностью обобщенных устойчивых характеристик социальной группы.

Составляя портрет типичного уральского предпринимателя, М.А. Хазиева отмечает, что нэпманами становились как те, кто до революции также занимался предпринимательством – люди с необходимым опытом торговли, так и люди без опыта, впервые занявшиеся бизнесом при власти большевиков². С.В. Шейхетов отмечает, что нэпманы были очень активной и организованной социальной группой, стремившейся к сохранению независимости от государства. Предприниматели имели разветвленную корпоративную структуру для отстаивания своих интересов – объединялись в комитеты, общества; стремились принимать активное участие в политической жизни – выставляли своих кандидатов на выборы, добивались введения своих пред-

² Хазиева М.А. «Трудовые пчелы НЭПа»: Предприниматели Урала 1920-х гг // Историко-экономические исследования. 2007. №3. С. 104-116.

ставителей в органы государственной и муниципальной власти³. В.А. Журавлева, анализируя результаты переписей населения 1920 г., 1923 г. и 1926 г., указывает, что в 1920 г. на Урале насчитывалось 41 371 предпринимателей, тогда как к 1926 г. – уже 68 085. Численность предпринимателей в соотношении с численностью населения оставалась небольшой, несмотря на устойчивый рост их числа. При этом абсолютное большинство предпринимателей (более 50%) на 1926 г. было занято в кустарно-ремесленной промышленности, около 25% – в сельском хозяйстве и лишь около 17% – непосредственно в торговле⁴. М.А. Хазиева анализирует демографический портрет уральского предпринимателя, указывая, что подавляющее большинство предпринимателей было мужского пола. Женщины в данном качестве, как правило, не воспринимались обществом всерьез⁵.

Наиболее полное исследование демографического портрета уральских нэпманов было проведено Р.А. Хазиевым. Анализируя архивы Урало-Сибирской конторы «Кредит-Бюро», историк приходит к выводу, что абсолютное большинство уральских предпринимателей (84%) входило в возрастную группу от 20 до 40 лет, количество предпринимателей, чей возраст был более 40 лет, составляло лишь 16%. Также Р.А. Хазиевым выводится прямая зависимость «успешности бизнеса» от семейного положения предпринимателя – состоящие в браке предприниматели вели дела успешнее холостых: согласно анализируемому историком досье, 60% состоящих в браке предпринимателей преуспевали, лишь 10% из них находились в тяжелом финансовом положении, в то время как 50% холостых предпринимателей несли убытки и лишь около 20% из них имели стабильный доход⁶.

Л.Н. Бехтерева указывает, что качество жизни предпринимателей и их семей было достаточно высоким: базируясь на архивах Республики Удмуртии, Л.Н. Бехтерева описывает бурный рост сферы обслуживания, появление многочисленных портных и модельеров, парикма-

³ *Шейхетов С.В.* Нэпманы, как социальная группа: самосознание, самоорганизация, взаимодействие с властями // Сибирская заимка. 1998. [URL <https://zaimka.ru/sheikhetov-nepmen/>]

⁴ *Журавлева В.А.* Социальная группа «хозяева» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №2. С. 29-32.

⁵ *Журавлева В.А.* Социальная группа «хозяева» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №2. С. 29-32.

⁶ *Хазиев Р.А.* Частный капитал Башкирии в эпоху нэпа: «что значит быть советским предпринимателем в провинции» // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №3. С. 1122-1130.

херов и др. Историком указывается, что зажиточные горожане следили за модой и стремились подражать парижанкам. Пользовались спросом парикмахерские услуги, услуги домработниц и нянь; открывались обучающие курсы. Сфера общественного питания также показывала динамичный рост⁷.

Анализируя биографии некоторых уральских нэпманов на основе конфиденциальных досье Урало-Сибирской конторы Кредит-Бюро, М.А. Хазиева приходит к выводу о том, что, несмотря на трудности, связанные с административным сдерживанием активности предпринимателей, среди самих предпринимателей наблюдалась огромная заинтересованность в существовании товарно-денежных отношений. Предприниматели стремились к сохранению деловой репутации с целью получения банковских займов для развития бизнеса, что было основным инструментом для увеличения количества товаров в обороте и выручки для предпринимателей Урала. Рядовым среди нэпманов было также занижение оборотов и выручки в целях уплаты меньшего налога и из страха перед режимом. Среди предпринимателей также наблюдалась «неуверенность в завтрашнем дне» – имелось понимание неустойчивости НЭПа и ощущение того, что бизнес в любой момент может быть свернут и ликвидирован государством⁸.

Касаемо важности для частных предпринимателей кредитной истории пишет и Р.А. Хазиев. Историк указывает, основываясь на материалах российского государственного архива экономики, что в большинстве случаев бизнесмены выступали за открытое партнерство с кредиторами, желали иметь чистую кредитную историю, безупречную коммерческую репутацию, что было почетно и выгодно в бизнес-среде⁹. Р.А. Хазиев, анализируя биографии башкирских предпринимателей, отмечает, что значительное число предпринимателей вкладывало часть прибылей в обновление оборудования, в создание благоприятной бизнес-среды и даже в стимулирование наемных работников в виде различных премий и надбавок к заработной плате¹⁰.

⁷ *Бехтерева Л. Н.* Власть и предпринимательство в сфере услуг в годы НЭПа (на материалах Удмуртии) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 20-24.

⁸ *Хазиева М.А.* «Трудовые пчелы НЭПа»: Предприниматели Урала 1920-х гг // Историко-экономические исследования. 2007. №3. С. 104-116.

⁹ *Хазиев Р.А.* Предприятия уральских нэпманов: историко-статистический анализ // Экономическая история: обозрение / под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С.199-203.

¹⁰ Частный капитал Башкирии в эпоху нэпа: «что значит быть советским предпринимателем в провинции» // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №3. С. 1122-1130.

А.П. Килин, основываясь на материалах личных дел лишенцев, также указывает, что среди НЭПманов существовала тенденция сокрытия доходов, зачастую прибегали к ростовщичеству, что позволяло снизить размер налогообложения и скрыть некоторые источники доходов. Частные предприниматели зачастую пренебрегали нормами закона – такая позиция в обществе не считалась аморальной, поскольку одной из главных черт предпринимателя, позволявшей «держаться на плаву», была мобильность в извлечении дохода, несмотря на средства его получения. А.П. Килин также указывает, что, несмотря на плутовство и мошенничество предпринимателей, большая их часть была глубоко набожными людьми, в глубине души благоговевшими перед святостью и искавшими спасения души¹¹. Однако областные и окружные финансовые отделы, ответственные за сбор налоговых платежей, боролись с данными фактами, зачастую злоупотребляя служебными полномочиями, конфискуя материальные ресурсы частных предпринимателей в пользу государства и осуждая предпринимателей по уголовным статьям, указывает исследователь¹².

Оценка обществом частных предпринимателей в основном была негативной. Так, А.П. Килин указывает, что частник в сознании общества противопоставлялся государству, его поведение контрастировало с общепринятыми нормами и естественным образом провоцировало агрессию толпы¹³. Л.Н. Бехтерева указывает, что государство способствовало формированию отрицательного образа нэпманов через массовую культуру, в трудовых коллективах проводились пропагандистские мероприятия, направленные на рост общественного недовольства¹⁴.

Тема социального портрета уральского частного предпринимателя периода НЭПа имеет слабую степень разработки. Фундаментальных исследований данной темы не проводилось, историки исследуют лишь локальные аспекты темы. Однако, проанализировав и обобщив

¹¹ *Килин А.П.* Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 427 – 437.

¹² *Килин А.П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 79 с.

¹³ *Килин А. П.* Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 1996. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. С. 103-106.

¹⁴ *Бехтерева Л.Н.* Частный капитал в сфере производства в Удмуртии (1920-е годы) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. №2. С. 100-109.

достижения современной исторической науки, можно составить представление о социальном портрете частного предпринимателя через отдельные его составляющие.

Библиография

1. *Бехтерева Л. Н.* Власть и предпринимательство в сфере услуг в годы НЭПа (на материалах Удмуртии) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 20-24.

2. *Бехтерева Л. Н.* Частный капитал в сфере производства в Удмуртии (1920-е годы) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. №2. С. 100-109.

3. *Журавлева В. А.* Социальная группа «хозяева» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №2. С. 29-32.

4. *Килин А. П.* Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 1996. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. С. 103-106.

5. *Килин А. П.* Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 427 – 437.

6. *Килин А. П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 79 с.

7. *Хазиев Р. А.* Частный капитал Башкирии в эпоху нэпа: «что значит быть советским предпринимателем в провинции» // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №3. С. 1122-1130.

8. *Хазиев Р. А.* Предприятия уральских нэпманов: историко-статистический анализ // Экономическая история: обозрение / под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С.199-203.

9. *Хазиева М. А.* «Трудовые пчелы НЭПа»: Предприниматели Урала 1920-х гг. // Историко-экономические исследования. 2007. №3. С. 104-116.

10. *Хазиева М. А.* Частное предпринимательство на Урале в эпоху НЭПа // Вестник ЧГУ. 2009. №41. С. 56-61.

11. *Шейхетов С. В.* Нэпманы, как социальная группа: самосознание, самоорганизация, взаимодействие с властями // Сибирская заимка. 1998. [URL <https://zaimka.ru/sheikhetov-nepmen/>]

Секция 4
СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.

О.Н. Бондарев¹
Екатеринбург

ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

Проанализирована информация различных источников о изменении территориального состава Уральского военного округа. Сделан вывод, что во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. территориальный состав военного округа претерпевал довольно значительные трансформации, целью которых являлись улучшение системы органов военного управления на местах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Уральский военный округ, административно-территориальные изменения.

O.N. Bondarev
Yekaterinburg

CHANGES IN THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL COMPONENT OF
THE URAL MILITARY DISTRICT IN THE YEARS OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

The information of various sources on changes in the territorial composition of the Ural Military District is analyzed. It is concluded that during the Great Patriotic War of 1941-1945, the territorial composition of the military district underwent quite significant transformations, the purpose of which was to improve the system of military command and control bodies on the ground.

Keywords: the Great Patriotic War, the Ural Military District, administrative and territorial changes.

Военным округом является установленная зона (граница) ответственности, в пределах которой функционируют территориальные войсковые формирования. Нередко военные округа совпадают с административно-территориальным делением страны. Округа обеспечивают эффективное управление Вооруженными силами через военно-окружной аппарат и местные органы военного управления. Во главе округа стоит командующий, подчиненный министру обороны. В России, где во второй половины XV в. создавалось поместное войско, произошло деление территории на военно-административные единицы – разряды. При строительстве регулярных Воору-

¹ *Бондарев Олег Николаевич* – начальник учебной части – заместитель начальника кафедры инженерных войск военного учебного центра Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: o.n.bondarev@urfu.ru

женных сил территория страны делится на инспекции, дивизии и округа. К 1917 г. существовало 12 округов и область войска Донского².

После событий 1917 г. произошла территориальная дезинтеграция бывшей Российской империи. Польша, Финляндия, Прибалтика стали независимыми государствами, ряд территорий оказались оккупированными Германией и Польшей, значительная часть бывшей империи находилась под контролем «белого» движения и являлась неподконтрольной советскому правительству в Москве³. Дореволюционные границы округов не соответствовали моменту и нуждались в пересмотре.

Уральский военный округ (далее УрВО) был создан декретом СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. «Об учреждении военных округов» в составе Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний. Военно-окружное управление располагалось в Екатеринбургe. После занятия белочехами, а затем частями армии адмирала Колчака большей части территории военного округа (кроме части Пермской и Вятской губерний) окружной военный комиссариат переехал в г. Пермь, затем в г. Вятку, далее в г. Пензу. По мере наступления Красной армии он возвратился в Пермь, а в сентябре 1919 г. – в Екатеринбург⁴.

В ходе ожесточенной вооруженной борьбы Урал был очищен от войск Колчака, в то же самое время в Сибири и на Дальнем Востоке еще шли бои. Границы округа, переименованного приказом РВСР № 1585/325 от 3 октября 1919 г. в Приуральский, часто менялись. Наконец, к концу 1920 г. он стал постоянным в составе Екатеринбургской, Пермской, Уфимской, Омской, Тобольской (21 апреля 1920 г. переименованной в Тюменскую) и Челябинской губерний⁵.

В связи с окончанием Гражданской войны и переводом Вооруженных сил на территориально-милиционный принцип комплектования их численность сократилась в десять раз (с 5,5 млн до 500 тыс. чел.). Одновременно с переводом Красной армии на мирное положение происходило изменение в организации Вооруженных сил. Постановлением Совета труда и обороны от 21 апреля 1922 г.

² Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1997-2004. Т. 2. С. 137-138.

³ Усягин А.В. Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт: монография. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 257 с.; Территориальное устройство России. URL: <http://www.terrus.ru/mono/r3/3.4.1.shtml> (дата обращения: 19.05.2020).

⁴ Краснознаменный Уральский: история Краснознаменного Уральского военного округа. М.: Воениздат, 1983. С. 17, 37, 44.

⁵ Там же. С. 47-48.

округ был ликвидирован, его штаб и управление направлены на комплектование Западно-Сибирского военного округа с центром в Омске⁶. После прихода к власти в 1930-х гг. фашистских режимов в Италии и Германии возник очаг военной напряженности на западных границах СССР. Усиление захватнических устремлений Японии накалило обстановку на Дальнем Востоке. Советский Союз был вынужден заботиться об укреплении обороны. Успехи в индустриализации позволили осуществить переход в 1935-1938 гг. от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому принципу строительства Вооруженных сил. Было значительно увеличено количество кадровых дивизий, приняты новые образцы вооружения и техники. Для овладения новыми видами вооружения требовалось серьезное обучение и наличие соответствующего образования у призывников.

Одной из мер по повышению обороноспособности страны являлось изменение военно-административного деления территории. Приказом НКО от 17 мая 1935 г. был воссоздан УрВО, в состав которого вошли Свердловская и Челябинская области, Башкирская АССР, а также Кировский край с входившей в него Удмуртской АССР. При этом необходимо понимать, что Свердловская область включала нынешние Свердловскую область и Пермский край, а Челябинская область – нынешние Челябинскую и Курганскую области. Штаб и управление округа располагались в Свердловске⁷.

Военные округа подразделялись на приграничные и внутренние. В случае начала боевых действий приграничные округа преобразовывались во фронты, на внутренние округа (к числу которых относился УрВО) возлагались обязанности формирования мобилизационных резервов второй и последующей очереди и подготовки военных кадров. В предвоенное время на территории округа были развернуты и вели подготовку военная авиационная школа штурманов и стрелков-бомбардиров, военно-морское авиатехническое, танковое, военно-инженерное и военно-политическое училища, 5 военно-пехотных училищ, а также различные курсы младших командиров. Одновременно с этим готовилась база для развертывания новых частей и соединений, а также места предполагаемого размещения военно-учебных заведений.

По состоянию на 22 июня 1941 г. в состав УрВО входили Молотовская область (до 8 марта 1940 г. Пермская область), Свердловская область (без нынешних Каменского и Покровского районов), Челя-

---

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же. С. 84-85.

бинская область (включая нынешнюю Курганскую область), Кировская область и Удмуртская АССР (из состава преобразованного Кировского края), а также Башкирская АССР. По предвоенной переписи населения в 1939 г. на территории округа проживало 14 млн 1 тыс. 25 чел. (Молотовская область насчитывала 2 млн 87 тыс. 357 чел., Свердловская обл. – 2 млн 510 тыс. 947 чел., Челябинская обл. – 2 млн 797 тыс. 377 чел., Кировская обл. – 2 млн 226 тыс. 193 чел., Башкирская АССР – 3 млн 159 тыс. 693 чел. и Удмуртская АССР – 1 млн 219 тыс. 458 чел.), что составляет 8,2% населения СССР (170 млн 467 тыс. 186 чел.). В городах округа проживало 33,6 % населения и 66,4% в сельской местности⁸. Как свидетельствуют цифры, округ располагал большими мобилизационными резервами.

Начало Великой Отечественной войны для СССР было тяжелым. В результате неудачно проведенного приграничного сражения войска фашистской Германии начали стремительное продвижение в глубь территории СССР. К декабрю 1941 г. практически половина военных округов (7 из 16) прекратила свое существование. В сложившихся условиях возникла необходимость их передислокации в восточные районы страны, а также формирования новых. Приказом НКО №0444 от 26 ноября 1941 г. практически полностью изменились границы военных округов для оптимального использования мобилизационного ресурса для комплектования воинских формирований. Также были сформированы новые округа, в частности Южно-Уральский, в состав которого из УрВО была передана Башкирская АССР⁹.

По состоянию на 1 декабря 1941 г. УрВО включал Свердловскую, Молотовскую (Коми-Пермяцкий национальный округ входил в состав Молотовской области), Челябинскую, Кустанайскую области Казахской ССР, западную часть Омской области, к западу рек Тобол, Иртыш и Обь. В состав УрВО вошли территории соседних военных округов: западная часть Омской области из Сибирского военного округа, Кустанайская область Казахской ССР из Среднеазиатского военного округа¹⁰.

В период Великой Отечественной войны процесс разукрупнения административно-территориальных единиц не прекращался. В част-

⁸ Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. С. 3, 7-9.

⁹ Великая Отечественная война: приказы народного комиссара обороны СССР 1941–1942 гг. / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М.: Терра, 1997. Т. 13 (2–2). С. 126–127.

¹⁰ Краснознаменный Уральский: история Краснознаменного Уральского военного округа. С. 131.

ности, 6 февраля 1943 г. создается Курганская область, в состав которой вошли города Курган и Шадринск, 32 района из состава Челябинской области, 5 районов и 8 сельских советов из состава Омской области, а 14 августа 1944 г. образовывается Тюменская область, в состав которой вошли города Тюмень, Ишим и Тобольск, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, 21 район из состава Омской области и 4 района из состава Курганской. При этом районы Армизонский, Бердюжский, Исетский и Упоровский переподчинялись дважды¹¹. Благодаря такому административному делению повысилась эффективность системы органов управления на местах. Областные военкоматы стали работать более оперативно (территория стала заметно меньше), что положительно сказалось на проведении мобилизации и призыва в армию. При этом внешняя граница УрВО осталась прежней.

Измененный в конце 1941 г. УрВО сыграл важную роль в Великой Отечественной войне. На его территории за период войны было сформировано три корпуса (один танковый – 10-й Уральско-Львовский добровольческий и два механизированных – 6-й Львовский и 2-й Николаево-Будапештский), 78 дивизий (64 стрелковых, 10 кавалерийских и 4 артиллерийских), большое количество отдельных бригад, полков, батальонов. Сформированная на Урале 153-я стрелковая дивизия за отличия в сражении под Москвой одной из первых 18 сентября 1941 г. получила гвардейское знамя и продолжила боевой путь как 3-я гвардейская стрелковая дивизия. Она же первой из частей Красной Армии вошла на территорию фашистской Германии. 150-я стрелковая дивизия, образованная из сформированных на Урале 127-й, 144-й и 151-й отдельных стрелковых бригад, водрузила Знамя Победы над поверженным Рейхстагом¹².

По мобилизации на фронт ушли более 2 млн уральцев, из которых 600 тыс. пали на поле боя. Медицинскими учреждениями, находившимися на территории УрВО, было поставлено в строй после ранений более 350 тыс. военнослужащих, что эквивалентно 25 дивизиям. За годы войны жители Урала сдали в Фонд обороны более 5 млрд руб. Собранные средства позволили сформировать Уральский танковый корпус, танковые колонны и авиационные эскадри-

¹¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. канд. юр. наук Ю. И. Мандельштама. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. С. 42, 44.

¹² Уральцы бьются здорово. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. С. 128, 144, 146, 161.

льи, 16 артиллерийских батарей, подводную лодку «Челябинский комсомолец» и другие воинские формирования¹³.

Таким образом, значение Уральского военного округа в годы войны существенно изменилось. В предвоенные годы УрВО рассматривался как тыловой округ, предназначенный для подготовки мобилизационного контингента и формирования воинских частей. Потеря из-за оставления территорий половины военных округов, эвакуация промышленных предприятий, военных академий и училищ превратили Уральский регион в мощнейшую военно-экономическую базу, где создавалось оружие, вооружавшее сформированные здесь же воинские части, громившие врага на всех фронтах. Сформированные на территории УрВО воинские части сражались с врагом с первых дней войны под стенами Москвы, Ленинграда, Сталинграда, освобождали территорию СССР от фашизма, установили Знамя Победы в Берлине, внося огромный вклад в победу над врагом.

Изменения в составе военных округов в декабре 1941 г., а также проводимое в период войны изменение административно-территориального деления страны, в том числе и вне пределов УрВО, повысило эффективность работы местной администрации, что положительно сказалось на проведении мобилизационных мероприятий. Эти факторы в конечном счете привели к победе в Великой Отечественной войне.

Библиография

1. *Усаягин А.В.* Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт: монография. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 257 с.

---

¹³ Краснознаменный Уральский.... С. 139, 144, 154.

Д.В. Гаврилов¹
Екатеринбург

УРОКИ 1941 ГОДА: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА ВОЙН ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Развязав Вторую мировую войну, гитлеровская Германия, применяя тактику блицкрига, стремительными ударами моторизованных группировок сокрушила армии ряда западноевропейских стран, а затем вероломно напала на СССР. Советские военачальники, нерадиво относившиеся к изучению опыта боевых действий фашистской армии, не смогли определить направление и силу предполагавшихся главных ударов фашистских группировок, не предусмотрели меры по их отражению. В ходе войны, учтя допущенные ошибки, советские войска остановили продвижение фашистских армий, перешли в контрнаступление и в сражении за Москву разгромили немецко-фашистские войска. Гитлеровский блицкриг потерпел в России крах.

Ключевые слова: Гудериан, блицкриг, война 1939 – 1941 гг. в Западной Европе, нападение на СССР, Московская битва, крах гитлеровского блицкрига, изучение опыта военных действий.

D.V. Gavrilov
Yekaterinburg

LESSONS FROM 1941: THE PROBLEM OF LEARNING EXPERIENCE OF WAR POTENTIAL ENEMIES

Having unleashed the Second world war, Hitler's Germany, using blitzkrieg tactics, crushed the armies of a number of Western European countries with rapid strikes of motorized groups, and then treacherously attacked the USSR. Soviet military leaders, who were negligent in studying the experience of fighting the fascist army, were unable to determine the direction and strength of the main attacks of the fascist groups, and did not provide for measures to repel them. In the course of the war, taking into account the mistakes made, the Soviet troops stopped the advance of the fascist armies, went on a counter-offensive and in the battle for Moscow defeated the German-fascist troops. Hitler's blitzkrieg failed in Russia.

Keywords: Guderian, blitzkrieg, the war of 1939-1941 in Western Europe, the attack on the USSR, the battle of Moscow, the collapse of Hitler's blitzkrieg, the study of the experience of military operations.

История военного искусства свидетельствует, что все великие полководцы прошлого внимательно, вдумчиво, глубоко и интенсивно изучали опыт ведения войн предшественников и своих противников. Об этом сообщают биографии Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ганнибала, Наполеона, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и других выдающихся полководцев. Стоит вспомнить пример А. В. Суворова, в 1797–1798 гг. находившегося в ссылке в селе Кончанском, но при-

¹ *Гаврилов Дмитрий Васильевич* – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН. e-mail: iia-history@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-19-00097

стально следившего за первыми военными успехами молодого Бонапарта, увидевшего в его действиях новые стратегические подходы, новые оперативные и тактические способы и сказавшего: «Широко шагает мальчик, пора его унять!» Узнав, что Бонапарт отбыл в Египет, Суворов сетовал: «Бог в наказание за мои грехи послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его»².

Интересно, что в 1799 г. молодой Наполеон, находившийся с военной экспедицией в Египте, узнав о разгроме Суворовым в Северной Италии французских войск, в письме Директории, управлявшей в то время Францией, перехваченном англичанами, давал совет: «Суворова до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут особенного его искусства воевать (курсив мой – Д. Г.) и не противопоставят ему его собственных правил»³. Намерение Суворова разгромить Наполеона успешно выполнил его ученик М. И. Кутузов, противопоставивший военному опыту Наполеона своё, более высокое, стратегическое и оперативное искусство.

Проблема изучения и использования опыта войн была очень актуальной накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Полезно рассмотреть, как к ней относились в то время советские военачальники, Верховное командование, партийное и советское руководство.

Развязав 1 сентября 1939 г. Вторую мировую войну, немецко-фашистские войска короткими стремительными ударами мощных моторизованных группировок сокрушили армии ряда западноевропейских стран. Польша, хваставшаяся, что её армия является «одной из самых сильных в Европе», была разгромлена за 27 дней, Дания завоёвана за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5 дней, Бельгия – за 18, Франция, сильнейшая в военном отношении держава, – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день, Крит – за 11 дней. До этого без одного выстрела Гитлер оккупировал Австрию и Чехословакию.

Победы Гитлера, в короткий срок (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) подчинившего себе всю Западную Европу (кроме островной Великобритании), были ошеломляющими. Немалую роль в этом сыграло применение вермахтом блицкрига – нового способа ведения военных действий, новых стратегических принципов, новых оперативных и тактических способов ведения боевых действий.

² Григорьев С. Т. Александр Суворов. М., 1990. С. 244; Суворов о Наполеоне. URL: [http://V - Kalashnikov livejournal com // 186734.html](http://V-Kalashnikovlivejournal.com//186734.html); Личность Суворова. URL: [https:// wikipedia.org / wiki](https://wikipedia.org/wiki).

³ Суворов и Наполеон. URL: [https // moiarussia.ru / Suvorov-i-napoleon](https://moiarussia.ru/Suvorov-i-napoleon).

Суть «блицкрига» - скоротечной молниеносной войны – состояла в том, что решающую роль в нём имели танки, которых поддерживали моторизованная пехота, артиллерия, сапёры, части обслуживания, авиация. Танки на узком участке фронта наносили внезапный массированный сокрушительный удар, прорывали фронт противника и устремлялись вперёд, вторгаясь танковыми клиньями на большую глубину вражеской обороны противника, вырывались на оперативный простор, окружали крупные группировки противника, превращая оперативные успехи в стратегическое превосходство. Успеху блицкрига должны были способствовать нарушение у противника системы связи и управления, внезапность нападения, вызванные ею страх и паника⁴.

Успехи фашистских войск в Западной Европе в сентябре 1939 – первой половине 1941 г. обеспокоили Советское правительство и советское высшее военное командование, особенно после разгрома Франции, когда стало ясно, что следующим объектом фашистской агрессии станет Советский Союз.

Боевые действия немецких танковых и моторизованных войск в Западной Европе освещались в советской периодической печати, в журнале «Военная мысль»⁵. Но необходимости тщательного изучения и извлечения уроков из их боевого опыта не придавалось большого значения, они остались вне внимания высшего военного руководства.

В апреле 1940 г., выступая на совещании начальствующего состава РККА, начальник Главного разведывательного управления И.И. Проскуров заявил, что военачальники «не читают разведывательных материалов». С литературой разведывательного управления, по его словам, знакомились «только отдельные командиры центральных управлений, отдельные руководящие работники штаба и лишь отдельные работники низового аппарата», масса разведывательных материалов «лежит без всякого движения» в подвалах, в сейфах и секретных библиотеках. В Главном управлении ВВС не читали чисто авиационную литературу, например, опыт применения немцами авиации в период польской кампании, немецкий устав ВВС, в Артиллерийском управлении не читали разведывательные сводки по иностранной военной технике и т. д.⁶

⁴ *Больных А. Г.* Молниеносная война: блицкриги Второй мировой. М.: Яуза, 2008. С. 5–9; *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 47–60; *Мюл-лер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 2. Сухопутная армия Германии с начала Второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г.). М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

⁵ Военная мысль. Орган Народного комиссариата обороны СССР. М., 1940. № 5.

⁶ *Проскуров И. И.* Выступление на совещании начальствующего состава 17.04.1940 г. // Зимняя война 1939–1940 гг. И. В. Сталин и финская кампания: стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). Заседание 6-е (утреннее). URL: <https://e-libra.ru/read/231343-zimnyaya-voyna-1939-1940-i-v-stalin-i-finskaya-kampaniya.html>

В декабре 1940 г. вопрос об опыте войны в Западной Европе обсуждался на совещании высшего командного состава РККА, но выводы были сделаны непоследовательные и недальновидные. Нарком обороны С.К. Тимошенко заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не даёт ничего нового». Начальник Генерального штаба Г.К. Жуков на докладе Главного разведывательного управления об опыте боевых действий гитлеровских войск при разгроме Франции написал: «Мне это не нужно»⁷.

Начальник Главного разведывательного управления Ф.И. Голиков на этом же совещании поведал: «Относительно изучения опыта иностранных армий. Я спрашивал некоторых командующих войсками округов и некоторых крупных танковых начальников: читают ли они то большое количество литературы, которая, правда, ещё недостаточно исчерпывает вопрос, но которая в массовом порядке издаётся Разведывательным управлением в форме информационных сборников, в форме типографских сводок по Западу и Востоку и т. д. Оказывается, они не знают о их существовании. Между тем в этих изданиях имеется то, что требуется для изучения опыта иностранных армий. Я прошу обратить внимание на эту издаваемую Разведупром литературу и читать её»⁸.

Как видим, у советских военачальников и военных теоретиков не имелось горячего желания постичь особенности стратегии, оперативного искусства и тактики фашистского вермахта.

Суровым испытанием для страны и для советских военачальников стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. По объективным и субъективным причинам страна оказалась недостаточно подготовленной к войне с самой сильной, хорошо оснащённой, обладавшей боевым опытом армией фашистской Германии. Военный эксперт полковник А. Зайцев в 1940 г. писал: «Ахиллесова пята Красной Армии – её командный состав... Он не на высоте тех требований, которые ему предъявит война»⁹. Недостаточную квалифицированность, слабую компетентность командного состава РККА накануне Великой Отечественной войны признал И. В. Сталин. Выступая на совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 г. он сказал: «Культурного, квалифицированного и образованного командного состава... нет у нас, или есть единицы»¹⁰.

⁷ *Мартыросян А. Б.* 22 июня: Правда генералиссимуса. М.: Вече, 2005. С. 11, 184.

⁸ Там же. С. 579.

⁹ *Шерстнёв В. Д.* Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск: Русич, 2005. С. 194.

¹⁰ *Сталин И. В.* Выступление на совещании начальствующего состава 17.04.1940 г. // Зимняя война 1939–1940 гг. И. В. Сталин и финская кампания: стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). Заседание 7-е (вечернее). URL: <https://e-libra.ru/read/231343-zimnyaya-voyna-1939-1940-i-v-stalin-i-finskaya-kampaniya.html>

По Версальскому миру 1919 г. Германии было разрешено иметь вооружённые силы (рейхсвер) в 100 тыс. чел. Германская военщина, готовясь к реваншу, обойдя навязанные ограничения, разными способами использовала рейхсвер в качестве кузницы для тайной подготовки квалифицированных военных кадров для будущей войны. В рейхсфере было мало простых солдат, основную массу составляли офицеры и унтер-офицеры. В марте 1935 г. гитлеровское правительство, в нарушение Версальского мирного договора, издало закон о введении в стране всеобщей воинской обязанности и начало на базе рейхсфера создание массовых многомиллионных вооружённых сил - вермахта. В 1939 г. вермахт насчитывал 4,7 млн чел.¹¹.

Советские вооружённые силы находились в стадии развёртывания. Всеобщая воинская обязанность в СССР была введена 1 сентября 1939 г. В 1939–1941 гг. численность Красной Армии с 1,9 млн чел. (на 24.02.1939 г.) возросла до 5,8 млн чел. (на 22.06. 1941 г.), т. е. возросла в 3 раза. Формировалось 125 новых стрелковых дивизий и множество соединений и частей других родов войск. Потребовалось очень большое количество командного состава. Число слушателей в военных академиях было увеличено в два раза, в 1940 г. сформировано 42 новых военных училища. Существовали большие трудности в обеспечении новых соединений техникой, вооружением, транспортными средствами. Занявшие руководящие должности командиры не успевали освоиться со своими обязанностями, личному составу не хватало времени для овладения новой техникой. Уровень подготовки командного состава был низким. Подготовить Красную Армию за короткий срок к ведению современной маневренной войны с опытейшим противником оказалось невозможным.

В СССР на рубеже 1920–1930-х гг. военными теоретиками (А.А. Свечин, В.К. Триандафиллов, К. Б. Калиновский) была разработана «теория глубокой операции» – наступления механизированных соединений в глубь обороны противника на 200–300 км с массированным применением танков и авиации, достижением оперативных успехов. Но танки в ней рассматривались в качестве приданных к пехоте и кавалерии¹². Некоторые положения теории были продемонстрированы на маневрах Киевского (1935 г.) и Белорусского (1936 г.) военных округов.

¹¹ *Прозектор Д. М.* Оруженосцы Третьего рейха: Германский милитаризм 1919–1939 гг. М., 1971.

¹² *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. М., 2005. С. 423 - 443; *Триандафиллов В. К.* Характер операций современных армий. М., 1929. С. 19 – 21, 114 - 120; *Калиновский К. Б.* Проблема механизации и моторизации современных армий // Коммунистическая Академия: Записки. Т. 3. М., 1931.

Практического применения в подготовке войск к ведению боевых действий эта теория не получила. Взаимодействие танковых соединений с пехотой, артиллерией, авиацией не отработывалось, советские войска были слабо механизированы, недостаточно маневренны, не имели надёжных средств связи, не было налажено твёрдое и устойчивое управление войсками. Не предусматривались способы материального обеспечения боевых действий. Не изучались такие тактические способы, как бои в окружении, вывод войск из окружения.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. началась с крупных поражений советских войск. 22 июня 1941 г., вероломно нарушив договор 1939 г. о ненападении, немецко-фашистские войска на всём протяжении советско-германской государственной границы вторглись на территорию СССР. Советские войска западных Особых военных округов при низкой плотности построения были разбросаны на большой территории в широкой полосе от 2 до 400–500 км, не имели оперативной связи друг с другом, были разорваны на три эшелона: 1) войска прикрытия границы, 2) «глубинные дивизии», 3) войска Второго стратегического эшелона. Наиболее боеспособные советские механизированные корпуса были загнаны в белостокский и львовский выступы, оказались в стороне от направления главных ударов фашистских войск и не смогли повлиять на ход и исход приграничных сражений.

Немецко-фашистские войска, смяв в первые дни войны слабое приграничное прикрытие, по частям уничтожали разбросанные советские воинские части и соединения. Прорвав без больших усилий Западный фронт, они на шестой день войны, 28 июня, захватили Минск и замкнули кольцо окружения («Минский котёл»), в котором оказались три советские армии, фактически – почти все главные силы войск Западного фронта. В плен были взяты 270 тыс. красноармейцев и командиров, были захвачены и уничтожены 4799 танков, 9427 орудий, 1777 самолётов¹³.

Начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер 3 июля 1941 г. записал в своём дневнике: «Кампания против России выиграна в течение 14 дней»¹⁴. Гитлер также считал, что русские практически уже проиграли войну, они больше не смогут восстановить свои разгромленные танковые и военно-воздушные силы¹⁵.

¹³ Гаврилов Д. В. Малоизвестные страницы истории: Развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2015. № 2 (2). С. 4.

¹⁴ Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М.: Астрель, 2012. С. 79.

¹⁵ Титтельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 258.

Главными причинами военных неудач 1941 г. многие историки, публицисты, мемуаристы и даже митрополит Илларион, недавно взявшийся объяснить этот вопрос, называют внезапность фашистского нападения (полной внезапности не было), репрессии «выдающихся военачальников» в 1937 г. (генералов-заговорщиков, готовивших государственный переворот и измену Родине), И. В. Сталина, который якобы «запрещал военачальникам приводить войска в боевую готовность», «не верил донесениям разведки», «отказался верить донесению Рихарда Зорге», который в действительности не знал точную дату нападения фашистской Германии на СССР и не доносил о ней¹⁶.

Однако следует назвать ещё одну, редко упоминаемую, но важную причину, из которой вытекали многие другие, важные и маловажные, причины. Нарком обороны (С.К. Тимошенко) и Генеральный штаб (Г.К. Жуков), несмотря на то, что обладали громадной разведывательной информацией, в том числе о фашистских ударных группировках, изготовившихся для нападения, не смогли выявить и распознать, проглядели, прозевали суть фашистского блицкрига, стратегия которого оказалась для них непредвиденной и непонятой. Советское командование не смогло определить направление и силу предполагавшихся главных ударов фашистских группировок и не предусмотрело меры по их отражению, по созданию на этих направлениях жёсткой, эшелонированной обороны, по налаживанию взаимодействия различных родов войск, установлению надёжных средств связи. Такие меры задержали бы продвижение фашистских ударных группировок, не позволили им выйти на оперативный простор и окружить крупные силы советских войск.

После войны Г.К. Жуков, говоря о нападении немецко-фашистских войск, признал: «Для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара»¹⁷. Шестикратного и восьмикратного превосходства в действительности не было, но двукратное превосходство было.

Руководители наркомата обороны (С.К. Тимошенко) и Генерального штаба (Г.К. Жуков), вопреки оперативному плану сосредоточения и стратегического развертывания советских вооруженных сил на слу-

¹⁶ *Мартыросян А. Б.* Трагедия 1941 года. М.: Вече, 2008. (200 мифов о Великой Отечественной войне); *Печёнкин А. А.* Гибель военной элиты 1937 - 1938 гг. М.: Всероссийский заочный финансово-экономический ин-т, 2011; Церковь и мир // Телепрограмма на канале «Россия-24», 11 мая 2019 г.

¹⁷ *Карпов В. В.* Генералиссимус: историко-документальное издание. Оренбург: Оренбургская книга, 2004. С. 311.

чай войны («Соображения...» от 18 сентября 1940 г.), утверждённому правительством, проводили в жизнь собственный «план» нанесения по вторгнувшемуся противнику «немедленного встречно-лобового контрудара». С.К. Тимошенко позднее признал, что они вступили в войну по «безграмотному сценарию»¹⁸.

Г.К. Жуков в 1956 г. проговорился, что накануне войны наши «войска не были развёрнуты в правильных оперативных построениях»¹⁹. Развернуть их «в правильных оперативных построениях» были обязаны Нарком обороны (С.К. Тимошенко), Генштаб (Г.К. Жуков), командующие Особых военных округов.

Теперь настойчиво внедряется идея, что советским военачальникам не требовалось изучение и перенимание чужого военного опыта, они якобы «обладали интуицией пророчески разгадывать планы фашистского командования», обладали «глубиной военно-стратегической мысли», до начала Великой Отечественной войны знали, «как нужно воевать», обладали «незаурядными способностями в области предвидения развития событий», «умением проникнуть в замыслы противника и понять его действия»²⁰. Увы, в июне-июле 1941 г. приписываемых им качеств они не проявили.

Разгром фашистами Западного фронта вызвал тревогу в Москве. Правительство о захвате немцами 28 июня Минска узнало не от Генштаба, а из передач европейских радиостанций. И.В. Сталин вскипел от негодования. Вместе с несколькими членами Политбюро он отправился в Генштаб, где в зале за картами они застали С.К. Тимошенко, Г.К. Жукова и оперативников. Доклад Тимошенко оказался путанным и противоречивым. Сталин обрушился на генштабистов: «Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактами новых провалов? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!... Что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует!».

Жуков в своих воспоминаниях рассказывает, что он, чтобы помочь Тимошенко, успокоил Сталина, смог разрядить обстановку и убедил Сталина, что они сами разберутся в обстановке. А.И. Микоян вспоминал, что события развивались по-другому: после критики Сталина Жуков «не выдержал, разрыдался как баба» и вышел в другую комнату.

¹⁸ *Мартыросян А. Б.* 22 июня: Правда генералиссимуса. М.: Вече, 2005. С. 239 – 241.

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ *Исаев А. В.* Георгий Жуков. М., 2006. С. 156, 239; *Маршал Победы в военной истории России: сб. статей.* Екатеринбург, 2016. С. 6, 19; *Ерофеева Н. П.* Маршал в зеркале Гиппократа // Советская Россия: Голос народа. М., 2016. 1 декабря. С. 4.

За ним был послан В.М. Молотов. После возвращения Жукова разговор продолжался в более спокойном тоне²¹.

Попытка задержать противника на рубеже среднего течения Западной Двины и верхнего течения Днепра выдвинутыми из резерва армиями не имела успеха. Танковая группа Гудериана с хода форсировала р. Днепр. Танковая группа Гота с хода форсировала реки Дриссу и Западную Двину. 16 - 18 июля гитлеровцы захватили Смоленск.

Нарком обороны и Генштаб явно не справлялись со своими обязанностями, не могли наладить чёткого управления войсками. Правительство вынуждено было принять решительные меры. 19 июля 1941 г. С.К. Тимошенко был снят с должности Наркома обороны и послан командовать Западным фронтом. 29 июля Г.К. Жуков был освобождён от обязанностей Начальника Генерального штаба и отправлен командовать Резервным (!) фронтом. Начальник Оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин и его заместители – генерал-лейтенант Г.К. Маландин и генерал-майор А.Ф. Анисов – были отправлены на фронт на должности начальников штабов и оперативных отделов.

Генерал-лейтенант Г.К. Маландин, посланный на должность начальника штаба Западного направления, вскоре был понижен до заместителя начальника штаба фронта, а затем отправлен преподавать в Академию имени К.Е. Ворошилова, где провёл два года – весь 1942 и 1943 гг., и лишь в декабре 1943 г. назначен на должность начальника штаба одной из армий 1-го Украинского фронта, на которой и находился до конца войны. Начальник Управления связи РККА генерал-майор Г.И. Гапич был отдан под суд и приговорён к 10 годам заключения²².

Ожесточённое Смоленское сражение надолго задержало наступление фашистских войск на Москву. Фашистские войска понесли большие потери в живой силе и технике, выдохлись и уже не могли наступать в прежнем темпе и по всему фронту. Группа армий «Центр» на два месяца застряла под Смоленском. 30 июля 1941 г. Гитлер отдал приказ приостановить наступление на Москву и перейти на Центральном фронте к обороне.

В августе - сентябре 1941 г. немецкие войска добились крупных успехов. Последовали новые окружения советских войск и новые «котлы»: Уманский (август 1941 г., в окружении две советские армии, в плен попали 103 тыс. чел, захвачено 317 танков и 858 орудий), Киевский (сентябрь 1941 г., в окружении главные силы Юго-Западного

²¹ Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост – 9Д, 2007. С. 191.

²² Козинкин О. Ю. Кто проспал начало войны? М.: АСТ, 2011. С. 44.

фронта, четыре советские армии, в плен взято 665 тыс. чел., захвачено 3718 орудий и 884 танка)²³. Однако сопротивление советских войск все более и более возрастало. Гитлер и фашистское командование не учли мобилизационные возможности Советского Союза, патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну против фашизма. На смену разбитым в боях советским соединениям из глубины страны к фронту непрерывным потоком шли вновь создаваемые дивизии. Немецко-фашистские войска несли огромные потери в живой силе и технике, их наступательные возможности постепенно иссякали.

30 сентября – 2 октября 1941 г., после двухмесячной передышки, пополнив войска резервами и сосредоточив большую ударную группировку (77 дивизий, 1,8 млн солдат и офицеров, 1700 танков и штурмовых орудий, 14 тыс. орудий и миномётов, 1390 самолётов), немецко-фашистские войска начали решающее наступление на Центральном направлении с целью захватить Москву и до наступления зимы победоносно закончить войну. Им противостояли войска Западного (командующий И.С. Конев), Брянского (командующий А.И. Ерёменко) и стоявшего за их спиной Резервного (командующий С.М. Будённый) фронтов.

Войска этих фронтов, занимавшие оборонительные позиции, два месяца готовились к отражению новых фашистских атак, но Генштаб и командующие фронтов, не учтя опыт предыдущих действий фашистских войск, не смогли определить направления предстоящих главных ударов немецких группировок. И хотя в отличие от 22 июня 1941 г. уже нельзя было ссылаться на внезапность нападения, мощные удары наступавших фашистских моторизованных клиньев снова оказались для советских войск неожиданными.

30 сентября – 2 октября 1941 г. 2-я танковая группа Г. Гудериана из района Шостки в направлении на Орёл – Тулу, 3-я танковая группа из района Духовщины и 4-я танковая группа из района Рославля в направлении на Вязьму нанесли мощные удары, прорвали советский фронт и вышли на оперативный простор. Сомкнувшись друг с другом восточнее Вязьмы, они окружили главные силы Западного и Резервного фронтов. В Вяземском «котле», по немецким данным, оказались в окружении и были взяты в плен 663 тыс. чел., захвачены 1242 танка, 5412 орудий²⁴.

На Западном направлении образовалась огромная брешь, пути на Москву оказались открытыми, что поставило советскую столицу и

²³ *Титпельскирх К.* История второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 183, 194.

²⁴ Там же. С. 200; *Исаев А. В.* Котлы 41-го. М.: Яуза, 2007; *Конев И. С.* Начало Московской битвы // Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 56 – 67.

само существование Советского государства под серьёзную угрозу. Но воспользоваться достигнутыми успехами фашисты не смогли. Советские войска, оказавшиеся в окружении, продолжали вести борьбу, притянув к себе значительные силы немецких войск и ослабив этим наступающие ударные группировки.

Советское командование для защиты Москвы в срочном порядке стянуло на Можайскую линию обороны все возможные воинские части, перебросило под Москву с Дальнего Востока 10 дивизий и несколько сот танков, срочно готовило новые резервные армии. Немецко-фашистские войска вышли на подступы к Москве, достигли её окраин, нависли над Москвой с севера и юга, но дальше продвинуться не смогли, выдохлись, были измотаны и обескровлены, не имели резервов, наступила зима.

5 декабря 1941 г. советские войска под Москвой перешли в контрнаступление. Под их ударами немецко-фашистские войска, неся большие потери в живой силе и технике, вынуждены были откатываться назад, бросая свои танки, пушки, автомобили. Все белоснежные поля под Москвой были усеяны разбитой и брошенной фашистской техникой. Только за две недели декабря немцы потеряли под Москвой 1000 танков²⁵. Известие о потере под Москвой тысячи танков и другой техники подорвало нервную систему Гитлера. Он говорил Борману: «Я всегда ненавидел снег... Теперь я знаю почему. То было предзнаменование»²⁶.

В Московской битве немцы потеряли свыше 0,5 млн убитыми и ранеными, 2100 танков, 2800 орудий и около 1500 самолетов. За поражение под Москвой были сняты со своих постов 35 генералов, в том числе главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, командующие 2-й и 3-й танковыми группами генерал-полковники Г. Гудериан и Э. Гёпнер. Моральный дух фашистской армии был надломлен. Гитлеровские военные трибуналы за дезертирство, самовольный отход с позиций, неповиновение осудили 62 тыс. солдат и офицеров²⁷.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой положил начало крутому повороту в Великой Отечественной войне и во всей Второй

²⁵ Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012; *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М.: Воениздат, 1972. С. 13 – 285; *Бок Ф. фон.* Я стоял у ворот Москвы. М.: Яуза, 2006. С. 47 – 298;

²⁶ *Яковлев Н. Н.* 19 ноября 1942 г. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 60.

²⁷ Московская битва 1941-42 // Великая Отечественная война. 1941-1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 466.

мировой войне. Впервые с начала войны фашистская армия понесла такие большие потери, впервые ей было нанесено такое крупное поражение. Стало ясно, что молниеносной войны, блицкрига у фашистов в России не получилось. Московская битва навсегда похоронила мифы геббельсовской пропаганды о «непобедимости и непревзойденном мастерстве и могуществе» фашистского вермахта и его бронетанковых сил, «величайшем полководце Гитлере».

Летом 1942 г., проведя тотальную мобилизацию и восполнив потери своих танковых армий, немецко-фашистские войска начали новое большое наступление на юго-западном направлении и, прорвав оборону советских войск, имея своей целью перерезать коммуникации по реке Волге, отрезать Москву от сырьевых районов, захватить Баку – центр советской нефтяной промышленности, вышли к Сталинграду и предгорьям Главного Кавказского хребта. Над страной снова нависла большая опасность.

Помимо других мероприятий по укреплению вооружённых сил и их обеспечению всем необходимым, советское и партийное руководство вело работу по повышению квалификации командного состава. В августе 1942 г. в газете «Правда» по указанию И.В. Сталина была опубликована пьеса А.Е. Корнейчука «Фронт», в которой резкой критике были подвергнуты старые, прославившиеся в Гражданскую войну военачальники, отсталые в военном отношении, недостаточно грамотные, косные, самодовольные. Им противопоставлялись молодые военачальники, компетентные в военном деле, инициативные, творческие, смело выдвигавшиеся на руководящие посты. Пьеса, имевшая большое воспитательное значение для Красной Армии и её комсостава, призывала советских военачальников учиться лучше воевать, вести войну по-современному²⁸.

В 1942 г. немецко-фашистским войскам не удалось достичь поставленных целей, они были остановлены в Сталинграде и в предгорьях Кавказа, а затем последовали контрнаступление советских войск, окружение, разгром и пленение крупной группировки немецких войск в Сталинграде²⁹. В 1943 г. попытка фашистов с помощью новых более мощных танков «Тигр» и «Пантера», штурмовых орудий «Фердинанд» разгромить советские войска на Курской дуге окончилась полным провалом³⁰. Стратегическая инициатива до конца войны полностью перешла в руки советского командования.

²⁸ Корнейчук А. Фронт. Пьеса // Правда. 1942. 24 – 27 августа.

²⁹ Сталинградская битва 1942 - 43 // Великая Отечественная война. 1941-1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 684.

³⁰ Курская битва 1943 // Великая Отечественная война. 1941-1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 394.

В ходе Великой Отечественной войны, заплатив за полученный боевой опыт дорогую цену, советские военачальники научились гибко и оперативно управлять крупными соединениями при проведении масштабных операций, умело, массированно использовать танки во взаимодействии с мотопехотой, артиллерией, авиацией, выработали наилучшую организационную структуру бронетанковых соединений в виде танковых армий.

Овладев способами ведения маневренной войны, советское командование блестяще провело ряд крупных стратегических наступательных операций, среди них: 1) окружение и разгром крупной фашистской группировки под Сталинградом в ноябре 1942 – феврале 1943 гг.; 2) разгром, окружение в районе Минска и пленение основных сил фашистской группы армий «Центр» в Белорусской операции лета 1944 г.; 3) Яско-Кишинёвская наступательная операция, разгром немецкой группы армий «Южная Украина», окружение и ликвидация крупных группировок немецких и румынских войск, вывод из войны Румынии, вступление советских войск в Болгарию, Югославию и Венгрию; 4) Берлинская наступательная операция в апреле – начале мая 1945 г., окружение и взятие Берлина, завершившие победу над фашистской Германией; 5) Маньчжурская наступательная операция в августе 1945 г., завершившаяся молниеносным разгромом японской Квантунской армии.

В наши дни с развитием механизации всех родов войск, появлением атомного, ракетного и космического оружия, самонаводящегося сверхточного оружия, современных средств связи, компьютерных средств руководства войсками изучение и использование опыта Великой Отечественной войны и ведущихся в послевоенный период в разных уголках мира войн остаётся необходимой составной частью для выработки тактики и стратегии, использования техники и других боевых средств в современной войне. Президент РФ В. В. Путин 12 апреля 2019 г. в Большом Кремлёвском дворце на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности, отметив большую работу по комплексному развитию армии и флота, насыщению войск передовой техникой, указав, что именно современное высокоточное и мощное оружие определяет уже сейчас и будет определять в будущем облик Российских вооружённых сил, заявил, что силовым ведомствам необходимы высочайшая компетенция её сотрудников, их умение мыслить стратегически, опираясь на выверенную информацию, прогнозировать события на годы вперёд, учитывая, что потенциальные противники, пока не имеющие средств проти-

водействия новейшим видам вооружения, в ближайшем будущем их создадут³¹.

Библиография

1. *Бок Ф. фон.* Я стоял у ворот Москвы. М.: Яуза, 2006. 509 с.
2. *Больных А. Г.* Молниеносная война: блицкриги Второй мировой. М.: Яуза, 2008. 347 с.
3. *Гаврилов Д. В.* Малоизвестные страницы истории: Развал Западного фронта в первые две недели Великой Отечественной войны // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2015. № 2 (2).
4. *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М.: Астрель, 2012. 704 с.
5. *Григорьев С. Т.* Александр Суворов. М., 1990. 380 с.
6. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. 653 с.
7. *Исаев А. В.* Георгий Жуков. М.: Яуза, 2006. 480 с.
8. *Исаев А. В.* Котлы 41-го. М.: Яуза, 2007. 400 с.
9. *Калиновский К. Б.* Проблема механизации и моторизации современных армий // Коммунистическая Академия: Записки. Т. 3. М., 1931.
10. *Карпов В. В.* Генералиссимус: историко-документальное издание. Оренбург: Оренбургская книга, 2004. 824 с.
11. *Козинкин О.Ю.* Кто проспал начало войны? М.: АСТ, 2011. 477 с.
12. *Конов И. С.* Начало Московской битвы // Военно-исторический журнал. 1966. № 10.
13. *Мартиросян А. Б.* 22 июня: Правда генералиссимуса. М.: Вече, 2005. 654 с.
14. *Мартиросян А. Б.* Трагедия 1941 года. М.: Вече, 2008. 504 с.
15. *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М.: Воениздат, 1972. 368 с.
16. *Мухин Ю. И.* Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост – 9Д, 2007. 736 с.
17. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. В 3 т. Т. 2. Сухопутная армия Германии с начала второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г.). М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 272 с.
18. *Печёнкин А. А.* Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М.: Всероссийский заочный финансово-экономический ин-т, 2011. 171 с.
19. *Прозектор Д. М.* Оруженосцы Третьего рейха: германский милитаризм 1919–1939 гг. М., 1971.
20. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. 1914–1918. М.: Ассоциация Военная книга. Кучково поле, 2005. 448 с.
21. *Титтельскирх К.* История второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. XIII. 607 с.
22. *Триандафиллов В. К.* Характер операций современных армий. М.; Л.: Гос. изд-во, отдел военной литературы, 1929. 184 с.
23. *Шерстнёв В. Д.* Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск: Русич, 2005. 528 с.
24. *Яковлев Н. Н.* 19 ноября 1942 г. М.: Молодая гвардия, 1972. 175 с.

³¹ *Путин В. В.* Речь в Большом Кремлёвском дворце на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности // Российская газета. 2019. 12 апреля. № 81.

**Б.А. Гижевский¹,
М.В. Дегтярев²,
Н.Н. Мельников³**

Екатеринбург

БРОНЕВАЯ СТАЛЬ СРЕДНИХ ТАНКОВ И САМОХОДНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ УСТАНОВОК КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлены результаты исследования металлургических характеристик брони самоходных артиллерийских установок СУ-122, СУ-85, СУ-100, произведенных на Уралмаше, и танков Т-34, произведенных Харьковским заводом №183 и Сталинградским тракторным заводом. Установлены химический состав, твердость, характер изломов, микроструктура стали отдельных элементов бронирования исследованных объектов. Полученные данные в целом соответствуют марочным параметрам броневой стали 8С. Показана эффективность переносных приборов неразрушающего контроля металлов при работе на музейных экспозициях.

Ключевые слова: броня, сталь, танк Т-34, самоходная артиллерийская установка, химический состав, твердость.

**B.A. Gizhevsky,
M.V. Degtyarev,
N.N. Melnikov**
Yekaterinburg

ARMOR STEEL OF MEDIUM TANKS AND SELF-PROPELLED ARTILLERY INSTALLATIONS OF THE RED ARMY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article presents the results of a study of the metallurgical characteristics of the armor of self-propelled artillery installations SU-122, SU-85, SU-100, produced at Uralmash, and T-34 tanks, produced by the Kharkov plant No. 183 and the Stalingrad tractor plant. The chemical composition, hardness, the nature of fractures, and the microstructure of the steel of individual armor elements of the investigated objects have been established. The data obtained, in general, correspond to the brand parameters of 8C armor steel. The effectiveness of portable devices for non-destructive testing of metals is shown when working at museum expositions.

Keywords: armor, steel, T-34 tank, self-propelled artillery unit, chemical composition, hardness.

Военно-стратегические проблемы, вставшие перед противоборствующими сторонами в период приближающейся Второй мировой

¹ *Гижевский Борис Александрович* – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт физики металлов УрО РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: gizhevskii@imp.uran.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №20-02-00461; № 19-09-00050 А.

² *Дегтярев Михаил Васильевич* – доктор технических наук, зав. лабораторией, Институт физики металлов УрО РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: highpress@imp.uran.ru

³ *Мельников Никита Николаевич* – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, E-mail: meln2011kit@gmail.com

войны, настоятельно требовали не только количественного увеличения военного потенциала, но качественного скачка во многих видах вооружения и переосмысливания подходов к ведению военных действий. Война в Испании показала значение танков на поле боя и в то же время указала на их уязвимость от действия даже малокалиберной артиллерии. Броневая защита танков начала 1930-х гг. состояла из бронелистов толщиной 10-30 мм, подвергнутых термообработке, и являлась, по существу, противопулевой.

Задача создания противоснарядной брони для массового производства танков в конце 1930-х гг. являлась, несомненно, актуальной. Требуемая катанная гомогенная броня высокой твердости под маркой 8С (первоначальное название МЗ-2), предназначенная для средних танков Т-34, была создана советскими металлургами перед началом Великой Отечественной войны. Отечественным специалистам удалось создать экономно легированную броневую сталь, относительно дешевую, пригодную к сварочным работам, но при этом обеспечивающую проектный уровень защиты⁴.

Наряду с достоинствами стали 8С были присущи недостатки: склонность к трещинообразованию и отколам вследствие высоких внутренних напряжений⁵. Для более поздних моделей танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), а также для литых деталей использовались другие марки стали, однако основой броневой защиты отечественных средних танков и САУ периода Великой Отечественной войны следует признать броневую сталь 8С, в чем и заключается ее значение в бронепроизводстве в годы войны. Краткие сведения по истории создания брони 8С содержатся в работе⁶.

Среди многочисленных публикаций, посвященных бронетанковым войскам Великой Отечественной войны, почти отсутствуют исследования качества брони с точки зрения металлургических характеристик и технологических особенностей ее производства. Исключение составляет основательный труд группы авторов «Сила брони», в котором рассмотрены основные металлургические параметры отечественных и зарубежных броневых сталей с учетом технологии их производства и проанализированы служебные характеристики раз-

⁴ Устьянцев С.И., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: Издательский дом «Медиа-Принт», 2005. 232 с.

⁵ Военная приемка Управления самоходной артиллерии ГАБТУ РККА на Уралмашзаводе. Отчет о работе за период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1945. (Рукопись). Л.126, 129 // Музей истории УЗТМ.

⁶ История создания противоснарядной танковой брони 8С. Н. Н. Мельников, Б. А. Гижевский, В. Вас. Запарий, В. Вл. Запарий // Черные металлы. 2019. №5. С. 70-76.

личных видов брони периода Великой Отечественной войны⁷. Однако эти сведения основаны на результатах исследований военного времени и архивных данных.

В настоящее время имеется большое число сохранившихся экземпляров бронетехники периода Великой Отечественной войны. Современные методы металловедения, использование переносных приборов для анализа металла, электронной микроскопии позволяют получить обширную, в том числе ранее недоступную информацию о состоянии и развитии бронепроизводства военного времени, основанную на современных междисциплинарных подходах. Мы полагаем, что такие работы, помимо получения конкретных данных, необходимы для выяснения путей становления и развития в годы войны крупномасштабного броневого производства – важнейшей составляющей оборонной промышленности страны. На решение этих задач и направлено наше исследование.

В настоящей работе рассматривались следующие конкретные задачи: экспериментальное определение состава и выяснение основных металловедческих характеристик броневой стали танков Т-34 и САУ на их основе; анализ и сравнение полученных характеристик с архивными и литературными данными; в качестве методической задачи рассматривалась разработка и внедрение неразрушающих методов определения металловедческих характеристик бронетехники непосредственно на экспозиции с использованием современных переносных приборов. Экспериментальные исследования проводились на экземплярах исторической бронетехники, представленных в экспозиции Музея военной техники УГМК (г. Верхняя Пышма).

Особое внимание было уделено сохранности музейных экспонатов. Определение химического состава и измерение твердости броневой стали проводились после зачистки от краски участков брони размером 30×30 мм. Химический состав определялся с помощью переносных рентгенофлуоресцентного и оптико-эмиссионного спектрометров. Для определения твердости бронелистов использовался компактный баллистический твердомер. Толщина бронелистов измерялась с помощью ультразвукового дефектоскопа. Эти измерения проводились непосредственно на экспонируемых объектах. С целью более подробного выяснения металловедческих характеристик проведены лабораторные исследования шлифов и изломов образцов брони двух САУ с использованием сканирующего электронного и оптического микроскопов.

⁷ Сила брони / А.С. Орыщенко, В.В. Цуканов, О.Э. Нигматулин и др. СПб.: ЛА Професионал, 2019. 326 с.

Образцы брони небольших размеров (~10 мм) отбирались преимущественно с внутренней стороны бронелистов. В качестве объектов исследования выбраны танк Т-34, произведенный Харьковским заводом в 1940 г., и Т-34 Сталинградского завода выпуска 1941-1942 гг.; самоходные артиллерийские установки на основе танка Т-34 СУ-122, СУ-85, СУ-100, выпущенные УЗТМ – главным производителем средних самоходок. СУ-122 производилась в 1943 г. Выпуск СУ-85 – самой массовой советской средней самоходки – осуществлялся с 1943 г. по 1944 г. СУ-100 производилась с конца 1944 г. и некоторое время после окончания войны. Как видно, исследованные образцы бронетехники отражают широкий период с 1940 г. по 1945 г. и во всех этих моделях броневая сталь 8С являлась основой бронирования.

Один из важных вопросов, возникающих при изучении броневоего производства в годы войны, заключается в том, в какой мере удавалось выдерживать марочный состав и необходимую технологию для обеспечения качества брони, удовлетворительную для боевых машин, отправляемых на фронт. Сам этот вопрос носит несколько неопределенный диалектический характер. Приемлемым можно считать качество брони, удовлетворяющее военную приемку. Однако хорошо известно, что брак бронекорпусов на Уралмаше в отдельные моменты доходил до 80% и на фронт отправлялись танки и САУ с трещинами в бронелистах⁸.

Этот факт вполне понятен и почти очевиден, если принять во внимание огромные трудности, связанные с потерей крупных промышленных центров на западе страны, эвакуацией и созданием новых центров танковой промышленности и бронепроизводства на Урале и в Сибири, о чем неоднократно сообщалось в литературе. Современные металловедческие исследования могут указать на качественные характеристики броневой стали военного времени и их соответствие проектным показателям.

Использованные спектрометры позволяли определять содержание 15-18 элементов. Содержание ряда элементов (V, W, Sn) не приводится по причине их малой концентрации (тысячные доли процента), что близко к погрешности прибора. Содержание углерода для САУ не определено ввиду методических трудностей использования оптико-эмиссионного спектрометра на этих объектах. Мы полагаем, что в случае уралмашевских самоходок содержание углерода находится в пределах марочного состава стали 8С. Для Т-34(Х) концентрация углерода составляет 0.22%, для Т-34(С) – 0.47%. В качестве сравнения приведены данные по химическому составу «исходной» броневой стали

⁸ Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2017. 416 с.

МЗ-2 от 1939 г., модифицированные составы стали И-8С и 8С соответственно от 1940 и 1942 г. Здесь же приведены химические составы брони немецких танков Pz. III, Pz. IV и английского танка Matilda Mk II.

Данные по советской броне получены из архивных материалов⁹. Химический состав брони танка Pz. IV и Matilda воспроизводится по книге С.И. Устьянцева, Д.Г. Колмакова¹⁰. Состав брони немецкого танка Pz. III установлен авторами по измерениям брони САУ-76И, изготовленной на базе трофейного танка Pz. III. Обращает на себя внимание различный состав брони правого и левого борта. Различная броня использовалась и для люков и командирской башенки. Такая ситуация возможна вследствие поставок брони на завод-изготовитель Pz. III от разных поставщиков или при изготовлении СУ-76И. В целом видно различие состава немецкой и советской брони по содержанию углерода и легирующих элементов: марганца, хрома, никеля, кремния. По совокупности этих данных немецкая броня должна быть более хрупкой.

Основными легирующими элементами, определяющими свойства брони 8С, являются хром, марганец, никель, молибден. Важное значение имеет также содержание углерода и кремния. Составы исследованных броневых сталей соответствуют или близки к марочному составу броневой стали 8С. Это один из существенных результатов настоящей работы. Химический состав брони предвоенного танка Т-34 Харьковского завода полностью соответствует составу брони И-8С. Броня для производства первых танков Т-34 поставлялась с Мариупольского завода им. Ильича, где и была разработана броневая сталь МЗ-2 (8С) при участии специалистов «броневоего института» ЦНИИ 48.

Исключение составляет лобовая броня СУ-100, имеющая состав с повышенным содержанием хрома, отличный от 8С. Толщина лобовой брони СУ-100 75 мм отличается от толщины ее бортовой брони и бронелистов других рассмотренных машин, имеющих толщину 45 мм. Для литых деталей, в частности башен и орудийных масок, также использовалась специальная сталь. Крыша рубок САУ изготавливалась из брони толщиной 20 мм, близкой по составу к противопулевой брони. В броне сталинградского танка отмечено повышенное содержание углерода и фосфора, что может привести к охрупчиванию брони. Действительно, при осмотре этого танка в борту обнаружена пробоина от снаряда вместе с выломанным куском брони. Толщина бортовой брони этого танка составляет 40 мм. Броневая сталь для Сталинградского тракторного завода поставлялась с завода «Баррикада».

⁹ РГАЭ. Ф.8752. Оп.7. Д.67.Л.39.

¹⁰ Устьянцев С.И., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: Издательский дом «Медиа-Принт», 2005. С.36.

На Уралмаш поставки броневой стали осуществлялись с Новотажинского металлургического комбината (в настоящее время – НТМК), а также с Магнитогорского и Новокузнецкого заводов. В довоенное время на этих предприятиях броня не производилась. Помимо основных легирующих элементов, о которых говорилось выше, в броневой стали присутствуют естественные микролегирующие элементы, обусловленные химическим составом железных руд. Видно, например, что в броне уралмашевских самоходок содержание меди заметно выше, чем в броне танков харьковского и сталинградского заводов. Это связано с повышенным содержанием меди в уральских рудах. Уровень микролегирования различными элементами может указывать на происхождение руды, из которой выплавлена сталь.

При достаточно широкой базе данных по легированию броневых сталей определенных марок на различных металлургических предприятиях вместе с другими параметрам брони совокупность металловедческих данных может способствовать атрибуции неизвестной брони по месту ее производства. При сравнительно узком наборе исследованных объектов видно различие в химическом составе брони разных заводов, выпускавших бронетехнику. Незначительное снижение содержания марганца и кремния в броне СУ-85 по сравнению с таковым в марочном составе стали 8С не должно сказаться на качестве брони. Заметим, что в годы войны броневое производство испытывало нехватку качественного ферромарганца. Никопольское месторождение марганца на Украине было утрачено. Полуночный рудник марганцевой руды на Северном Урале выдавал руду, не соответствующую ГОСТу, с сильным загрязнением фосфором, от которой металлурги отказывались¹¹.

Возможно, с этим связано снижение требований по содержанию марганца в броневой стали 8С по ТУ 1942 г. Следует отметить, что броневая сталь 8С являлась удачно сбалансированной по содержанию основных легирующих элементов и допускала варьирование концентрации легирующих элементов в довольно широких пределах без существенного ухудшения основных свойств брони. Брак бронекорпусов был связан не столько с отклонениями состава стали, сколько с нарушением технологии термомодеформационной обработки бронели-

¹¹ *Осетрова Г.А.* К вопросу о производстве ферромарганца на Нижнетагильском заводе им. В.В. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. // ТАНКПРОМ, век XX: Ведомственный музей – центр сохранения, исследования и популяризации отечественной индустриальной культуры (к 100-летию отечественной танковой промышленности): материалы научно-практической конференции. Нижний Тагил, 10-12 сентября 2020 г. С.65-77.

стов: закалка, отпуск, прокатка, резка и сварка бронелистов. Это требовало жесткого выполнения необходимых технологических условий, что не всегда удавалось осуществить. За время войны состав и технология броневой стали 8С неоднократно корректировались с целью упрощения технологии и адаптации к условиям конкретного предприятия. Эти работы велись под научным руководством ЦНИИ 48 и при непосредственном участии в работе предприятия сотрудников института. Отметим, что на исследованных экземплярах бронетехники мы не обнаружили явных следов брака брони, за исключением погрешностей в сварных швах (неравномерность толщины, щели).

Оптимальная твердость брони 8С толщиной 40-50 мм при ее создании определялась в пределах 2.9-3.3 мм по диаметру отпечатка Бринелля, что соответствует значениям по шкале Бринелля 444-341 НВ, при этом она трактовалась как броня высокой твердости. Такая твердость по замыслам ее создателей обеспечивала высокую противоснарядную стойкость при достаточной вязкости металла. Наши измерения твердости показали, что в целом твердость броневых листов исследованных САУ соответствует проектным показателям. Наибольшая твердость отмечена для бортовой брони СУ-100 – 410-435 НВ; лобовой бронелист СУ-100 толщиной 75 мм имеет твердость 270 НВ. Твердость брони СУ-122 составляет 380-405 НВ; твердость брони СУ-85 несколько ниже и лежит в пределах 310-340 НВ. В то же время твердость немецкой брони танка Pz. III толщиной 30 мм значительно выше и составляет 580-590 НВ, что связано с цементацией или закалкой поверхностного слоя.

Важным требованием к противоснарядной танковой броне является должное сочетание твердости и пластичности, с тем чтобы она противостояла попаданию снаряда и не давала расслоений и отколов, способных поражать экипаж. Требуемые свойства брони обеспечиваются подбором оптимального состава и соответствующего режима термообработки. Эти качества брони могут быть оценены без проведения обстрелов в лабораторных условиях путем изучения под микроскопом вида изломов. Характер изломов свидетельствует о качестве выплавки, пластической деформации, термической обработке стали.

Изучение вида изломов проведено с помощью сканирующего электронного микроскопа на небольших образцах порядка 10 мм, отобранных от брони СУ-85 и СУ 100. Изломы производились при комнатной температуре и после охлаждения в жидком азоте. Микрофотографии, которые мы здесь не приводим, явно свидетельствуют о преимущественно вязком характере изломов. Вместе с этим обнаружены

микровключения сульфидов марганца, около которых образуются хрупкие сколы. Кроме этого, выявлены частицы шлака, которые не дают хрупкого разрушения стали. Имея в виду показатели твердости, можно говорить о приемлемом сочетании твердости и вязкости измеренных образцов броневой стали. Рентгенофазовый анализ образцов, отобранных от бортовой брони СУ-85 и лобовой брони СУ-100, показал, что обе стали находятся в двухфазном структурном состоянии: помимо основной α -фазы железа, присутствует также γ -фаза железа в количестве 5-10%.

Из микроскопических исследований шлифов следует, что образец броневой стали СУ-85 имеет структуру отпущенного пакетного мартенсита, размер пакета 20-30 мкм, содержание остаточного аустенита 5%; структура стали СУ-100 представляет собой отпущенный бейнит и также содержит 5% остаточного аустенита. Микротвердость стали первого образца составляет 3500 МПа, а второго образца – 2280 МПа. Структурные различия указывают, что броневая сталь СУ-85 отпущена при более высоких температурах, чем в случае лобовой брони СУ-100. На шлифах обоих образцов выявлены в довольно большом количестве поры округлой или вытянутой формы размером 5-30 мкм, а также микротрещины длиной до 30 мкм. Эти микродефекты, по нашему мнению, не должны сказываться на общем качестве брони.

В ходе выполнения настоящей работы показана эффективность применения современных переносных приборов для неразрушающего контроля металлов, таких как рентгеновские и оптические спектрометры, баллистические твердомеры, ультразвуковые дефектоскопы, непосредственно на музейных экспозициях. Разработанные методы и подходы позволяют значительно ускорить и удешевить получение существенных данных о металлических артефактах и облегчить их атрибуцию. Предложенные методы могут быть использованы и в полевых условиях при археологических работах. Полученные в работе экспериментальные данные по составу и свойствам брони показывают, что, несмотря на все трудности военного времени, в броне изученных образцов бронетехники содержание основных легирующих элементов – хрома, марганца, никеля, молибдена, кремния – при некоторых отклонениях концентраций в основном соответствует марочному составу броневой стали 8С. Это же относится и к показателям твердости и требуемому сочетанию твердости и вязкости броневой стали.

В целом металловедческая информация, полученная на современном научном уровне, и основанные на ней выводы являются важными для установления конкретных фактов, характеризующих свойства и

особенности производства брони и выяснения процессов становления и развития броневое производство. Необходимым условием успешной деятельности в этом междисциплинарном направлении является плодотворное сотрудничество металлургов, металлургов, историков и представителей музейного сообщества. Броневая сталь 8С, несмотря на некоторые дефекты, в частности склонность к трещинообразованию, что связано с погрешностями технологии, являлась главной составляющей для системы бронирования средних САУ и танков Т-34, выпускаемых в годы Великой Отечественной Войны. Учитывая объемы массового производства танков Т-34 и самоходных артиллерийских установок на его основе, можно утверждать, что броневая сталь 8С являлась наиболее важным и значительным по объему производства продуктом отечественных производителей брони в годы Великой Отечественной войны. И в этом заключается ее весомая роль в отечественном танкостроении.

Авторы статьи выражают благодарность ООО «ЭЛНК ГРУПП» за содействие в проведении ряда измерений, сотрудникам Института физики металлов УрО РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Музея военной техники УГМК за плодотворное сотрудничество.

Работа выполнена при поддержке программ «Спин» Г.р. № ААА-А-А18-118020290104-2, «Давление» № АААА-А18-118020190104-3.

Библиография

1. *Мельников Н.Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2017. 416 с.
2. История создания противоснарядной танковой брони 8С / *Н. Н. Мельников, Б. А. Гижевский, В. Вас. Запарий, В. Вл. Запарий* // Черные металлы. 2019. №5. С. 70-76.
3. Сила брони / *А.С. Орыщенко, В.В. Цуканов, О.Э. Нигматулин и др.* СПб.: ЛА Профessional, 2019. 326 с.
4. *Осетрова Г.А.* К вопросу о производстве ферромарганца на Нижнетагильском заводе им. В.В. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны // ТАНКПРОМ, век XX: Ведомственный музей – центр сохранения, исследования и популяризации отечественной индустриальной культуры (к 100-летию отечественной танковой промышленности): материалы научно-практической конференции. Нижний Тагил, 10-12 сентября 2020 г. Нижний Тагил, 2020. С.65-77.
5. *Устьянцев С.И., Колмаков Д.Г.* Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: Издательский дом «Медиа-Принт», 2005. 232 с.

Вас.В. Запарий¹

Екатеринбург

**ПОСЕЩЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ИНЖЕНЕРАМИ БРОНЕВОГО
ЦЕХА КОМПАНИИ «ФОРД МОТОР» В ДЕТРОЙТЕ
26 ФЕВРАЛЯ 1945 г. И ОЗНАКОМЛЕНИЕ ИХ С ТЕХНОЛОГИЕЙ
ТЕРМИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ БРОНИ**

Статья посвящена краткому описанию технологического процесса термической обработки брони на американском заводе в Детройте, Штат Мичиган, составленному советскими инженерами-металлургами после его посещения 26 февраля 1945 г.

Ключевые слова: термическая обработка, броневое производство, Великая Отечественная война, танковая промышленность.

Vas.V. Zapariy

Yekaterinburg

**A VISIT BY SOVIET ENGINEERS OF THE FORD MOTOR ARMOR SHOP IN
DETROIT ON FEBRUARY 26, 1945 AND ABOUT THEM WITH THE
TECHNOLOGY OF HEAT ARMOR TREATMENT**

The article is devoted to a brief description of the technological process of heat treatment of armor at the American plant in Detroit, Michigan, compiled by Soviet metallurgical engineers after visiting it on February 26, 1945.

Keywords: heat treatment, armored production, the Great Patriotic War, tank industry.

Становление и развитие технологий броневое производства на советских заводах периода Великой Отечественной войны, его особенности уже нашли свое отражение в ряде специализированных работ по истории металлургии и танкостроения².

Эвакуация и потеря ключевых довоенных центров по изготовлению броневых деталей (Ленинград, Мариуполь) заставили руководство СССР в чрезвычайных условиях войны налаживать изготовление танковой брони на металлургических предприятиях, находившихся в тыловых районах страны, ранее выпускавших сортамент гражданского назначения. Усилиями советских инженеров удалось отстроить технологию производства танковой брони на гражданских

¹ *Запарий Василий Владимирович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Россия. E-mail: pantera.zap@gmail.com. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-09-00050А

² *Запарий В.В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2015; *Литвинов А.П.* И.В. Дятлов – один из основоположников научных основ сварки // Вестник приазовского государственного технического университета. 2008. № 18. С. 158-161; *Мельников Н.Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017; История создания противоснарядной танковой брони 8 С / *Н. Н. Мельников, Б. А. Гижевский, В. В. Запарий, Вас. В. Запарий* // Черные металлы. 2019. № (5). С. 70–77.

металлургических заводах в условиях применения малоквалифицированной рабочей силы и нехватки специального металлургического, термического, прессового и металлообрабатывающего оборудования.

В рамках сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны между СССР, США и в меньшей степени Великобританией происходил обмен военно-технической и разведывательной информацией. Военные специалисты и представители военной промышленности СССР посещали военные заводы союзников с целью усвоения нового производственного опыта, кроме того, и в СССР прибывали специалисты из США, отвечавшие за поставку вооружений, военной техники, промышленного оборудования и стратегических материалов.

Один из ярких эпизодов международного военно-экономического сотрудничества с союзниками произошел уже на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Группа советских инженеров от НКТП (Наркомат таковой промышленности) была направлена в США с целью ознакомления с технологией броневоего производства на заводе корпорации «Форд Мотор» в г. Детройт, Штат Мичиган. По результату посещения броневоего цеха 26 февраля 1945 г. советские специалисты составили краткий отчет, в котором дали подробное описание технологического процесса.³ Изложение ключевых характеристик работы броневоего цеха компании «Форд» дает возможность понять неизвестные в русскоязычной литературе особенности технологического процесса, принятого в США на протяжении Второй мировой войны.

В отчете отмечается, что здание цеха состояло из двух пролетов с фонарем верхнего света; размеры каждого пролета оценивались: 273 м в длину, 30 м в ширину и до 10 м в высоту. Здание капитальное, с кирпичными стенами, несущими металлическими колоннами и фермами. Цех обслуживался двумя мостовыми кранами. Вдоль одной из наружных стен на расстоянии около 60 м от торцов цеха располагались конторские помещения, лаборатории, бытовые, отделенные от цеха стеклянной перегородкой.

Исходя из текста отчета, данный цех занимался преимущественно термической обработкой бронелистов, однако упоминается о наличии в нем газорезного и сварочного оборудования, обрубных ножниц и т.д. Учитывая большие сложности, которые испытывала танковая промышленность СССР в области термической обработки брони на восточных заводах, такое пристальное внимание к вопросам правки и закалки брони не удивляет.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.8752. Оп.4. Д.660. Л.1-8.

Согласно описанию, в целях правки и закалки броневых листов на заводе «Форд» располагались: два гидравлических правильно-закалочных прессы 2500 т, одна 6-валковая правильная машина фирмы Mc. Kay; две дробеструйки; пять газовых методических печей Surfers Combustion (длиной до 70 м); пять газовых отпускных конвейерных печей Halkford (длиной до 100 м). В целях обеспечения внутренней логистики между этим оборудованием были устроены конвейеры и рольганги, а также погрузчик United с гидравлическим подъемным столом. Отмечено, что все гидравлические установки обслуживания прессов расположены в двух подвальных помещениях под цехом. В цехе имелись насосные установки для подачи воды к закалочным прессам (6 насосов по 1000 галлонов в мин). Кроме правильно-закалочных и отпускных агрегатов, в цехе имелось и другое, не связанное с этим агрегатом оборудование: ножницы, прессы, сварочные аппараты, горизонтально-фрезерные станки. Это оборудование выполняло работы по резке, штамповке и сварке несложных изделий из тонкой листовой брони.

Отчет сохранил для нас краткое описание технологического процесса термической обработки бронелистов, практикуемого на заводе «Форд Мотор» в Детройте. На начальном этапе бронелист поступал в цех и складывался в торце пролета рядом с загрузочным устройством. Загрузку производил гидравлический стол-погрузчик United. Листы по одному загружались на приводной рольганг и подавались на очистку дробеструйками. Очищенный лист транспортировался по рольгангам в газовую методическую конвейерную печь. В ней происходил нагрев листа для закалки. Затем следовала подача нагретого листа под гидравлический пресс мощностью 2500 т, производившаяся приводным рольгангом и толкателем. Правка и одновременная закалка листов водой осуществлялась под гидравлическим прессом в специальных штампах. Закаленный лист подавался из-под прессы на рольганг и обдувался сжатым воздухом для удаления с него остатков воды. Далее происходила подача листа рольгангом в отпускную конвейерную печь и отпуск в газовой печи.⁴

После отпуска броневые листы подавались на инспекцию поперечным цепным конвейером. Испытание производилось на рольганге прибором «Бринелль» с одной стороны листа, на расстоянии до 6 дюймов от переднего и заднего края листа. Допускалось колебание твердости по Бринеллю – до 0,2 мм. После проверки твердости листы отправлялись приводным рольгангом прямым на правильные валки

⁴ РГАЭ. Ф.8752. Оп.4. Д.660. Л. 1-2.

станка Mc Kay. После правки лист снова отправлялся на очистку в дробеструйном аппарате. Очищенный лист отправлялся на окончательную инспекцию, где проводился его осмотр на предмет наружных дефектов, после чего готовые листы брони укладывались штабелями с помощью электромагнитного погрузчика.

Большой интерес у советской делегации вызвал бронеправильно-закалочный пресс 2500 т. Отмечается продуманность конструкции транспортных механизмов внутри цеха, а механизированная подача листа под пресс обеспечивала его высокую производительность. Благодаря конструкции приводных рольгангов бронелист можно было центровать так, чтобы его ось совпала с осью прессы (во избежание каких-либо боковых усилий при его работе), что позволяло свободно подавать лист под цепной конвейер прессы.

После подачи бронелиста на конвейер прессы и на промежуточный стол весь рольганг опускался, это предотвращало перекашивание листа. Цепной конвейер прессы представлял собой две бесконечные цепи, расположенные по бокам прессы, между которыми располагалась поперечная балка-толкатель, который подавал лист на пресс и выталкивал лист из-под прессы на рольганг перед печью для отпуска. При рабочем положении прессы толкатель автоматически удалялся в свое первоначальное положение.

После того как лист подавался на пресс, оператор его включал и верхняя тавра зажимала плиту, одновременно с этим подавалась вода для закалки. Обратным движением всех рычагов пресс принимал рабочее положение, вода выключалась, а тот же толкатель перебрасывал лист на рольганг. Здесь бронелист обдувался воздухом для удаления с него остатков воды после закалки и поступал в печь для отпуска. Для облегчения подачи и скатывания бронелистов на нижнем штампе были установлены ролики. При нерабочем состоянии прессы лист поддерживался ими на несколько миллиметров над нижней половиной штампа. В рабочем состоянии пружины, которыми приподнимаются ролики, сжимались до уровня нижней поверхности штампа.

На заводе «Форд» применялись оригинальные закалочные штампы двух основных видов. Это штампы с непосредственным охлаждением водой бронелиста, где он зажимался между усеченными конусами, внутри которых располагались каналы для подачи воды. При этом они были сложны в изготовлении и очень дороги. В ходе закалки брони в 3 дюйма (около 76 мм) под прессом 2500 т было установлено, что давление прессы не является решающим фактором в процессе закалки. Для брони большой толщины, необходимым условием качественной закалки являлась скорость притока и большая масса воды. Для этого

были применены штампы упрощенной конструкции, но давшие хорошие результаты.⁵

Это также штампы, где охлаждение изделия производилось не непосредственно охлаждающей жидкостью, а путем интенсивной теплоотдачи закаливаемого изделия. Такие штампы осуществляли теплообмен благодаря непрерывной циркуляции холодной воды в специальных каналах в теле штампа. Эти штампы применялись для листов мелких размеров и толщин или для закалки изделий сложной конфигурации. Вода для закалки листа хранилась в баке под давлением 40-50 фунтов, при работе прессы давление падало до 10 фунтов (при этом давлением вода выбрызгивалась из сопел). Температура поступающей в штамп воды определялась приблизительно в 5°C, или 40F. Расход воды при непосредственном охлаждении листа водой составлял примерно 1000 галл, или 3785 л в мин.

Согласно заявлениям американской стороны, время выдержки листов под прессом составляло для листов толщиной: ¼ дюйма – 2 мин, ½ дюйма – 2 мин, ¾ дюйма – 2 мин, 1 дюйм – 2 мин, 1,5 дюйма – 3 мин, 2 дюйма – 3 мин, 2,5 дюйма – 3,5 мин, 3 дюйма – 4 мин. При этом личным наблюдением советских инженеров за закалкой листов толщиной ¼ дюйма было установлено время выдержки под прессом порядка 15 с и при давлении около 900-1000 т. Средняя температура и время закалки и отпуска брони: при 1650 F (899°C) выдержка 2,5 ч, для отпуска при 1100 F (593°C) – 3,8-4 ч.⁶

Относительно вопросов резки броневых листов отчет отмечает, что для толщины свыше 1 дюйма использовалась только огненная резка. Остальную броню менее 1 дюйма резали на специализированных прессах, в результате чего получались ровные кромки почти под 90°, без рванин. Срез же кромок под сварку (угол 45°) брони небольшой толщины (1 дюйм) производился на прессах Toledo № 206 мощностью около 161 т. Подробного описания газорезных приспособлений в отчете не содержится.

В числе наиболее интересных аспектов отчет о посещении броневых завода в Детройте 26 февраля 1945 г. отмечает особенности организации транспортировки изделий в рамках общего технологического процесса. Констатируется, что транспортировка бронелиста была решена с учетом полного поточного производства.

Лист, разгруженный с железнодорожной платформы, попадал на специальный загрузочный стол, с которого его стлкнувал по одному

⁵ РГАЭ. Ф.8752. Оп.4. Д.660. Л. 7.

⁶ РГАЭ. Ф.8752. Оп.4. Д.660. Л. 5.

на приводной рольганг специально поставленный рабочий. По ходу всего производственного процесса лист перемещался на рольганге либо на цепном передаточном конвейере. Только после окончательной инспекции лист снимался электропогрузчиком и укладывался в штабеля на полу. В продолжение всего технологического процесса лист находился в постоянном движении производственного потока. Управление системой рольгангов и цепных конвейеров производилось с центрального пункта, использовалась световая сигнализация для определения операций, которые управляющий пультом должен был произвести.

Перемещение заготовок по цеху в любом направлении осуществляла система столов-рольгангов с цепными поперечными конвейерами. Система позволяла подавать лист под цепной конвейер пресса, опускать весь роликовый стол, с тем чтобы толкатель конвейера пресса удобнее захватывал лист за обрез. В процессе опускания вниз стола-рольганга броневой лист попадал на цепной конвейер, который мог перемещать лист в перпендикулярном направлении до любой печи или пресса. В случае поднятия стола-рольганга лист с цепного конвейера снимался и путем принудительного движения роликов перемещался вдоль пролетов цеха в желаемом направлении. Цепи поперечных конвейеров располагались в выемках столов-рольгангов. Транспортировка продукции, не связанной с потоком закалки, производилась мостовыми кранами.

В заключение хотелось бы сказать, что советские инженеры констатировали высокую степень оснащенности броневого производства данного предприятия корпорации «Форд Мотор» специальным оборудованием, поточно-конвейерный характер его организации и высокий уровень механизации транспортных операций. Особо подчеркивается большое внимание американцев к механической обработке поверхности броневых листов дробеструйками, что повышало косметическое качество отделки готовых бронекорпусов боевых машин. Цех занимался термообработкой броневых листов разной толщины от $\frac{1}{4}$ дюйма до 3 дюймов, использовавшихся для сборки легкой и средней бронетехники.

Авторы отчета тем не менее прекрасно ориентируются в особенностях принятых в США метрических систем и, вероятно, были ранее знакомы с основными техническими особенностями американского металлургического оборудования. Можно предположить, что некоторые из этих работников ранее проходили стажировку на американских металлургических предприятиях или получали инженерное

образование в США. Это позволило им своим личным наблюдением установить ряд деталей, о которых американская сторона не дала официальной информации.

Библиография

1. *Запарий В.В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2015. 219 с.
2. *Литвинов А.П.* И.В. Дятлов – один из основоположников научных основ сварки // Вестник приазовского государственного технического университета. 2008. № 18. С. 158-161.
3. *Мельников Н.Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.
4. История создания противоснарядной танковой брони 8 С / *Н. Н. Мельников, Б. А. Гижевский, В. В. Запарий, Вас. В. Запарий* // Черные металлы. 2019. № (5). С. 70–77.

Н.Н. Зипунникова¹, А.В. Калинина²
Екатеринбург

**ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИХ ЮРИСТОВ (1935–
1946 гг.) НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
(75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ)**

Ставится задача осмысления особенностей подготовки советских юридических кадров накануне и в период Великой Отечественной войны (в чрезвычайных условиях). Особое внимание уделено Постановлению ЦИК и СНК СССР 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» и Постановлению ЦК ВКП(б) 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» как важнейшим вехам истории советского юридического образования. В рамках исследовательской стратегии работы с памятью о войне изучается опыт отдельного вуза, с 1934 г. работавшего на Урале – Свердловского юридического института. Проанализирован корпус вузовской делопроизводственной документации, свидетельствующей о перестройке работы СЮИ в чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: Уральский государственный юридический университет, Великая Отечественная война, юридическое образование, Урал, СССР, подготовка советских юридических кадров.

N.N. Zipunnikova, A.V. Kalinin
Yekaterinburg

**TRAINING SOVIET LAWYERS
(1935 - 1946) ON THE EXAMPLE OF SVERDLOVSKY
LEGAL INSTITUTE
(DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY)**

The task is to comprehend the peculiarities of the training of Soviet legal personnel on the eve and during the Great Patriotic War (in emergency conditions). Particular attention is paid to the decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR in 1935 "On measures to develop and improve legal education" and the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) 1946 "On the expansion and improvement of legal education in the country" as the most important milestones in the history of Soviet legal education. As part of the research strategy of working with the Memory of War, the experience of a separate university, which has been working in the Urals since 1934 - the Sverdlovsk Law Institute, is being studied. The corpus of university office-work documentation is analyzed, which testifies to the restructuring of the work of the SUI in emergency conditions.

Keywords: Ural State Law University, Great Patriotic War, legal education, Ural, USSR, training of Soviet legal personnel.

¹ *Зипунникова Наталья Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: zipunnikowa@yandex.ru

² *Калинина Анна Владиславовна* – документовед архива и музея истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, Россия. E-mail: museum@usla.ru

О постановке проблемы. Использование значимых узаконений в качестве критериев периодизации в ходе анализа отечественной образовательно-научной традиции (включая подготовку профессиональных юридических кадров) в юридической, историко-правовой науке можно аттестовать устоявшимся подходом. Ярким примером в этом отношении выступают общие уставы российских императорских университетов, получившие среди прочего характеристику «верстовых столбов» в истории юридического образования. В известной степени подобного рода метафорические и иные тропы относимы к советским актам нормативно-правового характера, в том числе партийным документам.

Выбор хронологического периода в данной работе связан с необходимостью осмысления функционирования отечественной системы подготовки юридических кадров накануне и в период чрезвычайных условий войны. Несмотря на имеющийся опыт научного познания этой проблемы, вряд ли можно утверждать, что она исследована в полной мере. А продвижение в изучении особенностей работы отдельного юридического вуза в такой период видится одним из элементов исследовательской стратегии работы с памятью о войне, в ходе которой принципиально важно препарировать комплекс разнообразных источников – от официальных нормативно-правовых до неофициальных субъективного наполнения. В настоящей статье поставлена задача проанализировать два официальных источника – постановления 1935 и 1946 гг., а также комплекс вузовской делопроизводственной документации, контент которой в период Великой Отечественной войны в полной мере отражает перестройку системы подготовки юридических кадров в чрезвычайных условиях.

От «до войны» до «после нее»: о роли двух советских узаконений в развитии советской системы подготовки юридических кадров. С Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования»³ в историографии справедливо увязывается начало очередной реорганизации советского юридического образования, когда на его развитие обращается внимание⁴. Целью в самом узаконении называется «дальнейшее развертывание и улучшение дела подготовки кадров для органов суда, прокуратуры, следствия, госарбитража и правовых

³ СЗ СССР. 1935. № 13. Ст. 99.

⁴ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. /отв. ред. В.А. Томсинов. М.: Издательский дом «Городец», 2011. С. 225; *Яцук Т.Ф.* Юридическое образование в высшей школе: учеб. пособие. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та. 2014. С. 71.

работников ведомств и хозорганов». Действительно, благодаря новому советскому закону осуществлялось определенное реформирование системы юридического образования и науки: для подготовки руководящих кадров названных государственных органов на базе уже существовавших курсов руководящих работников НКЮ РСФСР организовывалась Всесоюзная правовая академия при ЦИК СССР, строилась сеть правовых научных учреждений (научно-исследовательских институтов), определялись нормы приема в аспирантуру вузов и НИИ; ядром подготовки юристов выступала продвигавшаяся «сеть» правового образования, представленная несколькими звеньями.

Институты советского права, созданные в начале 1930-х гг., переименовывались в правовые институты (5 в РСФСР – Московский, Ленинградский, Казанский, Саратовский, Свердловский и Минский в БССР); на базе правовых отделений институтов советского строительства и права в Харькове и Ташкенте создавались соответствующие правовые институты. Ташкентский правовой институт передавался в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК Союза ССР, ему поручалось готовить юридические кадры в советской Средней Азии, причем с организацией преподавания на национальных языках. Все прочие правовые вузы подчинялись наркомюстам союзных республик. В высшем звене сети советского правового образования обозначались также правовые факультеты Бакинского социально-экономического института и государственных университетов Грузинской и Армянской ССР. Повышался срок обучения, устанавливались нормативы приема на основные и подготовительные отделения в институты и на факультеты на 1935 г., определялся специальный порядок утверждения учебных планов, программ и учебников для правовых вузов.

Помимо правовых вузов и факультетов, в стране в ведении наркоматов юстиции союзных республик следовало создать годичные школы подготовки и 6-месячные курсы переподготовки правовых работников районов (в Таджикской и Туркменской ССР эти сроки были увеличены вдвое); для подготовки и переподготовки секретарей нарсудов, райпрокуроров, судoisполнителей и работников нотариата устраивались 3-месячные курсы.

Устанавливалась нормативная численность обучавшихся в разных звеньях сети, а также в рамках заочной формы. Важно, что постановлением были закреплены нормативы денежного обеспечения учащихся всех звеньев системы правового образования, сохранена заработная плата для обучавшихся на курсах и назначена стипендия для командированных на курсы из других городов и районов, утверж-

дены размеры капиталовложений в строительство и ремонт учебных зданий и общежитий правовых институтов и факультетов.

Системный подход организаторов советского юридического образования свидетельствовал о намерении в сжатые сроки решить кадровую проблему обеспечения «правовиками-ленинцами» «нашего суда», иных соответствующих органов; идеологема «конвейерной ленты правового образования» «впечатывалась» в юридико-образовательную реальность⁵. Данное постановление 1935 г. охарактеризовано как «имевшее большое значение» для развития Свердловского юридического института⁶.

Второй документ, изданный уже после войны, – Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»⁷ – положил начало «знаменательному» послевоенному этапу⁸ в развитии советского юридического образования. Его краткая характеристика необходима для понимания тех проблем, что накопились в системе подготовки советских юридических кадров в предшествующие, в том числе военные, годы. Логика партийного документа вполне ясна: констатация после соответствующего обсуждения Центральным комитетом неудовлетворительности юридического образования с указанием существенных недостатков – определение «важнейшей задачи» Минюста и Минобра СССР («повышение уровня подготовки юридических кадров в стране, в первую очередь уровня подготовки работников суда и прокуратуры») – формулирование комплекса мер для исправления ситуации. В числе поименованных недостатков оказались отсутствие организации подготовки юристов для деятельности в сфере международных правовых отношений и для работы в советских административных органах, прием в средние юридические школы Минюста лиц без среднего образования и выпуск из них юристов, мало подготовленных для работы в судебных и прокурорских органах, отсутствие серьезной подготовки и переподготовки работников этих органов без юридического образования.

⁵ См.: *Зитунникова Н.Н.* Институты советского права в «конвейерной ленте» правового образования: в продолжение разговора о реформе подготовки юристов в начале 1930-х гг. // *Российский юридический журнал.* 2013. № 3. С. 182–195.

⁶ *Свердловский юридический институт. 1931–1981.* М.: Юрид. лит-ра, 1981. С. 7; *История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА /отв. ред. В.А. Бублик, В.Д. Перевалов.* Екатеринбург, 2011. С. 21.

⁷ *Советское государство и право.* 1946. № 11–12. С. 50–52.

⁸ *Яцук Т.Ф.* Советское юридическое образование (вторая половина 1940 – начало 1990-х гг.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. С. 131.

Самой серьезной критике была подвергнута работа Минюста как в деле обеспечения должного качества среднего юридического образования, так и в «расширении и улучшении» юридического образования высшей ступени. В последнем случае отмечался его низкий уровень и недостаток квалифицированных преподавателей по юриспруденции; профильные юридические институты и юрфаки университетов, как отмечалось в документе, «не стали еще основным каналом подготовки юристов высокой квалификации». И, что особенно важно, ЦК партии прямо называл одной из важнейших причин такого положения запущенность научной работы в области юриспруденции. В частности, недостатком работы Всесоюзного института юридических наук Минюста и Института права АН СССР было названо отсутствие подготовленных и изданных серьезных научных работ по юриспруденции (специально выделялись теория государства и права, советское государственное право, международное право, история советского государства). Отмечалось отсутствие актуальных учебников по целому ряду «важнейших юридических наук» и научной критики в области юриспруденции. Крайне медленной и недостаточной была названа подготовка научных кадров. Во многом характеризующей наш период была констатация сокращения подготовки аспирантов-юристов в сравнении с 1940-м г. в три раза.

В числе мер по устранению данных недостатков – «широкой программы по совершенствованию подготовки специалистов и научной работы»⁹ – постановление называло увеличение плановых цифр приема на существующие юрфаки и в юридические институты, открытие в ближайшие три года новых юрфаков в университетах СССР, разработку нового учебного плана, издание новых учебников по целому ряду дисциплин, увеличение приема в аспирантуру, активизацию научной работы, мероприятия по подготовке и переподготовке практических работников и др. Профильным журналам – «Советское государство» и «Социалистическая законность» – поручалось развернуть критику недостатков и ошибок в сфере юридического образования и научной юриспруденции. Воплощению «широкой программы» в жизнь способствовали подзаконные и иные акты. Так, 5 ноября 1946 г. был издан приказ министра высшего образования СССР № 614 «О мероприятиях по реализации Постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «...»»¹⁰; в декабре того же года бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло постановление «О состоянии идеологической

⁹ Свердловский юридический институт. 1931–1981. С. 14.

¹⁰ Советское государство и право. 1947. № 1. С. 73–75.

работы в Свердловском юридическом институте», ставившее задачу коренного улучшения идеологической, учебной, научно-исследовательской работы, продвижения актуальных тем¹¹.

Свердловский юридический институт накануне и в годы Великой Отечественной войны: краткая историческая справка. В 1934 г. Сибирский (Иркутский) институт советского права был переведен на Урал и разместился в Доме органов советской юстиции на ул. Малышева, 2Б г. Свердловска¹². В связи с изданием вышепоказанного постановления 1935 г. вуз был переименован в Свердловский правовой, а после принятия Наркомюстом РСФСР 3 июля 1936 г. ведомственного акта (постановления)¹³ – в Свердловский юридический институт. Параллельное использование в документах вуза в течение осени-зимы 1936/37 гг. названий «правовой» и «юридический» институт послужило причиной указания в вузовской историографии о соответствующем переименовании института в 1937 г.¹⁴

На Урал из Восточной Сибири приехало полтора десятка преподавателей; первостепенной задачей было укрепление научно-педагогического состава, ее решали, в том числе приглашая маститых ученых (например историков права С.В. Юшкова, С.Ф. Кечекьяна), а также рекрутируя из собственных выпускников. В условиях дефицита учебной литературы в вузе были подготовлены конспекты лекций преподавателей, организовывались кабинеты и лаборатории, функционировали студенческие научные кружки, велась активная воспитательно-идеологическая, культурная и спортивная работа. Большой урон столь сложно укреплявшемуся, небольшому вузу нанесла репрессивная политика советского государства (в 1938 г. были арестованы, а вскоре расстреляны директор Ю.М. Позан, профессор И.А. Антропов, доцент П.А. Гордеев, председатель студенческого профкома В.П. Мартиросян). Обвинение было типичным для тех лет – создание в СЮИ контрреволюционной террористической организации. В 1950-е гг. они были реабилитированы¹⁵. Несмотря на все эти слож-

¹¹ Свердловский юридический институт. 1931–1981. С. 14.

¹² См. подробнее: *Зипуникова Н.Н.* Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 151–176.

¹³ Советская юстиция. 1936. № 23. С. 22–23.

¹⁴ Свердловский юридический институт. 1931–1981. С. 7; История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА. С. 21. В книге к 100-летию УрГЮУ такого различия уже нет. См.: Университет 100 лет. Уральский государственный юридический университет. 1918–2018. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2018. Т. 1. С. 21.

¹⁵ Университет 100 лет. Уральский государственный юридический университет. 1918–2018. Т. 1. С. 21.

ности, к 1941 г. в вузе работало 4 кафедры, 2 предметные комиссии, 29 преподавателей (включая 3 профессоров, 15 доцентов), обучалось более 300 студентов.

В годы Великой Отечественной войны СЮИ – учебно-научный центр подготовки советских юридических кадров для Урало-Сибирского региона – не прекращал своей работы, организовав ее по законам военного времени. Ушли на фронт студенты (более 100), преподаватели (более 20); не все вернулись. В институте учились и работали эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска студенты и преподаватели. Велась учебная и научная работа, проводились конференции, готовились книги, писались и защищались диссертации (так, в 1943 г. в Москве была защищена докторская диссертация заместителем директора института по научной и учебной работе, выдающимся цивилистом Б.Б. Черепихиным, а в 1945 г. его утвердили в искомой ученой степени)¹⁶. О позитивной роли эвакуации юридических вузов страны на восток и в Среднюю Азию для этих регионов неоднократно писали исследователи¹⁷.

Кроме того, в СЮИ развернулась военная подготовка, велась активная помощь тылу и фронту, работали краткосрочные курсы для судебно-прокурорских работников, осуществлялось шефство над госпиталями.

Делопроизводственная документация СЮИ как навигатор в познании работы вуза в чрезвычайных условиях. Среди источников нового и новейшего времени значительное место уделяется делопроизводственным документам. Важным и имеющим ряд особенностей представляется изучение подобных документов, созданных в чрезвычайных условиях. Примером могут служить делопроизводственные материалы, созданные в период Великой Отечественной войны. Обстоятельства, диктующие необходимость быстрых и решительных действий, существенно влияют на способ изложения, структуру документов¹⁸. Делопроизводственные документы являются непосредственными результатами самих событий. В процессе деятельности учреждений создаются разнообразные виды деловой документации. Исследователь должен владеть такой теоретико-познавательной и

¹⁶ *Зитунникова Н.Н.* Б.Б.Ч. как связь времен (к 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепихина) // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 238.

¹⁷ См., например: *Смыкалин А.С.* Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). 2015. С. 126.

¹⁸ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / *И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О. М. Медушевская, М.Ф. Румянцева.* М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С.132–133.

практической системой знаний, которая открывает ему путь непосредственного обращения к первоисточникам изучения своей проблемы – делопроизводственной документации¹⁹.

Познание работы СЮИ накануне и в годы Великой Отечественной войны невозможно без исследования корпуса делопроизводственной документации. Большой информативностью обладают приказы директора по Свердловскому юридическому институту. Их совокупность позволяет проанализировать различные вопросы: учебный процесс, научная деятельность, организационные и социально-бытовые вопросы и др. Значительный объем приказов отложился в архиве Уральского государственного юридического университета. На хранении в архиве УрГЮУ находится документация периода Великой Отечественной войны в виде приказов директора института, книг учета выдачи дипломов студентам, окончившим институт, списков студентов, преподавателей и сотрудников и т. п. Проанализировав приказы, мы можем реконструировать процесс перестройки деятельности вуза в годы Великой Отечественной войны.

В целом можно отметить, что комплекс приказов по институту сохранился в удовлетворительном состоянии. Книги приказов директора института последовательно отражают жизнь вуза с начала 1930-х гг. Приказы велись общие по всем вопросам деятельности института – по организационным, хозяйственным, учебным и по личному составу студентов, преподавателей и сотрудников вуза. В 1930-х – 1940-х гг. приказы формировались в виде книг и большей частью были рукописными. Оригинал приказа подписывался директором института или лицом, исполнявшим его обязанности.

В приказах отражена деятельность СЮИ во время войны. Менялся учебный план, зачеты и экзамены сдавались раньше, шел набор обучающихся, многие преподаватели и студенты уходили на фронт, а оставшиеся вместе с учебой выполняли различные работы на производстве и в сельском хозяйстве.

Преподаватели разрабатывали темы, связанные с проблемами, которые подняла начавшаяся война. В начале сентября преподавателей обязывают подготовить для судебно-прокурорских работников цикл докладов, связанных с военной тематикой. Профессор П.Ф. Малкин подготовил сообщение на тему «Законодательство и практика по вопросам стерилизации и кастрации в фашистской Германии», ст. преподаватель А.В. Биленко – «Война и международное право», преподаватель Б.Ф. Ливчак – «Первая Отечественная война 1812 года»,

¹⁹Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 27, 146–147, 160.

доцент И.И. Сургуладзе – «Борьба русского народа против немецких захватчиков в XIII веке (Ледовое побоище)», ст. преподаватель С.А. Ивлиев – «Фронт и тыл в условиях современной войны», профессор Б.Б. Черепяхин – «О безвестном отсутствии», доцент А.М. Быстрова – «Судебная практика по делам о растратах и хищениях», доцент М.В. Зимилева – «Общая собственность на дома», ст. преподаватель М.М. Любавский – «Методика расследования дел о растратах и хищениях в сберегательных кассах», доцент М.Л. Шифман – «Вопросы уголовного процесса в судебной практике», профессор П.В. Устинов – «Судебно-медицинская экспертиза в уголовных делах», профессор Р.П. Орлов – «Основные вопросы трудового права в условиях военного времени», профессор И.И. Евтихийев – «Общий надзор прокуратуры за работой местных административных органов Свердловской области в условиях военного времени», доцент Л.С. Галесник – «Административно-правовые вопросы в работе Советов депутатов трудящихся в условиях военного времени», доцент П.Г. Денисов – «Принципы применения уголовного закона в условиях военного времени», ст. преподаватель С.М. Узбеков – «Основные проблемы подготовки и использования новых кадров в условиях военного времени», доцент А.С. Фарфель – «Народный суд как орудие воспитания социалистической дисциплины в условиях Отечественной войны». Первому представлять свой доклад в зале судебного заседания (ул. Малышева 2Б, 5-й этаж) предстояло профессору М.А. Дыннику с темой «Разоблачение лженаучной фашистской философии»²⁰.

Усиливалась военная подготовка в институте. Создавались учебные команды (группы стрелков, медицинских сестер, истребителей). Студенты участвовали в торфозаготовках и уборочной кампании²¹. В СЮИ существовали группы самозащиты на казарменном положении²².

Все это и не только мы видим в приказах.

Вместо послесловия. Юридическое образование накануне и в годы Великой Отечественной войны выступает самостоятельным исследовательским сюжетом, разработка которого, несмотря на значительные усилия советских и современных исследователей, вряд ли исчерпана.

²⁰ Архив Уральского государственного юридического университета (Далее – АУрГЮУ). Ф. 2143 – р. Приказы Свердловского юридического института (далее – СЮИ) общие и по личному составу март – декабрь 1941 года. Л. 100-101.

²¹ АУрГЮУ. Ф. 2143 – р. Приказы СЮИ общие и по личному составу март – декабрь 1941 г. Л. 128, 143.

²² АУрГЮУ. Ф. 2143 – р. Приказы СЮИ общие и по личному составу октябрь 1942 г. – август 1943 г.

Системный анализ разнообразных источников (нормативно-правовой «системы координат» этого периода, а также делопроизводственной документации отдельных вузов, например Свердловского юридического института) видится важнейшим фактором продвижения познания истории подготовки юридических кадров в чрезвычайных условиях.

Библиография

1. *Зипунникова Н.Н.* Б.Б.Ч. как связь времен (к 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепашина) // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 232-240.
2. *Зипунникова Н.Н.* Институты советского права в «конвейерной ленте» правового образования: в продолжение разговора о реформе подготовки юристов в начале 1930-х гг. // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 182–195.
3. *Зипунникова Н.Н.* Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 151–176.
4. *Смыкалин А.С.* Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). Курск, 2015.
5. *Яцук Т.Ф.* Советское юридическое образование (вторая половина 1940 – начало 1990-х гг.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008.
6. *Яцук Т.Ф.* Юридическое образование в высшей школе: учеб. пособие. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2014.

И. В. Зыкин¹
Лесной

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны лесопромышленный комплекс Урала играл важную роль в экономике региона и Советского Союза. На основе статистических данных, введенных в оборот исследователем А.А. Антуфьевым, предпринят анализ динамики стоимости производственных основных фондов и валовой продукции, в том числе из расчета на одного рабочего, в лесной промышленности Урала. Сделаны выводы об увеличении стоимости фондов, уменьшении стоимости валовой продукции, отставании фактической производительности труда рабочих от показателей промышленности Урала и Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский Союз, Урал, лесопромышленный комплекс, экономика региона.

I. V. Zykin
Lesnoy

DYNAMICS OF ECONOMIC INDICATORS IN THE FOREST INDUSTRIAL COMPLEX OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

During the Great Patriotic War, the timber industry complex of the Urals played an important role in the economy of the region and the Soviet Union. Based on the statistical data introduced by the researcher A.A. Antufiev, analyzed the dynamics of the value of industrial fixed assets and gross output, including per worker, in the timber industry of the Urals. Conclusions are made about the increase in the value of assets, the decrease in the value of gross output, the lag of the actual labor productivity of workers from the indicators of the industry of the Urals and the Soviet Union.

Keywords: the Great Patriotic War, the Soviet Union, the Urals, the timber industry, the region's economy.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелым испытанием для лесной промышленности Советского Союза, модернизация которой за годы первых пятилеток не была полностью завершена. Урал в период «социалистической индустриализации» стал одним из ведущих региональных лесопромышленных комплексов страны. Основными факторами, которые оказали влияние на его функционирование в годы войны, явились: значительные лесные массивы; наличие крупных комбинатов в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины (в том числе введенных в строй накануне и в первые годы войны); эвакуация предприятий, оборудования,

¹ *Зыкин Иван Валерьевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Технологический институт (филиал) Национально-го исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Лесной, Россия. Email: zivverh@mail.ru

трудовых ресурсов из западных районов СССР; сокращение объемов производства гражданской продукции и переключение части мощностей для выпуска продукции оборонного назначения.

В годы войны в лесопромышленном комплексе произошло сокращение трудовых ресурсов, ухудшились производственные показатели². Большой вклад в первичный анализ статистических данных о развитии уральской промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны внес А. А. Антупьев³. Исследователь рассматривал регион как экономический район, включавший территории Курганской, Оренбургской, Молотовской, Свердловской, Челябинской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик. В монографии А. А. Антупьева содержится большой объем данных о лесной промышленности. Это актуализирует более детальный анализ динамики экономических показателей в отрасли (стоимость производственных основных фондов и валовой продукции, в том числе из расчета на одного рабочего) в контексте ее трансформаций в 1941–1945 гг.

За годы войны в стоимости производственных основных фондов (указана в текущих ценах), валовой продукции (в ценах 1926/1927 г.) лесной промышленности регионов Уральского экономического района произошли следующие изменения. При увеличении стоимости фондов (по «крупной» промышленности, без лесохимии) за 1941–1945 гг. с 929 млн до 1345,4 млн руб. (в 1,45 раза благодаря строительству предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины, эвакуации оборудования) валовая продукция сократилась с 883,6 млн до 841,1 млн руб. (на 4,8 %). Падение показателя пришлось на 1944–1945 гг. (в 1943 г. отмечался рост до

²Подробнее об этом: *Вараксин Ф.Д.* Все для фронта! (лесная промышленность в годы Великой Отечественной войны) // *Лесная промышленность*. 1975. № 4; 5; *Зыкин И.В.* Лесопромышленный комплекс Советского Союза в Великой Отечественной войне: секреты выживания // *Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Екатеринбург, 2020; *Он же.* Лесопромышленный комплекс Советского Союза и Урала в годы Великой Отечественной войны: динамика производственных показателей // *Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сб. науч. трудов*. Екатеринбург, 2020. Ч. 1; *История развития лесной промышленности Среднего Урала*. Екатеринбург, 1997; *История целлюлозно-бумажной промышленности России*. Архангельск, 2009; *Лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия*. М., 1985; *Ткаченко М. Е.* Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны. Свердловск, 1943; *Шегельман И.Р.* Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск, 2008.

³ *Антупьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

916 млн руб.) по причинам постепенного сокращения оборонных заказов, эвакуации части оборудования и работников. В то же время размещение на Урале крупных мощностей металлургии, машиностроения, оборонной промышленности обусловило понижение удельного веса лесопромышленного комплекса в стоимости валовой продукции экономического района: в 1942 г. – с 7,4 до 3,2 %, в 1944 г. – с 2,9 до 2,6 %. В 1945 г. доля комплекса повысилась до 3 %, всю войну занимая только шестое место после машиностроения и металлообработки, черной металлургии, пищевкусовой отрасли, цветной металлургии, химии.

Уменьшение количества рабочих с 242,5 тыс. до 197,8 тыс. (на 18,4 %) способствовало росту стоимости фондов и продукции из расчета на одного рабочего: соответственно с 3829 до 6802 руб., или в 1,78 раза, и с 3642 до 4253 руб., или на 16,8 %. Невысокие темпы производительности труда связаны также с сохранением убыточности лесопромышленного комплекса вследствие низких цен на лесные ресурсы.

За 1941–1945 гг. в Молотовской области, где был достроен Камский целлюлозно-бумажный комбинат и сдан Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат, принято оборудование эвакуированных предприятий, стоимость производственных основных фондов лесной промышленности возросла с 472,3 млн до 707,8 млн руб. Удельный вес региона на Урале в этом показателе повысился с 50,8 до 52,6 %. Однако стоимость валовой продукции уменьшилась с 284,4 млн до 236,2 млн руб. во многом из-за сокращения объемов лесопромышленной деятельности, простоев оборудования. Доля области понизилась с 32,2 до 28 %. Численность рабочих сократилась с 69,6 тыс. до 51,5 тыс. На этом фоне стоимость фондов, приходившаяся на одного рабочего, возросла с 6786 до 13735 руб. (самый высокий показатель среди регионов Урала), а стоимость валовой продукции – только с 4086 до 4583 руб. (на 12,2 %).

В Свердловской области за годы войны стоимость фондов возросла с 284,2 млн до 415,8 млн руб. (удельный вес в лесной промышленности Урала сохранился на уровне около 31 %). Валовая продукция почти не изменилась – 357,5 млн руб. за 1940 г. и 356,1 млн за 1945 г., но ее доля повысилась с 40,4 до 42,3 % (первое место по экономическому району). При сокращении числа рабочих с 86,6 тыс. до 69,6 тыс. фондовооруженность на одного человека увеличилась с 3282 до 5977 руб., стоимость валовой продукции – с 4128 до 5119 руб. (на 24 %), демонстрируя в целом неплохую динамику и устойчивость лесопромышленного комплекса области в трудный период.

В Челябинской области за 1941–1945 гг. стоимость фондов возросла с 35,7 млн до 65,4 млн руб., валовой продукции – с 58,6 до 78,6 млн руб. Во многом это было связано с большими потребностями металлургической и угольной промышленности в крепежном лесе. Сохранение трудовых ресурсов на уровне 20 тыс. чел. также способствовало увеличению показателей из расчета на одного рабочего: стоимости фондов – с 1812 до 3224 руб., валовой продукции – с 2975 до 3875 руб. (на 30,3 %). Хотя эти цифры были ниже средних по лесной промышленности Уральского экономического района.

В Башкирской автономной республике стоимость фондов в лесной промышленности за 1941–1945 гг. возросла с 55,8 млн до 66,1 млн руб., валовой продукции – с 72,6 млн до 80,8 млн руб. Сокращение числа рабочих с 29,6 тыс. до 20 тыс. обусловило существенное увеличение показателей на одного человека: фондовооруженности – с 1885 до 3308 руб., выработки – с 2453 до 4044 руб. (на 64,9 %). В Удмуртии на фоне роста стоимости производственных основных фондов (с 44,9 млн до 55,8 млн руб.) и стабильной численности трудовых ресурсов произошло сокращение валовой продукции (с 52,6 млн до 39,5 млн руб.). В результате стоимость фондов на одного рабочего повысилась с 2013 до 2457 руб., валовой продукции снизилась с 2359 до 1739 руб. (на 26,3 %). В структуре лесопромышленного комплекса Уральского экономического района роль Курганской и Оренбургской областей была малой (здесь осуществлялись в основном заготовка и механическая обработка древесины в незначительных объемах). За годы войны в этих регионах технико-экономические показатели лесопромышленной деятельности снизились либо ненамного увеличились.

Как видно, ведущая роль в лесной промышленности Урала принадлежала Свердловской и Молотовской областям, где были сосредоточены наибольшие объемы лесопромышленной деятельности и куда в основном эвакуировались предприятия и оборудование. Однако из-за сокращения числа рабочих, объемов выпуска продукции выработка повысилась ненамного. Далее шла группа регионов (Челябинская область, Башкирия и Удмуртия), где в годы первых пятилеток лесная промышленность получила развитие (заготовка древесины, наличие нескольких крупных производств) в пределах имевшейся ресурсной базы и потребностей горнодобывающей и металлургической промышленности. В 1941–1945 гг. технико-экономические показатели лесопромышленной деятельности в этих территориях увеличились, но были ниже средних по Уральскому экономическому району⁴.

⁴ Антупфьев А. А. Указ. соч. С. 72, 87, 92, 211, 212, 222, 224.

А. А. Антуфьев привел также данные о численности трудовых ресурсов, стоимости производственных фондов и валовой продукции в лесной промышленности за 1943 г. В Уральском экономическом районе стоимость производственных основных фондов лесопромышленного комплекса равнялась 923,2 млн руб. (по «крупной» промышленности, без лесохимии и деревообработки), что составляло 23,7 % от показателя по Советскому Союзу. В регионе было сосредоточено 20 % фондов сферы заготовки древесины страны, 13,8 % – лесопиления, 34,5 % – производства фанеры, 36,6 % – целлюлозно-бумажной отрасли, 8,6 % – производства спичек, 7,2 % – мебельных предприятий. Благодаря развитию в годы третьей пятилетки целлюлозно-бумажной (завершение строительства Камского и частичный ввод Соликамского целлюлозно-бумажных комбинатов) и фанерной (пуск Тавдинского фанерного комбината) отраслей, а также эвакуации предприятий отраслевой структура фондов существенно отличалась от общесоюзной. 48,6 % стоимости фондов приходилось на целлюлозно-бумажную отрасль, 34,3 % – на сферу заготовки древесины, 4,4 % – на производство фанеры. Слабо были развиты лесопиление (11 %), мебельные (1,1 %) и спичечные (0,5 %) предприятия. Этим компонентам лесной промышленности, выпускавшим в основном гражданскую продукцию, в годы «социалистической индустриализации» уделялось недостаточно внимания. В годы войны это обернулось дефицитом столь нужных населению спичек и изделий из дерева.

Лесопромышленный комплекс Уральского экономического района дал в 1943 г. 746,4 млн руб. продукции – 26,8 % от показателя по СССР. 40,8 % приходилось на сферу заготовки лесных ресурсов, 27,9 % – на лесопиление, 21 % – на целлюлозно-бумажную отрасль, 7,3 % – на фанерную. На эти компоненты лесопромышленного комплекса приходилось от 25 (в лесопилении) до 48 % (в целлюлозно-бумажном производстве) стоимости валовой продукции страны. Слабо были развиты спичечная и мебельная отрасли. На Урале они давали соответственно 15 и 6,9 % общесоюзной стоимости продукции в данных компонентах.

В Уральском экономическом районе благодаря развитию целлюлозно-бумажной и фанерной отраслей, эвакуации предприятий стоимость основных фондов из расчета на одного рабочего была выше, чем по стране, и составляла 4867 руб. Наиболее высокие показатели фиксировались как раз в целлюлозно-бумажной (49878 руб.) и фанерной (13032 руб.) отраслях. Однако в сфере заготовки древесины, лесопиления, производстве спичек и мебели стоимость фондов на одного рабочего была существенно ниже, чем в Советском Союзе.

Показатели стоимости продукции, приходившейся на одного рабочего, в основных отраслях были выше по сравнению с таковыми в РСФСР: в сфере заготовки древесины – 1990 руб., в лесопилении – 10206, в фанерном производстве – 17516, в целлюлозно-бумажном – 17400 руб. В спичечной и мебельной отраслях цифры были ниже, чем по РСФСР и Советскому Союзу. В целом по лесопромышленному комплексу Урала на одного рабочего приходилось 3934 руб. валовой продукции⁵.

В годы войны на Урале сферы заготовки и механической обработки древесины занимали по выработке на одного рабочего последнее место среди 10 отраслей. За 1941 г. этот показатель возрос с 3509 до 3795 руб., в 1943 г. – до 4084 руб., в 1945 г. – до 4227 руб. (по сравнению с 1944 г. снизился на 28 руб.). Увеличение выработки составило 20,5 %. В промышленности региона за 1941–1944 гг. стоимость валовой продукции на одного рабочего возросла с 10002 до 25026 руб., но в 1945 г. снизилась до 21267 руб. Рост показателя за период войны равнялся 2,13 раза. Такая динамика является отражением процессов эвакуации большого количества предприятий на Урал и последующей их реэвакуации, научно-технического прогресса в машиностроении, металлургии, производстве вооружений. В промышленности Советского Союза выработка на одного рабочего увеличилась за 1941–1944 гг. с 16707 до 23724 руб., в 1945 г. уменьшилась до 19046 руб. (рост составил за пять лет 14 %) ⁶. То есть фактическая стоимость продукции на одного рабочего в сферах заготовки и механической обработки лесных ресурсов Урала была в несколько раз ниже, чем в промышленности региона и страны. Это свидетельствовало о серьезных проблемах экономического развития лесопромышленного комплекса, которые не были решены еще с 1930-х гг.

В осмыслении достигнутых в годы войны результатов в деле повышения производительности труда в отрасли могут помочь данные первых пятилеток. В 1932–1934 гг. в лесопромышленном комплексе Советского Союза (по «крупной» промышленности, по всем сферам) стоимость производственных основных фондов на одного рабочего увеличилась с 1040 до 1429 руб., выработка – с 2690 до 2893 руб.⁷ В 1938 г. стоимость валовой продукции (по «крупной» промышленности, без лесохимии) отрасли в Уральском экономическом районе

⁵ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 211.

⁶ Там же. С. 287, 288.

⁷ Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1934. С. 124; Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1935. С. 222, 231; Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1936. С. 5, 6, 12.

составила 668,9 млн руб., в расчете на одного рабочего – 3427 руб. (в «крупной» промышленности Урала – 7538 руб.)⁸.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в лесопромышленном комплексе Уральского региона произошло существенное увеличение стоимости производственных основных фондов, в том числе из расчета на одного рабочего. Однако стоимость валовой продукции снизилась, а фактическая производительность труда росла медленно, значительно отставая от показателей промышленности Урала и Советского Союза, особенно в сфере заготовки древесины. Наиболее хорошие показатели выработки из расчета на одного рабочего демонстрировали лесопильная, фанерная и целлюлозно-бумажная отрасли, техническая оснащенность которых была лучше, а продукция, в том числе оборонного назначения, – более дорогостоящей.

Библиография

1. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 337 с.
2. *Вараксин Ф.Д., Шацкий И. А., Петровская М. Н.* Все для фронта! (лесная промышленность в годы Великой Отечественной войны) // Лесная промышленность. 1975. № 4. С. 4–5; № 5. С. 2–3.
3. *Зыкин И.В.* Лесопромышленный комплекс Советского Союза в Великой Отечественной войне: секреты выживания // Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил, 29 мая 2020 г. / Российский государственный профессионально-педагогический университет, Уральский государственный педагогический университет; отв. ред. О. В. Рыжкова. [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2020. С. 335–340. 1 CD-ROM.
4. *Зыкин И. В.* Лесопромышленный комплекс Советского Союза и Урала в годы Великой Отечественной войны: динамика производственных показателей // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сб. науч. трудов / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2020. Ч. 1. С. 257–263.
5. *Ткаченко М.Е.* Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны. Свердловск: Издание Уральского лесотехнического института, 1943. 26 с.
6. *Шегельман И.Р.* Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

⁸ *Антуфьев А. А.* Указ. соч. С. 87, 92, 211, 212

Ш.В. Исуфов¹
Куляб

МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе материалов, впервые поступивших в научный оборот, автор описывает деятельность машинно-тракторных баз Кулябской области в годы Великой Отечественной войны, вопросы состояния их материально-технической базы и производственной деятельности. Несмотря на тяжелые военные условия, машинно-тракторные станции Кулябской области успешно справились с поставленными перед ними задачами. Автор предоставляет необходимую информацию по затронутому в статье вопросу и знакомит читателя со сложными условиями эксплуатации МТС Кулябской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Таджикская ССР, Куляб, МТС, трактор, сельское хозяйство, валовый сбор, колхозы, совхозы, колхозники.

Sh.V. Isufov
Kulyab

MACHINE AND TRACTOR STATIONS KULYAB REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the basis of materials that first came into scientific circulation, the author describes the activities of the machine and tractor bases of the Kulyab region during the Great Patriotic War, the state of the material and technical base and production activities of the machine and tractor stations of the Kulyab region in 1941-1945. Despite the difficult military conditions, the machine and tractor stations of the Kulyab region successfully coped with the tasks assigned to them. The author provides the necessary information on the issue raised in the article and acquaints the reader with the difficult operating conditions of the MTS of the Kulob region during the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, the USSR, the Tajik SSR, Kulyab, MTS, tractor, agriculture, gross harvest, collective farms, state farms, collective farmers.

Изучение и исследование сельского хозяйства Таджикистана в годы Великой Отечественной войны во все времена являются самыми актуальными. Во второй половине 1929 г. в Таджикской ССР началась массовая коллективизация сельского хозяйства. В Советском Союзе, начиная с 1929 г., начался процесс создания МТС, которые должны были стать опорой сельскохозяйственных коллективов. Весной 1930 г. в Таджикистане было создано всего четыре МТС на территории хлопководческих районов: Чиптура (р.Шахринав), Арал (р.Восеъ), Саройкамар (р.Пяндж) и Шахритус, которые имели в своём распоряжении более 300 тракторов и других видов сельскохозяйственной техники².

¹ *Исуфов Шердил Ватанович* – докторант (PhD) кафедры истории таджикского народа. Кулябский государственный университет имени Абуабдуллох Рудаки, Куляб. Республика Таджикистан. E-mail: sherdil.isufov@mail.ru

² История таджикского народа / Н. Хотамов, Д. Давлатходжа, С. Муллоджонов, М. Исоматов. Душанбе, 2011.

В результате проведения исследования выяснилось, что первый колхоз в Кулябской области был образован в селе Автолуку Кулябского района в 1929 г., а первый савхоз был создан в Дангаринском районе. На основании этого в 1929 г. впервые из центра республики в Кулябскую область было отправлено более 30 тракторов, которые начали свою работу в сельскохозяйственном совхозе «Дангара»³. До середины 1930 г. в Кулябской области существовало всего 50 тракторов марки «Интернационал» и «Катер-пилер», 1343 плуга, 1142 сенокосилки и 417 культиваторов⁴.

На первые МТС в Кулябской области в 1932 г. были поставлены из центра республики в Фархорский район 18 тракторов марок ХТЗ, СТЗ и несколько зернообрабатывающих агрегатов, в район Кизилмазор (ныне Темурмалик) – 25 тракторов разных марок⁵. До 1 марта 1940 г. коллективизация сферы сельского хозяйства в Кулябской области достигла 98%, в области было образовано всего 756 колхозов. Колхозам области оказали свою практическую помощь созданные 7 МТС, в которых насчитывалось 412 тракторов, 28 комбайнов и 25 мотоциклов.

До Великой Отечественной войны в Кулябской области большое и пристальное внимание уделяли процессу образования и развития материально-технической базы в сфере сельского хозяйства. Однако в связи с вероломным нападением фашистской Германии 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза был остановлен мирный и спокойный труд братских народов Советского Союза, началась Великая Отечественная война против фашистских захватчиков⁶. Поскольку Таджикистан находился далеко от линии фронта, возникла необходимость в расширении сельского хозяйства, увеличении урожайности зерноводства, приобретении новой техники. Великая Отечественная война стала трудным испытанием для работников сферы сельского хозяйства, в том числе для работников машинно-тракторных станций, которые стали плацдармом хозяйства в республике.

Трудности времен войны отрицательно воздействовали на деятельность машинно-тракторных станций. Такие явления привели к тому, что несоблюдение сроков пахоты земли и низкое качество работы отрицательно повлияли на урожайность сельскохозяйственных культур. Наряду с этим были и другие трудности в деятельности МТС. Это нехватка специалистов, недостаточная поставка горюче-смазочных материалов и запчастей. За годы Великой Отечественной войны

³ Шарифов Д. Сборник историко-литературных трактатов. Душанбе, 2013.

⁴ Ленинский путь. 27 мая 1987.

⁵ Кулябская энциклопедия. Душанбе, 2006.

⁶ История таджикского народа. Т. VI. (Новейшая история). Душанбе, 2011.

намного сократилось поступление запчастей для тракторов и сельскохозяйственных машин области.

Если в 1940 г. в республику поступление запчастей было реализовано на сумму 2883 тыс. руб., то в течение 9 месяцев 1943 г. их поставка уменьшилась до 648 тыс. руб., тогда как годовая потребность для закупки запчастей тракторов и сельскохозяйственных машин составляла 4 млн руб., а годовой план был выполнен всего на 20-25%. Основная деятельность руководства машинно-тракторных станций была направлена на устранение недостатков в работе производственных кадров. В большей степени проявилась необходимость пополнить кадры за счёт женщин и девушек. Были открыты «Курс трактористов», «Бухгалтерский курс», на которых обучались более 2260 женщин и девушек. Вместо бывших водителей мужчин, которые ушли на фронт, женщины получили техническое образование и верно служили народу и Родине⁷.

Другая проблема работы МТС в Кулябской области – это обеспечение сельхозхозяйственной техники горюче-смазочными материалами. Потому что в те времена его поступление в республику, в том числе в Кулябскую область, было явно недостаточным. Поэтому каждый килограмм горюче-смазочных материалов расходовался очень экономно. 31 декабря 1943 г. Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Таджикистана приняли постановление «О проведении мероприятий для МТС»⁸. В решении было уделено огромное внимание качественному ремонту техники, подготовке механизаторских кадров, экономии всех видов горюче-смазочных материалов, производству и ремонту старых запчастей с помощью промышленных предприятий.

Несмотря на различные трудности и недостатки в работе машинно-тракторных станций, они оказали свою большую помощь колхозам для проведения сельскохозяйственных работ в течение всех лет войны⁹. 9 октября 1943 г. машинно-тракторные станции республики впервые выполнили план сбора урожая зерновых культур с помощью комбайнов. В этом году годовой план был определён на площади 25 тыс. гектаров, но работники МТС занимались сбором урожая на площади 26 тыс. гектаров и выполнили план работы больше намеченного¹⁰.

⁷ *Амир Сайиди Мунки*. Яхсу, научно-популярные очерки. Душанбе, 2014.

⁸ Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965 гг.). Душанбе, 1968. С. 177.

⁹ *Алимов Д.* Боевые и трудовые подвиги хатлонцев в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945). Душанбе, 2014. С. 90.

¹⁰ Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965 годы). Душанбе, 1968. С. 179.

1944 г. был очень сложным годом для МТС республики. По-прежнему не хватало трактористов и механиков. Те кадры, которые только что получили образование тракториста и навыки работы, призывались в ряды армии. Сократилась и численность МТС. Это всё привело к тому, что план тракторных работ в 1944 г. остался невыполненным, в результате снизилась степень механизации сельского хозяйства. В целом машинно-тракторные станции Кулябской области независимо от тяжелых военных условий успешно выполнили все поставленные перед ними задачи.

Библиография

1. *Алимов Д.* Боевые и трудовые подвиги хатлонцев в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Душанбе, 2014. 200 с.
2. *Амир Сайиди Мунки.* Яхсу, научно-популярные очерки. Душанбе, 2014. 400 с.
3. История таджикского народа / *Н. Хатамов, Д. Давлатходжа, С. Муллоджонов, М. Исоматов.* Душанбе, 2011. 644 с.
4. *Шарифов Д.* Сборник историко-литературных трактатов. Душанбе, 2013. 461 с.

Г.Е. Корнилов¹

Екатеринбург

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ РАЙОНОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВКЛАД УРАЛА²

Важнейшей составляющей процесса восстановления народного хозяйства в районах СССР, освобожденных от фашистской оккупации, была братская помощь населения тыла. В статье показана роль Урала, ставшего одним из основных арсеналов страны в этом грандиозном процессе. В статье утверждается, что помощь освобожденным районам соответствовала двум периодам в восстановлении экономики и жизни населения в условиях Великой Отечественной войны, периодизация помощи пострадавшим районам не может рассматриваться без взаимосвязи с периодизацией восстановительных работ в разрушенных районах страны. Статья подготовлена на архивных материалах и исторической литературе советского периода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобожденные от фашистской оккупации районы, Урал, братская помощь, восстановление народного хозяйства.

G.E. Kornilov

Yekaterinburg

RESTORATION OF THE REGIONS OF THE USSR RELEASED FROM FASCIST OCCUPATION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CONTRIBUTION OF THE URALS

The most important component of the process of restoring the national economy in the regions of the USSR that were liberated from the fascist occupation was the fraternal assistance of the population in the rear. The article shows the role of the Urals, which has become one of the main arsenals of the country, in this grandiose process. The article argues that aid to the liberated regions corresponded to two periods in the restoration of the economy and the life of the population in the conditions of the Great Patriotic War, the periodization of aid to the affected regions cannot be considered without interrelation with the periodization of restoration work in the destroyed regions of the country. The article was prepared on the basis of archival materials and historical literature of the Soviet period.

Keywords: the Great Patriotic War, the regions liberated from the fascist occupation, the Urals, fraternal assistance, restoration of the national economy.

Начавшееся изгнание захватчиков с советской земли поставило задачу немедленного возрождения хозяйства в освобожденных районах, чтобы включить их ресурсы в общее дело разгрома врага. История не знала примера, чтобы страна еще в разгаре войны в таких огромных масштабах восстанавливала экономику и культуру на тер-

¹ *Корнилов Геннадий Егорович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром экономической истории Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. Россия. E-mail: genakorn@mail.ru

² Выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00032А «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект».

ритории, расположенной поблизости от фронта. В активную помощь пострадавшим районам включилась вся страна. Это было одним из проявлений высочайшей общественно-политической активности советского народа. Помощь освобождённым районам приняла всенародный характер. В это патриотическое движение включились и труженики Урала.

Исследования по разворачиванию восстановительных работ в освобожденных районах страны активно проводились в советское время, однако в последнюю четверть века они практически прекратились. Тем не менее проблема имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку является одной из составных частей всемирно-исторического подвига советского народа в Великой Отечественной войне. В существующей литературе процесс восстановления экономики рассматривают в рамках одного периода – в ходе войны. Тем не менее в рамках этого периода можно выделить два этапа: первый – начало 1942 г. и до середины 1943 г. и второй – середина 1943 г. – конец 1945 г. Начало восстановительных работ можно связать с принятием постановления СНК СССР «О восстановлении угольных шахт в Подмосковском бассейне».³ Второй этап начинается после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»⁴, сыгравшего огромную роль в ускорении темпов восстановления экономики на всей территории, освобожденной от врага. На втором этапе восстановление хозяйства, реэвакуация населения и материальных ценностей, обустройство мирной жизни приобрели большой размах и четкие организационные формы.

Процесс братской помощи населения тыла населению освобожденных районов можно разделить также на два этапа, совпадающие с хронологическими рамками восстановления народного хозяйства. Уже в начале 1942 г. на землях Московской, Калининской, Тульской областей по мере изгнания врага развернулись восстановительные работы. Главную роль в возрождении экономики и улучшении жизни населения в освобожденных районах сыграли централизованные мероприятия государства, одновременно горячее участие в оказании помощи приняли общественные организации и трудящиеся тыловых районов. Урал, а это две автономные республики и четыре области, приступил к созданию фонда помощи населению освобожденных

³Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет. Т. 3: 1941-1952 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 55

⁴ Правда. 1943. 22 августа; Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – 1945 г.). Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. С. 145 – 179.

земель. Промышленные предприятия передавали в него машины, станки, строительные материалы. Шахтеры Кизела (Молотовская область, ныне Пермский край) в январе 1942 г. отправили в Подмосквовый угольный бассейн первый поезд с горным оборудованием и материалами. По инициативе колхозов «14 лет Октября» и имени Ленина Курганского района (ныне Курганская область, которая выделена из состава Челябинской в феврале 1943 г.) в феврале 1942 г. начался сбор семенного зерна для освобожденных районов. По почину трудящихся Саткинского района в области прошел сбор подарков в честь Международного женского дня 8 марта для женщин и детей освобожденных районов. В начале марта 1942 г. делегация челябинцев выехала в освобожденные районы Московской области с подарками в 38 вагонах.⁵

На металлургические заводы «Электросталь», «Серп и молот», «Пролетарский труд» с Урала была реэвакуирована значительная часть кадров и было перевезено все неустановленное оборудование. В город Ступино Московской области были направлены 1500 работников металлургического завода и несколько эшелонов с оборудованием. В течение 1942 г. вернулись из эвакуации станкостроительные заводы «Красный пролетарий», имени Орджоникидзе, «Станколит» и др. Часть оборудования Московского автомобильного завода, эвакуированного в Миасс и Челябинск, была возвращена в Москву. Основное оборудование Новокраматорского машиностроительного завода, Харьковского станкостроительного и Таганрогского завода «Красный котельщик» были перебазированы в столицу и область.⁶

Тысячи юношей и девушек с Урала, мобилизованных на восстановительные работы на предприятиях Москвы и области, показывали образцы высокопроизводительного труда. Комсомольско-молодежная бригада Н. Зайнуллиной из Башкирии на добыче торфа выполняла нормы на 200-300%. В 1943 г. она заняла 3 место в социалистическом соревновании комсомольско-молодежных бригад Московской области.⁷

⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 821. Л. 8, 9; Оп. 12. Д. 207. Л. 16; Челябинский рабочий. 1942. 18, 22 февраля, 5 марта; Урал - фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М.: Экономика, 1985. С. 295.

⁶ Война. Народ. Победа: статьи, очерки, воспоминания. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Изд-во политической лит., 1984. С. 170; Кузница Победы (1941-1945). Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1985. С. 27, 30; Буков К. Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М.: Московский рабочий, 1972. С. 174-175; История Московского автозавода им. А.И. Лихачева. М.: Мысль, 1966. С. 349, 355; Харьковский станкостроительный: Очерк истории Харьковского станкостроительного завода им. С. В. Косиора (1930-1967 гг.). Харьков: Прапор, 1968. С. 59; ЦДОСО. Ф. 2843. Оп.1. Д. 144. Л. 94, 95.

⁷ Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернационального сплочения трудящихся. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1985. С. 134.

Труженики Урала хорошо знали, какие огромные разрушения принесли фашисты Ленинграду, восхищались мужеством, стойкостью и упорством защитников блокадного города. Большое значение для возрождения промышленности, всей жизни блокированного города имела реэвакуация с Урала оборудования Волховской ГЭС, которая в сентябре 1942 г. дала городу электричество. Шахтеры Свердловской и Молотовской областей отгрузили в 1942 г. для ленинградцев 4 эшелона угля, добытого сверх плана.⁸ В 1942-1943 гг. из Пермской и Свердловской областей, Башкирской АССР в Ленинград было направлено 41,9 тыс. т различных продуктов, 500 тыс. банок сгущенного молока, из Оренбургской области было отгружено 1063 вагона с продовольствием. Утром 7 февраля 1943 г. к Финляндскому вокзалу подошел первый поезд с Большой земли, в 22 вагонах-ледниках он доставил 800 т масла от трудящихся Челябинской области.⁹

Уральцы активно помогли восстановлению Сталинграда. После разгрома немецко-фашистских войск на берегах Волги сталинградцы, эвакуированные на Урал, стали обращаться в партийные и советские органы с просьбой направить их на восстановление города. «Мы, – говорилось в письме Копейскому горкому партии, – рабочие, ИТР, служащие в количестве 140 человек, строившие первенец первой пятилетки – Сталинградский тракторный завод, выросшие вместе с заводом, строившие рубежи и баррикады для обороны родного города, мы готовы в любую минуту выехать на восстановление родного города и завода. Просим ускорить решение этого вопроса». Просьбы сталинградцев были удовлетворены; они лично участвовали в возрождении легендарного города.¹⁰ Ученые Урала разрабатывали планы возрождения важнейших заводов – Сталинградского тракторного и «Красный Октябрь», «Баррикады». В город были перебазированы строительные организации Урала. Трест № 4 Наркомата авиационной промышленности восстановил 15 цехов завода «Красный Октябрь».

⁸ Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1967. С. 327; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 79. Л. 18; Звезда. 1942. 3 марта; Уральская кочегарка. 1942. 19 февраля; Уральский рабочий. 1942. 10 февраля.

⁹ Очерки истории Ленинграда. Т. 5. С. 243 – 244; Память. Письма о войне и блокаде. Л.: Лениздат, 1985. С. 301, 306; Худякова Н. Д. Вся страна с Ленинградом. (1941-1943 гг.): КПСС - организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады. Л.: Лениздат, 1960. С. 82 – 84; Конарев Н. С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945. М.: Транспорт, 1985. С. 211; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 478. Л. 60.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 491. Л. 132; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь: Кн. издательство, 1971. С. 298.

В 1944 г. завод выполнил производственную программу на 114,5%, план жилищного и культурно-бытового строительства на 127,2%. Опыт скоростного сборного строительства, накопленный трестом на Урале и в Сталинграде, был распространен по стране.¹¹

Братская помощь уральцев городу-герою на Волге была самой разнообразной. К осени 1943 г. в Сталинград с Урала направили 27 эшелонов с оборудованием, строительными механизмами и материалами, инструментом, продуктами питания. Они были изготовлены сверх плана и в нерабочее время. В фонд помощи городу было собрано и заработано только на воскресниках 8,3 млн руб. На средства, собранные молодежью Башкирии, были открыты 3 школы. Выполняя постановление бюро ЦК ВЛКСМ «О шефстве комсомола над восстановлением Сталинграда» (апрель 1943 г.), челябинские комсомольцы взяли шефство над Сталинградским тракторным заводом. На предприятиях области проходили комсомольско-молодежные воскресники по изготовлению инструмента и оборудования. Колхозники Урала в 1943 г. отправили в Сталинград по воде более 700 тыс. куб м леса, в 1944 и 1945 гг. – 9 плотокараванов. ЦК ВЛКСМ, наркоматы неоднократно отмечали большую работу уральских предприятий и организаций в восстановлении Сталинграда.¹²

Мобилизационный механизм советской экономики позволил в жесточайших условиях дефицита материальных, финансовых и кадровых ресурсов осуществить и в кратчайшие сроки наладить жизнь населения и восстановить народное хозяйство в освобожденных районах. Восстановительный процесс осуществлялся одновременно со стороны государственных и социальных институтов и с широким инициативным участием населения. Это была помощь (термин

¹¹ *Мошкин Н.А.* Во имя победы. Коммунисты Удмуртии - организаторы трудового подъема в годы Великой Отечественной войны. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 120; *Водолагин Н.А., Щеглов В.Н.* Metallургический завод «Красный Октябрь». М.: Metallургиздат, 1957. С. 131; Борьба Коммунистической партии за создание материально-технической базы социализма (На материалах партийных организаций Поволжья). Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. институт, 1983. С. 83; Известия. 1945. 2 февраля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д.1786. Л.117; Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 115. Оп. 7. Д. 187. Л. 95; ЦДО-ОСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 116. Л. 58; Ф. 161. Оп. 6. Д. 1686. Л. 37-38; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5158, Л. 19, 20.

¹² Поднятый из руин. Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943-1960 гг.). Волгоград: Волгоград. кн. изд-во, 1962. С. 99, 105; Урал – фронту ... С. 297; Известия. 1944. 24 сент.; Звезда. 1945. 15 авг.; Комсомольская правда. 1944. 23 июня; Труд. 1044. 27 мая; Уральский рабочий. 1943. 28 марта; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 7. Оп. 2. Д. 79. Л. 82; ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 187. Л. 171; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 141. Л. 35.

военного времени). На данном этапе восстановления освобожденных районов (начало 1942 г. – середина 1943 г.) были опробованы и определены основные формы помощи населению. Советская власть в решении этих задач опиралась на огромный патриотический подъем населения. В экономической сфере формами социальной мобилизации явились трудовые почины, социалистическое соревнование, шефская помощь тыловых областей освобожденным районам, позволявшие использовать инициативу и творчество трудящихся.

Второй этап восстановления жизни связан с принятием 21 августа 1943 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР постановления «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».¹³ В постановлении был обобщен опыт этой работы в 1942-1943 гг. и намечены крупные меры решения важной государственной задачи. На повестку дня был поставлен вопрос о комплексном восстановлении экономики и жизни всех освобожденных районов. Восстановительные мероприятия предусматривались в народнохозяйственных планах 1944 и 1945 гг. С августа 1943 г. по май 1944 г. действовал Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах под председательством Г.М. Маленкова.¹⁴ Значительно были увеличены масштабы восстановительных работ за счет государственных средств. Одновременно выросла помощь советских людей жителям Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР и позже населению Молдавии и Прибалтики.

Партия и правительство обратились к населению с призывом взять шефство над освобожденными от оккупации районами. Шефское движение в тех условиях явилось важной формой мобилизации ресурсов тыла для подъема разоренных территорий. Все республики и области Урала установили шефство над освобожденными от врага территориями: Челябинская область помогала восстанавливать хозяйство Курской области, Пермская – Ростовской и Смоленской, Свердловская – Краснодарского края, Оренбургская – Ставропольского. Бюро Башкирского обкома ВКП(б) в августе 1943 г. приняло постановление об оказании помощи Ворошиловградской области (ныне часть Луганской Народной Республики) и образовало республиканский комитет во главе с председателем СНК Башкирской АССР С.А. Вагаповым. В городах и районах были созданы оперативные комиссии, развернута разъяснительная работа среди населения. На предприятиях Белорецка,

¹³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд. Т. 7. 1938-1945. М.: Политиздат, 1985. С. 65-104.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9504. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Стерлитамака, Уфы, в райцентрах побывали делегации ворошиловградцев. Они выступали на митингах и собраниях, участвовали в отборе и приеме имущества. В октябре 1943 г. из Уфы на Украину ушел первый эшелон с оборудованием, инструментом, строительным материалом, продуктами сельского хозяйства, предметами быта. К концу года трудящиеся Башкирии отправили 91 вагон в подшефную область. Рабочие одного из машиностроительных заводов направили 19 станков, локомобиль, клепальный пресс, циркулярную пилу, 6 т пшеницы. Нефтяники отгрузили трубы, стройматериалы, трансформаторы, 30 т соли, продовольствие, посуду. Коллективы многих предприятий и строков отчислили однодневный заработок в фонд помощи.¹⁵

Труженики сельского хозяйства Башкирии направили в подшефную область 15 тыс. лошадей, 18 тыс. овец, 9 тыс. свиней, 7 тыс. голов крупного рогатого скота, зерно, картофель, семена, а также 250 тракторов, бороны, жатки, конные плуги, сеялки и другой инвентарь. Колхозники украинской сельхозартели им. Ф. Дзержинского, получив скот и инвентарь из колхоза «Маяк» Уфимского района, писали своим шефам: «Спасибо вам, родные, за теплое сердечное письмо и братскую помощь. День получения вашего письма был для нас настоящим праздником, оно влило в нас новые силы, подбодрило нас. Вашей заботы и внимания, дорогие друзья, мы никогда не забудем».¹⁶

С подшефными были установлены прочные и разносторонние связи. Широкое распространение получило отраслевое шефство, когда промышленные предприятия глубокого тыла, в первую очередь принявшие эвакуированное оборудование и работников, в порядке шефской помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия, колхозы и совхозы помогали сельскохозяйственным предприятиям, вузы и школы – учебным заведениям в освобожденных областях. В результате напряженной работы труженики Урала направили в освобожденные районы в 1943-1945 гг. 35 эшелонов, в которых насчитывалось около 1450 вагонов, в том числе 500 вагонов со строительным лесом, более 670 металлорежущих станков, 250 электромоторов, комплектное оборудование больниц и поликлиник, фельдшерских пунктов, школ, детских садов и ясель,

¹⁵ Документы мужества и героизма: Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы / под ред. Т. Х. Ахмадиева, В. П. Иванкова. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. С. 204; *Ваганов С.А.* 25 лет Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета БАССР 26-го марта 1944 г. Уфа: Башгосиздат, 1944. С. 29; Урал – фронту ... С. 301.

¹⁶ Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев: Госполитиздат УССР, 1961. С. 525.

телефонных и электрических станций, предметы домашнего обихода, книги.¹⁷

Особенно большую помощь уральцы оказали в возрождении Донбасса. Постановлением ГКО «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» (октябрь 1943 г.) на первых секретарей Пермского, Свердловского, Челябинского и других обкомов тыловых областей возлагалась личная ответственность за выполнение заказов Донбасса, за своевременную отpravку грузов, за выявление и передачу ему в порядке помощи материалов и оборудования.¹⁸ Бюро Челябинского обкома ВКП(б) 10 и 22 ноября 1943 г. приняло постановления об оказании помощи угольной промышленности Донбасса и металлургическим заводам Юга. При горкомах и райкомах партии были созданы оперативные комиссии. Их деятельность направляла областная комиссия под председательством первого секретаря обкома ВКП(б) Н.С. Патоличева.¹⁹

По инициативе коллектива Челябинского завода имени Орджоникидзе в области развернулось движение по изысканию машин и механизмов для Донбасса. Коллектив Коркинского разреза № 1 призвал шахтеров Южного Урала организовать соревнование за оказание помощи в возрождении крупнейшего угольного бассейна страны, зачислил в фонд помощи 10 тыс. т угля, добытого сверх плана. Горняки поддерживали почин. Первый эшелон с оборудованием, строительными материалами и предметами домашнего обихода ушел из Коркино в ноябре 1943 г. Вскоре состав с горно-шахтными механизмами угольщикам Макеевки направили копейчане. Всего к концу 1943 г. южно-уральцы отправили в Донбасс 197 вагонов.²⁰

В результате шефской помощи труженики промышленности Урала направили в Донбасс в 1943-1945 гг. (по неполным данным) 23 эшелона,

¹⁷ Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР, 1917-1971. М.: Мысль, 1973. С. 291; *Иванов Г.П.* В годы суровых испытаний. Краснодар: Кн. изд-во, 1967. С. 264; *Марченко И.Е.* Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. 1943-1950. Минск: Наука и техника, 1977. С. 20, 24, 27; Коммунистическая партия - организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. Петрозаводск: ПГУ, 1981. С. 147; Западный Урал - фронту: Трудящиеся Пермской области в борьбе за Победу в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Документы и материалы. Пермь: Кн. изд-во, 1985. С. 233; Звезда. 1944. 18 февраля; 24 марта; Известия. 1944. 30 августа; Правда. 1944. 9 сентября; Труд. 1944. 29 марта; Уральский рабочий. 1943. 24 ноября; ПермГАСПО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 217. Л. 34; Ф. 61. Оп. 29. Д. 871. Л. 15; Ф. 105. Оп. 7. Д. 189. Л. 6, 7; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 8. Д. 1682. Л. 84 - 89; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 16. Д. 16. Л. 29; Ф. П-288. Оп. 15. Д. 529. Л. 23, 32.

¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 3. С. 169.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 390. Л. 108, 108 об., 110-113.

²⁰ Урал - фронту... С. 298.

в которых было более 400 металлорежущих станков, 450 электромоторов, 51 насос, 337 масляных выключателей и трансформаторов, 50 сварочных аппаратов, более 350 телефонов, 9 тыс. единиц электрооборудования, 7,5 км кабеля и 13,7 км проводов, 53 т проката черных и цветных металлов, 15,5 тыс. лопат, 4,6 тыс. кайл, топоров, обушков, более 7 тыс. пар обуви и 10 тыс. комплектов теплой одежды.²¹

Уральские области и республики имели подшефные районы и предприятия в Донбассе. Труженики Оренбуржья помогли тресту «Орджоникидзеуголь», Свердловской области – тресту «Артемуголь», Удмуртии – тресту «Красногвардейскуголь». Тесная дружба связала уральские и донецкие города: Кизел и Шахты, Копейск и Макеевку, Лысьву и Константиновку. Большое значение приобрело шефство родственных предприятий. В ноябре 1943 г. коллективы Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов обратились через «Правду» ко всем работникам черной металлургии. Они взяли шефство над восстановлением Макеевского и Енакиевского металлургических заводов и призвали металлургов всей страны последовать их примеру²² Призыв был подхвачен, в движение включились работники угольной, машиностроительной, танковой, авиационной и других отраслей промышленности. Коллектив Уралмаша в порядке шефской помощи осенью 1943 г. приступил к изготовлению оборудования для Енакиевского, Макеевского и других заводов черной металлургии. Мобилизовав внутренние ресурсы, уралмашевцы досрочно выполнили заказы. Металлурги Ново-Тагильского завода помогали восстанавливать Енакиевский металлургический завод. Строители «Уралмашстроя» шефствовали над строительными трестами Ворошиловградской области. Специальные отряды монтажников из Ижевска участвовали в становлении энергохозяйства Донбасса. На железных дорогах Урала по инициативе Р. Хабибулина, строгальщика депо станции Оренбург, развернулось движение за создание фонда запасных частей и инструментов для освобожденных магистралей

²¹ Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна. Т. 2. М.: Углетехиздат, 1957. С. 72; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945: сборник документов и материалов. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. С. 300, 301; Звезда. 1944. 9 февр.; 9 сент.; 1945. 9 июня; 17 июля; Комсомольская правда. 1944. 15 марта; Комсомольская правда в Донбассе, 1943, 8 дек.; Труд, 1943, 26 дек.; Уральский рабочий, 1944, 20 янв.; Челябинский рабочий. 1944. 11 марта; 1945. 3 авг.; РГАЭ. Ф. 8667. Оп. 1. Д. 4. Л. 10-12, 23; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 73. Л. 176; Д. 79. Л. 82; Д. 122. Л. 36; ПермГАСПИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 392. Л. 4, 53; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1799. Л. 37; Ф. 161. Оп. 6. Д. 179. Л. 8; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 440. Л. 134; Оп. 15. Д. 532. Л. 87.

²² Правда. 1943. 11 ноября.

Донбасса. Уральцы помогали восстанавливать бытовые, культурные и спортивные учреждения на донецкой земле.

Помощь уральцев Донбассу во все возрастающих размерах продолжалась и длительное время после окончания войны. На заботу тружеников Урала донбассовцы отвечали глубокой признательностью и новыми трудовыми успехами. ЦК ВКП(б) в одной из телеграмм просил Челябинский обком партии «... передать трудящимся области благодарность Центрального Комитета КП(б)У, правительства и трудящихся Советской Украины за заботу и братскую помощь в деле восстановления заводов и шахт Донбасса».²³

Особая роль в возрождении черной металлургии западных районов страны принадлежала Уралмашзаводу. В то время только он имел необходимые кадры и оборудование для изготовления крупных деталей и узлов. В 1944-1945 гг. УЗТМ выполнял заказы для 9 крупнейших металлургических заводов, в их числе Енакиевский, Мариупольский, Макеевский. Он произвел сложные детали общим весом 852 т.²⁴

Особая роль в восстановлении народного хозяйства принадлежала строителям. В первой половине 1944 г. интенсивно проводилась работа по эвакуации и перебазированию строительных организаций в освобожденные районы. Так, крупнейшая организация Наркомата по строительству СССР (НКС) Главчерметстрой перевела в 1944 г. с Востока, главным образом с Урала, на Юг основных средств на 11,5 млн руб. (43% общей стоимости), кроме того, было направлено стройматериалов на 8,6 млн руб.²⁵ С конца 1943-1945 гг. после большой подготовительной работы в освобожденные районы с Урала выехали более 35 различных строительных организаций - трестов, управлений, участков НКС, в их числе «Азовстальстрой», «Южтяжстрой», «Запорожстрой», «Донмашстрой».²⁶ Строители были вооружены ценным

²³ Урал – фронту... С. 300.

²⁴ Труд. 1945. 21 нояб.; За тяжелое машиностроение. 1944. 23 нояб.; Уральский рабочий. 1945. 28 февр.; ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 65. Л. 32; Д. 829. Л. 71; Д. 858. Л. 82, 157, 162.

²⁵ РГАЭ. Ф. 8769. Оп. 1. Д. 86. Л. 27.

²⁶ Подсчитано по: Волгоградметаллургстрой: 50 лет. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1977. С. 41; *Бондаренко О. И., Константиновская М. М., Цилюрик Н. И.* Гвардейцы донецких строек: Очерки из истории треста «Донмашстрой». М.; Донецк: Донбасс, 1970. С. 57; *Лунатов Н.П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Очерки истории строительства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 257; Комсомольская правда в Донбассе. 1944. 30 марта; Известия. 1944. 7 янв.; Труд. 1944. 29 февр.; Звезда. 1944. 4 янв.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1323. Л. 35; ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 189. Л. 28; Оп. 115. Д. 26. Л. 162; Ф. 231. Оп. 15. Д. 49. Л. 4; ЦДООСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 819. Л. 53, 125; Ф. 161. Оп. 6. Д. 1759. Л. 18, 34; Ф. 483. Оп. 3. Д. 101. Л. 281; Ф. 2843. Оп. 1. Д. 507. Л. 79, 92; Д. 693. Л. 2, 14; Д. 694. Л. 5; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 949. Л. 17; Оп. 15. Д. 532. Л. 22; РГАЭ. Ф. 8590. Оп. 2. Д. 195. Л. 1; Д. 467. Л. 18; Д. 468. Л. 43; Д. 483. Л. 31; Д. 494. Л. 2; Д. 495. Л. 58; Д. 686. Л. 23, 126; Д. 689. Л. 152; Д. 727. Л. 13; Д. 745. Л. 2, 5; Ф. 9235. Оп. 2. Д. 30. Л. 2, 15, 20, 21.

опытом решения многообразных задач, накопленных на Урале в экстремальных условиях строительства первого периода войны. В освобожденных районах на основе этих коллективов создавались новые строительные организации, возрождавшие важнейшие предприятия страны. Трест «Главуралстрой» в 1943 г. направил на Украину 33 автомашины, 10 передвижных электростанций, 2 экскаватора, 12 бетоно- и растворомешалок, 10 лебедок, 49 единиц электропневматических инструментов и др.²⁷ В 1944 г. трест перевез механизмов на 2,9 млн руб., что составляло 11,2 % стоимости основного оборудования главка.²⁸ Стройки Урала выполнили большие задания НКС по установлению для освобожденных районов инвентарных лесов, подмостей, заготовке леса и др.

В восстановлении химической промышленности решающее значение сыграла помощь трудящихся Пермской области. В 1943–1945 гг. из области выехали в освобожденные районы 520 квалифицированных рабочих и ИТР, было отправлено около 600 вагонов с оборудованием.²⁹

Эффективная помощь уральцев заводам танковой промышленности возрастала благодаря направлению комплектного оборудования для оснащения целых цехов. В западные районы были посланы более 820 единиц технологического оборудования, 6100 инструментов и приспособлений, более 50 комплектов главных узлов и деталей новых машин, техническая документация 10 новых типов машин и двигателей.³⁰

За годы войны уральцы участвовали в восстановлении 17 железных дорог западных районов страны. Уральские заводы НКС выполняли заказы по изготовлению шпал, крестовин, стрелочных переводов, инструментов для восстановления железных дорог. Только Уральская контора «Мостотоннель» НКС отправила на запад конструкции 35 металлических и деревянных мостов и 168 единиц опорных частей

²⁷ РГАЭ. Ф. 8590. Оп. 2. Д. 491. Л. 13, 17; Д. 492. Л. 23; Ф. 8756. Оп. 2. Д. 126. Л. 13; Д. 142. Л. 60.

²⁸ РГАЭ. Ф. 8590. Оп. 2. Д. 734. Л. 28.

²⁹ *Омельяненко П. Д.* Полстолетия на вахте: Очерк о развитии Донецкого завода химических реактивов за 50 лет. Донецк: Донбасс, 1967. С. 63; Звезда. 1944. 26 янв.; ПермГА-СПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 116. Л. 44, 49; Д. 154. Л. 22 - 24, 29; Ф. 105. Оп. 7. Д. 137. Л. 195; Оп. 93. Д. 20. Л. 7 - 18; Д. 23. Л. 188, 193; Оп. 123. Д. 25. Л. 181, 182; Оп. 134. Д. 53. Л. 59.

³⁰ Подсчитано по: Правда. 1943. 23 нояб.; 30 дек.; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 262. Оп. 2. Д. 59. Л. 9; ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 5. Д. 59. Л. 223; Д. 63. Л. 79; Д. 65. Л. 85; Д. 68. Л. 207; Д. 69. Л. 82; Д. 70. Л. 4, 114; Д. 71. Л. 4; Д. 72. Л. 36; Д. 73. Л. 73; Д. 80. Л. 153; Д. 81. Л. 139; Д. 82. Л. 31; Д. 87. Л. 122; Д. 93. Л. 121; Д. 99. Л. 115; Д. 100. Л. 39, 149; Д. 101. Л. 10, 95; Д. 107. Л. 104; Д. 132. Л. 2; Д. 923. Л. 133; Ф. П-124. Оп. 5. Д. 19. Л. 7; ЦДООСО. Ф. 161. Д. 1753. Л. 168; Ф. 198. Оп. 1. Д. 341. Л. 27; Ф. 483. Оп. 3. Д. 94. Л. 63; Д. 113. Л. 119; Д. 119. Л. 48.

для них.³¹ Работники речного транспорта Урала оказали помощь в восстановлении Калининского, Сталинградского, Ростовского, Запорожского и других портов. Речники Пермской области в 1943-1945 гг. направили подшефным 132 единицы оборудования, 1 тыс. бакефов, 10 лодок, 50 куб. м леса, 20 т гвоздей и железа, предметы домашнего обихода, обувь, одежду.³²

Бескорыстной и своевременной была помощь уральцев сельскому хозяйству освобожденных районов. В то же время аграрная сфера региона находилась в крайне тяжелом состоянии. За 1943-1945 гг. более 8 тыс. механизаторов и специалистов сельского хозяйства Урала выехали в освобожденные районы страны. Совхозы и МТС края отправили туда по неполным данным 3,6 тыс. тракторов, 0,6 тыс. комбайнов, 3,5 тыс. тракторных плугов, 6,7 тыс. лемехов к ним, около 3 тыс. автомашин, тракторных запчастей на 6,2 млн рублей.³³ Труженники уральской деревни передали на возрождение животноводческих ферм в освобожденных районах в порядке государственной и шефской помощи более 320 тыс. голов скота.³⁴ По оказанию помощи в

³¹ *Кравчук М.И., Погребинский М.Б.* Проверенная войной. М.: Политиздат, 1985.

С. 166; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1796. Л. 69.

³² Молот. 1944. 18 марта; Камский большевик. 1944. 13 янв.; 2 марта; ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 335. Л. 6, 20, 209.

³³ Подсчитано по: *Борьба партии и рабочего класса за восстановление и развитие народного хозяйства СССР (1943-1950 гг.) / Б.И. Гвоздев, В.З. Дробижев, А.Ф. Юденков и др.* М.: Мысль, 1978. С. 246; *Единство и сотрудничество народов СССР: тезисы докл. и сообщ. науч. конф.* Кишинев: Штиинца, 1975. С. 85; *История городов и сёл Украинской ССР: Донецкая область.* Киев: Глав. ред. Украинской сов. энциклопедии. 1976. С. 63; *Негодаев В.* Истоки возрождения: Ист. очерк. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1979. С. 18; *Во имя Победы: (Воронеж. обл. парт. организация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): сборник документов и материалов.* Воронеж: Центр.-Черномозем. кн. изд-во, 1975. С. 234; *В братской семье: об экономических и культурных связях трудящихся Запорожской области с трудящимися братских советских республик 1922-1982: сб. документов и материалов.* Днепропетровск: Промінь, 1985. С. 69; *Западный Урал – фронту...* С. 232; *Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне. 1941-1945: Документы и материалы.* Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 147; *Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945: сборник документов и материалов.* Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. С. 285; *Подвиг оренбуржцев: документы и материалы об участии трудящихся Оренбургской области в Великой Отечественной войне (1941 - 1945).* Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1969. С. 249; Труд. 1943. 27 февр.; РГА-СПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 70. Л. 2; *Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ).* Ф. 371. Оп. 7. Д. 528. Л. 31; Оп. 8. Д. 120. Л. 154; Д. 517. Л. 7, 23; Д. 623. Оп. 7. Л. 4; Оп. 9. Д. 453а. Л. 28, 29, 34; ПермГАСПИ. Ф. 105. Д. 189. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 565. Л. 19; ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 3. Д. 79. Л. 6, 53; Ф. П-288. Оп. 15. Д. 532. Л. 175; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5157. Л. 231.

³⁴ Подсчитано по: *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг.* В 3 т. Т. 3: *Советская Украина в завершающий период Великой Отечественной войны (1944-1945 гг.).* Киев: Политиздат Украины, 1975. С. 388-389; *Уральский рабочий.* 1944. 3 янв.; ОГАЧО. Ф. П-288-к. Оп. 1. Д. 399. Л. 34; Ф. 1211. Оп. 1. Д. 117. Л. 4.

восстановлении животноводства Башкирская АССР заняла 3-е место среди республик и областей страны.³⁵

Ученые Урала участвовали в создании планов, технической документации восстановления и реконструкции предприятий освобожденных районов. Оборудование, пособия и учебники передавались реэвакуировавшимся вузам и техникумам. Только Пермский госуниверситет, Уральский индустриальный, Свердловский горный, Магнитогорский горно-металлургический институты передали вузам освобожденных районов более 45 тыс. книг, оборудование 7 кабинетов и лабораторий. Для восстановления библиотек уральцы направили более 340 тыс. книг.³⁶

Успешное восстановление нормальной жизни и народного хозяйства на освобожденных землях во многом зависело от наличия там опытных кадров. Уральские обкомы партии направили в западные районы тысячи партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и хозяйственных работников. За 1943 г. из Пермской области выехало 44 партийных работника, среди них 14 секретарей райкомов партии, 4 заведующих отделами, 2 лектора обкома. За 1943-1945 гг. из Башкирии в освобожденные районы были посланы более 700 руководящих работников и около 1 тыс. специалистов; из Оренбургской области – около 5 тыс., среди них 2 тыс. – это были кадры, прибывшие по эвакуации.³⁷

В освобожденные районы направлялись квалифицированные рабочие и механизаторы сельского хозяйства. В феврале 1943 г. к началу весеннего сева в Ростовскую область и Ставропольский край из Прикамья выехали на постоянную работу 210 трактористов, 75 бригадиров тракторных бригад, южноуральцы послали 1319 трактористов, 256 комбайнеров, 113 бригадиров в Краснодарский край и Ростов-

³⁵ *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. С. 225.

³⁶ Подсчитано по: *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны С. 220; *Максакова Л.В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. С. 113; *Пропагандист. 1945. № 2.* С. 48; *Пейсахович А.Я.* Культурное строительство в Белорусской ССР в 1943-1945 гг. Минск: Изд-во Белгосун-та, 1961. С. 37-38; Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Исторический очерк. 1916 – 1966. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1966. С. 125; Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова. Исторический очерк. 1920-1970. Свердловск: [б. и.], 1970. С. 162; *Звезда. 1944. 5 февр.*; *Комсомольская правда. 1944. 15 марта; 20 мая; Труд. 1943. 26 дек.*; *Уральский рабочий. 1944. 3 дек.*; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 73. Л. 176; Д. 79. Л. 82; ПермГАСПИ. Ф.106. Оп. 11. Д. 11. Л. 13; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1799. Л. 39; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 941. Л. 13, 79; ГАСО. Ф. 227. Оп. 4. Д. 4. Л. 34-33; Д. 6. Л. 367; Д. 113. Л. 70.

³⁷ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-122. Оп. 28. Д. 38. Л. 296; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 528. Л. 31; Оп. 8. Д. 120. Л. 154; Д. 517. Л. 7, 23; Оп. 9. Д. 453а. Л. 28-34; ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 150. Л. 4; Д. 175. Л. 83.

скую область.³⁸ В конце 1943 г. Молотовская и Свердловская области направили для возрождения Донбасса 700 рабочих электромеханических специальностей. В начале 1944 г. из Нижнего Тагила на заводы Украины было откомандировано 854 металлиста и металлурга, 200 железнодорожников.³⁹

К апрелю 1942 г. количество эвакуированных на Урале достигло 1,6 млн чел. В результате естественной убыли и частичной реэвакуации количество эвакуированного населения к лету 1942 г. сократилось до 1,4 млн человек, а в связи с новой волной эвакуации выросло к лету 1943 г. до 1 520,3 тыс. чел. Такого огромного количества людей за столь короткий срок Уральский регион не принимал. С конца 1943 г. массовый характер приняла реэвакуация с Урала населения. Из приехавших к лету 1942 г. в регион к началу 1944 г. осталось около 55 %, а к концу войны – не более 25% прибывших. В освобожденные районы выехало большинство эвакуировавшихся в неорганизованном порядке. Из прибывших на Урал вместе с предприятиями и учреждениями 20-50 % выбыли к прежнему месту работы в годы войны.⁴⁰ Часть предприятий, большинство научных и конструкторских учреждений и учебных заведений полностью реэвакуировались в период войны. Сложный процесс реэвакуации завершился в послевоенные годы. За 1943-1945 гг. с Урала в освобожденные районы было направлено по неполным данным около 23 тыс. руководящих партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных работников.⁴¹ Они

³⁸ Урал – фронту... С. 296.

³⁹ Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь: Кн. изд-во, 1971. С. 298; Урал – фронту... С. 296 - 297.

⁴⁰ Корнилов Г.Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. С. 98; Корнилов Г.Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 117.

⁴¹ Подсчитано по: Буков К.И. Все мы были солдатами: Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М.: Моск. рабочий, 1972. С. 151; Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А.Р. Дзенiskeвич, В.М. Ковальчук, Г.Л. Соболев и др. 3-е изд. Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1985. С. 58; История советского рабочего класса: в 6 т. / гл. ред. С. С. Хромов. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг. / отв. ред. А. В. Митрофанова. М.: Наука, 1984. С. 363; Рабочий класс Урала в период строительства социализма / отв. ред. А. В. Бакунин, А. А. Антупьев. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 103, 104, 123; Возрождение: Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В.А. Кутузов, Э.Г. Левина. Л.: Лениздат, 1977. С. 105; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне... С. 109, 151, 299; ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 155. Д. 192. Л. 38; Ф. 1241. Оп. 1. Д. 342. Л. 5; Д. 383. Л. 6; Ф. 1290. Оп. 1. Д. 290. Л. 23; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 29. Д. 2. Л. 16; Ф. 483. Оп. 3. Д. 1139. Л. 61; Ф. 1020. Оп. 2. Д. 638. Л. 15; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 445. Л. 41; Д. 458. Л. 40; Ф. 1640. Оп. 1. Д. 37. Л. 123, 165; ГАСО, Ф. 1814. Оп. 2. Д. 1365-1374 (б.л.); Д. 1375. Л. 7.

сыграли большую организаторскую роль в восстановлении разрушенного хозяйства и налаживания жизни на освобожденных землях.

Братская взаимопомощь трудящихся страны в процессе восстановления народного хозяйства прифронтовых и освобожденных районов – одна из ярких форм проявления дружбы и взаимопомощи народов СССР. Оказание помощи освобожденным районам укрепляло экономическое и политическое единство советского общества. С восстановлением разрушенных предприятий возобновлялись традиционные связи и социалистическое соревнование трудовых коллективов – шахтеров Кизела и Донбасса, металлургов Макеевки и Нижнего Тагила, машиностроителей УЗТМ и НКМЗ. В годы войны часть продукции возрожденных предприятий направлялась на наращивание военно-экономического потенциала страны, что приближало час победы над фашизмом, часть направлялась на удовлетворение нужд тыла, на новой основе воссоздавалась специализация и кооперация производства в масштабах страны.

К концу 1945 г. было восстановлено 7500 крупных промышленных предприятий, производство промышленной продукции достигло 33 % от уровня 1940 г., сельскохозяйственной – 51 %, было восстановлено 76 % разрушенной сети железных дорог.⁴² Масштабы и сроки восстановительных работ, осуществлявшихся одновременно с грандиозными наступательными операциями Советской Армии, поражали мир. В успехе этого большого и благородного дела – немалая заслуга трудящихся Урала. Помощь тыла в восстановлении экономики освобожденных от фашистской оккупации районов в годы войны создала фундамент послевоенного успешного восстановительного процесса.

Библиография

1. *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. 280 с.
2. *Бондаренко О. И., Константиновская М. М., Цилюрик Н. И.* Гвардейцы донецких строк: Очерки из истории треста «Донмашстрой». М.; Донецк: Донбасс, 1970. 165 с.
3. *Буков К.И.* Все мы были солдатами: Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М.: Моск. рабочий, 1972. 336 с.
4. *Водолагин Н.А., Щеглов В.Н.* Металлургический завод «Красный Октябрь». М.: Металлургиздат, 1957. 223 с.

⁴² История социалистической экономики СССР. В 5 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938-1945 гг. М.: Наука, 1978. С. 192, 195; *Приходько Ю.А.* Восстановление индустрии. 1942-1950. М.: Мысль, 1973. С. 133, 135.

5. *Иванов Г.П.* В годы суровых испытаний. Краснодар: Кн. изд-во, 1967. 303 с.
6. *Конарев Н.С.* Железнодорожники в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945. М.: Транспорт, 1985. 576 с.
7. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.
8. *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112 – 121.
9. *Кравчук М.И., Погребинский М.Б.* Проверенная войной. М.: Политиздат, 1985. 173 с.
10. *Липатов Н.П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Очерки истории строительства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 283 с.
11. *Максакова Л.В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 343 с.
12. *Марченко И.Е.* Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР. 1943-1950. Минск: Наука и техника, 1977. 247 с.
13. *Мошкин Н.А.* Во имя победы. Коммунисты Удмуртии – организаторы трудового подъема в годы Великой Отечественной войны. Ижевск: Удмуртия, 1975. 126 с.
14. *Негодаев В.* Истоки возрождения: Исторический очерк. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1979. 127 с.
15. *Омельяненко П. Д.* Полстолетия на вахте: Очерк о развитии Донецкого завода химических реактивов за 50 лет. Донецк: Донбасс, 1967. 136 с.
16. *Пейсахович А.Я.* Культурное строительство в Белорусской ССР в 1943-1945 гг. Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1961. 67 с.
17. *Приходько Ю.А.* Восстановление индустрии. 1942-1950. М.: Мысль, 1973. 287 с.
18. *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941-1943 гг.): КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады. Л.: Лениздат, 1960. 234 с.

Н.Н. Мельников¹
Екатеринбург

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ²

В годы войны уральские танкостроители оказались в сложных жилищных условиях. Проблема была в значительной степени усилена массовой эвакуацией осенью 1941 г. Ограниченные ресурсы строительных предприятий и танковых заводов не могли в полной мере удовлетворить потребность в возведении новых объектов социальной инфраструктуры. Следовательно, вплоть до конца войны не удалось полностью решить задачу обеспечения работников уральского танкопрома жильем.

Ключевые слова: война, танкостроение, жилье, жилищное строительство.

N.N. Melnikov
Yekaterinburg

HOUSING CONSTRUCTION IN THE URALS DURING THE WAR

Annotation. During the war, the Ural tank builders found themselves in difficult living conditions. The problem was greatly exacerbated by the mass evacuation in the fall of 1941. The limited resources of construction enterprises and tank factories could not fully satisfy the need for the construction of new social infrastructure facilities. Consequently, until the end of the war, it was not possible to fully solve the problem of providing the workers of the Ural tank industry with housing.

Keywords: war, tank building, housing, housing construction.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всей советской экономики. Именно в этот период обострились проблемы ускоренного развития сталинской модели индустриального развития СССР. Еще в период первых пятилеток обозначилась такая особенность, как развитие всей социальной сферы по остаточному принципу.

В полной мере это касалось и жилищного строительства. Вокруг будущих производственных объектов стали массово возводиться барачные поселки. Первоначально они рассматривались как временная мера, но с течением лет стали естественным элементом городского ландшафта. Произошло это в основном по одной причине. Уже в 1930-е гг. ускоренное индустриальное развитие страны сопровождалось массовым дефицитом производственных ресурсов. Неудивительно, что трудности ресурсного обеспечения в полной мере отразились и на бытовых условиях работников промышленного сектора.

¹ *Мельников Никита Николаевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург. E-mail: meln2011kit@gmail.com

² Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-09-00050А.

Главная особенность жилищного строительства, развернувшегося в период эвакуации и восстановления танковой промышленности, состояла в том, что в связи с недостатком времени, средств и материалов строилось жилье в основном временного типа (бараки и землянки). Именно здесь впоследствии разместилась часть эвакуированных работников с семьями и основная масса мобилизованных рабочих. Расселение эвакуированного населения стало чрезвычайно сложной задачей. Такая ситуация образовалась не только из-за сокращения объемов жилищного строительства в годы войны при резком росте населения, особенно городского, но и в силу того, что дефицит жилья (в основном для танковой промышленности на Урале) сложился еще в довоенное время. На одного человека здесь приходилось 4,9 кв. м жилой площади, тогда как по стране в целом этот показатель достигал 6,5 кв. м только на одного городского жителя, а в сельской местности эта цифра была выше.

Ситуация сильно осложнилась осенью 1941 г., когда началась массовая эвакуация основных западных танковых производств на Урал. В октябре на Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ) прибыло свыше 15 тыс. работников и членов их семей с Ижорского и Кировского заводов и еще 4 тыс. строительных рабочих и членов их семей. Потребность в жилой площади только для них составила 76 тыс. кв. м. За счет имеющихся жилых фондов сам завод мог расселить 8,4 тыс. чел., остальные 10,6 тыс. предлагалось расселять силами горсовета³.

Накануне войны в соцгородке Уралмашзавода в среднем на одного человека приходилось 4,73 кв. м. В капитальных домах обеспеченность жильем составляла 4,97 кв. м, тогда как в бараках – всего 3,88. То есть обитатель барака «жил» примерно на 18% хуже, чем в квартире. Первоначально прибывающих эвакуированных работников и их семьи планировалось размещать по норме 4,5 кв. м, но вскоре ее пришлось снизить до 3 кв. м⁴. По данным на начало марта 1942 г., средняя обеспеченность жильем в городах Свердловской области составила 3,1 кв. м на чел.⁵

Среднеуральский регион принял слишком большое для своей инфраструктуры количество эвакуированного населения. Всего в область к началу февраля 1942 г. прибыло почти 390 тыс. чел., из них

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. Л. 23.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. Л. 78; Прием и размещение эвакуированных. Рукопись. Л. 2 // Музей истории Уралмашзавода.

⁵ Потемкина А. А. Эвакуация населения в уральский регион // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 159.

более 158 тыс. – это приехавшие с заводами работники и их семьи. Из общего числа всех эвакуированных в областном центре (самом насыщенном промышленностью городе) пришлось расселить более 146 тыс., а во втором по значению индустриальном центре – в Нижнем Тагиле – более 60 тыс.⁶

Схожие проблемы с прибывающим гражданским населением обнаружались и в Челябинске. Глава вновь созданного в Челябинске Кировского завода Исаак Зальцман, когда давал характеристику ситуации с приемом ленинградских работников, констатировал следующее. Размещать постоянно прибывающих эвакуированных (с ленинградского Кировского завода) некуда, поскольку свободных помещений банально нет. По состоянию на 24 декабря 1941 г., на эвакуационном пункте уже скопилось около 4 тыс. чел. Но на подходе был эшелон на более чем пятьсот человек. Зальцман всерьез опасался, что такое скопление людей может вызывать массовые заболевания и в целом резко ухудшить эпидемиологическую обстановку. Тем более что ярко такие случаи уже проявились среди детей⁷.

По состоянию на 13 января 1942 г., в Челябинске удалось расселить только 3 тыс. чел.⁸ К февралю 1942 г. в Челябинскую область прибыло 428 тыс. чел., эвакуированных из прифронтовой полосы, из них 168 тыс. – с предприятиями и учреждениями⁹.

Облисполком ситуацию на январь 1942 г. обрисовывал следующим образом: «Для обеспечения минимальной средней нормы жизнеобеспечения на жителя области 2,9 квадратных метров требовалось построить 767 тыс. квадратных метров жилой площади»¹⁰. Следовательно, в то время на одного человека в среднем приходилось гораздо меньшая площадь. Но иного выбора не было. В одночасье новые жилые помещения не могли появиться.

Прибытие такого количества нового населения неизбежно порождало проблему расселения, поскольку, как мы уже выяснили, свободных площадей в регионе не осталось. Данные, представленные на рисунке, наглядно показывают, в каком положении оказались работники восточных танковых предприятий к концу 1941 г. При этом необходимо учитывать, что эти данные отображают очень усредненную ситуацию. Зачастую эвакуированные размещались в еще более тяжелых условиях, поскольку в этих цифрах учтены и квартиры руководства, и барачные комнаты рабочих.

⁶ Тыл – фронту. Челябинск, 1990. С. 11.

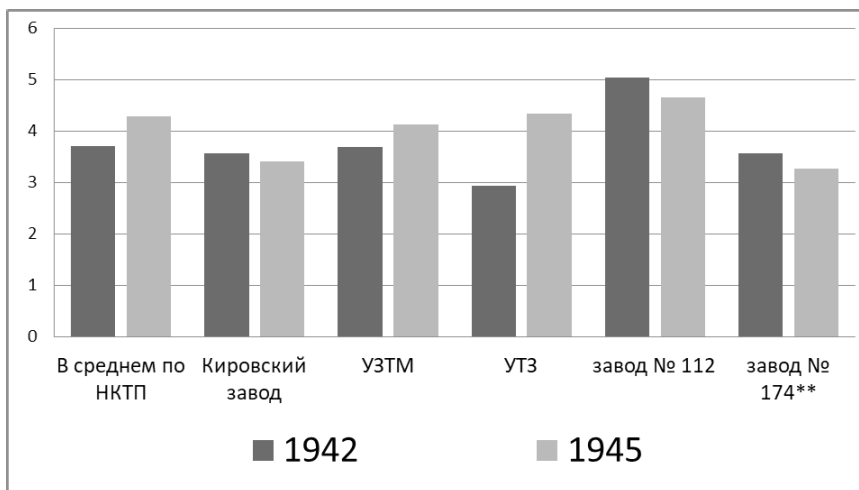
⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. Л. 1–2.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. Л. 3.

⁹ Тыл – фронту. Челябинск, 1990. С. 11.

¹⁰ Там же.

Средняя обеспеченность жильем работников танкостроения
в годы войны (кв. м на человека)

* РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 117.

** Для омского завода № 174 взяты данные по состоянию на 1 января 1943 г., поскольку на 1 января 1942 г. его еще не существовало.

Как видно из данных рисунка, средняя обеспеченность работников восточных танковых предприятий жильем в начале 1942 г. была меньше 4 кв. м на человека. Если взять за основу соотношение нормы жилья в бараках и средних цифр по Уралмашзаводу, то, соответственно, нам придется уменьшать данные по распределению квадратных метров на одного человека по Наркомату в целом и по отдельным заводам как минимум на 18%. Но эти цифры будут еще очень оптимистичными. УЗТМ по отношению к своему коренному контингенту принял наименьшее количество «приезжих» работников. Следовательно, все остальные предприятия Наркомата танкопрома на Урале были в еще худшем положении. В бараках, землянках и полуземлянках на одного человека приходилось много меньше 3 кв. м. Именно тяжелое положение с жильем стало одной из основных причин высокой текучести рабочей силы¹¹.

Особенно тяжело эта ситуация отразилась на «малых» уральских заводах НКТП. Свердловский турбинный завод еще в довоенное время страдал от катастрофической нехватки жилья. На почти 1,5 тыс.

¹¹ Запарий В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2015. С. 95.

работников у завода имелось квартир и комнат только для 354 семей. Остальные были расселены по жилым помещениям других предприятий и организаций города. Из-за жилищных проблем с января по май 1941 г. завод покинуло 93 чел., а в начале июня у директора лежало 380 заявлений об уходе. Количественный состав Уралтурбозавода к осени 1941 г. увеличился более чем в 3 раза. Но жилье, которое необходимо было построить по тем правительственным решениям, которые принимались в начале войны, так и не появилось в положенные сроки. В результате катастрофической нехватки жилья многие работники завода (в том числе квалифицированные рабочие ленинградского Кировского завода) были расселены за 8–10 км от предприятия в жилом фонде горсовета и других заводов¹².

Тяжелое положение с жильем на Урале, сложившееся еще в довоенный период, не позволило расселить на должном уровне эвакуированные семьи работников танковой промышленности. Вместе с приказами о начале эвакуации предприятий поступали распоряжения о строительстве жилья на новых местах. Другими словами, в тот момент проблема отсутствия свободных площадей была хорошо известна советскому руководству. Но реально воплотить в жизнь эти решения не было никакой возможности. Для этого отсутствовали и строительные материалы, и строительные рабочие. А главное – не было даже времени на это строительство. Начало и завершение самого массового этапа эвакуации пришлось на позднюю уральскую осень и начало зимы, когда температура воздуха была много ниже нуля. В таких условиях местным заводским, партийным и советским руководителям не оставалось ничего другого, как пытаться использовать в основном только имеющийся жилой фонд. А это означало крайне стесненные бытовые условия. Жизнь двух и даже более семей в одной комнате стала неизбежной нормой. Но это был не самый плохой вариант. Множеству рабочих пришлось ютиться в помещениях, организованных по принципу тюремного барака. Без межкомнатных перегородок, с нарами в несколько рядов и ярусом.

Танкостроение, как одна из основных отраслей военной промышленности СССР, в годы войны имело значительно большие возможности, чем предприятия гражданского сектора. Но и в нем было слишком большое количество проблем. Успешному решению жилищного вопроса помешал ряд факторов. С 1941 по 1945 гг. для работников танковой промышленности появилось значительное количество новых квадратных метров жилья, преимущественно барачного типа.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 222. Л. 155.

Однако это только нивелировало проблему дефицита жилых помещений, но не решило ее полностью, поскольку первые военные годы вместе с увеличением квадратных метров увеличивался контингент предприятий.

Основные причины – острая нехватка строительных рабочих и стройматериалов. Лес-кругляк для бараков стал единственным доступным ресурсом для строительства. Хотя нужно признать, что работники танковых заводов находились еще в относительно неплохих условиях по сравнению с работниками «невоенных» заводов. Многие рабочие строящегося Свердловского шарикоподшипникового завода (ГПЗ-6) долгое время были вынуждены жить прямо в цехах: для них просто не было помещений. Суровые условия военного времени поставили людей в тяжелое положение. Вполне ожидаемо, что все внимание страны было сосредоточено на выпуске военной техники, а не на создании приемлемых жилищных условий для людей, которые изготавливают эту технику.

Библиография

1. *Запарий Вас.В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2015. 219 с.
2. *Потемкина А. А.* Эвакуация населения в уральский регион // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 156–160.

Т.Л. Меркулова¹
Екатеринбург

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В УРАЛЬСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются на основании документов ведомственного архива УрФУ и документов фонда УПИ в Государственном архиве Свердловской области изменения в учебном процессе института в период 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Уральский индустриальный институт, Урал, Свердловская область, Великая Отечественная война, учебный процесс.

T.L. Merkulova
Yekaterinburg

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE URAL INDUSTRIAL INSTITUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

The article examines, on the basis of documents of the departmental archive of UrFU and documents of the UPI fund in the State Archives of the Sverdlovsk Region, changes in the educational process of the Institute in the period 1941-1945.

Keywords: Ural Industrial Institute, Ural, Sverdlovsk Region, Great Patriotic War, educational process.

С первых дней войны перед Уральским индустриальным институтом была поставлена задача перестроить всю свою работу в новых непривычных условиях военного времени. Необходимость перестройки высшей школы на военный лад диктовалась в значительной мере уходом в армию значительного числа студентов, работников и преподавателей и особенностями военной обстановки. Быстрое наступление немецких войск, оккупация обширной части советской территории с крупными промышленными и научными центрами, изменение условий мирной жизни многих вузовских городов потребовали эвакуации из прифронтовых областей сотен высших учебных заведений на восток страны. При этом эвакуировались не только люди – преподаватели и студенты, но и по возможности вывозились научное и учебное оборудование, архивы, библиотеки.

В результате эвакуации в основном удалось сохранить сложившиеся до войны коллективы профессорско-преподавательского состава и студентов, а также, хотя и частично, материальную базу многих университетов и институтов. Всего же за период эвакуации было вывезено

¹ Меркулова Татьяна Леонардовна – ведущий документовед Управления по делопроизводству и общим вопросам Уральского федерального университета. Екатеринбург. Россия. E-mail: TL.Merkulova@urfu.ru

полностью или частично 250 высших учебных заведений². Помимо организации эвакуации, вузам пришлось срочно и в сжатые сроки перестраивать весь учебно-педагогический процесс. Вся эта работа требовала значительного напряжения всех сил и ресурсов, которыми вузы располагали. Перестройка велась в условиях, когда значительная часть преподавательского состава и студентов ушла в армию, а оставшиеся студенты, кроме обучения, часто привлекались на сельскохозяйственные работы и для выполнения других срочных заданий. В целом по стране контингент обучающихся в вузах сократился по сравнению с таковым в 1940 г. почти наполовину. К началу войны в Уральском индустриальном институте обучалось около 3,5 тыс. чел. по 23 специальностям³.

Администрация УИИ была в первую очередь нацелена на подготовку специалистов для базовых отраслей промышленности, обслуживающих военную и оборонную промышленность. Для этого в феврале 1941 г. был проведен дополнительный набор на 1 курс факультетов металлургии черных металлов, металлургии цветных металлов, химического и механического факультетов⁴. В результате этой меры было принято на 1 курс 163 чел. В 1942 г. институт выпустил 598 инженеров, из них 34 чел. – в феврале, 549 – в июне, 12 – в октябре⁵.

В дальнейшем наркомат черной металлургии (НЧМ), в чьем ведении находился в то время Уральский индустриальный институт, заострил внимание на подготовке специалистов для своих предприятий. Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР в 1942 г. освободил от призыва в армию студентов выпускных курсов всех вузов и предпоследнего курса 1941/42 учебного года по специальностям: «Металлургия черных металлов», «Пластическая и термическая обработка черных металлов», «Механическое оборудование металлургических цехов», «Металлорежущие станки» – всего по 15 специальностям, в основном металлургическим. На основании этого постановления Главное управление учебными заведениями НЧМ издало приказ от 9 мая 1942 г. № 99 «О мероприятиях по укреплению ВТУЗов наркомата черной металлургии», в котором основное внимание было обращено на комплектование студентами основных металлургических, горных и строительных специальностей⁶.

² *Сиверцева Н.А.* Великая Отечественная война и высшая школа М., 1995, С. 39.

³ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.1-а, Л.32.

⁴ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.108, Л.6.

⁵ Архив УрФУ. Оп.1-Л. Д.445. Л.1-3.

⁶ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.2, Л.24.

Накануне войны абитуриенты принимались в вузы на общих основаниях. Главным критерием приема становилась постоянно возрастающая потребность народного хозяйства страны в квалифицированных специалистах. С принятием Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 5 мая 1942 г. «О плане приёма в ВУЗы в 1942 г.и о мероприятиях по укреплению вузов» были значительно облегчены условия и порядок приёма в вузы на 1942/43 учебный год. В частности, от приёмных экзаменов освобождались лица, окончившие в 1941-1942 учебном году средние школы с отметками «хорошо» и «отлично», а также все остальные выпускники средних школ при наличии в вузе свободных мест, а при недостатке мест – с проведением конкурсных приёмных экзаменов. Директорам вузов было разрешено также зачислять без экзаменов студентов-участников войны, вернувшихся в институт после ранений и контузий⁷. Постановлением СНК СССР от 23 марта 1943 г. этот порядок приёма был сохранен в 1943/44 учебном году.

14 сентября 1942 г. вышел приказ наркомата черной металлургии № 214 «Об укреплении факультета черной металлургии Уральского индустриального института. Директору института Качко А.С. было предписано довести контингент студентов на факультете к началу 1942/43 учебного года не менее чем до 700 чел., что составило бы чуть меньше половины всех обучающихся в институте в 1942 г. студентов⁸. Этим же приказом дирекции института было дано задание обеспечить к началу учебного года восстановление специальных лабораторий факультета, таких как лаборатория металлургии чугуна, стали, плавильных печей, литейного и прокатного производств, законсервированных в связи с передачей учебных площадей института производственным предприятиям. Администрация института во исполнение этого приказа нашла возможность для расширения лабораторного фонда факультета металлургии черных металлов передать ему 5 аудиторий в 3 учебном корпусе⁹.

Это было в условиях уральской эвакуации очень значительным расширением, так как в институте хронически не хватало учебных аудиторий и студенты были вынуждены заниматься в три смены. В первую смену занимались студенты УИИ, во вторую смену – Уральского политехникума, в третью смену – студенты эвакуированного в Свердловск Московского государственного университета¹⁰.

⁷ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.2, Л.24об.

⁸ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.108, Л.8

⁹ ГАСО.Ф.227-р, Оп.4, Д.113, Л.2..

¹⁰ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.113, Л.1 об.

На первый курс всех факультетов в 1942/43 учебном году был проведен дополнительный зимний (февральский) прием студентов, но так как общее число поступивших в феврале 1943 г. было всего 212 чел., то дирекция института решила передать их только двум факультетам – металлургии черных металлов (100 чел.) и механическому. Кроме зимнего набора, постоянно проводился индивидуальный прием студентов. В 1943 г. на факультет металлургии черных металлов дополнительно к основному приёму было принято 579 чел.¹¹ Решением Государственного Комитета обороны от 19 апреля 1943 г.

и соответствующим приказом по НЧМ студентам, обучающимся на факультетах металлургии черных металлов, были предоставлены значительные преимущества перед другими студентами. Все студенты, кроме тех, кто имел академическую задолженность, получали стипендию, а студенты дефицитных по военному времени специальностей – повышенную, а отличники учебы получали 25% надбавки к своей стипендии. Кроме основного питания по продовольственным карточкам, такие студенты имели талоны на дополнительное горячее блюдо. Те же, кто по возрасту подлежали мобилизации в Красную Армию, получали отсрочку. Администрация института выделила факультету черной металлургии под общежитие специальный корпус на 1000 чел., который к концу 1943/44 учебного года уже был частично заселен¹².

Приказом Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 17 мая 1943 г. институту был определен план приёма на 1944 г. в количестве 1775 чел. и предписано довести контингент студентов до 4800 чел. Для выполнения этих предписаний институту приказывалось организовать с мая 1943 г. подготовительное отделение для поступающих в вуз на 400 чел. Но это предписание не было выполнено. В 1944 г. контингент студентов резко сократился по сравнению с 1943 г. Согласно данным годового отчета института по учебной работе за 1943 год, на 31 августа 1944 г. в институт было подано 96 заявлений о приёме на 1 курс, тогда как на 31 августа 1943 г. было подано 1943 заявлений¹³. Такое резкое снижение количества желающих поступить в вуз можно объяснить не только тем, что с начала 1944 г. студенты эвакуированных на Урал вузов по мере освобождения территорий СССР от оккупационных войск возвращались на прежние места учебы, но и трудностями жизни в тылу. Кроме этого, число выпускников средних школ в 1944 г. уменьшилось в 2,5 раза по сравнению с таковым в 1943 г.¹⁴ (таблица).

¹¹ Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн.1. М.,1974. С. 22.

¹² ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.113, Л.119.

¹³ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.115, Л.6 об.

¹⁴ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.115, Л.7.

Контингент студентов Уральского индустриального института¹⁵

Количество студентов на начало учебного года	Количество студентов на конец учебного года	Количество студентов на 1 курсе	Прибыло в порядке перевода и восстановления	Закончило с защитой	Выбыло в течение года	Учебный год
2106	1626	443	324	492	632	1941/42
3222	1886	1531	508	383	1461	1942/43
4073	2232	2006	723	281	2283	1943/44
2092		504	169	169 за октябрь-март 1945 г.		1944/945
11493	5744	4484	1724	1315	4376	Всего

Учитывая сложность приёма на 1944/45 учебный год, НЧМ обязал приказом от 6 мая 1944 г. свои предприятия выделить 400 чел. для обучения в УИИ. Но реально эта мера дала институту только 20 студентов, несмотря на то, что уполномоченные института побывали на 26 предприятиях системы наркомата¹⁶.

Зимой 1945 г. наркомат черной металлургии издал приказ об отборе на учёбу с заводов молодёжи, имеющей среднее образование. На 44 завода, указанные в приказе, выезжали 33 научных работника института и отобрали 163 чел.¹⁷

В условиях военного времени около 150 тыс. студентов совмещали учебу в вузах с работой на производстве. Это была, конечно, вынужденная мера, но она в значительной степени способствовала рождению принципиально новой формы обучения в высшей школе, когда обучение тесно и непосредственно связывается с производственной практикой. Наряду с привлечением студентов к производственной деятельности правительству пришлось пойти на значительное сокращение времени обучения – 3,5 года для вузов с 5-летним сроком обучения, 3 года для вузов с 4-летним сроком. Однако осуществлялось это не за счет сокращения общего количества часов, предусмотренных довоенными планами обучения, а путем уменьшения летних и зимних каникул, сокращения производственной практики с одновременным увеличением ее в самих вузах. Увеличилось и количество учебных занятий в неделю с 36 до 42 часов. Это повлекло за собой и новую форму организации занятий.

¹⁵ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.111. Л.1-1об.

¹⁶ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.116, Л.3.

¹⁷ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4 Д.116, Л.5 об.

В годы войны получило широкое распространение объединение студенческих групп в потоки. По некоторым дисциплинам стали составляться общефакультетские расписания. Из расписаний занятий малых факультетских групп стали исключаться лекционные часы и заменяться самостоятельной работой с источниками. Вся деятельность учебных заведений была подчинена требованиям фронта.

Введение в вузах обучения по сокращенным программам носило временный характер. Учеба и работа в экстремальных условиях в значительной степени решали проблемы фронта и тыла со специалистами, но опыт все-таки показывал, что сжатые сроки изучения основных теоретических предметов не дают необходимого качества их усвоения студентами. Давало себя знать и то обстоятельство, что на время каникул студенты привлекались к сельскохозяйственным работам, длительность которых значительно превышала срок месячных летних каникул. Поэтому уже с 1942/43 учебного года введенные в начале войны сокращенные планы обучения были отменены, и высшая школа вернулась к довоенным учебным планам.¹⁸

В период войны возникли новые, дополнительные формы организации учебного процесса, которые предполагали оказание студентам максимальной помощи в освоении учебного материала. Это выразилось в том, например, что в ряде вузов значительно увеличился удельный вес коллоквиумов в учебном процессе, они стали проводиться по всем предметам, выносившимся на экзамен. Получила широкое распространение практика чтения обзорных лекций перед экзаменами по тем курсам, которые слушались два-три семестра. Значительно увеличилось количество дополнительных занятий, проводившихся по вечерам и в воскресные дни. Для студентов было увеличено количество групповых и индивидуальных консультаций.

С началом войны почти все лаборатории института были переданы в распоряжение оборонных предприятий города, в том числе ведущие лаборатории факультетов металлургии черных и цветных металлов, механического факультета.

В начале 1941/42 учебного года, согласно приказу института № 402 от 01.08.1941, были объединены кафедры: основ марксизма-ленинизма и политэкономии, теоретической электротехники и техники высоких напряжений, общей теплотехники и котельных установок, подъемно-транспортных машин и механического оборудования металлургических цехов, физической подготовки и военной подготовки, металловедения и термической обработки, технологии нефти и технологии пирогенных процессов, центральных электростанций.

¹⁸ *Сиверцева Н.А.* Великая Отечественная война и высшая школа. М., 1995.

Временно была остановлена работа кафедры теории металлургических процессов¹⁹. В течение 1942/43 учебного года в институте были вновь организованы кафедры теории металлургических процессов, термической обработки металлов, физической культуры.

К началу учебных занятий в 1943/44 учебном году были восстановлены лаборатории кафедры теории металлургических процессов, кафедры термической обработки металлов, в состоянии монтажа находились электроплавильная лаборатория, лаборатории кафедр электрометаллургии и пирогенных процессов. К началу 1944/45 учебного года в связи с невыездом из учебных корпусов Свердловского инструментального завода и завода № 707 не восстановленными оставались лаборатории металлургии чугуна, металлургии стали, прокатного производства²⁰.

В течение 1942/43 учебного года была проведена работа по организации нового, энергомашиностроительного факультета со специальностями: «Машиностроение», «Турбиностроение», «Котлостроение»²¹. В августе 1943 г. только что созданный факультет был ликвидирован в связи с эвакуацией его декана – профессора И.Н. Вознесенского, часть студентов, обучавшихся по специальностям «Турбиностроение» и «Котлостроение», были переведены на электротехнический факультет, а студенты старших курсов направлены в Ленинградский политехнический институт, где продолжили свою учёбу.²²

Приказом Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 2 марта 1943 г. в институте была введена подготовка инженеров-технологов по специальности «Технология пирогенных процессов» в количестве 295 чел. и установлен план выпуска готовых специалистов в 1943 г. 20 чел., в 1944 г. – 20 чел.²³ Необходимость в таких специалистах была вызвана развитием нефтеперерабатывающей промышленности восточных районов страны. Пирогенные процессы, такие как пирогазификация высококипящих нефтепродуктов, крекинг, использовались для получения промышленных углеводородов, необходимых в производстве взрывчатых веществ, высококачественного моторного топлива, для синтеза лекарственных веществ.

ГКО в своём постановлении от 17 ноября 1941 г. установил, что студенты вузов обязаны проходить военную подготовку по 110-часовой программе всеобуча со второго семестра 1942/43 учебного года.

¹⁹ Архив УРФУ-УПИ. (далее АУРФУ-УПИ). Оп.1-Л. Д.370. Л.204.

²⁰ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.115, Л.3-3об.

²¹ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.111, Л.1об.

²² ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.115, Л. 26об.

²³ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.3, Л.1.

В институте был введен специальный военный день для каждого факультета вместо прохождения занятий по военно-физкультурному делу в течение недели. Эта мера укрепила дисциплину на занятиях и повысила посещаемость их с 63% в 1 семестре до 87-90% во 2 семестре²⁴. С 1944/45 учебного года в институте была введена как особая дисциплина военная и военно-морская подготовка по 450-часовой программе со сдачей экзаменов на каждом курсе²⁵.

С началом войны в институте были закрыты вечернее и заочное отделения. Работа заочного отделения была прекращена приказом института № 387 от 27.07.1941²⁶. Согласно этому же приказу были ликвидированы учебно-консультационные пункты заочного отделения института в городах: Челябинске, Златоусте, Магнитогорске, Уфе, Сталинске, Новосибирске, Кемерово, Лысьве, Нижнем Тагиле, Березниках. Приказом директора института № 381 от 22.07.1941 была прекращена работа рабфака²⁷. Заочное отделение официально было восстановлено в 1944 г., но фактически не работало, хотя на 1 августа 1944 г. в институте числилось 316 студентов-заочников²⁸. Подобная ситуация сложилась с аспирантурой, которая была восстановлена в конце 1943 г.

Как мы видим на примере Уральского индустриального института, советская высшая школа выполнила свой долг перед страной, разделив с ней все трудности военной жизни. Кроме того, некоторые показавшие свою эффективность способы организации учебного процесса, как, например, организация и прохождение производственной практики, участие студентов в научно-исследовательской работе кафедр, были перенесены и на последующее, мирное время.

Библиография

1. *Круглянский М.Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.
2. *Сиверцева Н.Л.* Великая Отечественная война и высшая школа. М., 1995.
3. Уральский государственный технический университет. 1920-1995 гг.: Исторический очерк / отв. ред. Б.В. Личман. Екатеринбург, 1995.

²⁴ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.113, Л.42.

²⁵ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.3, Л.74-75.

²⁶ АУрФУ-УПИ. Оп.1-л. Д.370. Л.128.

²⁷ АУрФУ-УПИ. Оп.1-л. Д.370. Л.106.

²⁸ ГАСО, Ф.227-р, Оп.4, Д.115, Л.26.

В. П. Мотревич¹

Екатеринбург

ЧИСЛЕННОСТЬ И ЗАРПЛАТА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе материалов ЦСУ СССР исследуются изменения в численности занятых в сельском хозяйстве Свердловской области рабочих и служащих, в том числе работавших на машинно-тракторных станциях, в совхозах и подсобных хозяйствах, а также обслуживании отрасли. Приводятся данные о размерах зарплаты занятых на предприятиях и в организациях аграрного сектора в сравнении с оплатой труда в других отраслях хозяйства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Свердловская область, рабочие и служащие, колхозники, машинно-тракторные станции, совхозы, подсобные хозяйства, ветеринария, заработная плата.

V.P. Motrevich

Yekaterinburg

NUMBER AND WAGE OF WORKERS AND EMPLOYEES AGRICULTURE IN SVERDLOVSK REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the basis of the materials of the Central Statistical Administration of the USSR, changes in the number of workers and employees employed in agriculture of the Sverdlovsk region, including those who worked in machine-tractor stations, state farms and subsidiary plots, as well as servicing the industry, are studied. The data on the size of the wages of those employed in enterprises and organizations of the agrarian sector in comparison with wages in other sectors of the economy are given.

Keywords: the Great Patriotic War, the Sverdlovsk region, workers and employees, collective farmers, machine-tractor stations, state farms, subsidiary farms, veterinary medicine, wages.

Основным источником сведений о населении СССР являются материалы всесоюзных переписей населения. Однако, помимо всеобщих переписей, существует и текущий учет населения. Одним из его видов были регулярно проводимые ЦСУ СССР сентябрьские учеты рабочих и служащих. Они содержат материалы о численности и зарплате рабочих и служащих по отраслям хозяйства в республиканском и областном разрезах. Результаты сентябрьских учетов хранятся в Российском государственном архиве экономики и частично были опубликованы в республиканских и областных статистических сборниках².

¹ *Мотревич Владимир Павлович* – доктор исторических наук, профессор Уральского государственного юридического университета. Екатеринбург, Россия. E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

² Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: сб. ст. Свердловск: Госстатиздат, 1956. С.118; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп.15.

В настоящее время исследователями достаточно глубоко изучен круг вопросов, связанных с историей уральского крестьянства военных лет. В работах Г.Е.Корнилова, В.Н. Мамяченкова, В.П. Мотревича, Р.Р. Хисамудиновой достаточно подробно исследованы численность и материально-бытовое положение уральского крестьянства военных лет³. Достигнутые результаты были следствием наличия таким емких источников, как сводные годовые отчеты колхозов и бюджеты семей колхозников. Но помимо колхозников, в сельском хозяйстве Свердловской области трудились и десятки тысяч рабочих и служащих. Они были заняты в обслуживании отрасли и ветеринарии, работали на машинно-тракторных станциях, в совхозах и подсобных хозяйствах промышленных предприятий, учреждений и организаций. Однако до настоящего времени в историографии содержатся лишь незначительные сведения о численности и материальном положении занятых в сельском хозяйстве Свердловской области рабочих и служащих⁴.

Накануне Великой Отечественной войны большую часть населения Свердловской области составляли горожане. По данным на начало 1941 г., численность жителей области составляла 2596,5 тыс. чел. Из них 1016,6 тыс., т.е. 39,2 %, проживало в сельской местности⁵. Основную группу сельчан составляли колхозники. По состоянию на конец 1940 г., наличное население колхозов насчитывало 519,7 тыс. чел, в том числе трудоспособных колхозников было 237,0 тыс.⁶. Помимо колхозников, по данным за сентябрь 1940 г., в сельском хозяйстве трудилось также 38,7 тыс. рабочих и служащих (табл. 1). Из них 7683 чел. работали на машинно-тракторных станциях, 28794 – в совхозах и подсобных хозяйствах, 2251 чел. были заняты в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии (табл. 2).

³ *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) Свердловск: УрГУ, 1990. 203 с.; *Мамяченков В.Н.* Данные бюджетных обследований о натуральных и денежных доходах колхозников Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: материалы научной конференции. Екатеринбург: УГТУ, 1998. С. 67-69; *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: УрГУ, 1990. 196 с.; *Хисамудинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: ОГПУ, 2002. 300 с.

⁴ *Мотревич В.П., Никитев А.Ф.* Уральские механизаторы в годы Великой Отечественной войны: численность и состав // Аграрный вестник Урала. 2014. № 5. С. 59-61; *Мотревич В.П.* Уральские механизаторы в годы Великой Отечественной войны: материальные и правовые стимулы к труду // Аграрный вестник Урала. 2014. № 6. С. 55-58.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53, 54.

⁶ *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: АН СССР, 1963. С. 389.

Таблица 1

Численность рабочих и служащих в Свердловской области
(по данным сентябрьских учетов)

Отрасли хозяйства	Численность (тыс. чел.)		Зарплата (руб.)	
	1940	1945	1940	1945
Промышленность	337,9	516,3	362	563
Строительство	56,0	69,4	357	432
Сельское хозяйство	38,7	68,3	279	248
Лесное хозяйство	5,0	3,8	219	201
Транспорт	64,1	81,4	351	575
Связь	7,9	8,2	261	356
Торговля, заготовки, общепит, снабжение	56,9	82,0	250	247
Здравоохранение	33,4	40,4	228	362
Просвещение	47,0	58,2	296	423
Кред. и страховые учреждения	3,9	3,5	317	510
Аппарат управления	28,8	31,7	402	565
Промкооперация	28,2	30,0	274	283
Прочие отрасли	27,3	33,7	Нет св.	Нет св.
По всем отраслям	735,1	1026,9	345	493

Составлено по: Народное хозяйство Свердловской области ... С. 118; РГАЭ. Ф. 1562. Оп.15. Д.3730. Л.54; Д.3733. Л. 65.

С началом Великой Отечественной войны быстрое наращивание индустриального потенциала области потребовало увеличения числа работников в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях хозяйства. Как следует из данных табл.1, единственной отраслью, где произошло сокращение численности работников, было лесное хозяйство. Основными источниками роста числа рабочих и служащих стали эвакуированные и бывшие колхозники. В 1941-1942 гг. в результате эвакуации в Свердловской области были размещены многие десятки предприятий, учреждений и организаций, а также сотни тысяч беженцев. По состоянию на начало 1943 г., в области насчитывалось 328,0 тыс. эвакуированных граждан⁷. Одновременно численность трудоспособных колхозников к 1944 г. сократилась до 152,9 тыс., т.е. более чем на треть⁸. Часть из них была призвана в армию, другие мобилизованы для работы в промышленности.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 405. Л.2.

⁸ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С.392.

Параллельно со значительным сокращением колхозников в Свердловской области росло количество занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих. За годы войны их численность возросла с 38,7 до 68,3 тыс. чел., т.е. в 1,8 раза. Причина заключалась в интенсивном развитии вокруг промышленных центров Среднего Урала продовольственной базы. Главная роль в этом процессе отводилась формированию системы подсобных хозяйств. С этой целью большая часть совхозов в Свердловской области была передана промышленным предприятиям, организациям и учреждениям. В результате число совхозов уменьшилось с 51 в 1940 г. до 13 в 1945 г., а количество их работников – с 14,0 до 2,9 тыс. чел.⁹

Одновременно подсобные хозяйства организовывались и на землях госфонда, а также неиспользуемых землях колхозов. В 1944 г., по данным 43 наркоматов и ведомств, в Свердловской области насчитывалось 475 крупных подсобных хозяйств¹⁰. Одновременно сократилась численность работников, занятых на машинно-тракторных станциях. Всего за годы войны численность рабочих и служащих МТС уменьшилась с 7,7 до 4,8 тыс. (62,3%), количество занятых в ветеринарии сократилось с 2,3 до 1,8 тыс. чел. (78,3%) (см. табл. 2). Таким образом, данные ЦСУ СССР показывают, что рост числа занятых в сельском хозяйстве Свердловской области рабочих и служащих произошло только за счет организации и укрепления подсобных хозяйств.

Таблица 2

Численность и зарплата рабочих и служащих в сельском хозяйстве Свердловской области (по данным сентябрьских учетов)

Сельское хозяйство	Численность (чел.)		Зарплата (руб.)	
	1940	1945	1940	1945
Машинно-тракторные станции	7683	4792	348	267
Совхозы и подсобные хозяйства	28794	61752	260	244
Обслуживание с.-х. и ветеринария	2251	1783	286	320
Всего	38728	68327	279	248

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.15. Д.3730. Л.54; Д.3733. Л. 65.

В ходе сентябрьских учетов органы статистики также вели учет показателей средней зарплаты рабочих и служащих. Из данных табл. 1 следует, что в среднем по области заработная плата рабочих и служащих за годы войны выросла на 42,9%. Особенно заметный рост отмечался в промышленности, строительстве, кредитных и страховых

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп.323. Д.191. Л.14; Оп. 324. Д. 1257. Л. 24.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.374. Оп.7. Д.1250. Л. 1-15.

учреждениях, аппарате управления, а также на транспорте. Увеличились зарплаты в здравоохранении, народном образовании и промкооперации. В торговле и общественном питании оплата труда осталась на довоенном уровне, а в лесном и сельском хозяйстве заметно уменьшилась. Данные табл. 2 показывают, что среди рабочих и служащих сельского хозяйства наиболее сильно оплата труда снизилась у работников машинно-тракторных станций, что было следствием значительного сокращения объема выполняемых МТС работ. Несколько уменьшилась зарплата рабочих и служащих в совхозах и подсобных хозяйствах, а вот оплата труда занятых в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии заметно возросла.

Таким образом, рабочие и служащие сельского и лесного хозяйств, а также торговли, заготовок и промкооперации были самыми низкооплачиваемыми жителями Свердловской области. Тем не менее материальное положение занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих было значительно лучше, чем проживавших по соседству с ними колхозников, поскольку денежная и натуральная оплата трудодней часто была мизерной. Рабочие же и служащие государственных сельскохозяйственных предприятий получали пусть и невысокую, но гарантированную ежемесячную заработную плату. В совокупности с поступлениями от своего индивидуального хозяйства это обеспечивало им более высокий доход в семейный бюджет. Таким образом, занятые в сельском хозяйстве рабочие и служащие находились в лучшем положении по сравнению с ведущими полуголодное существование колхозниками.

Библиография

1. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: АН СССР, 1963. 459 с.
2. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск: УрГУ, 1990. 203 с.
3. *Мамяченков В.Н.* Данные бюджетных обследований о натуральных и денежных доходах колхозников Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: материалы научной конференции. Екатеринбург: УГТУ, 1998. С. 67-69.
4. *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: УрГУ, 1990. 196 с.
5. *Мотревич В.П., Никитев А.Ф.* Уральские механизаторы в годы Великой Отечественной войны: численность и состав // Аграрный вестник Урала. 2014. № 5. С. 59-61.
6. *Мотревич В.П.* Уральские механизаторы в годы Великой Отечественной войны: материальные и правовые стимулы к труду // Аграрный вестник Урала. 2014. № 6. С. 55-58.
7. *Хисамутдинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: ОГПУ, 2002. 300 с.

А. С. Мохов¹, К. Р. Капсалькова²
Екатеринбург

**ВОСПОМИНАНИЯ ДИРЕКТОРА ПОЛТАВСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
В. Г. КОРОЛЕНКО КАК ИСТОЧНИК ОБ ЭВАКУАЦИИ
МУЗЕЯ В СВЕРДЛОВСК В 1941 г.³**

В годы Великой Отечественной войны в Свердловск было эвакуировано значительное число музеев из западных регионов СССР (Ленинград, Крымская АССР, Украина и др.). В статье на основании неопубликованных архивных документов рассматривается история эвакуации в Свердловск собрания Полтавского государственного литературно-мемориального музея В. Г. Короленко. Впервые публикуется рассказ директора музея С. В. Короленко об эвакуации из Полтавы осенью 1941 г. – уникальное свидетельство спасения музейных ценностей из прифронтовой полосы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музейное дело, охрана культурного наследия, источниковедение, С. В. Короленко.

A. S. Mokhov, K. R. Kapsalykova
Yekaterinburg

**MEMORIES OF THE DIRECTOR OF THE POLTAVA
LITERARY-MEMORIAL MUSEUM V. G. KOROLENKO
AS A SOURCE ABOUT THE EVACUATION OF THE MUSEUM
TO SVERDLOVSK IN 1941**

Abstract. Many museums evacuated in Sverdlovsk at Great Patriotic War. Before 1941 museums based in western territory of USSR (Leningrad, Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Ukraine etc.) Unpublished archival documents were used for research of evacuation history. The Poltava State Literary and Memorial Museum V. G. Korolenko was evacuated to Sverdlovsk. The eldest Korolenko's daughter and head of Museum Sophia Vladimirovna Korolenko created passage about evacuation, autumn 1941. It is unique reductions of rescue of material and spiritual valuables in close to the front.

Keywords: Great Patriotic War, museum affairs, protection of cultural heritage, source study, S. V. Korolenko.

В начальный период Великой Отечественной войны, наряду с беспрецедентной по масштабам эвакуацией в глубокий тыл промышленного потенциала страны, были предприняты не имевшие аналогов мероприятия по спасению из зоны боевых действий культурных ценностей. Однако уникальный опыт перемещения в безопасные районы

¹ *Мохов Антон Сергеевич* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. E-mail: rkb2004@yandex.ru

² *Капсалькова Карина Рамазановна* – кандидат исторических наук ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

³ РФФИ, проект № 20-09-00106 «Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.», 2020–2022 гг.

музейных коллекций, архивов и библиотек освещен в историографии в недостаточной степени⁴. Изучалась в основном история спасения собраний центральных музеев Москвы и Ленинграда⁵. Эвакуация коллекций провинциальных музеев, как правило, исследуется на отдельных примерах, что напрямую связано с состоянием источниковой базы⁶.

Одним из основных центров эвакуации учреждений культуры в 1941–1942 гг. являлся Свердловск. В город были эвакуированы многочисленные музеи: Государственный Эрмитаж, Музеи Московского Кремля, Херсонесский историко-археологический музей (Севастополь) и др. «Музейное соцветие» дополняли ведущие высшие учебные заведения СССР: Московский государственный университет, Военно-воздушная инженерная академия им. Н. Е. Жуковского, Киевская государственная консерватория и др. В Свердловске в годы войны работали Президиум Академии наук СССР и многочисленные академические институты. Помимо этого, в городе располагались структуры Союза советских писателей, Союза советских художников, Союза советских архитекторов. Упомянем также, что десятки учреждений культуры, науки и образования были эвакуированы в другие города Свердловской области (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Камышлов, Ирбит и др.).

В годы Великой Отечественной войны в Свердловске жили и работали академики В. Л. Комаров (1869–1945; биолог, президент АН СССР), А. Е. Ферсман (1883–1945; геолог), Л. Д. Шевяков (1889–1963; геолог), И. П. Бардин (1883–1960; металлург), Е. В. Тарле (1874–1955; историк), Н. К. Гудзий (1887–1965; филолог), В. В. Данилевский (1898–1960; историк техники) и др. Перечислим также известных всей стране творческих работников, находившихся в эвакуации в Свердловске: писатели М. С. Шагинян (1888–1982), А. Л. Барто (1901–1981), В. С. Гроссман (1905–1964); скульптор В. И. Мухина (1889–1953), литературовед М. А. Рыбникова (1885–1942), искусствовед В. Ф. Левинсон-Лессинг (1893–1972) и многие, многие другие.

В Государственном архиве Свердловской области, в фонде Свердловского областного совета краеведения, хранится документ, озаглавленный «Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Коро-

⁴ *Разгон А. М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона): научные чтения / отв. ред. Т. Г. Игумнова. М., 1999. С. 122–133.

⁵ *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 49–81; *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017. С. 72–112.

⁶ См., например: *Мохов А. С. Шаманов А. В., Капсалькова К. Р.* «Прибыли в полной сохранности»: эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 639–651.

ленко в городе Свердловске»⁷. Автором этого машинописного текста, напечатанного на двух сторонах стандартных листов, была Софья Владимировна Короленко (1886–1957) – старшая дочь писателя и первый директор музея. На первом и девятом листах документа – штампы с надписью: «Свердловский областной совет краеведения». На последнем листе подпись С. В. Короленко и проставленная ее рукой дата – январь 1943 г.

Документ состоит из рассказа об эвакуации из Полтавы осенью 1941 г. и отчета о деятельности музея в 1942 г. Ниже мы публикуем первую часть текста, который представляет собой уникальное свидетельство спасения музейных ценностей из прифронтовой полосы⁸.

«В нашей тихой Полтаве начало военных действий 22 июня 1941 года явилось неожиданным, ошеломляющим ударом. Теперь, когда вспоминаю пережитое, мне представляется, что первое время жизнь двигалась, как будто по инерции, не наполненная еще новым содержанием. Казалось, страшный удар, упавший на страну, сковал вначале ее живые силы.

При жизни моей матери (она пережила отца на девятнадцать лет)⁹, мы, думая о возможной будущей войне, всегда представляли себе, что в этом случае уедем с Украины на север, взяв с собой все ценное для памяти отца. Но когда опасность надвинулась так внезапно, вначале наступила растерянность, явилась необходимость выждать».

Музей В. Г. Короленко включился в общую работу¹⁰. В садах и на улицах Полтавы рыли окопы, укрепляли и приспособляли погреба и подвалы для бомбоубежищ. Город с первого дня войны погружался в полную темноту, и работники музея несли дежурства по охране дома и усадьбы, где прошли долгие годы жизни В. Г. Короленко и где каждая вещь и книга в его кабинете сохраняли черты его жизни и работы.

Полтавский горсовет разрешил для укрепления подвала дома использовать кирпич и цемент, которые были приготовлены для пьедестала памятника В. Г. Короленко.

Посоветовавшись с инженером, я распорядилась сделать второй выход из погреба под домом и укрепить его, с тем, чтобы в случае сильных бомбардировок опустить туда наиболее ценные книги и литературные материалы. Погреб был глубоким и можно было надеяться, что, в крайнем случае, вещи будут засыпаны, но не уничтожены.

⁷ ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 404.

⁸ ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–7 об.

⁹ Ивановская Евдокия Семеновна (1855–1940), русская революционерка, народница, жена В. Г. Короленко.

¹⁰ Музей В. Г. Короленко существовал с 1928 г. Подробнее см.: Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко: Путеводитель / вступ. статья С. В. Короленко; сост. Л. К. Гейштор. Харьков, 1955.

Музей В. Г. Короленко после начала войны продолжал работать нормально и относительно дальнейшей своей судьбы ждал распоряжений от Наркомпроса. Как и все директора музеев, я получила предписание не свертывать экспозицию, не закрывать ее для посетителя, но продолжать работу.

Очень многие из дывигавшихся через Полтаву беженцев, мобилизованных, эвакуировавшихся посещали музей В. Г. Короленко. У меня сохранилась книга с отметками впечатлений посетителей в течение первых двух месяцев войны. Здесь записали свои впечатления группы учащихся, учителей, артистов, красноармейцев, работников различных учреждений, проезжавших через Полтаву.

Я старалась, чтобы в доме были порядок и покой, как обычно. Все было по-прежнему на своих местах, как всегда благоухали цветы в вазах и мне казалось порой, что в эти трудные и страшные дни заходили в дом писателя В. Г. Короленко, как пришли бы к нему живому. <...>

К этому времени был занят Кременчуг¹¹. Днепр уже не являлся естественной преградой, а от Кременчуга до Полтавы немногим больше ста километров. Предписания из Наркомпроса увозить из Полтавы музейные ценности еще не было, но становилось все более ясным, что медлить нельзя.

Получить отдельный вагон, о чем я хлопотала, не представлялось возможным, приходилось оставить все трудно перевозимое, взять только ценные литературные материалы.

Стояли чудесные, солнечные, ясные дни ранней полтавской осени. В нашем саду сливы потемнели от огромного урожая фруктов, ярко краснели от множества ягод кусты кизила. Площадка в городском саду, около общей могилы моих родителей, была залита ярко-красными пышно разросшимися геранями.

Город уже значительно опустел, уехал и детский дом, останавливавшийся еще недавно в ближней школе и помогавший мне в одну из очередных бомбардировок спустить некоторые литературные материалы в ящиках в приготовленный для этого подвал под домом.

Дети уехали, и их голоса не оживляли уже тихую, заросшую цветами площадку с могилами моих родителей. Сюда я приходила, чтобы обдумать все то, что, как долг, я должна была выполнить.

30 августа, придя на могилы, я попрощалась с ними, стараясь в воспоминаниях найти силы для предстоящего трудного путешествия, дальнейшей жизни и работы».

Следующий раздел обозначен, как «II. Эвакуация. Полтава – Свердловск».

¹¹ В данном случае. С. В. Короленко допускает неточность. Кременчуг был захвачен немецкими войсками только 8 сентября 1941 г.

«В середине августа 1941 года железные дороги в направлении на Харьков подвергались уже сильной бомбардировке, часто приходили сообщения о несчастиях с уезжавшими, о гибели целых эшелонов с эвакуировавшимися.

Мы жили в Полтаве с 1900 года и, хотя часто и подолгу приходилось жить и работать в других местах (последнее время в Москве), – создалась большая привычка к Полтаве и многочисленные связи. Некоторые из наших знакомых по той или иной причине оставались в Полтаве: у одних не было средств на проезд, другие были связаны со стариками или больными, третьи не хотели оставить места, где прошла вся их жизнь.

– «Куда вы поедете, вас убьют по дороге», – отговаривали они нас.

Вскоре после начала войны я заболела; доктор, лечивший меня, говорил, что поездки мне не перенести. Горько плакала наша давняя работница, ставшая почти членом нашей семьи. Она горячо любила мою маленькую внучку¹², но не решилась ехать с нами, так как тем самым приходилось оставить свою семью. – «Не довезете ребенка», – со слезами уговаривала она нас остаться.

По несколько раз в день приходилось уходить в бомбоубежище, устроенное в погребе соседнего дома. Дети привыкли к тревогам, прислушивались к полету аэропланов, к бомбардировкам и стрельбе зенитных орудий.

25 августа был последний день посещения музея; на 31 августа назначалась погрузка. Ценности литературного музея В. Г. Короленко и кое-что из художественных ценностей Краеведческого музея должен был захватить вагон Госбанка и Сберкассы, направлявшийся в Свердловск. Отправка задержалась на три дня и, хотя каждый день увеличивал опасность путешествия, это промедление для нашей семьи было очень счастливым. Второго сентября, неожиданно, из Москвы приехала моя сестра и помощница по делам музея – Наталья Владимировна Короленко-Ляхович¹³. Долго не имея от нас сведений в Москве, не зная, сможем ли мы выехать из Полтавы, она решила приехать к нам, чтобы быть вместе в такое трудное время. В тот же день я внесла ее в свое эвакуационное свидетельство. Третьего сентября мы погрузились, сутки простояли на путях в Полтаве и четвертого – двинулись из Полтавы.

Те, кто предсказывали нам опасности и трудности пути, конечно, не ошибались. Ехать пришлось в небольшой теплушке, почти сплошь заложённой ящиками и мешками с грузом Полтавского Госбанка и

¹² Речь идет о правнучке В. Г. Короленко Наталии Сергеевне Ляхович (1939–2018).

¹³ Короленко-Ляхович Наталья Владимировна (1888–1950), младшая дочь В. Г. Короленко и Е. С. Ивановской, литературовед.

Сберкассы. Грузились в проливной дождь, погрузка на время была прервана энергичной бомбардировкой, поэтому вещи сложили спешно и беспорядочно, почти доверху теплушки. Туда же поместилось еще 32 человека семейств служащих эвакуировавшихся учреждений. Здесь были дети разных возрастов, двое грудных, были старики.

До Харькова доехали быстро, но здесь, на товарной станции «Основа», мы подверглись второй сильной бомбардировке. Однако дети к вечеру крепко заснули и ни взрывы бомб, ни стрельба зенитных орудий, ни вспышки осветительных ракет, не прерывали их сна, а взрослые молча прислушивались к полету вражеских бомбардировщиков, к приближающимся и удаляющимся разрывам снарядов.

В третий раз и особенно жестокой бомбардировке мы подверглись в Купянске. Наша теплушка шла с товарными поездами и останавливалась среди товарных поездов. В Купянске наш состав стоял рядом с поездом, перевозившим горючее. Когда послышался полет вражеских самолетов, а затем, все приближающиеся разрывы бомб, мы с тревогой смотрели на протянувшийся около нашего поезда состав с цистернами. Пассажиры других вагонов в панике побежали в лес. Послышалась пулеметная стрельба с немецких аэропланов по бегущим. Бомбардировка все усиливалась. Вдруг мы увидали, что поезд с цистернами начал тихонько двигаться и совсем ушел из нашего соседства. А потом и наш состав так же тихо, как бы боясь привлечь вражеское внимание, отошел от станции и остановился под лесом. Стрельба становилась все сильнее. Испугались и начали плакать дети. Я старалась успокоить свою маленькую внучку, которая тоже заплакала, сидя у меня на коленях. Молча, в темноте теплушки я нашла руку сестры и почувствовала ее крепкое ответное пожатие.

Никто в вагоне не говорил, только взрослые шепотом старались остановить плач детей, как бы боясь, чтоб их не услышали там, наверху. Вдруг земля задрожала, и наша теплушка пошатнулась – упал где-то близко снаряд огромной силы. Говорили потом, что около станции в пассажирский поезд попал снаряд, было разбито несколько вагонов и погибло много ехавших.

Вскоре мы услышали гул наших самолетов, бомбежка прекратилась, и мы двинулись от опасной станции.

Теперь из одной опасности мы попали в другую. Поезд летел, убегая от врагов. Плохо сложенные вещи во время быстрой езды начали двигаться, грозя обрушиться и раздавить приютившихся между ними людей. Теплушку швыряло из стороны в сторону, доски скрипели, что-то стучало и стонало, казалось, ящики вот-вот разобьют стены, и теплушка развалится на части, а мы погибнем под ее обломками.

Но теплушка не развалилась – дети заснули на руках у старших и часа через три такого напряженного бегства мы остановились на другой, уже спокойной станции.

Много дней мы ехали, меняя маршруты в зависимости, вероятно, от состояния путей. Проезжали по вечерам затемненные города, останавливались на темных вокзалах. На остановках к нашей теплушке подходили, проверяли, подливали масло, стучали по колесам, отцепляли и опять куда-то прицепляли, и мы двигались дальше.

Когда остановки были длительными, нам удавалось выходить из вагона. Мы разговаривали с ехавшими на фронт красноармейцами, с рабочими – и они нам сообщали последние известия с фронтов, которые все время были мрачными. Мы слышали от железнодорожных рабочих, что иногда они дежурили по две и три смены. Порой, выполняя свою работу, они пошатывались от усталости. И все-таки, наш вагон двигался по своему пути, направляемый, может быть и усталой, но верной рукой.

12 сентября, изменив маршрут, вероятно, после Купянска, так как раньше мы должны были ехать на Куйбышев, мы остановились около Москвы. Это опять была одна из тех счастливых случайностей, о которых, казалось, заботилась наша судьба.

К этому времени моя маленькая внучка тяжело заболела. Когда мы выезжали с Украины, погода стояла жаркая. Взять с собой, благо- даря спешности сборов, ничего долго сохраняющегося – не удалось. Девочка сначала голодала, а потом ей пришлось давать неподходящую пищу. К тому времени, когда наша теплушка остановилась под Москвой, ребенок очень ослабел, долгого пути она бы не смогла вынести. На станции Люблино сестра с больной девочкой сошла с поезда, ей удалось добраться до своей квартиры и здесь, в Москве, ребенок недели через две поправился. Сестра успела еще послать известие в Полтаву и получить ответ, а 18-го, по всем вероятностям, Полтава была занята немцами¹⁴.

Я и остальные мои близкие продолжали дальнейшее путешествие. Оно тянулось еще 10 суток и в холодный день поздней осени, при первом снеге, мы приехали в Свердловск¹⁵.

После восемнадцати дней пути, когда я отправилась с товарной станции в Свердловск, просить приюта для нашей семьи и места, куда сгрузить материалы музея, я была очень слаба, но мною овладело настроение какой-то спокойной уверенности. Вот мы ехали 18 суток.

¹⁴ Части Красной Армии оставили Полтаву 20 сентября 1941 г.

¹⁵ 23 сентября 1941 г.

У нашей одинокой теплушки не было даже проводника, – сопровождавшая грузы банка и сберкасса служащая лежала больная. Только уже дня за три до Свердловска мы с радостью увидели первые огоньки, остальное время по ночам мы проезжали мимо темных станций, останавливались на неосвещенных путях. И наша маленькая теплушка не заблудилась, не была загнана в тупик, не развалилась, не попала в крушение.

У меня создалась уверенность, что опыт проделанного нами пути говорил о рабочей выдержке, о стойкости, о дисциплине и согласованности в работе, несмотря на видимость хаотичности и иногда даже беспорядка. А это вселяло надежду, что дурные вести, шедшие с фронта, сменятся другими, что мы доживем еще до победы.

В Свердловске, в Сталинском райсовете, я нашла отзывчивость и сочувствие к нам, к нашей усталости. В первую же ночь мы ночевали под крышей, в теплой комнате и могли, после 18 дней пути, первый раз лечь и спокойно заснуть. А на другой день в домоуправлении нам выдали карточки, и я почувствовала здесь в чужом городе, что я – на родине».

В отчете о деятельности музея в 1942 г. С. В. Короленко подробно рассказала о том, как коллекция возглавляемого ею музея была размещена в библиотеке им. В. Г. Белинского, где она оставалась до реэвакуации в 1944 г.¹⁶

Таким образом, отличительной особенностью этого небольшого музея являлось то, что весь период его пребывания в Свердловске действовала временная экспозиция, а сотрудниками велась активная просветительская работа. Об этом свидетельствуют ежегодные отчеты директора музея Софьи Владимировны Короленко, адресованные Отделу искусств Свердловского горисполкома.

Библиография

1. *Короленко С. В.* Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко в городе Свердловске. 1943 г., на 11 л.

2. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 334 с.

3. *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1990. 131 с.

4. *Мохов А. С. Шаманаев А. В., Капсалыкова К. Р.* «Прибыли в полной сохранности»: эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 639–651. DOI: 10.15826/qr.2020.2.485

6. *Разгон А. М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона): научные чтения / отв. ред. Т. Г. Игумнова. М.: Гос. исторический музей, 1999. С. 122–133.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 404. Л. 8–11 об.

И.С. Огоновская¹
Екатеринбург

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
СКУПАЯ СТАТИСТИКА УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ПОЛЕВСКОГО
И ПОЛЕВСКОГО РАЙОНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Автор статьи обращается к истории уральского города Полевского в годы Великой Отечественной войны, приводит статистические данные об ушедших на фронт, о погибших в боях и плену, о пропавших без вести и умерших от ран; рассказывает о судьбах фронтовиков, воевавших в различных родах войск и воинских соединениях, в том числе в стрелковых дивизиях, сформировавшихся на Урале, в Уральском добровольческом танковом корпусе; показывает роль женщин в годы войны; делает вывод о том, что жители Полевского и Полевского района внесли свою лепту в общую победу над фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Полевской, Полевской район, Уральский добровольческий танковый корпус, фронтовики.

I.S. Ogonovskaya
Yekaterinburg

THE GREAT PATRIOTIC WAR:

**BUYING STATISTICS OF THE URAL CITY OF POLEVSKY
AND POLEVSKY DISTRICT OF SVERDLOVSK REGION**

The author of the article refers to the history of the Ural city of Polevskoy during the Great Patriotic War, provides statistical data on those who went to the front, on those who died in battles and captivity, on the missing and died from wounds; talks about the fate of the front-line soldiers who fought in various branches of the armed forces and military formations, including rifle divisions formed in the Urals, in the Ural Volunteer Tank Corps; shows the role of women during the war; concludes that the residents of Polevskoy and Polevskoy regions contributed to the overall victory over fascism.

Keywords: Great Patriotic War, Polevskoy, Polevskoy region, Ural volunteer tank corps, front-line soldiers.

Посёлок Полевской только в 1942 г. приобрёл статус города районного подчинения, а в Полевской район входили в годы Великой Отечественной войны рабочие посёлки Северский и Зюзельский, сёла Косой Брод, Курганово, Мраморское, Полдневское, деревня Раскуиха и др. Для жителей этих населённых пунктов, как и всех граждан СССР, война началась 22 июня 1941 г. 1 января 1941 г. в полевской газете «За большевистские темпы» была опубликована заметка учительницы Полевской средней школы М.Е. Матвеевой «Бал в средней школе», в которой рассказывалось о бале-маскараде, состоявшемся 31 декабря. Статья заканчивалась словами: «Так, согретье солнцем Сталинской Конституции, встретили новый 1941 г. счастливые совет-

¹ *Огоновская Изабелла Станиславовна* – кандидат исторических наук, СУНЦ Уральского федерального университета (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: izabella-iro@mail.ru

ские дети». Счастье детей, а также их родителей было недолгим: 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, во время которой из Полевского на фронт ушли 7 385 чел.: в 1941 г. – 2 907, в 1942 г. – 2 611, в 1943 г. – 1 079, в 1944 г. – 591, в 1945 г. – 197 чел.²

Цифру 7 385 нельзя считать окончательной при учёте полевских фронтовиков, так как многие полевчане были призваны в РККА еще в 1939-1940 гг. и с началом войны сразу же стали участниками боевых действий. По данным Книги памяти Свердловской области, не вернулись домой 3 284 полевчанина, из них погибли на фронте 1405, умерли от ран 314, погибли в плену 23, пропали без вести 1542 чел.³ В книге полевских исследователей Ю.Ф. Царёва и А.Л. Беляева, вышедшей в 2019 г., сведения о потерях уточнены: по их данным, Великая Отечественная война унесла жизни 3 488 полевчан⁴.

На сегодняшний день известно, что не вернулись домой 140 жителей села Курганово⁵, 28 чел. из деревни Раскуиха⁶, 127 жителей села Косой Брод, в том числе 39 молодых ребят в возрасте от 18 до 24 лет⁷, 327 чел. из посёлка Северский⁸. В село Полдневское, по словам краеведа В.П. Щербаковой, не вернулись более 140 чел., в Мраморское, судя по высеченным именам на памятнике в центре села, – более 230. В списке погибших, имена которых выбиты на мемориальных досках в поселке Станционный-Полевской, – 61 чел., вернувшихся с войны и умерших позднее – 118. В Косом Броде без вести пропали 50 чел.⁹, в Курганово – 54 чел.¹⁰ Своя скорбная статистика существует и у некоторых полевских улиц: в годы войны ушли на фронт и не вернулись 22 жителя улицы Девяшина в южной части Полевского. Их фамилии выбиты на памятнике, установленном в 1965 г. Деньги на памятник собрали жители этой улицы¹¹. В числе ушедших на фронт были

² Справка Полевского горвоенкомата. 1975 г.

³ Подсчитано Л.Я. Ранневой по Книге памяти Свердловской области. Том 11. Екатеринбург, 1995-2010 гг.

⁴ Царёв Ю.Ф., Беляев А.Л. «Вспомним всех поимённо...». Екатеринбург: ООО «Экспресс Урал», 2019.

⁵ На границе Европы и Азии: Историко-краеведческие очерки. Екатеринбург: Квадрат, 2010. С.26.

⁶ Ушаков В.В. История Раскуихи от Тагищева до наших дней. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2017. С. 147.

⁷ Пономарева Л.В. Живая память: Биографические очерки об участниках Великой Отечественной войны, жителях села Косой Брод. Изд. 2-е, доп. Екатеринбург: ООО «Апрош», 2016. С. 3.

⁸ Кожевников Е.М. Нас много, Родина – одна. Екатеринбург, 2014. С. 74.

⁹ Пономарева Л.В. Живая память: Биографические очерки... С.3.

¹⁰ На границе Европы и Азии: Историко-краеведческие очерки. С. 26-33

¹¹ См.: Медведев А. Фамилия на стеле // Рабочая правда (Полевской). 2015. 14 янв.; Жаворонкина О. Памятник восстановлен. Герои не забыты! // Рабочая правда. 2015. 13 мая.

1200 тружеников Полевского криолитового завода¹², более 300 чел. из села Полдневого и столько же из села Мраморское¹³. На 18 фронтах Великой Отечественной войны воевали 1250 работников Северского металлургического завода¹⁴.

Полевским райвоенкоматом были призваны на фронт четыре будущих Героя Советского Союза (А.Н. Кологойда, С.П. Даньцин, А.И. Жилин, Н.С. Полежаев), четыре Героя Советского Союза приехали в Полевской район и проживали здесь уже после войны (В.И. Медведев, Е.Ф. Зеленкин, И.П. Чечулин, В.Ф. Чухарев).

По подсчетам работников Полевского горвоенкомата, участниками обороны Москвы были 64, Ленинграда – 118, Сталинграда – 135, Киева – 11, Одессы – 3, Севастополя – 3, Заполярья – 27 полевчан. В освобождении Кавказа участвовали 33, Новгорода – 2, Будапешта – 12, Белграда – 3, Варшавы – 69, Праги – 28, Вены – 12 чел. Штурмовали Берлин 132 полевчанина¹⁵. Интересная статистика представлена на стендах музея Полевского криолитового завода, расположенного в Центре культуры и народного творчества г. Полевского. По данным авторов текста, 15 криолитчиков участвовали в обороне Москвы, 24 – в обороне Ленинграда, 44 – в обороне Киева (здесь есть разночтения с данными горвоенкомата – И.О.), 11 – в обороне Кавказа, 21 – в обороне Сталинграда, 45 – в освобождении Прибалтики, 15 – в освобождении советского Заполярья, 10 – в освобождении Будапешта, 29 – в освобождении Варшавы, 8 человек – во взятии Вены, 29 человек брали Берлин¹⁶. Более 3500 жителей Полевского и Полевского района были награждены орденами и медалями¹⁷. 256 криолитчиков были удостоены медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»¹⁸. 705 работников Северского металлургического завода были награждены: орденом Славы – 51, орденом Отечественной войны – 31, орденом Красной Звезды – 95, орденом Боевого Красного Знамени – 12 чел.¹⁹

¹² *Кожневиков А.Н.* Город Данилы-мастера // Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. С. 85.

¹³ Сайты администрации сел Полдневого и Мраморского.

¹⁴ *Гундина М.* Гордитесь, потомки! // Северский рабочий (Полевской). 2007. 5 мая.

¹⁵ Справка Полевского горвоенкомата. 1975 г.

¹⁶ Информация со стендов музея Полевского криолитового завода (Полевской, Дворец культуры и народного творчества).

¹⁷ *Кожневиков А.Н.* Город Данилы-мастера // Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. С. 143.

¹⁸ Информация со стендов музея

¹⁹ *Гундина М.* Гордитесь, потомки! // Северский рабочий. 2007. 5 мая.

В 1987 г. в Полевском и Полевском районе проживали 1800, в 2007 г. – 240, в 2018 г. – 48 участников Великой Отечественной войны²⁰. По данным на май 2019 г., их осталось только 16²¹. В 2003 г. в Косом Броду было 5 участников Великой Отечественной войны и 213 труженников тыла²², в 2018 г. ни одного фронтовика в живых уже не было. В 2010 г. не осталось ни одного участника войны в селе Курганово. Последними ушли из жизни кавалер ордена Отечественной войны А.И. Пантелеева и кавалер орденов Отечественной войны I и II степени А.Г. Талашманов²³. Не так давно покинули этот мир последние фронтовики из села Мраморское – А.Н. Даровских и М.И. Алёшин. В селе Полдневая проживает в настоящее время единственный участник войны В.Д. Морозов, в посёлке Кладовка – М.Т. Дацко.

В самом начале войны западные рубежи СССР защищали дивизии Западного военного округа, в том числе 49-я стрелковая Краснознаменная дивизия 1-го формирования. В составе 212-го стрелкового полка служили многие полевчане, призванные на службу 11 октября 1940 г. и проходившие срочную службу в этой воинской части летом 1941 г.: А.И. Алексеев (пропал без вести в июне 1941 г.), В.М. Глушков (пропал без вести в октябре 1941 г.), Н.П. Гусев (пропал без вести в январе 1942 г.), П.Д. Гусельников (пропал без вести в августе 1941 г.), А.Д. Зюзёв (пропал без вести в октябре 1941 г.), В.С. Ковригин (пропал без вести в декабре 1941 г.), К.А. Костоусов (пропал без вести в июле 1941 г.), А.М. Мансуров (пропал без вести в апреле 1942 г.), А.Ф. Медведев (пропал без вести в октябре 1941 г.), Н.С. Надпорожский (пропал без вести в августе 1941 г.), А.Г. Ромашов (пропал без вести в декабре 1941 г.), В.Ф. Савелков (судьба неизвестна), В.И. Слива (погиб в сентябре 1941 г.) и др.²⁴ Уже 22 июня 1941 г. дивизия противостояла 43-му немецкому корпусу, форсировавшему реку Буг²⁵.

В сентябре 1941 г. на Карельском фронте получила боевое крещение 313-я стрелковая дивизия, сформированная в Ижевске летом 1941 г. В ее составе воевали полевчане, зачисленные в состав 1070-го и 1072-го стрелковых полков и 202-го отдельного разведбата: дальномержик 588-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона сержант Павел Александрович Петухов (пропал без вести в декабре 1941 г.),

²⁰ См.: Гусельникова Л. Юный юбилей ветеранов // Рабочая правда. 2007. 23 февр.; Соколова Л. Уроки мужества для спортсменов // Северский рабочий. 2015. 29 апр.

²¹ Победители // Диалог (Полевской). 2019. 8 мая.

²² Ветеранское движение набирает обороты // Диалог. 2003. 9 дек.

²³ На границе Европы и Азии: Историко-краеведческие очерки. С.23.

²⁴ Царёв Ю.Ф., Беляев А.Л. «Вспомним всех поимённо...». С. С. 16, 120, 140, 190, 265, 321, 328, 356, 461.

²⁵ Беляев А. Ратный подвиг полевчан. С. 6

заместитель командира мотострелковой разведроты младший лейтенант Г.К. Тупицын (погиб в апреле 1942 г.), командир взвода роты связи 1070-го полка лейтенант Н.А. Кузнецов (погиб в августе 1943 г.), связист 856-го артиллерийского полка ефрейтор С.А. Дрянных, командир отделения разведчиков-наблюдателей 856-го артиллерийского полка старший сержант И.П. Карфидов²⁶, сапёр ефрейтор С.В. Соловьев²⁷.

12 сентября 1941 г. в Свердловской области была сформирована 363-я стрелковая дивизия, в состав которой первоначально зачислен 101 полевчанин: 84 чел. – в 1209-й стрелковый полк, 13 чел. – в 926-й артиллерийский полк, 5 чел. – в 1207-й стрелковый полк²⁸. Осенью 1941 г. немецкие войска подошли к Москве, куда стягивались и вновь сформированные советские дивизии из Сибири и с Урала. Под Камышловом была сформирована 365-я стрелковая дивизия. 31 августа 1941 г. в её состав были мобилизованы почти 100 полевчан. Единственное дивизионное учение состоялось в Камышловском районе, после чего соединение было направлено под Москву, где в составе 30-й армии приняло участие в декабрьском контрнаступлении. 12 декабря, по воспоминаниям командующего 30-й армией генерала Д.Д. Лелюшенко, стал решающим днем, так как против 371-й и 365-й стрелковых дивизий действовали более 150 танков противника, поддерживаемые артиллерией и пехотой. Генерал писал, что «герои – уральцы и сибиряки – не дрогнули, устояли», и отдельно отметил воинов 1215-го стрелкового полка²⁹, в составе которого сражалась почти целая рота полевчан.

В 2015 г. общественная организация «Память сердца» начала поиск родственников полевчан, пропавших без вести в декабре 1941 – феврале 1942 г. Сотрудник Северского трубного завода Андрей Беляев, занимавшийся поиском информации о воинах-полевчанах, выяснил, что только в районе городов Клин и Солнечногорск во время наступления 1-й, 16-й, 20-й и 30-й советских армий в декабре 1941 г. погибли 83 полевчанина, сражавшиеся в составе 365-й стрелковой дивизии 1215-го стрелкового полка³⁰.

Декабрьские бои за Москву «стоили» очень дорого: из первоначального состава 365-й стрелковой дивизии был убит или ранен каждый второй солдат из 12 тыс. чел. первоначального состава, практиче-

²⁶ Царёв Ю.Ф., Беляев А.Л. «Вспомним всех поимённо...». С. 283, 411, 531.

²⁷ Беляев А. Ратный подвиг полевчан. С. 54.

²⁸ Северский завод / сост., автор очерка В.Я. Романов. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1959. С. 54.

²⁹ Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. 4-е изд., испр. М.: Наука, 1987.

³⁰ Владимирова И. Весть о пропавшем солдате // Рабочая правда. 2015. 21 янв.

ски все оставшиеся в живых погибли в январе – феврале 1942 г. в окружении в Ржевском районе. Погиб в Клинском районе кособродец С.Ф. Пальцев, а под Ржевом захоронены А.Ф. Плотников, И.А. Чащин. В военных госпиталях умерли от ран полевчане П.С. Верещагин, снайпер Н.П. Емельянов и др. За проявленное мужество были награждены участники контрнаступления под Москвой, получившие тяжелые ранения: стрелок Т.М. Колистратов, автоматчик Б.И. Темляков, стрелок Г.С. Федоров – медалью «За боевые заслуги», стрелки В.А. Соловьев и А.В. Талашманов – орденом Красной Звезды, стрелок Н.П. Ушаков – медалью «За отвагу»³¹.

В ноябре 1941 г. на боевые позиции под Москвой прибыла 375-я стрелковая дивизия, сформированная в Свердловской области. В 1245-й стрелковый полк этой дивизии были зачислены, по предварительным данным, 95 полевчан. В ходе декабрьского контрнаступления под Москвой, Ржевско-Вяземской и Первой Ржевско-Сычевской операций в декабре 1941 – марте 1942 г. 375-я дивизия потеряла большую часть своего состава, и почти все полевчане, как пишет А.Л. Беляев, погибли в боях за Калинин и Ржев, пропали без вести или умерли от ран³².

В битве под Москвой участвовал лейтенант А.И. Юркеев (погиб в августе 1942 г. в Калининской области) – командир взвода разведки 64-й отдельной морской стрелковой бригады, сформированной в поселке Нижние Серги Свердловской области из моряков Тихоокеанского флота, Амурской флотилии, курсантов военно-морских училищ, сибиряков и уральцев. В мае 1942 г. на Харьковском направлении погиб кадровый офицер, майор М.Т. Руденко, командовавший 900-м стрелковым полком 242-й стрелковой дивизии, и в том же месяце – только уже в Новгородской области – лейтенант В.И. Костоусов, который, согласно наградным документам на получение ордена Красного Знамени, «во главе разведки... способствовал выходу из окружения 532-го стрелкового полка»³³.

Начало войны было трудным на всех направлениях. Первым героем Южного фронта, награжденным в октябре 1941 г. орденом Красного Знамени, стал майор Г.Г. Ялунин, родившийся в 1907 г. в Полевском. В 1929 г. он был призван в ряды РККА и к началу Великой Отечественной войны уже командовал 148-м кавалерийским полком 38-й кавалерийской дивизии, сформированной из казаков Ростовской области. В приказе командования отмечалось личное мужество ко-

³¹ Беляев А. Ратный подвиг полевчан. С. . 29, 30.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 32, 33, 36, 37.

мандира в боях 26-27 октября 1941 г., под командованием которого бойцы нанесли значительные потери противнику в районе города Зугрес в Донецкой области. 14 декабря того же года Г.Г. Ялунин умер от ран³⁴.

В.Я. Ворошилов, воевавший в составе 36-й стрелковой дивизии, за подвиги, совершенные в боях под Сталинградом, был награжден двумя орденами Красного Знамени, что было достаточно редким явлением в первой половине Великой Отечественной войны. Второй орден был для полевчанина посмертным, он погиб 29 декабря 1942 г. Там же, под Сталинградом, погиб в декабре 1942 г. и гвардии старший сержант В.И. Боганов, призванный в РККА в 1938 г. с Полевского криолитового завода и командовавший в Сталинградской битве 1-м стрелковым батальоном 13-го стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии³⁵. За успешное отражение батальоном танковых атак противника в боях под деревней Васильевкой комбат В.И. Боганов был посмертно награжден орденом Красного Знамени³⁶. В феврале 1943 г. в Калужской области погиб командир саперной роты 97-й стрелковой дивизии В.М. Пастухов, представленный командованием к званию Героя Советского Союза. Его рота в тяжелых условиях смогла устроить проход в минных полях для продвижения советских танков. В целом проводимая армейская операция не была удачной, поэтому вместо звезды Героя В.М. Пастухов был награжден посмертно орденом Отечественной войны II степени³⁷.

Достойные страницы в военную историю страны вписали полевские танкисты. Среди множества имен тех, кто воевал в танке, особо можно отметить А.С. Золотова и И.Г. Старденко. Замполит роты малых танков Золотов первым среди полевчан был удостоен ордена Отечественной войны II степени, механик-водитель танка, сержант Старденко стал первым полевчанином, получившим высшую награду СССР – орден Ленина³⁸. А.С. Золотов пал смертью храбрых в ходе Первой Ржевско-Сычевской операции в июле 1942 г., успев уничтожить 4 дзота противника и до 15 фашистов. И.Г. Старденко погиб на Волховском фронте во время буксировки подбитого танка.

В марте 1943 г. по инициативе трудящихся Пермской, Свердловской и Челябинской областей был создан Уральский добровольческий

³⁴ *Беляев А.* Ратный подвиг полевчан. С. 22-23.

³⁵ Там же. С. 43, 45.

³⁶ Сто шагов в будущее: Полевской криолитовый завод. 1907-2007. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2007. С. 86.

³⁷ *Беляев А.* Ратный подвиг полевчан. С. 47.

³⁸ *Беляев А.* В канун Дня танкиста вспоминаем о подвигах наших земляков // Рабочая правда. 2017. 6 сент.

танковый корпус, заявление в который подали 200 криолитовцев и 500 работников Северского металлургического завода. В Государственном архиве Свердловской области сохранилось письмо начальника печного отдела Полевского криолитового завода, коммуниста П. К. Ремизова, в обком ВКП(б): «Тов. Андрианов, обращаюсь лично к Вам, считая, что только Вы сможете помочь мне. Дело в том, что за период Отечественной войны я подавал три заявления о приеме меня в Красную Армию. Директор завода и парторганизация не пропустили. Сейчас в связи с набором добровольцев в организуемый Уральский танковый корпус я вновь подал заявление. Мне отказали по причине, что средний командный состав не берется. Тов. Андрианов, я согласен пойти в качестве рядового и прошу сделать мне в этом отношении исключение...»³⁹.

В первый набор УДТК попали 18 человек от Северского металлургического завода и 9 работников криолитового завода⁴⁰. В первом составе УДТК в марте 1943 г. с Северского металлургического завода ушли воевать конструктор Г.К. Чипуштанов, вальцовщик И.П. Чернов, шофер М.И. Котегов, начальник транспортного цеха Н.В. Баранов, газовщик М.А. Неуймин, мастер листопрокатного цеха Ю.А. Казанцев, работник ОТК Е.Р. Гренадер, электросварщик-строитель

Б.И. Зырянов, обер-мастер мартеновского цеха М.И. Шаталин, бригадир газовщиков М.И. Карманов, электромонтер В.Ф. Боковиков, кладовщик стройучастка А.М. Кузяхин, электрик И.А. Аликин, а также

В.И. Колесников, Н.В. Левкин, П.Я. Литвиненко, Я.И. Кузугеев и А.Я. Романов⁴¹. Среди первых добровольцев-криолитчиков были А.Г. Бессонов, В.С. Бочкарев, В.И. Валов, Д.Е. Девяшин, В.И. Дериглазов, П.С. Дурандин, Н.Т. Нюнькин, А.Г. Толстых, С.М. Шляпников⁴².

Боевое крещение уральские добровольцы-танкисты получили под Курском, и уже тогда в корпусе были большие потери, в том числе и среди полевчан. 29 июля 1943 г. погиб пулеметчик В.С. Бочкарев, через два дня – командир отделения Ю.А. Казанцев, в августе – минометчик М.В. Неуймин и стрелок Е.Г. Гренадер, в октябре – М.И. Шаталин. Два бойца УДТК из Полевского – старшина автоматчиков И.В. Кирьянов и заряжающий минометного полка П.В. Крылосов –

³⁹ Кириллов А., Каёта Г. От Урала до Берлина и Праги. Маршрут Победы танкистов-добровольцев. К 75-летию УДТК. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2018. С. 34-35.

⁴⁰ Кожевников А.Н. Город Данилы-мастера // Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки... С.147,149.

⁴¹ Полевской край. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во «Дорога», 2001. С. 25-26.

⁴² Сто шагов в будущее: Полевской криолитовый завод. С. 85.

были посмертно награждены орденами⁴³. К званию Героя Советского Союза был представлен И.А. Аликин, к началу Висло-Одерской операции (январь 1945 г.) командовавший взводом в составе минометного батальона 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады. Взвод сумел подавить огневые точки противника при форсировании реки, переправиться через нее и прикрыть минометным огнем пехоту, закрепившуюся на западном берегу. Фактически за этот подвиг И.А. Аликин получил орден Красного Знамени⁴⁴.

Одним из самых «богатых» на награды полевчан-добровольцев был десантник-автоматчик Василий Иванович Дериглазов, отмеченный за боевые заслуги тремя орденами Красной Звезды, орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Вместе с добровольцами УДТК он прошел дорогами войны от Курска и Орла до Берлина и Праги⁴⁵. Как вспоминал сам Василий Иванович, в Берлине он кое-как нашел уголок на здании рейхстага, где смог поставить свою подпись: «Так я и расписался на рейхстаге – Дериглазов»⁴⁶.

Судьбами полевчан – участников УДТК, а это более 60 человек, активно занимаются в Полевском Ю.Ф. Царёв, А.Л. Беляев, М.В. Колмогоров. 27 июля 2018 г. участники волонтерского отряда под руководством М.В. Колмогорова установили на здании строительного техникума на улице Добровольцев Урала в городе Болхов Орловской области мемориальную доску⁴⁷.

По данным Ю.Ф. Царёва, на фронте погибли 115 связистов из Полевского. Сержант 1201-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии 105-го стрелкового корпуса 1-го Белорусского фронта Л.С. Кожевников 5 сентября 1944 г. сумел под огнем противника вместе с пехотинцами переправиться на противоположный берег реки Нарев и дать связь. За выполненное задание он был представлен командованием к званию Героя Советского Союза, но, как это часто случалось на войне, вместо звезды Героя он получил другую награду – орден Красного Знамени⁴⁸.

Кавалер трех орденов Славы Николай Артемьевич Узких родился в Челябинской области, но с 1932 г. жил, учился и работал в поселке

⁴³ *Ан М.* Наш долг – поставить памятник танкистам // Рабочая правда. 2017. 22 марта. С. 8.

⁴⁴ *Беляев А.* Ратный подвиг полевчан. С.51.

⁴⁵ *Григорьева Р.* День Победы порохом пропах... // Северский рабочий. 1987. 21 февр.

⁴⁶ *Турчанинов А.* Мы победили! Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2018. С. 148.

⁴⁷ См.: *Ан М.* Во славу танкистов // Рабочая правда. 2018. 22 авг.; *Сергеева А.* В честь «дивизии черных ножей» // Диалог. 2018. 15 авг.

⁴⁸ *Беляев А.* Ратный подвиг полевчан. С. 63.

Полевском. Ушел на фронт в августе 1942 г. с Полевского криолитового завода и орден Славы III степени получил в сентябре 1944 г. как наводчик орудия 308-го стрелкового полка 98-й стрелковой Ропшинской Краснознаменной дивизии, уничтоживший четыре пулеметных точки противника в Эстонии. Уже в январе 1945 г. командир противотанкового орудия сержант Узких был награжден орденом Славы II степени за умелое командование расчетом в Литве, где вместе со своими бойцами уничтожил не менее десяти солдат противника, сжег два бронетранспортера и вывел из строя штурмовое орудие «Фердинанд». Третьим орденом Славы его наградили за подвиг в бою при освобождении польского города Глогувека. Он погиб 27 марта 1945 г. в возрасте 23 лет в Верхней Силезии⁴⁹.

В книге А.Л. Беляева «Ратный подвиг полевчан» названы имена тех, кто участвовал в инженерной разведке, выполнении боевых заданий на наблюдательных постах, в ночных налетах, в дозорах и засадах. В архиве исследователя – копии наградных документов на 130 полевчан-разведчиков, в том числе на бойца 23-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии Матвея Антоновича Могиленца, награжденного орденами Славы III и II степени. Первый орден он получил в декабре 1943 г. за успешно проведенную разведку и участие в боевых операциях, второй – в апреле 1944 г. за то, что «первым бросился на штурм, в результате которого разведчики овладели высоткой без потерь...». Кавалерами ордена Славы III степени стали, помимо М.А. Могиленца, 35 полевчан-разведчиков: гвардии старшина О.К. Кононов, старшие сержанты С.Г. Зимин, П.А. Рогожкин, П.А. Смышляев; гвардии сержанты В.П. Зольников, Г.Г. Косых, И.И. Кузнецов, А.Н. Неуймин, В.Я. Феоктистов; сержанты И.П. Бажов, Н.А. Боковиков, А.А. Вараксин, Г.И. Николаев, И.М. Пестов, Ю.К. Петров; гвардии младшие сержанты Н.М. Куликов и Ф.И. Ямщиков, младшие сержанты М.А. Краюхин и Г.С. Мельников; ефрейторы Н.Х. Кисагулов, П.Л. Лапин, Н.П. Петровских, А.Д. Смирнов; гвардии красноармейцы И.А. Григорьев и С.Л. Зарипов; красноармейцы Н.Ф. Волков, А.К. Горшков, В.Ф. Горшков, Н.И. Запорожченко, В.М. Киселев, И.В. Куваев, Зейкен Кундыбаев, А.М. Просолов, А.В. Рыбаков, М.М. Шарипов⁵⁰. Всего же орденом Славы III степени награждены 238 полевчан.

Количество женщин, ушедших на фронт из Полевского и окрестных поселков, сел и деревень или приехавших в Полевской после войны, еще предстоит подсчитать: их было не менее 50. Выпускница

⁴⁹ Беляев А. Ратный подвиг полевчан. С.64-65.

⁵⁰ Там же. С. 59 – 61.

Свердловского строительного техникума О.Н. Дмитриева более трех лет была военным техником на Воронежском, Сталинградском, 1-м Украинском фронтах, участвуя в возведении мостов и понтонов. М.И. Мартынова была шофером в санитарном батальоне на Западной Украине⁵¹. Связист-телефонист 485-го зенитно-артиллерийского полка противовоздушной обороны Т.И. Муксунова встретила окончание войны в Румынии⁵². На счету военного переводчика Г.А. Палий – 2013 допрошенных немцев, сотни изученных и переданных командованию документов. В 1944 г. сам К.К. Рокоссовский вручал ей орден Красной Звезды и, не рассмотрев девушку, сказал при этом: «Молодец, парень»⁵³. В штабе авиаполка служила А.Н. Костенко, Е.М. Бутакова была четвертым номером орудийного расчета 13-й батареи 885-го зенитно-артиллерийского полка⁵⁴, Л.А. Модзева три с половиной года прослужила на Балтийском флоте и за это время освоила целый ряд военных специальностей: связист, радист, шифровальщик⁵⁵. Дорогами войны прошли командир отделения связи Т.П. Денисова⁵⁶, связистка Н.Я. Шевченко⁵⁷, радиотелеграфисты Л.И. Дёмочкина⁵⁸ и М.С. Мишина⁵⁹, ефрейтор-радист А.И. Пантелеева⁶⁰, телефонистка М.И. Лунёва⁶¹.

В апреле 1942 г., когда ЦК ВЛКСМ обратился к девушкам-комсомолкам с призывом добровольно «заменить мужчин в некоторых армейских частях», прежде всего в частях противовоздушной обороны, 34 комсомолки из Северского, Полевского и близлежащих поселков уехали защищать Москву. В ноябре 1942 г. к ним присоединились еще 12 девушек из Полевского района⁶². Т.В. Чипуштанова стала оператором станции орудийной наводки 1750-го зенитно-артиллерийского полка⁶³, К.В. Макарова служила в звукоулавливающей части и засека-

⁵¹ Там же. С. 61

⁵² Полевской край. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во «Дорога», 2001. С. 221-222.

⁵³ Курчавова Е. Сквозь огонь войны // Северский рабочий. 1991. 19 июня.

⁵⁴ Гундина М. Сквозь войну, годы, десятилетия // Северский рабочий. 2007. 3 марта.

⁵⁵ Полежаева А.С. Им дороги эти позабыть нельзя // Рабочая правда. 1994. 7 мая.

⁵⁶ Гундина М. Дорога к дому шла через Берлин // Северский рабочий. 1998. 8 мая.

⁵⁷ Северские трубки. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 161.

⁵⁸ Дёмочкин Г. Родители. История одной семьи. Ульяновск: Изд-во УлГТУ «Венец», 2013. С. 56

⁵⁹ Гундина М. Сквозь войну, сквозь десятилетия // Северский рабочий. 2007. 3 марта.

⁶⁰ На границе Европы и Азии: Историко-краеведческие очерки. С. 25.

⁶¹ Там же.

⁶² Северские трубки. С. 150.

⁶³ Медведев А. У речки Полевой (исторические заметки). Полевской, 2017. С. 23-24.

ла вражеские самолеты над столицей⁶⁴, зенитчицами были В.Е. Рыбникова, Т.Г. Ключева⁶⁵, А.Ф. Петруханова⁶⁶. Разведчиком-наблюдателем была Л.К. Торхова⁶⁷, штангистом-прожектористом – Н.Т. Лысенко⁶⁸, операторами станции орудийной наводки – Е.П. Ко-сых и К.П. Медведева⁶⁹.

В составе 101-й морской артиллерийской железнодорожной артиллерийской Краснознаменного Балтийского флота служила А.Н. Старостина, защищавшая Ленинград, участвовавшая в прорыве блокады этого города, освобождении Прибалтики и погибшая в возрасте 22 лет под бомбами фашистской авиации. В разных родах войск и частях служили женщины, работавшие после войны на Полевском криолитовом заводе: Е.В. Фадеева⁷⁰, А.И. Канавина, Е.С. Шабурова, К.А. Меняйленко, Л.И. Сафронова⁷¹.

В составе Уральского добровольческого танкового корпуса служили две полевчанки: уроженка Полевского, врач медицинско-санитарного взвода О.Д. Елизарова и свердловчанка, комсомолка, уралмашевка, санинструктор броневой роты А.В. Прожерина, которая после войны жила и работала в Полевском⁷². Были среди полевчанок и снайперы: А.М. Соколова, В.А. Суренкова⁷³, Н.К. Васильева, недошедшая из-за ранения до Берлина, но вспоминая: «Я не герой. Не одна я была там, были тысячи. Мы не думали о том, как бы уцелеть, главная мысль была – как удержать город, село, высоту. Мечтали о победе. Девушки не плакали, не хныкали. Домой никто не хотел, домой – только после победы»⁷⁴.

Май 1945 г. полевчане встречали в Польше, Чехословакии, Берлине. Для многих из них война продолжилась в Маньчжурии. Памяти тех, кто не вернулся, посвящены 19 памятников на территории Полевского городского округа.

⁶⁴ Григорьева Р. Обороняли Москву // Северский рабочий. 1984. 20 окт.

⁶⁵ Медведев А.Т. Валентина Тимошенко и Лина Торхова // Диалог. 2015. 8 июля.

⁶⁶ Информация со стендов музея Полевского криолитового завода (Полевской, Дворец культуры и народного творчества).

⁶⁷ Медведев А.Т. Валентина Тимошенко и Лина Торхова // Диалог. 2015. 8 июля.

⁶⁸ Гундина М. И луч пронзает небо темное... // Северский рабочий. 2005. 12 февр.

⁶⁹ Полежаева А.С. Им дороги эти позабыть нельзя // Рабочая правда. 1994. 7 мая.

⁷⁰ Полевской край. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во «Дорога», 2001. С. 217-219.

⁷¹ Информация со стендов музея Полевского криолитового завода (Полевской, Дворец культуры и народного творчества).

⁷² Резник Я. Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1972. С. 104.

⁷³ Сто шагов в будущее: Полевской криолитовый завод. С. 87.

⁷⁴ Полевской край. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во «Дорога», 2001. С. 215-217.

Библиография

1. *Беляев А.* Ратный подвиг полевчан. Полевской, 2018. 72 с.
2. *Дёмочкин Г.* Родители. История одной семьи. Ульяновск: Изд-во УлГТУ «Вест», 2013. 344 с.
3. *Кириллов А., Каёта Г.* От Урала до Берлина и Праги. Маршрут Победы танкистов-добровольцев. К 75-летию УДТК. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2018. 160 с.
4. *Кожевников А.Н.* Город Данилы-мастера // Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. С. 62-168.
5. *Кожевников Е.М.* Нас много, Родина – одна. Екатеринбург, 2014. 538 с.
6. *Лелюшенко Д.Д.* Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. 4-е изд., испр. М.: Наука, 1987. 408 с.
7. *Медведев А.* У речки Полевой (исторические заметки). Полевской, 2017. 70 с.
10. *Пономарева Л.В.* Живая память: Биографические очерки об участниках Великой Отечественной войны, жителях села Косой Брод. Изд. 2-е, доп. Екатеринбург: ООО «Апрош», 2016. 184 с.
11. *Резник Я.* Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1972. 240 с.
15. *Турчанинов А.* Мы победили! Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2018. 232 с.
16. *Ушаков В.В.* История Раскурихи от Татищева до наших дней. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2017. 248 с.
17. *Царёв Ю.Ф., Беляев А.Л.* «Вспомним всех поимённо...». Екатеринбург: ООО «Экспресс Урал», 2019. 680 с.

М.Н. Потемкина¹

Магнитогорск

НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ КАРТОЧНОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)²

Исследование посвящено теме, не ставшей предметом специального изучения: влиянию нормированной системы снабжения на экономическую преступность в период Великой Отечественной войны. Определены причины роста преступности в системе карточного снабжения, рассмотрены виды экономических преступлений и проанализированы сложности их выявления и пресечения. Сделан вывод о том, что усилия государственных органов по организации учета карточек, выявления случаев хищения и мошеннических схем не могли быть эффективными из-за общего снижения уровня жизни населения и дефицита ресурсов.

Ключевые слова: экономическая преступность, Великая Отечественная война, карточная система, Челябинская область.

M.N. Potemkina

Magnitogorsk

VIOLATIONS OF THE LAW IN THE FIELD OF CARD SUPPLY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHELYABINSK REGION)

The research is devoted to a topic that has not become the subject of special study: the impact of the normalized supply system on economic crime during the great Patriotic war. The reasons for the growth of crime in the card supply system are identified, the types of economic crimes are considered, and the difficulties of their detection and suppression are analyzed. It is concluded that the efforts of government agencies to organize the registration of cards, identify cases of theft and fraudulent schemes, could not be effective due to the General decline in the standard of living of the population and lack of resources.

Keywords: economic crime, the great Patriotic war, card system, Chelyabinsk region.

Государство ужесточает регулирование распределения продовольственных и промышленных товаров для населения, как показывает исторический опыт, в условиях войн или экономических кризисов. В годы Великой Отечественной войны в результате того, что основные ресурсы перераспределялись в пользу фронта, а снабжение тыла

¹ *Потемкина Марина Николаевна* – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск. Старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории актуальной истории; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: mpotemkina@mail.ru

² Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского ГРАНТа Российского фонда фундаментальных исследований (2019-2021гг.). 19-09-00185 А «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

происходило по остаточному принципу, те ограниченные фонды товаров, которые государство могло выделить для снабжения гражданского населения, не позволяли удовлетворить потребности людей в полной мере. Введение карточной системы в условиях всеобщего дефицита привело к росту количества преступных деяний. Изучение исторического опыта противодействия экономическим формам преступного поведения, связанного с существованием нормированного распределения товаров первой необходимости, представляет несомненный исследовательский интерес.

Несмотря на значительное количество научных публикаций, посвященных повседневной жизни и материально-бытовым условиям городских жителей советского тыла в годы войны, тема нарушений законности в сфере карточного снабжения не стала предметом специального рассмотрения. Авторы публикаций, как правило, лишь попутно затрагивают вышеобозначенную тематику, приводя отдельные примеры девиантного поведения жителей тыла, опуская при этом анализ причин и способов борьбы с такими явлениями³.

Великая Отечественная война потребовала перестройки системы снабжения населения. В условиях потери части продовольственных запасов и предприятий пищевой промышленности вследствие оккупации врагом территории ряда регионов СССР, а также необходимости снабжать армию усилился дефицит продовольствия. Традиционным способом решения проблемы обеспечения граждан продуктами питания и промышленными товарами стало введение нормированного минимума продовольственного централизованного снабжения населения советского тыла. Введение нормированного снабжения началось в июле 1941 г. в Москве и Ленинграде и уже к концу того же года было распространено на все тыловые города страны.

В городах Челябинской области переход на карточную систему происходил в августе-сентябре 1941 г. в два этапа. Сначала было введено регулирование торговли хлебом путем ограничительных лимитов точкам торговли и общепита и внедрением системы «предвари-

---

³ Данилова И.А. Реорганизация работы государственной торговой сети в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале// Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 164-170; Зинич М.С. Социум и власть: решение проблем повседневной жизни в 1941- 1945 годы// Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 146-154; Смирнова Л.В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны// Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 63-70; Черемных О.А. Продовольственное снабжение городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны// Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 229-243.

тельных заказов». Обязанность выдачи «предварительных заказов» была возложена на управдомов и квартальные комитеты гор- и райисполкомов⁴. К концу июля карточки были напечатаны и направлены в города области. В соответствии с приказом Наркомторга № 298 от 5 августа, постановлением облисполкома от 12 августа 1941 г. «О введении продажи хлеба населению по карточкам» переход к карточному снабжению был закреплен юридически.

Постановлением правительства № 2148 от 19 октября 1941 г. с 1 ноября карточки на продовольственные товары были введены для всего населения страны⁵. По продовольственным карточкам горожане получали хлеб, мясо, рыбу, жиры, крупы, макаронные изделия, соль и чай. По промтоварным карточкам выдавались хлопчатобумажные, льняные и шелковые ткани, чулочно-носочные, швейные и трикотажные изделия, кожаная и резиновая обувь, хозяйственное и туалетное мыло. Таким образом, карточная система охватила все жизненно важные сферы снабжения населения городов.

В ходе войны в регламент нормированного снабжения вводились изменения и дополнения, касавшиеся перечня продуктов питания и промышленных товаров, норм для различных категорий населения, порядка контроля за соблюдением законности. Так, с 1 января 1943 г. приказом Наркомата торговли СССР «Об упорядочении карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» вводились единые формы карточек на нормированные товары и платные (5 коп.) стандартные справки на получение этих карточек⁶. В основу дифференциации был положен принцип экономической целесообразности. При распределении продуктов по карточкам население было условно разделено на 4 группы: рабочие, служащие, дети и иждивенцы. Наиболее высокие нормы были установлены для рабочих, занятых в металлургии и на заводах оборонного значения. Они снабжались по первой категории: от 800 г до 1–1,2 кг хлеба в день. В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории и получали по 500 г хлеба. К третьей категории относились служащие с ежедневной нормой 400–500 г хлеба; к четвертой – иждивенцы и дети – 400 г хлеба в день⁷. Следует заметить, что карточная система не охватывала значительную часть сельских жителей и отдельные категории населения городов. Так, пациенты домов престарелых, учащиеся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), воспи-

⁴ Городской архив г. Магнитогорска. (далее ГАМ) Ф. 10. Оп. 1. Д. 356. Л. 194.

⁵ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.1. Д.196. Л.14-17.

⁶ Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941-1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы туризма. 2010. № 3. С. 37.

⁷ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.1. Д.195. Л.11.

танники детских домов находились на полном государственном обеспечении, поэтому карточек не получали.

Для руководства снабжением в стране было создано Управление по нормированному снабжению в составе Наркомата торговли СССР. На областном уровне учреждались карточные бюро, которые занимались распределением карточек по городским карточным бюро. Непосредственной выдачей продовольственных и промышленных карточек занимались исполнительные комитеты городских и районных Советов депутатов трудящихся. Каждый месяц они посылали заявку в областное карточное бюро, где указывали необходимое количество карточек и талонов. Образцы продовольственных и промтоварных карточек утверждались постановлением СНК СССР № 6907 от 18 июля 1941 г.⁸

Всеобщий дефицит товаров первой необходимости и снижение уровня жизни населения привел к расширению границ девиантного поведения граждан в качестве одной из основных стратегий выживания⁹. Общий рост количества экономических преступлений наблюдался на протяжении всего военного периода. Продовольственные карточки представляли особую ценность в качестве объекта хищений.

Следить за соблюдением законности в сфере карточного распределения продуктов и промышленных товаров были призваны контрольно-учетные бюро (КУБ). Карточки месячного пользования выдавались на предприятиях, прикреплялись, т. е. заверялись, печатью того магазина или столовой, где их можно было «отovarить». В каждом магазине существовала должность марочника, в обязанность которого входило собирать талоны, наклеивать их на картонку (по 100 шт.), составлять ордер и сдавать в КУБ, где их «гасили» (уничтожали). По числу отоваренных талонов определяли, какое количество товаров необходимо завезти в магазин¹⁰. Следует отметить, что работа КУБов была сопряжена с массой проблем, поэтому, чтобы хотя бы частично решить существующие затруднения, Наркоматом торговли СССР в сентябре 1943 г. был издан приказ № 415 «О мероприятиях по улучшению работы контрольно-учетных бюро».

Анализ архивных документов позволил выделить следующие виды преступлений в сфере нормированного снабжения в условиях военного времени: подделка карточек, выдача карточек по завышен-

⁸ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.1. Д.195. Л.4-19.

⁹ Потемкина М.Н. Повседневность уральских городов в годы Великой Отечественной войны// Военная история как фактор патриотического воспитания: Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2013. С. 204-208.

¹⁰ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 369. Л. 147-148.

ным категориям, излишняя выдача карточек, кражи карточек у граждан, выдача справок для получения карточек на несуществующих лиц.

Проверка магнитогорской артели им. Кирова выявила неправильную выдачу карточек: за май-октябрь 1942 г. было выдано 156 карточек, при этом отдельные лица получили по 2 карточки, «а бывали и такие случаи, когда карточки выдавались людям, не имеющим отношения к производству»¹¹. Руководство артели, знавшее и поощрявшее нарушения, было привлечено к судебной ответственности.

Заведующая карточным бюро Магнитогорского металлургического комбината (ММК) А. Плишкина на протяжении 9 месяцев выдавала карточки особой категории работникам УКХ, цеха связи, управления трамвая, хотя они были отнесены к рабочим второй категории. Нарушение было выявлено в ходе очередной проверки, дело было передано следственным органам для привлечения ее к ответственности¹². В 1942 г. работники горного управления комбината В.М.Левкова и А.В.Меркулова расхищали карточки и получали на них продукты из магазина. Сообщниц осудили на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества¹³.

Нарушителями закона становились не только сотрудники карточных бюро. При проверке предприятий, учреждений и домоуправлений города вскрывались многочисленные факты неправильной выдачи стандартных справок на иждивенцев, получались карточки на несуществующих лиц, отдельные лица получали по две карточки или карточки более высокой категории. Так, «работник прокатного цеха И. Пономарев получал карточки на ребенка, которого с апреля 1942 г. нет в городе. Работница комбината М. Головкина в течение девяти месяцев получала продовольственные карточки на ребенка, находящегося в Анненске»¹⁴.

Имели место хищения отоваренных карточек для их повторного использования. 13 января 1943 г. в 18:30 в момент, когда принятые талоны бюро несли по улице из помещения бюро в котельную бани Челябинской ГРЭС для сжигания, мешок с талонами был вырван из рук учетчицы скрывшимся неизвестным лицом. Похищено хлебных талонов 62235 шт. на 26527 кг, крупяных – 34094 шт. на 686,9 кг, жировых – 20064 шт. на 131,5 кг и мясных 11908 шт. на 328,7 кг¹⁵.

¹¹ Кириллов Н. Осуществим строгий контроль в снабжении трудящихся // Магнитогорский рабочий. 1942. 2 декабря.

¹² ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 374. Л. 36.

¹³ Расхитители промтоварных карточек // Магнитогорский рабочий. 1942. 15 декабря.

¹⁴ Кириллов Н. Осуществим строгий контроль в снабжении трудящихся // Магнитогорский рабочий. 1942. 2 декабря.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 22. Д. 22. Л.161.

Распространенным видом преступления были кражи карточек у граждан. Руководство правоохранительных органов неоднократно обращалось к населению через средства массовой информации, призывая к бдительности. Так, прокурор Н. Матвеев в газетной публикации отмечал, что «многие граждане проявляют небрежность, продолжая терять хлебные и продуктовые карточки и такой беспечностью пользуются преступники»¹⁶. Пик хищений карточек приходится на 1943-1944 гг. Порой разворачивались довольно драматичные истории. Мать троих малолетних детей Н.Н. Сафроненко обратилась к местным властям за помощью, так как у нее похищены все документы и продкарточки на февраль и стандартные справки на март. По ее заявлению была проведена проверка депутатом Орджоникидзевского городского райсовета условий жизни, которая выявила удручающее материальное положение семьи: «нет совершенно одежды, обуви, постели и никаких продуктов питания, нет даже квартиры»¹⁷, так как за время ее отсутствия квартира была занята другими жильцами. По итогам проверки депутатом райсовета было вынесено решение об оказании помощи Н.Н. Сафроненко.

Контроль за правильной выдачей карточек и их отовариванием власть возложила на контрольно-учетные бюро, ревизионные проверки осуществляли органы прокуратуры и наркомата госконтроля. В 1943 г. аппаратом Челябинского городского и районных контрольно-учетных бюро проведено 2985 проверок и установлено 1670 случаев нарушений: из них недостач и хищений 940, отпуск по запискам 29, по поддельным талонам 263, неправильная выдача карточек 185 и т.д. В результате указанных проверок установлены растраты и недостачи 55,5 т хлеба, 18,3 т мяса-рыбы, 20,6 т крупы, 2,9 т жиров, 2,8 т сахарокондитерских изделий и других товаров. Кроме того, незаконно израсходовано сверх установленных норм 3,8 т мяса-рыбы, 29 т крупы и макарон, 2,4 т жиров, 1,1 т сахара и кондитерских изделий¹⁸.

Факторами, провоцирующими хищения в сфере нормированного снабжения, были недостаточный уровень квалификации части работников контрольно-учетных бюро, нарушения регламента приема и выдачи документов, ненадежная система хранения карточек, талонов, печатей. Контролерами НКГК СССР проверкой учетных бюро в г. Челябинске выявлено, что аппарат контрольно-учетных бюро проверенными и квалифицированными работниками, знающими бухгалтер-

¹⁶ Матвеев Н. Сурово карать за хищения и продажу карточек // Магнитогорский рабочий. 1943. 8 июля.

¹⁷ ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 377. Л. 171.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 22. Д. 63. Л.102.

ский учет, не укомплектован. Из общего количества 117 чел., работающих в контрольно-учетных бюро г. Челябинска, до поступления в контрольно-учетное бюро работали: бухгалтерами и счетоводами – 16 чел., экономистами – 7 чел., адвокатами – 1 чел., педагогами – 8 чел., художниками – 1 чел. и на разной работе – 77 чел. В результате качество и оформление материалов проводимых работниками КУБ проверок и ревизий плохое. Так, из материалов проверок не видно конкретного виновника тех или иных нарушений. Учетчики, принимавшие талоны продовольственных и промтоварных карточек от материально ответственных лиц, ограничивались проведением карандашом линии по талонам, наклеенным на листы, при этом до 35-40% талонов, преимущественно на краях листов, оставались вне карандашных линий, принятые талоны специальным штампом не гасились. Принятые талоны после выписки фондового ордера сваливались в одну кучу (в Сталинском бюро сваливались в мешок, который лежал под прилавком, в Кировском – прямо в угол), где обезличивались, что не давало возможности проверить правильность подсчета талонов и выписки фондовых ордеров учетчиками. Одновременно такая практика создавала возможность хищения талонов. Контрольно-учетные бюро не только несоразмерных, но даже простых шкафов и ящиков не имели¹⁹.

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны в довольно короткий срок был осуществлен переход к нормированному снабжению, выражением которого стала карточная система. Нормированное снабжение населения советского тыла продуктами питания и промышленными товарами, обеспечив выживание людей в экстремальных условиях военного времени, привело к росту преступлений экономического характера. Усилия, предпринимавшиеся государственными органами по организации учета карточек, выявления случаев хищения и мошеннических схем, не могли быть эффективными в силу общей военной обстановки, поставившей людей на грань выживания.

Библиография

1. Данилова И.А. Реорганизация работы государственной торговой сети в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале// Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 164-170.
2. Зинич М.С. Социум и власть: решение проблем повседневной жизни в 1941-1945 годы// Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 146-154;

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 22. Д. 22. Л.160.

3. Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941-1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы туризма. 2010. № 3. С. 37.

4. Потемкина М.Н. Повседневность уральских городов в годы Великой Отечественной войны // Военная история как фактор патриотического воспитания: Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2013. С. 204-208.

5. Смирнова Л.В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 63-70.

6. Черемных О.А. Продовольственное снабжение городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 229-243.

А.В.Сперанский¹
Екатеринбург

**В ОДНОМ СТРОЮ С НАРОДОМ:
ЛИТЕРАТУРА УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье представлен творческий вклад писательских организаций Урала в разгром фашистских агрессоров. Проанализированы произведения прозы, поэзии и публицистики военных лет, написанные уральскими и эвакуированными литераторами. Показана их общественно-политическая деятельность в экстремальных условиях войны. Сделан вывод, что, несмотря на определенную идеологическую конъюнктурность, произведения военной поры отражали мысли и чувства миллионов участников Великой Отечественной войны, показывали проявляемые ими самоотверженность, стойкость и волю, освещали их героические подвиги.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, власть, литература, проза, поэзия, публицистика, творчество, издательское дело.

A.V. Speransky
Yekaterinburg

**IN THE SAME STAND WITH THE PEOPLE:
LITERATURE OF THE URALS IN THE YEARS
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article presents the creative contribution of the writers' organizations of the Urals to the defeat of the fascist aggressors. The article analyzes the works of prose, poetry and journalism of the war years, written by the Ural and evacuated writers. Shown is their social and political activities in extreme conditions of war. It was concluded that despite a certain ideological conjuncture, the works of the wartime reflected the thoughts and feelings of millions of participants in the Great Patriotic War, showed their selflessness, stamina and will, illuminated their heroic deeds.

Keywords: the Great Patriotic War, the Urals, power, literature, prose, poetry, journalism, creativity, publishing.

Война поставила на грань выживания политический режим, оформившийся в нашей стране к концу 1930-х гг. Чтобы выжить и сохранить свое господство, сталинская система вынуждена была апеллировать к народу, играть на его патриотических чувствах. Ей важно было мобилизовать все силы и средства страны, чтобы отразить нападение внешнего врага. Поэтому внутренние проблемы временно отодвигались на второй план и делалось все необходимое для консолидации общества. Опасность потери страной национальной независимости, угроза порабощения захватчиками ее населения, в свою очередь, приводили к тому, что народные массы искренне откликались на призывы власти к объединению, каждодневно подкрепляя свою готовность

¹ *Сперанский Андрей Владимирович* – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: avspersansky@mail.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-20017

к обороне конкретным героизмом на фронте и в тылу. Представители литературы в этой консолидации сил власти и народа стали своеобразным приводным ремнем, субъективно выполняя в своих произведениях требования властных структур и объективно отражая чаяния народных масс.

В произведениях уральских авторов сразу же проявилась главная черта литературы военного времени – ее страстная публицистическая направленность. Рассказы, стихи, очерки уральцев были буквально пронизаны переживанием текущего момента. Основное внимание в них обращалось на величие трудового подвига, всенародный подъем и сплоченность, дружбу людей, объединенных общими целями. Главным героем этих произведений стал простой человек, отдающий всю свою энергию, все свои силы на дело борьбы с немецким фашизмом, человек высокого гуманизма, пламенно любящий Родину и жгуче ненавидящий коварного врага. Наиболее ярко эти мотивы прозвучали в первых произведениях военных лет: очерке Х. Карима «Родина зовет», фронтовых рассказах Б. Баянова, повестях М. Петрова «За ночь» и Ф. Гладкова «Клятва», поэмах М. Карима «Ульбасай» и «Октябрьская песня», стихах Т. Шамова «Отомсти», П. Чайникова «Песня о герое», А. Бычкова «Воинская часть», Б. Михайлова «Наш ответ», «Будем зорче», «О винтовке».

В своих произведениях и писатели-уральцы, и литераторы, эвакуированные из других регионов страны, особое внимание акцентировали на разработке местной, уральской тематики. В результате Урал, ставший в годы войны настоящим «становым хребтом страны», внесший неопределимый вклад в дело победы, был всесторонне показан практически во всех жанрах литературы. Этой теме были посвящены многочисленные очерки А. Караваевой, С. Агиша («Думы старшего брата»), Г. Гумера («Бригада Накии»), книги М. Шагинян («Люди Урала», «Уральский народ», «Урал в обороне»), Ф. Гладкова («Строители боевых машин»), Б. Рябинина («Мечь Дмитрия Босого»), Е. Пермяка («Уральские записки»), Н. Рыбака («Оружие с нами»), сборник рассказов писателей Оренбуржья «Патриоты» и многие другие произведения. Все они воспевали негибавшую волю тружеников тыла, отражали великий пафос творческого труда, направленного на защиту Родины.

Тема Урала в годы войны стала важнейшим направлением поэтических произведений. Она нашла глубокое отражение в творчестве прикамцев В. Каменского и Е. Трутневой, воспевших подвиг жителей Западного Урала, удмуртского поэта-фронтовика Ф. Кедрова, поднявшего в своих стихах «Матери» и «Поверь, Родина» тему нерушимого единства фронта и тыла, в стихотворных сборниках поэтов Е. Евстиг-

неева («Под Красной звездой Отчизны») и Н. Клементьева («В тревожный час»), показавших трудовые будни Оренбуржья военной поры.²

Героический труд танкостроителей Южного и Среднего Урала, обеспечивающих фронт столь необходимым грозным оружием, нашел правдивое отображение в поэмах челябинца М. Гольдберга («Танкоград») и свердловчан К. Мурзиди и Е. Ружанского («Уралмашзавод»). Бессмертным гимном металлургам Магнитогорска, тем, кто «не спал ночей ради победы», «солдатам труда», стали стихи южноуральской поэтессы Л. Татьяничевой. Незабываем воспетый ею образ старого металлурга (стихотворение «Мастер»), осознающего то, что своим самоотверженным трудом в тылу он спасает жизнь тысячам фронтовиков, в том числе и своим сыновьям.³

С новыми произведениями на тему «Урал – в обороне» выступил в годы Великой Отечественной войны один из старейших поэтов страны, автор русского текста «Интернационала» А. Коц. Его стихи, объединенные в сборнике «Тебе, Урал», имели большое мобилизационное значение и пользовались неизменной популярностью у читателей.

Интересные поэтические произведения были созданы украинскими литераторами, эвакуированными в Башкирию. Стихи В. Сосюры («Под небом Башкирии», «Башкирский край»), П. Тычины («Гроза»), поэма М. Рьльского («Голос сына») показывали вклад Башкирии в общее дело разгрома врага, выражали глубокую и искреннюю благодарность за радушие и гостеприимство, оказанное жителями республики эвакуированным из Украины, воспевали братскую дружбу башкирского и украинского народов.

Достаточно полно в годы войны писателями и поэтами, проживавшими на Урале, была раскрыта тема исторического прошлого региона. В этот период находит своего читателя большое количество исторических очерков, выходит в свет роман И. Сигова «На старом Урале», публикуется сборник рассказов Н. Асанова «Каменный пояс», повесть В. Поповой «Семья Пирожковых» и ряд других историко-литературных произведений.

Особо отметим деятельность в этом направлении писательской организации Башкирии. Литераторы республики активно разрабатывали тематику героического прошлого своего народа, акцентируя внимание на известных персоналиях. Из-под пера Б. Бикбая вышел очерк о Гафияте Арсланове, первом башкирском Герое Советского Союза, потомке Кинзи Арсланова, воевавшего в отрядах Е. Пугачева,

²Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996. С. 155, 156.

³Дорошенко Е. Поэты – южноуральцы в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1971. С. 55.

и Ириазара Арсланова, прославившегося при обороне Севастополя во время Крымской войны 1853-1856 гг. Интерес у читателей вызвали также исторические рассказы о Салавате Юлаеве, Кинзи Арсланове, Шагите Худайбердине и других исторических личностях. В башкирской печати нашел отражение средневековый эпос, факты участия башкир в Отечественной войне 1812 г. и т. д.⁴

Произведения литературы могли сыграть мобилизующую роль, лишь став доступными огромной читательской аудитории. Для этого было необходимо их издание массовыми тиражами, что на первом этапе войны порождало серьезные проблемы. В первую очередь очень болезненно сказывалось на развитии литературы резкое падение производства бумаги. Так, к 1942 г. по сравнению с довоенным периодом оно сократилось в 4,5 раза (с 729,8 тыс. т до 165,7 тыс. т). Это вынуждало власти ограничивать выпуск книг, что, естественно, обуславливало дефицит литературных произведений. Лишь благодаря совместным усилиям властей, издательства и писательских организаций эта проблема в дальнейшем была решена. Произведения поэтов, писателей, драматургов, мобилизующие массы на борьбу с врагом, стали издаваться большими тиражами и активно доводиться до читателей.

В результате местные власти осуществляли прямой контроль за планированием всей литературной работы, активно воздействовали на определение тематики произведений, регулировали деятельность писательских организаций в заданном идеологическом направлении.

В годы Великой Отечественной войны на Урал были эвакуированы многие центральные издательства, большинство из которых разместились в крупнейшем индустриальном, административном и культурном центре региона Свердловске. С момента прибытия вся их деятельность сразу же оказалась в поле зрения партийно-государственных структур. По решению Свердловского ОК ВКП(б) и областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся на базе шести было создано крупнейшее в те годы предприятие – Объединение государственных издательств (ОГИЗ). Руководство ОГИЗа, полностью подчиненное партийным органам, старалось как можно пунктуальнее выполнять их указания, слепо следовало спускаемым «сверху» идеологическим установкам. В то же время, осуществляя контролирующую функцию, Свердловский ОК ВКП(б) оказывал объединению издательств разностороннюю помощь, особенно в увеличении бумажных ресурсов, в расширении полиграфической базы и т. п.

⁴ Свердловская область за 50 лет. Свердловск, 1984. С. 232; *Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 169; *Ожегова М.* За тридцать лет // Прикамье. 1971. № 10. С. 278.

Это давало возможность выпускать издания большими тиражами, доходящими до 50 тыс. экземпляров. Всего за период войны издательствами, базирующимися на территории Свердловской области, было выпущено 14 млн 853 тыс. экземпляров различных изданий.⁵

Конечно, многие издания не всегда отвечали высоким критериям литературного искусства, страдали идеологической зашоренностью и культовыми рецидивами. Однако большинство публикаций, несмотря на все издержки, характерные для того времени, стали заметным явлением в литературной жизни всей страны, сыграли великую роль организатора всенародной помощи фронту.

В первую очередь к таковым относились издания художественной литературы: альманахи, сборники рассказов, произведения отдельных авторов. Значительное место в уральской литературе военной поры занял альманах «Уральский современник». С первых дней войны была значительно изменена направленность публикуемых в нем произведений, чему во многом способствовало специальное решение, принятое на заседании Свердловского ОК ВКП (б). Отдельно рассмотрев 3 декабря 1941 г. вопрос «О плане издания альманаха «Уральский современник», этот руководящий орган постановил перестроить всю работу издания в соответствии с условиями военного времени. В результате содержание всех пяти номеров «Уральского современника», вышедших за период Великой Отечественной войны, было подчинено задачам общеполитической, оборонной и антифашистской пропаганды. Помимо свердловских авторов, в альманахе активно участвовали литераторы Москвы, Ленинграда и других городов. На его страницах были опубликованы один из лучших рассказов Н. Поповой «По дорогам войны», фронтовые рассказы А. Савчука, произведения многих других известных писателей и публицистов.

Заметную мобилизующую роль сыграл изданный в 1942 г. в Свердловске историко-публицистический сборник «Сталинский Урал». Наряду с традиционной для этого периода апологетикой в адрес «отца всех народов», нашедшей отражение как в самом названии сборника, так и в ряде публикаций (предисловие, написанное секретарем Свердловского ОК ВКП (б) по пропаганде и агитации И. С. Пустоваловым, статья Л. Неверова «Триумф сталинской индустриализации»), здесь были размещены историческая статья В. Данилевского «Урал в обороне Родины», публицистический очерк М. Шагинян «Люди Урала» и ряд других произведений, правдиво показавших военную действительность.

За годы войны издательства, размещенные в Свердловске, познакомили уральского читателя еще с целым рядом изданий, поднимавших

⁵Свердловская область. Страницы истории (1934 – 2014). Екатеринбург, 2014. С. 128.

проблемы славного прошлого Урала, а также воспевавших трудовую и боевую доблесть уральцев на фронте и в тылу. Изданные большими тиражами сборники очерков и рассказов «Сыны Урала», «Приблизим час победы», «Непобедимый народ», «Боевые ребята» имели огромный общественный резонанс и, безусловно, сыграли заметную роль в мобилизации тружеников тыла на всемерную помощь фронту.⁶

Но, пожалуй, самым значительным событием в литературной жизни Урала периода Великой Отечественной войны был выход в свет 7 ноября 1942 г. коллективного литературно-художественного сборника «Говорит Урал». Несмотря на чрезмерную идеологическую подчеркнутость (сборник готовился к двадцать пятой годовщине прихода большевиков к власти и, естественно, всесторонне контролировался партийными структурами), это издание решило главную задачу, четко сформулированную возглавлявшим его редакционную коллегию народным писателем Урала П. П. Бажовым: «...рассказать фронту, как живет тыл в дни великой страды». Сборник «Говорит Урал» занимает особое место в истории уральской литературы военного периода. Его создание шло в самый напряженный момент Великой Отечественной войны, когда развертывались решающие сражения под Сталинградом и исход этой грандиозной битвы был далеко не предрешен. Считалось чрезвычайно важным показать фронтовикам, что за их спиной нет никакой паники, а идет целенаправленная самоотверженная работа. Нужно было вселить уверенность в души защитников Родины, показать им, что тыл крепок и способен обеспечить всем необходимым для полного разгрома врага. В сборнике приняли участие 25 авторов, среди которых были такие известные писатели, историки, публицисты, как П. Бажов, Ф. Гладков, А. Караваева, А. Коц, В. Данилевский, Л. Младко, Л. Татьяничева, М. Шагинян, А. Барто, Ю. Верховский, Н. Попова, К. Мурзиди, О. Высотская, В. Стариков, И. Садофьев и др. На страницах сборника страстное перо литераторов показало живые, известные всей стране лица бойцов трудового фронта, передало темп и силу героического напряжения уральцев, превративших Урал в становой хребет обороны Отечества. Этот сборник наглядно продемонстрировал, что уральские писатели вышли за пределы так называемой «областной темы», а их произведения влились в общий поток литературы, «воюющей» вместе со всей страной против немецкого фашизма.

Выход в свет сборника «Говорит Урал» имел большой резонанс в литературной жизни страны. Он был одобрительно встречен центральной прессой, вызвал интерес у массового читателя. Известный

⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2320. Л. 146, 154, 155; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 101. Л. 29; ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 317. Л. 24, 25; Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 2010. С. 149, 150.

уральский литератор Б. Рябинин, являвшийся одним из авторов сборника, в своих воспоминаниях отметил его огромное мобилизующее значение. «Я видел, – вспоминает писатель, – как покупатели отходили от лотка, бережно прижимая книгу к груди, другие раскрывали и тут же, найдя, углублялись в чтение... Нет, музы не молчали. Они тоже сражались, тоже боролись за народное счастье и свободу – в поту, в огне и дыму сражений, не гнушаясь никакой черной работы».⁷

Помимо выпуска коллективных сборников, издательства, расположенные в Свердловске, активно публиковали и отдельных авторов. Читательский успех имели сборник стихов К. Мурзиди «Письма друзей», публицистические произведения Е. Пермьяка «Уральские записки», М. Шагинян «Урал в обороне», Ф. Панферова «Сыны Урала» и других авторов.

В центре внимания издательств ОГИЗа постоянно находился выпуск агитационно-пропагандистской литературы. Издавались исторические документы, теоретические брошюры, серии сборников «В бой за Родину», «В тылу врага», популяризирующие героев и события исторического прошлого нашей страны. Регулярно выходили в свет журналы «В помощь агитатору и пропагандисту» и «Блокнот агитатора». Только за первые четыре месяца 1942 г. свердловскими издательствами было реализовано 24 названия различной политикомассовой литературы общим тиражом в 725 тыс. экземпляров.

Великая Отечественная война настоятельно требовала решения не только мобилизационных агитационно-пропагандистских задач. Важно было в короткие сроки решить задачи материально-бытового обеспечения населения: максимально расширить овощную пригородную базу, осуществить скоростное размножение картофеля, улучшить отбор сортовых семян, заменить ушедших на фронт опытных производственников и т. п. В результате в годы войны резко увеличивается потребность в разного рода справочной литературе по проблемам развития сельского хозяйства. Удовлетворяя спрос, только свердловское государственное издательство и издательство сельскохозяйственной литературы за 4 месяца 1942 г. опубликовали более 20 названий специальных изданий общим тиражом 355 тыс. экземпляров. Всего за годы войны всеми свердловскими издательствами, входившими в объединение ОГИЗ, было реализовано 471 название самой различной литературы: художественной, политико-массовой, детской, сельскохозяйственной, социально-экономической и т. п.⁸

⁷ Свердловская область за 50 лет... С. 232; *Рябинин Б.* Говорит Урал // Своим оружием. М., 1961. С. 131-133, 134.

⁸ ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 250. Л. 18; Д. 317. Л. 24, 25; Д. 565. Л. 43; Д. 598. Л. 36.

В полную нагрузку в период войны работало Челябинское областное государственное издательство. Оно тоже подвергалось жесткому контролю со стороны различных управленческих структур тоталитарного государства. В частности, решением Челябинского ОК ВКП(б) в этих целях был создан специальный редакционный совет, в состав которого входили представители военного отдела и отдела пропаганды и агитации областного и городского комитетов ВКП(б), представители писательской организации, редакции «Челябинский рабочий». Членам совета вменялось в обязанность просматривать рукописи, предназначенные для публикации, отбирать лучшие из них, участвовать в планировании деятельности издательства, осуществлять строгий контроль за выполнением плановых работ. Конечно, этот совет, полностью подчиненный и зависимый от партийных структур, в большей степени выполнял роль надзирателя и стремился ориентировать работу издательства в заданном идеологическом направлении. Однако его деятельность также способствовала установлению более тесных связей издательства с авторами, позволяя точнее выявить наибольшую потребность читателя в той или иной литературе и как можно полнее удовлетворить ее. Жесткий отбор рукописей для публикации позволял не только выдерживать идеологическую направленность произведений, но и отсекал просто слабые работы, не отвечающие высоким критериям литературного жанра.

В годы войны Челябинским областным государственным издательством были опубликованы сборники художественных произведений «Штыком и пером», «Богатыри труда», «Фронт», «Боевая весна», «Огонь по врагу», «Рази врага без жалости», «В тылу как на фронте», повествующие о славных трудовых достижениях в тылу и героических подвигах южноуральцев на фронте.

Большой успех у читателей имел также сборник «Магнитогорск в дни Отечественной войны» и серия брошюр о передовиках производства Магнитогорского металлургического комбината. Эти литературные произведения были особо значимы, так как вышли из-под пера писателей-магнитогорцев, объединившихся в отдельную литературную организацию только в сентябре 1942 г.

Массовыми тиражами издавалась в Челябинской области общественно-политическая и специально-техническая литература. Только за 1942 г. Челябинздатом было реализовано 15 названий политико-массовой литературы общим тиражом 385 тыс. экземпляров, 18 названий сельхозлитературы тиражом 180 тыс. экземпляров, 13 названий художественной литературы тиражом 140 тыс. экземпляров. Всего за

1942 г. Челябинское издательство реализовало 69 названий литературы самых различных направлений.⁹

Большую мобилизующую роль в укреплении трудового энтузиазма тружеников тыла и прославлении боевого героизма фронтовиков сыграли в годы Великой Отечественной войны публикации Молотовского областного государственного издательства. Ведущая роль в литературной жизни Западного Урала принадлежала альманаху «Прикамье», на страницах которого местными и эвакуированными литераторами поднимались самые злободневные проблемы, решались труднейшие задачи поддержания боевого духа воюющего народа. Осенью 1942 г. вышел в свет самый популярный в годы войны номер этого альманаха. Он был приурочен к 25-летию большевистского правления в стране, поэтому не избежал определенной политической конъюнктуры. Но в целом его содержание соответствовало сложившейся в стране обстановке.

В альманахе приняли участие как прикамские литераторы, так и представители прозы и поэзии других регионов страны. Решая главную задачу издания – отобразить в художественных образах могучий Урал, ставший несокрушимой крепостью и оплотом борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, авторы альманаха подняли и глубоко раскрыли темы исторического прошлого Урала и его современных будней. На страницах сборника выступили известный западноуральский прозаик А. Спешиллов, ленинградские писатели М. Слонимский, Ю. Тынянов, москвичка К. Клосс. В разделе поэзии призывно прозвучали стихи А. Асанова, Б. Михайлова, Е. Трутневой и других поэтов.¹⁰

Наряду с этим, пожалуй, самым крупным за годы войны альманахом, Молотовское издательство опубликовало еще целый ряд сборников рассказов, повестей и очерков («Уральцы в боях за Родину», «За Родину», «Тыл и фронт»), выпустило отдельными изданиями стихи А. Асанова «Гневная Россия», роман А. Первенцева «Испытание», книги В. Пановой «Спутники», «Кружилиха» и много другой массово-политической, оборонной и художественной литературы. Только за период с июня 1941 г. по апрель 1943 г. Молотовское областное государственное издательство реализовало 112 названий различного рода публикаций.

Активно развивалась в годы войны литературно-издательская жизнь в Чкаловской области. Здесь действовали три издательства и шестнадцать типографий, обеспечивающих население самой разно-

⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2402. Л. 76, 76 об. ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 317. Л. 28, 29; Д. 258. Л. 5, 6, 12.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 258. Л. 5, 6.

образной литературой. После некоторого спада выпуска изданий, вызванного необходимостью перестройки издательского дела в соответствии с условиями военного времени, обозначилась явная тенденция к их количественному росту. Уже в 1942 г. все плановые задания по основным показателям были перевыполнены. Однако выпуск литературы по годам был неравномерен, что определялось условиями военного времени. Эвакуация в Чкаловскую область ряда издательств и типографий позволила к 1942 г. достичь наивысших показателей. Однако начавшийся с 1943 г. процесс реэвакуации значительно сократил объем издаваемой литературы. Тем не менее до конца 1944 г. издательства Оренбуржья выпустили для массового читателя 303 названия книг и брошюр объемом в 604 авторских листа тиражом в 3,4 млн экземпляров на сумму в 1,3 млн руб.¹¹

Условия военного времени требовали от издательств делать акцент на выпуске оборонной, пропагандистской, мобилизующей литературы. Именно такой характер носили издания, опубликованные в Оренбуржье: серия книг «Наши великие предки», повествующая о знаменитых русских полководцах и государственных деятелях прошлого; брошюра К. Карпенко «Чкаловцы в боях за Родину», показавшая эпизоды героической жизни фронтовиков (генерала Родимцева, снайпера Чегодаева, стрелка-радиста Бражникова и др.). В годы войны издательствами Чкаловской области было также напечатано несколько номеров литературно-художественного альманаха. Отдельными изданиями вышли рассказы А. Гринберг, пьесы Н. Климентьева, В. Пистоленко, очерки В. Герасимовой, фронтовые стихи И. Бортникова, Н. Сидякина и другие произведения местных и эвакуированных в Чкаловскую область авторов. Они несли в себе великую идею объединения всех духовных и материальных сил народа для решительного отпора напавшему на страну агрессору. Только за 1942 г. в Оренбуржье было опубликовано более 700 тыс. экземпляров произведений, зовущих на святую борьбу с захватчиками.¹²

Значительная работа по обеспечению населения «духовной пищей» была проделана в годы войны Башкирским книжным издательством. Здесь, как и повсюду, при выпуске в свет изданий основной акцент делался на политико-массовую, оборонную литературу. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. ее количество выросло в 8 раз, а тираж – в 26 раз. Большое распространение в массах имели сборники патриотических

¹¹ ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 258. Л. 5, 6, 12; ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 143. Л. 124, 133; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 533. Л. 7; Д. 684. Л. 31; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 281.

¹² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 684. Л. 31; ГАОО. Ф. Р-1329. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

произведений башкирских писателей и поэтов из серии «Фронт и тыл», «Библиотечка красноармейца» и др. Массовыми тиражами печатались мобилизационные произведения, сборники стихов и рассказов отдельных авторов: Р. Нигмати («Песня любви и ненависти»), Б. Бикбая («Огненные строки», «Наш город»), М. Карима («Мой конь», «Стихотворения»), А. Бикчентаева («Красные маки») и многие другие. Всего за период Великой Отечественной войны Башкирское книжное издательство опубликовало 1300 названий книг и брошюр общим тиражом более 4 млн экземпляров.¹³

Осуществлялась издательская работа и в Удмуртии. Местное издательство делало достоянием читательской аудитории литературные произведения Ф. Кедрова, М. Петрова, Т. Шмакова, Н. Ляшко, П. Чайникова и других местных и эвакуированных авторов, публиковало патриотические сборники стихов, рассказов и очерков («Мы победим», «Патриоты», «Натиск» и др.). Заметным явлением в жизни края стал выход в свет альманаха «Победная дорога» (январь 1945 г.), включившего в себя лучшую военную прозу и поэзию республики. Особое место в этой подборке новых литературных произведений, посвященной героике тыла, заняли очерки Т. Архипова «Сила народа» и «Мать», получившие наибольшее количество читательских откликов.¹⁴

Таким образом, в годы военного лихолетья всестороннее государственно-партийное воздействие на творчество писателей, поэтов, драматургов во многом соответствовало требованиям дня, стремлениям народа и желаниям самих авторов. Поэтому при всей своей заданности и конъюнктурности литературные произведения военной поры отражали мысли и чувства миллионов участников Великой Отечественной войны, показывали проявляемые ими самоотверженность, стойкость и волю, освещали их героические подвиги.

Библиография

1. *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Уфа, 1984.
2. *Дорошенко Е.* Поэты – южноуральцы в годы Великой Отечественной войны // *О писателях – земляках.* Челябинск, 1971. С. 50 – 65.
3. *Ожегова М.* За тридцать лет // *Прикамье.* 1971. № 10. С. 255 – 283.
4. *Рябинин Б.* Говорит Урал // *Своим оружием.* М., 1961. С. 121 – 134.
5. *Сперанский А.В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996.

¹³ Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 281.

¹⁴ *Сперанский А.В.* В горниле испытаний... С. 167.

А. В. Шаманаев¹
Екатеринбург

МУЗЕИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ²

Отечественная историография, посвященная деятельности музеев в начальный период Великой Отечественной войны, концентрирует внимание преимущественно на вопросах эвакуации коллекций и проблемах сохранения культурных ценностей в районах боевых действий, на оккупированной территории. Мало изучена работа музеев в тыловых районах. Архивные материалы дают возможность рассмотреть положение музеев Свердловской области в первые месяцы войны. В сжатые сроки были свернуты экспозиции, изменился характер фондовой работы, сокращены штаты. Музейные сотрудники подключились к агитационно-пропагандистской работе. Существенный вклад был внесен в обеспечение сохранения фондов музеев, выявление и сохранение материалов по истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музеи, культурное наследие, Свердловская область.

A. V. Shamanaev
Yekaterinburg

MUSEUMS OF THE SVERDLOVSK REGION IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Domestic historiography, devoted to the activities of museums in the initial period of the Great Patriotic War, focuses mainly on issues of evacuation of collections and the problems of preserving cultural values in areas of hostilities, in the occupied territory. The work of museums in the rear areas has been little studied. Archival materials make it possible to examine the state of the museums of the Sverdlovsk region in the first months of the war. In a short time, the expositions were curtailed, the nature of the fund's work changed, the staff was reduced. Museum staff joined in the propaganda work. A significant contribution was made to ensuring the preservation of museum funds, the identification and preservation of materials on the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, museums, cultural heritage, Sverdlovsk region.

Сохранение культурного наследия является одной из наиболее актуальных проблем современной глобальной цивилизации³. Наибольшая угроза безвозвратной утраты объектов историко-культурного наследия возникает в условиях военных, политических, социальных

¹ *Шаманаев Андрей Васильевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет. Екатеринбург. Россия. E-mail: shamanaev@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106.

³ *Harrison R.* Heritage: critical approaches. London; New York: Routledge. 2013. P. 67–94.

и религиозных конфликтов⁴. В современных условиях остается актуальным изучение исторического опыта спасения памятников истории и культуры, культурных ценностей, реализовавшегося в периоды мировых и локальных столкновений XX в. Особого внимания исследователей заслуживают музейные практики военного времени. Музеи, являясь местами централизованного хранения культурных ценностей, максимально подвержены рискам в зонах боевых действий, прифронтовой полосе и тыловых районах.

В годы Великой Отечественной войны советские музеи смогли сохранить значительную часть национального культурного достояния и приобрели бесценный опыт деятельности в экстремальных условиях военного времени. Обширная историография проблемы включает монографические труды обобщающего характера и работы, посвященные частным вопросам⁵. Наиболее изученными являются темы, связанные с эвакуацией культурных ценностей, положением музеев на временно оккупированных территориях, в зонах боевых действий и прифронтовых районах⁶. Существенно хуже исследована деятельность музеев глубокого тыла. Так, на фоне многочисленных публикаций о филиале Государственного Эрмитажа в г. Свердловске имеются единичные работы, рассматривающие положение местных музеев в годы Великой Отечественной войны⁷.

⁴ *Dauge V.* Post-war recovery in Cambodia // *Museum management and curatorship*. 1997. Vol. 16. № 2. P. 164–172; *Manhart C.* The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan // *American journal of archeology*. 2001. Vol. 105. № 3. P. 387–388; *Wenzel M.* Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war // *Museum management and curatorship*. 2001. Vol. 19. № 3. P. 316–331; *Lostal M.* Syria's world cultural heritage and individual criminal responsibility // *International Review of Law*. 2015. № 3. P. 1–17 (<http://dx.doi.org/10.5339/irl.2015.3>); *АлАсаад Ш.* Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // *Поволжская археология*. 2018. № 4(26). С. 222–234.

⁵ См.: *Гуркина Н. К., Исаев А. П.* Музейное дело в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // *Управленческое консультирование*. 2017. № 1. С. 178–184.

⁶ *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1990. 131 с.; *Бакуменко М. Н.* Соковича в огне войны. Минск: Беларусь, 1990. 232 с.; *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 334 с.

⁷ *Овчинникова Б. Б., Леденцова Е. К.* Музеи Урала в советской истории. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 78–81; *Агеева М. В.* Рожденный в тылу войны: Нижнетагильский музей изобразительных искусств // *Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил, 29 мая 2020 г. Екатеринбург: б/и, 2020. С. 217–223.*

Ценными источниками по истории музейного дела Свердловской области являются архивные материалы (актовые, делопроизводственные, инструктивно-методические документы) из коллекций Научного архива Свердловского областного краеведческого музея, Государственного архива Свердловской области, Центра документации общественных организаций Свердловской области, газетные публикации военного времени.

В довоенный период в Свердловской области сложилась развитая сеть музейных учреждений. В областном центре функционировали 6 разнопрофильных музеев (краеведения, антирелигиозный, революции, Я. М. Свердлова, картинная галерея, геологический), готовился к открытию дом-музей Д. Н. Мамина-Сибиряка. Еще 9 музеев действовали в городах региона (Алапаевск, Ирбит, Каменск-Уральский, Камышлов, Красноуфимск, Кушва, Невьянск, Нижний Тагил, Первоуральск)⁸.

В первые месяцы войны Свердловская область, как и другие регионы Урала, стала местом размещения людей и предприятий, эвакуированных из западных районов СССР. Местные административные органы были вынуждены экстренно удовлетворить острую потребность в жилых и производственных помещениях. В августе 1941 г. приказом заведующего областным отделом народного образования Н. Ф. Хлесткина были закрыты все районные краеведческие музеи, а также свернута деятельность большинства музейных учреждений областного центра⁹. Свердловский краеведческий музей был вынужден уступить два из трех зданий, потеряв половину занимаемых площадей. С огромным трудом коллекции были размещены на 1000 м². Однако осенью 1941 г. возникла угроза передачи последнего здания оборонному предприятию. Директору музея А. П. Курбатовой удалось сохранить помещение, но экспозиции пришлось свернуть¹⁰. Коллекции музея революции были перемещены в здание музея Я. М. Свердлова. Была прекращена деятельность музея Д. Н. Мамина-Сибиряка. Помещения картинной галереи, музеев революции и антирелигиозного передали для размещения фондов Государственного Эрмитажа¹¹.

Распоряжение НКП от 12 августа 1941 г. предписывало существенно сократить финансирование и штаты музеев¹². Так, в конце 1941–1942 гг. областной краеведческий музей обслуживали 12 сотрудников

⁸ *Овчинникова Б. Б., Леденцова Е. К.* Музеи Урала в советской истории. С. 54–63; НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 3–11.

⁹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 3.

¹⁰ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 4–4об.; Д. 221. Л. 3; Д. 235. Л. 1–3.

¹¹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 3; *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. С. 126.

¹² НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 3.

(из них 7 – технический персонал)¹³. Штат Нижнетагильского музея был сокращен до 4 человек¹⁴. Ирбитский музей остался на попечении одного директора¹⁵.

Такие условия существования музеев создавали угрозу сохранности фондов. А. П. Куратова, обосновывая право областного краеведческого музея остаться в собственном здании, указывала, что перемещение коллекций и их размещение на ограниченной площади неизбежно приведут к повреждениям и гибели значительной части артефактов¹⁶. Собрание Каменск-Уральского музея оказалось рассредоточено по 7 местам без соблюдения надлежащих условий хранения, многие предметы были утрачены¹⁷. В августе 1942 г. проверка состояния музеев Свердловска показала, что здания требуют ремонта, учреждения не готовы к работе в зимнее время (в частности, они не имели запаса топлива)¹⁸.

Несмотря на общее трудное положение учреждений культуры, летом 1942 г. было принято решение о создании музея в Ивделе. Для формирования его собрания Свердловский областной краеведческий музей выделил вещи из своей коллекции¹⁹. Мемориальный музей Я. М. Свердлова не только сохранил основную экспозицию, но и расширил все ее отделы к марту 1942 г.²⁰

В первые месяцы Великой Отечественной войны НКП РСФСР поставил перед музеями задачу переориентировать экспозиционно-выставочную работу в соответствии с потребностями военного времени. Предполагалось, что музеи примут участие в освещении актуальных событий в духе официальной пропаганды, а также усилят историко-патриотический компонент культурно-просветительской деятельности. Также Наркомпрос требовал широкого внедрения музейных форм работы: передвижные выставки, лекции, доклады²¹.

Музеи Свердловской области приняли деятельное участие в реализации требований НКП РСФСР. Областной музей краеведения летом 1941 г. организовал выставки «Героическое прошлое великого русского народа» (более 200 экспонатов) и «Из истории Гражданской войны» (24 предмета), аудитория которых составила почти

¹³ НА СОКМ. Ф. Т. Оп. 1. Д. 238. Л. 34.

¹⁴ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 3.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 15. Л. 189.

¹⁶ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 2.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 15. Л. 189.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 113.

¹⁹ Музей в Ивделе // Уральский рабочий. 1942. 10 июля. № 161 (8083). С. 2.

²⁰ Расширение экспозиции дома-музея Я. М. Свердлова // Уральский рабочий. 1942. 2 марта. № 52 (7974). С. 4.

²¹ Левыкин К. Г. Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 150.

5 000 человек²². В 1942 г. музей предлагал посетить выставки «Об Отечественной войне» и «За Сталинский урожай»²³. Значительная часть культурно-массовой работы проводилась на предприятиях, в колхозах, школах и госпиталях. В первой половине 1942 г. сотрудники музея провели 77 лекций и бесед на темы: «Славянские народы», «Как наши предки относились к иноземцам», «История Урала и его роль в обороне Родины»²⁴. Свердловский областной антирелигиозный музей в июле–августе 1941 г. оформил выставку «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма»²⁵. В 1941–1942 гг. несколько выставок были организованы областным музеем революции, в том числе «Урал – кузница боевого оружия»²⁶.

В городах Свердловской области местные музеи по мере возможности принимали участие в патриотической пропаганде. Нижнетагильский музей в первой половине 1942 г. провел 74 выездные выставки, сопровождаемые лекциями и беседами, размещал сводки Совинформбюро в окнах собственного здания²⁷. В тот же период Ирбитский музей силами единственного сотрудника смог провести 45 выездных выставок (в том числе «Урал – фронту»), сопровождавшихся лекциями и беседами в клубах и воинских частях района²⁸. В первой половине 1941 г. Алапаевский краеведческий музей провел 47 бесед почти для 2 000 посетителей. Выставку о героическом прошлом русского народа организовал Камышловский музей. В Первоуральском музее была установлена специальная витрина для размещения информации о текущем положении на фронтах. Его сотрудники подготовили выставку «Строение вселенной» для раненых бойцов Красной Армии. Аналогичную работу осуществляли и другие музеи региона²⁹.

Новым важным направлением фондовой работы музеев Свердловской области стало выявление и сохранение материалов по истории Великой Отечественной войны. Такая задача была поставлена перед музейными организациями уже в ноябре 1941 г. в директивном письме Наркомпроса³⁰.

²² НА СОКМ. Ф. Т. Оп. 1. Д. 221 Л. 7–7об.

²³ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 15. Л. 189.

²⁴ 77 лекций и бесед // Уральский рабочий. 1942. 22 июля. № 171 (8093). С. 2.

²⁵ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 4.

²⁶ Музеи в условиях Отечественной войны // Уральский рабочий. 1942. 15 июля. № 165 (8057). С. 2.

²⁷ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 5об.; ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 15. Л. 189.

²⁸ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 6об.–7; Д. 15. Л. 189; Музеи в условиях Отечественной войны. С. 2.

²⁹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 7–8об., 10.

³⁰ *Левыкин К. Г.* Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны. С. 150.

В апреле 1942 г. директор областного краеведческого музея А. П. Курбатова обратилась в Свердловский обком ВКП(б) за содействием в сборе вещественного материала по истории военного времени: плакатов, выпусков агитвитрины «В бой за Родину», фотоматериалов. Кроме того, она просила обязать руководителя областной делегации, направленной на Калининский фронт, сформировать коллекцию предметов, характеризующих действия Красной Армии (листовки, газеты, письма бойцов, фотоматериалы), и трофеев (немецкая форма, личные вещи, письма, фотографии)³¹. К июлю 1942 г. собрание краеведческого музея пополнилось 140 плакатами, 120 предметами и др.³² Областной музей революции собирал собственную коллекцию вещественных памятников военного времени, взаимодействуя со штабом 3-й гвардейской стрелковой дивизии, а также агитационные материалы, издававшиеся в Свердловской области³³.

Большое значение для развития фондовой работы, связанной с комплектованием коллекций по истории Великой Отечественной войны, сыграли методические совещания и инструкции 1942 г. Обсуждение вопросов работы музеев Свердловской области по выявлению и сохранению материалов военного периода прошло на совещании музейных работников, организованном областным отделом народного образования 27–28 апреля 1942 г.³⁴

В мае 1942 г. Президиум АН СССР принял решение об открытии Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны в Свердловске (председатель – доктор исторических наук, академик В. П. Волгин, заместители – доктор технических наук, профессор В. В. Данилевский и доктор экономических наук, академик С. Г. Струмилин)³⁵. Руководители филиала хорошо понимали роль музеев, как основных центров хранения материалов по истории военного времени³⁶. 9–11 октября 1942 г. Уральский филиал Комиссии совместно с областным советом краеведения и краеведческим музеем провел совещания музейных работников и краеведов³⁷. А. П. Курбатова, говоря о задачах музеев и краеведческих организаций по сохранению исторического наследия Великой Отечественной войны, отметила: «Каждая краеведческая организация должна задаться целью,

³¹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 13.

³² Музеи в условиях Отечественной войны. С. 2.

³³ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 31.

³⁴ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 196.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 57; Д. 11, л. 3–4; *Шаманаев А. В., Мохов А. С.* «Самый интереснейший основной источник – это сам человек»: совещание музейных работников в Свердловске 9–11 октября 1942 г. // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Екатеринбург: б/и, 2020. Ч. 2. С. 325–330.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

³⁷ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–118.

чтобы собрать все и создать из этого материала такой букет, чтобы каждый цветочек говорил, что я участвую в войне»³⁸. Кроме того, она подчеркнула, что содействие работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны является неотъемлемой частью музейной работы, которая должна осуществляться в строгом соответствии с требованиями Академии наук³⁹. Практическим результатом совещания 9–11 октября 1942 г. стали разработка и издание «Примерной программы для собирания краеведами Урала материалов по истории Великой Отечественной войны» и «Примерного перечня вещественных материалов, подлежащих собиранию краеведами Урала по истории Великой Отечественной войны»⁴⁰.

В 1941–1942 гг. музеи Свердловской области принимали посильное участие в оборонной работе. Так, сотрудники областного антирелигиозного музея подключились к деятельности райсовета по вербовке рабочей силы для предприятий, содействовали выявлению жилых площадей для размещения эвакуированных⁴¹. Ирбитский краеведческий музей передал местному аптекоуправлению информацию о местах произрастания ценных лекарственных растений⁴². Аналогичные сведения были подготовлены областным музеем краеведения⁴³. Фонды библиотеки этого учреждения активно использовались сотрудниками «Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны»⁴⁴. Областной краеведческий музей взял шефство над одним из свердловских госпиталей и предоставил для организации красного уголка мебель, ковры, картины, каслинское литье и хозяйственный инвентарь⁴⁵.

Нужно отметить, что положение музеев Свердловской области в начальный период Великой Отечественной войны было типичным для музейных учреждений глубокого тыла⁴⁶. Практически все орга-

³⁸ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7. Л. 116.

³⁹ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7. Л. 117об.

⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–40об.

⁴¹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 13об.

⁴² Музеи в условиях Отечественной войны. С. 2.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 15. Л. 217.

⁴⁴ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 15.

⁴⁵ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 7об.

⁴⁶ См. напр.: *Антипин Н. А.* Челябинский краеведческий музей. 1913–1957 гг. Челябинск: б/и, 2011. С. 32–34, 84–85, 102–103; *Овчинникова Б. Б., Леденцова Е. К.* Музеи Урала в советской истории. С. 79–80; *Белекова Э. А.* Основные направления работы Ойротского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне и Великой Отечественной войне. Горно-Алтайск, 20–23 апреля 2015 г. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 2015. С. 33–39.

низации такого рода столкнулись с сокращением финансирования и штатов, изъятием помещений, закрытием основных экспозиций. При этом музеи собственными силами проводили временные выставки, лекции, беседы на исторические, военно-патриотические темы, выявляли и сохраняли материалы по истории Великой Отечественной войны, содействовали решению оборонных задач. Несмотря на тяжелое положение, музеи Свердловской области сумели сохранить большую часть фондов, поддержали эвакуированных коллег, положили начало коллекциям материалов по истории Великой Отечественной войны.

Библиография

1. *Агеева М. В.* Рожденный в тылу войны: Нижнетагильский музей изобразительных искусств // Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил, 29 мая 2020 г. Екатеринбург: б/и, 2020. С. 217–223.
2. *АлСаад Ш.* Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // Поволжская археология. 2018. № 4(26). С. 222–234.
3. *Антипин Н. А.* Челябинский краеведческий музей. 1913–1957 гг. Челябинск: б/и, 2011. 224 с.
4. *Бакуменко М. Н.* Сокровища в огне войны. Минск: Беларусь, 1990. 232 с.
5. *Белекова Э. А.* Основные направления работы Ойротского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне и Великой Отечественной войне. Горно-Алтайск, 20–23 апреля 2015 г. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского университета, 2015. С. 33–39.
6. *Гуркина Н. К., Исаев А. П.* Музейное дело в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Управленческое консультирование. 2017. № 1. С. 178–184.
7. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 334 с.
8. *Левыкин К. Г.* Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 148–151.
9. *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1990. 131 с.
10. *Овчинникова Б. Б., Леденцова Е. К.* Музеи Урала в советской истории. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 136 с.
11. *Шаманаев А. В., Мохов А. С.* «Самый интереснейший основной источник – это сам человек»: совещание музейных работников в Свердловске 9–11 октября 1942 г. // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Екатеринбург: б/и, 2020. Ч. 2. С. 325–330.

12. *Dauge V.* Post-war recovery in Cambodia // Museum management and curatorship. 1997. Vol. 16. № 2. P. 164–172.
13. *Harrison R.* Heritage: critical approaches. London; New York: Routledge. 2013. 268 p.
14. *Lostal M.* Syria's world cultural heritage and individual criminal responsibility // International Review of Law. 2015. № 3. P. 1–17 (<http://dx.doi.org/10.5339/irl.2015.3>).
15. *Manhart C.* The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan // American journal of archeology. 2001. Vol. 105. № 3. P. 387–388.
16. *Wenzel M.* Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war // Museum management and curatorship. 2001. Vol. 19. № 3. P. 316-331.

Г.Н. Шапошников¹
Екатеринбург

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОГО ЭТАПА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ ЭЛЕКТРОСВЯЗЬ

Вторая половина XIX – начало XX веков – период формирования электросвязи в самостоятельную отрасль отечественной инфраструктуры. В статье проведен анализ отечественной литературы этого периода по проблемам информационных коммуникаций. Показана сущность дискуссий по этим вопросам, выявлены государственное и либерально критическое понимание развития электросвязи различных кругов русского общества. Отмечается, что государственное, восхвалительное понимание электросвязи правящей элиты России стало основой советской историографии.

Ключевые слова: информационные коммуникации России, историография, электросвязь, государственное и либерально-критическое направления в электросвязи.

G.N. Shaposhnikov
Yekaterinburg

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE FIRST STAGE OF THE DOMESTIC INDUSTRY ELECTRIC COMMUNICATIONS

The second half of the 19th - early 20th centuries is the period of the formation of telecommunications into an independent branch of the national infrastructure. The article analyzes the domestic literature of this period on the problems of information communications. The essence of discussions on these issues is shown, the state and liberal critical understanding of the development of telecommunications in various circles of Russian society is revealed. It is noted that the state, praising understanding of telecommunications of the ruling elite of Russia has become the basis of Soviet historiography.

Keywords: information communications of Russia, historiography, telecommunications, state and liberal - critical ideology in telecommunications.

Введение. В российской (советской) историографии тема информационных коммуникаций до сих пор остается на второстепенном месте. Даже в специализированной литературе по истории народного хозяйства нет упоминаний об отрасли связи. И тем не менее в начале XXI в. в распоряжении читателей имеются сотни изданий, так или иначе посвященных истории телеграфа, телефона, радио, ТВ, спутниковой связи и оптико-волоконных линий.

Попытаемся выделить этапы становления и развития историографии изучения отечественного телекоммуникационного комплекса. В современной исторической науке существует несколько классификаций ретроспективного анализа исторических знаний по нашей проблеме. Историк С.М. Высоков предложил интересную классификацию историографии отечественной электросвязи. Он выделил 4

¹*Шапошников Геннадий Николаевич* – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, экономики, правоведения. Уральский государственный медицинский университет; г. Екатеринбург, Россия. E-mail: hnsaposhnikov@yandex.ru

больших этапа изучения ее истории: 1. конец 30-х гг. XIX в. – 1917 г.; 2. 1917 г. – первая половина 40-х гг. XX в.; 3. вторая половина 40-х – 80-е гг. XX в.; 4. рубеж 80-90-х гг. XX в. – начало XXI в.

Автор отмечает, что эти этапы разнятся между собой по степени интенсивности изучения темы, широте источниковой базы, методологическим подходам и даже интересу властей и общества к информационным коммуникациям². Мы считаем, что начальный период историографии надо начинать не с 30-х гг. XIX в., как делает М.С. Высоков, а несколько позже – с 50–60-х гг., когда началось реальное выделение электросвязи в самостоятельную отрасль российской экономики. Этот этап пробудил общественное мнение к проблемам отрасли связи, породил огромную литературу и дискуссии по проблемам ее развития. На наш взгляд, в современной историографии этот пласт русской общественной мысли остается «темным пятном» и нуждается в особом исследовании.

Цель статьи – проанализировать первый период историографии отечественной отрасли связи, который проходил с середины XIX в. по 1917 г., показать социальную реакцию российского общества на появление новых информационных коммуникаций. Теоретическим подходом мы выбрали модернизационный концепт, источниковая база исследования – литература и опубликованные материалы прессы по проблемам российской отрасли связи второй половины XIX в.

Во второй половине XIX в. на исследователей истории отрасли связи оказали огромное влияние перемены в обществе, которые породила модернизация. Те, кто писал первые работы по истории электротехники и радио, были непосредственными участниками событий, хорошо разбирались в технических вопросах и обладали талантом публицистов. Как правило, исследования по истории связи носили восторженный характер. Именно в это время в быту инженеров и техников распространилась поговорка: «Там, где русские железные дороги и телеграфы – там и Россия». Источниковая база этих работ оставалась небольшой – в основном отчеты ГУПиТ и текущая статистика.

Всю литературу по нашей теме этого этапа можно разделить на несколько групп. Прежде всего научно-популярные статьи и книги по истории телеграфа, телефона и радио, целью которой было донести до широкой публики сведения о технике электросвязи. Особое внимание авторов в это время занимала проблема приоритета российской науки и ученых в открытии тех или иных видов электросвязи.

Среди этого массива мы особо выделяем работы М.Ю. Шеддинга, А.М. Бурухина, А.С. Стеткевича, А.И. Коузова, непосредственно

² *Высоков М.С. Электросвязь в Российской империи от зарождения до начала XX в. Южно-Сахалинск, 2003. С.5.*

посвященных истории связи³. Для этих авторов было характерно прекрасное знание техники, бережное отношение к источникам. Эти публикации заложили основу так называемого «технократического уклона» в историографии связи, так как делали упор только на технические вопросы и никак не связывали достижения телеграфии, телефонии, радио с социально-экономическими аспектами развития и культурогенезом. Эти работы сыграли огромную роль в популяризации знаний об электротехнике и просвещении целого поколения российского общества, привлекли многих молодых людей в эту отрасль.

Особое внимание авторов истории электротехники в это время занимала проблема приоритета российской науки и ученых в открытии тех или иных видов электросвязи. В третьей четверти XIX в. многие серьезные специалисты в России были убеждены, что первооткрывателями телеграфа были западные инженеры и предприниматели – В. Кук, И. Уинстон, С. Морзе и др. Восстановлению научного наследия одного из авторов телеграфа П.Л. Шиллинга были посвящены усилия академиков С.Б. Якоби⁴ и И.Х. Гамеля. В их статьях был заново оценен вклад П.Л. Шиллинга в теорию и практику телеграфии. В работах И.Х. Гамеля было аргументированно доказано, что В. Кук и И. Уинстон взяли за основу своих первых стрелочных телеграфов принципы конструкции Шиллинга.⁵ Аргументы И.Х. Гамеля легли в основу подавляющего большинства всех последующих изданий по истории телеграфии и стали фундаментом советской концепции истории связи. Доказательство приоритета России в области электромагнитных телеграфов имело не только научное и патриотическое воздействие, но и вполне практическое значение.

В 60-70-е гг. XIX в., когда на русских линиях связи стали распространяться телеграфные аппараты, Самуэль Морзе потребовал своей

³Шедлинг М.Ю. История телеграфа // ПТЖ. отд. неофиц. 1896. № 9–11; *Он же*. 25-летие телефона в России // ПТЖ, отд. неофиц. 1906. № 9; *Он же*. 50-летие телеграфов в России, как общественного средства сообщения // ПТЖ. отд. неофиц. 1905. № 4 и др.; Коузов А.И. Исторический очерк устройства телеграфного сообщения между Петербургом и Москвой // ПТЖ. отд. неофиц. 1910. № 2–3; *Его же*. Краткий обзор развития телеграфов в России в связи с ролью инженеров-электриков в почтово-телеграфном ведомстве // ПТЖ. отд. неофиц. 1915. № 9–12 и др.; Стеткевич А.С. Почта и телеграф в царствовании Александра III // ПТЖ. отд. неофиц. 1901. № 6–7; Бурухин А.М. 25-летие действия аппаратов Юза в империи // ПТЖ. отд. неофиц. 1891. № 7 и др.

⁴ Якоби Б.С. Доклад, представленный императорской академии наук профессором Б.С. Якоби 9 октября 1857 г. по работам, проведенным в области телеграфии // Почтово-телеграфный журнал. 1895. № 3, часть неофиц.; Греч Н.А. Барон П.Л. Шиллинг фон Конштадт // Северная пчела. 1853. 30 июня.

⁵ Гамель И.Х. Исторический очерк электрических телеграфов // Журнал главного управления путей сообщений и публичных зданий. 1860. Т.32, кн.6, от.П; *Его же*. Исторический очерк электрических телеграфов. СПб, 1886.

доли отчислений за их применение, как автор этой конструкции (оплаты за патентный приоритет). В ходе переписки между С. Морзе и Российским императором Александром II американскому изобретателю было указано, что именно России принадлежит первенство в открытии электромагнитных телеграфов, и в какой-либо оплате было отказано. Только под нажимом Франции Александр II согласился выплатить небольшую сумму С. Морзе, но не как изобретателю телеграфного аппарата, а как премию за распространение телеграфной связи.

В последнем десятилетии XIX в. внимание общественности было привлечено к радио. Первые публикации в отечественных журналах касались прежде всего технической стороны и описания физического эффекта передачи данных без проводов. Однако уже в это время развернулась жаркая дискуссия о приоритете этого открытия: кого считать изобретателем радио – А.С. Попова или Г. Маркони. В 1907 г. одним из учеников А.С. Попова, А.А. Петровским, была опубликована интересная брошюра «Научные основания беспроволочной телеграфии». В ней родоначальником этого вида связи был назван А.С. Попов.⁶ В ответ появилась рецензия Д.М. Сокольцова, в которой говорилось, что приписывание изобретения радио А.С. Попову, – это повторение «старой патриотической сказки», а реальный изобретатель радио – Г. Маркони⁷. Спорам вокруг первенства изобретения радио способствовала секретность, которой были окутаны все работы А.С. Попова на флоте, и негативные легенды вокруг непростой личности Г. Маркони. Российская научная общественность довольно болезненно воспринимала выпад Д.М. Сокольцова. Специальная комиссия, в которую вошли авторитетные ученые (том числе физик О.Д. Хвольсон), изучила материалы и подготовила специальный доклад о приоритете А.С. Попова в этом вопросе⁸. После этого доклада и соответствующих публикаций в прессе вопрос о русском приоритете в радио был исчерпан. Эти выводы так же, как и причисление П.Л. Шиллинга к отцам телеграфии, на восемь десятилетий определили общую направленность работ в России – СССР по истории электросвязи и радиотехники. Быстрое развитие средств передачи данных и их постоянно возрастающее значение в общественной жизни поставили вопрос о

⁶ *Петровский А.А.* Научные основания беспроволочной телеграфии. СПб, 1907.

⁷ *Соколов Д.М., Петровский А.А.* Научные основания беспроволочной телеграфии // Журнал Российского физико-химического общества. Физический отдел. 1908. Т.40. вып.1. С. 32–33.

⁸ Участие А.С. Попова в возникновении беспроволочной телеграфии. Доклад комиссии, избранной физическим отделом РФХО по вопросу о научном значении работ А.С. Попова // Журнал Русского физико-химического общества. Физический отдел. Т.41. 1909. вып. 1. С.69.

природе и социальных функциях электросвязи. Традиционные представления о том, что телеграфы – «это машина, через которую посредством разных знаков можно извещать о том, что происходит...» или «телеграфия – это производимое по нашему желанию действие, которое служит для передачи известий на большие расстояния, а механическое действие преобразуется в электрическое...» уже не удовлетворяли образованное российское общество. Споры об общественном назначении электросвязи породили вторую группу исследований и литературы.

Немецкие экономисты Г. Шетль и Э. Закс были первыми, кто обосновал идею о том, что электросвязь – это способ управления государством. Г. Шетль проанализировал природу связи на примере европейских государств, отметил, что телеграфы признаны поддерживать социальную стабильность, они могут изменить ход войны, заставить врагов сесть за стол переговоров. «Телеграфия – не техническое новшество, – писал он, – но нервная система общества».⁹ Ему вторил Э. Закс, который писал об особом значении электросвязи во всей системе управления обществом, особенно имперском, так как скоростная связь метрополии с колониями обеспечивает стабильность более надежно, чем флот. «Телеграф и телефон, – писал он, – всегда и с самого начала появились как орган власти и управления».¹⁵ Эти теоретики выступили противниками развития электросвязи частными компаниями и обосновали концепцию государственной монополии на телеграфную связь.

По их мнению, сосредоточение информационных трансляций в руках государства было необходимо, это давало наименьшие издержки в строительстве линий электропередач и содержании отрасли, устраняло параллелизм линий связи, устанавливало единую систему тарифов по всей стране. Результат государственной монополии – положительное влияние на экономику. «Все государства христианской культуры, – писал Г. Шетль, – не сожалеют об устройстве телеграфов путем госрегалии»¹⁰. (т.е. государственной монополии. Г.Ш.) Эти идеи были мгновенно подхвачены в России. Неслучайно, что русское издание книги Г. Шетля выдержало три издания, а русская элита и чиновники ГУПиТ стали рассматривать электросвязь как систему управления и пополнения бюджета.

Наряду с Г. Шетлем и Э. Заксом природу связи как экономической категории проанализировал и К. Маркс. По мнению основоположника марксизма, железные дороги и связь – не система управления, но особая промышленность – промышленность сношений, вид материального производства. В отличие от обычных отраслей промышлен-

⁹Шетль Г. Телеграф в соединении с почтой и телефон в административном и финансовом отношении. СПб, 1885. С.5.

¹⁰Закс Э. Почта, телеграф, телефон в капиталистическом хозяйстве. М., 1931. С.33.

ности связь производит невещный продукт, а ее главный эффект – в сокращении времени и пространства¹¹. Идеи К. Маркса об экономической природе связи в России до революции не получили распространения и никак не учитывались практическими работниками. Они оказались востребованными только в советское время.

Понимание связи как государственной монополии наложило отпечаток на всю литературу по проблемам отрасли в то время: Главное управление почт и телеграфов, которое относилось в Министерству внутренних дел (ГУПиТ МВД) сосредоточило в своих руках всю печатную продукцию по этому вопросу и заложило традицию написания юбилейных, восхвалительных изданий по истории отрасли. Из наиболее значимых официальных изданий того времени выделим книгу «Почта и телеграф в XIX столетии», подготовленную к празднованию столетнего юбилея Министерства внутренних дел¹². Книга давала цельную картину развития российской связи за полстолетия. Вместе с тем официальная концепция сознательно замалчивала противоречия в развитии средств передачи данных, любая критика в адрес властей пресекалась. Традиция создания юбилейных трудов, которая была заложена на рубеже XIX–XX вв., расцветет пышным цветом в советское время.

Между тем уже в конце XIX в. стало очевидно, что связь не удовлетворяет общественным потребностям и явно отстает от общих темпов развития экономики. В последние десятилетия XIX в. формировалось критическое направление отечественной историографии информационных коммуникаций. Авторами первых критических работ стали либералы-экономисты и немногие инженеры-связисты. На рубеже XIX – XX вв. Быстро сформировалось третье направление дореволюционной историографии нашей темы – либеральное, критическое. Этому способствовали активизация земского движения, реальная неспособность отрасли связи удовлетворить информационные запросы населения, особенно деловых кругов, экономические кризисы и революционная ситуация, предшествовавшая Первой русской революции. Земские деятели, представители деловых кругов открыто заговорили о серьезных недостатках в развитии информационных коммуникаций, особенно местных, о том, что понимание связи как метода пополнения казны пагубно отражается на развитии общества. Впервые в русской общественной мысли стало утверждаться мнение, что связь – это мощный фактор культурогенеза, особенно в провинции. Первыми публикациями этого направления стали работы отставного генерал-майора

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2, Т. 23. С. 395; Т. 26. Ч.1. С. 154.

¹² Почта и телеграф в XIX столетии. Министерство внутренних дел: исторический очерк. Приложение II. СПб, 1902.

К.А. Лишина, в которых он поднял вопрос о неразумно высоких тарифах на услуги связи и огромных социально-экономических и нравственных потерях, которые несет общество от неразвитой сети связи¹³. Эта критика попала на подготовленную почву. За последнее десятилетие XIX в. книга К.А. Лишина выдержала 4 издания.

В начале XX в. стали выходить работы и о тяжелых условиях труда связистов, и неудовлетворительном санитарном состоянии учреждений связи. Высокий уровень интенсивности труда, сложные производственные условия (шум от работы телеграфных аппаратов, большие физические усилия, плохое освещение и вентиляция и др.) стали трактоваться как прямые причины высокой заболеваемости в их среде¹⁴. Негативные последствия в организации рабочих мест смотрелись еще более выпукло в сравнениях труда связистов в западных странах¹⁵.

Критическое либеральное направление в отечественной историографии связи окончательно сложилось в ходе революции 1905–1907 гг. и в последующие годы нового экономического подъема. В это время российский бизнес окреп настолько, что заинтересовался новым перспективным рынком – коммуникациями. Отсюда и лавина критических статей в адрес официальных концепций ГУПиТ. Уже в годы Первой русской революции социальные проблемы отрасли выходят на первое место в сравнении с техническими. Много шума наделали публикации ответственного специалиста Одесского почтово-телеграфного округа Э. Бухгейма о тяжелом положении работников связи. В них были впервые приведены сравнительные данные по густоте почтово-телеграфной сети, продолжительности рабочего дня и производственных нагрузок, зарплате российских и западных связистов. Эти публикации имели успех, тем более что автор сделал вывод о необходимости корректировки всей государственной политики в сторону ее либерализации, снижения тарифов и допуске бизнеса к вопросам развития отрасли¹⁶.

Этот критический настрой деловых кругов, либералов и земств по вопросам развития связи еще более усилился в годы предвоенного

¹³ *Лишин К.А.* Заметки о почтово-телеграфных нуждах в провинции. 1894–1898 гг. Изд.4. СПб, 1898; См. также первую критическую статью о состоянии связи в Российской империи, опубликованную в Почтово-телеграфном журнале. *Жарков С.* Почта и телеграф в России // ПТЖ. 1986. № 4. ч. неофиц. С.367, 392.

¹⁴ *Туберкулез и почтово-телеграфные чиновники* // ПТЖ. отд. неофиц. 1906. № 6.

¹⁵ *Поморцев В.* Почтово-телеграфное ведомство Германии, Франции, Англии. Опыт врачебно-санитарного исследования. Ч.1: Германия. М., 1909. Автор в нач. XX в. занимал должность санитарного врача Московских почтамта и центрального телеграфа.

¹⁶ *Бухгейм Э.* Очерки почтово-телеграфного дела в России и за границей. М., 1906; *Его же.* Почтово-телеграфное дело в России (по поводу беседы г.г. Гужона и Дурново). М., 1906; *Его же.* К освобождению экономическому России путем ее электрификации. М., 1915 и др.

революционного подъема. Главной темой в это время выступает не столько критика правительственной политики, сколько обсуждение возможностей частного капитала в развитии средств связи¹⁷. Наибольшую общественную значимость среди работ, вышедших в 1908 – 1914 гг., имели публикации одного из ведущих сотрудников ГУПиТ, профессора Петербургского электротехнического института, известного инженера П.С. Осадчего. Располагая по роду своей деятельности всеми первичными данными и часто бывая в заграничных командировках, он собрал уникальный материал о развитии электросвязи в европейских странах и в России, смог провести научные сравнения по отчислениям госбюджетных средств на развитие связи в разных странах, сравнить густоту почтово-телеграфной сети, положения служащих почтово-телеграфных ведомств и др.

Причиной отставания отрасли от общественных потребностей П.С. Осадчий считал просчеты государственной политики и особенно остаточный принцип распределения финансов в отрасли связи. Особый интерес вызывают расчеты автора по необходимым отчислениям финансовых средств на развитие связи. Впервые в российской экономической литературе П.С. Осадчий обосновал идею о том, что для нормального развития коммуникаций в начале XX в. необходимы минимальные отчисления в этот сектор экономики в 4–5% от госбюджета ежегодно¹⁸.

На наш взгляд, работы П. Осадчего являются вершиной дореволюционной литературы по социально-экономическим вопросам коммуникаций и, по сути, положили начало новой науке в России – экономике связи. Неслучайно его труд 1908 г. широко цитировался в выступлениях депутатов III и IV Госдум, на съездах представителей торговли и промышленности и других деловых форумах. Отметим, что в дискуссиях о путях развития электросвязи в начале XX в. представители бизнеса, земств, технической интеллигенции были далеки от ультиматумов и экстремистских призывов. Однако в условиях послереволюционного экономического подъема и явного нежелания правительства вступить в диалог с либеральной оппозицией почти

¹⁷ Толлочко Л.И. (инж.) О современном состоянии телефонного сообщения в России и мерах по его улучшению. СПб., 1910; Авцин П.И. Возможные способы удовлетворения нужд России в телефонном сообщении. Доклад в отделе городского и местного самоуправления Московского отделения Российского императорского общества. М., 1911; Вилга А.Ф. Состояние телефонного дела в Швеции, Норвегии, Дании и Германии. Отчет о заграничной командировке в 1912 г. СПб., 1913 и др.

¹⁸ Осадчий П. Почтовые, телеграфные и телефонные сообщения как элемент государственного хозяйства в Европе. Опыт сравнительного статистического и экономического исследования. Вып. 1. Общий очерк. СПб., 1908. С.46.

все публикации критиков официального курса оставались излишне политизированными. В последствии эти материалы широко использовались советскими историками для обоснования «гнилости и реакционности» царского режима.

Выводы. Итак, отечественная историография отрасли связи начала формироваться одновременно с выделением электросвязи в самостоятельное общественное производство. Во второй половине XIX в. в правительственных округах утвердилось понимание электросвязи как метода управления. Такое положение было характерно для всех стран с переходной экономикой и догоняющим развитием, когда модернизация приобретает парциальный, точечный характер. При этом наличие нескольких направлений в историографии того времени и сам факт полемики переустройства отрасли связи весьма показательны. В рассматриваемый период утвердилось государственное понимание отрасли электросвязь, поскольку правящая элита России не пошла на диалог с другими направлениями. Это сработало на историческую преемственность: советская историография отрасли развивала панегирическое, восхвалительное направление и описывало только успехи в развитии отрасли.

Библиография

1. *Авцин П.И.* Возможные способы удовлетворения нужд России в телефонном сообщении. Доклад в отделе городского и местного самоуправления Московского отделения Российского императорского общества. М., 1911.
2. *Бурухин А.М.* 25-летие действия аппаратов Юза в империи // ПТЖ. отд. неофиц. 1891. № 7.
3. *Бухгейм Э.* Очерки почтово-телеграфного дела в России и заграницей. М., 1906; *Его же.* Почтово-телеграфное дело в России (по поводу беседы г.г. Гужона и Дурново). М., 1906; *Его же.* К освобождению экономическому России путем ее электрификации. М., 1915.
4. *Вилга А.Ф.* Состояние телефонного дела в Швеции, Норвегии, Дании и Германии. Отчет о заграничной командировке в 1912 г. СПб, 1913.
5. *Высоков М.С.* Электросвязь в Российской империи от зарождения до начала XX в. Южно-Сахалинск, 2003. С.5.
6. *Гамель И.Х.* Исторический очерк электрических телеграфов // Журнал главного управления путей сообщений и публичных зданий. 1860. Т.32, кн.6, от.П.
7. *Гамель И.Х.* Исторический очерк электрических телеграфов. СПб, 1886.
8. *Греч Н.А.* Барон П.Л. Шиллинг фон Конштадт // Северная пчела. 1853. 30 июня.
9. *Жарков С.* Почта и телеграф в России // ПТЖ. 1986. № 4. Ч. неофиц. С.367, 392.
10. *Закс Э.* Почта, телеграф, телефон в капиталистическом хозяйстве. М., 1931. С.33.
11. *Коузов А.И.* Краткий обзор развития телеграфов в России в связи с ролью инженеров-электриков в почтово-телеграфном ведомстве // ПТЖ. отд. неофиц. 1915. № 9–12.

12. *Коузов А.И.* Исторический очерк устройства телеграфного сообщения между Петербургом и Москвой // ПТЖ. отд. неофиц. 1910. № 2–3.
13. *Лишин К.А.* Заметки о почтово-телеграфных нуждах в провинции. 1894– 1898 гг. Изд.4. СПб., 1898.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд.2. Т.23. С.395; Т.26. Ч. 1. С. 154.
15. *Осадчий П.* Почтовые, телеграфные и телефонные сообщения как элемент государственного хозяйства в Европе. Опыт сравнительного статистического и экономического исследования. Вып. 1. Общий очерк. СПб., 1908. С.46.
16. *Петровский А.А.* Научные основания беспроволочной телеграфии. СПб., 1907.
17. *Поморцев В.* Почтово-телеграфное ведомство Германии, Франции, Англии. Опыт врачебно-санитарного исследования. Ч.1. Германия. М., 1909.
18. *Сокольников Д.М., Петровский А.А.* Научные основания беспроволочной телеграфии // Журнал Российского физико-химического общества. Физический отдел. 1908. Т.40, вып.1. С. 32–33.
19. *Стеткевич А.С.* Почта и телеграф в царствовании Александра III // ПТЖ. отд. неофиц. 1901. № 6.
20. *Толлочко Л.И.* О современном состоянии телефонного сообщения в России и мерах по его улучшению. СПб., 1910.
21. *Шедлинг М.Ю.* 50-летие телеграфов в России как общественного средства сообщения // ПТЖ. отд. неофиц. 1905. № 4.
22. *Шедлинг М.Ю.* История телеграфа // ПТЖ. отд. неофиц. 1896. № 9–11; *Он же.* 25-летие телефона в России // ПТЖ. отд. неофиц. 1906. № 9.
23. *Шетль Г.* Телеграф в соединении с почтой и телефон в административном и финансовом отношении. СПб., 1885. С.5.
24. *Якоби Б.С.* Доклад, представленный императорской академии наук профессором Б.С. Якоби 9 октября 1857 г. по работам, проведенным в области телеграфии // Почтово-телеграфный журнал. 1895. № 3. часть неофиц.

Д.В. Шуняков¹
Екатеринбург

НАГРАДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВЕТЕРАНОВ

Проанализированы воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны о наградной системе Красной армии того периода, их отношении к наградам. Сделан вывод о большом мотивационном влиянии наград на поведение военнослужащих в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, орден, медаль, наградная система, ветеран.

D. V. Shunyakov
Yekaterinburg

AWARD PRODUCTION OF THE RED ARMY IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MEMOIRS VETERANS

Memories of veterans of the great Patriotic war to the award system of the red army of that period, their attitude to awards are analyzed. The conclusion is made about the great motivational influence of awards on the behavior of soldiers during the war.

Keywords: Great Patriotic war, USSR, order, medal, award system, veteran.

Наградная система является одним из важнейших государственных атрибутов. Наградной системе сопутствует наградное производство, представляющее собой установленный законодательными актами порядок применения наград различными наградными инстанциями².

На момент начала Великой Отечественной войны наградная система включала наградные знаки (ордена, медали и нагрудные знаки) и соответствующие документы (статуты, положения, описания), правовые акты, определяющие порядок учреждения, вручения и лишения наград, а также льготы и обязанности кавалеров, и наградные органы, осуществляющие наградное производство³. Наградное производство Красной армии имело подчиненное положение к государственному. Решение о награждении принималось в Москве, кадровые органы в войсках (строевая часть в полку (дивизии), строевое отделение в корпусе и наградное отделение отдела кадров в армии) лишь оформляли

¹ *Шуняков Дмитрий Викторович* – кандидат исторических наук, доцент военного учебного центра при Уральском федеральном университете, соискатель кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: konigberg039@mail.ru

² *Запарий В.В., Шуняков Д.В.* Награды и наградная система: определения и характеристики // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18-19 октября 2018 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. Т.1. С. 333-345.

³ *Шуняков Д.В.* Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30-37.

наградные документы. После утверждения представления издавался указ Президиума ВС СССР о награждении и происходило вручение награды лично Председателем Президиума Верховного Совета в Москве⁴.

С началом войны руководство страны считало наградную систему важным стимулом в укреплении боевого духа армии и воодушевления населения. «Получить в такой момент награду, – говорил Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, – высокая честь. Это – признание того, что вы активно боретесь с врагом, это... благодарность от советского народа»⁵. Однако сосредоточение наградных полномочий в высших эшелонах власти, малое количество наград сделали наградную систему в тот период малоэффективной: во втором полугодии 1941 г. лишь треть награжденных (30,5 %) получили свои награды, 69,5 % наград остались неврученными⁶. В условиях крупномасштабных боевых действий было просто невозможно обеспечить прибытие в Москву награжденных, что резко снижало моральный стимул наградного процесса. «...обычная для мирного времени процедура вручения наград не соответствовала боевой обстановке и массовому характеру героизма» – честно написал в своей книге начальник Оперативного управления Генерального штаба, генерал-полковник С.М. Штеменко⁷.

Для повышения эффективности наградного производства были предприняты радикальные реформы. Во-первых, был серьезно расширен арсенал поощрения. Всего за годы Великой Отечественной войны для награждения военнослужащих Красной армии было учреждено 9 орденов (а с учетом их степеней – 18), 19 медалей, а также 21 наградной знак «Отличный/Отличник»⁸.

Вторым шагом стало представление наградных полномочий командующим фронтами, армиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков, которые награждали подчиненных военнослужащих не от себя, а от имени Президиума Верховного Совета, который оставил за собой право награждения высшими государственными наградами. Наградные права были дифференцированы, командующий (командир) определенного ранга производил награждение строго ограниченным перечнем наград. Так, если командир полка имел право

⁴ *Жилин В. А.* Организационное строительство Вооруженных Сил : история и современность. М. : Воентехиздат, 2002. С.234.

⁵ *Калинин М. И.* Статьи и речи (1941–1946 гг.) . М. : Политиздат, 1975. С. 105.

⁶ Данные о количестве награжденных орденами и медалями СССР за 2-е полугодие 1941 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11447. Д. 38. Л. 285.

⁷ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны : в 2 кн. М. : Воениздат, 1989. кн. 2, с. 489

⁸ *Шуныков Д.В.* Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30-37.

награждать только солдат и сержантов медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», то командующий армией, кроме того, награждал и офицеров до командира полка включительно. Его арсенал награждения, помимо медалей, был расширен орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, Славы 2-й и 3-й степени⁹.

Одновременно с предоставлением наградных полномочий командирам был изменен наградной процесс. Непосредственный начальник на отличившегося составлял наградной лист в 2 экземплярах с подробным изложением места, времени, содержания боевого отличия¹⁰. Командир танка 24-го Тацинского танкового корпуса М.Д. Чубарев вспоминает: «В зависимости от того, кто как выполнял свою задачу, так того и отмечали. Определяли это в первую очередь наши непосредственные командиры. Они делали представление к наградам»¹¹. Представление к награде составлялось как по конкретному подвигу, так и по совокупности заслуг. «Из частей в батальон, в бригаду приходят отзывы, как ты выполнил задачу, примерно: «Лейтенант Будницкий командовал в боевых условиях непрерывного обстрела, в непосредственном контакте с противником сделал проходы в минных полях», – рассказывал командир саперного взвода 3-й штурмовой инженерно-саперной бригады А.Н. Будницкий, – это все подшивалось, а потом награждали, по совокупности»¹².

Также имелись случаи и формального подхода к заполнению наградных листов. Так, разведчик 322-го гвардейского парашютно-десантного полка И.В. Воронин, спустя много лет после окончания войны, ознакомившись со своим наградным листом на орден Красной Звезды, сказал: «В моем наградном листе написано так, что мне там даже нельзя было дать и медаль «За отвагу»: я не согласен с тем, что там написано, там все очень сильно искажено. Это писарь писал в штабе, а откуда ему знать, как там все было на самом деле?»¹³

⁹ Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1941–1942 гг. / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М. : Терра, 1997. Т. 13 (2–2). С. 360–361, 384–385; Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. / под общ. ред. В. А. Золотарёва. М. : Терра, 1997. Т. 13 (2–3). С. 74–75, 83, 87–88, 136, 203–205, 247–248, 303

¹⁰ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под. общ. ред. генерала армии А. П. Белобородова. М. : Воениздат, 1963. С. 389

¹¹ Чубарев Михаил Дмитриевич (танкист) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/chubarev-mikhail-dmitrievich/>

¹² Будницкий Александр Наумович // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/budnitskiy-aleksandr-naumovich/>

¹³ Воронин Иван Васильевич (разведчик) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/voronin-ivan-vasilevich/>

Второй из наградных листов оставался в штабе части, а первый отправлялся в вышестоящие наградные инстанции. В соответствии со своими наградными полномочиями командиры (начальники) их рассматривали и утверждали (или отклоняли). Если наградные представления превышали полномочия командира (начальника), он ставил свою резолюцию и отправлял выше по инстанции. После прохождения всех наградных инстанций наградные листы поступали на утверждение в Президиум Верховного Совета СССР¹⁴. Сапер Н.С. Бин вспоминал:

«Наградные листы заполнял командир роты, дальше их передавали в штаб ВСО [Военно-строительный отряд – прим. автора], где их подписывали в штабе части и в обязательном порядке заверяли у «особиста», а потом все наградные документы отправляли в штаб инженерных войск той армии или фронта, которым мы были приданы на данный момент»¹⁵. После подписи наградного листа, соответствующий наградной орган составлял приказ о награждении. Для этого каждая войсковая часть имела свой «лицевой счет», на основании которого часть получала определенное количество наград, которые вручались после подписания приказа о награждении¹⁶.

Вручение наград командиры старались провести в торжественной обстановке, нередко с общим построением личного состава, оркестром и выносом боевых знамен. Артиллерист 1816-го самоходного артиллерийского Мозырьского полка Г.С. Корнев вспоминал о своих награждениях: «По приходу наград, если есть возможность, выстраивался полк, вручают в торжественной обстановке. А другой раз, построят, например, батарею и все»¹⁷. «А вскоре наступило 23-е февраля, и тот день в моей памяти остался как большой праздник. Нас заранее предупредили, что состоится общее построение, – вспоминал командир танкового взвода 40-й гвардейской танковой бригады Н.Н. Борисов, – И на этом митинге был зачитан приказ о награждении, и я получил свою первую награду – орден Красной Звезды»¹⁸.

Необходимо отметить и на недостатки усовершенствованной наградной вертикали. Командиры полков и бригад (непосредственных начальников солдат и сержантов) имели право награждения только медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Для награждения сол-

¹⁴ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне... С. 389.

¹⁵ *Бин Натан Соломонович* (сапер) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/bin-natan-solomonovich/>

¹⁶ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне... С. 395

¹⁷ *Корнев Григорий Сергеевич* (самоходчик) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/samokhodchiki/kornev-grigoriy-sergeevich/>.

¹⁸ *Борисов Николай Николаевич* (танкист) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/borisov-nikolay-nikolaevich/>.

дата орденом необходимо было отправлять наградные листы в вышестоящие инстанции, что требовало много времени, документы терялись, представленный к награждению мог погибнуть, быть отправлен после ранения в госпиталь или переведен в другую часть. Разведчик Н.Д. Доронин вспоминал о наградах: «Обычно доходила награда до нас так. Пока она пройдет все эти канцелярские проверки и докладные низовые от командира роты до командира полка, а там дальше – еще через дивизию и через корпус, срок ожидания награды на несколько месяцев затягивается. А то и полгода проходит, пока тебя наградят. Даже в иной раз забываешь, что тебя представили к награде»¹⁹.

Ограниченные наградные права командиров полков (бригад) приводили к тому, что многие заслуживавшие более высоких наград их не получили, а ограничивались лишь медалями. Разведчик И.В. Воронин категорично высказался: «Я считаю, что восемьдесят пять процентов тех, кто был в кровопролитнейших боях, свои заслуженные награды не получили. Тем, кто остался в живых, дали медали «За победу над Германией» и все»²⁰. Кроме того, это приводило к тому, что за одни и те же бои приказами командиров полков солдаты и сержанты уже были награждены медалями, а офицерский состав из-за длительности прохождения документов в вышестоящих наградных инстанциях еще нет.

Имелись случаи и злоупотребления наградными полномочиями со стороны командного состава. Например, командир 1593-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка полковник П.А. Щербинко незаконно награждал орденами своих родственников, а командир 64-го стрелкового корпуса генерал-майор М.Б. Анашкин незаслуженно награждал свою полевую жену, шофера и ординарца. Подобные случаи жестко пресекались военным руководством. Так, все описанные выше незаконные награждения были отменены, награды изъяты, П.А. Щербинко снят с должности и разжалован до майора, а генерал-майор М.Б. Анашкин получил строгий выговор²¹. Подобные факты снижали доверие простого солдата к командирам, о чем горечью вспоминает пулеметчик А.С. Киселев: «Приходят награды ... Кто ближе к начальству – тем больше и выше дают ордена. А кто подальше – поменьше»²².

Всего за годы Великой Отечественной войны было осуществлено около 13 млн награждений орденами и медалями²³. Отношение самих

¹⁹ Доронин Николай Дмитриевич (разведчик) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/doronin-nikolay-dmitrievich>

²⁰ Воронин Иван Васильевич (разведчик) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/voronin-ivan-vasilevich/>.

²¹ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне... С. 378.

²² Киселёв Алексей Семёнович (пулеметчик) // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/kiselyev-aleksey-semyenovich/>.

²³ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне... С. 362.

фронтовиков к наградам разнятся. Одни уверяли, что воевали не за награды, скажем, Г. Ковалевский утверждает, что: «...мы тогда о наградах не думали, как бы поесть, поспать да уцелеть»²⁴. Другие гордились наградами. Летчик-штурмовик М.Я. Романов вспоминал о начале своего боевого пути, когда еще не имел наград: «Кто-то спросил меня: «Что бы ты хотел, Миша, когда закончится война?». – «Хотел бы может хоть медаль какую получить или орденишко». – «А для чего он тебе?» – «Когда закончится война спросят: «А ты был на фронте?». Я отвечу, что да, был, воевал, вот наградили»²⁵.

Анализ воспоминаний участников войны позволяет сделать вывод о большом влиянии наградной системы на мотивацию военнослужащих на фронте. Учреждение большого количества наград с четкими, понятными критериями награждения позволяло фронтовикам оценивать свои заслуги и заслуги товарищей, что стимулировало их на совершение полезных действий (поведения) в бою и сдерживало (косвенно) от трусости, дезертирства и т.п. Несмотря на отдельные недостатки наградного производства и злоупотребления, действия руководства страны по совершенствованию наградной системы оказались действенными и своевременными. Через мотивационное влияние на военнослужащих наградная система способствовала победе в Великой Отечественной войне.

Библиография

1. *Жилин В. А.* Организационное строительство Вооруженных Сил : история и современность. М. : Воентехиздат, 2002. 584 с.
2. *Запарий В.В., Шуняков Д.В.* Награды и наградная система: определения и характеристики // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18-19 октября 2018 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрО-РАН, 2018. Т.1. С. 333-345.
3. *Шуняков Д.В.* Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30-37.
4. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны : в 2 кн. М. : Воениздат, 1989.

²⁴ *Ковалевский Геннадий.* Пешком до Берлина... За Победой // Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор». URL: <http://www.konkurs.senat.org/article/KovalGen.html>.

²⁵ *Романов Михаил Яковлевич* (летчик-штурмовик). // Федеральный портал «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/romanov-mikhail-yakovlevich/>

Е.В. Огуренко¹
Екатеринбург

КОНФЛИКТ И СОГЛАСИЕ В РАБОТЕ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.²

В исследовании предпринимается попытка рассмотреть взаимоотношения государства и архивного сообщества в контексте формирования системы управления государственными архивами Свердловской области в 1938–1945 гг. Переживаемые в рамках регионального управления конфликты и достигающееся согласие дополняют картину жизни архивного сообщества области в годы Великой Отечественной войны. Среди рассмотренных проблем: переход службы в ведение НКВД, материально-техническое снабжение и идеологические новации в деятельности архивистов. На основе анализа широкого круга источников дается оценка организации, характера деятельности службы. В заключение делается вывод о противоречии развития архивной отрасли в регионах в рассматриваемый период.

Ключевые слова: конфликт, согласие, архивное дело в СССР, архивы Урала, Управление архивами Свердловской области, НКВД.

E.V. Ogurenko
Yekaterinburg

CONFLICT AND CONSENT IN THE WORK OF THE ARCHIVAL SERVICE OF THE SVERDLOVSK REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

The study attempts to examine the relationship between the state and the archival community in the context of the formation of a system for managing the state archives of the Sverdlovsk region in 1938–1945. The conflicts experienced within the framework of the regional administration and the agreement reached complement the picture of the life of the archival community of the region during the Great Patriotic War. Among the problems considered: the transfer of the service to the NKVD, material and technical supply and ideological innovations in the activities of archivists. Based on the analysis of a wide range of sources, an assessment of the organization and the nature of the service's activities is given. In conclusion, it is concluded that there is a contradiction in the development of the archival industry in the regions in the period under review.

Keywords: Conflict, consent, archival work in the USSR, archives of the Urals, Archives Administration of the Sverdlovsk Region, NKVD.

Изучение истории отечественного архивного дела неразрывно связано с изучением отношений между архивной службой и государственной властью. Наиболее ярко они проявлялись в структуре архивных служб в регионах страны, их организации и деятельности. Исследование архивной отрасли Свердловской области позволяет раскрыть наиболее противоречивые стороны архивного строительства на Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

¹ *Огуренко Егор Владимирович* – магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия. E-mail: y.ogurenko@gmail.com

² Статья создана в рамках гранта РФФИ № 18-18-00216 «Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII–XX вв.)», 2018–2020 гг.

Концепция конфликта и согласия, включающая концептуализацию коммуникативных практик, позволяет по-новому взглянуть на восприятие советскими архивистами себя в системе государственного управления и восприятие ими войны.

Исследование архивной системы Свердловской области имеет обширную историографию советского и постсоветского периодов. Первыми исследователями работы Архивного отдела УНКВД и Свердловского облгосархива являлись его работники – А.А. Берс³, А. Букин⁴, Н. Филькенштейн⁵, В.И. Бубнов⁶. Все работы можно охарактеризовать как обзорные, преимущественно ориентированные на вовлечение новых источников в научный дискурс. В постсоветский период расширяется научная работа архивных учреждений Свердловской области. Появляются исследования, предпринимающие попытку осветить отдельные вопросы развития и деятельности государственного архива и архивной службы Свердловской области⁷, также и у академических исследователей, как, например, С.С. Меркулова⁸ и С.С. Черноуховой⁹. Перед будущими исследователями стоит задача

³ *Берс А.А.* Уральские архивы, их изучение и возможности использования // Уральское краеведение. 1927. Вып. I. С. 46–49.

⁴ *Букин А.* Из истории архивного строительства на Урале // Архивное дело. 1939. № 3. С. 58–64.

⁵ *Финкельштейн Н.* Государственный архив Свердловской области // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 153–155.

⁶ *Бубнов В.И.* 40 лет государственных архивов Свердловской области // 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск. 1958. С. 5–17; *Бубнов В.И.* Сохранить документы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1959. № 4. С. 79–83; *Бубнов В.И.* Архивы Свердловской области // В помощь краеведу. 1964. С. 67–69.

⁷ 1937-й год в архивах Урала // Архивы Урала. 1995. № 2 (4). С. 19–26; Архивная служба Свердловской области – 85 лет. Екатеринбург, 2004. 240 с.; *Сапожников А.Г.* Государственный архив Свердловской области // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 7–10; *Фокина М.А., Стручкова Н.В.* 85 лет архивной службе Свердловской области // Архивы Урала. 2004. № 1 (8). С. 268–269.

⁸ *Меркулов С.С.* Изменения структуры архивных органов Свердловской области (1934–1936 гг.) // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Международной научно-практической конференции, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 163–166.

⁹ *Черноухова С.С.* Государственные и партийные архивы Урала в 1919–1938 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2006.; Попов М.В., *Черноухова С.С.* Д.А. Киселев – руководитель Уральского областного архивного бюро в 1927–1937 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. С. 271–275; *Черноухова С.С.* «Макулатурные» кампании в Уральской области // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. Вып. 3. С. 251–259.; *Черноухова С.С.* Кадры Екатеринбургского губернского архива в 1919–1923 гг. // Историко-педагогические чтения. № 7. 2003. С. 228–233.

углубления изучения истории архивного строительства в Свердловской области в советский период.

Для наиболее объективной оценки отрасли в рамках означенного периода необходимо рассмотреть следующие проблемы: переход службы в ведение НКВД, материально-техническое обеспечение и идеологические новации в деятельности архивистов.

Переход архивной отрасли СССР в ведение НКВД сопровождалось значительной реорганизацией региональных архивных органов, которая завершилась уже в условиях Великой Отечественной войны¹⁰. Это справедливо и для архивных учреждений Свердловской области. Перед передачей архивной отрасли в ведение НКВД приказом управляющего Центрального архивного управления РСФСР была установлена структура государственных архивов и их сетей¹¹. Архивные службы состояли из двух структурных подразделений – административного (осуществляющего непосредственное руководство архивами) и инспекционного (контролирующего состояние делопроизводства и архивы ведомств, организаций, предприятий и учреждений); структура отдельных государственных архивов (исторических, Октябрьской революции и военных) дополнялась секретными отделами, содержащими архивные документы, выражаясь современным языком, ограниченного доступа.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1938 г.¹² началась реорганизация архивной системы страны. Нормативное оформление изменений задерживалось. Положение о Главном архивном управлении НКВД СССР было издано 28 января 1940 г., а объявлено было только 2 марта того же года¹³. Правила внутреннего трудового распорядка для сотрудников ГАУ НКВД и его системы были утверждены 20 марта 1941 г.¹⁴. Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР было издано 23 марта 1941 г.¹⁵. Положение об архивном отделе УНКВД и государственном архиве было издано 7 апреля 1941 г.¹⁶.

¹⁰ *Боброва В.С.* Архивное дело в Сибири (1920–1960 гг.). Омск: НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия», 2010. С. 281, 285–286.

¹¹ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М.: [б.и.], 1961. С. 162–163.

¹² *Козлитин И.П.* Архивы учреждений, организаций и предприятий СССР (законодательство и современная организация). М.: МГИАИ, 1958. С. 36–37.

¹³ Там же; Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917 – 1960: справочник. М.: МФД, 1997. С. 606–608.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 642. Л. 7.

¹⁵ Постановление СНК СССР от 29.03.1941 N 723 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20024#05885799103728493> (дата обращения: 29.08.2020).

¹⁶ *Боброва В.С.* Архивное дело в Сибири (1920–1960 гг.). Омск: НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия», 2010. С. 381.

Приказом Управления НКВД по Свердловской области от 1 июня 1939 г. Свердловское областное архивное управление при исполнительном комитете было реорганизовано в Архивный отдел Управления НКВД по Свердловской области¹⁷. Передача архивных управлений и архивов в ведение УНКВД осуществлялось по актам, составляемым комиссиями УНКВД в результате произведенных ими обследований архивных органов¹⁸. Однако и этот процесс оказался затянут. Неспешность реорганизации, по мнению некоторых исследователей, была вызвана «пассивным сопротивлением местных органов НКВД, не готовых принять на себя выполнение непривычных для них функций»¹⁹. Архивные учреждения также страдали от отсутствия должного контроля за своей работой – планы работы по отделам систематически не выполнялись²⁰.

Конфликты внутри управленческой системы в сталинский период представляются невозможными. Однако неправильно воспринимать СССР того времени как «сверхцентрализованный механизм». Внутри кажущейся «бесчеловечной» системы существовало множество лакун, где правильная или неправильная коммуникация могла повлиять на работу государственного аппарата. Архивные службы административно-территориальных образований СССР в данный период пребывали в известной степени неопределенности, постепенно перестраиваясь. За счет этого происходило постепенное обновление кадрового состава сотрудников. Формирование новых штатов на долгое время создаст проблему дисциплины.

Материально-техническое обеспечение архивных учреждений в СССР в рассматриваемый период производилось по остаточному принципу. В Свердловской области ситуация обстояла аналогичным образом. Условия хранения документов оставались несоответствующими на протяжении всего рассматриваемого периода, что становилось неоднократно предметом жалоб отдела в Управление НКВД, ГАУ, областной и городской исполнительные комитеты. К началу 1930-х гг. Свердловский областной государственный архив полностью заполнил все свои хранилища. По этой причине плановый прием документов был прекращен в 1933 г. Это приводило к заполненности архивов ведомств и гибели архивов²¹. Читальный зал архива

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 395. Л. 31.

¹⁸ Боброва В.С. Архивное дело в Сибири (1920–1960). С. 237.

¹⁹ Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы (1917 – 1980-е гг.). М. : РГГУ, 1994. С. 253.

²⁰ Архивная служба Свердловской области – 85 лет. Екатеринбург, 2004. С. 77.

²¹ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 643. Л. 8–9.

располагался в проходной комнате, где находились и рабочие места сотрудников. Одновременно с документами могли работать не более шести исследователей, из-за чего использование документов также было затруднено.

Нехватка помещений нормой не считалась. Производственные совещания отдела и архивов регулярно требовали добиться новых площадей у городских советов²². Но объективных условий для обретения новых площадей не существовало. Особенно в условиях присутствия в городе большого количества эвакуированных организаций и предприятий. Периодически между сотрудниками отдела и архива возникали конфликты, содержание которых напоминает жизнь коммунальной квартиры.

В феврале 1943 г. одним из пунктов повестки дня общего собрания сотрудников сообщал о «возмещении стоимости пролитого суфле» инспектором административно-хозяйственного отдела С.Л. Раскиной. Собрание единогласно постановило совместить стоимость пролитого суфле из расчета 30% с С.Л. Раскиной, а остальные 70% за счет коллектива²³. Интересными представляются события 11 сентября 1940 г. в Свердловском областном государственном архиве. Архивно-технический работник Шмелева позволила себе унести из архива чайник с целью его использования дома, но без ведома и разрешения администрации. Это событие вызвало в коллективе конфликт. Работник Селиванова А.Ф., поставив вопрос об ответственности коллектива за пропавший чайник, позволила себе недопустимую резкость выражений по адресу коллектива: «Душа из вас вон, а чайник найдите». Уборщица Черкасова вместо спокойного сообщения директору архива Алимову о случившемся для принятия мер стала на путь пререканий с работниками по вопросу о пропаже чайника, которые привели к взаимным оскорблениям. Старший архивный технический работник А.Н. Коробейникова в разговорах с уборщицей Черкасовой допустила оскорбительное выражение «сволочь народ», что Черкасову, принявшую это по своему адресу, оскорбило и довело до истерики, которая «почти на целый день лишила возможности спокойной, нормальной постановки работы». Это вызвало и поминование других межличностных конфликтов. Крайне невыдержанные выражения были допущены Шмелевой в отношении научной работы Чемодановой, которая некогда усомнилась в правильности выделения макулатурного материала, нашла необходимым посоветоваться с директором Алимовым и инспектором Жуковым: «Не смей жаловаться», т.е. не смей докладывать

²² ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 659. Л. 1.

²³ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 4. Л. 48.

о замеченных отклонениях в работе государственного архива. Итогом этого кризиса были санкции в отношении работников, допустивших резкие выражения. В сухом административном языке приказа было много смешанных чувств: «Приказываю ... сделать все необходимые выводы и приложить все усилия к дружной, плодотворной работе»²⁴.

Только в 1944 г., после неоднократных просьб Архивного отдела и протекции Управления НКВД, исполком Свердловского горсовета согласился на передачу отделу законсервированной с 1936 г. стройки здания Финансово-экономического техникума при условии наличия у отдела средств на достройку здания²⁵. Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся даже принял соответствующее решение № 1507 от 12 августа 1944 г. о постройке нового здания для госархива в 1944–1945 г. и просил СНК РСФСР об отпуске на это 1 млн руб.²⁶ После утверждения титульного списка на строительство архива СНК РСФСР и отношения Наркомата финансов об отпуске средств исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 859 от 27 апреля 1945 г. «Об утверждении титульного списка строительства Свердловского областного и городского государственного архива», в котором утвердил означенные документы и передал средства на строительство архива²⁷. Однако, несмотря на столь оптимистичные итоги, необходимых площадей государственный архив не получит до 1965 г., а отдельные филиалы – до 1970-х гг.

Так повседневность работы архива и архивного отдела служила благоприятной почвой для конфликтных ситуаций. Одна из постоянных зон ответственности для руководства архивных учреждений в данный период – повышение дисциплины сотрудников. Достигнуто это будет ближе к концу войны и положительно скажется на работе свердловских архивов.

Одновременно с этим изменяется идеологическая роль архивов. Если в период 1930-х гг. архивы превращались в «склады макулатуры», то в период Великой Отечественной войны возникает необходимость идеологической подпитки государственной пропаганды. В том числе на региональном материале.

Уже 9 декабря 1941 г. по государственным архивам было разослано циркулярное письмо «Об обеспечении сохранности документальных материалов», в тексте которого перечисляются основные задачи отделов госархивов, среди которых значилось «широкое и всестороннее

²⁴ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3. Л. 12–13.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 716. Л. 10.

²⁶ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 87. Л. 11–13.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 716. Л. 35.

использование документальных материалов ГАФ СССР в интересах Отечественной войны против немецких захватчиков». В другом циркуляре «О задачах научно-издательской работы отделов государственных архивов НКВД-УНКВД и государственных архивов» от 9 февраля 1942 г. говорилось о перестройке научно-издательской работы государственных архивов в соответствии с докладом И. В. Сталина на праздновании 24-й годовщины Октябрьской революции и прилагался подробный список тем, среди которых были представлены «Героизм русского народа и русской армии в борьбе за Родину: Отечественная война 1812, Гражданская война, война 1918–1920 гг.», «Зверства немецких захватчиков в прошлых войнах и современной Отечественной войне» и др. Народный комиссариат требовал как можно шире привлечь научных сотрудников госархивов к научно-издательской и агитационно-пропагандистской работе, а в подтверждение этому в десятидневный срок разработать планы научно-издательской работы отделов и государственных архивов на 1942 г. и согласовать их с местными партийными органами, научными учреждениями и издательствами. Эта отчетность предполагала указание названия сборников, монографий и брошюр, намеченных к изданию, включая наименование намечаемых лекций, докладов, выставок и радиопередач²⁸.

Подготовка сборника документов «Уральцы в Отечественной войне против немецких захватчиков в 1918 году» была завершена после многочисленных просмотров в Свердловском областном государственном издательстве (Свердлоблгизе), Государственном издательстве политической литературы (Госполитиздате) и ЦК ВКП(б) в августе 1942 г. Окончательно был принят к изданию Госполитиздатом. На протяжении последующих трех месяцев ситуация никак не развивалась, пока 26 ноября редактором Госполитиздата Г. Цвик сборник не был принят к печати. За подписью директора Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ), чьим отделом являлся Госполитиздат, П.Ф. Юдина имелось письменное указание для напечатания нескольких книг, в том числе и сборника. В час дня того же 26 ноября редактор Госполитиздата Г. Цвик, который редактировал сборник, сообщил, что заведующий производством Госполитиздата получил из Москвы от заведующего хозяйственным отделом ОГИЗ телеграмму, в которой содержался список произведений, подлежащих печати. Сборник в списке отсутствовал. В связи с чем издание снова задерживалось. Только в декабре, при нажиме со стороны УНКВД, книга была сдана и к январю 1943 г. вышла из печати²⁹.

²⁸ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 10. Л. 51.

²⁹ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 648. Л. 13, 14.

Примечательна история работы научного сотрудника Иды Моисеевны Грингот «Молодежь Урала в борьбе за Советскую Родину». Работник Архива народного хозяйства СССР в Ленинграде, после эвакуации И. М. Грингот заняла должность начальника отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства³⁰. Труд был принят к печати секретарем редакции газеты «Уральский рабочий» Неверовым, но вскоре он выехал в длительную командировку, а другим служащим редакции – Эпштейном – работа была снята и вместо нее на эту же тему была принята статья сотрудника Партархива Галины Петровны Рычковой³¹. В результате, по словам начальника архивного отдела управления НКВД по Свердловской области, «получилась очень неприятная история, создалась какая-то нездоровая конкуренция»³². Статья И. М. Грингот в дальнейшем стала основой одноименного сборника документов.

Подобная конфликтность, вырастающая из пересечения интересов разных учреждений, была характерна для сталинского периода. Однако важно отметить, что данные конфликты разрешались давлением со стороны органов НКВД по отношению к другим ведомствам. Значимость архивов внутри государственной системы тем самым повышалась.

Таким образом, задачи исследования можно считать выполненными. Переход архивной службы в ведение НКВД создал предпосылку к кадровому обновлению отрасли. Материально-техническое снабжение, будучи недостаточным, создавало сферу «перековки» работников. Изменение политики по отношению к использованию документов создавало новые конфликтные ситуации, итогом которых было торжество авторитета НКВД относительно других ведомств. В то же время развитие архивной отрасли за счет этих же самых факторов было противоречивым и не может быть однозначно охарактеризовано позитивно или негативно.

Библиография

1. *Берс А.А.* Уральские архивы, их изучение и возможности использования // Уральское краеведение. 1927. Вып. I. С. 46–49.
2. *Боброва В.С.* Архивное дело в Сибири (1920–1960 гг.). Омск: НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия», 2010.
3. *Бубнов В.И.* 40 лет государственных архивов Свердловской области // 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск : [б.и.], 1958. С. 5–17.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 648. Л. 49.

³¹ *Рычкова Г.П.* Как уральцы защищали Родину в гражданскую войну // Уральский рабочий. 1942. 21 октября. С. 2.

³² ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 648. Л. 21.

4. Бубнов В.И. Архивы Свердловской области // В помощь краеведу. 1964. С. 67–69.
5. Бубнов В.И. Сохранить документы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1959. № 4. С. 79–83.
6. Букин А. Из истории архивного строительства на Урале // Архивное дело. 1939. № 3. С. 58–64.
7. Козлитин И.П. Архивы учреждений, организаций и предприятий СССР (законодательство и современная организация). М. : МГИАИ, 1958.
8. Меркулов С.С. Изменения структуры архивных органов Свердловской области (1934–1936 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 163–166.
9. Попов М.В., Черноухова С.С. Д.А. Киселев – руководитель Уральского областного архивного бюро в 1927–1937 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. С. 271–275.
10. Сапожников А.Г. Государственный архив Свердловской области // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 7–10.
11. Финкельштейн Н. Государственный архив Свердловской области // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 153–155.
12. Фокина М.А., Стручкова Н.В. 85 лет архивной службе Свердловской области // Архивы Урала. 2004. № 1 (8). С. 268–269.
13. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы (1917 – 1980-е гг.). М. : РГГУ, 1994.
14. Черноухова С.С. «Макулатурные» кампании в Уральской области // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. Вып. 3. С. 251–259.
15. Черноухова С.С. Государственные и партийные архивы Урала в 1919–1938 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2006.
16. Черноухова С.С. Кадры Екатеринбургского губернского архива в 1919– 1923 гг. // Историко-педагогические чтения. № 7. 2003. С. 228–233.

Список сокращений

- АУВДСО – архив управления внутренних дел Свердловской области
ГААК – государственный архив Алтайского края
ГАНИПО – государственного архива новейшей истории
и общественно-политических движений Пермской области
ГАПК – государственный архив Пермского края (ГАПК)
ГАРФ – государственный архив Российской Федерации
ГАСДАО – государственный архив современной документации
Астраханской области
ГАСО – государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО – государственный архив социально-политической
истории Тюменской области
ГАТО – государственный архив Тюменской области
МГА – Магнитогорский городской архив
МИБ – материалы по истории Башкирской АССР
НАРК – государственное учреждение Республики Коми
НСБРГИА – научно-справочная библиотека Российского государственного
исторического архива.
НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив
ОГАЧО – объединенный государственный архив Челябинской области
ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории
ПСЗ РИ – полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТАМЧССО – текущий архив ГУМЧС по Свердловской области
ТАПТВСО – текущий архив пожарно-технической выставки
Свердловской области
ЦДООСО – центр документации общественных организаций
Свердловской области
ЦИАРБ – центральный исторический архив республики Башкирия

**Список
участников конференции Урал индустриальный
14 Бакунинские чтения
16–17 ноября 2020 г.**

1. **Абдрахманов Константин Алексеевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, ОГПУ, Оренбург.
2. **Аканов Куаныш Газизович** – доктор философии (PhD), старший научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки. Костанай, Казахстан.
3. **Антошин Алексей Валерьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, Екатеринбург.
4. **Артемов Евгений Тимофеевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
5. **Архангельская Лариса Васильевна** – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург.
6. **Байдин Виктор Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург.
7. **Балакин Виктор Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.
8. **Бармин Александр Вячеславович** – старший преподаватель кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург.
9. **Бессолицын Александр Алексеевич** – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт российской истории РАН, Москва.
10. **Бондарев Олег Николаевич** – начальник учебной части, заместитель начальника кафедры инженерных войск военного учебного центра УрФУ, Екатеринбург.
11. **Бородкин Леонид Иосифович** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор МГУ, Москва.
12. **Васина Ирина Ивановна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Екатеринбургского института физической культуры (филиал) УралГУФК, Екатеринбург.
13. **Васьков Дмитрий Александрович** – старший преподаватель кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург.
14. **Воронин Иван Константинович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и история государства и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск.
15. **Гарифзянов Рамиль Рафисович** – студент института истории СПбГУ, Санкт-Петербург.
16. **Гаврилов Дмитрий Васильевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

17. **Гижевский Борис Александрович** – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института физики металлов УрО РАН.
18. **Гилевич Никита Дмитриевич** – магистрант УрФУ, Екатеринбург.
19. **Голикова Светлана Викторовна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
20. **Дашкевич Людмила Александровна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
21. **Дегтярев Михаил Васильевич** – доктор технических наук, зав. лабораторией, Институт физики металлов УрО РАН.
22. **Джунджузов Степан Викторович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ОГПУ, Оренбург.
23. **Елисафенко Марина Константиновна** – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России УрГПУ, Екатеринбург.
24. **Емельянов Александр Вячеславович** – советник директора ЧУК «Музейный комплекс», Верхняя Пышма.
25. **Еробкин Илья Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург.
26. **Жайбалиева Люция Турсунгалиевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Оренбургский государственный университет, Оренбург.
27. **Журавлева Вера Анатольевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, ЮУрГУ, Златоуст.
28. **Запарий Василий Владимирович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
29. **Зипунникова Наталья Николаевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского гос. юрид. ун-та, Екатеринбург.
30. **Зыкин Иван Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Технологический институт (филиал) Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Лесной.
31. **Ившин Владислав Сергеевич** – магистрант, ассистент-исследователь кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.
32. **Исуфов Шердил Ватанович** – докторант (PhD) кафедры истории таджикского народа. Кулябский государственный университет имени Абуабдуллох Рудаки, Куляб, Республика Таджикистан.
33. **Калинов Вячеслав Викторович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, декан факультета гуманитарного образования Российского государственного университета нефти и газа, Москва.
34. **Калугина Галина Всеволодовна** – кандидат исторических наук, доцент, свободный исследователь, Екатеринбург.
35. **Каплюков Владимир Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора ЦДООСО по научно-методической работе, Екатеринбург.
36. **Капсалькова Карина Рамазановна** – кандидат исторических наук ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург.

37. **Каримов Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа, Москва.
38. **Керов Валерий Всеволодович** – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ, Москва.
39. **Килин Алексей Павлович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург.
40. **Комлев Павел Андреевич** – преподаватель, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.
41. **Корнилов Геннадий Егорович** – доктор исторических наук, заведующий центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
42. **Коровниченко Александр Александрович** – магистр истории, Алтайский государственный университет, Барнаул.
43. **Курлаев Евгений Анатольевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИИиА УрО РАН, Екатеринбург.
44. **Леоненко Евгения Геннадьевна** – преподаватель кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург.
45. **Лизунов Павел Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой. Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Северодвинск.
46. **Луковенко Павел Викторович** – студент департамента «Исторический факультет» УГИ УрФУ, Екатеринбург.
47. **Лукьянченко Сергей Сергеевич** – магистрант УрФУ, Екатеринбург.
48. **Манин Даниил Олегович** – лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.
49. **Марискин Олег Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева, Саранск.
50. **Мариупольский Андрей Михайлович** – кандидат исторических наук, доцент АлГУ, Барнаул.
51. **Мельников Никита Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
52. **Меркулова Татьяна Леонардовна** – ведущий документовед Управления по делопроизводству и общим вопросам УрФУ, Екатеринбург.
53. **Мирошниченко Мария Ильинична** – доктор исторических наук, доцент, Челябинск.
54. **Мотревич Владимир Павлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского гос. юрид. ун-та, Екатеринбург.

55. **Мохов Антон Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков УрФУ, Екатеринбург.
56. **Неклюдов Евгений Георгиевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
57. **Нефедов Сергей Александрович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
58. **Огоновская Изабелла Станиславовна** – кандидат исторических наук, специализированный учебно-научный центр УрФУ, Екатеринбург.
59. **Огуренко Егор Владимирович** – магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.
60. **Олешкевич Евгения Владимировна** – магистрант УрФУ, Екатеринбург.
61. **Петухова Ирина Валерьевна** – доцент кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург.
62. **Пименова Ксения Дмитриевна** – студентка департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.
63. **Побережников Игорь Васильевич** – доктор исторических наук, директор Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
64. **Попп Иван Александрович** – кандидат исторических наук, начальник управления научно-образовательной и проектной деятельности УрГПУ, Екатеринбург.
65. **Потемкина Марина Николаевна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск. Старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории актуальной истории; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.
66. **Пумпянская Ольга Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва.
67. **Пылаева Анастасия Евгеньевна** – магистрант, УрФУ, Екатеринбург.
68. **Редин Дмитрий Алексеевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
69. **Родионова Валентина Викторовна** – студентка, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург.
70. **Рукосуев Евгений Юрьевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
71. **Рынков Вадим Маркович** – кандидат исторических наук, директор Института истории СО РАН, Новосибирск.
72. **Рябов Сергей Михайлович** – лаборант-исследователь, УрФУ, Екатеринбург.
73. **Сафронова Алевтина Михайловна** – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург.

74. **Семерикова Ольга Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент УрФУ, Екатеринбург.

75. **Скубневский Валерий Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор АлГУ, Барнаул.

76. **Соколов Александр Станиславович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань.

77. **Сперанский Андрей Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

78. **Табулденов Алибек Нурмагамбетович** – кандидат исторических наук, доцент, директор Института экономики и права Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан.

79. **Трофимов Андрей Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии УрГЭУ, Екатеринбург.

80. **Федосеев Роман Васильевич** – доктор исторических наук, начальник отдела научных исследований Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, Саранск.

81. **Хамзин Ильдар Рашидович** – младший научный сотрудник лаборатории естественно научных методов в гуманитарных исследованиях, УрФУ, Екатеринбург.

82. **Шаманаев Андрей Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии УрФУ, Екатеринбург.

83. **Шапошников Геннадий Николаевич** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, экономики и правоведения Уральского гос. мед. ун-та, Екатеринбург.

84. **Швецов Юрий Андреевич** – магистрант, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

85. **Шишкин Глеб Игоревич** – аспирант Тюменского государственного института культуры, Тюмень.

86. **Шумкин Георгий Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

87. **Шумкина Татьяна Геннадьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления РАНХиГС, Екатеринбург.

88. **Шуныков Дмитрий Викторович** – кандидат исторических наук, доцент военного учебного центра УрФУ, Екатеринбург.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Артемов Е. Т.</i> АТОМНЫЙ ПРОЕКТ В СИСТЕМЕ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	5
<i>Балакин В.С., Комлев П.А.</i> ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВУЗОВ В СССР (1975-1985 ГГ.): ИНЕРЦИЯ ИЛИ НОВАЦИИ?	13
<i>Бородкин Л.И.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	22
<i>Побережников И.В.</i> ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	30
<i>Трофимов А.В.</i> ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН НА МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	39

Секция 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

<i>Абдрахманов К.А.</i> СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ РОССИЙСКИХ КУПЦОВ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ	48
<i>Байдин В.И.</i> О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ТАЙНОГО СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА А. Н. ДЕМИДОВА	56
<i>Васьков Д.А.</i> СОЛЕДОБЫЧА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XVIII ВВ	75
<i>Воронин И.К.</i> РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА (XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНА XIX В.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	88
<i>Джунджузов С. В.</i> СКЛАДЫВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	96
<i>Курлаев Е.А.</i> О СТАТИСТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ПУШЕК НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.	104
<i>Нефедов С.А.</i> «БОЛЬШОЙ ВЫЗОВ» ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ	113
<i>Редин Д.А.</i> ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА В. И. ГЕННИНА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА В 1720-е – НАЧАЛЕ 1730-х гг.	122
<i>Сафронова А. М.</i> ПЕРВЫЕ ЛЕКАРСКИЕ УЧЕНИКИ ПРИ КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА (1722–1734 гг.)	131

<i>Ившин В.С.</i> ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОГО ГЛОССАРИЯ О ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЙ А. С. ШИШКОВА	142
<i>Манин Д.О.</i> РОССИЯ НА ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЯХ В КИТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА	152
<i>Пылаева А.Е.</i> К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА В СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА)	161
<i>Рябов С. М.</i> МЕСТО И СТАТУС СМОЛЕНСКОЙ ШЛЯХТЫ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XVII–XVIII вв.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.....	168
<i>Швецов Ю.А.</i> ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОМ НЕПЛЮЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ПРИ НИКОЛАЕ I	179

Секция 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

<i>Антошин А. В.</i> ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСПЕКТОРОВ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.....	187
<i>Архангельская Л.В.</i> УЧАСТИЕ ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.....	196
<i>Бармин А.В.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ В 80 – 90-Е гг. XIX в	203
<i>Бессолицын А.А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.....	211
<i>Васина И.И.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА.....	220
<i>Голикова С.В.</i> «УПЛОТНЕНИЕ»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ УЧИЛИЩНЫХ ЗДАНИЙ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЛЯ НУЖД АРМИИ	229
<i>Дашкевич Л. А.</i> ЗЕМСКОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв	238
<i>Елисафенко М.К.</i> БОРЬБА С БЕЗГРАМОТНОСТЬЮ В ЗЕМСКИХ ГУБЕРНИЯХ УРАЛА.....	248
<i>Емельянов А.В.</i> ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914-1917 гг.....	256

<i>Еробкин И.Е., Калугина Г.В., Петухова И.В.</i> ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА РАБОЧИХ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА И ИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.....	268
<i>Керов В.В.</i> СТАРООБРЯДЧЕСТВО И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1918 г.: УРАЛ В СОПОСТАВЛЕНИИ И С ЦЕНТРОМ И ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ.....	273
<i>Лизунов П.В.</i> БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ «НЕПРИЯТНОСТИ» БАНКИРСКОГО ДОМА «Г. ВАВЕЛЬБЕРГ».....	279
<i>Марискин О.И.</i> НАЛОГИ С ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	291
<i>Неклюдов Е.Г.</i> ПОПЫТКИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ МЕХАНИЧЕСКОЙ ФАБРИКИ И МОНЕТНОГО ДВОРА В 1870–1880-е гг.....	298
<i>Попп И.А.</i> МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРИГАНСКИХ ВОЛОСТНЫХ СУДЕЙ ИРБИТСКОГО УЕЗДА В 1884 г.....	305
<i>Рышков В.М.</i> УРАЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1918–1920 гг.).....	314
<i>Рукоусев Е.Ю.</i> ПЛАТИНОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	321
<i>Скубневский В.А., Мариупольский А.М.</i> РЫНОК СПИРТНЫХ НАПИТКОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 60-70-е гг. XIX ВЕКА.....	332
<i>Федосеев Р.В.</i> СОСТОЯНИЕ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ДВОРЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	340
<i>Шумкин Г.Н., Шумкина Т.Г.</i> ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ В ОТРАЖЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ ГОРНОГО УЧЕНОГО КОМИТЕТА.....	353
<i>Гарифзянов Р.Р.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ г. ТРОИЦКА).....	362
<i>Гилевич Н.Д.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИСОЕДИНЕНИИ НОВГОРОДА В ОБОБЩАЮЩИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТАХ (1840-е гг. – 1917 г.).....	373
<i>Родионова В. В.</i> ЗЕМСКИЕ ВРАЧИ КРАСНОУФИМСКОГО УЕЗДА В 1870–1890 гг.....	382
<i>Хамзин И.Р.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КЛИМАТА И ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ УРАЛА.....	387

Секция 3

СССР И УРАЛ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 1920–1930-х гг.

<i>Аканов К.Г.</i> ОРЕНБУРГ В ГОСУДАРСТВЕННОМ НАЦИЕ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КИРГИЗСКОЙ (КАЗАХСКОЙ) АССР (ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ)	394
<i>Жайбалиева Л.Т.</i> ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОРЕНБУРЖЬЯ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К НЭПУ	404
<i>Журавлева В.А., Мирошниченко М.И.</i> СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗЛАТОУСТА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1939 г.).....	410
<i>Каплюков В.В.</i> ДОКУМЕНТЫ ЦДООСО ОБ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТАХ И РАБОЧИХ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930 гг.....	418
<i>Каримов О.В., Калинов В.В., Пумпянская О.В.</i> УРАЛЬЦЫ – УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939 гг.)	430
<i>Килин А. П.</i> ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ УКЛАД В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	438
<i>Коровниченко А.А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОРОЖНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СССР В 1920-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ)	447
<i>Семерикова О.М.</i> ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В УРАЛЬСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУНАХ В 1920-е гг.....	453
<i>Соколов А.С.</i> ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1924 г. НА УРАЛЕ	459
<i>Табулденов А.Н.</i> РОЛЬ ДЕПОРТИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1930-1940-х гг.....	469
<i>Луковенко П.В.</i> РАЗВИТИЕ ОБРАЗА «ФАШИСТСКОЙ ПОЛЬШИ» В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1920-х – 1930-х гг.....	483
<i>Лукьянченко С.С.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	489
<i>Пименова К.Д.</i> АРХИТЕКТУРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПЕЧАТНОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»).....	495
<i>Шишкин Г.И.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УРАЛЬСКОГО ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ПЕРИОДА НЭП В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	505

Секция 4

СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

<i>Бондарев О.Н.</i> ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.....	511
<i>Гаврилов Д.В.</i> УРОКИ 1941 ГОДА: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА ВОЙН ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ.....	517
<i>Гижевский Б.А., Дегтярев М.В., Мельников Н.Н.</i> БРОНЕВАЯ СТАЛЬ СРЕДНИХ ТАНКОВ И САМОХОДНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ УСТАНОВОК КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	531
<i>Запарий Вас.В.</i> ПОСЕЩЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ИНЖЕНЕРАМИ БРОНЕВОГО ЦЕХА КОМПАНИИ «ФОРД МОТОР» В ДЕТРОЙТЕ 26 ФЕВРАЛЯ 1945 г. И ОЗНАКОМЛЕНИЕ ИХ С ТЕХНОЛОГИЕЙ ТЕРМИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ БРОНИ.....	540
<i>Зипунникова Н.Н., Калинина А.В.</i> ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИХ ЮРИСТОВ (1935–1946 гг.) НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ).....	547
<i>Зыкин И. В.</i> ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	557
<i>Исуфов Ш.В.</i> МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	564
<i>Корнилов Г.Е.</i> ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ РАЙОНОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВКЛАД УРАЛА.....	568
<i>Мельников Н.Н.</i> ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	584
<i>Меркулова Т.Л.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В УРАЛЬСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.....	590
<i>Мотревич В. П.</i> ЧИСЛЕННОСТЬ И ЗАРПЛАТА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	598
<i>Мохов А. С., Капсалькова К. Р.</i> ВОСПОМИНАНИЯ ДИРЕКТОРА ПОЛТАВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В. Г. КОРОЛЕНКО КАК ИСТОЧНИК ОБ ЭВАКУАЦИИ МУЗЕЯ В СВЕРДЛОВСК В 1941 г.....	603
<i>Огоновская И.С.</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: СКУПАЯ СТАТИСТИКА УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ПОЛЕВСКОГО И ПОЛЕВСКОГО РАЙОНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	611

Потемкина М.Н. НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ КАРТОЧНОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	624
Сперанский А.В. В ОДНОМ СТРОЮ С НАРОДОМ: ЛИТЕРАТУРА УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	632
Шаманаев А. В. МУЗЕИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	643
Шапошников Г.Н. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОГО ЭТАПА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ ЭЛЕКТРОСВЯЗЬ	652
Шуняков Д.В. НАГРАДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВЕТЕРАНОВ.....	662
Огуренко Е.В. КОНФЛИКТ И СОГЛАСИЕ В РАБОТЕ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.....	668
Список сокращений	677
Список участников.....	678
Содержание.....	683

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ
XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

16–17 НОЯБРЯ 2020 г.

ТОМ 1

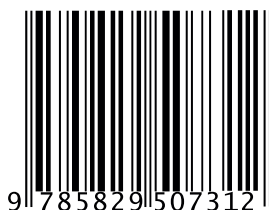
Сборник научных статей
Главный редактор д-р ист. наук, профессор В.В. Запарий

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Уральского гуманитарного Института УрФУ

ISBN 978-5-8295-0730-5

ISBN 978-5-8295-0731-2

Подписано в печать 23.10.2020. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times. Усл.печ.л 43,06. Уч. изд. л. 45,48.
Тираж 500 экз. (1-й завод 300 экз.) Заказ 7005.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел.: (343) 362-91-16, 362-91-17